Э. К. Ватсонъ.

ЭТЮДЫ и ОЧЕРКИ

ПО ОБЩЕСТВЕННЫМЪ ВОПРОСАМЪ

(СЪ ПОРТРЕТОМЪ И БІОГРАФІЕЙ АВТОРА).

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Типографія И. Н. Скороходова (Надеждинская, 43).
1892.

ПАМЯТИ Э. К. ВАТСОНА.

Съ искреннею грустью взялся я за перо, чтобы написать нѣсколько вступительныхъ строкъ къ собраннымъ въ этой книгѣ трудамъ покойнаго Ватсона—человѣка, который и былъ близокъ мнѣ лично, и принадлежалъ вообще къ тѣмъ немногимъ, чья смерть всегда оставляетъ прискорбный пробѣлъ въ обществѣ.

Эрнстъ Карловичъ Ватсонъ родился 1-го января 1839 г. въ г. Волоколамскѣ, гдѣ отецъ его служилъ въ ту пору лекаремъ. Болѣе отдаленные предки его были шотландцы по происхожденію, какъ свидѣтельствуетъ любопытный старинный документъ, находившійся въ рукахъ покойнаго и который, по желанію его, будетъ переданъ въ Публичную Библіотеку. Сильно пожелтѣвшій отъ времени пергаментъ, съ виньеткой, затѣйливо разрисованной до сихъ поръ отлично сохранившимися красками, представляетъ изъ себя рекомендательную грамату, помѣченную 15-мъ іюля 1633 г. Грамата эта была выдана одному изъ предковъ Э. К., нѣкоему Якову Ватсону, и гласитъ (конечно, по латыни): «Всѣхъ и каждаго, до свѣдѣнія которыхъ дойдетъ сія грамата наша, а особливо гражданскихъ чиновниковъ, сенаторовъ и гражданъ благороднаго города Столпена въ Герцогствѣ Померанскомъ, всепокорнѣйше просятъ консулы, дворяне, судьи и духовные Зелькирхійской области (которая есть главная провинція Шотландскаго Королевства) принять сію грамату съ должнымъ одобреніемъ, и да низпошлется благодарность, миръ и спасеніе на тѣхъ, которые повѣрятъ этой граматѣ... Такъ какъ Яковъ Ватсонъ, уважаемый всѣми мужъ и гражданинъ нашъ, а за нѣсколько лѣтъ передъ симъ жившій въ вашемъ городѣ, просилъ насъ чтобы мы засвидѣтельствовали вамъ

о томъ, что касается до его происхожденія и воспитанія, то мы, не желая отказать ему въ столь справедливомъ требованіи созвали въ нашу преторію четверыхъ изъ самыхъ именитыхъ нашихъ сограждан[ъ]», и т. д., и т. д. Затѣмъ идетъ длинный перечень шотландскихъ предковъ упомянутаго Якова Ватсона по мужской и женской линіи. Изъ Помераніи потомки Якова Ватсона переселились въ Россію, въ лифляндскую и курляндскую губ. Отецъ Э. К., однако, обрусѣлъ уже совсѣмъ, слушалъ курсъ въ московскомъ университетѣ, былъ уѣзднымъ лекаремъ и дожилъ до преклонныхъ лѣтъ. Мать Э. К., урожденная Зедергольмъ, сердечная, добрѣйшая женщина, умерла рано отъ аневризма.

Дѣтство свое Э. К. провелъ при родителяхъ въ московской, смоленской и курской губерніяхъ. Въ 1848 г., 9-ти лѣтъ, онъ былъ привезенъ въ Москву и отданъ здѣсь во 2-ю московскую гимназію (въ 50-хъ годахъ единственную классическую во всемъ московскомъ учебномъ округѣ). Не смотря на крайнюю молодость, Э. К. шелъ въ гимназіи отлично, и въ 1856 г. окончилъ въ ней курсъ съ золотой медалью и съ правомъ поступить въ университетъ безъ экзамена. Лѣтомъ онъ уѣхалъ на «кондицію»; впрочемъ, еще въ гимназіи, съ 14 лѣтъ, началъ онъ давать уроки и могъ справедливо гордиться серебряными часами, купленными имъ на столь раннія трудовыя деньги. Въ 1856 г. Ватсонъ поступилъ въ московскій университетъ на историко-филологическій факультетъ, по которому и окончилъ курсъ въ іюнѣ 1860 г., со степенью кандидата. Уже въ бытность свою въ университетѣ онъ отличался и позже присущей ему общительностью: всегда онъ былъ готовъ провести часъ другой въ дружескомъ кружкѣ, и любилъ играть въ шахматы, карты и на билліардѣ. Особенно увлекался онъ оперой—бывало, чуть-ли не каждый день спозаранку забирался въ раекъ, гдѣ мѣсто въ тѣ далекія времена стоило всего гривенникъ. Но при этомъ и занятія въ университетѣ шли у него прекрасно, хотя онъ бралъ вовсе не прилежаніемъ, а хорошими способностями и превосходною памятью, нисколько не ослабѣвавшею и до конца его жизни.

Мѣсяцъ спустя по окончаніи университета, по рекомендаціи тогдашняго декана факультета С. М. Соловьева, Э. К. былъ приглашенъ учителемъ исторіи всеобщей и русской въ старшіе классы 1-го московскаго кадетскаго корпуса, гдѣ молодой учитель — ему было всего 21 годъ—имѣлъ многихъ учениковъ старше его самого.

Впрочемъ, педагогическая дѣятельность Э. К. продолжалась недолго, и, оставивъ ее, онъ исключительно посвятилъ себя литературѣ и публицистикѣ. Съ этихъ поръ непрерывно двадцать лѣтъ—съ 1861 по 1881 годъ—продолжается его работа на этомъ поприщѣ, гдѣ онъ является неутомимымъ и талантливымъ дѣятелемъ въ нѣсколькихъ періодическихъ изданіяхъ въ качествѣ публициста, обозрѣвателя политическихъ современныхъ событій, автора солидныхъ сочиненій, каковы «Обзоры» бельгійской, голландской и піэмонтской конституцій, «Эпилогъ прусско-французской войны» и др. (нѣкоторыя изъ нихъ напечатаны въ настоящемъ изданіи),—наконецъ помощника редактора и полнаго замѣстителя этого послѣдняго въ его отсутствіи... Но непрерывная и многолѣтняя журнальная работа—работа, какъ извѣстно, весьма тяжелая вообще, а для Ватсона въ послѣднія шесть лѣтъ этого двадцатилѣтія происходившая даже безъ всякаго отдыха и отлучки изъ Петербурга, — наконецъ совершенно надорвала его силы; потому что, какъ говорилъ онъ иногда со своимъ добродушнымъ юморомъ, для него, какъ для каторжниковъ, въ году насчитывалось не болѣе четырехъ, пяти дней праздничныхъ — Рождество, Новый годъ, Пасха. Въ виду обнаружившагося сильнѣйшаго переутомленія, врачи поспѣшили предписать ему безусловный отдыхъ отъ умственныхъ занятій и заграничную поѣздку. Пробывъ полгода въ Гіерѣ, теплый климатъ котораго вполнѣ возстановилъ упавшія силы больнаго, Ватсонъ вернулся въ Петербургъ въ іюнѣ 1881 г., но онъ уже не засталъ здѣсь газеты «Молвы», въ которой работалъ въ послѣднее время и которая прекратилась весной этого же года. Съ тѣхъ поръ журнальная дѣятельность его почти прекращается, вслѣдствіе недостатка въ работѣ. Нѣсколько мѣсяцевъ завѣдыванія «Земскимъ обозрѣніемъ» въ «Голосѣ», нѣсколько фельетоновъ по иностранной общественной жизни въ «Русскихъ Вѣдомостяхъ», нѣсколько десятковъ «Политической хроники» въ «Недѣлѣ», три, четыре статьи и болѣе или менѣе крупные переводы въ «Заграничномъ Вѣстникѣ», въ «Изящной Литературѣ», въ «Русской Мысли», въ «Сѣверномъ Вѣстникѣ», въ «Восходѣ» (прежде «Еврейская Библіотека»)—вотъ и весь собственно журнальный вкладъ Э. К. за послѣднія десять лѣтъ. Но, независимо отъ этого, отлично владѣя иностранными языками—нѣмецкимъ, французскимъ, англійскимъ, итальянскимъ—и будучи прекраснымъ знатокомъ русскаго

языка, Э. К. обогатилъ и книжную переводную литературу нѣсколькими цѣнными произведеніями. Самымъ капитальнымъ трудомъ его въ этой области является сдѣланный имъ въ 1883 г. и остающійся, можно сказать, «классическимъ» переводъ всѣхъ романовъ Виктора Гюго (кромѣ «Les Misérables»), къ которому можно присоединить и «Новыя Вѣянія» (Moderne Geister) Брандеса и «Очерки современной психологіи» Поля Бурже — переводъ, въ которомъ самымъ яркимъ образомъ обнаружились огромныя достоинства Ватсона, какъ переводчика чисто беллетристическихъ сочиненій: вѣрность духу и внѣшней формѣ подлинника, сила и изящество въ стилистическомъ отношеніи, строгая добросовѣстность работы.

Упомянемъ здѣсь же, забѣгая нѣсколько впередъ, что въ 1890 г. Э. К. написалъ для изданія Павленкова: «Жизнь замѣчательныхъ людей» прекрасную біографію Шопенгауера, и подготовилъ матеріалы для двухъ другихъ біографій: Беккаріи и Саванаролы; но смерть прервала эти занятія... Не забудемъ также, что собственно литературная дѣятельность Ватсона соединялась и съ общественною, выражавшеюся работами по литературному фонду. Относясь какъ нельзя болѣе сочувственно къ этому учрежденію, Э. К. занималъ въ немъ «комитетскія» должности — секретаря и казначея и почти постоянно выбирался общимъ собраніемъ въ члены ревизіонной коммисіи. Энергія и добросовѣстность, которыя составляли такія отличительныя черты этой натуры, выказывались во всемъ блескѣ и здѣсь,—и литературный фондъ имѣлъ полное основаніе видѣть въ Ватсонѣ при жизни и оплакивать въ немъ послѣ его смерти одного изъ своихъ полезнѣйшихъ сотрудниковъ...

Послѣднее десятилѣтіе жизни Ватсона было и самымъ тяжелымъ періодомъ его жизни: на его долю выпали за это время всяческія гоненія судьбы. Но все это онъ сносилъ терпѣливо и мужественно. Какъ истинно гуманный человѣкъ, онъ не могъ озлобиться: въ душѣ его было слишкомъ много любви и благожелательства къ людямъ, и хотя его угнетала постоянно неувѣренность въ будущемъ и даже въ «завтрашнемъ днѣ», хотя заботы матеріальныя и страданія нравственныя не переставали грызть его, онъ не терялъ, однако, ни бодрости, ни вѣры, и любилъ повторять избранный имъ себѣ девизъ:

«Wenn etwas ist gewalt'ger als das Schicksal,
So ist's der Muth, der's unerschüttert trägt».

Онъ былъ изъ тѣхъ, которые совершенно согласны съ изреченіемъ поэта: «Богиня дать не можетъ благъ земныхъ, слуга ея умѣй сносить лишенья»,—а лишеній пришлось ему перенести не мало въ послѣдніе годы его жизни. Вотъ что онъ, напр., писалъ женѣ (Э. К. былъ женатъ два раза; отъ перваго брака у него было двое дѣтей, второй бракъ былъ бездѣтный): «Я опять сижу безъ гроша, хотя, какъ я уже писалъ тебѣ, я до того обтерпѣлся, до того привыкъ къ этому положенію, становящимся для меня нормальнымъ, что мирюсь съ нимъ довольно легко. Вотъ только непріятно бываетъ, когда въ теченіи нѣсколькихъ дней не на что папиросы купить. Остальное для меня все ни по чемъ. Непріятно еще, когда не хватаетъ денегъ на марку, для писанія тебѣ, но и изъ этого положенія кой-какъ изворачиваюсь». Главное же его мучила безработица: «Читаешь, читаешь», пишетъ Э. К. изъ Севастополя, гдѣ онъ проводилъ лѣто 1888 г. у родственниковъ— «чуть ли не по 10 часовъ въ сутки, купаешься, ѣшь, гуляешь— все это очень хорошо, для инаго было бы даже вполнѣ идеальнымъ образомъ жизни, но меня это, конечно, не можетъ удовлетворить, и я страшно скучаю по работѣ и отчасти, конечно, также и по заработку . . . . . .
. . . . . .
А если уже не будетъ никакой работы, то примусь за писаніе моихъ мемуаровъ, о чемъ я давно подумываю: если это не дастъ мнѣ хлѣба, то это спасетъ меня отъ тоски бездѣлья, а послѣ моей смерти ты или дѣти когда-нибудь напечатаютъ ихъ, и можете получить еще гонораръ. Все-таки хоть крохотное наслѣдство... Не сердись, не сердись, я шучу».

25 Мая 1887 г., Э. К. въ день 25-тилѣтней годовщины его литературной дѣятельности, находясь въ деревнѣ у сестры, былъ обрадованъ крайне сочувственнымъ письменнымъ привѣтомъ, присланнымъ ему его петербургскими литературными друзьями и почитателями, и нѣсколькими письмами изъ разныхъ мѣстъ. Приводимъ упомянутое коллективное письмо, въ которомъ ясно выразился взглядъ литературныхъ единомышленниковъ Э. К. на его безупречную литературную дѣятельность.

«Глубокоуважаемый Эрнстъ Карловичъ! Двадцать пять лѣтъ тому назадъ выступили вы на литературное поприще и съ тѣхъ поръ неизмѣнно оставались на немъ однимъ изъ самыхъ почтенныхъ дѣятелей. Честность и непоколебимость вашихъ убѣжденій, твердо выдерживавшія напоръ самыхъ неблагопріятныхъ обстоятельствъ, талантливое и въ высшей степени добросовѣстное примѣненіе къ дѣлу вашихъ многосторонникъ знаній и способностей, неусыпное охраненіе вами—всюду, гдѣ представлялись для васъ къ тому возможность и случай—лучшихъ литературныхъ традицій,—все это пріобрѣло вамъ искреннѣйшее уваженіе всѣхъ единомышленниковъ вашихъ, всѣхъ тѣхъ, для которыхъ, какъ для васъ, дорого дѣло литературы въ истинномъ значеніи этого слова. Они же привыкли высоко цѣнить и любить въ васъ прямого, искренняго, теплаго человѣка, который и въ житейскомъ отношеніи нигдѣ и никогда не поступался своими благородными мыслями и чувствами.

«Примите же сегодня, въ двадцатипятилѣтнюю годовщину вашей прекрасной дѣятельности, нашъ сердечный, искренній привѣтъ, заключающій въ себѣ и благодарность за все, сдѣланное вами, и желаніе, чтобъ долго еще физическія силы позволяли вамъ сохранить силы духовныя въ той ненарушимости, которою онѣ отличались до сихъ поръ, и служить ими обществу съ прежнею энергіею, прежнимъ умѣньемъ и прежнею пользою».

Однако, эти добрыя пожеланія друзей его не осуществились. Уже съ осени 1890 г. и безъ того расшатанное здоровье Э. К. окончательно подалось, и въ январѣ 1891 г. онъ заболѣлъ мучительными припадками острой астмы, осложненной аневризмомъ аорты. Прохворавъ всю зиму, онъ 10-го мая выѣхалъ изъ Петербурга, но по дорогѣ въ имѣніе сестры въ тульскую губ., скончался 12-го мая, въ 11 ч. утра, въ Москвѣ, отъ разрыва аневризма. Тѣло его было перевезено въ Петербургъ, гдѣ и похоронено на Волковомъ кладбищѣ, на «литературныхъ мосткахъ».

Собственно мои близкія, дружескія отношенія къ Э. К—чу завязались больше чѣмъ за двадцать пять лѣтъ до его смерти и сохранялись ненарушимыми до той минуты, когда судьба точно нарочно послала меня на нѣсколько дней въ Москву, чтобы я присутствовалъ почти при послѣднемъ вздохѣ его... За эти двадцать пять съ лишнимъ лѣтъ видѣлъ я Ватсона и въ самомъ кипучемъ разгарѣ его литературной и журнальной дѣятельности, а слѣдовательно и среди матеріальнаго благосостоянія, видѣлъ и «не у дѣлъ», въ печальные и долгіе дни безработицы, соединенной съ тяжкими лишеніями—и могу положительно утверждать, что никакія житейскія перемѣны, никакія возвышенія или паденія не вліяли

на его нравственный и умственный складъ, на его воззрѣнія относительно жизни. А этотъ складъ, эти воззрѣнія были таковы, что если всегда и всюду благотворны они, какъ способствующіе къ распространенію хоть въ части общества лучшихъ идеаловъ и стремленій, то особенно настоятельная необходимость въ существованіи ихъ представляется именно теперь, въ эту плачевную пору всевозможныхъ и безпрерывныхъ сдѣлокъ съ совѣстью, или безцеремонныхъ нарушеній ея безъ всякихъ компромисовъ. «Честь есть честь», говоритъ маіоръ Тельгеймъ въ «Миннѣ Барнгельмъ» Лессинга; «честный человѣкъ долженъ быть совершенно честный человѣкъ», замѣчаетъ фонъ-Визинскій Стародумъ,—и мнѣ кажется, что эти оба, очень характеристическія, опредѣленія какъ нельзя больше подходятъ въ настоящемъ случаѣ, какъ нельзя лучше примѣняются къ Ватсону. Честь и честность понималъ онъ именно по Лессинговски и фонъ-Визиновски,—въ ихъ, такъ сказать, абсолютномъ и цѣльномъ значеніи, безъ всякихъ «но», «впрочемъ» и т. п. оговорокъ, безъ всякихъ оттѣнковъ, видоизмѣненій, тѣхъ или другихъ окрасокъ. Съ этой честностью, составлявшей органическое и существеннѣйшее свойство натуры покойнаго и бывшей главною причиною непоколебимости его нравственныхъ воззрѣній, находились въ тѣсной связи, вызывая тотъ же результатъ, два другихъ свойства — энергія и устойчивость, проявлявшіяся и тамъ, гдѣ приходилось дѣйствовать, и въ тѣхъ случаяхъ, когда обстоятельства заставляли ихъ принимать пассивный характеръ. Еще за нѣсколько дней до смерти Э. К. внесъ въ свою записную книжку стихи Альфреда Виньи:

Gémir, pleurer, prier est également lâche;
Fais énergiquement ta longue et lourde tâche,
Puis après, comme moi, souffre et meurs sans parler,

и эти слова могутъ служить характеристическимъ эпиграфомъ для дѣйствій Ватсона именно въ этомъ отношеніи.

Свои взгляды на жизнь, на ея нравственныя задачи онъ цѣликомъ перенесъ—и до послѣдней минуты ненарушимо хранилъ—въ свою литературную дѣятельность; можно безошибочно ручаться, что во всемъ, написанномъ имъ, не найдется ни одной строки обнаруживающей хотя небольшой разладъ между человѣкомъ и писателемъ. Но честность въ литературѣ совсѣмъ не то, что честность въ жизни: являясь въ первомъ случаѣ одинокою, безъ со-

провожденія ея другими, столько же какъ она необходимыми, достоинствами, эта честность остается свойствомъ безполезнымъ и непроизводительнымъ, и «gute Leute und schlechte Musikanten» (т. е. добрые люди и скверные музыканты) для литературы дѣятели совсѣмъ лишніе. Ватсонъ былъ и добрый человѣкъ, и хорошій музыкантъ. Литературныя вообще и публицистическія въ частности способности его, состоявшія въ умѣніи уловлять все существенное въ предметѣ, освѣщать его съ точки зрѣнія не узкой партійности, а широкой человѣчности, талантливо обобщать мелкія частности, облекать мысли свои не только въ общепонятную, но и строго литературную, даже изящную форму,—эти способности находили себѣ очень важное подспорье въ качествахъ, весьма рѣдкихъ въ современномъ русскомъ литераторѣ—широкомъ образованіи, вообще близкомъ знакомствѣ со всѣми образцовыми произведеніями европейской литературы, глубоко серьезномъ отношеніи къ читаемому и узнаваемому. Какъ именно примѣнялъ на дѣлѣ покойный собратъ нашъ эти способности и эти качества — тому краснорѣчивымъ свидѣтельствомъ являются собранныя въ настоящей книгѣ статьи; а кто прочтетъ и другіе, не вошедшіе сюда (и поименованные выше) труды его, тотъ, надѣемся, еще болѣе убѣдится въ справедливости нашихъ замѣчаній.

На Волковомъ кладбищѣ, среди могилъ, все въ большемъ и большемъ количествѣ ютящихся около такъ называемыхъ «литературныхъ мостковъ», могила Ватсона изъ тѣхъ, предъ которыми останавливаешься съ разнообразными и глубоко запечатлѣвшимися въ душѣ чувствами любви, уваженія, симпатіи, состраданія. Умиротворяющимъ и вмѣстѣ ободряющимъ видѣніемъ встаетъ передъ вами образъ этого добраго словомъ и дѣломъ, непоколебимаго въ преданности своимъ идеаламъ и въ тоже время полнаго просвѣщенной терпимости къ чужимъ мнѣніямъ, лишь бы они не противорѣчили основнымъ требованіямъ честности, этого, смотря по обстоятельствамъ твердаго какъ желѣзо и мягкаго какъ воскъ человѣка, этого благороднаго и талантливаго писателя.

Петръ Вейнбергъ.

Февраль
1892 г.

ПРУССКОЕ ПРАВИТЕЛЬСТВО
и
ПРУССКАЯ КОНСТИТУЦІЯ.

Послѣднія событія въ Пруссіи, распущеніе палаты и замѣна относительно-либеральнаго министерства совершенно реакціонернымъ, казались весьма странными многимъ русскимъ и не-русскимъ политикамъ: они находили необъяснимое противорѣчіе между конституціонными поступками короля Вильгельма I. Но они не хотятъ понять, что Вильгельмъ I не можетъ поступать иначе, потому что онъ дѣйствуетъ совершенно согласно съ монархическими традиціями, которымъ не можетъ измѣнить никакой самодержавный государь. Было бы напротивъ странно, еслибы Вильгельмъ I забылъ политику Фридриха II, Фридриха-Вильгельма III, Фридриха-Вильгельма IV, и сдѣлался бы конституціоннымъ государемъ, какъ королева Викторія англійская, или король Леопольдъ бельгійскій, не имѣющіе за собой никакихъ монархическихъ традицій. Подобно Стюартамъ на англійскомъ престолѣ, подобно реставрированнымъ Бурбонамъ во Франціи, прусскіе короли остаются государями строго монархическими, не смотря на существованіе конституціонныхъ учрежденій въ ихъ государствѣ, и, повторяемъ, было бы странно, еслибы они превратились въ королей, подчиняющихся рѣшеніямъ своихъ палатъ. Правда, мы видимъ подобныя превращенія въ Италіи, гдѣ пьемонтскіе короли серьезно подчинили свою личную волю рѣшеніямъ большинства, да пожалуй еще въ Тунисѣ, гдѣ бей строго соблюдаетъ дарованную имъ конституцію. Но, какъ мы увидимъ ниже, короли прусскіе сами неоднократно высказывали мысль, что истинно конституціонныя учрежденія противны германскому духу; слѣдовательно то, что годится для итальянцевъ или для тунисцевъ, совершенно непригодно для серьезной и ученой

Германіи, и поэтому было бы въ высшей степени странно, еслибы король Вильгельмъ I въ управленіи государствомъ слѣдовалъ примѣру Виктора-Эммануила или тунисскаго бея.

Чтобы доказать справедливость только-что высказаннаго нами мнѣнія, считаемъ не лишнимъ прослѣдить въ бѣгломъ очеркѣ развитіе конституціонныхъ стремленій въ прусскомъ народѣ и судьбу конституціонныхъ учрежденій въ прусскомъ государствѣ. Мы увидимъ, какъ, начиная съ 1815 года, въ теченіе 30-ти лѣтъ прусское правительство упорно отказывалось даровать своимъ подданнымъ горячо желаемую и громко требуемую ими конституцію; какъ рѣшившись наконецъ дать ее, оно все-таки продолжаетъ считать себя правительствомъ строго монархическимъ, и какъ оно съумѣло при существованіи конституціи ввести систему правленія болѣе стѣснительную, нежели та, которая существовала до изданія ея; наконецъ мы покажемъ, что и послѣ паденія мантейфелева министерства, во время регентства, прусское правительство, хотя и въ менѣе рѣзкихъ проявленіяхъ, оставалось вѣрно своимъ традиціоннымъ, анти-конституціоннымъ принципамъ, которые болѣе замѣтнымъ образомъ высказались въ послѣднихъ поступкахъ Вильгельма I.

Если идеи 1789 года мало коснулись Пруссіи, то несчастія, постигшія ее въ началѣ нынѣшняго столѣтія, лучше всего убѣдили ее въ неудовлетворительности существовавшей въ ней системы и возбудили стремленія къ иной формѣ правленія, — стремленія, правда еще смутныя и неопредѣленныя. Правительство, находясь въ самомъ стѣсненномъ и бѣдственномъ положеніи, не хотѣло, да и не могло подавить этихъ пробуждающихся стремленій. 1813 годъ возбудилъ еще болѣе пламенныя надежды германскихъ и прусскихъ патріотовъ; правда, что тогдашнія стремленія и надежды прусскихъ патріотовъ нѣсколько разнились отъ послѣдующихъ и настоящихъ. Въ то время они не столько заботились о введеніи лучшаго образа правленія у себя дома, въ Пруссіи, сколько мечтали объ созданіи единой, свободной Германіи, во главѣ которой стояла бы Пруссія. Но имъ очень скоро пришлось отказаться отъ всякихъ надеждъ на образованіе и расширеніе германской имперіи, и они съ тѣмъ большимъ энтузіазмомъ обратились къ мысли о внутреннемъ развитіи Пруссіи подъ сѣнію конституціонныхъ учрежденій. Казалось, что король Фридрихъ-Вильгельмъ III, сблизившійся съ своимъ на-

родомъ въ годы несчастія и энергическаго стремленія къ сверженію ненавистнаго ига, не прочь былъ исполнить отчасти эти желанія своихъ подданныхъ: по крайней мѣрѣ 22-го марта 1815 года, во время пребыванія своего въ Вѣнѣ, онъ издалъ декретъ, въ которомъ обѣщалъ народу «право представительства». Однако врядъ ли король и въ то время серьезно думалъ объ исполненіи обѣщаній, данныхъ въ декретѣ 22-го мая, потому что уже четыре мѣсяца спустя (21-го сентября) онъ подписывалъ актъ Священнаго союза, имѣвшаго между прочимъ цѣлью сохранить во всей неприкосновенности самодержавныя права участвовавшихъ въ немъ государей, относительно подвластныхъ имъ народовъ Немудрено поэтому, что партія, совѣтовавшая королю обратиться на конституціонный путь, должна была вскорѣ уступить австрійскому вліянію. Личный характеръ короля игралъ немаловажную роль въ отношеніяхъ его къ различнымъ партіямъ и ихъ стремленіямъ: онъ былъ человѣкъ сдержанный, умѣренный и выше всего ставилъ порядокъ и спокойствіе; а печальная судьба, испытанная имъ въ продолженіе многихъ лѣтъ, заставила его еще болѣе дорожить тишиною и спокойствіемъ. Очень понятно, что ему не нравились требованія прусской партіи движенія, которая требовала отъ короля энергіи, дѣятельности и даже борьбы за то что она называла правымъ дѣломъ. Однако же онъ не хотѣлъ разорвать слишкомъ круто связь съ прежними либеральными своими совѣтниками, оказавшими ему столь важныя услуги въ тяжелые дни. Онъ оставилъ при дворѣ Вильгельма фонъ-Гумбольдта и генерала Бойена, хотя очень рѣдко пользовался ихъ совѣтами. Главнымъ же руководителемъ короля въ дѣлахъ внѣшней и внутренней политики сдѣлался эластическій Гарденбергъ, который пошелъ бы по стопамъ Штейна, еслибъ король того захотѣлъ, но который теперь, сообразно съ вкусами короля, усвоилъ себѣ вполнѣ меттерниховскую политику.

Либеральное движеніе, остановленное такимъ образомъ сверху, продолжалось однако очень замѣтно въ нижнихъ слояхъ прусскаго общества. Но оно часто принимало ложное направленіе; оно не находило себѣ лучшаго проявленія, какъ въ комическихъ гимнастическихъ упражненіяхъ почтеннаго профессора Яна. Однако реакціонная партія въ Пруссіи не дремала: она старательно заботилась о томъ, чтобы выставить безвредные постулки прусскихъ

и германскихъ патріотовъ вредными и опасными, пугать робкаго короля страшилищемъ революціи, побуждать его къ строгимъ мѣрамъ и повести къ преслѣдованію совершенно безвредныхъ людей, въ родѣ Яна.

Чтобы согласовать свою внутреннюю политику, германскія правительства, не исключая Австріи и Пруссіи, назначили съѣздъ своихъ представителей въ Карльсбадѣ, и здѣсь-то были составлены знаменитыя карльсбадскія постановленія, состоявшія въ слѣдующемъ: 1) цензура дѣлалась строже и печать подвергалась самому строгому надзору; 2) самостоятельность университетовъ прекращалась: они подчинялись правительственному коммиссару, пользовавшемуся неограниченными правами; буршеншафты были строжайше запрещены; 3) въ Майнцѣ учреждалась центральная слѣдственная коммиссія, имѣвшая цѣлью открыть настоящій заговоръ. Эти постановленія, подъ которыми красовалась между прочимъ и подпись прусскаго министра Гарденберга, имѣли слѣдовательно силу и для Пруссіи. Конечно, майнцскія разъисканія не повели ни къ чему иному, какъ къ многочисленнымъ арестамъ и къ накопленію цѣлыхъ кипъ бумагъ, и кончились отрѣшеніемъ нѣкоторыхъ профессоровъ и запрещеніемъ нѣкоторыхъ періодическихъ изданій.

Заговора, при всемъ стараніи, нельзя было открыть, потому что его не было ни въ Пруссіи, ни въ Германіи; но голоса, требовавшіе конституціи, продолжали раздаваться въ Пруссіи, хотя постоянно безуспѣшно. Еще въ 1817 году Гёрресъ, бывшій издатель запрещеннаго правительствомъ изданія, вручилъ Гарденбергу адресъ города Кобленца, въ которомъ выражалось требованіе, чтобы обѣщанная конституція была приведена въ исполненіе. Въ 1819 году тотъ же Гёрресъ издалъ пламенный памфлетъ подъ заглавіемъ «Германія и революція», въ которомъ онъ совѣтовалъ германскимъ государямъ поступать такъ, чтобы дѣло дѣйствительно не дошло до революціи. Эти пророческія слова, сбывшіяся 30 лѣтъ спустя, подвергли автора ихъ незаслуженному осмѣянію. Наконецъ, либеральная партія въ прусскомъ министерствѣ сдѣлала еще одну послѣднюю попытку, чтобы дать иное направленіе политикѣ короля; она была увѣрена, что Пруссія можетъ достигнуть настоящаго своего значенія не иначе, какъ если она сдѣлается государствомъ конституціоннымъ и согласуетъ свою политику съ французской и англійской. Но правительство доселѣ

терпѣло эту оппозицію только съ тѣмъ, чтобы уничтожить ее не вдругъ, а постепенно. Гарденбергъ уже давно согласился съ Меттерних омъ насчетъ будущаго образа дѣйствія прусскаго правительства, и еще на Ахенскомъ конгрессѣ онъ вполнѣ успокоилъ его насчетъ внутренней политики прусскаго правительства *).

Терпимость къ либеральнымъ членамъ министерства прекратилась вслѣдствіе карльсбадскихъ постановленій; министры Вильгельмъ фонъ-Гумбольдтъ, Бойенъ и государственный канцлеръ Бейме отказались утвердить эти постановленія, заключенныя безъ ихъ вѣдома. Но имъ до сихъ поръ позволялось только говорить, а не дѣйствовать; при первой же попыткѣ ихъ выказать рѣшительное вліяніе на ходъ дѣлъ въ Пруссіи, ихъ удалили. Гумбольдтъ, Бойенъ, Бейме, генералъ Грольманъ должны были выйдти въ отставку; прямой и честный Блюхеръ умеръ въ концѣ 1819 года; прежній министръ Штейнъ былъ отстраненъ уже давно и жилъ въ своемъ помѣстьи. Такимъ образомъ лучшіе люди Пруссіи сошли съ политической арены. Ихъ замѣнили принцъ Карлъ мекленбургъ-стрелицкій, извѣстный своими абсолютическими тенденціями, русскій генералъ князь Витгенштейнъ, Камтцъ, отъ всей души ненавидѣвшій все молодое, доктринеръ-абсолютистъ Ансильонъ и др.; одинаковаго направленія съ ними былъ государственный канцлеръ и номинальный руководитель министерства Гарденбергъ. Даже ученые и философы дѣйствовали отчасти въ духѣ абсолютизма: такъ Гегель, или по крайней мѣрѣ его послѣдователи, примѣнили ученіе «*все дѣйствительное разумно*» къ существующей государственной власти; они не мало польстили тѣмъ бюрократизму и абсолютизму, и не мало способствовали къ тому, чтобы выставить въ смѣшномъ свѣтѣ юношескія фантазіи германскихъ патріотовъ, мечтавшихъ объ единой и свободной Германіи.

Такимъ образомъ небольшая партія прусскихъ либераловъ, надѣявшаяся, что послѣ 1813 года Пруссія получитъ конституцію и станетъ во главѣ конституціонной Германіи, совершенно ошиблась въ своихъ разсчетахъ; единственнымъ результатомъ этихъ надеждъ

*) Мы имѣемъ свидѣтельства современниковъ, будто онъ объявлялъ тогда Меттерниху, что «онъ только для виду поддерживалъ народныя желанія», и что «обѣщанія конституціи, данныя въ безпокойныя времена, были такъ неопредѣленны, что есть возможность оставить ихъ неисполненными» (Geheimnisse eines Mediatisirten, Hamburg 1836).

и стремленіи было то, что многіе были заключены въ темницы, удалены изъ отечества, или по крайней мѣрѣ лишены возможности дѣйствовать и даже говорить. Пруссія заснула и спала самымъ непробуднымъ сномъ болѣе 20 лѣтъ, до самой смерти Фридриха Вильгельма III. Даже и Іюльская революція почти вовсе не коснулась Пруссіи. Единственнымъ ея послѣдствіемъ были нѣкоторые безпорядки въ Ахенѣ, Эльберфельдѣ, Бреславлѣ и другихъ мѣстахъ. Оппозиція была совершенно убита и не шевелилась. Еще въ 1823 и 1824 году обѣщанныя королемъ провинціальныя собранія были открыты мало-по-малу въ разныхъ провинціяхъ, и обсуждали безъ шума свои мѣстные интересы. Объ расширеніи ихъ правъ и о сосредоточеніи ихъ въ одно учрежденіе, тоже обѣщанномъ королемъ, не было и помину: Пруссія не увлеклась примѣромъ Франціи и движеніями въ среднихъ германскихъ государствахъ, и даже не напомнила правительству о данномъ обѣщаніи. Все оставалось въ примѣрномъ спокойствіи.

Это мертвое молчаніе едва было нарушено робкимъ представленіемъ нѣкоторыхъ провинціальныхъ сеймовъ, просившихъ въ 1832 году позволенія сдѣлать засѣданія публичными и даже заикнувшихся о государственномъ сеймѣ. Болѣе дерзкими могли показаться требованія избирателей города Мюнстера въ Вестфаліи, настаивавшихъ на необходимости представительнаго правленія: но и эти слабые голоса не возбуждали ни сочувствія, ни даже вниманія. Прусское правительство пошло еще дальше: когда въ 1837 году городъ Эльбингъ подалъ адресъ съ ходатайствомъ о семи либеральныхъ геттингенскихъ профессорахъ, лишившихся своихъ мѣстъ въ Ганноверѣ, министръ Роховъ послалъ имъ строгій выговоръ, въ которомъ говорилось, что «*жители Эльбинга съ своимъ ограниченнымъ подданническимъ умомъ* (in ihrem beschränkten Unterthan-verstande) *даже не въ состояніи обсуждать мѣръ правительства*».

Очень понятно, что при такомъ положеніи дѣлъ общественное вниманіе Пруссіи было обращено исключительно на богословскія распри и на вражду правительства съ католической церковью. Впрочемъ философская литература, и именно ученіе раціоналистовъ и матеріалистовъ, касалась отчасти и вопросовъ политическихъ, распространяя понятія анти-монархическія и демократическія. Берлинское правительство конечно не могло терпѣть подобнаго по-

литическаго радикализма и подвергало его многимъ преслѣдованіямъ: вслѣдствіе этихъ преслѣдованій Арнольдъ Руге, издававшій «Hallische Jahrbücher» долженъ былъ перенести свое изданіе изъ Галле въ Лейпцигъ. Такимъ образомъ за спиною правительства, и именно вслѣдствіе преслѣдованій его, образовалась въ Пруссіи демократическая партія, которая не только отвергала монархическое правленіе, но не хотѣла даже ничего слышать о либеральныхъ палатахъ.

Лѣтомъ 1840 года умеръ Фридрихъ Вильгельмъ III и вступилъ на прусскій престолъ сынъ его Фридрихъ Вильгельмъ IV. Отъ него, какъ отъ новаго монарха, ожидали много хорошаго, тѣмъ болѣе, что его считали человѣкомъ умнымъ и благонамѣреннымъ *). Дѣйствительно, онъ даровалъ довольно обширную амнистію за политическія преступленія, приблизилъ къ себѣ генерала Бойена, удаленнаго въ 1819 году вмѣстѣ съ В. Гумбольдтомъ и Беймомъ, и далъ нѣкоторыя либеральныя обѣщанія. Но изъ всего этого еще нельзя было заключить съ достовѣрностью о томъ, какъ будетъ поступать король въ главномъ вопросѣ, занимавшемъ Пруссію: неизвѣстно было, преобразуетъ ли онъ провинціальные сеймы въ государственное совѣщательное собраніе, какъ этого ждали пруссаки въ продолженіе 25 лѣтъ, или онъ объявитъ прежнія обѣщанія своего отца необязательными, и будетъ по его примѣру противиться конституціи, требуемой его подданными. Случай узнать настоящія намѣренія короля представился скорѣе, нежели этого ожидали.

Въ августѣ того же года король отправился въ Восточную Пруссію, чтобы лично принять присягу отъ своихъ новыхъ подданныхъ въ этой провинціи. Кенигсбергскій областной сеймъ имѣлъ по старинному обычаю право испрашивать для себя признанія своихъ привилегій. Но сеймъ рѣшилъ просить не о сохраненіи старинныхъ сословныхъ привилегій, но о народномъ представительствѣ, т. е. объ общей конституціи для Пруссіи согласно съ королевскимъ обѣщаніемъ 1815 года. Онъ просилъ, чтобы назначена была коммиссія, которая, при содѣйствіи провинціальныхъ сеймовъ, занялась бы составленіемъ общей прусской конституціи. Это прошеніе было представлено королю коро-

*) Письма А. ф. Гумбольдта къ Фарнгагену фонъ-Энзе.

левскимъ коммиссаромъ и оберъ-президентомъ Шёномъ. Изъ рѣчи короля, произнесенной имъ по случаю принятія присяги, нельзя было заключить съ достовѣрностью о томъ, какъ онъ принялъ это прошеніе; онъ говорилъ, что будетъ стремиться ко всеобщему благу, что Пруссія должна быть единой, для того чтобы быть сильной, и т. п. Но вслѣдъ за тѣмъ онъ объявилъ самымъ положительнымъ образомъ, что онъ отвергаетъ новѣйшія конституціи, какъ произвольныя, противныя германскому духу и основанныя на принципѣ равноправности; онъ объявилъ, что сохранитъ провинціальные сеймы и раздѣленіе по сословіямъ, какъ единственное прочное основаніе государственнаго порядка. Этотъ категорическій отвѣтъ короля вызвалъ нѣсколько брошюръ со стороны конституціонной оппозиціи. Болѣе всего замѣчательны «Четыре вопроса» доктора Якоби въ Кенигсбергѣ, «Откуда и куда» Шёна, и брошюра Бюлова; послѣдній доказывалъ, что всѣ безпорядки въ прусской администраціи происходятъ отъ отсутствія конституціоннаго правленія; а Шенъ заключалъ статью свою слѣдующими словами: «только при существованіи генеральныхъ штатовъ возможно въ нашей странѣ существованіе общественной жизни». Наконецъ магистратъ города Бреславля подалъ королю адресъ съ просьбой о созваніи государственныхъ сословій. Что касается до провинціальныхъ сеймовъ, то нѣкоторые изъ нихъ сдѣлали попытки выразить желанія, сходныя съ желаніями восточно-прусскаго сейма; но эти попытки большею частью были неудачны. Однако король боялся, что духъ оппозиціи станетъ еще сильнѣе, если онъ сохранитъ прежнюю систему во всей ея силѣ, и потому онъ рѣшился сдѣлать нѣкоторыя уступки общественному мнѣнію: онъ удалилъ министра Рохова, давшаго городу Эльбингу приведенный нами отвѣтъ, и назначилъ на его мѣсто графа Арнима, какъ бы выражая этимъ свое желаніе слѣдовать среднему направленію, избѣгая обѣихъ крайностей. Первымъ дѣломъ новаго министра было созваніе депутатовъ отъ провинціальныхъ сеймовъ въ Берлинъ, для того чтобъ ввести нѣкоторое единство въ разсужденія и рѣшенія этихъ сеймовъ. Но при этомъ осторожномъ, боязливомъ шагѣ на пути конституціоннаго развитія, правительство зорко слѣдило за тѣмъ, чтобъ эти депутаты не выходили изъ предначертаннаго имъ круга хозяйственныхъ и административныхъ обсужденій, и не вдавались бы въ разсужденія объ общихъ поли-

тическихъ вопросахъ: и когда они однажды заикнулись о государственномъ сеймѣ, ихъ немедленно остановили. Однако либеральная пресса не переставала касаться этого важнаго пункта, потому король счелъ себя обязаннымъ напомнить депутатамъ въ прощальной своей рѣчи, «чтобы они не смотрѣли на себя, какъ на представителей воздушныхъ мечтаній и теорій дня».

Однако Пруссія не была спокойна; въ Восточной Пруссіи, въ Познани, на Рейнѣ господствовало волненіе: въ Силезіи вспыхнуло возстаніе работниковъ; въ Берлинѣ сдѣлано было покушеніе на жизнь короля. Въ то же время вопросъ о дарованіи конституціи продолжалъ привлекать къ себѣ общественное вниманіе; чѣмъ далѣе отсрочивалась она, тѣмъ болѣе увеличивалось общее неудовольствіе.—Несмотря на старанія абсолютистовъ представить господствовавшее въ то время во всей Пруссіи движеніе происками отчаянныхъ новаторовъ и демагоговъ, очевидно было, что за передовыми людьми Пруссіи стояла масса народа, уже успѣвшаго проникнуться сознаніемъ о необходимости конституціи. Когда въ 1845 году собрались провинціальные сеймы, многіе ожидали и надѣялись, что эти собранія будутъ послѣдними. Нѣкоторыя изъ нихъ возобновили прошенія объ общей конституціи для всей страны, и если подобныя же прошенія не получили законныхъ двухъ третей голосовъ или были совершенно отвергнуты на прочихъ сеймахъ, то это происходило оттого, что они помнили выраженіе короля, сказанное имъ прежде въ подобномъ же случаѣ: онъ объявилъ тогда положительно, что не позволитъ торопить и принуждать себя въ этомъ вопросѣ. Поэтому многіе полагали, что скорѣе всего можно добиться конституціи, если воздержаться отъ этихъ напоминаній.

Дѣйствительно, въ то время въ правительственныхъ сферахъ уже началось обсужденіе учрежденія, имѣвшаго нѣкоторое подобіе конституціи; послѣ того какъ оно было обсуждено министерствомъ, государственнымъ совѣтомъ и королевскими принцами, оно было обнародовано 3-го февраля 1847 года подъ названіемъ: «*королевскій патентъ касательно государственнаго устройства*». Очень любопытно введеніе къ этому акту, въ которомъ король излагаетъ воззрѣніе свое на существо королевской власти и на отношенія короля къ подданнымъ. «Развитіе конституціонныхъ учрежденій, говоритъ онъ, было постоянною нашею заботою съ

самаго вступленія нашего на престолъ, мы видѣли въ этомъ одну изъ важнѣйшихъ задачъ королевскаго призванія, которое, по нашему мнѣнію, имѣетъ двоякую цѣль: сохранить въ цѣлости для нашихъ потомковъ права, достоинство и могущество наслѣдованной нами отъ предковъ славной короны, и въ то же время предоставить вѣрнымъ чинамъ нашего государства такого рода дѣятельность, которая обезпечивала бы отечеству счастливую будущность, не противорѣча въ то же время правамъ и преимуществамъ нашей короны». Сущность этой давно обѣщанной и пламенно желаемой конституціи состояла въ слѣдующемъ: 8 провинціальныхъ сеймовъ соединялись вмѣстѣ, какъ скоро этого требовали особенно важныя обстоятельства и не иначе какъ по особенному повелѣнію короля; мѣсто и продолжительность засѣданій этого собранія также опредѣлялись королемъ; оно состояло изъ двухъ палатъ, верхней, въ которой засѣдали королевскіе принцы и высшая аристократія, и нижней, въ которой засѣдали 231 депутатъ отъ дворянства, 182 отъ городовъ, 124 отъ сельскихъ общинъ. Его согласіе требовалось преимущественно въ вопросахъ финансовыхъ: при заключеніи новыхъ займовъ, наложеніи новыхъ податей, увеличеніи пошлинъ, и т. п. При перемѣнахъ, производимыхъ въ государственныхъ учрежденіяхъ и при обсужденіи прочихъ законовъ, оно имѣло только голосъ совѣщательный.

Обнародованіе этихъ постановленій было встрѣчено глубокимъ молчаніемъ. Они не удовлетворили никого: приверженцы неограниченной монархіи видѣли въ нихъ первый шагъ на новомъ, опасномъ пути; конституціоналисты ожидали гораздо большаго, они ожидали конституціи въ новѣйшемъ смыслѣ, и потому не могли быть довольны этими уступками. Оппозиція поговаривала даже о томъ, слѣдуетъ ли принять или отвергнуть такія уступки, и по всему видно было, что при первомъ же собраніи сейма правительству придется выдержать жестокую борьбу противъ конституціонныхъ требованій. Предвидя эту борьбу, король счелъ необходимымъ еще разъ объяснить собравшимся депутатамъ самымъ положительнымъ образомъ свои личныя убѣжденія; для этой цѣли онъ открылъ засѣданія сейма рѣчью самаго необыкновеннаго содержанія. Рѣчь касалась только вкратцѣ и поверхностно всего того, что составляетъ обыкновенное содержаніе тронныхъ рѣчей, то есть положенія финансовъ, состоянія администраціи, сношеній съ

другими государствами и пр. Но тѣмъ обстоятельнѣе и трогательнѣе, тѣмъ съ большимъ одушевленіемъ и краснорѣчіемъ король высказалъ свое воззрѣніе на государственную жизнь вообще и въ частности на задачу собранія. Онъ увѣщевалъ и заклиналъ собравшихся депутатовъ проникнуться «духомъ древне-германскихъ сословныхъ учрежденій, смотрѣть на себя, какъ на представителей германскихъ сословій (въ древнемъ значеніи этого слова), то есть какъ на хранителей и защитниковъ сословныхъ правъ, и не считать себя проводниками школьныхъ мнѣній и теорій дня. Это совершенно противно германскому духу (undeutsch), говорилъ онъ, и безполезно для общаго блага; это неминуемо ведетъ къ столкновеніямъ съ короною, которая должна по волѣ Божьей и по законамъ страны царствовать по своему собственному, свободному усмотрѣнію; *рѣшенія ея не должны подчиняться рѣшеніямъ большинства, иначе Пруссія вскорѣ сдѣлается въ Европѣ пустымъ звукомъ*».

Король думалъ, что германскому національному характеру противны истинно-конституціонныя учрежденія; либеральная оппозиція имѣла на этотъ счетъ мнѣнія, которыя прямо противорѣчили убѣжденіямъ короля; поэтому она съ самаго начала засѣданій сейма начала стремиться соединенными силами къ своей цѣли, то есть къ пріобрѣтенію болѣе обширныхъ конституціонныхъ правъ. Уже при самомъ обсужденіи отвѣтнаго адреса она возвысила свой голосъ въ лицѣ Бекерата, Ганземана, Финке, Ауэрсвальда, и другихъ. Всѣ эти лица были представителями умѣренно-либеральной партіи и при рѣшеніи вопроса объ адресѣ побѣда осталась за ними; обѣ крайнія партіи были побѣждены: и тѣ отчаянные консерваторы, которые желали предоставить все дѣло управленія свободному усмотрѣнію короны, и тѣ радикалы, которые желали немедленнаго и открытаго разрыва съ короною, — должны были уступить побѣду большинству умѣренныхъ либераловъ. Это большинство приняло адресъ, предложенный Бекератомъ; онъ въ умѣренныхъ и почтительныхъ выраженіяхъ выражалъ убѣжденіе собравшихся депутатовъ, что они считаютъ своимъ правомъ и своею обязанностью добиться отъ правительства полнаго представительнаго правленія. При послѣдующихъ засѣданіяхъ сейма предъявлены были многія важныя требованія: чтобы созваніе сейма не зависѣло отъ произвола короля, а повторялось бы каждые два

года: чтобы въ вопросахъ административныхъ и юридическихъ ему предоставленъ былъ не одинъ совѣщательный голосъ; чтобы государственное устройство не было измѣняемо безъ его согласія. Противъ послѣдняго требованія сильно возсталъ принцъ прусскій, назвавши его совершенно безполезнымъ: «короли прусскіе, говорилъ онъ, никогда не нарушатъ произвольно государственнаго устройства: ни братъ его, ни самъ онъ, если когда-либо будетъ королемъ, ни сынъ его не позволятъ себѣ подобнаго нарушенія, иначе они были бы недостойны славныхъ своихъ предковъ». Такъ какъ всѣ эти требованія были предложены партіей умѣренной и выражали желанія большинства населенія, то королю было бы очень легко найти себѣ опору въ этой партіи и пріобрѣсти расположеніе большинства своихъ подданныхъ, еслибъ онъ согласился на эти требованія; но король отвергъ ихъ подъ тѣмъ предлогомъ, что слѣдуетъ зрѣло обдумать сдѣланныя ему предложенія. Такимъ образомъ этотъ первый общій сеймъ, котораго такъ нетерпѣливо ожидали въ продолженіе цѣлыхъ 30 лѣтъ, разошелся, не успѣвши ничего сдѣлать. Пруссія не вышла изъ состоянія неизвѣстности и неувѣренности, въ которомъ она находилась съ 1840 года, и которое порождало въ ней лихорадочное нетерпѣніе и постоянное неудовольствіе. Въ такомъ положеніи засталъ ее 1848 годъ.

Мы сказали выше, что событія 1830 года почти вовсе не коснулись Пруссіи: но это справедливо только въ томъ отношеніи, что не было нарушено внѣшнее спокойствіе и всѣ государственныя отправленія остались въ своей силѣ. Но въ прусскомъ обществѣ появились новыя политическія, религіозныя и соціальныя идеи, которыя быстро распространялись. Мы замѣтили уже выше, что вслѣдствіе знакомства нѣмцевъ съ французскими соціальными теоріями и съ ученіемъ германскихъ матеріалистовъ въ Германіи и Пруссіи въ 30-хъ и 40-хъ годахъ образовалась партія демократовъ; доселѣ голосъ этой партіи былъ довольно незамѣтенъ въ печати, потому что не позволяли высказываться громко; но за то она тѣмъ дѣятельнѣе распространяла свое ученіе тайными путями, и старанія ея не были безуспѣшны. Эта партія съумѣла даже проникнуть въ сеймъ 1847 года, хотя, какъ мы уже сказали выше, она была здѣсь мало замѣтною, и должна была уступить значительному большинству умѣренныхъ конституціоналистовъ. Вотъ въ какомъ броженіи умовъ, въ какихъ натянутыхъ отно-

шеніяхъ правительства къ различнымъ партіямъ застала Пруссію февральская революція. Очень понятно, что она не могла пройти для нея такъ же безслѣдно, какъ іюльская революція. Правительство само очень хорошо понимало это, и спѣшило предупредить народные взрывы уступками: но было уже поздно. Хотя оно и обратилось на конституціонный путь (и въ первое время, казалось, искренно обратилось), однако сами конституціоналисты, на которыхъ оно спѣшило опереться, уже не въ состояніи были справиться съ демократическими стремленіями. Печальную картину представляетъ въ это время прусское правительство. Устрашенное проявленіемъ народнаго неудовольствія, увѣрившись въ невозможности сдерживать его обѣщаніями, увѣщаніями, просьбами и полицейскими мѣрами, оно соглашается наконецъ сдѣлать нѣкоторыя уступки; но этого оказывается мало, народъ требуетъ бо́льшаго, волненіе не унимается; правительство, опять тщетно употребивъ мѣры насилія, дѣлаетъ еще нѣкоторыя уступки; демократическая партія продолжаетъ агитировать, народное неудовольствіе продолжается. Такимъ образомъ правительство постоянно видитъ, какъ изъ-подъ ногъ его уходитъ почва, на которую оно хочетъ стать твердой ногой. Сдѣлай оно тѣ же уступки полугодомъ раньше, призови оно тогда же къ управленію умѣренныхъ конституціоналистовъ, на которыхъ оно хочетъ опереться теперь, народъ былъ бы вполнѣ доволенъ; онъ восхвалялъ и воспѣвалъ бы своего государя за его благонамѣренность, справедливость и любовь къ подданнымъ. Теперь же правительство съ досадой и ужасомъ замѣчаетъ, что всѣ его мѣры, которыя кажутся ему верхомъ либерализма, на которыя ему такъ трудно рѣшиться,—неудовлетворяютъ народа, встрѣчаются имъ съ недоѣріемъ,—явленіе поучительное, неоднократно повторяющееся въ исторіи, еще недавно видѣнное нами въ Неаполѣ.

При первыхъ извѣстіяхъ о парижскихъ событіяхъ началось движеніе и въ Пруссіи. Впрочемъ это движеніе имѣло въ началѣ довольно мирный характеръ; только въ немногихъ мѣстностяхъ оно повело къ столкновенію между народомъ и полиціей, какъ-то въ Кенигсбергѣ, Эрфуртѣ, Бреславлѣ. Большею же частью это первоначальное движеніе обнаружилось депутаціями и адресами, посылаемыми отовсюду, и въ особенности изъ прирейнскихъ провинцій. Въ этихъ адресахъ въ довольно умѣренномъ духѣ выра-

жались требованія либеральныхъ реформъ. Но въ городѣ Кельнѣ замѣтно было вліяніе демократической партіи; въ адресѣ этого города, кромѣ обыкновенныхъ конституціонныхъ требованій, выражались еще слѣдующія, чисто демократическія требованія: чтобы управленіе и законодательство были предоставлены народу; чтобъ право избирать и право быть избираемымъ сдѣлалось всеобщимъ достояніемъ; далѣе требовалась безусловная свобода слова и печати; требовалось уничтоженіе постояннаго войска, введеніе народнаго вооруженія подъ предводительствомъ начальниковъ, избранныхъ самимъ народомъ; требовалась защита труда и воспитаніе дѣтей на счетъ государства. Въ виду такихъ обширныхъ требованій, король думалъ предотвратить серьезные безпорядки разными незначительными уступками; онъ обѣщалъ новый, болѣе либеральный законъ о печати, и объявилъ засѣданія сейма періодичными, повторяющимися черезъ каждые два года. Когда же берлинскій магистратъ тоже передалъ королю адресъ съ просьбою о либерально-конституціонныхъ реформахъ, король отвѣтилъ, что онъ готовъ сдѣлать нужныя уступки народной свободѣ, но что онъ не можетъ и не хочетъ сдѣлать этого одинъ; поэтому нужно было дождаться собранія сейма, которое онъ назначилъ на 27 апрѣля. Этихъ скудныхъ обѣщаній было недостаточно, народъ волновался, начались сходки, употреблена была военная сила, и пролилась кровь. Около того же времени (17 марта) получено было въ Берлинѣ извѣстіе о вѣнскихъ событіяхъ, и король рѣшился идти далѣе по пути уступокъ. Королевская прокламація отъ 17 марта объявляла народу, что король созываетъ сеймъ вмѣсто 27 на 2 апрѣля, что дарована будетъ полная свобода печати, и главное—что Пруссія становится въ главѣ германскаго движенія и намѣрена дѣйствовать въ смыслѣ радикальнаго преобразованія германскаго союзнаго устройства. Зная, что желаніе видѣть Германію единою и сильною было всегда однимъ изъ самыхъ пламенныхъ желаній всякаго германца, правительство особенно разсчитывало на это послѣднее обѣщаніе; оно думало, что отвлечетъ этимъ вниманіе народа отъ внутреннихъ дѣлъ страны, и избавитъ его отъ необходимости сдѣлать новыя уступки народнымъ требованіямъ. Но событія послѣдующихъ трехъ дней показали, что разсчетъ его былъ не совсѣмъ вѣренъ.

Часть населенія, а вмѣстѣ съ нимъ и магистратъ нашли эти

уступки вполнѣ удовлетворительными и рѣшились отправиться на слѣдующій день въ торжественной процессіи къ королевскому замку и изъявить королю народную признательность. Но въ Берлинѣ существовала и другая партія, въ главѣ которой стояли преимущественно публицисты и литераторы, партія, которая находила сдѣланныя уступки недостаточными: она рѣшилась тоже отправиться ко дворцу, просить о новыхъ уступкахъ. 18 марта объ эти процессіи одновременно явились на дворцовую площадь и къ удивленію своему нашли ее занятой кавалеріей и пѣшей гвардіей. Это произвело нѣкоторое раздраженіе въ народѣ; однако объ процессіи нѣсколько разъ прокричали вошедшему на балконъ королю: «виватъ». Но къ виватамъ все чаще и чаще стали присоединяться голоса, кричавшіе: «прочь войско». Эти крики выходили изъ рядовъ второй процессіи, предводители которой требовали удаленія войскъ изъ столицы и составленія національной гвардіи. Среди этого движенія и волненія, внезапно откуда-то раздались два выстрѣла. Правительство не замедлило объявить, что выстрѣлы эти случились *нечаянно*. Друзья его пошли еще дальше и доказывали, что выстрѣлы были произведены злоумышленниками, желавшими безпорядковъ, баррикадъ, рѣзни (подъ именемъ злоумышленниковъ они разумѣли литераторовъ, французовъ, поляковъ и евреевъ). Но какъ бы то ни было, стрѣляли ли злоумышленники, желавшіе кровопролитія, или солдаты, не умѣвшіе обходиться съ огнестрѣльнымъ оружіемъ, но народъ, по которому стрѣляли, объяснилъ это дѣло по своему. Онъ закричалъ: «измѣна! къ оружію!» и пустился бѣжать по всѣмъ берлинскимъ улицамъ. Къ вечеру вездѣ построены были баррикады, и во всемъ Берлинѣ закипѣлъ уличный бой. Несмотря на то, что въ дѣло введена была артиллерія, послѣ 19 часоваго боя только немногія, ближайшія ко дворцу баррикады взяты были войсками; большая же часть ихъ осталась въ рукахъ ихъ защитниковъ. Тогда, 19 марта утромъ, король убѣдился наконецъ, что надобно уступить народнымъ требованіямъ: по всѣмъ улицамъ разосланы были объявленія, что король готовъ снизойти на требованія народа и удалить войска изъ столицы. Конечно, не легко ему было согласиться на это. Но успѣхъ, одержанный народнымъ возстаніемъ въ продолженіе суточнаго боя, заставилъ его дѣйствовать вопреки собственному своему убѣжденію.

Вслѣдъ за этимъ въ Берлинѣ послѣдовалъ цѣлый рядъ либе-

ральныхъ мѣръ и разныхъ небывалыхъ и невиданныхъ явленій. Еще 19-го марта войска выступили изъ Берлина съ свернутыми знаменами, и полныя негодованія на то, что имъ не позволили какъ слѣдуетъ расправиться съ этой сволочью, которой они должны были уступить побѣду. На слѣдующій день прежнее консервативное министерство было замѣнено новымъ, либеральнымъ, вліятельными членами котораго были графъ Шверинъ, Ауэрсвальдъ, Кампгаузенъ и только что возвратившійся изъ Парижа тамошній прусскій посланникъ Арнимъ. Принцъ прусскій (впослѣдствіи король), главный противникъ либеральныхъ уступокъ и защитникъ строгихъ мѣръ противъ народа, поспѣшно оставилъ Берлинъ и удалился въ Лондонъ. Неудовольствіе противъ него было такъ сильно, что на всѣхъ дверяхъ его дворца надписали: «національная собственность». Король проѣхалъ въ сопровожденіи студентовъ и огромной массы народа по улицамъ Берлина, говорилъ рѣчи о единствѣ Германіи и о великой роли Пруссіи, надѣвалъ трехцвѣтную германскую кокарду, и пр. На слѣдующій день, 22 марта, была новая торжественная процессія: въ этотъ день назначены были похороны 183-хъ берлинскихъ гражданъ, павшихъ на баррикадахъ. Огромная процессія, въ которой участвовали всѣ корпораціи и депутаты отъ чиновниковъ всѣхъ вѣдомствъ, потянулась мимо дворца, и король смотрѣлъ на нее съ балкона. Пасторъ Сидовъ сказалъ надгробное слово, и къ великому негодованію консерваторовъ и абсолютистовъ, сравнилъ павшихъ 18-го марта съ героями 1813 года. Въ тотъ же день король торжественно обѣщалъ народу «защиту личной свободы, свободу печати, судъ присяжныхъ, право ассоціаціи, равноправность передъ закономъ, отвѣтственность министровъ», и пр. Этими обѣщаніями порядокъ былъ возстановленъ какъ въ Берлинѣ, такъ и въ другихъ городахъ, въ которыхъ онъ былъ нарушенъ (Ахенъ, Кельнъ, Крефельдъ, Бреславль). Сеймъ, созванный на 2-е апрѣля, долженъ былъ окончательно успокоить и устроить страну.

Однако, несмотря на кажущееся согласіе между королемъ и народомъ, далеко не всѣ были довольны новымъ образомъ дѣйствій короля. Мы не говоримъ уже объ реакціонерахъ, которые видѣли въ новой политикѣ короля непростительную слабость, и сожалѣли объ его заблужденіяхъ. Но и между лицами, принадлежащими къ народной партіи, многіе продолжали смотрѣть на него

съ недовѣріемъ. Они были слишкомъ твердо увѣрены въ томъ, что королю невозможно измѣнить своимъ убѣжденіямъ. Изъ всего было видно, что эти люди будутъ домогаться болѣе прочныхъ гарантій для народной свободы, и что, можно было предвидѣть, въ скоромъ времени возобновится борьба между правительствомъ и народными вождями.

Сеймъ, собравшійся 2-го апрѣля, не могъ имѣть того вліянія на ходъ дѣлъ, котораго многіе отъ него ожидали. Новый духъ времени требовалъ новыхъ учрежденій, на совершенно новыхъ началахъ, а сеймъ былъ слишкомъ тѣсно связанъ съ Пруссіей домартовской эпохи. Для того, чтобы дать прусскому государственному устройству новую организацію, необходимо было конституитивное собраніе. Для этого собранія нужно было произвести новые выборы, и поэтому собравшемуся сейму предложено было издать новый избирательный законъ. Основанія новаго закона были очень либеральны: всякій гражданинъ, достигшій 21-го лѣтняго возраста, имѣлъ право быть избирателемъ, а достигшій 25-тилѣтняго возраста—право быть избираемымъ; при этомъ право выбора было всеобщее и не требовалось никакого ценза. Что касается до содержанія и формъ будущей конституціи, то новому собранію было предоставлено самому опредѣлить ихъ; сеймъ ограничился только опредѣленіемъ нѣкоторыхъ общихъ основаній. Засѣданія его продолжались всего 8 дней и онъ разошелся 10-го апрѣля.

Такимъ образомъ не оправдались надежды тѣхъ, которые полагали, что сеймъ окончательно успокоитъ страну. Страна, однажды вышедшая изъ нормальнаго своего положенія, не скоро къ нему возвращается: страсти, однажды возбужденныя, не скоро утихаютъ. Началась жестокая избирательная борьба; самая новость и непривычность этого дѣла для прусскаго народа придавала всему движенію характеръ особенной страстности и увлеченія. Поэтому очень понятно, что не скоро прекратились въ Берлинѣ и въ другихъ городахъ Пруссіи народныя сборища, волненія и демонстраціи. Самою замѣчательною изъ этихъ демонстрацій была та, которая случилась въ Берлинѣ 13-го мая. Мы сказали выше, что принцъ прусскій считался въ народѣ главнымъ противникомъ примирительныхъ мѣръ; о немъ говорили, будто онъ, во время мартовскихъ событій, совѣтовалъ королю не уступать народнымъ требованіямъ и не отступать отъ самыхъ крайнихъ и строгихъ мѣръ. Вслѣдствіе этого,

онъ послѣ побѣды народа долженъ былъ оставить Берлинъ и удалиться въ Лондонъ. Вдругъ, 13-го мая, въ народѣ распространился слухъ, что принцъ, по приглашенію правительства, возвращается изъ Англіи. Массы народа устремились ко дворцу принца. Въ то же время къ королю отправлена была депутація, которая требовала, чтобы принцу тогда только дозволено было возвратиться, когда онъ признаетъ народную свободу.

22-го мая, король довольно незначительною рѣчью открылъ засѣданія вновь избраннаго національнаго собранія. Такъ какъ почти всѣ лучшіе люди Пруссіи еще въ апрѣлѣ мѣсяцѣ были избраны въ члены франкфуртскаго парламента, то настоящее собраніе представляетъ намъ мало знаменитостей; президентъ его Шенъ былъ уже дряхлый старикъ и не могъ играть въ немъ дѣятельной роли. Очень любопытенъ численный составъ этого законодательнаго собранія: изъ 400 депутатовъ почти половина принадлежала къ классу чиновниковъ (100 чиновниковъ юстиціи, 78 чиновниковъ прочихъ вѣдомствъ); затѣмъ слѣдовали 68 депутатовъ изъ крестьянскаго сословія, 50 изъ духовенства и только 49 дворянъ; наконецъ 28 депутатовъ изъ ремесленниковъ и 27 учителей. Въ числѣ членовъ этого собранія мы встрѣчаемъ и прусскаго принца, выбраннаго однимъ изъ избирательныхъ округовъ; но онъ только разъ явился въ собраніи, и то на нѣсколько минутъ. Онъ объявилъ собранію, что посвятитъ всѣ свои силы той конституціонной формѣ правленія, которую угодно будетъ утвердить королю; но это сообщеніе было принято очень холодно собраніемъ и принцъ больше уже въ немъ не показывался.

Предсѣдатель министерства Кампгаузенъ предложилъ собранію свой проэктъ конституціи; но, несмотря на популярность Кампгаузена, проэктъ этотъ былъ принятъ довольно неблагосклонно. Въ особенности не понравилось то, что онъ основывалъ его на системѣ двухъ палатъ, изъ которыхъ верхняя состояла изъ принцевъ королевскаго дома, 60 членовъ, назначаемыхъ королемъ, и 180 членовъ, выбираемыхъ изъ крупныхъ землевладѣльцевъ или высшихъ чиновниковъ. Но поводомъ къ первому серьезному столкновенію въ собраніи и къ новымъ уличнымъ демонстраціямъ послужило предложеніе депутата Беренса о томъ, чтобы собраніе объявило, что оно признаетъ революцію и всѣ ея послѣдствія, то есть господство народа. Министерство, сильно поддерживаемое

правой стороной и центромъ собранія, возстало противъ этого предложенія, и оно было отвергнуто; но при выходѣ изъ собранія нѣкоторые министры и депутаты правой стороны подверглись оскорбленіямъ народа. Новая національная гвардія не могла или, вѣрнѣе, не хотѣла серьезно остановить эти проявленія демократическаго духа: это обнаружилось еще яснѣе нѣсколько дней спустя при нападеніи народа на арсеналъ.

Такъ какъ собраніе оказывало очевидное нерасположеніе къ правительственному проэкту конституціи, то министерство Кампгаузена вышло въ отставку. Новое министерство Ганземанна съ самаго начала объявило себя «министерствомъ дѣйствія». Оно намѣревалось провести множество полезныхъ реформъ: организовать національную гвардію, ввести новое, болѣе сообразное съ обстоятельствами судопроизводство и проч. Собраніе встрѣтило эти сообщенія очень благосклонно,—и первое время между нимъ и министерствомъ господствовало полнѣйшее согласіе. Но скоро согласіе было нарушено. Въ городѣ Швейдницѣ случилось столкновеніе между войскомъ и народомъ, и войско безъ всякой причины стрѣляло по народу: по этому поводу силезскій депутатъ Штейнъ предложилъ, чтобы офицерамъ сдѣлано было внушеніе воздерживаться отъ всякихъ реакціонерныхъ стремленій, избѣгать столкновенія съ гражданами, и искать съ ними сближенія; а если кто изъ офицеровъ нашелъ бы это предложеніе несогласнымъ съ своими политическими убѣжденіями, то онъ долженъ былъ оставить службу. Министерство нашло, что національное собраніе не имѣетъ права руководить его дѣйствіями и дѣлать ему предписаній: военный министръ объявилъ, что онъ самъ знаетъ, какъ онъ долженъ поступать, и что онъ сообразно съ своимъ долгомъ сдѣлалъ надлежащее распоряженіе относительно гг. офицеровъ. Однако же слѣдствіемъ этихъ неосторожныхъ заявленій было то, что въ настоящемъ вопросѣ центръ присоединился къ лѣвой сторонѣ и предложеніе Штейна было принято. Министерство вышло въ отставку и было замѣнено новымъ подъ предсѣдательствомъ генерала Пфюля. Это новое министерство состояло большею частью изъ людей, игравшихъ важную роль въ до-мартовскую эпоху, и поэтому призваніе его можно было считать началомъ реакціи, или, по крайней мѣрѣ, торжествомъ политики противодѣйствія собранію. Правда, программа новаго министерства и первыя его мѣры, а именно

принятіе предложенія Штейна, противорѣчили этому мнѣнію. Но и на этотъ разъ согласіе между правительствомъ и собраніемъ продолжалось недолго. Собраніе, обсудивши нѣсколько важныхъ вопросовъ, какъ-то: законъ о личной свободѣ и другіе, перешло наконецъ, спустя четыре мѣсяца послѣ начала своихъ засѣданій, къ обсужденію новой конституціи.

Въ первомъ вопросѣ, подлежавшемъ обсужденію, умѣренная партія одержала верхъ: когда поднятъ былъ вопросъ о томъ, зависитъ ли утвержденіе конституціи только отъ собранія, или отъ соглашенія между собраніемъ и королемъ, за первое мнѣніе подано было всего 43 голоса, за второе—284. Но за этой первой неудачей лѣвой стороны, начинается для нея рядъ побѣдъ. Мало того, что были отмѣнены ненавистныя народу привилегіи дворянства, право охоты и поборовъ съ крестьянъ, но было уничтожено и самое сословіе дворянства; далѣе уничтожены были ордена и всѣ титулы, не соединенные съ какою нибудь должностью. Народъ съ живѣйшимъ участіемъ слѣдилъ за ходомъ занятій собранія, неоднократно шумными демонстраціями выказывалъ свое сочувствіе членамъ лѣвой стороны и, наоборотъ, встрѣчалъ съ насмѣшками и оскорбленіями депутатовъ правой стороны;—нѣсколько разъ дѣло доходило до столкновенія національной гвардіи съ народомъ. Эти уличныя столкновенія начинали надоѣдать обитателямъ Берлина, и многіе изъ нихъ стали желать выхода изъ этого положенія, какою бы цѣною ни былъ купленъ онъ. Такимъ образомъ реакція приближалась быстрыми шагами: правительство уже давно только ждало случая, чтобы вступить на этотъ путь. Событія, случившіяся въ Вѣнѣ въ послѣднихъ числахъ октября, ускорили кризисъ въ Берлинѣ.

Единство цѣлей обыкновенно сближаетъ какъ отдѣльныя личности, такъ и цѣлые народы. Поэтому въ подобныя эпохи какое нибудь рѣшительное событіе въ одномъ государствѣ, въ одномъ городѣ рѣдко остается безъ важныхъ послѣдствій и для другихъ столицъ и государствъ. Мартовскія событія въ Вѣнѣ имѣли, какъ мы видѣли, рѣшительное вліяніе на ускореніе возстанія въ Берлинѣ. Съ тѣхъ поръ берлинское населеніе слѣдило съ величайшимъ участіемъ за ходомъ революціи въ разныхъ странахъ Европы, и преимущественно Германіи.

Извѣстія о возстаніи народа въ Вѣнѣ и о борьбѣ его съ пра-

вительствомъ произвели въ Берлинѣ сильное впечатлѣніе. По мѣрѣ того, какъ приходили эти извѣстія, берлинское населеніе быстро переходило отъ опасенія къ надеждамъ, отъ удивленія къ ненависти. Когда 31 октября пришло извѣстіе о первыхъ успѣхахъ Виндишгреца, крайняя лѣвая сторона въ собраніи сдѣлала предложеніе, чтобы собраніе потребовало отъ министерства энергическаго вмѣшательства въ пользу народнаго дѣла въ Вѣнѣ. Собраніе измѣнило это предложеніе въ томъ смыслѣ, чтобы министерству поручено было ходатайствовать у короля о посредничествѣ его между вѣнскимъ правительствомъ и народомъ. Но народъ, недовольный разсужденіями собранія вообще и въ особенности этимъ послѣднимъ рѣшеніемъ, занялъ зданіе, въ которомъ засѣдало собраніе, и рѣшилъ не выпускать членовъ его, пока они не перемѣнятъ этого рѣшенія. Національная гвардія не въ силахъ была справиться съ народными массами, и только подоспѣвшія войска высвободили изъ плѣна членовъ народнаго собранія. Это послужило сигналомъ для наступленія сильнѣйшей реакціи. Министерство Пфюля, считавшееся прежде реакціонернымъ, въ сравненіи съ министерствами Кампгаузена и Ганземанна, оказалось слишкомъ либеральнымъ для новой политики правительства. 2 ноября оно вышло въ отставку, и король поручилъ составленіе новаго министерства графу Бранденбургу, человѣку извѣстному своими аристократическими убѣжденіями и своими строго консервативными мѣрами въ Бреславлѣ, во время происходившаго тамъ народнаго движенія. Въ этомъ министерствѣ мы видимъ, вмѣстѣ съ другими членами, и знаменитаго впослѣдствіи Мантейфеля.

Національное собраніе отправило къ королю депутацію, которая должна была представить ему настоящее положеніе страны и протестовать противъ назначенія новаго министерства, которое никогда не будетъ пользоваться довѣріемъ страны. Но король считалъ себя уже достаточно сильнымъ для того, чтобы не обратить вниманія на этотъ протестъ. Онъ выслушалъ адресъ, но не отвѣтилъ ни слова. Депутатъ Якоби спросилъ: «такъ ваше величество не удостоиваетъ насъ никакого отвѣта?»—«Нѣтъ», сухо отвѣтилъ король и повернулся къ нимъ спиною.—Народъ выразилъ свое сочувствіе Якоби тѣмъ, что устроилъ въ честь его процессію съ факелами; но король продолжалъ слѣдовать совѣтамъ своихъ новыхъ министровъ.—9 ноября изданъ былъ декретъ, по

которому засѣданія собранія отсрочивались до 27 ноября, и мѣсто его засѣданій переносилось въ городъ Бранденбургъ. Правительство мотивировало эту мѣру тѣмъ, что въ Берлинѣ собраніе не пользовалось надлежащей свободой, и что личность депутатовъ не была защищена отъ насилій злоумышленниковъ. Однако большинство собранія слишкомъ твердо было убѣждено въ стѣснительности этой мѣры правительства, и поэтому только не многіе члены крайней правой стороны послушались королевскаго повелѣнія и удалились изъ собранія; большинство же собранія постановило такого рода рѣшеніе: собраніе не признаетъ за правительствомъ права отсрочивать или переносить съ мѣста на мѣсто засѣданій его, безъ согласія большинства депутатовъ; а такъ какъ оно само не видитъ никакой уважительной причины отсрочить свои засѣданія или перенести ихъ въ другое мѣсто, то оно рѣшается собраться на слѣдующій день, на томъ же мѣстѣ, для продолженія своихъ занятій. Узнавши о такомъ рѣшеніи собранія, президентъ полиціи пригласилъ національную гвардію запереть зданіе засѣданій и не дозволять доступъ въ него депутатамъ. Когда національная гвардія отказалась исполнить это, президентъ прямо объявилъ, что правительство приступитъ къ мѣрамъ, которыя признаетъ необходимыми. Несмотря на эту угрозу, большинство депутатовъ собралось 10 ноября въ обычномъ мѣстѣ засѣданій. Положеніе собранія было однако же чрезвычайно затруднительнымъ: депутаты боялись, чтобы народъ не увидѣлъ въ ихъ сопротивленіи сигнала къ возстанію, и чтобы они такимъ образомъ не сдѣлались виновниками новаго кровопролитія. Чтобы избѣжать этого, они обратились къ гражданамъ съ короткимъ воззваніемъ, въ которомъ убѣдительно просили ихъ не сходить съ почвы законности. Между тѣмъ въ тотъ же день обнаружилось, что̀ правительство разумѣло подъ именемъ необходимыхъ мѣръ: 10 ноября, около обѣда, генералъ Врангель вступилъ въ Берлинъ съ 15,000 войска и пошелъ прямо къ дому собранія. Когда президентъ собранія, Унру спросилъ его о его намѣреніяхъ относительно собранія, онъ отвѣтилъ, что не знаетъ никакого національнаго собранія, потому что король отсрочилъ его засѣданія, и что онъ до тѣхъ поръ не выведетъ своихъ солдатъ изъ дома собранія, пока не удалятся всѣ депутаты. Послѣ такого отвѣта президентъ закрылъ собраніе и всѣ депутаты удалились. 12 ноября Берлинъ былъ объявленъ въ осадномъ положе-

ніи, и повелѣно было уничтожить національную гвардію, которая, избѣгая безполезнаго кровопролитія, сложила оружіе. Но національное собраніе не сразу подчинилось требованію правительства: такъ какъ домъ собранія оставался запертымъ, то оно въ послѣдующіе дни неоднократно собиралось то здѣсь, то тамъ, но нигдѣ не находило покоя; повсюду его разгоняла вооруженная сила, и наконецъ выведенное изъ терпѣнія, собраніе постановило, что настоящее правительство не имѣетъ права взимать подати, и пригласило населеніе отказываться отъ платежа ихъ. Но эта мѣра оказалась болѣе гибельною для самого собранія, нежели для правительства Населеніе Пруссіи выказало чрезвычайно мало настойчивости. Начавши съ жаромъ борьбу съ правительствомъ, оно скоро охладѣло и въ настоящее время жаждало спокойствія во что бы то ни стало. Въ Пруссіи, Помераніи, Бранденбургѣ открыто выражалась радость тому, что королевская власть возстановлена въ прежней силѣ: рейнскія провинціи и Вестфалія или держались нейтральной политики, или открыто поддерживали министерство; только Саксонія и Силезія оказались болѣе постоянными въ своихъ стремленіяхъ, и въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ этихъ провинцій нужно было употребить военную силу для подавленія народной партіи. Очень понятно, что при такомъ настроеніи общественнаго мнѣнія, послѣднее постановленіе національнаго собранія не могло имѣть успѣха: оно вообще было встрѣчено довольно неблагосклонно, и только въ немногихъ мѣстностяхъ народъ отказался платить налоги. Видя такую холодность народа, собраніе покорилось своей участи: болѣе скомпрометированные члены его удалились изъ Берлина, остальные согласились отсрочить свои засѣданія и перенести ихъ въ Бранденбургъ.

Дѣйствительно, эти возобновленныя засѣданія открыты были въ Бранденбургѣ 27 ноября. Но послѣднія дѣйствія собранія въ Берлинѣ поставили его въ такія отношенія къ правительству, что трудно было надѣяться на соглашеніе: король не могъ простить ему того, что оно приглашало націю не платить налоги и проч. Къ тому же лѣвая сторона собранія и въ Бранденбургѣ не прекращала своихъ демонстрацій. Такъ, напримѣръ, когда одно изъ ея предложеній было отвергнуто, вся лѣвая сторона поднялась и съ шумомъ оставила собраніе. Слѣдствіемъ всего этого было то, что королевскимъ декретомъ отъ 5 декабря собраніе было распу-

щено. Въ тотъ же день обнародована была новая конституція; въ основаніе ея легли частью постановленія національнаго собранія, частью рѣшенія франкфуртскаго парламента; но тѣ и другія были октроированы королемъ и его новыми министрами. Эта новая конституція, прежде, нежели вступить въ силу, должна была подвергнуться ревизіи обѣихъ палатъ, которыя были созваны королемъ къ 26 февраля 1849 года. Произведены были новые выборы, и въ назначенный день засѣданіе палатъ было открыто. Въ новой второй палатѣ мы опять видимъ извѣстнѣйшихъ изъ вождей лѣвой стороны—Вальдека, Беренса, Родбертуса, Якоби и др. Вообще трудно было предвидѣть, на чьей сторонѣ будетъ большинство въ новой палатѣ; и очень могло статься, что еслибъ правительство сдѣлало открытый шагъ назадъ, большинство оказалось бы на сторонѣ демократовъ. Но въ первое время министерство вело себя съ достаточнымъ тактомъ, и поэтому въ началѣ засѣданій небольшое большинство оказалось на сторонѣ умѣренныхъ конституціоналистовъ. Доказательствомъ тому служитъ то, что поднятый лѣвой стороной вопросъ о томъ—слѣдуетъ ли приступать къ разсмотрѣнію октроированной конституціи 5 декабря—былъ рѣшенъ въ смыслѣ, благопріятномъ для правительства, то есть утвердительно. Но вторая палата была распущена прежде, нежели она окончила свои труды по ревизіи конституціи. Распущеніе это было вызвано двумя рѣшеніями палатъ, очевидно выражавшими неодобреніе министерской политики. Первымъ изъ этихъ рѣшеній было принято предложеніе Родбертуса о томъ, чтобы правительство признало устройство Германіи, данное ей франкфуртскимъ парламентомъ; а между тѣмъ извѣстно было, что министерство старалось объ уничтоженіи франкфуртскихъ постановленій. Нѣсколько дней спустя, палата занялась разрѣшеніемъ вопроса о необходимости и законности продленія осаднаго положенія въ Берлинѣ, и рѣшила его въ смыслѣ, неблагопріятномъ для министерства. Слѣдствіемъ этихъ двухъ рѣшеній было то, что 27 апрѣля послѣдовало повелѣніе о распущеніи второй палаты.

Вскорѣ послѣ того революція вспыхнула въ различныхъ мѣстахъ Германіи: Саксонія, Пфальцъ, Баденъ сдѣлались опять театромъ борьбы правительства съ народомъ. Но Берлинъ, казалось, истощилъ всю свою энергію во время событій 1848 года и впалъ въ какую-то апатію. По крайней мѣрѣ, онъ встрѣтилъ совершенно

хладнокровно майскія событія 1849 года—онъ даже не шевельнулся. Болѣе живучести оказали народныя стремленія въ другихъ мѣстностяхъ Прусской монархіи: въ Бреславлѣ, Кельнѣ, Дюссельдорфѣ, Эльберфельдѣ, Кенигсбергѣ произошли болѣе или менѣе серьезныя возмущенія. Они показались тѣмъ опаснѣе правительству, что въ нѣкоторыхъ мѣстахъ ландверъ отказался идти противъ инсургентовъ, утверждая, что они, сражаясь за германскую конституцію, сражаются за правое дѣло. Король призвалъ войско къ оружію и въ прокламаціи отъ 15 марта изъявлялъ твердое свое намѣреніе покончить съ революціей въ Пруссіи и Германіи и гарантировать Германіи свободу и единство. Первое дѣло скоро было сдѣлано: справившись безъ особенныхъ усилій съ своими собственными инсургентами, прусское правительство помогло подавить возстаніе въ Саксоніи; затѣмъ принцу прусскому поручено было войско для подавленія его въ Пфальцѣ и Баденѣ.

Въ то время, какъ онъ съ успѣхомъ оканчивалъ возложенное на него порученіе, реакція въ Пруссіи подавляла побѣжденную революцію. Не только Берлинъ, но и самыя отдаленныя провинціи, самые скрытые закоулки сдѣлались театромъ политическихъ преслѣдованій. Произволъ, съ которымъ поступали относительно подозрительныхъ лицъ, былъ весьма чувствителенъ въ Берлинѣ; но въ провинціяхъ онъ не зналъ мѣры. Такъ, напримѣръ, въ городкѣ Даме все мужское населеніе города подверглось судебному преслѣдованію за то, что граждане самовольно отрѣшили отъ должности бургомистра; въ другомъ мѣстѣ, нѣсколько сотъ человѣкъ были осуждены на многолѣтнее тюремное заключеніе за то, что возстали противъ притѣснительныхъ мѣръ помѣщика. Реакціонная пресса, направляя общественное мнѣніе противъ ненавистныхъ ей людей, клеветала и лгала безпощадно. Если за годъ передъ этимъ демократическая пресса подвергалась отъ своихъ враговъ обвиненію въ томъ, что прибѣгала къ разнымъ нелѣпымъ выдумкамъ, то реакціонная пресса значительно превзошла ее въ этомъ искусствѣ. Трудно повѣрить, чтобы могли найтись люди, которые вздумали бы увѣрять народъ, что демократы и революціонеры имѣютъ намѣреніе отравить, напримѣръ, цѣлый городъ, сжечь цѣлые кварталы, взорвать на воздухъ цѣлые замки и казармы. А между тѣмъ, всѣ эти клеветы можно встрѣтить въ прусскихъ реакціонныхъ органахъ 1849 года.

Правительство старалось извлечь для себя всевозможныя выгоды изъ подобнаго настроенія страны. Оно спѣшило принять цѣлый рядъ мѣръ, которыя должны были предотвратить возвращеніе недавней анархіи. Одною изъ главныхъ заботъ его было составленіе новой палаты, которая оказывала бы ему поддержку для достиженія его цѣлей. Мы сказали выше, что вторая палата, въ которой еще весьма сильна была крайняя лѣвая сторона, была распущена въ апрѣлѣ мѣсяцѣ. Затѣмъ лѣтомъ приступлено было къ новымъ выборамъ. Но предварительно правительство отмѣнило либеральный избирательный законъ 1848 года и раздѣлило избирателей на 3 класса, такъ что первый классъ, состоявшій изъ людей зажиточныхъ, имѣлъ при выборахъ гораздо значительнѣйшія права, нежели третій классъ, состоявшій изъ людей недостаточныхъ. Въ то же время правительство приняло и другія мѣры, которыя должны были способствовать благопріятному для него исходу выборовъ: оно повелѣло чтобы подача голосовъ была открытая. Далѣе оно издало новый законъ о собраніяхъ, которымъ запрещались политическія собранія; наконецъ новый законъ о печати значительно ограничилъ свободу газетъ, неблагопріятно расположенныхъ къ правительству. Демократы не захотѣли принимать участія въ выборахъ; да и еслибъ они и не отказались сами отъ выборовъ, то, при тогдашнемъ настроеніи общества, имъ невозможно было надѣяться на успѣхъ; въ особенности сельское и низшее городское населенія чувствовали къ нимъ какую-то боязнь и ни за что не подали бы голоса за нихъ. Либеральная партія тоже была стѣснена въ своихъ дѣйствіяхъ новыми мѣрами правительства, и поэтому результатъ выборовъ не трудно было предвидѣть. Въ новой палатѣ, собравшейся въ августѣ мѣсяцѣ, преобладающимъ элементомъ былъ элементъ реакціонный; конституціонный элементъ составлялъ меньшинство, а демократическаго элемента въ ней вовсе не было. Мы не видимъ въ ней почти никого изъ извѣстныхъ членовъ сейма 1847 года, ни изъ депутатовъ собранія 1848 года, ни изъ февральской палаты 1849 года.

Главнымъ дѣломъ, которымъ предстояло заняться палатѣ, было разсмотрѣніе конституціи. Очень понятно, что конституція, составленная преимущественно на основаніи принциповъ 1848 года, должна была въ настоящее время подвергнуться весьма значительнымъ измѣненіямъ. Къ концу декабря ревизія была окончена;

конституція вышла изъ палаты въ измѣненномъ видѣ. По крайней мѣрѣ теперь всѣ надѣялись, что она не подвергнется дальнѣйшимъ измѣненіямъ, и что она будетъ обнародована въ томъ видѣ, въ какомъ она вышла изъ палаты. Но въ началѣ января палата получила королевское посланіе, въ которомъ ей предлагалось сдѣлать новыя измѣненія въ конституціи. Посланіе это требовало, чтобы палата внесла въ конституцію полную реставрацію дворянства, отмѣну отвѣтственности министровъ, учрежденіе наслѣдственнаго званія пэровъ, увеличеніе королевской прерогативы и др. пункты. Палата согласилась и на эти требованія (кромѣ, впрочемъ, перваго), и въ такомъ видѣ конституція была обнародована 31 января 1850 года, а 6 февраля король и депутаты присягнули ей. Мы не будемъ останавливаться здѣсь на разсматриваніи этой конституціи, потому что полагаемъ, что это могло бы показаться скучнымъ многимъ изъ нашихъ читателей. Замѣтимъ только, что несмотря на то, что въ ней осталось очень немногое, носившее на себѣ отпечатокъ 1848 года, несмотря на то, что реакціонерное правительство и угодливыя палаты употребили всевозможныя усилія, чтобы передѣлать ее по своему,—въ ней оставались, однако, статьи, сохранившія довольно либеральный характеръ. Поэтому, еслибы эта конституція осталась въ силѣ въ томъ видѣ, въ какомъ она была обнародована въ 1850 году, безъ дальнѣйшихъ модификацій, ограниченій и лжетолкованій, то прусскіе подданные могли бы пользоваться хоть нѣкоторой степенью политической свободы. Такъ упомянемъ для примѣра, что конституція 1850 года обѣщаетъ прусскому народу слѣдующее: уничтоженіе всѣхъ сословныхъ привилегій, неприкосновенность собственности, жилища и письменной тайны; свободу печати, дозволеніе невооруженныхъ народныхъ сборищъ, и многое другое. Но прусское правительство, устрашенное событіями 1848 года, запуганное страшилищемъ революціи, опасавшееся анархіи и охлократіи, считало излишнею даже ту степень народной свободы, которую обѣщала конституція. Очевидно было, что уже въ то время правительство понимало конституцію по своему, давало ей свое особое толкованіе и вовсе не намѣрено было стѣсняться обѣщаніями, данными въ конституціи. Очень интересна рѣчь, произнесенная королемъ по случаю принесенія присяги конституціи; эта рѣчь показываетъ, во-первыхъ, какъ понималъ король конституцію и свои обязанности, какъ го-

сударя; во-вторыхъ, она показываетъ, на сколько искренно дѣйствовалъ король въ 1848 году, и какая разница существовала между его рѣчами въ началѣ 1848 года, во время торжества революціи, и въ 1850 году, во время полнаго торжества реакціи. Давши обѣщаніе заботиться о благѣ своихъ подданныхъ, управлять ими согласно съ дарованной конституціей и прежде всего служить Господу, король сказалъ: «Конституція имѣетъ началомъ своимъ такую эпоху, *которую будущія вѣрноподданническія поколѣнія тщетно будутъ стараться смыть слезами со страницъ исторіи Пруссіи*. Но существованіе и благотворное дѣйствіе конституціи зависитъ отъ непремѣннаго исполненія разныхъ условій: въ особенности же отъ того, чтобы была согласована дѣятельность верховной власти съ существующими учрежденіями. Поэтому всѣ мои вѣрные подданные должны помогать мнѣ противъ тѣхъ, которые вздумаютъ употребить во зло дарованную имъ мною свободу, которые захотятъ направить ее противъ установленной отъ Бога королевской власти; наконецъ противъ тѣхъ, которые захотятъ видѣть въ этой свободѣ замѣну божественнаго провидѣнія, замѣну исконной священной вѣрности къ королевскому дому, всегдашняго отличительнаго свойства прусскаго народа».

Реакціонеры не замедлили принять къ свѣдѣнію намеки короля на *усовершенствованія* въ конституціи. Они не замедлили приступить къ новымъ ревизіямъ конституціи, которыя не скоро прекратились. Эти ревизіи, хотя и касались часто мелочей, хотя измѣняли часто одно только слово въ какомъ-нибудь параграфѣ, но постоянно имѣли въ виду одну цѣль: усилить неограниченно-монархическую власть и значеніе феодаловъ, и ослабить или совершенно уничтожить то, что вытекало изъ теоріи конституціоннаго государственнаго права. Объ важнѣйшихъ изъ этихъ измѣненій и усовершенствованій, совершенныхъ преимущественно подъ вліяніемъ феодальной партіи, мы будемъ говорить ниже. Теперь же упомянемъ еще объ одномъ изъ замѣчательныхъ и характеристическихъ событій первой эпохи реставраціи въ Пруссіи—именно, о судѣ надъ политическими дѣятелями 1848 года.

Какъ ни старались реакціонеры не оставить въ прусскихъ учрежденіяхъ и слѣда законовъ 1848 года, однако они не могли сдѣлать все разомъ. Такъ, между прочимъ, они предполагали учредить особенное судилище для политическихъ преступниковъ. Но это

учрежденіе состоялось не такъ скоро, какъ желали реакціонеры: оно было учреждено не ранѣе 1853 года. А между тѣмъ, послѣ подавленія революціи во всей Германіи, послѣ рѣшенія всѣхъ германскихъ правительствъ безпощадно преслѣдовать всякіе слѣды революціи, и прусское правительство сочло необходимымъ предать суду нѣкоторыхъ изъ болѣе извѣстныхъ прусскихъ демократовъ. Но за отсутствіемъ новаго судилища, эти политическіе дѣятели подвергались суду присяжныхъ, который былъ одинъ изъ послѣднихъ остатковъ учрежденій 1848 года. Очень понятно, что рѣшенія присяжныхъ были болѣе безпристрастны и независимы, нежели были бы рѣшенія королевскихъ судей. Благодаря этой случайности, многіе изъ замѣчательнѣйшихъ дѣятелей прусской революціи, какъ-то Вальдекъ, Темме, Якоби, преданные суду правительствомъ, были оправданы судами присяжныхъ.

Ознаменовавши себя еще новыми преслѣдованіями и стѣсненіями свободы печати, поводомъ къ которымъ послужило покушеніе на жизнь короля (22 мая 1850 года), и потерпѣвши неудачу во внѣшней политикѣ своей относительно Германіи, графъ Бранденбургъ сошелъ въ могилу (осенью 1850 года). Душою прусскаго правительства сдѣлался извѣстный Мантейфель (ноябрь 1850 года).

Демократія была побѣждена: не только республиканскія, но и конституціонно-либеральныя стремленія подвергались строжайшимъ преслѣдованіямъ; конституція была обрѣзана—и все еще продолжались измѣненія въ смыслѣ консервативномъ и реакціонерномъ. Итакъ противники абсолютной монархіи разбиты на голову, и, кажется, не скоро оправятся отъ своего пораженія. Но какую же картину представляетъ намъ лагерь побѣдителей? что мы въ немъ замѣчаемъ? Господствуетъ ли тамъ полное согласіе и единодушіе между побѣдителями, всѣ ли они имѣютъ одну цѣль и одни стремленія, или—они соединились только случайно, вслѣдствіе общей ненависти къ либераламъ и демократамъ, для вѣрнѣйшаго подавленія ненавистныхъ имъ тенденцій? Послѣднее едва ли не вѣрнѣе. Мы дѣйствительно видимъ въ лагерѣ побѣдителей двѣ партіи, почти одинаково сильныя и не совсѣмъ дружелюбныя, а именно—партію феодаловъ и партію бюрократовъ. Многіе не привыкли различать обѣихъ этихъ партій, и видятъ въ нихъ одно общее направленіе. Происходитъ это, конечно, оттого, что обѣ партіи дѣйствуютъ съ замѣчательнымъ единодушіемъ, когда дѣло идетъ о

подавленіи конституціоналистовъ и республиканцевъ, и въ это время между ними исчезаетъ всякій антагонизмъ. Но какъ скоро дѣло дойдетъ до дѣлежа добычи, какъ скоро приходится раздѣлить между собою власть, отнятую у противниковъ, антагонизмъ между ними обнаруживается довольно замѣтнымъ образомъ *). Новый глава кабинета, Мантейфель, былъ представителемъ партіи бюрократической. Онъ не менѣе феодаловъ ненавидѣлъ демократовъ и конституціоналистовъ, но онъ желалъ, чтобы вся законодательная, судебная и административная дѣятельность, исторгнутая изъ рукъ самого народа, сосредоточивалась въ рукахъ правительственныхъ чиновниковъ, а не привилегированныхъ корпорацій или сильныхъ феодаловъ. Но феодалы желали господства и въ провинціальныхъ сеймахъ, и въ палатахъ, и въ судахъ, и въ администраціи, и мечтали о томъ, какъ бы подчинить всю Пруссію власти сильной аристократіи. При этомъ должно отдать справедливость партіи феодаловъ въ томъ, что она имѣла опредѣленную программу и заранѣе обозначенную цѣль (чего, къ сожалѣнію, нельзя сказать про всѣ прусскія партіи). Вотъ, напримѣръ, нѣкоторые отрывки изъ одной руководящей статьи органа этой партіи, «Крестовой Газеты». «Правая сторона», говоритъ статья эта, «требуетъ очищенія конституціи посредствомъ устраненія нѣкоторыхъ совершенно революціонныхъ принциповъ, которые смущаютъ совѣсть, мѣшаютъ нашему развитію и отравляютъ наше учащееся и вступающее на жизненный путь юношество. Мы оставляемъ конституціи 1848 года тѣ ея основанія, которыя очевидно не вредны; мы оставляемъ, напримѣръ, подобные принципы, какъ слѣдующіе: «наука и изученіе ея должны быть свободны», «начальствованіе надъ войскомъ принадлежитъ королю», и пр. Но съ другой стороны правая сторона будетъ противиться всякому измѣ-

*) Этотъ антагонизмъ и это различіе стремленій выразились чрезвычайно ясно въ различныхъ воззрѣніяхъ прусской журналистики и прусскихъ государственныхъ людей той эпохи на парижскій coup d'état 2 декабря 1851 года. Мантейфель вполнѣ одобрялъ этотъ переворотъ, и его органъ «*Прусская Газета*» превозносилъ Людовика-Бонапарта и его политику; а феодальная партія и ея органъ, «*Крестовая Газета*», встрѣтили съ негодованіемъ и осыпали бранью послѣднія мѣры президента, въ которомъ они видѣли врага наслѣдственной аристократіи и проводника анти-феодальныхъ наполеоновскихъ идей. По этому поводу была даже сдѣлана попытка, хотя и неудачная, склонить короля къ удаленію Мантейфеля.

ненію въ конституціи въ смыслѣ бюрократическаго и полицейскаго абсолютизма. Пруссія проснулась отъ своего глубокаго паденія и низвергла революцію не для того, чтобы прійдти къ подобному результату... Нужно измѣнить конституцію относительно общиннаго, окружнаго и областнаго ея устройства; нужно защитить поземельную собственность отъ угрожающаго ей раздробленія».

Король, отказавшись, какъ мы уже видѣли, отъ уступокъ, сдѣланныхъ имъ народнымъ требованіямъ въ 1848 году, оставался какъ бы особнякомъ между двумя партіями—феодаловъ и бюрократовъ. Но будучи однимъ изъ самыхъ пламенныхъ приверженцевъ историческихъ традицій, онъ болѣе сочувствовалъ аристократическимъ стремленіямъ феодаловъ, нежели бюрократизму своего перваго министра. Сильная сама по себѣ, аристократическая партія дѣлается еще сильнѣе вслѣдствіе явнаго предпочтенія, которое оказываетъ ей король. Одинъ изъ членовъ правительства, министръ внутреннихъ дѣлъ Вестфаленъ, принадлежитъ къ числу вліятельныхъ и усердныхъ членовъ этой партіи. Кромѣ Вестфалена самыми замѣчательными представителями этой партіи при дворѣ и въ палатѣ были Герлахъ, юристъ Шталь, историкъ Лео, Бисмаркъ—Шёнгаузенъ, и другіе.

Плачевную участь готовила прусской конституціи политика, основанная на соединеніи бюрократизма съ феодализмомъ. Мантейфель, при самомъ вступленіи своемъ въ министерство, объявилъ, что «Пруссія совершенно покончила съ революціей и что солидарность консервативныхъ интересовъ заступила мѣсто конституціонной политики и стремленія къ германскому единству». Вслѣдствіе подобнаго объявленія перваго министра, все, что хотѣло остаться независимымъ отъ такого воззрѣнія на задачу правительства и на отношенія его къ народу, подвергалось преслѣдованію; все, что только можно было подчинить какому-нибудь надзору, было поставлено въ самую тяжелую зависимость. Такъ напр. не малымъ ограниченіямъ со стороны правительства подвергалась свобода печати. Напримѣръ, почтамтъ пересталъ принимать на себя пересылку оппозиціонныхъ органовъ. Такъ какъ въ Пруссіи не было другаго способа доставки изданій, то оппозиціонные журналы и газеты были совершенно лишены возможности обращаться въ публикѣ. Несмотря, однако же, на всѣ преслѣдованія бюрократически-феодальной партіи,

прусская пресса оставалась представительницею идей, ненавистныхъ этой партіи.

Мы видѣли выше, что король смотрѣлъ на конституцію 1850 года, какъ на нѣчто вынужденное. Еще въ то время, какъ онъ присягалъ ей, онъ счелъ нужнымъ заявить, что онъ намѣренъ подвергнуть ее новымъ ревизіямъ. Феодальная партія видѣла въ этой конституціи отпечатокъ демократіи и считала ее (конечно, не безъ нѣкотораго основанія) положительно враждебной стариннымъ привилегіямъ. Она никакъ не могла свыкнуться съ тѣмъ, что новыя муниципальныя и областныя учрежденія лишаютъ аристократію возможности играть главную роль въ администраціи страны. Она находила въ новой конституціи еще тотъ недостатокъ, что она, не учредивши наслѣдственнаго достоинства пэровъ, не обезпечила высшей аристократіи сильнаго голоса въ парламентѣ. Подъ вліяніемъ этого враждебнаго взгляда на конституцію 1850 года, эта партія принялась за проведеніе въ нее новыхъ реформъ, которыя должны были уничтожить ненавистныя ей учрежденія и пополнить конституцію тѣми, которыхъ въ ней не доставало.

Преобразованія въ прусскихъ учрежденіяхъ начались съ того что возстановленъ былъ государственный совѣтъ, которому вручена была высшая законодательная власть. Въ сессію $^{1852}/_{53}$ года прусское правительство попыталось провести въ палатахъ законъ о томъ, чтобъ сессіи палатъ, вмѣсто того, чтобы быть ежегодными, повторялись бы только каждые два года; попытка, впрочемъ, не удалась и законъ не прошелъ черезъ вторую палату. Далѣе, по настоянію дворянства, возобновлены были старинныя окружныя и волостныя собранія съ тѣмъ, чтобы эти собранія представляли въ палаты свои соображенія и проэкты касательно потребностей и нуждъ извѣстной мѣстности. Въ этихъ собраніяхъ преобладалъ элементъ дворянства. Любопытно слѣдующее мѣсто изъ рѣчи перваго министра, сказанной въ преніяхъ по этому вопросу; оно показываетъ очень наглядно, какъ тогдашнее правительство понимало парламентарную систему: «Говорятъ, что страна питаетъ недовѣріе къ правительству. Когда среди важныхъ затрудненій я былъ призванъ къ настоящему моему посту, я сталъ получать многочисленные адресы, выражающіе недовѣріе ко мнѣ и къ моему министерству. Я истреблялъ эти адресы и спокойно продолжалъ свой путь. Трехлѣтній періодъ времени, прошедшій съ тѣхъ поръ,

доказалъ, что не смотря на эти изъявленія недовѣрія, страна значительно преуспѣла. Теперь говорятъ о томъ, что нужно перемѣнить личный составъ министерства. Что касается до меня, то я бы вовсе не прочь былъ исполнить подобное требованіе. Дѣйствительно, господа, могу васъ увѣрить, что нѣтъ никакого особеннаго удовольствія занимать въ настоящее время постъ министра. Но, повторяю, я здѣсь не вслѣдствіе желанія какой-нибудь партіи, не вслѣдствіе рѣшенія какого бы то ни было большинства. Я здѣсь потому, что его величество, государь мой, велѣлъ мнѣ быть на этомъ постѣ, и я останусь на немъ, пока онъ мнѣ не повелитъ оставить его». Послѣ долгихъ и жаркихъ преній, проэктъ о возстановленіи провинціальныхъ сеймовъ былъ принятъ большинствомъ 28 голосовъ. Обезпечивши себѣ такимъ образомъ содѣйствіе провинціальныхъ собраній, правительство приступило къ измѣненію общинныхъ и муниципальныхъ законовъ 1850 года.

Еще въ 1808 году главнымъ городамъ королевства дана была организація, основанная на избирательномъ принципѣ и имѣвшая нѣкоторое подобіе самоуправленія; впослѣдствіи подобныя права получили и прочіе города королевства. Что же касается до сельскихъ общинъ, то на нихъ не распространилось это благодѣяніе и онѣ остались подъ управленіемъ помѣщиковъ; только въ Вестфаліи и въ Рейнской области, долгое время бывшихъ подъ французскимъ владычествомъ, сельскія общины получили управленіе, схожее съ городскимъ управленіемъ. Законы о городскомъ и сельскомъ управленіи, изданные въ 1850 году, были довольно либеральны. Но поэтому самому они были ненавистны дворянамъ-землевладѣльцамъ. Съ самаго начала они старались положить всевозможныя препятствія приведенію въ дѣйствіе новыхъ законовъ, и, при господствовавшемъ въ то время реакціонерномъ направленіи, это было дѣломъ не особенно труднымъ. Феодалы, ободренные удачей при возобновленіи провинціальныхъ сеймовъ, и видя во главѣ министерства внутреннихъ дѣлъ члена своей партіи, Вестфалена, рѣшились идти далѣе и хлопотать объ измѣненіи общинныхъ законовъ въ смыслѣ реакціонерномъ. Въ рѣчи, произнесенной по поводу возобновленія областныхъ сеймовъ, Вестфаленъ сказалъ: «обнародованіе новыхъ общинныхъ законовъ заставило было многихъ думать, будто историческія и традиціонныя основы, на которыхъ зиждется прусская монархія, должны замѣниться

новымъ, конституціоннымъ порядкомъ вещей; поэтому новый общинный законъ встрѣченъ былъ съ восторгомъ демократами, съ унынiемъ консерваторами. Пагубныя послѣдствія французской общинной организаціи», сказалъ далѣе министръ, «обнаружились въ Рейнскихъ провинціяхъ. Вообще примѣръ Франціи показываетъ, что новѣйшая конституціонная система не имѣетъ никакой жизненной силы: она только открываетъ путь революціи и соціализму». Въ заключеніе министръ объявилъ, подобно Мантейфелю, что правительство будетъ продолжать идти къ своей цѣли, не отвлекаясь никакими рѣшеніями палаты. Высказавши устами Мантейфеля и Вестфалена такъ опредѣленно свои взгляды на старинную феодально-монархическую и на новую конституціонную систему правленія, и увѣрившись въ содѣйствіи провинціальныхъ сеймовъ, правительство приступило къ измѣненію муниципальныхъ и общинныхъ законовъ 1850 года. Были изданы новые законы, особенные для городскихъ и сельскихъ общинъ, для восточныхъ и западныхъ провинцій Пруссіи; но всѣ они значительно ограничивали право выбора (такъ въ сельскихъ общинахъ только одна треть прежнихъ избирателей сохранила это право по новымъ законамъ). Они ставили городскія общины въ совершенную зависимость отъ правительственныхъ чиновниковъ, ландратовъ, а сельскія въ зависимость и отъ ландратовъ, и еще болѣе отъ помѣщиковъ. Каждый изъ нихъ имѣлъ по одному или по нѣскольку голосовъ въ сельскомъ совѣтѣ; изъ нихъ же выбирались сельскіе судьи и администраторы; а такъ какъ этотъ же законъ отмѣнялъ закрытую подачу голосовъ при сельскихъ выборахъ, то они могли оказывать еще значительнѣйшее вліяніе на зависѣвшихъ отъ нихъ сельскихъ избирателей. Эти законы, содержащіе еще много другихъ постановленій, благопріятныхъ юнкерству и бюрократизму, были почти единогласно приняты верхнею палатой; но въ нижнюю палату ихъ не успѣли внести въ ту же сессію. Однако это нисколько не помѣшало ревностному правительству привести ихъ тотчасъ же въ исполненіе: королевскій декретъ повелѣлъ министрамъ дѣйствовать на основаніи этихъ законовъ, въ ожиданіи пока палата утвердитъ ихъ въ слѣдующую свою сессію.

Въ вопросахъ о возобновленіи провинціальныхъ сеймовъ и объ измѣненіи общинныхъ и муниципальныхъ законовъ мы видѣли полное согласіе между бюрократами и феодалами; они дружными

усиліями низвергли либеральныя учрежденія 1848—1850 годовъ, и подѣлили между собою добычу, разобравши по рукамъ власть, принадлежавшую доселѣ общинамъ. Но вотъ вопросъ, имѣющій также реакціонерный, консервативный характеръ, и въ то же время обнаруживающій антагонизмъ между бюрократами и феодалами—это вопросъ о составѣ первой палаты. Конституція 1850 года отложила рѣшеніе этого вопроса до 1852 года. Когда же въ началѣ 1852 года пришлось создать новый законъ по этому предмету, оказалось очень труднымъ согласовать требованія различныхъ консервативныхъ партій. Мантейфель и партія бюрократическая хотѣли, чтобы верхняя палата состояла изъ королевскихъ принцевъ и медіатизованныхъ имперскихъ чиновъ или ихъ потомковъ; прочіе члены должны были назначаться по выбору короля изъ высшихъ чиновниковъ по юридическому, гражданскому и военному вѣдомствамъ. Конечно, подобный планъ, будучи совершенно противенъ интересамъ аристократіи, встрѣтилъ сильное сопротивленіе съ ихъ стороны. Предводители феодальной партіи, Шталь и Герлахъ, представили свой проэктъ, по которому проэкту верхняя палата должна была состоять изъ наслѣдственныхъ и пожизненныхъ членовъ. Первые должны были назначаться королемъ (изъ высшихъ сановниковъ), послѣдніе должны были избираться дворянствомъ. Король колебался; онъ желалъ согласить несогласныя между собою требованія вѣрнѣйшихъ совѣтниковъ своихъ, Мантейфеля и Герлаха. Наконецъ объявлено было королевское повелѣніе, что составъ верхней палаты опредѣленъ будетъ самимъ королемъ. Въ 1854 году королевскій декретъ объявилъ о новомъ составѣ верхней палаты. Этотъ новый составъ былъ не совсѣмъ согласенъ съ желаніями феодаловъ: онъ даровалъ наслѣдственное право засѣдать въ первой палатѣ только нѣкоторымъ крупнымъ землевладѣльцамъ; а остальные члены назначались пожизненно самимъ королемъ изъ высшихъ сановниковъ и изъ представителей высшаго дворянства; далѣе были представители отъ всѣхъ университетовъ и отъ нѣкоторыхъ важнѣйшихъ городовъ. Мысль объ избраніи самимъ дворянствомъ членовъ верхней палаты вовсе не нашла мѣста въ новомъ законѣ.

Мы изо всего этого ясно видимъ, чего хотѣлъ король, чего хотѣли господствовавшія въ то время партіи бюрократовъ и феодаловъ. Мы убѣждаемся, что и при существованіи конституціи на

бумагѣ, въ иной странѣ законы могутъ издаваться и важные вопросы могутъ рѣшаться самымъ не конституціоннымъ путемъ.

Въ 1852 году истекалъ трехгодичный срокъ тогдашней нижней палаты и предстояли новые выборы. При тогдашней правительственной системѣ, а главное при тогдашнемъ общественномъ настроеніи, нельзя было надѣяться, чтобы эти новые выборы были удачнѣе для демократовъ и конституціоналистовъ, нежели выборы 1849 года. Предвидя полную неудачу, радикалы опять уклонились отъ выборовъ, конституціоналисты опять потерпѣли пораженіе во многихъ мѣстахъ, а большинство палаты состояло изъ приверженцевъ бюрократической и феодальной системы. Итакъ нельзя было ожидать скорой перемѣны въ прусской правительственной системѣ: король разъ навсегда ясно высказалъ свои политическія убѣжденія, министры оставались тѣ же, большинство палатъ оставалось то же, и слѣдовательно на новое трехлѣтіе утвердился въ Пруссіи тотъ порядокъ вещей, который мы изобразили выше.

Дѣйствительно, образованіе верхней палаты въ смыслѣ бюрократически-феодальномъ *), преобразованіе общинныхъ учрежденій и другіе строго-консервативные законы—вотъ плоды сессій палатъ 1852—1855 годовъ. Въ 1855 году избирательная борьба возобновилась съ большею силою, нежели въ 1852 году. Вожди конституціонной партіи и католическое духовенство въ западныхъ провинціяхъ употребляли всѣ свои усилія, чтобы убѣдить населеніе принять участіе въ выборахъ. Однако, большинство избирателей по прежнему отстранялось отъ избранія, не надѣясь на благопріятный результатъ. Такъ въ 1855 году изъ 3,900,000 гражданъ, имѣвшихъ избирательный голосъ, не болѣе 464,000 приняли участіе въ выборахъ. Понятно, что это должно было повести къ новой побѣдѣ реакціонерныхъ фракцій. Слѣдующія цифры, показывающія составъ второй палаты въ 1855 году, лучше всего изображаютъ эту побѣду: въ ней было 170 помѣщиковъ (изъ нихъ 80 ландратовъ), 140 офицеровъ, 134 чиновника и 20 духовныхъ лицъ. Первая побѣда правой стороны состояла въ томъ, что въ президенты палаты выбранъ былъ ея кандидатъ, графъ Эйленбургъ, между тѣмъ какъ кандидатъ лѣвой стороны графъ Шве-

*) Самое названіе ея показывало характеръ этого собранія: вмѣсто первой или верхней палаты, она по закону 1854 года была названа «палатою господъ» (Herrenhaus).

ринъ потерпѣлъ пораженіе: равнымъ образомъ оба вице-президента были представители правой стороны. Далѣе, новымъ пораженіемъ для лѣвой стороны было то, что отвергнуто было предложеніе графа Шверина, требовавшаго ревизіи послѣднихъ выборовъ, которые, по его увѣренію, произведены были подъ вліяніемъ разныхъ министерскихъ циркуляровъ и поэтому не могли быть правильны. Между тѣмъ партія феодальная, надѣясь на свое очевидное превосходство, выступила тоже со своими требованіями. Но такъ какъ ея виды и требованія не всегда сходились съ видами министерства, то многіе изъ нихъ были отвергнуты палатою. Такъ были отвергнуты предложенія Вагнера, требовавшаго въ интересахъ феодальной и крайней протестантской партіи отмѣны 4 и 12 параграфовъ конституціи. Въ 4 § сказано: «всѣ прусскіе подданные равны передъ закономъ; происхожденіе не даетъ никакихъ привилегій»; а въ 12 §: «пользованіе гражданскими и политическими правами не зависитъ отъ религіозныхъ вѣрованій». Правительство, не отказываясь отъ права измѣнять конституцію по своему усмотрѣнію, нашло однакоже ненужными измѣненія, предложенныя Вагнеромъ. Также были отвергнуты предложенія Горста и графа Иценплица (впослѣдствіи министра земледѣлія), которые въ видахъ уменьшенія пролетаріата предложили слѣдующія странныя мѣры: дозволить вступленіе въ бракъ только тому, кто достигъ 24-хъ-лѣтняго возраста, и то только въ томъ случаѣ, если онъ докажетъ, что имѣетъ достаточныя средства къ существованію; другая мѣра должна была состоять въ томъ, чтобы запрещено было перемѣнять мѣсто жительства безъ дозволенія начальства. Какъ министерство Мантейфеля ни было склонно къ централизаціи и регламентаціи, однако же оно нашло, что партія «Крестовой Газеты» зашла уже слишкомъ далеко въ этихъ своихъ требованіяхъ, и они были отвергнуты.

Съ своей стороны партія Герлаха, Вагнера и Шталя платила за эти пораженія тѣмъ, что при обсужденіи вопросовъ, предложенныхъ министерствомъ, соединялась иногда съ католической, иногда съ либеральной партіей и такимъ образомъ наносила пораженіе министерству. Такъ, въ сессію 1856—1857 годовъ министерство предложило законъ о новомъ налогѣ на строенія. Либеральная и католическая партія возстали противъ этого налога, какъ противъ мѣры, стѣснительной для народа: они доказывали,

что и безъ того въ послѣдніе годы налоги увеличились на $7^1/_2$ милліоновъ таллеровъ, и что новое увеличеніе ихъ будетъ разорительно. Феодальная партія также возстала противъ этого закона, потому что часть новаго налога падала на поземельныхъ владѣльцевъ. Проэктъ министерства былъ отвергнутъ большинствомъ 241 голоса противъ 73. Подобное же явленіе повторилось и при обсужденіи новаго закона о разводѣ, поддерживаемаго министерствомъ и феодалами; въ этомъ вопросѣ противъ нихъ соединились партіи либеральная и католическая, и министерскій проэктъ былъ отвергнутъ. Но эти двѣ побѣды либеральной партіи были, какъ мы видимъ, дѣломъ случайнымъ, и произошли оттого, что по разнымъ причинамъ къ ней присоединились другія партіи въ палатѣ. Въ сущности же это случалось очень рѣдко. Объ реакціонерныя фракціи—бюрократическая и феодальная,—несмотря на различіе своихъ стремленій, несмотря на открыто-проявляющуюся иногда вражду свою *), были слишкомъ тѣсно связаны своей общей ненавистью къ новому порядку. Трудно было предвидѣть, какъ долго продержится эта система и къ чему она приведетъ, если бы болѣзнь короля и отреченіе его въ 1858 году не произвели нѣкоторой перемѣны во внутренней политикѣ прусскаго правительства.

Болѣзнь, постигшая короля Фридриха Вильгельма IV въ іюлѣ мѣсяцѣ 1857 года, обратилась скоро въ размягченіе мозга; и такъ какъ король не въ состояніи былъ заниматься лично дѣлами управленія, то королевскимъ повелѣніемъ отъ 23 октября 1857 года, принцу прусскому поручено было управленіе государствомъ. Болѣзнь короля, неизвѣстность чѣмъ эта болѣзнь кончится, и наконецъ назначеніе правителемъ принца прусскаго произвели сильное волненіе въ странѣ и въ особенности при дворѣ. Всѣ ожидали совершенной перемѣны во внѣшней и внутренней политикѣ

*) Эта вражда выразилась между прочимъ и внѣ палаты, въ дуэли Гинкельдея и Рохова. Гинкельдей, президентъ берлинской полиціи, былъ однимъ изъ самыхъ ревностныхъ членовъ бюрократической партіи, и по этому не ладилъ съ феодалами. Онъ нѣсколько разъ пытался отклонить короля отъ феодаловъ и увѣрить его, что феодалы не менѣе опасные враги королевской власти, нежели либералы. За это молодой офицеръ и членъ нижней палаты, Роховъ, нашелъ случай вызвать его на дуэль, въ которой Гинкельдей былъ убитъ.

Пруссіи. Мы встрѣчались уже прежде съ личностью принца прусскаго; мы видѣли, какого рода убѣжденія высказывалъ онъ въ 1847 году, во время засѣданій соединенныхъ провинціальныхъ сеймовъ: мы видѣли его образъ дѣйствія въ 1848 году, который привелъ народъ въ такое негодованіе, что принцъ долженъ былъ удалиться въ Лондонъ: мы видѣли далѣе, какъ недружелюбно встрѣтило его собраніе 1848 года, когда онъ, по возвращеніи изъ Лондона, явился занять свое мѣсто, какъ членъ собранія. Наконецъ въ послѣдній разъ мы видѣли его во главѣ прусскаго войска, подавляющимъ народное движеніе въ Баденѣ и Пфальцѣ. Все это, кажется, обрисовываетъ намъ довольно ясно личность новаго правителя Пруссіи и показываетъ, каковы были его политическія убѣжденія. А такъ какъ въ то время онъ былъ уже человѣкъ не молодой (ему было за 50 лѣтъ), то мы имѣемъ полное право предполагать, что эти убѣжденія не были чѣмъ-нибудь измѣнчивымъ и преходящимъ, а напротивъ, что они явились у него плодомъ зрѣлаго обсужденія, что они были искренни и поэтому тверды и непоколебимы. Но почему же господствовавшія въ послѣднее время партіи съ опасеніемъ смотрѣли на переходъ власти въ его руки? почему же противники этихъ партій ожидали отъ его управленія перемѣны къ лучшему? Это довольно странное явленіе, которое вводило многихъ въ заблужденіе и приводило ихъ къ совершенно ложнымъ заключеніямъ насчетъ личности и убѣжденій будущаго короля Пруссіи.

Дѣло въ томъ, что принцъ прусскій имѣлъ болѣе проницательности, нежели Фридрихъ Вильгельмъ IV: онъ лучше понималъ свое время, онъ лучше понималъ людей, окружавшихъ короля, и вслѣдствіе этого онъ убѣдился въ невозможности существованія мантейфелевой системы. Онъ не отступилъ ни на одну іоту отъ прежнихъ своихъ убѣжденій касательно назначенія и объема королевской власти. Онъ говорилъ и о конституціи,—но такой, которая не уменьшала бы ни на волосъ существа королевской власти; такой конституціи, которая бы не подчиняла его личной воли, его личныхъ симпатій и антипатій рѣшеніямъ парламентскаго большинства. И отъ подобной конституціи онъ былъ не прочь, потому что она, ни въ чемъ не ограничивая власть королевскую, могла однако значительно ограничить власть феодаловъ, которая въ послѣднее время управленія Фридриха Вильгельма IV сдѣлалась почти не-

ограниченной. Онъ видѣлъ неизбѣжное зло и въ усиленіи либераловъ, и въ усиленіи феодаловъ; онъ охотнѣе всего избралъ бы такую систему правленія, при которой можно бы обойтись и безъ того и безъ другаго. Но въ послѣдніе годы онъ убѣдился въ томъ, что это совершенно невозможно; онъ видѣлъ, что черезчуръ строгое преслѣдованіе либеральной партіи привело правительство его брата къ замѣтному сближенію съ феодальной партіей и даже заставило его подчиниться ея интересамъ. Поэтому онъ рѣшился изъ двухъ неизбѣжныхъ золъ выбрать меньшее: нѣкоторыя уступки въ либеральномъ духѣ казались ему все-таки меньшимъ зломъ, нежели уступки тенденціямъ Герлаха, Шталя, Вестфалена. Вслѣдствіе такого особеннаго взгляда на вещи, принцъ прусскій въ послѣднее время управленія Фридриха Вильгельма IV составлялъ при дворѣ его родъ оппозиціи. Вокругъ него составился особенный кружокъ людей, изъ которыхъ нѣкоторые сидѣли въ палатѣ на скамьяхъ лѣвой стороны и казались крайне-либеральными и опасными какъ Мантейфелю, такъ и феодаламъ *). Вотъ какимъ образомъ можно объяснить опасенія мантейфель-вестфаленской партіи и радость умѣренныхъ либераловъ въ виду предстоящей перемѣны прусской политики.

Но покамѣсть опасенія Мантейфеля, Вестфалена и пр. оказались преждевременными. Въ это время еще неизвѣстно было, что болѣзнь короля была неизлечима, и принцъ не могъ дѣйствовать съ полной свободой противъ людей, которые пользовались постояннымъ расположеніемъ короля и королевы. Поэтому на первый годъ своего управленія онъ оставилъ всѣхъ прежнихъ министровъ, не выдвинулъ впередъ никого изъ своихъ приближенныхъ и буквально слѣдовалъ прежней политикѣ короля, какъ во внѣшнихъ дѣлахъ, такъ и во внутреннихъ. Такъ какъ члены палаты были выбраны еще въ 1855 году подъ вліяніемъ тогдашней системы, то большинство въ ней по прежнему было на сторонѣ консерваторовъ. Но въ концѣ 1858 года произошла перемѣна, которой давно ужэ ожидали: король передалъ принцу власть неограниченную, и принцъ-регентъ могъ дѣйствовать свободнѣе. Тогда-то случилась та перемѣна въ прусской политикѣ, которая ввела столь многихъ

*) Въ числѣ его приближенныхъ мы видимъ: Шлейница, Бетманъ-Гольвега, Уздома, Бунзена и другихъ.

въ заблужденіе касательно истиннаго смысла этой политики. На другой же день послѣ изданія королевскаго декрета о регентствѣ вышелъ въ отставку министръ внутреннихъ дѣлъ, Вестфаленъ, представлявшій въ министерствѣ интересы феодальной партіи и поэтому особенно нелюбимый принцемъ-регентомъ. Двѣ недѣли спустя вышелъ въ отставку и Мантейфель съ прочими своими товарищами, и мѣсто ихъ заступило министерство, состоявшее изъ умѣренныхъ либераловъ.

Мы не будемъ останавливаться на всѣхъ замѣчательныхъ событіяхъ во внутренней исторіи Пруссіи послѣднихъ трехъ съ половиною лѣтъ; коснемся только того, что поясняетъ наше сужденіе о политикѣ настоящаго прусскаго правительства. Объяснивши выше, въ чемъ состояло различіе между политикою Вильгельма I и прежнею системой, мы постараемся показать въ краткихъ словахъ, что и король Вильгельмъ I нисколько не измѣнилъ политикѣ своихъ предшественниковъ тамъ, гдѣ дѣло шло о примѣненіи традиціонныхъ монархическихъ принциповъ.

Учрежденіе регентства въ Пруссіи совпадаетъ съ весьма важной эпохой—съ эпохою новыхъ выборовъ. Это было чрезвычайно важно, потому что для новой системы не годились палаты, выбранныя подъ вліяніемъ феодально-бюрократическаго гнета мантейфелевой системы. Конечно слѣдовало ожидать, что либеральное направленіе, которое предполагали въ новомъ правительствѣ, выразится прежде всего въ дарованіи избирателямъ возможности выражать свое мнѣніе съ полнѣйшею свободою. Такъ ли поступило новое правительство? Ни чуть. Флотвелль, назначенный министромъ внутреннихъ дѣлъ на мѣсто Вестфалена, поступаетъ точно такъ же, какъ его предшественникъ: онъ, какъ и Вестфаленъ, разсылаетъ по всему королевству циркуляры, въ которыхъ приглашаетъ всѣхъ правительственныхъ чиновниковъ давать выборамъ направленіе, согласное съ видами правительства. Разница заключалась только въ нѣкоторомъ различіи между тогдашними видами правительства и настоящими. Вестфаленъ и Мантейфель предписывали чиновникамъ способствовать избранію членовъ феодальной и бюрократической партіи и противиться избранію умѣренныхъ либераловъ и прогрессистовъ, неугодныхъ правительству. Флотвелль предписываетъ чиновникамъ способствовать избранію умѣренныхъ либераловъ, угодныхъ правительству, и противиться

избранію феодаловъ и демократовъ. Въ 1855 году чиновники слушались предписаній г. Вестфалена, выборы не были свободными и окончились полнымъ торжествомъ бюрократической и феодальной партіи. Въ 1858 году чиновники слушались предписаній г. Флотвелля, выборы тоже не были свободными и окончились полнымъ торжествомъ умѣренныхъ либераловъ и пораженіемъ феодаловъ и прогрессистовъ *). Конечно, мы не оспориваемъ того, что результатъ выборовъ 1858 года былъ гораздо благодѣтельнѣе для народа, нежели результатъ выборовъ 1853 года, потому что открывалъ умѣреннымъ либераламъ доступъ въ палату, удаляя изъ нея феодаловъ; но мы хотимъ только сказать, что ни тѣ, ни другіе выборы не были выраженіемъ истинныхъ стремленій и желаній народа. Далѣе, хотя «*Крестовая газета*» и выходила изъ себя, хотя она и предсказывала правительству величайшее бѣдствіе, которое только можно было представить себѣ — преобразованіе прусской монархіи въ государство парламентарное, и зависимость министерства отъ большинства палаты, а не отъ короны,—однако регентъ вовсе не думалъ окончательно порвать съ прежней системой. Правда, онъ лишилъ представителей феодальной партіи прежняго ихъ значенія, — но это потому, что онъ считалъ ихъ опасными для неограниченной королевской власти; правда, онъ удалилъ Мантейфеля и другихъ министровъ,—но это потому, что онъ лично имъ не симпатизировалъ, а не потому, чтобы онъ не одобрялъ всей прежней системы правленія. Доказательствомъ тому, что онъ сохранилъ довольно близкія связи съ прежней системой, можетъ послужить то, что онъ оставилъ въ новомъ министерствѣ своемъ очень вліятельныхъ членовъ прежняго министерства, фонъ-деръ-Гейдта и Симонса; да изъ числа вновь назначенныхъ министровъ иные не слишкомъ много разнились въ своихъ политическихъ убѣжденіяхъ отъ членовъ мантейфелева кабинета, напр. министръ внутреннихъ дѣлъ Флотвелль. Правда, мы видимъ въ министерствѣ многихъ членовъ прежней оппозиціи, людей болѣе либеральныхъ, которые пытаются овладѣть умомъ короля. Но это было дѣломъ не легкимъ, и поэтому мы видимъ колебаніе въ политикѣ короля. Иногда Ауэрсвальду, Патову, Шверину (замѣнившему въ 1859 году Флотвелля) удается одержать верхъ, и слѣд-

*) Въ новой палатѣ было 236 умѣренныхъ либераловъ и только 62 консерватора.

ствіемъ этой побѣды бываетъ какая нибудь либеральная мѣра, которая удовлетворяетъ болѣе стремленіямъ большинства, нежели личнымъ вкусамъ и убѣжденіямъ короля. Но часто одерживаютъ верхъ эти личныя убѣжденія, и тогда мы видимъ обыкновенно мѣру далеко не либеральную и не конституціонную.

Регентъ очень опредѣленно выразилъ свою консервативную политику въ рѣчи, съ которою онъ обратился къ новому министерству тотчасъ послѣ его образованія: «Мы должны, сказалъ онъ, сдѣлать измѣненія только въ томъ, что произвольно и противно нуждамъ эпохи. Въ точности узнать эти нужды, по достоинству оцѣнить и благоразумно осуществить ихъ—вотъ тайна политической мудрости, которая должна воздерживаться отъ всякихъ крайностей. То, что обѣщано, слѣдуетъ исполнить; *но нужно смѣло противиться тому, что не обѣщано.* Прежде всего, я прошу васъ, не придерживайтесь той стереотипной фразы, «что правительство должно стать во главѣ либеральныхъ идей, иначе онѣ проложутъ себѣ дорогу независимо отъ него». Вотъ здѣсь-то и слѣдуетъ выказать то, что я назвалъ политическою мудростью»... Про эту рѣчь нельзя сказать, чтобы она не заключала въ себѣ нѣкоторыхъ истинъ, противъ справедливости которыхъ нельзя ничего возразить. Король не отказывается отъ реформъ, которыхъ потребуютъ нужды страны. Но отъ такихъ реформъ не отказывались ни графъ Бранденбургъ, ни Мантейфель; необходимость ихъ признавалъ и Вестфаленъ, и Герлахъ и Вагнеръ. Все дѣло заключается только въ томъ, какія реформы можно и должно считать необходимыми и соотвѣтствующими нуждамъ страны. Мантейфель считалъ такими реформами крайнее развитіе полицейско-бюрократической системы, основанной на произволѣ чиновниковъ, на нарушеніи письменной тайны и пр. Вестфаленъ и Герлахъ считали реформами, соотвѣтствующими нуждамъ страны—дарованіе обширныхъ привилегій дворянству, отмѣненіе общинныхъ законовъ 1848 года, и проч. Какія же реформы настоящее прусское правительство считало необходимыми и истинно полезными? А вотъ, напр., въ концѣ 1859 г. правительство нашло нужнымъ произвести коренную реформу въ военномъ устройствѣ Пруссіи: ему показалось необходимымъ почти удвоить военныя силы Пруссіи въ мирное и въ военное время. Такъ какъ военный министръ, генералъ Бонинъ, не признавалъ необходимости такого значительнаго уве-

личенія военныхъ силъ, онъ вышелъ въ отставку, и новый военный министръ, фонъ-Роонъ, предложилъ вначалѣ 1860 года второй палатѣ проэктъ реформъ въ военномъ устройствѣ Пруссіи. По этому проэкту кадры прусской арміи значительно увеличивались на счетъ ландвера, такъ что на будущее время прусская армія въ мирное время должна была состоять изъ 200,000 человѣкъ (вмѣсто прежнихъ 120,000), а въ военное время изъ 430,000 (вмѣсто прежнихъ 240,000); срокъ военной службы назначался трехъ-годичный для пѣхоты, и четырехъ годичный для кавалеріи. Вторая палата не раздѣляла убѣжденій принца-регента и военнаго министра касательно необходимости и пользы этой мѣры; она видѣла въ ней только значительное увеличеніе военнаго бюджета (увеличеніе это простиралось до 9½ милліоновъ талеровъ), и потому встрѣтила проэктъ довольно неблагосклонно. Правительство отчаялось въ томъ, чтобы ему удалось достигнуть утвержденія этого проэкта, какъ постояннаго закона, а потому оно просило палату принять его, какъ временную мѣру, и вотировать необходимые 9½ милліоновъ только на настоящій 1860 годъ, что палата и сдѣлала. Въ іюлѣ мѣсяцѣ, послѣ распущенія палаты, правительство издало повелѣніе объ образованіи новыхъ 36-ти пѣхотныхъ и 10-ти кавалерійскихъ полковъ. Такимъ образомъ эта мѣра была приведена въ исполненіе безъ одобренія и утвержденія палаты. Либералы и прогрессисты возставали противъ этой не конституціонной процедуры: но прусскій народъ, увлеченный патріотическимъ и національно-германскимъ одушевленіемъ, запуганный опасностью, будто бы грозившею Германіи изъ-за Рейна, оставался глухъ къ этимъ протестамъ. Что касается до партіи «Крестовой Газеты», она была очень довольна тѣмъ, что правительство оставляетъ опасный конституціонный путь, и въ важныхъ вопросахъ поступаетъ независимо, не сообразуясь съ рѣшеніями большинства палаты.

Вообще консервативная партія скоро оправилась отъ своего страха и увидѣла, что новая система правленія вовсе не такъ далека отъ прежней, какъ она это сперва полагала. Увѣренная въ тайномъ сочувствіи регента, она смѣло, и бо́льшею частью успѣшно, противилась всѣмъ либеральнымъ проэктамъ министерства, и съ неменьшимъ успѣхомъ поддерживала тѣ мѣры правительства, направленіе которыхъ было анти-либеральное. Такъ въ продолже-

ніе нѣсколькихъ сессій, верхняя палата упорно отвергала либеральные законы о гражданскомъ бракѣ, о уравненіи поземельнаго налога, объ эманципаціи евреевъ, несмотря на то, что эти законы каждый разъ проходили черезъ вторую палату. Съ своей стороны и принцъ-регентъ сталъ замѣтно приближаться къ этой партіи. По мѣрѣ того, какъ онъ замѣчалъ, что либералы дѣлаются все болѣе и болѣе требовательны, что они начинаютъ выказывать стремленія, которыя не вполнѣ согласовались съ его собственными убѣжденіями о королевской власти, онъ сталъ удаляться отъ нихъ и приближаться еще болѣе къ партіи консервативной. Въ особенности это направленіе усилилось въ немъ послѣ того, какъ вначалѣ 1861 года, вслѣдствіе смерти короля Фридриха Вильгельма IV, онъ самъ сдѣлался королемъ. Вотъ, что онъ говорилъ между прочимъ въ манифестѣ, въ которомъ онъ извѣщалъ прусскій народъ о вступленіи своемъ на престолъ: «условія могущества Пруссіи заключаются въ искренности ея религіозныхъ убѣжденій, въ соединеніи свободы съ послушаніемъ, въ увеличеніи вооруженной силы ея... Я крѣпко придерживаюсь традиціи моего дома, и я неизмѣнно стремлюсь къ своей цѣли—поднять и укрѣпить патріотическій духъ въ моемъ народѣ. Я хочу установить и утвердить права государства, сообразно съ историческимъ значеніемъ его, и сохранить учрежденія Фридриха Вильгельма IV».

Признаки общаго сочувствія, изъявленные королю по поводу покушенія Беккера на его жизнь, достаточно показали королю, какою сильною привязанностью онъ пользовался въ своемъ народѣ. Онъ думалъ, что эта привязанность должна также выразиться и въ томъ, что на предстоящихъ выборахъ въ палату депутатовъ избиратели выберутъ именно тѣхъ лицъ, которыя угодны ему и его совѣтникамъ. По крайней мѣрѣ, король неоднократно высказывалъ это желаніе въ разныхъ рѣчахъ, произнесенныхъ имъ по поводу коронаціи. Къ тому же приглашалъ населеніе и циркуляръ министра внутреннихъ дѣлъ, графа Шверина: онъ приглашалъ населеніе не мѣшать дѣлу благоразумнаго прогресса, и не присылать въ палату радикаловъ, то есть повторялъ то самое внушеніе, которое дѣлалъ, три года назадъ, г. Флотвелль и, шесть лѣтъ назадъ, г. Вестфаленъ.

Можно себѣ представить, каково было разочарованіе крестовой партіи и негодованіе короля, когда, вмѣстѣ съ 160-ю умѣренныхъ

либераловъ, оказались выбранными болѣе 100 прогрессистовъ и только 16 консерваторовъ. Король принялъ выборъ Вальдека, Шульце-Делича и сотни другихъ прогрессистовъ за выраженіе нелюбви и недовѣрія къ нему его подданныхъ, — и высказывалъ во всеуслышаніе свое негодованіе. Приведемъ для примѣра извѣстную рѣчь его, сказанную при освященіи церкви въ Лецлингенѣ: «Прошлымъ лѣтомъ я получилъ трогательнѣйшія заявленія любви и привязанности моего народа, когда преступная рука покусилась на мою жизнь; потомъ я совершилъ какъ бы побѣдное шествіе по всей странѣ, сопровождаемый непрерывными манифестаціями населенія. Но какими *дѣйствіями* подтвердилась эта преданность послѣ великолѣпныхъ празднествъ коронаціи? Народъ отвѣчалъ мнѣ выборами, хуже которыхъ и быть не могло; они глубоко огорчили мое королевское сердце. Присылаютъ въ Берлинъ людей, осужденныхъ за политическія преступленія и получившихъ только вслѣдствіе амнистіи дозволеніе возвратиться въ отечество. Однакожъ мои виды останутся неизмѣнными и намѣренія мои непоколебимо твердыми. Я принялъ корону съ алтаря Божьяго и отъ руки Божьей; я благодарю Бога за мое твердое убѣжденіе въ томъ, что я принялъ корону отъ его божественной милости; она есть наслѣдіе, оставленное мнѣ моими славными предками, и я хочу сохранить ее».

О послѣднихъ событіяхъ въ Пруссіи «Современникъ» уже говорилъ въ подробности, и поэтому мы ограничимся только общимъ взглядомъ на нихъ. Вслѣдъ за выборами ждали немедленнаго министерскаго кризиса; эти ожиданія не сбылись: министерство покамѣстъ осталось въ полномъ своемъ составѣ. Но очевидно было, что король, оскорбленный послѣдними выборами, приближался къ реакціонерамъ. Наконецъ, въ мартѣ послѣдовалъ давно ожидаемый кризисъ: палата была распущена, умѣренно-либеральная часть министерства вышла въ отставку—и составилось новое министерство, въ которомъ мы видимъ или феодаловъ настоящаго закала: графа Липпе, Иценплица, князя Гогенлоэ, или бюрократовъ: Ягова, Гейдта, Роона, Мюлера. Направленіе этихъ лицъ слишкомъ извѣстно, чтобы можно было сомнѣваться въ совершенно-реакціонерномъ характерѣ этого министерства; да и неловкіе избирательные циркуляры Ягова, Липпе, Мюлера носятъ на себѣ такой ясный отпечатокъ мантейфелевой системы, что могли бы

убѣдить всякаго, кто вздумалъ бы усомниться въ этомъ. Ясно, что всѣ послѣдующія quasi-либеральныя мѣры его—суть не что иное, какъ военная хитрость. Реакціонной партіи не хочется разстаться съ властью, не хочется уступать ее либераламъ, которые должны повести государство къ погибели, а между тѣмъ составъ новой палаты таковъ, что черезъ нее не пройдетъ ни одна реакціонная мѣра. Вотъ министерству и пришлось прикинуться либеральнымъ. даже болѣе либеральнымъ, нежели вышедшее въ отставку министерство; вотъ правительство и поспѣшило отмѣнить предполагавшееся увеличеніе налоговъ; вотъ князь Гогенлоэ въ рѣчи, произнесенной при открытіи новой палаты, обѣщаетъ и уменьшеніе военныхъ силъ, и спеціализированіе бюджета, и избавленіе страны отъ новыхъ налоговъ, и прочія блага. Авось, молъ, примутъ насъ за либераловъ, за истинныхъ друзей народа, и оставятъ во главѣ управленія, а тамъ—тамъ уже мы свое дѣло сдѣлаемъ.

Май, 1862

ВОПРОСЪ ОБЪ УЛУЧШЕНІИ БЫТА

РАБОЧИХЪ ВЪ ГЕРМАНІИ.

Въ Германіи вопросъ этотъ явился довольно независимо; извѣстно, что соціальное положеніе рабочаго класса давно уже занимало замѣчательные умы во Франціи и Англіи; — въ Германіи ихъ идеи не оказали повидимому никакого вліянія. Вопросъ нѣмецкій шелъ независимо отъ этой теоретической традиціи и вызванъ былъ настоятельной потребностью практической, дѣятельной жизни. Въ особенности онъ сильно занимаетъ нѣмцевъ въ послѣднее время, когда относительно разрѣшенія этого вопроса рѣзко обозначились два направленія. Одни, во главѣ которыхъ стоитъ окружной судья и одинъ изъ дѣятельнѣйшихъ членовъ бывшей прусской палаты, Шульце-Деличъ, требуютъ, чтобы все было сдѣлано силами самихъ рабочихъ, безъ малѣйшаго вмѣшательства государства. Другіе, въ томъ числѣ преимущественно Фердинандъ Лассаль, утверждаютъ, что такъ какъ государство своими законодательными и административными мѣрами беретъ подъ свою спеціальную защиту высшіе, владѣтельные классы, то оно должно по справедливости принять также дѣятельное участіе въ устройствѣ судьбы неимущихъ, рабочихъ классовъ. Это главное основаніе разногласія партіи Шульце-Делича и партіи Лассаля; но есть еще много другихъ пунктовъ въ вопросѣ объ отношеніи рабочихъ классовъ къ государству и къ классамъ владѣтельнымъ, по которымъ не сходятся эти двѣ партіи. Между ними идетъ дѣятельная борьба, и каждая изъ нихъ старается доказать основательность своего ученія и пріобрѣсти въ Германіи какъ можно бо-

лѣе послѣдователей; и дѣйствительно, все рабочее населеніе Германіи раздѣлилось на двѣ большія группы, изъ которыхъ одна высказала себя въ пользу ученія Шульце-Делича, другая въ пользу ученія Лассаля. Но первая изъ этихъ партій имѣетъ то огромное преимущество, что она можетъ выступить въ бой, опираясь не на одни только теоретическіе выводы и апріористическія сужденія, но и на практическіе результаты своей дѣятельности, результаты довольно краснорѣчивые. Между тѣмъ партія Лассаля, встрѣчавшая постоянно препятствія къ осуществленію своего ученія, какъ со стороны государства, такъ и со стороны всѣхъ послѣдователей старыхъ экономическихъ школъ, не могла, подобно своимъ противникамъ, явиться на судъ общества съ практическими результатами своей дѣятельности. Понятно, что это обстоятельство дѣлало борьбу неравною и давало партіи Шульце-Делича возможность упрекать противниковъ своихъ въ бездоказательности, непрактичности, въ погонѣ за утопіями; она забывала, что тѣмъ, которые имѣютъ въ рукахъ оружіе, не приходится хвастаться своимъ превосходствомъ надъ тѣми, кому не даютъ оружія въ руки, и которые должны такимъ образомъ сражаться при самыхъ невыгодныхъ условіяхъ. Впрочемъ о полемической сторонѣ этого вопроса, о ходѣ борьбы между партіями Лассаля и Шульце-Делича, объ успѣхахъ, пріобрѣтаемыхъ тою и другою въ Германіи, о недостаткахъ того и другаго ученія, мы поговоримъ въ другой статьѣ. Въ настоящей же статьѣ мы намѣрены познакомить читателей нашихъ съ историческою и практическою стороною вопроса объ улучшеніи быта рабочихъ въ Германіи, съ тѣмъ, что до сихъ поръ сдѣлано, и что дѣлается въ этомъ отношеніи въ Германіи. При этомъ намъ придется говорить исключительно о дѣйствіяхъ послѣдователей Шульце-Делича, и въ особенности о его собственной, дѣйствительно замѣчательной и полезной дѣятельности. Если мы не одобряемъ того пренебреженія и того сознанія собственнаго превосходства, съ которымъ Шульце-Деличъ и его послѣдователи относятся къ противникамъ своимъ, у которыхъ до сихъ поръ связаны руки, и которые поэтому до сихъ поръ ничего не могли сдѣлать, то мы готовы всегда съ полнымъ безпристрастіемъ отнестись къ полезной сторонѣ дѣятельности этихъ людей; доказательствомъ тому можетъ служить то, что мы всю настоящую статью посвящаемъ весьма подробному описанію

этой дѣятельности и хорошихъ результатовъ ея, и тщательно раскрываемъ всѣ хорошія ея стороны.

I.

ПЕРВАЯ ПОПЫТКА КЪ УЛУЧШЕНІЮ БЫТА РАБОЧИХЪ ВЪ ГЕРМАНІИ.—ШУЛЬЦЕ-ДЕЛИЧЪ; ЛИТЕРАТУРНАЯ И ПРАКТИЧЕСКАЯ ДѢЯТЕЛЬНОСТЬ ЕГО ВЪ ЭТОМЪ ВОПРОСѢ. — РАЗЛИЧНЫЕ ВИДЫ АССОЦІАЦІЙ РАБОЧИХЪ ВЪ ГЕРМАНІИ И НАСТОЯЩЕЕ ПОЛОЖЕНІЕ ЭТИХЪ АССОЦІАЦІЙ.

1.

Хотя въ Германіи фабричный пролетаріатъ никогда не достигалъ тѣхъ размѣровъ, какъ въ Англіи и во Франціи, однако около начала сороковыхъ годовъ и въ умахъ нѣмецкихъ рабочихъ классовъ—мелкихъ ремесленниковъ, фабричныхъ рабочихъ, поденщиковъ, и проч. пробудилось сознаніе, что не вѣкъ же существовать тому отношенію между классами производящими и потребляющими, какъ то, которое существовало на ихъ глазахъ. Ученія французскихъ соціалистскихъ школъ, не смотря на всѣ строгости цензуры и полицейскаго надзора, проникали въ Германію и распространялись по ней, преимущественно въ сѣверной и восточной части ея. Умы нѣмецкихъ рабочихъ приходили въ замѣтное броженіе; чувствовалась необходимость произвести радикальныя перемѣны въ бытѣ рабочихъ—но въ чемъ должны были состоять эти перемѣны, этого никто не могъ или не рѣшался сказать. До какихъ смѣшныхъ результатовъ доводитъ людей желаніе улучшить положеніе рабочихъ классовъ, соединенное съ совершенною неспособностью создать что-либо новое и съ боязнью передъ всѣмъ новымъ, лучше всего показываетъ тотъ способъ, какимъ многіе ремесленники, преимущественно въ южной Германіи, думали разрѣшить вопросъ о соціальномъ перерожденіи общества. Они полагали, что для этого достаточно будетъ *реорганизаціи цеховаго устройства* съ примѣсью нѣкоторыхъ нововведеній, сообразныхъ съ духомъ времени. Конечно подобныя оригинальныя понятія являются въ видѣ исключенія; но они все-таки отлично показываютъ, какой хаосъ понятій господствовалъ въ то время въ Германіи. Однимъ изъ первыхъ послѣдствій возбужденныхъ въ Германіи стремленій къ улучшенію быта неимущихъ классовъ, одною изъ попытокъ

къ предотвращенію опасности соціальной болѣзни, является мысль объ образованіи въ Берлинѣ *центральнаго общества для увеличенія благосостоянія рабочихъ классовъ въ Пруссіи и Германіи.* 7-го октября 1844 года нѣкоторые представители фабричной и ремесленной промышленности, равно какъ и другія лица, интересовавшіяся судьбою рабочихъ классовъ, издали воззваніе объ образованіи подобнаго общества, и воззваніе это встрѣчено было всеобщимъ одобреніемъ. Король Фридрихъ Вильгельмъ IV выразилъ именнымъ рескриптомъ живое участіе, которое онъ принимаетъ въ образованіи общества, основаннаго съ цѣлью улучшить матеріальное и моральное благосостояніе ремесленниковъ и фабричныхъ, и предоставилъ въ распоряженіе общества 15,000 талеровъ; и это дѣлалось съ тѣмъ предположеніемъ, что общество не удовольствуется основаніемъ сберегательныхъ и ссудныхъ кассъ, но окажетъ болѣе широкую и полезную во всѣхъ отношеніяхъ дѣятельность ко благу рабочихъ. Но и это *центральное общество* постигла та же судьба, которая постигала многія соціальныя и политическія учрежденія той эпохи. Во первыхъ, дальнѣйшее развитіе и дѣйствія этого общества были встрѣчены недовѣріемъ, тайнымъ, а потомъ и явнымъ противодѣйствіемъ бюрократическихъ понятій и стремленій, а вслѣдствіе этого и полицейскими мѣрами. Первоначальное одушевленіе охладѣло; предполагавшееся образованіе провинціальныхъ, окружныхъ и мѣстныхъ обществъ не состоялось; общество утратило большую часть своихъ членовъ еще прежде, нежели вступилъ въ силу уставъ этого общества, одобренный общимъ собраніемъ членовъ лишь въ 1847 г.; самый уставъ этотъ былъ утвержденъ королемъ не ранѣе, какъ въ апрѣлѣ 1848 года; даже изъ обѣщанной обществу суммы 15,000 талеровъ, въ распоряженіе общества предоставлена была только половина. Не мудрено, что при подобныхъ условіяхъ общество не въ состояніи было выполнить своей задачи. А задача эта была весьма обширна, какъ видно изъ устава центральнаго и мѣстныхъ обществъ. Вотъ какъ задача эта обозначается въ уставѣ: учрежденіе сберегательныхъ, ссудныхъ, пенсіонныхъ, вспомогательныхъ кассъ и кассъ на случай болѣзни, учрежденіе общихъ магазиновъ для рабочихъ, учрежденіе школъ для образованія дѣтей, работающихъ на фабрикахъ, и пріютовъ для дѣтей, родители которыхъ заняты на фабрикахъ; распространеніе общеполезныхъ

свѣдѣній печатныхъ и устнымъ образомъ; улучшеніе помѣщеній для рабочихъ, устройство общихъ прачешныхъ и бань; пріобрѣтеніе по дешевымъ цѣнамъ земельныхъ участковъ и предоставленіе ихъ рабочимъ, и проч. Но только самая незначительная часть этой задачи была исполнена центральнымъ обществомъ. Съ одной стороны, какъ мы упоминали выше, оно на пути къ своей цѣли встрѣтило затрудненія со стороны полицейскихъ и административныхъ властей, которыя смотрѣли на дѣятельность его съ недоброжелательствомъ и подозрительностью. Съ другой стороны оно само во многихъ отношеніяхъ виновато въ своемъ неуспѣхѣ; оно какъ огня боялось всего, что имѣло малѣйшее сходство съ соціалистскими ученіями французскихъ школъ, и безразлично исключало изъ своей дѣятельности все, что могло напомнить соціалистскіе и коммунистскіе пріемы; оно не желало вмѣшательства въ свою дѣятельность центральной власти, но отстраняло также и иниціативу самихъ заинтересованныхъ въ дѣлѣ рабочихъ классовъ; члены его не обладали достаточнымъ терпѣніемъ и умѣньемъ взяться за дѣло—и дѣло не подвигалось впередъ. Ему удалось только основать въ отдѣльныхъ мѣстностяхъ и при отдѣльныхъ фабрикахъ довольно много сберегательныхъ кассъ; оно основало нѣсколько школъ для дѣтей, оно устроило въ Берлинѣ общественныя бани и прачешныя, оно способствовало образованію въ Берлинѣ общества для снабженія рабочихъ дешевыми квартирами; но этимъ и ограничилась его дѣятельность. Изъ всѣхъ прочихъ предположеній, упоминаемыхъ въ уставѣ, одни вовсе никогда не осуществлялись, другіе погибали при самомъ началѣ осуществленія ихъ; особенно неудачны были попытки центральнаго общества къ обезпеченію безбѣднаго существованія рабочихъ въ старости. Это общество и до сихъ поръ продолжаетъ свою дѣятельность, но особенной пользы оно никому не приноситъ, а поэтому и не заслуживаетъ особеннаго вниманія.

Съ 1848 года вопросъ о преобразованіи соціальнаго положенія рабочихъ въ Германіи былъ поднятъ съ особою силою. Въ то время, какъ одни изъ тѣхъ, которые занялись этимъ дѣломъ, были до того близоруки, что, какъ мы замѣтили выше, хотѣли искать этого преобразованія въ возобновленіи и распространеніи цеховъ, другіе, и преимущественно мелкіе ремесленники, фабричные работники и поденщики, заговорили наоборотъ о полной сво-

бодѣ промышленной дѣятельности, и пытались произвести вышеупомянутое преобразованіе на широкихъ основаніяхъ этой свободы. Вскорѣ послѣ мартовскихъ событій во многихъ мѣстахъ Германіи образовались общества рабочихъ, которыя въ августѣ 1848 года послали депутатовъ на *всеобщій конгрессъ рабочихъ въ Германіи*, на которомъ обсуждались поднятые вопросы, и который своими постановленіями пытался достигнуть желаемой организаціи труда. Сообразно съ этими постановленіями всѣ рабочіе извѣстной мѣстности должны были выбрать изъ своей среды мѣстный комитетъ, который занимался бы интересами этихъ рабочихъ. Эти мѣстные комитеты должны были подчиняться окружнымъ комитетамъ, а тѣ въ свою очередь—одному центральному комитету въ Лейпцигѣ. Мѣстные комитеты имѣли назначеніемъ служить единственными посредниками между рабочими и капиталистами, при полученіи первыми работы и при произведеніи послѣдними уплаты за работу. Наниматель рабочихъ долженъ былъ непремѣнно обращаться къ комитету, если желалъ получить рабочихъ; равнымъ образомъ онъ долженъ былъ отдавать заработную плату комитету же, а не самимъ рабочимъ. Комитетъ вычиталъ изъ этой суммы извѣстный процентъ въ пользу общественнаго фонда; этотъ фондъ долженъ былъ употребляться частію на учрежденіе кредитнаго банка для общества, частію на пріобрѣтеніе земельныхъ участковъ; но всякій участникъ въ составленіи фонда имѣлъ право пользоваться учрежденіями этими не ранѣе, какъ послѣ 10-лѣтняго производства вкладовъ. Всѣ эти попытки къ улучшенію быта рабочихъ были недѣйствительны и непрочны, и уже къ концу 1849 года онѣ исчезли почти совершенно безслѣдно. Причины этого неуспѣха, по мнѣнію Шульце-Делича, высказанному имъ еще въ 1853 г. *), заключаются въ слѣдующемъ.—Во 1-хъ, для того чтобы пріобрѣсти содѣйствіе самихъ рабочихъ, слѣдовало бы начать съ болѣе тѣсныхъ союзовъ, преимущественно по отдѣльнымъ ремесламъ или съ особенною, болѣе спеціальною цѣлью, и отъ этого уже восходить къ общему союзу всѣхъ рабочихъ и къ такимъ предпріятіямъ, польза которыхъ менѣе очевидна для рабочихъ, какъ-то къ пріобрѣтенію земельныхъ участковъ и пр.; Шульце-Деличъ полагаетъ, что орга-

*) Associationsbuch für deutsche Handwerker und Arbeiter von H. Schulze-Delitzsch. Leipzig 1853; pp. 43 u. 44.

низація началась сверху, между тѣмъ какъ ее нужно было начать снизу.—Во 2-хъ, онъ полагаетъ, что дѣло не могло удаться потому, что нельзя было требовать отъ людей, имѣющихъ самыя скудныя средства къ жизни, живущихъ денною работою, чтобы они въ теченіи 10 лѣтъ приносили довольно тяжелыя для нихъ денежныя пожертвованія (въ видѣ вычитаемаго процента), не получая во все это время никакого барыша или льготы.—Наконецъ въ 3-хъ, дѣло еще не пошло потому, что германскія правительства, которымъ подобные союзы рабочихъ стали казаться опасными въ политическомъ отношеніи, очень скоро стали запрещать ихъ.

Но и эти неудачныя попытки принесли свою, и весьма значительную долю пользы.—Во 1-хъ, онѣ показали, чѣмъ грѣшили произведенныя доселѣ попытки, и такимъ образомъ послужили болѣе или менѣе хорошей школой для будущихъ тружениковъ на этомъ поприщѣ.—Во 2-хъ, онѣ повели къ тому, что за это дѣло взялся человѣкъ, оказавшій ему впослѣдствіи величайшія услуги—именно Шульце-Деличъ. Въ 1848 году берлинское національное собраніе назначило особенную спеціальную коммиссію для разсмотрѣнія вопроса о бытѣ рабочихъ, и предсѣдателемъ этой коммиссіи былъ назначенъ Шульце-Деличъ; такъ какъ къ занятіямъ этой коммиссіи приглашаемы были депутаты различныхъ ремесленныхъ обществъ Пруссіи, то Шульце-Деличъ пришелъ въ соприкосновеніе со многими изъ нихъ, сталъ преимущественно интересоваться потребностями и нуждами ремесленнаго и рабочаго класса Германіи, и съ этихъ поръ сдѣлалъ одною изъ задачъ своей жизни улучшеніе быта рабочихъ въ Германіи. Дѣятельность его на этомъ поприщѣ самая обширная и далеко не безполезная.

2.

Дѣятельность Шульце-Делича заключается отчасти уже въ томъ, что онъ заботится о доставленіи рабочему классу полезныхъ теоретическихъ свѣдѣній о трудѣ, капиталѣ, о значеніи ассоціаціи, и пр.; но не довольствуясь этимъ, Шульце-Деличъ уже въ продолженіи 10 или 12 лѣтъ старается вызвать къ жизни разные союзы рабочихъ, показать на дѣлѣ пользу и великое значеніе ихъ, и такимъ образомъ фактически улучшить бытъ рабочихъ.

Въ настоящей статьѣ нашей мы намѣрены обратить преимуще-

ственное вниманіе на эту послѣднюю сторону его дѣятельности, т. е. на сторону практическую, на основаніе и развитіе въ Германіи различныхъ видовъ рабочихъ обществъ; но предварительно мы скажемъ нѣсколько словъ о дѣятельности Шульце-Делича на пользу просвѣщенія рабочихъ, о его дѣятельности, какъ публичнаго чтеца и литератора.

Съ тѣхъ поръ какъ онъ посвятилъ себя этому предмету, Шульце-Деличъ написалъ и напечаталъ весьма многое о нуждахъ рабочаго класса въ Германіи, о средствахъ помочь ему и о результатахъ различныхъ употребленныхъ въ дѣло средствъ. Такъ еще въ 1853 году онъ издалъ упомянутое нами сочиненіе объ этомъ предметѣ. Въ 1855 году онъ издалъ книгу: Vorschuss- und Kreditvereine als Volksbanken; и съ тѣхъ поръ книга эта имѣла нѣсколько изданій. Въ 1858 году въ Лейпцигѣ вышло сочиненіе его: Die arbeitenden Klassen und das Associationswesen in Deutschland. Съ 1859 года онъ издаетъ годовые отчеты о дѣятельности различнаго рода рабочихъ обществъ въ Германіи. Кромѣ того съ 1860 года подъ редакціей Шульце-Делича издается спеціальное ежемѣсячное изданіе: Die Innung der Zukunft, занимающееся исключительно вопросами, касающимися союзовъ рабочихъ. Если мы присоединимъ къ этому еще отдѣльныя его статьи по этому вопросу, печатаемыя напр. въ Arbeiterfreund (органѣ берлинскаго центральнаго общества) и въ другихъ изданіяхъ, то мы увидимъ, что литературная дѣятельность Шульце-Делича по этому вопросу весьма почтенна. Всѣ эти сочиненія имѣютъ цѣлью отчасти знакомить нѣмецкихъ рабочихъ съ результатами дѣятельности различнаго рода рабочихъ обществъ, основанныхъ и дѣйствующихъ въ различныхъ мѣстахъ Германіи, частью же въ нихъ трактуется вообще о нуждахъ рабочаго класса въ Германіи и о средствахъ, какими можно помочь этимъ нуждамъ.

Но Шульце-Деличъ понималъ очень хорошо, что изъ всей массы нѣмецкихъ рабочихъ, о просвѣщеніи которыхъ онъ заботится, врядъ ли многіе станутъ читать спеціальныя сочиненія объ ассоціаціяхъ, одни по недостатку времени, другіе по недоступности для нихъ слога, а большая часть по непривычкѣ къ серьезному чтенію вообще. А между тѣмъ ему хотѣлось сообщить имъ нѣкоторыя здравыя понятія о трудѣ, капиталѣ, и пр. Поэтому онъ въ началѣ года устроилъ для берлинскихъ рабочихъ осо-

бенныя бесѣды, на которыхъ онъ излагалъ имъ самымъ популярнымъ образомъ разныя свѣдѣнія о трудѣ, капиталѣ, о способахъ къ улучшенію быта рабочихъ. Бесѣды эти посѣщались рабочими въ огромномъ числѣ; а чтобы еще болѣе распространить между рабочимъ классомъ полезныя свѣдѣнія, Шульце-Деличъ впослѣдствіи напечаталъ *шесть* популярныхъ бесѣдъ своихъ въ берлинскомъ собраніи рабочихъ особенною брошюрой, которая вышла подъ заглавіемъ: Kapitel zu einem deutschen Arbeitercatechismus; Vorträge von Schulze-Delitzsch. Во всѣхъ своихъ сочиненіяхъ и бесѣдахъ г. Шульце-Деличъ постоянно толкуетъ одно: о необходимости собственной помощи (Selbsthülfe) рабочихъ, и о томъ, что единственное средство къ улучшенію ихъ быта заключается въ основаніи ассоціацій. Этотъ мотивъ проходитъ черезъ всѣ его сочиненія, начиная съ 1853 года. Не отвергая того, что въ этомъ взглядѣ есть значительная доля истины, что никакое улучшеніе быта рабочихъ немыслимо безъ того, чтобы въ немъ не принимали также участіе и сами рабочіе, мы однако находимъ, что Шульце-Деличъ несправедливъ относительно попытокъ къ соціальному преобразованію, совершенныхъ въ Европѣ, и преимущественно во Франціи, въ 30 и 40 годахъ нынѣшняго столѣтія, что онъ также относится слишкомъ высокомѣрно и презрительно къ трудамъ и къ ученію Лассаля и его послѣдователей, придерживающихся инаго взгляда, нежели онъ. Мы далѣе находимъ, что, увлекшись мыслью о Selbsthülfe рабочихъ, онъ упускаетъ изъ виду то обстоятельство, что рабочіе находятся въ слишкомъ невыгодныхъ условіяхъ сравнительно съ привилегированными классами, и что поэтому, если предоставить ихъ исключительно своимъ собственнымъ силамъ, отвергая для нихъ всякую помощь государства, которая однако же не отвергается владѣющими классами, то невозможно и думать объ успѣшной борьбѣ ихъ съ этими классами и объ улучшеніи ихъ быта. Впрочемъ объ этой полемической сторонѣ дѣятельности Шульце-Делича мы будемъ говорить особенно, въ слѣдующей нашей статьѣ, при сравненіи ученій Шульце-Делича и Лассаля; тогда же мы выскажемъ и замѣчанія наши на нѣкоторые пункты ученія Шульце-Делича, въ основаніи которыхъ, по нашему мнѣнію, лежитъ невѣрный или односторонній взглядъ. Теперь же, оставивъ въ сторонѣ критическую и полемическую сторону этого дѣла, мы остановимся нѣ-

сколько на бесѣдахъ и сочиненіяхъ Шульце-Делича, и посмотримъ, какого рода свѣдѣнія сообщаетъ онъ своимъ друзьямъ, нѣмецкимъ рабочимъ, и въ какой формѣ онъ имъ сообщаетъ эти свѣдѣнія.

Вотъ какимъ образомъ Шульце-Делитъ, во вступленіи къ первой своей бесѣдѣ, опредѣляетъ цѣль своихъ чтеній. «Во 1-хъ, говоритъ онъ, я хочу побесѣдовать съ вами о настоящей цѣли и о формѣ человѣческаго труда вообще; во 2-хъ, о капиталѣ и объ отношеніяхъ его къ труду; въ 3-хъ, о практическихъ средствахъ къ улучшенію быта рабочихъ классовъ вообще». Затѣмъ онъ говоритъ о потребностяхъ человѣка, о законности стремленій его къ удовлетворенію этихъ потребностей, и опредѣляетъ слѣдующимъ образомъ цѣль и средства человѣческаго труда: цѣль труда—удовлетвореніе человѣческихъ потребностей, средства къ труду — разумное употребленіе силъ и способностей, вложенныхъ природою въ человѣка. Но одинъ трудъ не можетъ ничего произвести, если не пользоваться содѣйствіемъ природы — и вотъ Шульце-Делитъ распространяется о значеніи природы въ человѣческомъ трудѣ, о необходимости для человѣка умѣть утилизировать силы природы, и пр. При этомъ онъ упоминаетъ о необходимости и пользѣ *раздѣленія* труда, вслѣдствіе котораго увеличивается для человѣка возможность утилизаціи силъ природы. Изо всего вышесказаннаго онъ выводитъ заключеніе, что передъ началомъ всякаго труда слѣдуетъ заботиться о пріобрѣтеніи произведеній природы или сырья, которое должно быть подвергнуто обработкѣ, о заведеніи необходимыхъ орудій, при помощи которыхъ можно переработать произведенія природы, и наконецъ о пріобрѣтеніи необходимыхъ средствъ для существованія на все время, пока посредствомъ человѣческаго труда не совершится эта переработка. Онъ объясняетъ своимъ слушателямъ, что совокупность всего того, что необходимо для производства труда, какъ-то сырье, орудія и средства къ существованію во время производства труда, и называется *капиталомъ*; и далѣе онъ опровергаетъ распространенное у многихъ мнѣніе о томъ, что капиталъ есть собственно деньги. Капиталъ можетъ быть вещественный, какъ вышеприведенные виды капитала, или же духовный, т. е. таланты, способности, искусства, знанія, вообще все, что человѣкъ успѣлъ пріобрѣсти долговременнымъ упражненіемъ, ученіемъ, усиліями всякаго рода; этого рода капиталъ имѣетъ такія же свойства, какъ и капиталъ

вещественный, т. е. онъ облегчаетъ человѣку трудящемуся пользованіе силами природы. Затѣмъ Шульце-Деличъ тщательно старается доказать, что трудъ и капиталъ не суть два враждебные агента производства, но что они напротивъ тѣсно соединены между собою, что они пополняютъ другъ друга, что одинъ безъ другаго они были бы совершенно безсильны, или вѣрнѣе они вовсе не мыслимы одинъ безъ другаго. Объяснивши потомъ своимъ слушателямъ, что слѣдуетъ понимать подъ именемъ производительности капитала, употребивши не мало времени на объясненіе необходимости процентовъ, онъ говоритъ слѣдующее: «Тотъ, кто говоритъ о вредѣ капитала, долженъ сначала доказать, что можно работать безъ сырья, безъ орудій и безъ фондовъ для задѣльной платы; иначе всѣ декламаціи его являются пустой болтовней. Поэтому не слѣдуетъ жаловаться на капиталъ, а слѣдуетъ стараться употребить его въ свою пользу. Мелкимъ ремесленникамъ и рабочимъ можно помочь тѣмъ, что доставишь имъ возможность конкурировать съ большими капиталами. Не слѣдуетъ идти противъ законовъ природы, но слѣдуетъ стараться извлечь возможную пользу изъ силъ природы. Не капиталъ является врагомъ работниковъ, а *распредѣленіе* капитала. Въ этомъ отношеніи слѣдуетъ сдѣлать что нибудь для того, чтобы предоставить капиталъ все болѣе и болѣе въ распоряженіе рабочихъ». — Возвращаясь затѣмъ еще разъ къ умственному капиталу, который въ настоящее время болѣе доступенъ рабочему классу, нежели капиталъ вещественный, Шульце-Деличъ въ 3-й бесѣдѣ своей говоритъ очень недурно о преемственности умственнаго капитала, который въ видѣ изобрѣтеній, открытій, улучшеній передается отъ поколѣнія къ поколѣнію и увеличиваетъ массу богатства рода людскаго; отъ этого очень естественъ переходъ къ машинамъ, какъ къ прямому результату приложенія умственныхъ способностей къ человѣческому труду. Шульце-Деличъ въ той же бесѣдѣ своей тоже не мало останавливается на этомъ предметѣ, опровергаетъ существующее еще отчасти между рабочими мнѣніе о томъ, что машины отнимаютъ хлѣбъ у рабочихъ, самымъ очевиднымъ образомъ, при помощи цифръ доказываетъ имъ общеизвѣстную вещь, а именно то, что по мѣрѣ распространенія машинъ, потребность на рабочія руки все болѣе и болѣе увеличивается; онъ старается также обратить вниманіе рабочихъ на ту особенность ма-

шинъ, что, не уменьшая числа рабочихъ, онѣ дѣлаютъ трудъ болѣе интеллектуальнымъ, нежели механическимъ *). Заговоривши потомъ о значеніи мѣны, продажи и купли, Шульце-Деличъ слѣдующимъ образомъ говоритъ своимъ слушателямъ о свободной конкуренціи и монополіи: «Въ большей части случаевъ я не могу сдѣлать самъ необходимаго для меня предмета: для многихъ работъ требуется предварительное образованіе, которое наполняетъ часто всю жизнь. Какъ же поступить въ данномъ случаѣ? Я иду къ одному, къ другому, къ третьему, и смотрю, который изъ нихъ предлагаетъ мнѣ болѣе выгодныя условія мѣны. И поэтому свобода обмѣниваться съ кѣмъ угодно является необходимостью, потребностью. Поэтому *свободная конкуренція*, способность всякаго обмѣниваться съ кѣмъ угодно, дѣйствуетъ одинаково благодѣтельно какъ на производителя, такъ и на потребителя, и тотъ, кто хочетъ уничтожить свободу одного, уничтожаетъ въ то же время свободу другаго. При обмѣнѣ единаго съ единымъ подвергаешься произволу; при свободной конкуренціи оцѣнка производится всей публикой сообща. Итакъ, необходимъ свободный рынокъ. Необходимо, чтобы умственная область человѣческой дѣятельности была общедоступна». Послѣ этихъ общихъ разсужденій о трудѣ, капиталѣ, мѣнѣ, конкурренціи и монополіи, Шульце-Деличъ переходитъ къ третьей части своего изложенія, къ разсмотрѣнію практическихъ средствъ для улучшенія быта рабочихъ классовъ. Но прежде нежели заняться разсмотрѣніемъ средствъ къ достиженію этой цѣли, онъ считаетъ необходимымъ обратить вниманіе на то, въ чемъ собственно заключается темная сторона быта рабочихъ, и какія до сихъ поръ сдѣланы были попытки для соціальнаго преобразованія рабочихъ классовъ. Въ немногихъ, но достаточно сильныхъ словахъ онъ очерчиваетъ темную сторону быта рабочихъ, которая, по его мнѣнію, заключается въ *недостаточности заработковъ*, въ *непрочности* положенія рабочаго и въ недостаткѣ для него гарантій противъ всякихъ случайностей, и наконецъ въ вытекающемъ изъ первыхъ двухъ причинъ—*недостаткѣ образованія*. Что касается до критическаго разбора, который Шульце-Деличъ дѣлаетъ всѣмъ прежъ-

*) Собственно говоря, это увѣреніе справедливо только для самаго ограниченнаго числа случаевъ машинной работы.

нимъ попыткамъ соціальнаго образованія и который занимаетъ почти всю 5-ю бесѣду, то мы возвратимся къ этому въ слѣдующей статьѣ нашей. Замѣтимъ здѣсь только, что Шульце-Деличъ признаетъ за рабочими право желать отъ центральной власти, отъ государства, слѣдующаго: совершенной равноправности передъ закономъ, уничтоженія монополій и привилегій, которыя благопріятствуютъ людямъ неспособнымъ и дѣлаютъ затрудненія людямъ способнымъ; —далѣе равномѣрнаго, справедливаго и по возможности необременительнаго распредѣленія государственныхъ повинностей. Послѣ всего этого Шульце-Деличъ переходитъ къ изложенію своего мнѣнія о средствахъ къ улучшенію быта рабочихъ, мнѣнію, которое уже прежде неоднократно было высказываемо и развиваемо имъ въ его сочиненіяхъ: самое вѣрное, если не единственное, средство къ этому онъ видитъ въ образованіи и въ возможно большемъ распространеніи различнаго вида *свободныхъ ассоціацій, союзовъ рабочихъ*. Посмотримъ, какъ понимаетъ Шульце-Деличъ эти ассоціаціи, и какъ онъ объясняетъ рабочимъ смыслъ, значеніе и пользу ихъ.

Для того, чтобы избѣжать великой опасности обѣднѣнія массъ, и для того, чтобы дать мелкимъ ремесленникамъ и рабочимъ возможность конкурировать съ крупными капиталистами, нужно было позаботиться, во первыхъ, о распространеніи между ними образованія, во вторыхъ же о предоставленіи имъ возможности пользоваться капиталомъ, безъ котораго немыслима никакая самостоятельная дѣятельность ихъ на поприщѣ производительности. А лучшимъ средствомъ для *демократизаціи капитала* Шульце-Деличъ объявляетъ учрежденіе мелкими ремесленниками и фабричными рабочими различнаго рода промышленныхъ и хозяйственныхъ ассоціацій, дѣйствующихъ исключительно по принципу *собственной помощи*. Кромѣ того, что основаніе ассоціацій, основанныхъ исключительно своими средствами и силами, по мнѣнію Шульце-Делича, внушаетъ членамъ ихъ сознаніе своей самостоятельности, апологистъ рабочихъ союзовъ слѣдующимъ образомъ объясняетъ пользу ихъ: не смотря на тѣсный союзъ ихъ членовъ, они представляютъ возможность сохранить за членами ихъ способность свободнаго личнаго движенія. Жизнь человѣка въ обществѣ, поясняетъ онъ далѣе свою мысль, вертится вокругъ двухъ противуположныхъ осей, которыя объ заключаются въ самой природѣ чело-

вѣка: индивидуальность, жизнь въ одиночку, съ ея замкнутостью, съ стремленіямъ ея къ самостоятельности, къ свободному употребленію своихъ силъ и своей воли,—и общительность, жизнь въ группахъ, съ своими стремленіями къ общности дѣйствій, къ согласованію своихъ интересовъ съ другими.—Въ древнемъ и средневѣковомъ обществѣ оба элемента не находились въ равновѣсіи; индивидуализмъ являлся все болѣе и болѣе преобладающимъ элементомъ, и наконецъ перешелъ въ безграничный эгоизмъ, со всѣми его пагубными послѣдствіями. Съ другой стороны новыя школы, по мнѣнію Шульце-Делича, грѣшатъ тѣмъ, что совершенно приносятъ въ жертву индивидуализмъ общности. — Ассоціаціи, говоритъ онъ, избѣгаютъ того и другаго зла, той и другой крайности.—Онѣ не вмѣшиваются въ семейную жизнь, не ограничиваютъ свободу выбора занятій, не принуждаютъ никого ко вступленію въ нихъ; такимъ образомъ всякая отдѣльная единица этихъ ассоціацій, пользуясь полною равноправностью съ прочими, не видитъ ни малѣйшаго стѣсненія своей индивидуальной свободѣ.—Далѣе Шульце-Деличъ объясняетъ, что бѣдствія рабочаго класса происходятъ не отъ существованія конкуренціи, а наоборотъ отъ того, что неимѣющій средствъ рабочій *не можетъ* конкурировать съ капиталистомъ, и что поэтому все дѣло заключается въ томъ, чтобы сдѣлать для него возможною дѣйствительную конкуренцію. До сихъ поръ это очень рѣдко удавалось рабочему, потому что привилегированные классы самымъ тщательнымъ образомъ удаляли отъ выгодъ монополіи всякаго посторонняго; совокупность капиталистовъ постоянно противодѣйствовала до сихъ поръ рабочимъ, если не въ открытомъ, то въ тайномъ союзѣ, который тѣмъ не менѣе былъ весьма силенъ и который пользовался даже поддержкою гражданскаго законодательства. Этому злу тоже помогаютъ ассоціаціи. Онѣ дѣлаютъ возможнымъ конкуренцію, потому что даютъ возможность рабочему, находящемуся въ союзѣ съ другими рабочими, пользоваться кредитомъ, который для него одного былъ недоступенъ; одинъ онъ не могъ представить никакой гарантіи для того, чтобы имѣть право пользоваться кредитомъ, являясь же членомъ союза онъ представляетъ весьма надежную гарантію—совокупность рабочихъ силъ всего союза. Но для того, чтобы доставить рабочимъ дѣйствительную возможность конкурировать съ крупными капиталистами, не слѣдуетъ останавливаться въ началѣ, а слѣдуетъ до-

водить дѣло до конца.—Шульце-Деличъ, исходя отъ той точки зрѣнія, что всякое дѣло должно начинать снизу, а не сверху, предлагаетъ начать такимъ же образомъ и дѣло ассоціацій.—Онъ полагаетъ, что рабочіе должны начать съ заключенія болѣе тѣсныхъ союзовъ, которые служили бы только къ облегченію и удешевленію самой работы, какъ-то: обществъ для пріобрѣтенія и распродажи рабочимъ по дешевымъ цѣнамъ сырья, жизненныхъ припасовъ, обществъ для облегченія рабочему кредита, и пр.; но онъ самъ предостерегаетъ рабочихъ отъ того, чтобы они не останавливались на этой первоначальной, такъ сказать, приготовительной ассоціаціонной дѣятельности, а совѣтуетъ имъ стремиться къ тому, что онъ называетъ вершиной всей ассоціаціонной системы,—къ образованію союзовъ для совокупнаго производства и сбыта произведеній, которые одни дѣлаютъ возможною дѣйствительную конкуренцію съ капиталистами, и которые даютъ рабочему возможность пользоваться выгодами веденія дѣла въ обширныхъ размѣрахъ, что совершенно невозможно для одиночнаго работника.—Наконецъ Шульце-Деличъ указываетъ еще на одну чрезвычайно важную и полезную сторону ассоціацій, а именно на то, что посредствомъ нихъ болѣе или менѣе можно обезпечить безбѣдное существованіе рабочаго въ старости.—До тѣхъ поръ, пока молодые и сильные рабочіе не будутъ имѣть достаточнаго излишка доходовъ противъ той суммы, которая необходима имъ для содержанія себя и своего семейства, до тѣхъ поръ всѣ учрежденія для застрахованія жизни и доходовъ ни къ чему не поведутъ. Но союзы рабочихъ представляютъ нѣкоторую возможность обезпечить старость рабочихъ, потому что изъ дивидендовъ, причитающихся каждому рабочему, какъ вкладчику въ общій капиталъ производства, могутъ образоваться акціи для членовъ союза, которыя можно оставлять нетронутыми до старости.

Вотъ какъ въ немногихъ словахъ Шульце-Деличъ объясняетъ значеніе и пользу ассоціацій для улучшенія *матеріальнаго* быта рабочихъ. Но онъ полагаетъ, что онѣ оказываютъ не менѣе, если еще не болѣе благодѣтельное дѣйствіе на духовную, нравственную сторону своихъ членовъ. Онъ говоритъ, что съ одной стороны внутреннее развитіе членовъ ассоціаціи зависитъ отъ увеличенія матеріальнаго благосостоянія, а съ другой стороны соединеніе людей для дѣятельности сообща производитъ прямое и очень благотвор-

ное вліяніе на интеллектуальное и моральное образованіе работника. Привычка заниматься болѣе обширными дѣлами цѣлаго общества выводитъ человѣка изъ узкаго круга одиночной дѣятельности и придаетъ ему извѣстную ширину взгляда.—Вслѣдствіе болѣе обширныхъ сношеній его, какъ сочлена ассоціаціи, въ немъ возбуждается духъ предпріимчивости, у него съ другими членами происходитъ обмѣнъ идей, борьба мнѣній, что не мало способствуетъ его умственному развитію; являясь самостоятельнымъ дѣятелемъ въ болѣе обширномъ предпріятіи, работникъ привыкаетъ болѣе надѣяться на свои собственныя силы, и отъ этого въ немъ нѣкоторымъ образомъ увеличивается самоуваженіе.—Но важнѣйшее вліяніе ассоціаціи оказываютъ на духовную сторону работника, по мнѣнію Шульце-Делича, въ томъ отношеніи, что онѣ сильно способствуютъ развитію духа общности, что оказываетъ въ свою очередь самое благодѣтельное вліяніе на отношенія членовъ между собою. «Соединяясь по дѣламъ своего ремесла или для общаго производства въ особенныя общества, говоритъ онъ, они привыкаютъ соединять неразрывнымъ образомъ свои интересы съ интересами общества и видѣть въ благосостояніи другихъ залогъ своего собственнаго благосостоянія; потому что чѣмъ болѣе зажиточныхъ членовъ принадлежитъ къ какой нибудь ассоціаціи, тѣмъ большимъ кредитомъ она пользуется, тѣмъ лучше идутъ ея дѣла. Сознаніе того, что составляешь вмѣстѣ съ другими одно цѣлое, что имѣешь одну цѣль съ прочими и пользуешься для достиженія этой цѣли тѣми же самыми средствами, что самъ нуждаешься въ другихъ, и другіе въ тебѣ нуждаются,—все это заставляетъ человѣка уважать въ ближнемъ своемъ самого себя и побуждаетъ человѣка дѣйствовать сообща съ другими для общаго блага».—Исчисливъ всѣ огромныя матеріальныя выгоды и выставивши въ лучшемъ свѣтѣ то моральное вліяніе, которое ассоціаціи имѣютъ на рабочихъ, Шульце-Деличъ приходитъ къ тому заключенію, что онѣ представляютъ единственное средство для того, чтобы удовлетворительнымъ образомъ разрѣшить вопросъ объ *организаціи труда*. Если же достигнутые доселѣ на этомъ полѣ результаты являются пока еще не вполнѣ соотвѣтствующими этой великой задачѣ, то, по объясненію Шульце-Делича, это происходитъ отъ слѣдующихъ двухъ причинъ: во первыхъ, ассоціаціонная система находится еще въ первомъ фазисѣ своего развитія, и

основатели и члены ихъ должны пройти цѣлый рядъ опытовъ прежде нежели отъ нихъ можно ожидать созданія вполнѣ прочнаго и соотвѣтствующаго своей цѣли зданія; во вторыхъ, полное развитіе этой системы возможно только тогда, когда ассоціаціи больше распространятся и не будутъ стоять одиночными явленіями: онѣ окажутъ благодѣтельное свое вліяніе на дѣйствительное улучшеніе соціальнаго положенія рабочаго лишь только тогда, когда онѣ распространятся повсюду и составятъ одну общую цѣпь, когда почти всѣ работники, принадлежащіе къ различнымъ отраслямъ производства, сдѣлаются членами подобныхъ ассоціацій.

Изложивши такимъ образомъ вкратцѣ теоретическую сторону дѣятельности Шульце-Делича, перейдемъ къ разсмотрѣнію различнаго вида ассоціацій нѣмецкихъ рабочихъ, основанныхъ преимущественно по его мысли и при его содѣйствіи. При этомъ мы познакомимся съ организаціей слѣдующихъ родовъ ассоціацій: a) общества для вспомоществованія больнымъ рабочимъ; b) общества для доставленія рабочимъ по дешевымъ цѣнамъ необходимыхъ средствъ для удовлетворенія жизненныхъ потребностей; c) общества для пріобрѣтенія рабочими сырья, и какъ болѣе усовершенствованный видъ этихъ ассоціацій; d) общества по отдѣльнымъ ремесламъ для общаго производства и сбыта произведеній; e) кредитныя общества. Послѣ того, для полной характеристики дѣятельности Шульце-Делича, мы скажемъ также нѣсколько словъ о трудахъ его по сближенію дѣятельности различныхъ ассоціацій между собою, по упроченію положенія ассоціацій относительно государства и законодательства, и о другихъ, менѣе выдающихся сторонахъ дѣятельности его на пользу нѣмецкихъ рабочихъ.

3.

Общества для вспомоществованія рабочимъ на случай болѣзни. Потребность обезпечить неимущему работнику на случай его болѣзни возможность пользоваться лекарствами, докторскою помощью и даже денежнымъ вспомоществованіемъ, заставила нѣмецкихъ рабочихъ обратиться къ подобнаго рода ассоціаціямъ раньше, нежели къ другимъ. Но разныя ассоціаціи въ этомъ родѣ весьма несхожи между собою по тѣмъ пріемамъ, которые они употребляютъ для достиженія своей цѣли. Мы опишемъ здѣсь организацію двухъ подобныхъ обществъ, исходящихъ отъ нѣсколько раз-

личныхъ точекъ зрѣнія, а именно *кассы рабочихъ на случай болѣзни и смерти*, основанной въ 1849 году въ прусскомъ городкѣ Деличѣ, и *общества для вспомоществованія больнымъ рабочимъ*, основаннаго въ томъ же году въ прусскомъ же городкѣ Эйленбургѣ. Описаніе организаціи этихъ обществъ, равно какъ и многія другія дальнѣйшія свѣдѣнія, сообщаемыя нами объ ассоціаціяхъ и обществахъ рабочихъ, мы заимствуемъ изъ вышеупомянутой нами книги Шульце-Делича, Associationsbuch u s. w.

При основаніи деличскаго общества имѣлось преимущественно въ виду принести пользу тому классу людей, которые въ случаѣ болѣзни вовсе не могутъ пользоваться врачебною помощью, или же должны приносить для этого большія, несоразмѣрныя съ ихъ средствами жертвы; интересы болѣе зажиточныхъ людей не принимались при этомъ въ соображеніе. Поэтому обязанности были одинаковы для *всѣхъ* членовъ этого общества, и только для платежа вступительной суммы дѣлалось нѣкоторое различіе, сообразно съ лѣтами вступающихъ. Впослѣдствіи руководители этого общества пошли въ этомъ отношеніи еще далѣе и раздѣлили всѣхъ членовъ, смотря по зажиточности ихъ, на три категоріи; члены всѣхъ трехъ категорій дѣлали совершенно одинаковые взносы, но члены первой категоріи, то есть болѣе богатые, имѣли при этомъ взносѣ только право пользоваться лекарствомъ изъ аптекъ общества; члены второй категоріи могли пользоваться лекарствами и помощью врача общества; членамъ же третьей категоріи, самымъ бѣднымъ людямъ, тотъ же самый взносъ, кромѣ права на пользованіе лекарствами и врачебною помощью, даетъ право пользоваться во время болѣзни еще извѣстнымъ денежнымъ вспомоществованіемъ изъ кассы общества; вспомоществованіе это (довольно умѣренное) равняется отъ 20 до 40 зильбергрошей (отъ 65 к. до 1 р. 30 к. с.) въ недѣлю, и не должно превышать 10 талер. въ годъ для тѣхъ рабочихъ, которые были членами общества не болѣе 5 лѣтъ. Общество это, основанное такимъ образомъ на принципѣ взаимнаго страхованія жизни, открыло свою дѣятельность въ 1849 году, имѣя 136 членовъ. Въ началѣ оно принимало въ число своихъ членовъ только самостоятельныхъ работниковъ мужскаго и женскаго пола, то есть такихъ, которые содержали свои семейства; члены эти вносятъ по *три* зильбергроша въ мѣсяцъ; кромѣ того, при вступленіи въ общество, отъ

каждаго члена требуется единовременный взносъ въ 15 зильбергрошей до 36 лѣтняго возраста, въ 1 талеръ отъ 37 до 45 лѣтняго, и въ 2 талера отъ 45 до 55 лѣтняго возраста; люди моложе 14 лѣтъ и старше 55 лѣтъ отъ роду не принимаются въ члены общества. Впослѣдствіи общество стало принимать въ свою среду женъ своихъ членовъ, которыя платятъ по $1^1/_2$ зильбергроша въ мѣсяцъ и по 5 зильб. вступительнаго взноса, но пользуются только лекарствомъ и помощью врача, безъ денежнаго вспомоществованія; а еще позднѣе оно распространило свои дѣйствія также и на дѣтей своихъ членовъ, за которыхъ вносится по 1 зильб. въ мѣсяцъ. Изъ ежегодныхъ излишковъ образуется запасный капиталъ общества; при основаніи общества этотъ капиталъ равнялся только 100 талерамъ, а въ 1853 году онъ равнялся уже 380 талерамъ, которые были отданы въ заемъ по 5 процентовъ. Назначеніе этого капитала — служить нѣкоторой гарантіей для членовъ общества на случай особенныхъ несчастій, въ родѣ эпидемій и проч. Администрація этого общества весьма проста, какъ видно уже изъ того, что она вся обходится обществу не дороже, какъ въ 30 талеровъ въ годъ; всѣ дѣла рѣшаются устно членами комитета общества, избираемыми изъ членовъ разныхъ категорій общества на три года, и занимающимися дѣлами общества безвозмездно; общество платитъ только 15 талеровъ въ годъ своему кассиру и 15 талеровъ разносчику и сторожу. Кромѣ того бываютъ общія собранія всѣхъ членовъ общества, въ которыхъ разсматриваются вопросы объ исключеніи членовъ изъ среды общества, контролируются дѣйствія комитета, разсуждается объ измѣненіи устава, и т. д. Соединенная съ этимъ обществомъ касса для смертныхъ случаевъ имѣетъ назначеніемъ выплачивать семейству умершаго члена своего (который необходимо долженъ быть также членомъ самаго общества) небольшую сумму на похороны и на удовлетвореніе потребностей семейства въ первые дни послѣ смерти члена. Отъ члена этой кассы требуется, во первыхъ, чтобы онъ платилъ по одному зильбергрошу при вступленіи своемъ и столько же каждый разъ въ случаѣ смерти одного изъ членовъ кассы; во вторыхъ, всѣ члены ея обязаны безвозмездно принимать извѣстное участіе при похоронахъ умершаго сочлена своего, или же въ случаѣ уклоненія отъ этого участія вносить въ кассу отъ 5 до $7^1/_2$ грошей. Касса не имѣетъ ни

особеннаго кассира, ни особенной администраціи: все это находится въ связи съ управленіемъ самаго общества. До сихъ поръ касса имѣла возможность выплачивать каждый разъ семейству умершаго члена своего среднимъ числомъ около 8 талеровъ. Такова была организація деличскаго общества для вспомоществованія больнымъ рабочимъ въ первые годы его основанія. Но Шульце-Деличъ, по мысли котораго оно было основано и который принималъ самое дѣятельное участіе въ сочиненіи устава его, нашелъ однако же впослѣдствіи, что въ уставѣ этомъ были нѣкоторые недостатки. Онъ обращаетъ именно вниманіе на то, что во всѣхъ подобныхъ обществахъ расходы увеличиваются сообразно съ продолжительностью ихъ существованія, потому что члены ихъ старѣютъ и дѣлаются болѣе подвержены болѣзнямъ, и что никакъ нельзя судить о расходахъ по результатамъ перваго года. Поэтому онъ полагаетъ полезнымъ, въ видахъ усиленія резервнаго фонда, увеличить вступительный взносъ, опредѣлить наивысшую общую сумму вспомоществованій для каждаго года, исключить изъ права пользованія денежными вспомоществованіями тѣхъ членовъ общества, которые вслѣдствіе болѣзни лишились вовсе возможности работать, и наконецъ иначе распредѣлить величину вступительныхъ взносовъ сообразно съ возрастомъ вступающихъ. Такъ какъ уставъ общества опредѣляетъ, что измѣненія въ немъ могутъ происходить по желанію и рѣшенію большинства членовъ, то предполагалось предложить на обсужденіе общаго собранія членовъ слѣдующія измѣненія въ уставѣ, сообразныя съ указаніями Шульце-Делича. Право вступленія въ члены общества прекращается не съ 55, а съ 50 лѣтнимъ возрастомъ; вступительный взносъ опредѣляется для мужчинъ въ 15 зильб. отъ 14 до 30 лѣтъ, въ 1 талеръ до 36, въ 2 талера до 42, и въ 3 талера до 50 лѣтъ (прежде онъ не превышалъ двухъ талеровъ); для женщинъ онъ составляетъ отъ 10 до 40 зильб.; ежемѣсячный взносъ для женъ членовъ опредѣляется не въ $1^1/_2$, а въ 2 зильб. Мы не знаемъ, какова была судьба этихъ, довольно стѣснительныхъ для неимущихъ рабочихъ измѣненій въ уставѣ, и не можемъ сказать, прошли ли они въ общемъ собраніи членовъ, или нѣтъ. Но Шульце-Деличъ полагаетъ, что эти цифры слѣдуетъ принимать за minimum при вновь образующихся обществахъ, и что не слѣдуетъ по примѣру деличскаго общества понижать

ихъ въ началѣ, потому что впослѣдствіи придется возвышать ихъ, что сопряжено съ нѣкоторыми затрудненіями.

Что касается до эйленбургскаго общества, основаннаго въ 1849 г., съ тою же цѣлью, какъ и деличское, при дѣятельномъ соучастіи доктора Бернгарди, то во первыхъ, оно раздѣляется на два отдѣла, которые въ деличскомъ обществѣ соединены въ одно: на общество для вспомоществованія больнымъ рабочимъ деньгами и на общество для доставленія имъ медицинской помощи; во вторыхъ, оно дѣлаетъ различіе между болѣе богатыми и болѣе бѣдными членами только по отношенію къ взносамъ ихъ въ медицинское отдѣленіе общества; но для пользованія денежнымъ вспомоществованіемъ неимущіе рабочіе должны производить особые взносы; въ третьихъ, оно имѣетъ иную, довольно искусственно-опредѣляемую норму для опредѣленія взносовъ своихъ членовъ. Нельзя сказать, чтобы всѣ эти особенности измѣняли дѣло къ лучшему. Раздѣленіе двухъ отраслей дѣятельности, которыя въ сущности должны бы оставаться соединенными въ одно, безъ сомнѣнія вредитъ дѣлу: странно помогать больному деньгами, не оказывая ему медицинскаго пособія, или наоборотъ; а чтобы имѣть и то, и другое, рабочій долженъ платить вдвойнѣ. Брать одно и то же съ зажиточнаго и съ бѣднаго работника, и давать имъ за это тѣ же самыя преимущества, можетъ быть, болѣе соотвѣтствуетъ принципу полнаго равенства, но, кажется, не вполнѣ соотвѣтствуетъ понятію о справедливости; наконецъ вводить такую искусственную и запутанную систему опредѣленія величины взноса значитъ безъ всякой нужды усложнять дѣло и увеличивать издержки на администрацію общества. Наконецъ какъ справедливо замѣчаетъ Шульце-Деличъ, неимѣніе особаго врача общества, и веденіе дѣла съ пятью или болѣе врачами, не вездѣ удобно, а иногда даже просто невозможно. Эти особенности эйленбургскаго общества для вспомоществованія больнымъ рабочимъ, по нашему мнѣнію, всѣ измѣняютъ дѣло въ худшую, а не въ лучшую сторону противъ организаціи деличскаго общества, уставъ котораго, не смотря на нѣкоторые его недостатки, все-таки болѣе способствуетъ соблюденію интересовъ неимущихъ рабочихъ, нежели уставъ эйленбургскаго общества. Въ заключеніе приведемъ еще нѣсколько, не лишенныхъ интереса свѣдѣній объ эйленбургскомъ обществѣ. Въ отдѣленіе его для *денежнаго* вспомоществованія больнымъ рабочимъ, принимаются

рабочіе отъ 17 до 50 лѣтъ отъ роду; они платятъ по одному талеру вступительнаго взноса и по $2^1/_2$ зильбергроша ежемѣсячнаго взноса; за то они получаютъ въ случаѣ болѣзни вспомоществованія отъ $2^1/_2$ до 5 грошей въ день (но, замѣтимъ, безъ лекарства и безъ врачебной помощи). Число членовъ этого отдѣленія въ 1853 г. равнялось 146: резервнаго фонда оно вовсе не имѣло. Въ отдѣленіе для медицинскаго вспомоществованія принимается всякій житель города, начиная съ 17 лѣтняго возраста; величина ежемѣсячнаго взноса опредѣляется количествомъ платимыхъ каждымъ членомъ государственныхъ податей; minimum этихъ взносовъ составляетъ 12 зильбергрошей въ годъ; члены общества пользуются врачебною помощью пяти эйленбургскихъ докторовъ, которые потомъ уже раздѣляютъ между собою полученный отъ общества гонорарій; число членовъ этого отдѣленія равнялось въ 1853 году болѣе нежели 900 человѣкъ (весьма значительная цифра для такого небольшаго городка, какъ Эйленбургъ).

4.

Общества для доставленія рабочимъ по дешевымъ цѣнамъ необходимыхъ жизненныхъ потребностей. Подобнаго рода общества далеко не такъ распространены въ Германіи и не имѣютъ того объема, какъ напримѣръ въ Англіи. Въ Германіи нѣтъ ничего подобнаго такому обширному предпріятію, какъ напримѣръ Рочдэльское общество въ Англіи. Причины подобнаго явленія Шульце-Деличъ видитъ преимущественно въ меньшей густотѣ и сравнительно большей зажиточности рабочаго населенія, въ большей дешевизнѣ и большей доброкачественности жизненныхъ припасовъ въ Германіи сравнительно съ Англіей: но намъ кажется, что одну изъ причинъ этого явленія слѣдуетъ искать также въ особенной наклонности германскихъ хозяекъ, у которыхъ особенно сильно развито нерасположеніе ко всему, что можетъ имѣть хоть малѣйшій видъ вмѣшательства въ ихъ распоряженія по хозяйству, которыя скорѣе согласятся платить дороже за покупаемые ими продукты, лишь бы не обязывали ихъ покупать непремѣнно въ одномъ мѣстѣ, по одной цѣнѣ, и не лишали бы ихъ возможности перемѣнять по своему усмотрѣнію лавки, въ которыхъ онѣ берутъ все необходимое для своего

хозяйства. Но какъ бы то ни было, этого рода общества очень мало распространены въ Германіи, да и тѣ, которыя существуютъ, имѣютъ по большей части не слишкомъ значительный кругъ дѣятельности. Особенный видъ подобныхъ обществъ составляютъ существующія въ нѣкоторыхъ городахъ, какъ напримѣръ въ Эрфуртѣ, Франкфуртѣ на Одерѣ и др., такъ называемыя *сберегательныя общества* (Sparvereine); подобныя общества основаны по большей части благодѣтелями рабочихъ изъ высшихъ классовъ общества, иногда даже городскимъ начальствомъ, съ цѣлью доставлять рабочимъ во время дороговизны необходимые имъ припасы по дешевымъ цѣнамъ; для того чтобы имѣть право на пользованіе этими дешевыми припасами, рабочіе должны дѣлать въ болѣе благопріятныя времена извѣстные вклады въ общую кассу. Но въ подобнаго рода учрежденіяхъ самодѣятельность рабочихъ, которой Шульце-Деличъ придаетъ такое важное значеніе, весьма мало развита, и дѣло сводится болѣе или менѣе на благодѣтельствованіе извнѣ. Что касается до ассоціацій самихъ рабочихъ, основанныхъ съ тою же цѣлью, здѣсь также, какъ и въ другихъ видахъ ассоціацій рабочихъ, одинъ изъ первыхъ опытовъ былъ сдѣланъ въ Деличѣ, вслѣдствіе иниціативы самихъ рабочихъ этого городка. Деличское общество начало свою дѣятельность весьма скромнымъ образомъ, съ оборотнымъ капиталомъ въ 136 талеровъ, составившимся изъ взносовъ 36 членовъ этого общества—по одному талеру, и изъ 100 талеровъ, взятыхъ обществомъ заимообразно. Первоначально общество это ограничивалось тѣмъ, что покупало рожь и пшеницу, мололо ее на свой счетъ и продавало своимъ членамъ муку по 2 зильбергроша за пудъ дешевле и гораздо лучшаго качества, нежели ее можно было покупать въ лавкахъ; оно продавало также своимъ членамъ масло и немногіе другіе припасы. При этомъ капиталъ общества обернулся въ первые 4 мѣсяца четыре раза, такъ что можно предположить съ нѣкоторою достовѣрностью, что капиталы подобныхъ обществъ оборачиваются по 10—12 разъ въ годъ; съ сотеннымъ капиталомъ можно значитъ производить тысячные обороты. Не смотря на дешевую цѣну, по которой продавались припасы, чистой прибыли было 20 талеровъ, т. е. около 15 проц. прибыли въ 4 мѣсяца, или 60 проц. въ годъ. Впослѣдствіи обороты этого общества расширились, и оно стало заниматься покупкой и перепродажей членамъ своимъ дровъ, по-

купкою скота и снабженіемъ ихъ говядиною и пр. Расходы по управленію обществомъ весьма незначительны. Оно, какъ и всѣ прочія общества, основанныя рабочими, поручаетъ управленіе дѣлами своими выборнымъ членамъ своимъ, занимающимся этимъ дѣломъ безвозмездно, вознагражденіе полагается только кассиру—$^3/_4$ проц. продажной суммы, и содержателю складочнаго депо общества—$2^1/_4$ проц. продажной суммы, итого на администрацію общества всего 3 проц. продажной суммы. Другое подобное общество, основанное вслѣдъ за деличскимъ въ Эйленбургѣ, имѣетъ болѣе характеръ торговли на общественный капиталъ колоніальными товарами; продажа производится не только членамъ общества, но, какъ во всякой лавкѣ, всѣмъ желающимъ; подобное учрежденіе, хотя временно и можетъ приносить довольно значительныя выгоды учредителямъ его (какъ напр. въ первый же годъ въ Эйленбургѣ), однако оно вообще приноситъ рабочимъ менѣе прямой пользы, нежели напр. деличское общество, и кромѣ того оно сопряжено съ извѣстнымъ рискомъ. Но вообще, какъ мы уже замѣтили выше, учрежденіе подобныхъ обществъ идетъ очень неуспѣшно въ Германіи. Шульце-Деличъ полагаетъ, что къ концу 1861 года въ Германіи существовало всего 60—70 подобныхъ обществъ (считая въ томъ числѣ сберегательныя общества); но ему были извѣстны не болѣе 20 обществъ. Любопытно то, что эти общества распространяются и принимаютъ болѣе обширные размѣры не столько въ самой Германіи, сколько на окраинахъ Германіи, или даже въ мѣстностяхъ, не принадлежащихъ собственно къ самой Германіи. Такъ напр. изъ 20 извѣстныхъ обществъ, 6 обществъ падаютъ на долю Гольштейна, и въ томъ числѣ кильское общество, основанное только въ концѣ 1861 года, въ первые пять мѣсяцевъ своего существованія произвело оборотовъ на 26,500 талеровъ. Къ самымъ значительнымъ ассоціаціямъ для доставленія рабочимъ жизненныхъ припасовъ принадлежатъ два подобныхъ общества въ Гамбургѣ и одно въ Цюрихѣ, внѣ предѣловъ собственно Германіи. Одно изъ гамбургскихъ обществъ имѣло 7 собственныхъ лавокъ въ разныхъ мѣстахъ города, другое 4. Это послѣднее общество продало членамъ своимъ на 54,000 талеровъ муки, на 13,000 талеровъ хлѣба и почти на 4,000 талеровъ каменнаго угля; вообще обороты его равнялись въ томъ году 72,500 талеровъ; а капиталъ его рав-

нялся всего неполнымъ 7,000 талеровъ, да и изъ этого числа около 3,500 было отдано въ этомъ году на проценты, такъ что въ оборотѣ оставалось всего какихъ нибудь 3,500 талеровъ, которые обернулись слѣдовательно до двадцати разъ. Одною изъ особенностей этого общества, которая, по увѣренію членовъ его, принесла не мало пользы, было то, что оно требовало отъ покупателей своихъ, чтобы тѣ сами приносили все, что необходимо для помѣщенія отпускаемаго товара (посуду, даже оберточную бумагу); отъ этого происходитъ большая экономія.

Но изъ всѣхъ подобныхъ обществъ самые значительные обороты производитъ цюрихское общество. Оно къ концу 1861 года имѣло на 177,000 франковъ недвижимой собственности, какъ то: нѣсколько земельныхъ участковъ, магазинъ, пекарню, огородъ и садъ; кромѣ того, движимая его собственность равнялась почти 100,000 франковъ. Кромѣ главнаго магазина своего оно имѣло въ городѣ и въ ближайшихъ окрестностяхъ его еще 9 лавокъ. Въ 1861 году оно продало на 802,000 франковъ товаровъ, преимущественно муки, хлѣба, масла, колоніальныхъ товаровъ; въ пекарнѣ испечено было около 27,000 пудовъ муки и отпущено изъ нея 1.350,000 фунтовъ хлѣба, на сумму 271,000 франковъ. Чистая прибыль равнялась въ 1861 году 23,567 франкамъ. При подобныхъ значительныхъ размѣрахъ дѣятельности, найдено возможнымъ возвратить основный капиталъ вкладчикамъ общества и вести дѣло съ тѣмъ капиталомъ, который образовался изъ ежегодныхъ излишковъ дохода противъ расхода.

Хотя медленное, но все-таки постоянное развитіе и распространеніе подобнаго рода обществъ, встревожило конечно тотъ классъ людей, интересамъ котораго черезъ это наносится чувствительный ударъ — именно классъ лавочниковъ и продавцовъ по мелочи, у которыхъ до сихъ поръ рабочіе должны были исключительно брать почти все для нихъ необходимое. Шульце-Деличу была даже представлена записка объ этомъ предметѣ, въ которой доказывается, что вызываемыя ими къ жизни и покровительствуемыя имъ ассоціаціи для доставленія рабочимъ жизненныхъ припасовъ, грозятъ совершеннымъ разореніемъ классу мелочныхъ торговцевъ. Въ одномъ изъ собраній берлинскихъ рабочихъ Шульце-Деличъ сообщилъ своимъ слушателямъ о полученіи имъ этой записки, и затѣмъ объяснилъ имъ неосно-

вательность содержащихся въ ней жалобъ и претензій. Доказать эту неосновательность было очень не трудно. Шульце-Деличъ вполнѣ соглашался съ тѣмъ, что распространеніе вышеупомянутыхъ обществъ очень невыгодно для мелочныхъ торговцевъ, которые играютъ роль посредниковъ между оптовыми продавцами и рабочими, и за это посредничество трудомъ и капиталомъ берутъ извѣстное (весьма значительное) вознагражденіе. Съ учрежденіемъ этихъ обществъ существованіе подобныхъ постороннихъ посредниковъ дѣлается излишнимъ, потому что рабочіе сами на себя берутъ тотъ трудъ и ту долю выгодъ, которые до сихъ поръ принадлежали мелочнымъ торговцамъ. Это все справедливо, говоритъ Шульце-Деличъ, но это не даетъ послѣднимъ права жаловаться. Никто не можетъ быть въ претензіи на рабочихъ за то, что они, при скудныхъ средствахъ своихъ, стараются платить дешевле за то, за что ихъ до сихъ поръ заставляли платить дороже, и дѣлать сами то, что до сихъ поръ за нихъ дѣлали другіе. Они не подрядились давать изъ своихъ копѣечныхъ доходовъ средства къ жизни лавочникамъ и мелочнымъ торговцамъ, и гораздо основательнѣе, чтобы небольшія сбереженія, которыя имъ приходится производить при новой системѣ, шли на пользу ихъ и семействъ ихъ, а не на пользу лавочниковъ. Многимъ изъ лавочниковъ, заключаетъ Шульце-Деличъ, трудно будетъ существовать при новой системѣ: это правда. Но неужели же изъ-за этого оставлять такое полезное для рабочихъ предпріятіе? не гораздо ли лучше тѣмъ, которые доселѣ играли роль посредниковъ между рабочими и оптовыми торговцами, и которые остаются за штатомъ съ распространеніемъ ассоціацій рабочихъ, избрать для себя другое, болѣе полезное поле дѣятельности?

5.

Общества для пріобрѣтенія рабочими сырого матеріала и спеціальныя общества по отдѣльнымъ ремесламъ для общаго производства и сбыта произведеній. Подобнаго рода спеціальныя ассоціаціи, по совершенно справедливому замѣчанію Шульце-Делича, являются вѣнцомъ всей системы; но только для этого нужно, чтобы онѣ не останавливались на предварительныхъ условіяхъ работы, какъ-то на пріобрѣтеніи сырья и пр., но приняли бы

форму *производства и сбыта произведеній общими средствами.* Дѣйствительно, только въ этомъ послѣднемъ случаѣ вся сумма тѣхъ огромныхъ барышей, которые остаются теперь въ рукахъ оптовыхъ и мелочныхъ продавцевъ сырья, владѣтелей фабрикъ и мастерскихъ, оптовыхъ и розничныхъ продавцевъ готовыхъ произведеній, останется въ рукахъ самихъ производителей, самихъ работниковъ, за вычетомъ, конечно, небольшаго процента на веденіе дѣлъ подобныхъ ассоціацій.

Но къ сожалѣнію, подобнаго рода ассоціаціи, которыя и покупаютъ сырье, и обработываютъ его, и продаютъ готовыя произведенія отъ себя и сообща, почти еще вовсе не существуютъ въ Германіи. Только въ концѣ 1862 года въ Берлинѣ основаны съ подобною широкою цѣлью два общества ткачей, да въ Нюрнбергѣ общество гребенщиковъ; но о результатахъ дѣятельности этихъ обществъ нельзя еще ничего сказать, потому что они находятся еще въ первомъ фазисѣ своего развитія. Въ большей части случаевъ общества рабочихъ ограничиваются только тѣмъ, что покупаютъ оптомъ и распродаютъ въ розницу своимъ членамъ сырье (самый распространенный видъ подобнаго рода ассоціацій), или же тѣмъ, что производятъ продажу сработанныхъ въ одиночку произведеній изъ общихъ магазиновъ *); такимъ образомъ въ пользу производителей остается всегда только часть той суммы, которая составляется отъ разности между дѣйствительной стоимостью извѣстнаго предмета и тою суммою, которую платитъ за него потребитель; а большая часть этой суммы остается все-таки въ рукахъ постороннихъ лицъ.

Шульце-Деличъ полагаетъ, что это главнымъ образомъ происходитъ отъ того, что въ Германіи еще не такъ развитъ духъ ассоціаціи, какъ въ Англіи, и что къ тому же въ Германіи нѣтъ чрезмѣрнаго развитія большаго фабричнаго производства, который совершенно подавлялъ бы мелкое производство. Но мы полагаемъ,

*) Подобнымъ учрежденіемъ является центральный магазинъ общества германскихъ столяровъ; общество это имѣетъ собственный большой домъ въ Берлинѣ и ежегодный оборотъ его равняется 50 или 60,000 талеровъ. Изъ продажной суммы производители мебели получаютъ только 90 проц.; 8 проц. вычитаются на расходы по управленію и на постепенное погашеніе взятаго взаймы капитала общества; а 2 проц. выдаются участникамъ въ видѣ дивиденда.

что главная причина медленнаго распространенія настоящихъ промышленныхъ ассоціацій, какъ въ Германіи, такъ и въ другихъ странахъ, заключается въ томъ, что производителямъ нелегко составить изъ копѣечныхъ взносовъ такой капиталъ, который бы въ состояніи былъ успѣшно конкурировать съ крупнымъ капиталомъ фабриканта и оптоваго торговца. Шульце-Деличу хорошо говорить о собственной помощи и самодѣятельности рабочихъ; но если съ одной стороны мы видимъ могущественный капиталъ, давно уже образовавшійся при совершенно иныхъ обстоятельствахъ, всегда пользовавшійся и пользующійся особымъ покровительствомъ законодательства, а съ другой стороны неимущихъ работниковъ, которые, по мнѣнію Шульце-Делича, должны безъ собственныхъ средствъ, безъ всякой посторонней помощи, при самыхъ невыгодныхъ обстоятельствахъ, составить капиталъ для успѣшной борьбы съ большимъ и привилегированнымъ капиталомъ—то немудрено, что дѣло это медленно подвигается впередъ. Правда, что даже при этихъ, крайне невыгодныхъ условіяхъ, нѣкоторыя попытки въ подобномъ родѣ удаются; но это свидѣтельствуетъ только о необычайной, рѣдкой твердости и искусствѣ тѣхъ людей, которые взялись за это дѣло, но не значитъ, чтобы, въ награду за эту твердость и искусство, подобныхъ людей слѣдовало постоянно оставлять въ такихъ невыгодныхъ условіяхъ.

Итакъ, какъ мы замѣтили выше, спеціальныя общества рабочихъ по отдѣльнымъ ремесламъ большею частію ограничивались только пріобрѣтеніемъ оптомъ и распродажей въ розницу необходимаго для рабочихъ сырья. И здѣсь, какъ и въ другихъ видахъ ассоціацій, первые опыты сдѣланы были, благодаря иниціативѣ Шульце-Делича, въ Деличѣ, гдѣ въ 1849 г. составилось общество деличскихъ сапожниковъ. Такъ какъ большая часть существующихъ нынѣ въ Германіи ассоціацій для доставленія рабочимъ сырья устроена болѣе или менѣе по образу деличскаго общества сапожниковъ, то мы остановимся нѣсколько на разсмотрѣніи организаціи и результатахъ дѣятельности этого общества. Цѣль этого общества, какъ значится въ первомъ § устава, составляетъ «пріобрѣтеніе на общій счетъ всѣхъ предметовъ и матеріала, необходимаго для производства ремесла, съ тѣмъ, чтобы доставить черезъ это по возможности отдѣльнымъ членамъ ея выгоды покупки оптомъ и облегчить имъ конкуренцію». Фондъ об-

ищества составляется изъ займовъ, которые гарантируются отвѣтственностью всѣхъ членовъ, изъ единовременныхъ вступительныхъ взносовъ членовъ его (по 2 талера) и изъ процентовъ, получаемыхъ при розничной продажѣ членамъ его матеріала, купленнаго оптомъ. При своемъ основаніи общество это состояло изъ 57 членовъ, впослѣдствіи же это число возросло до 80 человѣкъ; оно пользовалось такимъ значительнымъ кредитомъ, что ему предлагали взаймы капиталовъ гораздо болѣе, нежели было нужно, не только по 5%, но и по 4½ и по 4%. Въ 1853 году капиталъ общества равнялся 2500 талеровъ, изъ нихъ 2000 были взяты взаймы, 114 получились изъ первоначальныхъ взносовъ членовъ, а 414 талеровъ составляли чистую прибыль ассоціаціи, и были обращены въ резервный фондъ. Капиталъ общества обращался въ годъ болѣе трехъ разъ, такъ что въ томъ году было куплено и продано матеріалу болѣе, нежели на 8000 талеровъ. Для покрытія издержекъ по управленію, для уплаты процентовъ по занятымъ капиталамъ и для образованія резервнаго фонда, въ первые годы послѣ образованія этого общества при продажѣ матеріала изъ складовъ общества членамъ его, взималось 8 процент. болѣе противъ той суммы, въ которую обошлась самому обществу покупка матеріала, но уже черезъ 2 года найдено возможнымъ понизить этотъ процентъ до 6⅔. Изъ этихъ 6⅔ проц. 1½ проц. выплачиваются кассиру, онъ же смотритель и хранитель складовъ, а ¾ проц. контролеру. Небольшая сумма назначается также въ видѣ вознагражденія сортировщику, который получаетъ по ½ талеру въ день (но такихъ дней въ году немного). Остаются еще 4⅝ проц., которые, если предположить тройной оборотъ капитала въ годъ, составятъ въ одинъ годъ 13¼ проц., изъ нихъ 5 проц. идутъ на уплату процентовъ по занятымъ капиталамъ, а остальные 8¼ проц. составляютъ чистую прибыль ассоціаціи. Въ то же время, принимая въ соображеніе, что вновь вступающіе члены дѣлаются совладѣтелями резервнаго фонда, образовавшагося безъ ихъ содѣйствія, рѣшено было для равновѣсія требовать, начиная съ 1853 г., съ вновь вступающихъ членовъ не 2, а 5 талеровъ вступительнаго взноса (при чемъ допускается разсрочка), и обращать эти деньги на приращеніе резервнаго фонда. Послѣ того какъ резервный фондъ, составившійся изъ чистой прибыли ассоціаціи (не считая пятиталеровыхъ взносовъ), достигъ цифры 500 талеровъ,

рѣшено было употреблять съ этихъ поръ на приращеніе его лишь одни пяти-талеровые вступительные взносы, а чистую прибыль обращать на составленіе *дивиденда* для членовъ ассоціаціи. Но дивидендъ этотъ имѣлъ особенное назначеніе. Такъ какъ по статуту общества каждый членъ имѣлъ право получать матеріалу въ кредитъ не болѣе, какъ на *три* талера (больше кассиръ могъ выдавать только подъ собственную свою отвѣтственность), то болѣе бѣдные члены часто принуждены были искать кредита у розничныхъ торговцевъ, которые брали съ нихъ не 6 и не 8, а 25 и 30 и даже 50 и 80 проц. болѣе противъ оптовой цѣны товара; а между тѣмъ, ассоціація не рѣшалась открыть своимъ членамъ болѣе обширный кредитъ, такъ какъ иначе она рисковала имѣть въ кассѣ только записи по книжкамъ, въ то время когда ей могли понадобиться наличныя деньги для выгодной покупки сыраго матеріала. Поэтому при постановленіи правилъ о дивидендѣ обращено было вниманіе на то, чтобы, во-первыхъ, внушить каждому члену общества желаніе брать весь необходимый для него матеріалъ исключительно изъ складовъ общества и брать его какъ можно болѣе, а во-вторыхъ, дать членамъ возможность пользоваться болѣе широкимъ кредитомъ, безъ ущерба для интересовъ общества. Съ этою цѣлью постановлено было, что дивидендъ платится не по числу членовъ и не всѣмъ членамъ поровну, а что причитается каждому члену сообразно съ величиной денежной суммы, внесенной имъ въ кассу общества за забранный товаръ; интересы каждаго члена общества требовали, значитъ, того, чтобы онъ бралъ матеріалъ для своей работы только изъ общественныхъ складовъ. Во-вторыхъ, причитающіеся на долю каждаго члена дивиденды не выдаются ему немедленно на руки, а записываются въ общую книгу (по случаю увеличенія черезъ это работъ по бухгалтеріи, кассиру опредѣляется еще извѣстный процентъ съ дивиденда); каждый членъ имѣетъ право брать изъ кассы дивидендъ свой только въ томъ случаѣ, если записанная за нимъ по книгѣ сумма дивиденда превышаетъ 10 талеровъ; въ такомъ случаѣ онъ можетъ получать излишекъ противъ этой суммы. Такимъ образомъ въ распоряженіи ассоціаціи остаются довольно значительныя суммы, которыя съ одной стороны увеличиваютъ оборотный капиталъ ея, а съ другой стороны даютъ ей возможность предоставлять своимъ членамъ гораздо болѣе значительный

кредитъ, противъ назначенныхъ первоначально трехъ талеровъ. При болѣе значительномъ увеличеніи дивиденда имѣлось въ виду, ограничивая по прежнему выдачу его на руки членамъ, употребить его на образованіе акцій для членовъ, которыя обезпечивали бы нѣкоторымъ образомъ существованіе ихъ въ старости. Наконецъ, для полноты свѣдѣній о деличской ассоціаціи сапожниковъ можно еще прибавить, что ассоціація торгуетъ всѣми предметами, которые необходимы для сапожнаго мастерства, что закупка товара производится особою коммиссіею, которая, конечно, получаетъ деньги на путевыя издержки изъ общественныхъ суммъ, что всѣ склады общества застрахованы, и что въ послѣднее время сдѣланы также попытки для общаго сбыта произведеній, выработанныхъ отдѣльно каждымъ членомъ ассоціаціи.

Когда по всей Германіи стали распространяться спеціальныя ассоціаціи рабочихъ, въ родѣ деличской, то онѣ образовались сначала большею частью между сапожниками, потому что здѣсь мелочные продавцы матеріала брали самый значительный процентъ, и что въ этомъ классѣ ремесленниковъ бѣдность была болѣе всего развита, и заставляла работниковъ этого ремесла скорѣе другихъ искать путей къ выходу изъ своего бѣдственнаго положенія; число ассоціацій сапожниковъ и до сихъ поръ самое значительное изъ всего числа подобнаго рода ассоціацій. Затѣмъ подобныя общества стали образовываться между столярами. Наконецъ и портные замѣтили, что имъ гораздо выгоднѣе имѣть у себя готовый матеріалъ для производства своей работы, и платить за этотъ матеріалъ только 4% (или 8% при покупкѣ въ кредитъ) дороже противъ оптовыхъ цѣнъ, нежели платить за него по 25% лишнихъ, и имѣть его при этомъ гораздо худшаго достоинства; поэтому ассоціаціи портныхъ стали также распространяться довольно быстро въ Германіи, и нѣкоторыя изъ нихъ, какъ, напримѣръ, общество потсдамскихъ портныхъ, получило довольно широкое развитіе, и уже въ первое время своего существованія производило обороты на десятки тысячъ талеровъ. Но этими тремя видами ассоціацій — обществами сапожниковъ, портныхъ и столяровъ — почти и ограничиваются общества для доставки рабочимъ сырья; только весьма немногія попытки къ образованію подобныхъ обществъ произошли между ткачами, кузнецами и переплетчиками. Къ концу 1861 года всѣхъ извѣстныхъ Шульце-

Деличу подобныхъ ассоціацій въ Германіи существовало 129 (но онъ полагаетъ, что общее число ихъ можно опредѣлить въ 200). Большая часть изъ нихъ имѣли почти исключительною цѣлью доставленіе рабочимъ по дешевымъ цѣнамъ сырья; но нѣкоторыя изъ нихъ имѣли и свои магазины преимущественно портные и столяры. Изъ 129 обществъ только 32 представили въ центральное бюро ассоціацій—о которомъ рѣчь будетъ ниже—отчеты о своей дѣятельности. Изъ отчетовъ этихъ видно, что число членовъ этихъ 32 обществъ равнялось 1,527, оборотный капиталъ ихъ равнялся 61,343 талерамъ, а именно около 17 тысячъ талеровъ собственнаго фонда, составившагося отъ вкладовъ членовъ и отъ чистой прибыли, и около 44 тысячъ, взятыхъ заимообразно. Этими обществами закуплено сырья на 198,000 талеровъ; членамъ продано въ розницу матеріалу болѣе нежели на 135,000 талеровъ, а въ складахъ обществъ оставлено товару почти на 63,000 талеровъ. Чистый барышъ этихъ обществъ равнялся 5,769 талерамъ. Изъ этихъ отчетовъ слѣдуетъ, что на каждое общество можно положить среднимъ числомъ отъ 40 — 50 членовъ, что среднимъ же числомъ можно положить на каждое изъ нихъ оборотный капиталъ въ 2,000 талеровъ, а такъ какъ капиталъ этотъ обращается обыкновенно не менѣе трехъ разъ въ годъ, то значитъ средняя цифра оборотовъ каждаго общества равняется 6,000 талеровъ; чистая прибыль равняется среднимъ числомъ 180 талерамъ. Полагая вмѣстѣ съ Шульце-Деличемъ число всѣхъ существующихъ въ Германіи подобныхъ ассоціацій въ 200, мы получили бы, что число членовъ ихъ должно простираться отъ 8 до 10 тысячъ (конечно весьма небольшой процентъ всего рабочаго населенія Германіи), величина оборотнаго капитала ихъ около 400,000, величина производимыхъ ими оборотовъ отъ 1 милліона до 1 милліона 200 тысячъ, а цифра чистой прибыли—приблизительно 36,000. Большая часть этихъ обществъ брали при образованіи своемъ за образецъ деличскую ассоціацію сапожниковъ, о которой мы говорили выше; поэтому всѣ уставы ихъ очень похожи на уставъ деличской ассоціаціи. Вообще главныя основанія учрежденій всѣхъ этихъ ассоціацій можно выразить слѣдующимъ образомъ *): 1) капиталъ, необходимый для пріі-

*) Jahresbericht der deutschen Erwerbs- und Wirthschaftsgenossenschaften für 1861; S. 32 u. 33.

обрѣтенія сырья, берется взаймы подъ ручательствомъ всѣхъ членовъ, или же товаръ покупается въ кредитъ подъ тѣмъ же ручательствомъ членовъ общества. 2) При продажѣ матеріала изъ складовъ обществъ производится надбавка въ 6—8 проц. противъ тѣхъ цѣнъ, за которыя онъ пріобрѣтенъ обществомъ; суммы, полученныя отъ этой надбавки, назначаются на покрытіе расходовъ по управленію и на пріобрѣтеніе чистой прибыли, которая распредѣляется между членами ассоціаціи сообразно съ тѣмъ, на сколько каждый изъ нихъ покупалъ матеріала изъ складовъ общества. 3) Эта часть прибыли членовъ оставляется въ распоряженіи общества, и черезъ это образуется собственный фондъ общества и резервъ; въ нѣкоторыхъ обществахъ этотъ фондъ увеличивается не только посредствомъ единовременныхъ, но и посредствомъ мѣсячныхъ взносовъ. 4) На вознагражденіе контролеру, кассиру и хранителю складовъ, равно какъ и на другіе расходы по управленію дѣлами общества, уходитъ вообще около $3^1/_2$ или 4 проц., изъ вышеупомянутой 6 или 8 процентной надбавки; изъ этой надбавки остаются затѣмъ отъ 2 до 3 проц., которые при тройномъ обращеніи капитала въ годъ даютъ чистой прибыли отъ 6-ти до 9-ти процентовъ.

Есть одинъ вопросъ, который особенно занимаетъ подобнаго рода общества, и разрѣшеніе котораго не такъ легко дается имъ: это вопросъ о предоставленіи членамъ права брать матеріалъ изъ складовъ обществъ въ кредитъ. Вездѣ чувствуется необходимость предоставить членамъ возможность пользоваться кредитомъ, и въ то же время предохранить самыя общества отъ убытковъ и разстройства дѣлъ; а между тѣмъ при разрѣшеніи этого вопроса дѣлались большіе промахи и причинялись цѣлымъ обществамъ и отдѣльнымъ членамъ ихъ не маловажные убытки. Шульце-Деличъ полагаетъ, что есть *три* пути къ разрѣшенію этого вопроса. Первый путь есть тотъ самый, который избрала деличская ассоціація рабочихъ и о которомъ мы уже говорили выше: онъ состоитъ въ томъ, что каждый членъ долженъ имѣть въ кассѣ общества извѣстную сумму, полученную отъ причитающихся ему дивидендовъ (въ Деличѣ 10 талеровъ), и что онъ имѣетъ право брать въ кредитъ изъ складовъ общества матеріалъ на сумму, не превышающую этой суммы; больше же нежели на эту сумму кассиръ можетъ кредитовать члену подъ собственную свою отвѣтственность. Этотъ

путь имѣетъ передъ прочими то огромное преимущество, что каждый членъ увеличиваетъ такимъ образомъ своею долею оборотный капиталъ, и что это увеличеніе имъ капитала можетъ вполнѣ замѣнить для него обязанность платить проценты за забранный въ кредитъ матеріалъ (Шульце-Деличъ сильно настаиваетъ на необходимости платежа процентовъ *во всякомъ случаѣ*: мы объ этомъ поговоримъ впослѣдствіи). Невыгода же этого способа кредитованія заключается въ томъ, что онъ возможенъ только по прошествіи извѣстнаго времени существованія общества, когда уже составились для каждаго члена извѣстныя доли въ оборотномъ капиталѣ; а до тѣхъ поръ, въ первое время существованія общества, право на кредитъ очень ограничено для членовъ его. Но все-таки этотъ способъ кредитованія мы считаемъ гораздо лучшимъ, нежели послѣдующіе два способа, упоминаемые Шульце-Деличемъ и употребляемыя нѣкоторыми германскими обществами. Первый изъ этихъ способовъ состоитъ въ томъ, что въ одно время съ обществомъ для доставленія рабочимъ сырья основывается при этомъ обществѣ заемная касса; изъ складовъ общества товаръ никому не отпускается въ кредитъ, но всякій членъ его можетъ получать изъ кассы необходимую для него сумму за извѣстные проценты и при извѣстной гарантіи. Другой способъ состоитъ въ томъ, что при самомъ вступленіи какого нибудь члена въ общество опредѣляется величина суммъ и срокъ, на который ему можетъ производиться кредитъ. Но при этомъ способѣ нѣтъ никакой опредѣленной нормы, при назначеніи суммъ и сроковъ для кредита, кромѣ развѣ большаго или меньшаго благосостоянія вступающаго члена; а руководствоваться этою нормою было бы очень несправедливо, такъ какъ бѣдный членъ болѣе нуждается въ кредитѣ, нежели богатый; кромѣ того при этомъ способѣ требуются значительные, довольно обременительные для бѣднаго рабочаго взносы: 5 талеровъ единовременно и до 4-хъ талеровъ въ годъ; а проценты за отпускаемый въ кредитъ матеріалъ идутъ еще сами собою. Такимъ образомъ вопросъ объ отпусканіи рабочимъ матеріала въ кредитъ еще не разрѣшенъ ассоціаціями удовлетворительно, потому что онѣ не могли отдѣлаться отъ рутинныхъ взглядовъ на кредитъ; поэтому онѣ предоставляютъ возможныя льготы и гарантіи болѣе зажиточному члену своему, а менѣе зажиточному все еще полагаютъ разныя препятствія, въ видѣ отказа кредито-

вать болѣе извѣстной (часто весьма незначительной) суммы, которая тѣмъ незначительнѣе, чѣмъ кто болѣе нуждается въ кредитѣ, или въ видѣ процента за отпускаемый въ кредитъ матеріалъ; всѣ эти ассоціаціи страшно боятся отказаться отъ процентовъ, которые въ настоящемъ случаѣ являются ничѣмъ инымъ, какъ налогомъ на бѣдняка въ пользу болѣе зажиточнаго работника. Въ этомъ отношеніи Шульце-Деличъ грѣшитъ не менѣе, если еще не болѣе другихъ своихъ современниковъ-экономистовъ.

6.

Кредитныя и ссудныя общества. Этотъ видъ обществъ особенно распространенъ въ Германіи. Для того чтобъ имѣть возможность конкурировать съ крупнымъ капиталистомъ, мелкій ремесленникъ и рабочій долженъ тоже имѣть капиталъ; своего собственнаго капитала онъ не имѣетъ, личнаго кредита онъ также не имѣетъ, потому что одинъ не можетъ представить никакой вѣрной гарантіи, и ему необходимо искать кредита, основаннаго на соединеніи многихъ рабочихъ силъ, которыя представляютъ довольно хорошую гарантію. Вотъ главный мотивъ, которымъ объясняется основаніе и распространеніе этого рода обществъ. Шульце-Деличъ придаетъ особенное значеніе этому виду обществъ, онъ обращаетъ на него особенное вниманіе въ своихъ сочиненіяхъ, и написалъ даже особую книгу объ этомъ предметѣ: Vorschuss-und Kreditvereine als Volksbanken. Само собою разумѣется, что онъ и въ настоящемъ случаѣ сильно возстаетъ противъ того, чтобы подобнымъ учрежденіямъ приданъ былъ характеръ благотворительности, милостыни, поддержки свыше; какъ только рѣчь зайдетъ о подобныхъ обществахъ, то онъ опять принимается толковать о томъ, что въ основу подобныхъ предпріятій необходимо должна лечь собственная помощь, самодѣятельность рабочихъ, и что иначе нельзя ожидать отъ нихъ проку. Но между тѣмъ, при основаніи ссудной кассы въ Деличѣ въ 1850 году онъ самъ отступилъ отъ этого своего основнаго правила. Дѣло въ томъ, что еще въ 1848 и 1849 годахъ, въ Берлинѣ и другихъ германскихъ городахъ, учреждены были ссудныя кассы при помощи суммъ, пожертвованныхъ или отданныхъ безпроцентно людьми зажиточными; тотъ рабочій, который платилъ по одному зильбергрошу въ мѣсяцъ, имѣлъ право поль-

зоваться ссудами изъ этихъ кассъ; взносы же его составляли особенный капиталъ, который служилъ гарантіей при производимыхъ ему ссудахъ. Шульце-Деличъ основалъ въ 1850 году въ Деличѣ кассу на подобныхъ же основаніяхъ: посредствомъ разныхъ добровольныхъ пожертвованій собрано было 170 талеровъ, и изъ нихъ выдавались ссуды тѣмъ, кто платилъ въ кассу мѣсячный взносъ въ 1 зильб. Но дѣла этой кассы шли очень дурно: при незначительности самого капитала, члены ея почти никогда не могли получать изъ нея взаймы денегъ, такъ что большая часть изъ нихъ отказывались отъ этого дѣла, и въ 2 года изъ 120 членовъ осталось только 30; мѣсячныхъ взносовъ этихъ немногихъ членовъ едва доставало на покрытіе расходовъ по администраціи; многія ссуды оставались безвозвратно потерянными, и проч. Тогда Шульце-Деличъ пришелъ къ тому убѣжденію, что дѣла шли такъ дурно отъ того, что изъ кассы ссуды выдавались безпроцентно, и что капиталъ кассы былъ составленъ преимущественно изъ доброхотныхъ пожертвованій; поэтому онъ рѣшился преобразовать деличскую ссудную кассу и образовать изъ нея настоящую кредитную ассоціацію. Въ необходимости подобнаго преобразованія убѣждало его еще то обстоятельство, что дѣла кредитнаго общества, основаннаго по иниціативѣ доктора Бернгарди въ сосѣднемъ съ Деличемъ городкѣ Эйленбургѣ, шли отлично. Эйленбургское общество не имѣло капиталовъ пожертвованныхъ или подаренныхъ, но оно взяло взаймы необходимыя для него суммы за извѣстные проценты, и уже въ самое первое время его существованія, ему предлагалось въ займы сколько угодно капиталовъ; кромѣ того оно принимало и меньшіе вклады отъ своихъ членовъ — на тѣхъ же основаніяхъ, на какихъ они принимаются сберегательными кассами; взносы членовъ равнялись 1 зильб. въ мѣсяцъ. За производимыя ссуды оно брало проценты по 1 пфеннигу съ талера въ недѣлю (или $4^1/_3$ зильб. въ годъ, т. е. $14^1/_3$ проц. въ годъ!). Эти проценты шли такъ же, какъ и въ спеціальныхъ обществахъ рабочихъ, на покрытіе расходовъ по управленію кассою, на уплату процентовъ по занятымъ капиталалъ, на основаніе резервнаго фонда и на образованіе дивиденда для членовъ. Результаты дѣятельности этой ассоціаціи были очень удовлетворительны уже въ самое первое время ея основанія. При основаніи ея (въ 1850 году) она имѣла 180 членовъ, а къ концу 1852 года—586 членовъ (замѣ-

*

тимъ, что въ Эйленбургѣ всего около 10,000 жителей). Въ 1852 же году годовой оборотъ ея превышалъ сумму 17,000 талеровъ. До 1852 года не пропало ни одной ссуды, хотя нѣкоторыя были возвращены обществу не въ срокъ; но этотъ повидимому очень благопріятный результатъ объясняется существованіемъ весьма стѣснительнаго правила, по которому ссуда свыше 5 талеровъ производится изъ эйленбургской кассы не иначе, какъ подъ ручательствомъ или даже подъ залогъ. Подобные результаты, достигнутые эйленбургскимъ обществомъ, внушили Шульце-Деличу желаніе преобразовать на подобныхъ же основаніяхъ и деличское общество, что и было исполнено имъ въ 1852 году; впослѣдствіи въ устройствѣ этого общества были сдѣланы еще различныя улучшенія. Такъ какъ большая часть существующихъ въ Германіи кредитныхъ ассоціацій также основаны по образцу деличской и эйленбургской, то мы займемся организаціей первой изъ этихъ ассоціацій, равнымъ образомъ какъ мы и при описаніи другихъ ассоціацій брали всегда за образецъ Деличскую. Но чтобы не останавливаться каждый разъ при встрѣчѣ съ какою нибудь статьею, которую мы не можемъ признать истинною и вѣрною, мы замѣтимъ предварительно, что мы находимъ весьма многіе недостатки въ организаціи общества подобнаго рода, въ особенности въ томъ, что касается *процентовъ* и *залоговъ*, требуемыхъ при выдачѣ обществомъ ссудъ и что мы также не можемъ согласиться весьма со многимъ изъ того, что Шульце-Деличъ говоритъ о кредитныхъ обществахъ. Но отложивши уже однажды критическую сторону вопроса до другой статьи, мы въ настоящемъ случаѣ ограничиваемся этимъ общимъ замѣчаніемъ и переходимъ прямо къ фактической сторонѣ дѣла.

Цѣль общества доставлять каждому изъ членовъ подъ общимъ ихъ поручительствомъ необходимые для него денежные фонды; дѣятельность его распространяется только на членовъ общества, а постороннія лица, не принадлежащія къ его членамъ, не могутъ пользоваться кредитомъ изъ его кассы. Фондъ его образуется изъ взносовъ членовъ по 2 зильб. въ мѣсяцъ и изъ займовъ подъ общимъ поручительствомъ. Мѣсячные взносы остаются постоянно собственностью каждаго члена; изъ суммы, образовавшейся отъ этихъ взносовъ, 1 талеръ долженъ постоянно оставаться въ кассѣ общества, пока членъ совсѣмъ не выходитъ изъ него; если

же за извѣстнымъ членомъ записано болѣе 1 талера, то онъ имѣетъ право считать этотъ излишекъ въ счетъ возвращаемой имъ ссуды. Если же за кѣмъ либо изъ членовъ записано въ кассѣ 5 талеровъ, образовавшихся изъ мѣсячныхъ взносовъ, и если изъ этой суммы не производится вычетовъ при возвращеніи имъ ссудъ, то членъ этотъ освобождается отъ платежа дальнѣйшихъ мѣсячныхъ взносовъ; но при первомъ вычетѣ, который уменьшитъ эту сумму 5-ти талеровъ, мѣсячный взносъ возобновляется до тѣхъ поръ, пока не будетъ полныхъ 5 тал. Кромѣ этого мѣсячнаго взноса каждый членъ платитъ еще на расходъ по управленію общества, на возможныя потери отъ невозвращенія ссудъ, и на процентъ по занятымъ обществомъ капиталамъ еще слѣдующіе взносы: $2^1/_2$ зильб. единовременно, и по $2^1/_2$ зильб. ежегодно. Эти взносы идутъ безвозвратно въ пользу общества, и плательщикъ не имѣетъ на нихъ никакого права; но если кто пробылъ три года членомъ общества, то онъ освобождается отъ дальнѣйшихъ платежей. Кромѣ этихъ взносовъ, требуемыхъ отъ каждаго члена, для тѣхъ же цѣлей назначаются еще *проценты* за выданныя ссуды, простирающіеся до 1 пфеннига въ недѣлю или до $4^1/_3$ зильбергрошей въ годъ и взимаемые впередъ, при выдачѣ ссуды на извѣстный срокъ. Половина этихъ процентовъ идетъ на покрытіе расходовъ по управленію; изъ остальной половины вычитаются сначала проценты по занятымъ капиталамъ; остатокъ, равно какъ и суммы, полученныя отъ единовременныхъ и годовыхъ взносовъ всѣхъ членовъ, идутъ на образованіе резервнаго фонда; какъ скоро резервный фондъ достигъ 200 талеровъ, суммы эти обращаются на образованіе дивиденда для членовъ и на погашеніе сдѣланныхъ обществомъ займовъ. Величина ссудъ зависитъ отъ денежнаго состоянія кассы и опредѣляется комитетомъ общества. Но вообще принято за правило, что ссуды должны быть не менѣе *трехъ* и не болѣе *ста* талеровъ; если касса не можетъ удовлетворить всѣмъ требованіямъ, то старшіе члены общества имѣютъ преимущество передъ младшими, требующіе меньшихъ суммъ передъ тѣми, которые желаютъ получить большія суммы. Что касается до сроковъ возвращенія ссудъ, то вообще ссуды производятся не долѣе, какъ на три мѣсяца; но если ссуда возвращается постепенно раньше трехъ мѣсяцевъ, то окончательное возвращеніе ея можетъ быть произведено въ теченіи

15 недѣль; впрочемъ при извѣстныхъ обстоятельствахъ допускаются и отсрочки въ уплатѣ ссуды. При выдачѣ кому нибудь ссуды, деличское общество считаетъ необходимымъ принять въ соображеніе двѣ вещи: во первыхъ, *желаніе должника* уплатить въ срокъ выданную ему ссуду (Zahlungswilligkeit), и во вторыхъ, *возможность* для него произвести эту уплату въ срокъ (Zahlungsfähigkeit). По этому отъ всякаго, который обращается къ обществу за ссудой требуется: 1-е, чтобы онъ былъ по крайней мѣрѣ три мѣсяца членомъ общества; 2-е, чтобы на немъ не лежало никакихъ обезчещивающихъ преступленій или пороковъ; 3-е, чтобы онъ не оказался несостоятельнымъ должникомъ по прежнимъ займамъ и не ввелъ бы никогда въ убытокъ поручителя своего. Эти три пункта касаются перваго условія исправной уплаты долга, желанія должника уплатить долгъ въ срокъ. Что касается до втораго условія—возможности, то въ уставѣ общества сказано, что ссуда можетъ производиться тому, чьи обстоятельства служатъ достаточнымъ ручательствомъ въ возвращеніи ссуды. При выдачѣ ссудъ, не превышающихъ 10 талеровъ, комитетъ общества долженъ просто удостовѣриться черезъ двухъ надежныхъ лицъ, знакомыхъ съ положеніемъ дѣлъ просителя, не слишкомъ ли разстроены дѣла его, не находится ли онъ въ состояніи совершеннаго разоренія (въ такомъ случаѣ просьба о ссудѣ безусловно отвергается, и проситель предоставляется на попеченіе частной благотворительности, потому что, объясняетъ Шульце-Деличъ, кредитныя общества не имѣютъ цѣлью помогать разореннымъ, а должны только предохранять людей небогатыхъ отъ совершеннаго разоренія); но при ссудахъ, превышающихъ сумму 10 талеровъ, требуется представленіе поручителя, человѣка достаточно надежнаго, или же представленіе залога, равнаго по цѣнности величинѣ требуемой ссуды; для храненія залоговъ общество должно имѣть особое помѣщеніе и помѣщеніе это должно быть застраховано вмѣстѣ съ самими залогами. Кромѣ всѣхъ этихъ постановленій въ уставѣ деличскаго общества есть еще менѣе важныя и интересныя постановленія касательно системы управленія обществомъ, касательно обязанности выборнаго комитета, кассира и контролера общества, касательно почетныхъ членовъ общества, касательно прекращенія дѣятельности общества; но изложеніе этихъ подробностей завлекло бы насъ слишкомъ далеко; интересующіеся орга-

низаціей кредитныхъ обществъ могутъ найти самыя обстоятельныя свѣдѣнія о нихъ въ названной нами книгѣ Шульце-Делича Vorschussvereine и пр., а также въ его Associationsbuch etc. гдѣ они найдутъ подробности не только касательно устройства кредитныхъ обществъ, но и вообще касательно организаціи рабочихъ обществъ. Не смотря на многіе недостатки деличскаго общества (которые оно однако само понимало и исправляло при первой возможности: такъ проценты, назначенные по уставу въ $14^1/_3$ понижены были впослѣдствіи до 8), дѣла его пошли довольно хорошо въ первый годъ своей реорганизаціи, въ 1853 году оно имѣло 175 членовъ, 2067 тал. капитала (собственнаго и взятаго взаймы), и произвело ссудъ на 8,440 талеровъ; а уже въ 1861 году результатъ его дѣятельности представляетъ намъ слѣдующія цифры: оно имѣло 484 члена (при населеніи въ 6,000 съ небольшимъ жителей), ежемѣсячные взносы которыхъ составляли въ году сумму 968 талеровъ; оборотный капиталъ общества равнялся 24,815 талерамъ, въ томъ числѣ 7,927 талеровъ (почти $^1/_3$ всей суммы), составлявшихъ собственность членовъ и образовавшихся отъ накопленія ежемѣсячныхъ взносовъ и дивиденда; резервный фондъ равнялся 805 талерамъ; ссудъ произведено было на 81,700 талерамъ; чистый барышъ въ этомъ году равнялся 532 талерамъ, а дивидендъ, причитающійся на долю каждаго члена, равнялся $8^1/_3$ проц. тсй суммы, которая принадлежала самимъ членамъ общества.

Правда не всѣ германскія кредитныя ассоціаціи были во всемъ похожи на деличскую или эйленбургскую: однѣ изъ нихъ сохранили въ организаціи своей нѣкоторые признаки благотворительныхъ учрежденій—преимущественно въ Австріи; другія имѣютъ болѣе тѣсный характеръ сберегательныхъ кассъ; третьи наоборотъ, преимущественно въ большихъ городахъ, имѣютъ характеръ болѣе обширныхъ банковыхъ предпріятій, которыя даютъ болѣе значительнымъ промышленникамъ взаймы деньги по векселямъ, занимаются дисконтированіемъ векселей, и пр. Но большая часть существующихъ въ Германіи кредитныхъ ассоціацій была основана мелкими ремесленниками и рабочими, причемъ основатели ихъ брали себѣ болѣе или менѣе въ образецъ статуты эйленбургскаго или деличскаго обществъ.

Но въ первые годы послѣ образованія деличскаго общества,

примѣръ его находилъ еще довольно мало послѣдователей, потому что самое дѣло было еще слишкомъ ново и незнакомо. Только въ 1856 г., послѣ того какъ Шульце-Деличъ въ своемъ сочиненіи Vorchussvereine etc. съ одной стороны изложилъ самымъ тщательнымъ образомъ теорію образованія подобныхъ обществъ, съ другой стороны познакомилъ нѣмецкихъ рабочихъ съ благопріятными результатами сдѣланныхъ уже въ этомъ отношеніи опытовъ, дѣло быстро подвинулось впередъ. Въ концѣ 1855 года во всей Германіи было всего одиннадцать обществъ, въ 1856 году—26, а въ 1860 году уже около 257, въ 1861 около 364, а въ началѣ 1863 года уже отъ 440 до 450.

Сообщивши о результатахъ дѣятельности тѣхъ кредитныхъ обществъ, которыя основаны на принципахъ, имъ проповѣдуемыхъ, т. е. тѣхъ обществъ, которыя сами составили свои капиталы, берутъ за нихъ проценты и требуютъ, при выдачѣ ссудъ, залоговъ и поручительствъ, Шульце-Деличъ упоминаетъ также въ своихъ отчетахъ о тѣхъ учрежденіяхъ, которыя принимали въ основаніе своего устройства правила, признанныя имъ за непрочныя и нераціональныя. Мы узнаемъ изъ отчета за 1860 годъ, что въ этомъ году въ одномъ Берлинѣ существовали 43 ссудныя кассы, основанныя помянутымъ нами центральнымъ обществомъ для развитія благосостоянія рабочихъ классовъ; капиталъ этихъ кассъ составился почти исключительно изъ необязательныхъ взносовъ и пожертвованій, и ссуды выдавались безпроцентно или за самый ничтожный процентъ. Въ началѣ 1860 года капиталъ этихъ кассъ равнялся 72,754 тал., а въ концѣ года—76,377 тал.; ссудъ произведено было въ этомъ году на 93,772 тал.; а 194 талера выдано въ видѣ безвозвратныхъ, единовременныхъ пособій; потеря кассъ въ невозвращенныхъ ссудахъ равнялась 1,276 талерамъ. Приведя эти цифры, Шульце-Деличъ видитъ въ незначительности самаго капитала кассъ, въ незначительности оборотовъ ихъ (капиталъ кассъ обернулся немного болѣе одного раза, между тѣмъ какъ въ обществахъ, основанныхъ по системѣ Шульце-Делича, онъ оборачивается болѣе трехъ разъ), наконецъ въ сравнительной величинѣ потерь ихъ, лучшее доказательство тому, что система, на которой онѣ основаны, не раціональна, что безъ значительныхъ процентовъ нельзя обойтись, и пр. Но мы полагаемъ, что его выводы не совсѣмъ основательны, во-первыхъ потому, что дѣло берлин-

скихъ кассъ могло идти дурно отъ неумѣнія вести его: а во-вторыхъ, неуспѣхъ этотъ доказываетъ главнымъ образомъ только то, что самое общество не проникнулось еще идеей о возможности, даже о необходимости кредита безъ процентовъ, и что пока оно не проникнется этой идеей и не найдетъ возможности обходиться безъ процентовъ, до тѣхъ поръ, конечно, капиталы будутъ стекаться туда, гдѣ за нихъ получается процентъ (до 14⅓), нежели туда, гдѣ они не приносятъ ничего. Вотъ все, что по нашему мнѣнію вытекаетъ изъ тѣхъ данныхъ, въ которыхъ Шульце-Деличъ видитъ торжество своей системы.

Вотъ главные результаты дѣятельности различнаго рода обществъ, основанныхъ въ различныхъ мѣстахъ Германіи, большею частью по мысли, по системѣ, а частію даже и при дѣятельномъ соучастіи Шульце-Делича. Но дѣятельность его не ограничивается только этимъ, и онъ не довольствуется тѣмъ, что въ разныхъ углахъ Германіи образуются ассоціаціи, руководствующіяся его принципами. Напротивъ, по мѣрѣ того какъ эти ассоціаціи распространяются, дѣятельность его на пользу рабочихъ принимаетъ все болѣе и болѣе обширные размѣры. Читатель легко убѣдится въ этомъ изъ нашего дальнѣйшаго изложенія.

7.

Центральное бюро ассоціацій рабочихъ. Вопросъ объ отношеніи ассоціацій къ государству и къ законодательству. Вопросъ объ отношеніи ихъ къ германскому «Національному Обществу» («Nationalverein»). Сильное развитіе, которое въ послѣдніе годы приняли въ Германіи различнаго вида ассоціаціи, произошло въ значительной степени отъ того, что благодаря въ особенности стараніямъ Шульце-Делича, результатамъ дѣятельности ихъ придана была большая гласность, возбужденъ былъ общій интересъ къ образованію ихъ, и отдѣльнымъ обществамъ, какъ уже существующимъ, такъ и вновь образующимся, дана была возможность пользоваться опытами и свѣдѣніями, пріобрѣтенными другими обществами. Прежде всего Шульце-Деличу удалось заинтересовать въ пользу того дѣла, которому онъ посвятилъ столько заботъ и трудовъ, главнѣйшіе органы нѣмецкой прессы, которые печатали его отчеты, и такимъ образомъ возбуждали вниманіе общества и воз-

буждали въ немъ интересъ къ этой сторонѣ дѣятельности рабочихъ. Въ 1858 году ему удалось устроить конгрессъ нѣмецкихъ экономистовъ въ Готѣ; на этомъ конгрессѣ весьма многими знатоками экономической жизни и экономическихъ потребностей нѣмецкаго народа, какъ теоретиками, такъ и практиками, признана была основательность принциповъ ассоціаціи, проповѣдываемыхъ Шульце-Деличемъ. Однимъ изъ первыхъ послѣдствій этого конгресса, по свидѣтельству Шульце-Делича, было то, что въ обществѣ еще болѣе укрѣпилось хорошее мнѣніе объ этихъ обществахъ и довѣріе къ нимъ, что имѣло немаловажное вліяніе на общественное положеніе и на увеличеніе кредита ихъ. «Сознаніе собственнаго достоинства и своего значенія замѣтно поднялось въ нихъ, говоритъ онъ, и повело къ тому, что уже въ 1859 году мнѣ сдѣланы были отъ многихъ членовъ обществъ предложенія о томъ, чтобы созвать общій съѣздъ рабочихъ (Vereinstag), на которомъ депутаты отъ различныхъ обществъ обсуживали бы общіе свои интересы, обмѣнивались бы сдѣланными ими замѣчаніями и опытами, и принимали бы общія мѣры и постановленія на будущее время». Первый съѣздъ рабочихъ состоялся въ 1859 году въ Веймарѣ, второй въ 1860 г. въ Готѣ, третій въ 1861 году въ Галле, а четвертый въ 1862 году въ Потсдамѣ. На первыхъ двухъ съѣздахъ являлись депутаты только отъ кредитныхъ и ссудныхъ обществъ, но уже въ 1861 году на съѣздъ въ Галле явились и представители спеціальныхъ обществъ рабочихъ по ремесламъ. Впослѣдствіи рабочіе сообразили, что съ распространеніемъ обществъ по лицу всей Германіи, не всѣмъ одинаково удобно будетъ посылать своихъ депутатовъ на общій съѣздъ, потому что это было бы сопряжено для депутатовъ общества, отдаленныхъ отъ мѣста съѣзда, съ немалою потерею времени и съ значительными издержками. Поэтому они рѣшили, что не мѣшало бы основать болѣе ограниченные съѣзды представителей общества по отдѣльнымъ странамъ и провинціямъ, но съ тѣмъ, чтобы всѣ эти *мѣстные* съѣзды находились въ связи съ общимъ съѣздомъ. Первый изъ подобныхъ мѣстныхъ съѣздовъ произошелъ въ 1860 году между представителями обществъ Саксонскаго королевства; ихъ примѣру послѣдовали вскорѣ послѣ того общества Вестфаліи, прирейнской Пруссіи, Силезіи и пр. Однимъ изъ первыхъ рѣшеній, принятыхъ общими съѣздами рабочихъ, было учрежденіе *Центральнаго бюро рабочихъ ассоціацій*, котораго

назначеніе состояло въ томъ, чтобы еще болѣе развить дѣятельность этихъ обществъ, сблизить ихъ и служить посредникомъ въ сношеніяхъ ихъ между собою. Когда мысль о подобномъ бюро явилась у различныхъ обществъ, они обратились къ Шульце-Деличу съ просьбою приняться за осуществленіе ея и взять на себя обязанность директора его (конечно за извѣстное вознагражденіе), на что Шульце-Деличъ охотно согласился. Вотъ какимъ образомъ съѣздъ рабочихъ въ Галле (1861 г.) опредѣлилъ цѣль и назначеніе бюро и отношенія отдѣльныхъ обществъ къ этому бюро *). 1) Всякое общество рабочихъ имѣетъ право приступить къ центральному бюро; комитетъ этого общества увѣдомляетъ только объ этомъ желаніи г. директора бюро и присылаетъ къ нему копію съ постановленія общаго собранія всѣхъ членовъ общества, въ которомъ изъявляется это желаніе. 2) Бюро принимаетъ на себя слѣдующія обязательства относительно приступившихъ къ нему обществъ: a) оно вообще служитъ представителемъ этихъ обществъ и защищаетъ ихъ интересы въ прессѣ, на экономическихъ конгрессахъ, въ общественной жизни, и въ особенности по отношенію къ законодательству отдѣльныхъ нѣмецкихъ государствъ; b) бюро обязано подавать совѣты, отвѣчать на дѣлаемые ему вопросы и давать требуемыя отъ него справки, какъ тѣмъ обществамъ, которыя уже существуютъ, такъ и въ особенности въ тѣхъ случаяхъ, гдѣ дѣло только что идетъ объ образованіи новыхъ обществъ; c) бюро должно служить посредникомъ между различными обществамя въ тѣхъ случаяхъ, когда они желаютъ сообщить другъ другу сдѣланные опыты и полученные результаты, когда они желаютъ вступить другъ съ другомъ въ какія-нибудь сношенія по дѣламъ, равнымъ образомъ и когда они желаютъ въ виду общихъ интересовъ дѣйствовать соединенными силами и средствами; d) оно облегчаетъ обществамъ возможность добывать въ кредитъ деньги, или указывая имъ на банкировъ, у которыхъ они могутъ получить взаймы деньги, или указывая имъ на другія ассоціаціи, у которыхъ могутъ быть свободные капиталы. 3) Съ своей стороны всякое общество, приступившее къ центральному бюро, обязано: a) вносить ежегодно по заключеніи

*) Vorschuss-und Kreditvereine als Volksbanken, von Schulze-Delitzsch. Dritte Ausgabe. Leipzig. 1862. S. 162—164.

годовыхъ счетовъ 2% чистой прибыли на содержаніе бюро; однако взносъ этотъ долженъ быть не менѣе 2 талеровъ (значитъ тѣ общества, у которыхъ чистая прибыль не достигла 100 талеровъ, платятъ все-таки 2 талера, т. е. болѣе 2%), и не болѣе 30 талеровъ (такъ что общества у которыхъ чистая прибыль превышаетъ сумму 1,500 талеровъ, платятъ менѣе 2%); b) выписывать по крайней мѣрѣ по одному экземпляру періодическаго изданія: Die Innung der Zukunft, органа центральнаго бюро. Кромѣ этихъ общихъ обязательствъ, то общество, которое занимаетъ черезъ посредство бюро у другихъ ассоціацій деньги, обязано еще c) вносить въ пользу бюро $^1/_{10}$% занимаемой суммы; при этомъ опредѣляется также, что каждое общество, которое обращается въ бюро для полученія взаймы денегъ, обязано представить при этомъ свой уставъ, списокъ своихъ членовъ и отчетъ о состояніи своей кассы, о доходахъ и расходахъ своихъ, а то общество, которое даетъ взаймы деньги, не должно брать болѣе 5%. Наконецъ 4) общества, приступившія къ бюро, могутъ производить черезъ его посредство переводы счетовъ съ уплатою $^1/_6$%, черезъ что выигрываются расходы на пересылку денегъ и лишнихъ писемъ по почтѣ. Хотя начало учрежденія этого бюро относится собственно только къ концу 1860 и къ началу 1861 г., однако уже въ началѣ 1863 г. къ нему приступило не менѣе 239 обществъ (210 кредитныхъ, 28 обществъ для доставленія рабочимъ сырья, и одно для доставленія рабочимъ жизненныхъ припасовъ); эти общества внесли въ 1862 г. въ кассу бюро около 1,000 талеровъ, изъ которыхъ почти 400 пошли на разные расходы бюро, а 600 талеровъ съ небольшимъ остались въ пользу директора бюро.

Однимъ изъ результатовъ развитія нѣмецкихъ рабочихъ обществъ было то, что они почувствовали потребность имѣть свой собственный органъ. Еще въ 1854 году Шульце-Деличъ убѣдилъ редактора выходившей въ Берлинѣ нѣмецкой ремесленной газеты посвятить особый отдѣлъ своей газеты вопросу объ ассоціаціяхъ и назвать его: Die Innung der Zukunft (собственно ремесленные союзы, цехи будущности). Но такъ какъ изданіе листка въ этомъ видѣ представляло большія неудобства, то въ 1861 году при увеличивавшемся постоянно матеріалѣ и числѣ подписчиковъ, Шульце-Деличъ нашелъ возможнымъ отдѣлить это изданіе отъ изданія ремесленной газеты и сдѣлать изъ него самостоятельное ежемѣ-

сячное изданіе, оставивъ ему то же самое заглавіе: Die Innung der Zukunft. Съ того времени эта газета является спеціальнымъ органомъ центральнаго бюро и нѣмецкихъ ассоціацій вообще: она имѣетъ цѣлью обсуждать всѣ вопросы по организаціи обществъ и изыскивать все то, чего требуютъ интересы ихъ. Она выходитъ по одному разу въ мѣсяцъ нумерами въ одинъ листъ, и кромѣ того каждые три мѣсяца выдается по одному прибавленію въ листъ или въ полтора, такъ что подписчикъ получаетъ въ годъ 16—19 листовъ; подписная цѣна на эту газету составляетъ $1^1/_2$ тал.

Однимъ изъ весьма важныхъ вопросовъ для существованія и дальнѣйшаго развитія нѣмецкихъ обществъ, вопросомъ, на который Шульце-Деличъ, начиная съ 1859 года, обращаетъ постоянно особенное вниманіе, есть вопросъ объ отношеніи обществъ къ законодательству, о положеніи ихъ въ обществѣ по отношенію къ общественному, государственному и къ частному праву. Шульце-Деличъ сообщаетъ въ своихъ отчетахъ, что касательно отношенія ассоціаціи къ государству, онъ, къ сожалѣнію, не можетъ сообщить такихъ же благопріятныхъ извѣстій, какъ о всемъ другомъ, ихъ касающемся. Онъ говоритъ, что въ этомъ случаѣ ему приходится говорить о стѣсненіяхъ, о попыткахъ полицейскихъ начальствъ переступить предоставленное имъ въ нѣкоторыхъ мѣстахъ право наблюденія за обществами, и вообще о весьма непрочномъ положеніи обществъ относительно государственныхъ властей. Это тѣмъ болѣе странно, замѣчаетъ онъ, что отдѣльныя германскія правительства могли бы найти весьма уважительный поводъ къ оказанію обществамъ всякаго покровительства, потому что онѣ имѣютъ характеръ консервативныхъ учрежденій, противодѣйствующихъ разрушительнымъ ученіямъ нѣкоторыхъ соціалистическихъ школъ; но между тѣмъ иныя правительства не только не способствовали развитію ихъ, а напротивъ дѣлали путемъ законодательства различныя попытки, которыя угрожали опасностью самому существованію ихъ. Такъ, напримѣръ, въ 1855 году при министерствѣ Раумеръ-Вестфаленъ въ Пруссіи вышло постановленіе о томъ, чтобы при основаніи общества требовалось разрѣшеніе провинціальныхъ властей; слѣдствіемъ этого было то, что власти эти имѣли возможность вліять на общества сообразно съ политическимъ направленіемъ, господствовавшимъ между основателями и членами его, и нѣкоторыя изъ нихъ были даже просто

закрыты. Но такъ какъ во всѣхъ спорныхъ вопросахъ рѣшенія суда оказывались всегда въ пользу обществъ, то это постановленіе было отмѣнено уже 15 ноября 1856 года. Равнымъ образомъ не имѣла успѣха попытка подчинить ссудныя кассы контролю мѣстныхъ начальствъ; а 29 сентября 1862 года опубликовано было постановленіе прусскаго министерства о томъ, что только тѣ учрежденія подчинены верховному наблюденію государства, которыя могутъ быть основаны не иначе, какъ съ его разрѣшенія, а рабочія общества не подходятъ подъ эту категорію. Только въ Вестфаліи нѣкоторыя общества добровольно подчинили себя контролю властей, да въ Австріи и Ганноверѣ требуется разрѣшеніе мѣстнаго начальства при основаніи ассоціацій.

Но если положеніе рабочихъ обществъ по отношенію ихъ къ государственной власти является еще въ неслишкомъ невыгодномъ свѣтѣ, то и положеніе ихъ въ отношеніи частнаго права очень неопредѣленно и сомнительно. Эта неопредѣленность правъ ихъ касательно владѣнія имѣніями и веденія дѣлъ передъ судомъ происходитъ отъ того, что гражданское законодательство въ Германіи, при постановленіи законовъ касательно правъ различныхъ обществъ, было совершенно незнакомо съ обществами этого рода, и поэтому не могло сдѣлать касательно нихъ никакихъ опредѣленій; а когда въ послѣднее время изданъ былъ всеобщій нѣмецкій торговый кодексъ, то въ немъ не обращено было ни малѣйшаго вниманія на ассоціаціи рабочихъ, существовавшія въ то время уже въ довольно значительномъ числѣ. А между тѣмъ ассоціаціи эти не подходятъ подъ законодательство объ акціонерныхъ обществахъ и товариществахъ на паяхъ.—Во-первыхъ, въ обществахъ этого рода число членовъ болѣе или менѣе опредѣленно и ограничено (въ акціонерныхъ обществахъ числомъ акцій); между тѣмъ какъ въ обществахъ рабочихъ приливъ и отливъ членовъ совершенно неограниченъ. Во-вторыхъ, дѣятельность перваго рода обществъ имѣетъ преимущественно въ виду публику, и они приходятъ въ самыя тѣсныя отношенія къ публикѣ: дѣятельность же рабочихъ ассоціацій, болѣе внутренняя, ограничивается больше членами своего собственнаго кружка. Съ другой стороны рабочія общества не подходятъ также подъ существующую въ различныхъ государствахъ категорію частныхъ обществъ, извѣстную подъ именемъ корпорацій. Поэтому имъ приходится встрѣчаться съ большими затруд-

неніями при предъявленіи гражданскихъ правъ своихъ, въ особенности когда имъ приходится легитимизировать свою собственность, и вообще доказывать свое право собственности или передавать его другому. При отсутствіи твердыхъ, спеціально примѣняющихся къ нимъ гражданскихъ законовъ, ихъ положеніе зависитъ въ значительной степени отъ измѣнчивости взгляда судовъ, нерѣдко отъ доброй воли противной стороны, и они принуждены часто прибѣгать для доказательства своихъ правъ къ различнымъ окольнымъ путямъ, что сопряжено съ различными опасностями, затрудненіями и издержками. Общества могли отчасти выйти изъ подобнаго положенія, воспользовавшись тѣмъ, что нѣкоторыя изъ германскихъ правительствъ, какъ, напримѣръ, саксонское, мекленбургское и др., предлагали обществамъ дать имъ права корпорацій; но такъ какъ съ полученіемъ этихъ правъ соединены были контроль и вмѣшательство правительствъ въ дѣла обществъ, то большая часть изъ нихъ отказалась отъ предлагаемыхъ имъ правъ. Немудрено, что всѣ эти обстоятельства обратили на себя вниманіе Шульце-Делича, принимавшаго такое дѣятельное участіе въ судьбѣ этихъ учрежденій. Еще въ 1859 году онъ выработалъ проектъ закона для легитимаціи обществъ, для опредѣленія ихъ правъ собственности и для облегченія имъ веденія процессовъ. Въ этомъ проектѣ имѣлось въ виду достигнуть «признанія государствами уставовъ и полномочій обществъ; признаніе это должно происходить со стороны мѣстныхъ властей, послѣ того какъ общество съ своей стороны опредѣлитъ въ своемъ уставѣ, какія оно даетъ гарантіи самимъ властямъ и кредиторамъ своимъ, и обяжется опубликовать свои отчеты». Этотъ проектъ былъ одобренъ еще въ 1859 году кельнскимъ съѣздомъ нѣмецкихъ экономистовъ, а въ 1860 году общимъ съѣздомъ рабочихъ въ Готѣ. Но изъ правительствъ ни одно еще не одобрило его: правда, саксонская палата депутатовъ еще въ 1860 г. занималась его разсмотрѣніемъ, но утвержденія его еще до сихъ поръ не послѣдовало. Въ 1861 году Шульце-Деличъ хотѣлъ внести этотъ проектъ на разсмотрѣніе въ прусскую палату, но въ то самое время изданъ былъ вышеупомянутый всеобщій нѣмецкій торговый кодексъ, дѣйствіе котораго прусскія начальства хотѣли распространить и на рабочія общества, отчего юридическое положеніе этихъ послѣднихъ не только не улучшилось, но скорѣе еще ухудшилось. Этотъ кодексъ

не можетъ быть примѣненъ къ тѣмъ обществамъ, которыя ограничиваютъ свою дѣятельность кругомъ своихъ собственныхъ членовъ: они не принадлежатъ къ торговымъ обществамъ, потому что не только не производятъ торговли, но не занимаются даже фабрикаціей предметовъ *сообща;* поэтому по рѣшенію самихъ прусскихъ начальствъ съ нихъ не слѣдуетъ взыскивать даже налога за производство ремесла. Но за то тѣ изъ обществъ, которыя не ограничиваютъ свою дѣятельность потребностями своихъ членовъ, и поэтому подходятъ подъ категорію торговыхъ обществъ, должны сообразно съ постановленіями торговаго кодекса, подъ опасеніемъ наказанія, исполнять то, чего кодексъ требуетъ отъ торговыхъ обществъ, что часто бываетъ соединено съ большими для нихъ затрудненіями: такъ они должны вести дѣло подъ одной общей фирмой, подавать коммерческимъ судамъ списки всѣхъ своихъ членовъ и давать имъ знать о всякомъ измѣненіи, происходящемъ въ составѣ ихъ общества, что бываетъ очень затруднительно при безпрерывныхъ вступленіяхъ членовъ въ общество и выходахъ ихъ. Для того чтобы избѣгнуть всѣхъ этихъ затрудненій, Шульце-Деличъ въ 1861 году передѣлалъ свой первоначальный проектъ закона объ ассоціаціяхъ, стараясь придерживаться въ этомъ новомъ проектѣ какъ можно ближе постановленій торговаго кодекса и отступая отъ нихъ только въ немногихъ, крайнихъ случаяхъ; и дѣйствительно, этотъ вопросъ рѣшенъ совершенно въ духѣ торговаго кодекса, а именно въ отношеніи къ отвѣтственности обществъ за сдѣланные ими займы. Хотя Шульце-Деличъ при выработкѣ своего проекта имѣлъ преимущественно въ виду прусскіе законы, однако такъ какъ онъ при этомъ старался придерживаться духа и даже по возможности буквы всеобщаго нѣмецкаго торговаго кодекса, то онъ и полагаетъ, что законъ этотъ можно будетъ примѣнить и къ обществамъ другихъ нѣмецкихъ государствъ, сдѣлавши въ немъ, конечно, небольшія измѣненія сообразно съ мѣстнымъ законодательствомъ отдѣльныхъ государствъ. Проектъ этотъ состоитъ изъ введенія и *шести* главъ: въ 1-й главѣ рѣчь идетъ объ устройствѣ обществъ и объ общихъ постановленіяхъ касательно нихъ; во 2-й главѣ—объ юридическихъ отношеніяхъ членовъ обществъ между собою и къ третьимъ лицамъ; въ 3-й—объ управленіи обществами; въ 4-й—о распущеніи обществъ; въ 5-й—

о ликвидаціи дѣлъ обществъ, и наконецъ въ 6-й—о жалобахъ на членовъ обществъ.

Въ такомъ видѣ этотъ проектъ представленъ былъ Шульце-Деличемъ въ началѣ 1863 года на обсужденіе прусской палаты депутатовъ, которая назначила изъ своей среды коммиссію для разсмотрѣнія его. Вотъ какъ одна берлинская газета сообщаетъ о занятіяхъ этой коммиссіи и о судьбѣ самаго проекта: «Коммиссія эта имѣла первое засѣданіе свое только во вторникъ, 14 апрѣля, такъ какъ министерство потребовало прежде отсрочки, для того, чтобы лучше ознакомиться съ дѣломъ и затѣмъ дѣйствовать сообразно съ обстоятельствами. Въ коммиссіи дѣйствительно присутствовали коммиссары министерствъ внутреннихъ дѣлъ и торговли, а при началѣ перваго засѣданія коммиссіи въ ней присутствовалъ самъ министръ торговли. Авторъ проекта сдѣлалъ сначала бѣглый обзоръ развитія ассоціаціонной системы, которая началась лѣтъ 12 тому назадъ едва замѣтнымъ образомъ, а теперь достигла уже весьма значительныхъ размѣровъ и получила важное значеніе: такъ по словамъ его годовой отчетъ дѣятельности различнаго рода ассоціацій за 1862 годъ показываетъ, что онѣ всѣ вмѣстѣ производили въ этомъ году оборотовъ болѣе нежели на 32 милліона талеровъ. Затѣмъ ораторъ распространился о существенныхъ чертахъ главнаго вида ассоціацій—кредитныхъ обществъ, обществъ для доставленія рабочимъ сырья и жизненныхъ припасовъ, и упомянулъ также о великомъ экономическомъ, политическомъ и нравственномъ ихъ значеніи. Представитель министерства (Зельховъ, министръ торговли) прочелъ тогда письменное изложеніе, въ которомъ министерство объявляетъ, что оно находитъ настоящее время неудобнымъ для обсужденія и окончательнаго разрѣшенія этого вопроса, и что оно не можетъ также одобрить формы, въ которую авторъ облекъ проектъ свой, потому что при этомъ недостаточно соблюдены постановленія торговаго кодекса (?). Въ этомъ объявленіи своемъ министерство изъявляло признательность свою Шульце-Деличу за участіе его въ этомъ дѣлѣ, признавало важность этого вопроса и обѣщалось представить въ будущую сессію свой проектъ закона объ этомъ предметѣ; вмѣстѣ съ тѣмъ оно объявило, что когда оно будетъ заниматься выработкою этого проекта, оно съ величайшею охотою воспользуется извѣстною опытностью г. Шульце во всемъ, что касается этого вопроса. Не смотря на подобное объ-

явленіе, коммиссія начала однако же свои труды, и коммиссары правительства также продолжали присутствовать при ея занятіяхъ, не принимая однако же участія въ дальнѣйшихъ преніяхъ. Нѣкоторыя замѣчанія въ объявленіи министерства способны были внушить предположеніе, будто оно намѣрено при будущей организаціи обществъ ввести въ какой нибудь формѣ надзоръ или опеку надъ ними государства. Противъ этого авторъ проекта энергически протестовалъ, замѣтивши, что общества лучше совсѣмъ откажутся отъ всякаго закона, нежели допустятъ подобное вмѣшательство. При этомъ онъ упомянулъ и о своемъ личномъ отношеніи къ ассоціаціямъ, которое даетъ ему обильный запасъ опытовъ по всему, что касается устройства ихъ, и о томъ, что этотъ запасъ съ каждымъ днемъ все болѣе и болѣе увеличивается; онъ замѣтилъ также, что онъ посвятилъ всю свою дѣятельность устройству, управленію обществъ, совѣщаніямъ по дѣламъ, касающимся ихъ, и что онъ обязался даже передъ ними не принимать на себя никакой государственной должности, ни веденія какого либо частнаго, промышленнаго предпріятія. Докладчикомъ по этому закону назначенъ Парризіусъ. Онъ предложилъ нѣсколько незначительныхъ измѣненій въ проектѣ—большею частію относительно формы,—и Шульце-Деличъ почти тотчасъ же согласился съ большею частію изъ нихъ. При обсужденіи вопроса оказалось, что по самой новизнѣ дѣла и тѣхъ отношеній, которыя законъ долженъ былъ опредѣлить, дѣло подвигалось очень медленно впередъ; въ особенности долго члены коммиссіи останавливались на обсужденіи первыхъ параграфовъ, въ которыхъ заключается вся сущность вопроса. Впрочемъ можно надѣяться, что въ теченіи двухъ недѣль трудъ этотъ будетъ оконченъ, и что при томъ рвеніи, съ которымъ Парризіусъ занимается своимъ дѣломъ, докладъ тоже будетъ составленъ вскорѣ послѣ окончанія разсмотрѣнія проекта». Но вслѣдствіе происшедшаго въ маѣ мѣсяцѣ столкновенія министерства съ палатой, и вслѣдствіе послѣдовавшаго затѣмъ преждевременнаго закрытія палаты, проектъ закона этого и въ настоящую сессію не успѣлъ поступить на обсужденіе палаты. Но 24 іюня 1863 года, въ оффиціальной берлинской газетѣ «Staatsanzeiger» напечатано было сообщеніе, касающееся этого предмета. Въ этомъ сообщеніи сказано было, что въ прошедшую сессію представленъ былъ въ палату проектъ закона объ ассоціаціяхъ, имѣю-

ціи такую-то цѣль: причемъ прибавлено было, что министерство повторяетъ свое тогдашнее заявленіе о важномъ значеніи ассоціаціонной системы и о пользѣ закона, опредѣляющаго права ассоціацій въ государствѣ. Чтобы приступить къ осуществленію этой мысли, сказано было далѣе въ оффиціальной газетѣ, г. министръ торговли разослалъ недавно циркуляръ ко всѣмъ провинціальнымъ начальствамъ, въ которомъ онъ приглашаетъ ихъ собрать и доставить къ нему какъ можно болѣе подробныхъ статистическихъ свѣдѣній о распространеніи и положеніи различнаго рода обществъ, а также сообщить свое мнѣніе о степени полезности ихъ для извѣстнаго края, о мѣрахъ къ распространенію ихъ и къ отстраненію препятствій, останавливающихъ еще ихъ развитіе. Подобное приглашеніе сдѣлано было также нѣкоторымъ частнымъ лицамъ, занимавшимся организаціей обществъ изъ любви къ самому дѣлу». Какихъ еще свѣдѣній нужно министерству, послѣ тѣхъ богатыхъ свѣдѣній, которыя заключаются въ сочиненіяхъ Шульце-Делича, составляющихъ цѣлую литературу по этому вопросу, и почему оно сочло нужнымъ начать сначала дѣло выработки закона, когда существуетъ такой зрѣло обдуманный проектъ закона, какъ проектъ Шульце-Делича, совершенно исчерпывающій весь вопросъ — это конечно трудно объяснить.

Извѣстно, что въ Германіи существуетъ такъ называемое «Національное общество» (Nationalverein). Этотъ Nationalverein имѣетъ отъ времени до времени въ разныхъ мѣстахъ Германіи засѣданія, въ которыхъ толкуется о средствахъ къ достиженію этой цѣли. Въ одномъ изъ подобныхъ засѣданій, происходившемъ въ началѣ нынѣшняго года въ Лейпцигѣ, и на которомъ присутствовалъ также Шульце-Деличъ, былъ между прочимъ поднятъ вопросъ о томъ, въ какое положеніе національное общество должно стать относительно рабочихъ классовъ Германіи. На это Шульце-Деличъ замѣтилъ, что конечно Nationalverein долженъ обратить особенное вниманіе и искать главную для себя опору въ томъ сословіи, которое можно считать главнымъ хранителемъ и разсадникомъ настоящей культуры, т. е. въ среднемъ сословіи, а [illegible]ственно и въ сословіи рабочихъ. Что же касается до участія рабочихъ въ дѣятельности самого Verein'a, то тутъ слѣдуетъ дѣлать различіе между зажиточнымъ рабочимъ и бѣднымъ. Первый изъ нихъ можетъ конечно помогать національному обществу

по мѣрѣ силъ и возможности также и денежными средствами; но послѣдній безъ сомнѣнія поступитъ несравненно лучше и патріотичнѣе, если онъ не отдастъ небольшихъ трудовыхъ крохъ своихъ, оставшихся въ его распоряженіи послѣ удовлетворенія главныхъ жизненныхъ потребностей, въ распоряженіе Nationalvereiп'а, а употребитъ ихъ на доставленіе себѣ какихъ нибудь средствъ къ образованію, или на обезпеченіе своего положенія въ будущемъ; черезъ это онъ способствуетъ къ поднятію рабочаго и вообще средняго класса, и содѣйствуетъ образованію здороваго зерна, изъ котораго можетъ развиться германское единство.

Въ заключеніе мы приведемъ еще одинъ фактъ, который показываетъ очень хорошо, до какихъ мелочей Шульце-Деличъ входитъ въ интересы рабочаго класса, и какъ онъ заботится обо всемъ, что можетъ нѣсколько облегчить существованіе работника. Этотъ фактъ также отчасти поможетъ намъ понять ту громадную популярность, которою Шульце-Деличъ пользуется между рабочимъ классомъ. Въ одно изъ засѣданій берлинскаго рабочаго общества (происходящихъ всегда по воскресеньямъ), въ которомъ Шульце-Деличъ говорилъ одну изъ своихъ популярныхъ рѣчей, и объяснялъ рабочимъ какой-то вопросъ, касающійся обществъ, онъ вдругъ обратился къ слушателямъ своимъ съ подобнымъ приглашеніемъ: «Теперь, господа, я намѣренъ коснуться еще одного вопроса. Человѣкъ не можетъ жить однимъ только трудомъ; онъ чувствуетъ иногда потребность отдохнуть и освѣжиться. Вотъ мнѣ и пришло на умъ, какъ хорошо бы было, еслибы мы съ вами могли когда нибудь встрѣтиться и поболтать по пріятельски, не касаясь никакихъ политическихъ и соціальныхъ вопросовъ. Поэтому я предлагаю вамъ, господа, соберитесь-ка въ Потсдамъ; нѣсколько общихъ друзей нашихъ и я, мы приготовимъ все, что необходимо для того, чтобы намъ можно было провести вмѣстѣ пріятный день. Но только съ однимъ условіемъ, господа: вы должны взять съ собою вашихъ женъ. Да, да, господа, вашихъ женъ, которыя имѣютъ часто такое благодѣтельное вліяніе на своихъ мужей. Итакъ, господа, я надѣюсь на васъ: мы скоро увидимся въ Потсдамѣ». Мы полагаемъ, всякій изъ читателей нашихъ согласится съ тѣмъ, что подобное простое и радушное приглашеніе, съ которымъ обратился къ берлинскимъ рабочимъ общій другъ ихъ, Шульце-Деличъ, должно было про-

извести очень хорошее впечатлѣніе на его слушателей и еще болѣе расположить ихъ въ пользу того человѣка, который не упускаетъ изъ виду никакихъ, даже самыхъ мелкихъ интересовъ ихъ.

Этимъ мы заканчиваемъ настоящую статью нашу, въ которой старались представить съ возможной полнотой все, что до сихъ поръ сдѣлано въ Германіи для улучшенія быта рабочихъ Шульце-Деличемъ и его послѣдователями. Въ слѣдующей статьѣ мы познакомимъ читателей съ системой противника его Лассаля, и съ тѣми успѣхами, которые сдѣлало въ Германіи то и другое ученіе.

Августъ 1863 г.

II.

Ф. ЛАССАЛЬ И ЕГО УЧЕНІЕ О ЗНАЧЕНІИ РАБОЧАГО КЛАССА И О СРЕДСТВАХЪ КЪ УЛУЧШЕНІЮ ЕГО ПОЛОЖЕНІЯ.—СУЖДЕНІЕ ЛАССАЛЯ О ШУЛЬЦЕ-ДЕЛИЧѢ И О ЕГО ДѢЯТЕЛЬНОСТИ.—ОТНОШЕНІЕ КЪ ЛАССАЛЮ ГОСУДАРСТВЕННЫХЪ ВЛАСТЕЙ (ПРОЦЕССЪ ЛАССАЛЯ).—ОТНОШЕНІЕ КЪ ЛАССАЛЮ НѢМЕЦКОЙ ПРЕССЫ.—АНТАГОНИЗМЪ ШУЛЬЦЕ-ДЕЛИЧА И ЛАССАЛЯ.—ПОЛОЖЕНІЕ НѢМЕЦКИХЪ РАБОЧИХЪ ВЪ ЭТОМЪ СПОРѢ: РАСПАДЕНІЕ ИХЪ НА ДВА ЛАГЕРЯ; ЛЕЙПЦИГСКІЙ КОМИТЕТЪ И ФРАНКФУРТСКІЙ КОНГРЕССЪ РАБОЧИХЪ.

Фердинандъ Лассаль, будучи еще очень молодымъ человѣкомъ (онъ родился въ 1825 году), принялъ дѣятельное участіе въ событіяхъ 1848 года, и за это онъ, послѣ возстановленія прежняго порядка, подвергся полугодичному тюремному заключенію. Впослѣдствіи, во все время господства Мантейфелевой системы, о немъ не было слышно ничего особеннаго, и только въ послѣдніе года онъ сталъ извѣстенъ въ Германіи своими рѣчами и сочиненіями, въ которыхъ онъ трактуетъ о необходимости дать рабочему классу иное положеніе въ обществѣ, чѣмъ то, которое онъ занималъ и занимаетъ доселѣ. Съ особенною отчетливостью и ясностью Лассаль изложилъ свои мысли о значеніи и нуждахъ рабочаго класса въ двухъ брошюрахъ, изъ которыхъ первая вышла въ концѣ прошлаго года, а вторая въ началѣ нынѣшняго года. — Первая изъ этихъ брошюръ носитъ заглавіе Arbeiterprogramm, и составляетъ не что иное, какъ перепечатку рѣчи, произнесенной Лассалемъ въ апрѣлѣ 1862 года передъ собраніемъ берлинскихъ рабочихъ. Вторая брошюра озаглавлена слѣдующимъ образомъ: Offenes Antwortschreiben an das Leipziger Central-Comité von Ferd. Lassalle. Основываясь преимущественно на этихъ двухъ брошюрахъ, мы по-

стараемся познакомить нашихъ читателей съ экономически-соціальнымъ ученіемъ Лассаля.

1.

Въ своемъ Arbeiterprogramm Лассаль старается опредѣлить исторически роль рабочаго класса въ общественномъ строѣ и доказать, что самая логика исторіи требуетъ измѣненія въ отношеніяхъ класса рабочихъ къ прочимъ классамъ. Въ средніе вѣка, говоритъ онъ, преобладающимъ элементомъ въ общественномъ строѣ былъ элементъ дворянства и духовенства, и преобладаніе это основывалось на томъ, что въ ихъ рукахъ находилась вся поземельная собственность, которая, при низкой степени развитія промышленности, составляла почти все богатство извѣстной страны. Съ развитіемъ промышленности образуется *капиталъ*, значеніе котораго мало по малу уменьшаетъ значеніе поземельной собственности, и который производитъ переворотъ въ общественномъ строѣ государствъ: французская революція 1789 года была послѣднимъ фазисомъ этого переворота, начавшагося лѣтъ за 300 до этого событія. Послѣ революціи 89-го года большой капиталъ занялъ такое же мѣсто въ государствѣ, какое прежде занимало поземельное владѣніе; господство феодализма замѣнилось господствомъ буржуазіи. Буржуазія съумѣла подчинить массу народа своей власти и пріобрѣсти для себя всевозможныя привилегіи, сваливая въ то же время съ себя на массу народа большую часть государственныхъ тяжестей. Лассаль доказываетъ, что буржуазія съумѣла посредствомъ прямаго и косвеннаго ценза, посредствомъ установленія залоговъ и гербовыхъ пошлинъ для прессы, а преимущественно посредствомъ косвенныхъ налоговъ, сдѣлать крупный капиталъ необходимымъ условіемъ для участія въ общественномъ управленіи *). Въ этомъ отношеніи, по мнѣнію автора, буржуазія поступала еще съ бо̀льшею послѣдовательностью и съ бо̀льшимъ эгоизмомъ, нежели въ средніе вѣка дворянство по отношенію къ поземельной собственности. Но и этотъ второй періодъ, наполнившій собою не

*) Въ доказательство этого своего увѣренія, Лассаль приводитъ между прочимъ то, что въ Пруссіи на 108 милліоновъ дохода, приходится только 12 милліоновъ прямыхъ налоговъ, которые обусловливаютъ избирательное право, а слѣдовательно, и право участія въ общественномъ управленіи.

менѣе 350 лѣтъ, окончился, по мнѣнію Лассаля, съ 1848 годомъ. Съ этого времени, говоритъ онъ, начинается новый (третій) историческій періодъ, въ которомъ не послѣдняя роль должна принадлежать *четвертому* сословію: провозглашенный въ этомъ году принципъ всеобщей подачи голосовъ даетъ всякому человѣку, независимо отъ того, богатъ ли онъ, или бѣденъ, одинаковую долю участія въ управленіи государствомъ, и установляетъ такимъ образомъ принципъ свободнаго труда господствующимъ принципомъ въ обществѣ, не ставя его въ зависимость отъ владѣнія землею или капиталомъ. Затѣмъ авторъ развиваетъ свои понятія о различіи нравственной идеи буржуазіи и нравственной идеи рабочаго сословія, и о вытекающемъ отсюда различіи въ понятіи о *цѣли государства* у обоихъ классовъ. Если феодалы среднихъ вѣковъ ставили значеніе индивидуума въ зависимость отъ происхожденія его и отъ соціальнаго его положенія, то нравственная идея буржуазіи состоитъ въ томъ, что всякое подобное ограниченіе несправедливо, что всякій индивидуумъ долженъ имѣть значеніе самъ по себѣ, и что ему прежде всего должно гарантировать безпрепятственное употребленіе его собственныхъ силъ. Еслибъ, объясняетъ Лассаль, мы всѣ были одарены отъ природы одинаковымъ богатствомъ, одинаковымъ умомъ и образованіемъ, то пожалуй эта нравственная идея была бы удовлетворительна. Но такъ какъ подобнаго равенства нѣтъ и не можетъ быть, такъ какъ мы являемся въ свѣтъ не просто какъ индивидуумы, а съ извѣстнымъ различіемъ въ способностяхъ и въ богатствѣ, отъ которыхъ въ свою очередь зависитъ различіе образованія, то эта нравственная идея неудовлетворительна. Еслибъ общество должно было обезпечивать своимъ членамъ одну только безпрепятственную самодѣятельность индивидуума, то это повело бы прямо къ тому, что сильный сталъ бы эксплуатировать слабаго. Нравственная же идея рабочаго класса заключается въ томъ, что свободное употребленіе индивидуальныхъ силъ само по себѣ еще недостаточно, что для правильнаго общественнаго строя кромѣ этого еще необходимы: солидарность интересовъ, совокупность и взаимность развитія. Этимъ различіемъ въ нравственной идеѣ у обоихъ классовъ, по мнѣнію автора, обусловливается и различіе понятій ихъ о цѣли государства. Буржуазія создала доктрину: задача государства заключается въ томъ, чтобы защищать свободу

и имущество отдѣльнаго гражданина. Такова доктрина научныхъ представителей буржуазіи, такова доктрина ихъ политическихъ вождей, такова, однимъ словомъ, доктрина *либерализма*. По мнѣнію Лассаля, эта теорія весьма недостаточна, вовсе ненаучна и нимало не соотвѣтствуетъ истинному значенію государства. Истинное назначеніе государства формулируется слѣдующимъ образомъ въ брошюрѣ Лассаля: посредствомъ соединенія отдѣльныхъ личностей въ одно государство, отдѣльнымъ индивидуумамъ должна быть дана возможность достигнуть такихъ цѣлей и такихъ ступеней развитія, которыхъ они никогда бы не могли достигнуть, какъ отдѣльныя единицы; — государство должно такимъ образомъ способствовать развитію человѣчества и стараться вызвать къ дѣйствительности всю ту степень цивилизаціи, какой только можетъ достигнуть человѣчество.—Лассаль полагаетъ, что изложенную имъ идею о государствѣ можно назвать идеей рабочаго класса по преимуществу. Конечно, говоритъ онъ, и всякій другой можетъ дойти до этой идеи, при нѣкоторомъ образованіи и при нѣкоторой способности разсуждать; но рабочій классъ, по самому безпомощному состоянію, въ которомъ находятся члены его, какъ отдѣльныя единицы, долженъ инстинктивно доходить до этой идеи: экономическое положеніе этого класса по необходимости рождаетъ въ немъ инстинктивное понятіе о томъ, что государство, черезъ соединеніе многихъ единицъ, должно помогать каждой отдѣльной единицѣ доходить до такой степени развитія, которая недоступна для нея, какъ для единицы. Съ 1848 года началось осуществленіе этой идеи. Впослѣдствіи провозглашенъ былъ принципъ всеобщей и прямой подачи голосовъ, которая, по мнѣнію Лассаля, составляетъ лучшее средство къ осуществленію вышеизложенной идеи о государствѣ. Лассаль не хочетъ этимъ сказать, что система, которая даетъ рабочему классу значительную долю участія въ управленіи государствомъ, хороша потому, что рабочій классъ лучше прочихъ классовъ. Лассаль далекъ отъ той странной мысли, чтобы въ рабочемъ классѣ не было недостатковъ, свойственныхъ другимъ классамъ, чтобы въ немъ, напримѣръ, не было того эгоизма, который онъ видитъ въ дворянствѣ или въ буржуазіи. Но онъ находитъ, что рабочій поставленъ въ этомъ отношеніи въ особенно благопріятныя обстоятельства; что преслѣдуя, хотя бы изъ эгоистическихъ видовъ, улучшеніе своего собственнаго состоянія, онъ стремится въ то же

время къ улучшенію состоянія цѣлаго рабочаго класса, а слѣдовательно, его личный интересъ совпадаетъ съ развитіемъ массы народа, съ распространеніемъ свободы, съ благомъ цѣлаго человѣчества.

Изложеніе этихъ общихъ разсужденій о роли, предназначенной рабочему классу въ исторіи человѣчества, и объ истинномъ значеніи рабочаго, составляетъ содержаніе одной изъ его брошюръ—Arbeiterprogramm, за которую онъ былъ преданъ суду (о чемъ рѣчь будетъ ниже). — Въ другой своей брошюрѣ: Offenes Antwortschreiben etc., онъ говоритъ о неудовлетворительности настоящаго общественнаго положенія рабочаго класса, о недостаточности того, что сдѣлано Шульце-Деличемъ и другими для улучшенія этого положенія, и о томъ, что собственно слѣдовало бы сдѣлать въ этомъ отношеніи.

2.

Сначала авторъ этой брошюры касается вопроса о томъ, какое положеніе нѣмецкіе рабочіе должны занять по отношенію къ политическимъ движеніямъ своей родины. По этому поводу въ концѣ 1862 года высказаны были два противуположныя мнѣнія. Одно изъ этихъ мнѣній состояло въ томъ, что рабочіе вовсе не должны заботиться о политическихъ движеніяхъ страны, и что эти послѣднія не интересны для нихъ. Другое же мнѣніе клонилось къ тому, что нѣмецкіе рабочіе должны непремѣнно примкнуть, и притомъ самымъ тѣснымъ образомъ, къ партіи прусскихъ прогрессистовъ.—Лассаль одинаково энергически возстаетъ противъ того и другаго мнѣнія.—Первое изъ этихъ мнѣній онъ считаетъ совершенно ошибочнымъ потому, что рабочій можетъ ожидать осуществленія его законныхъ стремленій только отъ политической свободы страны: самые вопросы о томъ, могутъ ли рабочіе свободно собираться, могутъ ли они обсуждать свои интересы, могутъ ли они образовывать для защиты послѣднихъ союзы и ассоціаціи—всѣ эти вопросы зависятъ отъ политическаго положенія страны и отъ той степени политической свободы, которою она пользуется; поэтому Лассаль считаетъ излишнимъ дольше останавливаться на этомъ предметѣ. Но не менѣе странно было бы, по его мнѣнію, если бы нѣмецкіе рабочіе вздумали смотрѣть на себя, какъ на

безусловныхъ послѣдователей прусскихъ прогрессистовъ. Лассаль допускаетъ, что эти господа оказали въ 1862 году нѣкоторую, хотя довольно умѣренную услугу странѣ, отстаивая конституціонныя права прусской палаты депутатовъ. Но даже тогда не было достаточнаго основанія, чтобы все сословіе нѣмецкихъ рабочихъ объявило себя въ пользу политики этой партіи, тѣмъ болѣе, что еще неизвѣстно было, воспользовалась ли бы эта партія своей побѣдой для блага всего народа, для блага низшихъ классовъ. Теперь же, говоритъ авторъ, партія эта совершенно потеряла всякое право на уваженіе со стороны рабочихъ: вмѣсто того, чтобъ отказаться засѣдать въ палатѣ до тѣхъ поръ, пока правительство не возвратится къ конституціи, — она сама даетъ правительству возможность соединить всѣ выгоды неограниченной власти со всѣми выгодами мнимо-конституціоннаго образа правленія; этимъ она ставитъ сама себя въ очень невыгодное положеніе. Изо всего этого Лассаль выводитъ заключеніе, что нѣмецкіе рабочіе по отношенію къ политическому движенію страны, отнюдь не должны дѣлаться безусловными послѣдователями политики прусскихъ прогрессистовъ. Вотъ какимъ образомъ онъ опредѣляетъ то положеніе, въ которое они должны стать по отношенію къ правительствамъ и политическимъ партіямъ Германіи: «рабочіе должны составить самостоятельную партію, совершенно отдѣльную отъ партіи прогрессистовъ. Они должны поддерживать эту послѣднюю партію въ тѣхъ вопросахъ и въ тѣхъ случаяхъ, гдѣ обѣ онѣ имѣютъ общій интересъ; но они должны рѣшительно отворачиваться отъ нея и противодѣйствовать партіи прогрессистовъ, какъ скоро эта послѣдняя дѣйствуетъ наперекоръ ихъ интересамъ, чтобы черезъ это принудить ее или дѣйствительно идти впередъ, или же погрузиться еще глубже въ болото безсилія и безполезности. Въ то же время рабочій классъ, сложившись въ самостоятельную политическую партію, долженъ провозгласить всеобщую и прямую подачу голосовъ девизомъ своимъ и написать этотъ девизъ на своемъ знамени. Представительство рабочаго класса въ законодательныхъ собраніяхъ Германіи—вотъ что можетъ удовлетворить въ политическомъ отношеніи его законнымъ интересамъ. Политическая программа партіи рабочихъ должна состоять въ томъ, чтобы изыскивать средства къ достиженію этой цѣли».

Отъ политическаго положенія германскаго рабочаго Лассаль

переходитъ къ соціальному положенію его. Сначала онъ выражаетъ свое удивленіе, свое сожалѣніе о томъ, что при обсужденіи средствъ къ улучшенію соціальнаго положенія рабочихъ, между германскими рабочими еще подымается вопросъ о свободѣ ремесленника переходить съ мѣста на мѣсто (Freizügigkeit) и о ремесленной свободѣ (Gewerbefreiheit). Онъ замѣчаетъ, что разсужденія о подобномъ предметѣ могли имѣть мѣсто полтораста лѣтъ тому назадъ, но что теперь они смѣшны и унизительны для нѣмецкихъ рабочихъ; что свобода переселенія и ремесленная свобода принадлежатъ къ такимъ вещамъ, которыя всякое законодательное собраніе постановляетъ совершенно безмолвно, но о которыхъ оно не разсуждаетъ. Затѣмъ онъ переходитъ къ образованію сберегательныхъ, вспомогательныхъ, инвалидныхъ кассъ и кассъ на случай болѣзни, какъ къ средствамъ, которыми предполагается достигнуть улучшенія быта рабочаго класса. Онъ допускаетъ, что всѣ эти учрежденія могутъ приносить относительную, хотя весьма незначительную и почти не стоющую упоминанія пользу. Онъ спрашиваетъ себя, къ чему должны стремиться рабочіе? Къ тому ли только, чтобы сдѣлать сноснѣе бѣдственное положеніе отдѣльныхъ рабочихъ индивидуумовъ? Къ тому ли, чтобы находить противоядіе противъ легкомыслія, старости, болѣзней и всякаго рода несчастныхъ случаевъ, вслѣдствіе которыхъ отдѣльные индивидуумы между работниками приходятъ еще въ худшее положеніе противъ нормальнаго положенія работника? Въ такихъ случаяхъ всѣ вышеупомянутыя кассы приносятъ извѣстную долю пользы; но для достиженія подобной ничтожной цѣли нечего было поднимать движеніе рабочихъ по всей Германіи.—Или же, спрашиваетъ онъ далѣе, рабочіе должны стремиться къ тому, чтобы улучшить нормальное положеніе всего рабочаго класса и поднять его выше теперешняго его уровня? Если такова цѣль рабочихъ (а не подлежитъ сомнѣнію, что она должна быть именно такова), то нечего и доказывать, какъ недостаточны вышеозначенныя учрежденія для достиженія ея; они напротивъ могутъ принести даже отрицательный вредъ рабочимъ, отвлекая вниманіе ихъ отъ чего-нибудь лучшаго и раздробляя ихъ силы.

«Но,—продолжаетъ Лассаль въ своемъ обращеніи къ рабочимъ,—вамъ твердятъ отовсюду, чтобы вы стремились къ улучшенію своего быта при помощи учрежденій Шульце-Делича, при

помощи кредитныхъ обществъ, обществъ для доставленія сырья и жизненныхъ припасовъ». Коснувшись Шульце-Делича, авторъ разсматриваетъ его дѣятельность съ трехъ сторонъ: какъ политическаго дѣятеля, какъ экономиста-теоретика и какъ практическаго дѣятеля на поприщѣ улучшенія быта рабочихъ. Какъ политическій дѣятель, Шульце-Деличъ принадлежитъ къ партіи прусскихъ прогрессистовъ, а свое мнѣніе объ этой партіи Лассаль высказалъ уже прежде. Какъ экономистъ-теоретикъ, Шульце принадлежитъ, по мнѣнію Лассаля, къ либеральной школѣ и раздѣляетъ всѣ ея ошибки, заблужденія и самообольщенія; самое лучшее доказательство тому авторъ видитъ въ его публичныхъ лекціяхъ, которыя онъ читалъ прошедшею зимою берлинскимъ рабочимъ *), и которыя, по мнѣнію автора, представляютъ собраніе фальшивыхъ представленій, умозаключеній, не вытекающихъ изъ своихъ посылокъ, и пр. Но на этихъ двухъ сторонахъ дѣятельности Шульце-Делича Лассаль мало останавливается: онъ останавливается больше на третьей сторонѣ его дѣятельности, которая интересуетъ насъ гораздо болѣе, а именно на дѣятельности его какъ экономиста-практика, какъ друга рабочихъ. Лассаль отзывается о немъ, что это единственный человѣкъ изъ всей партіи прогрессистовъ, который сдѣлалъ что-нибудь для народа. При помощи неутомимой его дѣятельности, ему удалось *одному*, при самыхъ неблагопріятныхъ обстоятельствахъ, стать основателемъ нѣмецкой ассоціаціонной системы и дать этой системѣ толчекъ, который въ короткое время привелъ къ весьма утѣшительнымъ результатамъ. Лассаль приписываетъ также ему заслугу въ томъ, что въ настоящее время въ Германіи поднятъ вопросъ объ улучшеніи быта рабочихъ, что въ Германіи существуетъ движеніе рабочихъ: это составляетъ, по мнѣнію Лассаля, великую заслугу со стороны Шульце-Делича, заслугу, которую нельзя оцѣнить довольно высоко. Мы видимъ такимъ образомъ, что Лассаль совершенно иначе относится къ Шульце-Деличу, нежели тотъ относится къ нему самому. Онъ не называетъ его пустымъ фразеромъ, подогрѣвателемъ старинныхъ, лопнувшихъ ученій и пр.; напротивъ, онъ отдаетъ должную справедливость своему, хотя не болѣе искусному, но за то болѣе счаст-

*) Мы говорили объ этихъ лекціяхъ въ первой статьѣ и еще возвратимся къ нимъ впослѣдствіи.

ливому противнику (мы упомянули въ первой статьѣ нашей, почему г. Шульце можно назвать болѣе счастливымъ противникомъ). Но указавши на хорошую и полезную по его мнѣнію сторону дѣятельности Шульце-Делича, Лассаль относится къ ней съ критической стороны и разсматриваетъ, насколько она способствуетъ къ улучшенію быта рабочихъ вообще. Онъ спрашиваетъ себя, въ состояніи ли различные виды обществъ, учрежденныхъ Шульце-Деличемъ, произвести всеобщее улучшеніе въ бытѣ рабочихъ, и отвѣчаетъ на этотъ вопросъ отрицательнымъ образомъ. Затѣмъ онъ приступаетъ къ доказательству этого своего мнѣнія. Есть три главные вида рабочихъ обществъ, учрежденныхъ Шульце: кредитныя общества, общества для доставленія рабочимъ сырья и общества для доставленія имъ жизненныхъ продуктовъ. Что касается двухъ первыхъ категорій рабочихъ обществъ—кредитныхъ обществъ и обществъ для доставленія сырья, то Лассаль замѣчаетъ, что выгодами, представляемыми этими обществами, могутъ пользоваться только тѣ рабочіе, которые занимаются производствомъ на собственный свой счетъ, т. е. мелкіе ремесленники. Что же касается до класса рабочихъ въ болѣе тѣсномъ смыслѣ, то есть тѣхъ рабочихъ, которые работаютъ въ большой фабричной производительности, то они не могутъ пользоваться благодѣяніями кредита и дешеваго доставленія сырья; для нихъ оба вида ассоціацій вовсе не существуютъ. Ассоціаціи этого рода могутъ слѣдовательно приносить пользу только мелкой ремесленной промышленности. Но и при этомъ Лассаль обращаетъ вниманіе на два обстоятельства. Во первыхъ, въ Германіи, какъ и въ другихъ странахъ, крупная фабричная производительность все болѣе и болѣе распространяется насчетъ мелкой ремесленной промышленности, и такимъ образомъ число самостоятельныхъ мелкихъ ремесленниковъ все болѣе и болѣе уменьшается, а число фабричныхъ работниковъ все болѣе увеличивается. Изъ этого слѣдуетъ, что два вида обществъ, учрежденныхъ Шульце-Деличемъ, если бы они даже были въ состояніи произвести дѣйствительно улучшеніе въ бытѣ рабочихъ, приносили бы пользу сравнительно весьма незначительному числу работниковъ; и то еще это число уменьшается съ каждымъ днемъ, по мѣрѣ того, какъ возрастаетъ число фабричныхъ рабочихъ, для которыхъ этого рода ассоціаціи не приносятъ ни малѣйшей пользы. Но Лассаль полагаетъ еще, что то улучшеніе, ко-

торое подобныя ассоціаціи вносятъ въ бытъ тѣхъ немногихъ мелкихъ ремесленниковъ, для которыхъ онѣ доступны, само по себѣ не очень значительно. Онъ говоритъ, что ассоціаціи эти все-таки не даютъ мелкимъ ремесленникамъ возможности успѣшно конкурировать съ крупной фабричной производительностью. Все, чего онѣ могутъ достигнуть, состоитъ въ томъ, что онѣ дадутъ небогатому ремесленнику возможность конкурировать съ ремесленникомъ зажиточнымъ, который имѣетъ достаточный капиталъ для продолженія своего небольшаго производства. Но дѣло въ томъ, что даже тотъ ремесленникъ, который имѣетъ свой небольшой капиталъ, не въ состояніи успѣшно конкуррировать съ большимъ капиталомъ и съ значительнымъ фабричнымъ производствомъ, потому что при этомъ видѣ производства удешевляются расходы на производство и представляется возможность пользоваться меньшимъ барышомъ съ каждой произведенной штуки. Слѣдовательно оба эти вида ассоціацій могутъ, при настоящихъ условіяхъ, послужить только къ продолженію борьбы, которую мелкая ремесленная промышленность ведетъ съ крупнымъ фабричнымъ производствомъ, и къ продленію агоніи первой изъ нихъ; собственно же рабочаго класса, участвующаго въ фабричномъ производствѣ, они вовсе не касаются.

Затѣмъ остается третій видъ рабочихъ обществъ — общества для доставленія жизненныхъ потребностей рабочимъ; на разсмотрѣніе этого рода обществъ Лассаль обращаетъ въ своей брошюрѣ особенное вниманіе. Этого рода общества отличаются отъ первыхъ двухъ видовъ тѣмъ, что дѣятельность ихъ охватываетъ весь рабочій классъ вообще.

Но и эти общества, по мнѣнію Лассаля, не въ состояніи произвести радикальнаго измѣненія въ положеніи всего рабочаго класса. Онъ объясняетъ, что рабочій находится въ невыгодномъ положеніи преимущественно какъ производитель, а не какъ потребитель: поэтому, желая улучшить его положеніе, слѣдуетъ преимущественно имѣть въ виду производителя, а не потребителя. Конечно, рабочій и какъ потребитель находится въ болѣе невыгодномъ положеніи нежели прочіе потребители, потому что ему приходится запасаться всѣмъ нужнымъ у мелочныхъ продавцовъ и платить за покупаемые матеріалы большій процентъ. Этому, сравнительно небольшому злу, конечно помогаютъ существующія въ

Германіи ассоціаціи; но онѣ могутъ сдѣлать только болѣе сноснымъ печальное положеніе рабочаго, но не могутъ произвести улучшенія состоянія рабочаго класса вообще, потому что не улучшаютъ его положенія, какъ производителя. Вотъ какимъ образомъ Лассаль объясняетъ безсиліе подобнаго рода ассоціацій произвести радикальное измѣненіе быта рабочихъ. При настоящихъ обстоятельствахъ, говоритъ онъ, при преобладаніи предложенія надъ спросомъ, сложился слѣдующій экономическій законъ, которымъ опредѣляется заработная плата: «заработная плата сводится вообще къ той суммѣ, которая въ извѣстномъ народѣ считается необходимой для продолженія существованія человѣка и для распространенія рода человѣческаго». Около этой точки заработная плата движется маятнико-образнымъ движеніемъ: она рѣдко значительно возвышается надъ этимъ пунктомъ и рѣдко падаетъ значительно ниже его. Какъ скоро она значительно возвысится надъ этимъ пунктомъ, происходитъ значительное увеличеніе браковъ между рабочими, происходитъ значительно размноженіе рабочаго населенія, увеличеніе числа рабочихъ рукъ—и вслѣдствіе увеличенія предложенія заработная плата понижается до прежняго своего уровня, и пожалуй ниже его. Но заработная плата не можетъ также долго оставаться ниже этого уровня, потому что тогда является усиленная эмиграція, воздержаніе отъ браковъ и уменьшеніе; числа рабочихъ рукъ но эти обстоятельства не могутъ произвести улучшенія состоянія рабочаго предложенія и возвращеніе заработной платы къ прежнему положенію. Этотъ законъ, продолжаетъ Лассаль, не подлежитъ ни малѣйшему сомнѣнію; онъ признается извѣстнѣйшими экономистами, и даже вышеупомянутой либеральной экономической школой, которая сама открыла этотъ законъ и подтвердила его многими доказательствами; онъ единогласно признается Адамомъ Смитомъ и Сэемъ, Рикардо и Мальтусомъ, Бастіа и Дж. Стюартомъ Миллемъ; на этомъ пунктѣ сходятся всѣ экономисты-теоретики. Доказавши несомнѣнное существованіе этого закона, Лассаль разсматриваетъ дѣйствіе его. Послѣдствіемъ этого закона, по его объясненію, является то, что изъ суммы, вырученной за извѣстное производство, сначала вычитается и распредѣляется между рабочими столько, сколько необходимо для продленія ихъ существованія (заработная плата); затѣмъ весь излишекъ этой суммы составляетъ барышъ крупнаго

производителя, фабриканта. Такимъ образомъ, въ силу вышеупомянутаго закона, сами работники исключены отъ возможности пользоваться выгодами отъ увеличенія суммъ сбыта извѣстнаго производства: они все-таки получаютъ только то, что необходимо для продленія ихъ существованія. Если сравнить положеніе рабочихъ въ различныя эпохи, то можетъ оказаться, что вслѣдствіе различныхъ обстоятельствъ въ различное время норма *необходимаго* для продленія существованія работника была различна: такимъ образомъ можетъ случиться, что положеніе рабочаго улучшилось сравнительно съ положеніемъ его въ предшествовавшія столѣтія или въ предшествовавшемъ поколѣніи. Это улучшеніе, какъ бы незначительно и ничтожно оно ни было (оно на столько ничтожно, что даже самое существованіе его сомнительно), служитъ, однако, экономистамъ либеральной школы, и во главѣ ихъ Бастіа, поводомъ къ безпрерывнымъ декламаціямъ о томъ, что теперь положеніе рабочихъ несравненно лучше, чѣмъ оно было прежде.—Но Лассаль замѣчаетъ, что работнику, заработная плата котораго сведена къ minimum его жизненныхъ потребностей, вовсе не интересно знать, что этотъ minimum былъ гораздо менѣе 80, 200 или 300 лѣтъ тому назадъ, когда вовсе не существовало извѣстныхъ потребностей, которыя теперь считаются жизненною необходимостью, или что его положеніе гораздо лучше, нежели, напримѣръ, положеніе новозеландца, который за то и не знаетъ никакихъ потребностей.—Работникъ сравниваетъ свое настоящее положеніе съ настоящимъ же положеніемъ другихъ людей, другихъ классовъ его согражданъ, и изъ этого сравненія, а не изъ какого-либо другаго, онъ выводитъ заключеніе объ удовлетворительности или неудовлетворительности своего положенія. А изъ подобнаго сравненія не могутъ выходить особенно утѣшительные результаты, потому что оказывается, что, по отношенію рабочаго къ прочимъ классамъ, положеніе его осталось и теперь то же, какое существовало и 80, и 200, и 300 лѣтъ тому назадъ. Возвращаясь отъ этихъ общихъ разсужденій къ вопросу объ ассоціаціяхъ для доставленія рабочимъ жизненныхъ потребностей, Лассаль полагаетъ, что пока только незначительное число работниковъ приступаетъ къ этимъ обществамъ, приступившіе къ нимъ находятся въ болѣе выгодномъ положеніи, нежели прочіе, живущіе въ окрестностяхъ рабочіе, и поэтому составленіе этихъ обществъ можетъ послужить къ част-

ному облегченію положенія нѣкоторыхъ рабочихъ. Но какъ скоро эти общества охватятъ *весь* рабочій классъ, то необходимымъ слѣдствіемъ этого распространенія явится удешевленіе жизненнаго пропитанія рабочаго и его семейства, а слѣдовательно, въ силу вышеприведеннаго закона, и соразмѣрное съ этимъ удешевленіемъ пониженіе заработной платы. Слѣдовательно подобныя общества могутъ принести частную пользу только до тѣхъ поръ, пока они остаются изолированными явленіями и не нашли достаточно подражателей; всему же рабочему сословію они никогда не могутъ принести существенной пользы.

Разобравши всѣ виды ассоціацій Шульце-Делича и показавши, что въ томъ видѣ, какъ онѣ существуютъ теперь, онѣ не могутъ приносить и не приносятъ дѣйствительной пользы *всему* рабочему классу, Лассаль ставитъ слѣдующій вопросъ: «Неужели принципъ свободной индивидуальной ассоціаціи рабочихъ не можетъ произвести улучшеніе въ бытѣ рабочаго сословія?» Отвѣтъ на этотъ вопросъ, по мнѣнію Лассаля, заключается въ томъ, что ассоціація конечно можетъ произвести это улучшеніе—но только въ томъ случаѣ, если она распространится и будетъ примѣнена къ большому фабричному производству. Единственное средство къ устраненію вышеприведеннаго жестокаго закона, опредѣляющаго заработную плату, заключается въ томъ, чтобы сдѣлать самого работника собственникомъ мастерскихъ и фабрикъ, въ которыхъ онъ работаетъ; въ такомъ только случаѣ уничтожается разность между дѣйствительною цѣнностью произведеннаго предмета и заработной платою за него, и въ такомъ только случаѣ вся сумма, вырученная за производство извѣстнаго предмета, дѣлается собственностью самихъ производителей, т. е. работниковъ. Это единственный законный, мирный и простой путь къ справедливому, дѣйствительному, невообразимому улучшенію положенія рабочаго сословія.

Мы видимъ, что въ этомъ отношеніи Лассаль совершенно сходится съ Шульце-Деличемъ. И тотъ, какъ мы видѣли въ первой статьѣ нашей, считаетъ всѣ уже существующіе виды рабочихъ обществъ только приготовительною ступенью къ настоящему виду ассоціацій, отъ которыхъ рабочимъ слѣдуетъ ожидать улучшенія своего быта—къ ассоціаціямъ производительнымъ, при которыхъ весь барышъ отъ производства оставался бы исключительно въ рукахъ самихъ производителей, въ рукахъ рабочихъ. Того же,

какъ мы сейчасъ показали, желаетъ и Лассаль: слѣдовательно оба противника сходятся на томъ пунктѣ, что только подобнаго рода ассоціаціи могутъ произвести радикальное измѣненіе въ бытѣ рабочихъ. Но какимъ образомъ достигнуть образованія подобныхъ ассоціацій? Вотъ пунктъ, на которомъ оба противника совершенно расходятся. Въ то время, какъ Шульце-Деличъ, увлекшись идеей о собственной помощи рабочихъ, старается увѣрить себя и самихъ рабочихъ, что имъ удастся составить изъ копѣечныхъ сбереженій и взносовъ своихъ капиталы, которые будутъ въ состояніи успѣшно конкурировать съ огромными капиталами крупныхъ производителей, Лассаль смотритъ на дѣло совершенно иначе. Если мы бросимъ взглядъ, говоритъ онъ, съ одной стороны на желѣзныя дороги, на верфи, на литейные и другіе заводы, на хлопчатобумажныя, шерстяныя и иныя фабрики, на милліоны, необходимые для основанія и поддержанія всѣхъ этихъ заведеній, а съ другой стороны на пустые карманы работниковъ, то мы по неволѣ спросимъ себя, откуда работникамъ взять всѣ эти гигантскіе капиталы и какимъ образомъ имъ вести на свой счетъ большое производство? И конечно не подлежитъ ни малѣйшему сомнѣнію, что они никогда не будутъ въ состояніи достигнуть этого, если они будутъ предоставлены исключительно только собственнымъ своимъ силамъ, своимъ индивидуальнымъ усиліямъ. Поэтому, продолжаетъ Лассаль, обязанность государства состоитъ въ томъ, чтобы дать работникамъ возможность достигнуть этого, чтобы взять въ свои руки великое дѣло свободныхъ ассоціацій рабочихъ и способствовать ихъ развитію, и чтобы поставить себѣ священнѣйшею обязанностью предоставленіе рабочимъ возможности и средствъ къ самоорганизаціи и самоассоціаціи. Высказавши подобную мысль, Лассаль долженъ былъ по необходимости коснуться увѣреній тѣхъ экономистовъ, которые утверждаютъ, что всякое вмѣшательство государства уничтожаетъ дѣятельность самого общества. Онъ доказываетъ во первыхъ, что эти увѣренія несправедливы даже въ томъ случаѣ, если подъ государствомъ разумѣть то, что экономисты-теоретики обыкновенно разумѣютъ подъ этимъ именемъ. Во вторыхъ, онъ замѣчаетъ, что всѣ эти экономисты, поднимающіе такой страшный крикъ каждый разъ, какъ дѣло идетъ о поддержкѣ, оказываемой государствомъ неимущимъ классамъ, вовсе не прочь принимать интервенцію государства тамъ, гдѣ дѣло идетъ

объ оказаніи покровительства и помощи крупному капиталу. Въ третьихъ же, онъ доказываетъ, что всѣ крики противъ вмѣшательства государства неосновательны уже потому, что обыкновенно экономисты подъ именемъ государства разумѣютъ вовсе не то, что онъ разумѣетъ подъ этимъ именемъ, и что, по его мнѣнію, слѣдуетъ разумѣть подъ этимъ именемъ.

Относительно перваго пункта онъ говоритъ слѣдующее: «Не правда, что я мѣшаю кому нибудь влѣзть собственными силами на башню, если я подаю ему для совершенія этого дѣла лѣстницу и веревку, что я мѣшаю кому нибудь вспахать собственными силами поле, если я даю ему для этой цѣли плугъ. Не правда, что я мѣшаю кому нибудь разбить собственными силами непріятельское войско, если даю ему въ руки оружіе. Не правда, что государство мѣшаетъ юношеству образоваться собственными своими силами, если оно содержитъ учителей, школы, библіотеки. И если иногда случается, что кто нибудь влѣзетъ на башню безъ лѣстницы и безъ веревки, если крестьяне Вандеи разбивали войска французской республики безъ оружія, если случалось, что кто-нибудь выучивался безъ учителей, школъ и библіотекъ, то всѣ исключенія не уничтожаютъ общаго правила, а напротивъ скорѣе подтверждаютъ его. Точно такъ же, хотя и случалось, что отдѣльные кружки рабочихъ (преимущественно въ Англіи), успѣвали при извѣстныхъ обстоятельствахъ установить болѣе или менѣе успѣшную конкуренцію съ большимъ капиталомъ, но всѣ эти случаи не измѣняютъ однако же общаго закона, состоящаго въ томъ, что общаго улучшенія быта рабочихъ можно ожидать только при посредствѣ и помощи государства». Лассаль замѣчаетъ, что ревнители собственной помощи рабочихъ готовы объявить стремленіемъ къ соціализму и коммунизму всякую попытку заставить государство принять участіе въ улучшеніи быта рабочихъ. Но, по мнѣнію Лассаля, нѣтъ и слѣда такъ называемаго соціализма или коммунизма въ томъ, если рабочіе классы сохранятъ полную индивидуальную свободу, индивидуальный образъ жизни (экономистамъ либеральной школы все мерещатся какія-то промышленныя казармы) и индивидуальное распредѣленіе заработной платы, и не будутъ стоять ни въ какомъ иномъ отношеніи къ государству, кромѣ какъ въ томъ отношеніи, что государство доставитъ имъ необходимый капиталъ или необходимый кредитъ для составленія большихъ про-

мышленныхъ ассоціацій. А въ томъ-то, по увѣренію Лассаля, и заключается великая задача и великое назначеніе государства, чтобы облегчать шаги человѣчества на пути къ соціальному развитію: доказательствомъ тому служитъ участіе государства въ проведеніи каналовъ, шоссейныхъ и желѣзныхъ дорогъ, телеграфовъ, въ учрежденіи сухопутныхъ и морскихъ почтовыхъ сообщеній, въ основаніи поземельныхъ и другихъ кредитныхъ банковъ, во введеніи улучшеній въ земледѣліи, и пр. и пр.; Лассаль находитъ слѣдовательно непонятнымъ, почему именно въ настоящемъ пунктѣ у извѣстныхъ экономистовъ является такое непобѣдимое отвращеніе къ вмѣшательству государства въ устройство участи рабочихъ классовъ.

Что касается до втораго пункта, то мы замѣтили уже въ первой статьѣ нашей, что крупный капиталъ не гнушается пользоваться особеннымъ покровительствомъ государства, и что экономисты либеральной школы ничего противъ этого не имѣютъ. Стоитъ только бросить взглядъ на законодательства различныхъ государствъ по отношенію къ торговлѣ и къ фабричной промышленности, на привилегіи, даруемыя законами фабрикантамъ, и на стѣсненія, налагаемыя ими на рабочихъ, на законы, запрещающіе стачки рабочихъ и не запрещающіе стачки фабрикантовъ, и на многія другія особенности законодательствъ всѣхъ почти странъ, чтобы убѣдиться, что крупный капиталъ и крупное производство, по мнѣнію многихъ экономистовъ и не экономистовъ, должны пользоваться и пользуются выгодами вмѣшательства и спеціальною защитою государства, между тѣмъ какъ интервенція государства не допускается по отношенію къ низшимъ классамъ. Но Лассаль обращаетъ въ своей брошюрѣ вниманіе еще на особенный видъ спеціальнаго покровительства, оказываемаго государствомъ крупному капиталу: онъ замѣчаетъ, что при постройкѣ желѣзныхъ дорогъ частными средствами въ большей части случаевъ государство беретъ на себя гарантировать капиталистамъ извѣстный процентъ за затраченный капиталъ. Эта гарантія процентовъ, говоритъ Лассаль, представляетъ въ сущности не что иное, какъ слѣдующаго рода контрактъ капиталистовъ съ государствомъ: если предпріятіе окажется невыгоднымъ, то невыгоды эти падутъ на государство; если же оно окажется выгоднымъ, то всѣ барыши съ него — значительные дивиденды — достанутся на

долю акціонеровъ, т. е. капиталистовъ. Безъ этихъ гарантій со стороны государствъ, на материкѣ Европы до сихъ поръ, можетъ быть, не было бы почти вовсе желѣзныхъ дорогъ. А между тѣмъ эти гарантіи представляютъ собою весьма сильное вмѣшательство государства въ частную дѣятельность гражданъ. Этого вмѣшательства требовала и требуетъ вся буржуазія, пользующаяся почти исключительнымъ обладаніемъ капиталовъ и кредита, и этому требованію вторили многіе изъ извѣстныхъ экономистовъ либеральной школы. А когда дѣло идетъ о вмѣшательствѣ государства въ пользу тѣхъ, которые не обладаютъ ни капиталами, ни кредитомъ, то эти экономисты, и за ними вся буржуазія, кричатъ о соціализмѣ и коммунизмѣ. Между тѣмъ въ этомъ послѣднемъ случаѣ, по мнѣнію Лассаля, вмѣшательство государства несравненно болѣе способствовало бы развитію человѣчества, нежели при облегченіи проведенія желѣзныхъ дорогъ, и поэтому въ настоящемъ случаѣ его можно бы гораздо скорѣе оправдать. Не вдаваясь въ дальнѣйшія разсужденія объ этомъ предметѣ, Лассаль полагаетъ однако же, что государство посредствомъ основанія большихъ кредитныхъ и оборотныхъ учрежденій (банковъ) легко могло бы доставить работникамъ возможность съ успѣхомъ основывать обширныя промышленныя ассоціаціи; при этомъ оно нисколько не брало бы на себя большей отвѣтственности, нежели при гарантированіи процентовъ съ желѣзныхъ дорогъ.

Доказавши, что возраженія противъ вмѣшательства государства въ пользу рабочихъ неосновательны даже въ тѣхъ случаяхъ, когда подъ государствомъ разумѣть то, что обыкновенно разумѣется подъ этимъ именемъ, т. е. центральную власть, администрацію страны, Лассаль переходитъ къ третьему пункту своихъ возраженій, и ставитъ слѣдующій вопросъ: «что же такое государство?» Для разрѣшенія этого вопроса Лассаль обращается къ статистическимъ таблицамъ и находитъ, что въ Пруссіи, по вычисленію извѣстнаго статистика Дитерици, $^1/_2{}^0/_0$ населенія пользовалось доходомъ свыше 1000 талеровъ; $3^1/_4{}^0/_0$—пользовались доходомъ отъ 400 до 1000 талеровъ; $7^1/_4{}^0/_0$ — доходомъ отъ 200 до 400 талеровъ; $16^3/_4{}^0/_0$—доходомъ отъ 100 до 200 талеровъ, и $72^1/_4{}^0/_0$—доходомъ ниже 100 талеровъ. Слѣдовательно $96^1/_4{}^0/_0$ населенія находятся или въ состояніи положительной бѣдности, или въ довольно стѣсненныхъ обстоятельствахъ (при доходѣ въ 100, 200 даже 300 та-

леровъ), и только $3^3/_4{}^0/_0$ — населенія пользуются извѣстной степенью зажиточности и богатства. А между тѣмъ, не только чиновники и администраторы выходятъ изъ этой послѣдней категоріи населенія, но ей же принадлежитъ по преимуществу избирательное право, а слѣдовательно и участіе въ управленіи страны; значитъ это незначительное меньшинство составляетъ въ Пруссіи государство. Лассаль полагаетъ, что великая ассоціація низшихъ классовъ, слѣдовательно и рабочихъ, должна тоже явиться составною частью въ государствѣ, а этого, по его мнѣнію, можно достигнуть только посредствомъ введенія всеобщей подачи голосовъ. Только въ такомъ случаѣ эта великая ассоціація въ состояніи будетъ оказать благотворное и оживляющее вліяніе на болѣе тѣсные ассоціаціонные кружки. Иначе и этимъ кружкамъ угрожаетъ опасность подпасть подъ общую рутину; иначе и они не въ состояніи будутъ освободиться отъ вліянія вышеупомянутаго закона о повышеніи и пониженіи заработной платы, что отчасти уже замѣтно въ извѣстномъ обществѣ Рочдэльскихъ піонировъ. Въ этомъ обществѣ работники-акціонеры, увлеченные ученіемъ разныхъ экономическихъ школъ и господствующимъ въ настоящее время въ Англіи настроеніемъ, уже изъявили желаніе отнять у работниковъ неакціонеровъ право пользоваться дивидендомъ съ прибыли, доставляемой мастерскими общества. Подобныя явленія, по мнѣнію Лассаля, будутъ повторяться до тѣхъ поръ, пока не произойдетъ радикальной перемѣны въ соціальномъ положеніи рабочаго. и пока ему не предоставлено будетъ участіе въ управленіи государствомъ.

Коснувшись Рочдэльскаго общества, въ которомъ многіе видятъ доказательство того, что рабочіе могутъ одними своими средствами достигнуть обширнаго производства, безъ поддержки государства, Лассаль показываетъ на этомъ самомъ обществѣ, что подобная вещь невозможна. Рочдэльское общество имѣетъ 1600 работниковъ-акціонеровъ, а на фабрикахъ его работаетъ только 500 человѣкъ; нужно было произвести складчину между 1600 работниками, чтобы доставить работу 500 человѣкъ; отношеніе акціонеровъ къ работникамъ равняется отношенію 3 : 1. (Лассаль доказываетъ, что это еще очень выгодная пропорція, что въ другихъ отрасляхъ производства и при другихъ обстоятельствахъ на 1 рабочаго могли бы приходиться 4, 5, 8, 10, 20 и болѣе акціоне-

ровъ). Но, принимая даже пропорцію 3 : 1, оказывается, что пока подобныя ассоціаціи, составленныя изъ собственныхъ средствъ общества, представляютъ отдѣльныя явленія — онѣ еще могутъ способствовать улучшенію быта рабочихъ. Но если бы эти ассоціаціи должны были распространиться на все рабочее сословіе, если бы пришлось основать столько фабрикъ, принадлежащихъ самимъ рабочимъ, чтобы все рабочее населеніе могло найти въ нихъ занятіе, то откуда бы набралось тройное, четверное, десятерное и пр. число работниковъ-акціонеровъ, которые должны бы составлять капиталы для основанія такого числа фабрикъ? Отсюда Лассаль выводитъ заключеніе, что мысль о томъ, чтобы вывести рабочій классъ изъ настоящаго его соціальнаго положенія посредствомъ усилій однихъ только его членовъ является математической невозможностью и не выдерживаетъ никакой критики.

Единственнымъ же средствомъ къ уничтоженію вышеупомянутаго жестокаго закона о заработной платѣ является, по мнѣнію Лассаля, основаніе свободныхъ, индивидуальныхъ ассоціацій съ участіемъ и при помощи государства. Ассоціаціонное движеніе, основывающееся исключительно на атомистически-изолированныхъ усиліяхъ рабочихъ единицъ, имѣло только ту заслугу — и заслугу немаловажную, — что на практикѣ показало средства къ достиженію желаемой цѣли, и черезъ это самое возложило на государство обязанность дѣйствовать въ этомъ смыслѣ на пользу рабочихъ. Такъ какъ, по мнѣнію Лассаля, государство должно представлять собою великую ассоціацію всѣхъ рабочихъ классовъ, то значитъ помощь, оказываемая имъ меньшимъ ассоціаціямъ, представляла бы въ сущности не что иное, какъ ту пресловутую *самопомощь*, о которой такъ много хлопочутъ Шульце-Деличъ и другіе.

Что касается до средствъ, при помощи которыхъ можно достигнуть этого участія государства въ устройствѣ судьбы рабочихъ классовъ, то Лассаль въ заключеніи своей брошюры еще разъ повторяетъ, что это возможно только при введеніи всеобщей и прямой подачи голосовъ. Государство, говоритъ онъ, тогда только будетъ въ состояніи исполнить эту свою обязанность, если законодательныя собранія Германіи составятся посредствомъ прямыхъ выборовъ. Тогда можно будетъ поднять въ нихъ требованіе о вмѣшательствѣ государства въ пользу рабочихъ, тогда можно будетъ опредѣлить границы и формы этого вмѣшательства, и тогда ра-

ботникамъ придется обвинять самихъ себя, если защитники ихъ интересовъ будутъ составлять, какъ теперь, слабое меньшинство въ законодательныхъ собраніяхъ. Слѣдовательно, право всеобщей подачи голосовъ является основнымъ принципомъ не только въ политическомъ, но и въ соціальномъ отношеніи, является главнымъ основаніемъ всякаго соціальнаго перерожденія и единственнымъ средствомъ къ улучшенію матеріальнаго быта рабочихъ. Лассаль предлагаетъ нѣмецкимъ рабочимъ организовать законную и мирную, но постоянную и энергическую агитацію для введенія во всей Германіи всеобщей подачи голосовъ; онъ совѣтуетъ имъ пропагандировать эту мысль всѣми возможными, законными средствами— устно и печатно, — и совѣтуетъ имъ учредить для этой цѣли въ разныхъ мѣстахъ Германіи особенныя кассы. Онъ уговариваетъ ихъ, чтобы они пока концентрировали на этомъ пунктѣ всѣ свои усилія, потому что въ настоящее время этотъ пунктъ составляетъ предметъ первостепенной важности, и имъ обусловливается всякое улучшеніе въ бытѣ рабочихъ.

Вотъ сущность ученія Лассаля, изложеннаго имъ преимущественно въ вышеупомянутыхъ нами двухъ брошюрахъ. Въ учрежденіяхъ Шульце-Делича онъ видитъ только частное и палліативное облегченіе участи рабочихъ классовъ. Радикальнаго же улучшенія онъ ожидаетъ только отъ дѣятельнаго участія въ этомъ дѣлѣ государства, но такого государства въ которомъ вслѣдствіе всеобщей подачи голосовъ, сами рабочіе являлись бы не послѣднимъ факторомъ государственной власти. Если это будетъ достигнуто, тогда составленныя такимъ образомъ законодательныя собранія опредѣлятъ, на сколько и какъ должно выразиться участіе государства въ улучшеніи быта рабочихъ, какимъ образомъ и изъ какихъ средствъ государство должно учреждать кредитные и оборотные банки для рабочихъ, какія оно должно давать имъ гарантіи, и пр. и пр. и пр.

3.

Вторая брошюра Лассаля (Offenes Antwortschreiben), въ которой онъ излагаетъ сущность своего взгляда на нужды рабочаго класса и на средства къ улучшенію положенія этого класса, не имѣла для автора никакихъ непріятныхъ послѣдствій, и не вы-

звала со стороны правительства никакихъ особенныхъ мѣръ противъ автора. Но первая брошюра (Arbeiterprogramm), въ которой авторъ разсматриваетъ съ исторической точки зрѣнія значеніе рабочаго класса и приходитъ къ заключенію о важной роли, которую этому классу предназначено играть въ будущемъ, почему-то показалась опасною, и авторъ ея былъ преданъ суду за произнесеніе рѣчи передъ собраніемъ берлинскихъ рабочихъ и за напечатаніе этой рѣчи въ видѣ отдѣльной брошюры. Процессъ Лассаля производился въ началѣ 1863 года въ одномъ изъ отдѣленій берлинскаго уголовнаго суда. Лассаля обвиняли въ томъ, что онъ покушался нарушить общественное спокойствіе, возбуждая публичнымъ образомъ одинъ классъ гражданъ противъ другихъ классовъ. Въ длинномъ обвинительномъ актѣ государственный прокуроръ разбиралъ содержаніе брошюры Лассаля; онъ доказывалъ, что выводя параллель между дворянствомъ, буржуазіей и рабочимъ классомъ, авторъ брошюры имѣлъ въ виду прославить послѣдній и унизить, выставить въ невыгодномъ свѣтѣ первые два класса, и что онъ такимъ образомъ намѣревался возбудить нерасположеніе класса неимущихъ къ владѣтельнымъ классамъ; прокуроръ находилъ, что авторъ, раздѣливши исторію общества на три большихъ періода и провозгласивши наступленіе третьяго періода, періода преобладанія класса трудящихся, какъ бы приглашаетъ рабочихъ произвести революцію и низвергнуть прежде существовавшій порядокъ; въ заключеніе обвинительнаго акта прокуроръ ставитъ въ вину Лассалю то, что тотъ облекъ свое изложеніе въ мнимо-научную форму, съ тѣмъ, чтобы укрыться за этою формою отъ преслѣдованій полиціи и суда, и чтобы пустить этимъ пыль въ глаза своимъ слушателямъ и читателямъ, людямъ большею частію необразованнымъ, благоговѣющимъ передъ всѣмъ, что имѣетъ хотя бы видъ научности; прокуроръ находитъ, что на дѣлѣ изложеніе Лассаля подъ видомъ научности скрываетъ чисто-практическія тенденціи. Лассаль взялся самъ защищать свое дѣло передъ судомъ, и въ отвѣтъ на этотъ обвинительный актъ произнесъ оправдательную рѣчь, которая, при неоднократныхъ прерываніяхъ со стороны президента суда, продолжалась безъ малаго 5 часовъ. Въ этой рѣчи обвиненный съ большой энергіей и искусствомъ опровергалъ всѣ пункты обвинительнаго акта и доказывалъ ихъ неосновательность. Сначала онъ возражалъ очень остроумно противъ

того мѣста обвиненія, гдѣ прокуроръ обвиняетъ его въ томъ, что онъ въ своей рѣчи за мнимой научностью скрываетъ практическія тенденціи. Онъ спрашивалъ прокурора, на какомъ основаніи тотъ считаетъ практичность и научность двумя вещами, взаимно исключающими другъ друга, и почему онъ полагаетъ, что наука должна быть непремѣнно непрактична, а практика не научна. Онъ не отвергаетъ того, что въ своей рѣчи онъ имѣлъ въ виду практическія тенденціи, но вмѣстѣ съ тѣмъ онъ тщательно доказываетъ, что рѣчь его была изложеніемъ чисто-научнымъ, и что поэтому онъ долженъ быть освобожденъ отъ всякаго судебнаго преслѣдованія, потому что въ прусской конституціи есть параграфъ, который говоритъ, что «наука и ученіе ея должны быть свободны». Затѣмъ онъ обращается къ той части обвинительнаго акта, гдѣ прокуроръ излагаетъ и по своему толкуетъ содержаніе его рѣчи (или брошюры), и доказываетъ, что толкованіе прокурора ошибочно во всѣхъ пунктахъ. Онъ замѣчаетъ, что онъ въ своемъ изложеніи не отрицалъ всемірно-историческаго значенія дворянства и буржуазіи, и что ихъ господство онъ объяснялъ и оправдывалъ историческою необходимостью; что поэтому онъ и не думалъ утверждать, будто преобладаніе ихъ надъ прочими классами было всегда историческою несправедливостью, но что, по его мнѣнію, теперь, вслѣдствіе той же самой исторической необходимости, является на сцену еще четвертый, рабочій классъ. Лассаль доказывалъ своимъ судьямъ, что разсматривая назначеніе рабочаго класса съ этой, исторической точки зрѣнія, онъ не только не думалъ вызывать революціи, не только не приглашалъ рабочіе классы подняться противъ классовъ владѣтельныхъ, но напротивъ приглашалъ ихъ уважать чужую собственность, старался примирить эти классы между собою, и имѣлъ въ виду сдѣлать невозможными всякіе насильственные соціальные и политическіе перевороты и повтореніе мартовскихъ событій 1848 года; онъ замѣтилъ, что слушатели и читатели его поняли его гораздо лучше, нежели государственный прокуроръ, потому что ни одинъ изъ нихъ не увидалъ въ его рѣчи приглашенія подняться противъ владѣтельныхъ классовъ и лишить ихъ однажды пріобрѣтенной ими собственности.

Хотя читатели наши могли убѣдиться изъ вышеприведеннаго изложенія ученія Лассаля, что въ этомъ ученіи нѣтъ ни малѣй-

шаго слѣда желанія произвести насильственные перевороты въ строѣ общества и вызвать въ рабочихъ ненависть къ владѣтельнымъ классамъ; однако несомнѣнно то, что Лассаль желаетъ хотя мирнаго, но радикальнаго преобразованія въ соціальномъ устройствѣ общества. Поэтому весьма естественно, что прусское правительство, смотрѣло не совсѣмъ благопріятно на его ученіе и старалось, при помощи средствъ, находящихся въ его распоряженіи, остановить дальнѣйшее распространеніе этого ученія.

Понятно также, что руководимые желаніемъ парализировать дѣйствіе этого ученія противники Лассаля давали ему толкованіе, которое въ сущности невѣрно. Поэтому мы легко можемъ объяснить себѣ то обстоятельство, что правительственная пресса въ Пруссіи оказала неблагосклонный пріемъ ученію Лассаля и старалась дискредитировать его въ глазахъ своихъ читателей. Но гораздо страннѣе то обстоятельство, что органы, именующіе себя представителями либеральныхъ партій, отнеслись къ Лассалю съ явнымъ нерасположеніемъ и употребляли всевозможныя усилія, чтобы приписать его ученію такія свойства и такія наклонности, которыхъ оно никогда не имѣло и не могло имѣть.

4.

Нѣмецкіе экономисты старыхъ школъ, и въ числѣ ихъ также приверженцы школы, которую Лассаль называетъ либеральной экономической школой, отнеслись къ ученію Лассаля, какъ и слѣдовало ожидать, весьма неблагосклоннымъ образомъ. Мы не станемъ приводить здѣсь отзывовъ и сужденій о теоріи Лассаля разныхъ нѣмецкихъ экономистовъ, выражавшихъ эти сужденія свои съ большимъ или меньшимъ талантомъ, съ большею или меньшею основательностью.

Мы остановимся только на противодѣйствіи, обнаруживаемомъ распространенію ученія Лассаля Шульце-Деличемъ. Дѣятельность Шульце-Делича, направленная исключительно ко благу нѣмецкихъ рабочихъ, и старанія его произвести улучшеніе ихъ быта, въ томъ смыслѣ конечно, какъ онъ понимаетъ это улучшеніе, даютъ намъ право предполагать, что если онъ возстаетъ противъ ученія Лассаля, то имъ руководитъ въ этомъ случаѣ не мелкій личный интересъ или оскорбленное самолюбіе, а дѣйствительное желаніе

быть полезнымъ рабочимъ и изъять ихъ изъ подъ вліянія вредной, губительной по его мнѣнію теоріи. Дѣло въ томъ, что Шульце-Деличъ вообразилъ себѣ, будто Лассаль желаетъ распространить между нѣмецкими рабочими соціалистическія ученія французскихъ школъ тридцатыхъ и сороковыхъ годовъ, будто онъ уговариваетъ ихъ произвести у себя соціальный переворотъ въ смыслѣ ученія этихъ школъ. Между тѣмъ Шульце считаетъ и всегда считалъ ученія эти самымъ страшнымъ ядомъ, который долженъ былъ непремѣнно повести къ разложенію общественнаго организма; вся его дѣятельность, всѣ его заботы объ основаніи ассоціацій для улучшенія быта рабочихъ, имѣли цѣлью спасти ихъ отъ этого яда и удалить отъ нихъ всякія соціалистическія и коммунистическія стремленія. Поэтому Шульце-Деличъ и возсталъ съ такимъ жаромъ противъ теоріи Лассаля, въ которой онъ видѣлъ присутствіе страшнаго для него соціалистическаго яда. Но чтобы объяснить опасенія Шульце относительно распространенія между рабочими французскихъ соціалистическихъ идей, мы должны сдѣлать здѣсь маленьное отступленіе и упомянуть въ нѣсколькихъ словахъ о томъ вліяніи и о тѣхъ успѣхахъ, которые имѣли въ сороковыхъ годахъ въ Германіи соціалистическія идеи, и которыя, собственно говоря, и вызвали къ жизни дѣятельность Шульце-Делича, желавшаго парализировать вліяніе этихъ идей на рабочихъ.

Не подлежитъ сомнѣнію, что уже во время первой французской революціи идея о равенствѣ всѣхъ гражданъ одного государства проникла въ Германію. Трудно опредѣлить, на сколько идея эта распространилась тогда въ низшихъ слояхъ германскаго народа, но есть несомнѣнныя доказательства тому, что уже въ то время въ сферахъ этихъ появились смутныя идеи о правахъ отдѣльной личности, о правѣ большинства населенія занять иное, лучшее положеніе въ обществѣ, нежели то, которое оно занимало доселѣ и т. д. Но эти смутныя понятія тогда не развились еще до болѣе глубокаго сознанія и ни въ чемъ не проявились на дѣлѣ. Послѣ 1815 года нѣкоторыя изъ нѣмецкихъ государствъ получили новое политическое устройство; но нововведенія были незначительны, да и то касались почти исключительно только меньшинства гражданъ: въ положеніи же низшихъ слоевъ общества не произошло почти никакой перемѣны. Но за то со втораго десятилѣтія нынѣшняго столѣтія нѣкоторыя нѣмецкія прави-

тельства начинаютъ заботиться объ образованіи низшихъ классовъ народа и въ особенности сельскаго населенія; основаны были народныя школы, и даже журналистика нашла доступъ къ народу и стала распространять въ немъ новыя, недоступныя ему прежде идеи. Вслѣдствіе всего этого умственный горизонтъ нѣмецкаго простолюдина несомнѣнно расширился; а между тѣмъ матеріальный бытъ его оставался въ томъ же положеніи, какъ и прежде. Это имѣло очень важныя послѣдствія для Германіи, потому что положило начало развитію пролетаріата. Въ Германіи, какъ и во всякой другой странѣ, большинство населенія всегда принадлежало къ разряду людей неимущихъ, не владѣющихъ никакою собственностью. Два главные вида собственности—поземельная собственность и капиталъ въ болѣе тѣсномъ значеніи этого слова, то есть денежная собственность, съ давнихъ временъ сосредоточились въ весьма немногихъ рукахъ: все же огромное большинство населенія, какъ городскаго, такъ и сельскаго, составляло классъ неимущихъ, и при извѣстныхъ условіяхъ изъ этого класса могъ образоваться нѣмецкій пролетаріатъ. Пролетаріатъ часто смѣшиваютъ съ неимѣніемъ никакой собственности; подъ пролетаріемъ многіе разумѣютъ несобственника, бѣдняка, человѣка имѣющаго для своего существованія только пару рукъ, и при этомъ никакого капитала. Но по замѣчанію нѣмецкаго ученаго Штейна *), которое мы находимъ довольно справедливымъ, подобное смѣшеніе понятій совершенно неосновательно. По опредѣленію Штейна, пролетарій есть человѣкъ неимущій, который, основываясь на правѣ личности, изъявляетъ притязаніе на улучшеніе своего положенія и на необходимое условіе этого улучшенія — на право собственности. Такимъ образомъ, по мнѣнію Штейна, пролетарій есть не просто бѣднякъ, не собственникъ, но бѣднякъ, видящій въ своей бѣдности явленіе анормальное и желающій выхода изъ этого положенія посредствомъ пересозданія общества. Сначала человѣкъ не имущій только *видитъ* неравномѣрность распредѣленія имущества; но дальше внѣшняго усвоенія себѣ этого факта онъ не идетъ; онъ считаетъ подобное явленіе нормальнымъ, законнымъ и поэтому безъ всякаго сопротивленія принимаетъ всѣ его по-

*) Der Socialismus und Communismus des heutigen Frankreichs, von L. Stein. Zweite Auflage, Leipzig 1848.

слѣдствія: въ такомъ случаѣ этотъ человѣкъ не является еще пролетаріемъ. Но затѣмъ, вслѣдствіе распространенія образованія въ массѣ населенія, вслѣдствіе развитія въ отдѣльныхъ индивидуумахъ понятія о личности и о ея правахъ, этотъ самый неимущій человѣкъ начинаетъ сознавать, что каждый индивидуумъ имѣетъ право на свободу и на владѣніе собственностью. Вся эта масса людей неимущихъ, пришедши къ сознанію своего права на владѣніе собственностью, начинаетъ тяготиться тѣмъ противорѣчіемъ, которое существуетъ между идеальными требованіями, вытекающими изъ сознанія правъ личности, и даннымъ положеніемъ массы, между общечеловѣческими правами отдѣльной личности и бѣдственнымъ положеніемъ значительной части населенія. Сознаніе этого противорѣчія вызываетъ, по мнѣнію Штейна, явленіе пролетаріата, а это явленіе въ свою очередь вызываетъ въ массѣ народа, въ мыслящихъ бѣднякахъ, въ пролетаріяхъ—коммунистическія стремленія. Нѣмецкій простолюдинъ началъ именно приходить къ сознанію этого противорѣчія въ двадцатыхъ и тридцатыхъ годахъ нынѣшняго столѣтія, по мѣрѣ того, какъ образованіе распространялось въ массѣ, и городской простолюдинъ и крестьянинъ стали всматриваться въ свои отношенія къ капиталу и къ поземельной собственности, стали лучше понимать эти отношенія и права свои—и вслѣдствіе этого въ нихъ зародилось сомнѣніе, дѣйствительно ли все такъ устроено, какъ бы оно слѣдовало быть устроеннымъ. Въ это время, около начала сороковыхъ годовъ, въ Германіи основались особыя періодическія изданія, которыя посвятили себѣ исключительно разсматриваемому нами предмету. Die Rheinische Zeitung и Die Deutschen Jahrbücher были именно такими органами: въ нихъ говорилось о свободѣ личности, о попираніи правъ ея, и проч. Правда, все это говорилось большею частью тономъ не слишкомъ доступнымъ малообразованному большинству; правда, всѣ эти вопросы разсматривались большею частью съ теоретической и философской точки зрѣнія: но тѣмъ не менѣе изданія эти находили и въ низшихъ классахъ общества многихъ читателей, которые хотя и не всегда понимали то, что говорилось въ прочитываемыхъ ими статьяхъ, но какъ бы инстинктивно чувствовали, что здѣсь защищаются ихъ интересы; поэтому низшіе классы очень сочувствовали этимъ изданіямъ и не мало были раздражены тѣмъ, что нѣмецкія правительства запретили

ихъ. Такимъ образомъ въ началѣ сороковыхъ годовъ почва въ Германіи была уже достаточно подготовлена для коммунистическихъ идей, и Германія ожидала только сѣятеля, который бы явился и посѣялъ на этой почвѣ сѣмена новыхъ ученій.

Въ это время, когда въ Германіи стремленія къ преобразованію общества были еще довольно смутны и несистематичны, когда, по удачному выраженію того же Штейна, въ ней не было еще коммунизма, но былъ только запросъ на коммунизмъ, въ сосѣдней Франціи стремленія эти опредѣлились, сложились въ системы, изъ отрицательной формы перешли въ положительную и достигли возможно полнаго развитія. Въ началѣ сороковыхъ годовъ во Франціи уже извѣстны были ученія Фуррье, Луи Блана, Леру, послѣдователей Бабёфа, и другихъ. При тогдашнемъ настроеніи Германіи нужно было только найти связующее звено, для того, чтобы соединить эту сторону внутренней жизни одного народа съ жизнью другаго народа. Этимъ связующимъ звеномъ сдѣлалось ученіе швейцарской коммунистической школы, основателемъ которой былъ саксонецъ Вейтлингъ.

Вейтлингъ былъ портнымъ въ Лейпцигѣ, когда тамъ въ 1830 г. вспыхнула революція; онъ принялъ довольно дѣятельное участіе въ этой революціи, и вслѣдствіе этого долженъ былъ для своей безопасности оставить Лейпцигъ. Сначала онъ удалился въ Вѣну; но такъ какъ онъ и тамъ не считалъ себя достаточно безопаснымъ, то изъ Вѣны онъ переѣхалъ въ Парижъ. Здѣсь онъ познакомился съ ученіями французскихъ коммунистовъ и сдѣлался ихъ послѣдователемъ. Здѣсь же, въ Парижѣ, онъ написалъ первое свое сочиненіе: «Человѣчество, какъ оно есть и какъ бы ему слѣдовало быть»; въ этой брошюрѣ онъ уже выражалъ довольно рѣшительнымъ образомъ свои коммунистическія тенденціи. Изъ Парижа Вейтлингъ въ 1840 году переѣхалъ въ Швейцарію и поселился въ Женевѣ, съ цѣлью распространять отсюда свое ученіе въ Германіи. Въ первый же годъ своего пребыванія въ Женевѣ онъ основалъ ежемѣсячное изданіе: «Крикъ о помощи нѣмецкаго юношества» (Hülferuf der deutschen Jugend). Впрочемъ въ первыхъ своихъ опытахъ онъ еще не усвоилъ себѣ искусства излагать свои мысли языкомъ понятнымъ для малообразованнаго нѣмецкаго простолюдина: поэтому изданіе его имѣло мало успѣха и недостигало своей цѣли. Такая же судьба постигла и новое ком-

мунистическое изданіе его «Молодое поколѣніе»: оно также не имѣло успѣха у рабочаго населенія Швейцаріи и Германіи. Но въ это время на дѣятельность его обратили вниманіе нѣкоторые нѣмецкіе патріоты, желавшіе политическаго и соціальнаго преобразованія своей родины, и убѣжденные въ томъ, что инціатива этого преобразованія должна исходить изъ низшихъ классовъ; они уговорили Вейтлинга обратиться къ рабочему сословію не съ отрывочными, малопонятными и мало-интересными для простолюдина статьями объ отдѣльныхъ вопросахъ, но съ цѣльнымъ, систематическимъ и по возможности удобопонятнымъ изложеніемъ своего ученія. Вейтлингъ послушался этого совѣта и въ 1842 году издалъ подобное обстоятельное изложеніе своего коммунистическаго ученія, подъ заглавіемъ «Гарантіи гармоніи и свободы». Собственно говоря, Вейтлингъ не предлагалъ въ этомъ сочиненіи своей оригинальной системы; изложенная имъ система имѣла характеръ совершенно эклектическій; онъ заимствовалъ изъ ученій Фуррье, Кабэ, Луи Блана и Прудона то, что по его мнѣнію болѣе всего подходило къ потребностямъ нѣмецкаго (а также и швейцарскаго) народа, и составилъ изо всего этого особенное ученіе, извѣстное въ соціалистической литературѣ подъ именемъ Вейтлинговой системы или швейцарской коммунистической школы. При помощи людей, посовѣтовавшихъ Вейтлингу написать изложеніе своего ученія, это сочиненіе, писанное при томъ языкомъ болѣе удобопонятнымъ для рабочаго сословія, распространено было по всей Германіи, получило большую извѣстность и имѣло не малое вліяніе на нѣмецкое рабочее населеніе. Не менѣе замѣчательно другое его сочиненіе, вышедшее въ 1843 г. подъ заглавіемъ «Евангеліе грѣшника». Въ этомъ сочиненіи онъ доказываетъ истину своего ученія требованіями христіанской любви и подтверждаетъ многіе изъ своихъ выводовъ текстами Новаго Завѣта: это сочиненіе его имѣло огромное вліяніе на религіозную часть нѣмецкаго рабочаго населенія и склонило многихъ нѣмцевъ къ принятію идей Вейтлинга *).

Итакъ ученіе швейцарской коммунистической школы нашло въ Германіи многихъ адептовъ. Лучшимъ доказательствомъ того,

*) Самъ авторъ былъ преданъ суду за это сочиненіе и приговоренъ къ какому-то наказанію; судъ этотъ производился въ Цюрихѣ.

что идеи о необходимости перерожденія общества не остались чужды нѣмецкаго народа, можетъ служить то обстоятельство, что въ Германіи въ теченіе четырехъ или пяти лѣтъ составилась чрезвычайно богатая литература по этому предмету. Литература эта въ свою очередь не оставалась безъ значительнаго вліянія на общество и тщательно продолжала дѣло, начатое Вейтлингомъ. Одни изъ писателей, занимавшихся этимъ предметомъ, ограничивались изложеніемъ ученій французскихъ школъ и только знакомили читателей своихъ съ идеями французскихъ соціалистовъ и коммунистовъ, не прибавляя къ этому ничего своего; другіе трактовали (большею частью свысока и съ свойственнымъ германскимъ ученымъ педантизмомъ) о недостаткахъ общественнаго строя вообще, восходили къ причинамъ этихъ недостатковъ—но не предлагали никакихъ средствъ къ уничтоженію ихъ. Но нѣкоторые писатели умѣли излагать свои мысли языкомъ удобопонятнымъ, и не останавливаясь на однѣхъ только причинахъ зла, принимались также—худо ли, хорошо ли — за исправленіе его. Къ подобнымъ сочиненіямъ, не оставшимся безъ вліянія на рабочее населеніе, можно отнести сочиненія Адольфа Шмидта, Люнига, Макса Штирнера. Періодическая литература также тщательно занялась разработкой этого вопроса Начиная съ 1843 года, стали выходить особыя періодическія изданія, которыя занимались исключительно распространеніемъ въ германскомъ обществѣ коммунистическихъ и соціалистическихъ идей; всѣ эти изданія придерживались большею частью самаго радикальнаго направленія. Нѣкоторыя изъ нихъ имѣли въ виду преимущественно тотъ классъ читателей, которые только что умѣютъ читать, и поэтому очень много способствовали распространенію проповѣдуемыхъ ими идей въ низшихъ классахъ общества.

Неудивительно, что при томъ сознаніи недостатковъ общественнаго строя, которое давно уже обнаружилось въ низшихъ слояхъ германскаго общества, при томъ сильномъ вліяніи, которое обнаруживало на это общество литература сороковыхъ годовъ, соціалистическія и коммунистическія идеи были сильно развиты въ Германіи. Неудивительно также, что въ 1848 году, въ эпоху народнаго броженія, сдѣланы были попытки осуществить эти идеи, примѣнить ихъ къ дѣйствительности. Въ народныхъ собраніяхъ отдѣльныхъ нѣмецкихъ государствъ, даже во франкфуртскомъ нѣ-

мецкомъ парламентѣ, раздавались голоса, требовавшіе, чтобы при новомъ устройствѣ нѣмецкаго общества рабочимъ классамъ дано было иное, болѣе соотвѣтствующее новымъ идеямъ, положеніе, нежели то, которое они занимали доселѣ. Но это не осуществилось. Настала реакція 1849 и 1850 годовъ, и въ положеніи рабочихъ все осталось по старому.

Между тѣмъ Шульце-Деличъ, пришедши въ 1848 году въ столкновеніе со многими представителями нѣмецкихъ рабочихъ, имѣлъ случай убѣдиться, на сколько въ рабочемъ классѣ распространены коммунистическія стремленія. А такъ какъ онъ былъ убѣжденъ, что распространеніе этихъ идей не можетъ принести пользы ни нѣмецкому обществу вообще, ни самимъ рабочимъ, то онъ съ этого же времени и рѣшился противодѣйствовать этому распространенію всѣми зависящими отъ него мѣрами. Вся его дѣятельность въ распространеніи по Германіи ассоціаціонной системы была вызвана желаніемъ доказать рабочимъ, что можно улучшить ихъ бытъ, не прибѣгая къ соціалистическимъ теоріямъ. Вся его литературная дѣятельность, начиная съ 1850 года, не имѣетъ другой цѣли.

Во всѣхъ своихъ сочиненіяхъ, о которыхъ мы упоминали въ первой статьѣ нашей, онъ предостерегаетъ нѣмецкихъ рабочихъ, чтобы они не увлекались лживыми увѣреніями мнимыхъ благодѣтелей человѣчества, то есть соціалистовъ, и не воображали себѣ, что можно достигнуть дѣйствительнаго улучшенія положенія рабочихъ при помощи средствъ, предлагаемыхъ этими школами. Когда же началось, или лучше сказать, возобновилось движеніе рабочихъ, вызванное брошюрами Лассаля, Шульце-Деличъ, увидѣвшій въ ученіи его ядъ соціализма, рѣшился противодѣйствовать вліянію этого яда, посредствомъ распространенія между рабочими здравыхъ экономическихъ понятій. Это желаніе было главною побудительною причиною, которая заставила его прочесть передъ собраніемъ берлинскихъ рабочихъ шесть популярныхъ публичныхъ лекцій, о которыхъ мы говорили въ первой статьѣ нашей. Правда, что въ этихъ лекціяхъ Шульце-Деличъ въ самомъ популярномъ изложеніи сообщаетъ своимъ слушателямъ нѣсколько дѣйствительно полезныхъ свѣдѣній о трудѣ, о подспорьяхъ человѣческаго труда, о пользѣ машинъ, и пр. Но рядомъ съ этимъ мы встрѣчаемъ въ его бесѣдахъ полемическую сторону, въ которой онъ старается опровергать мнѣнія Лассаля и послѣдователей

его, посредствомъ сообщенія своимъ слушателямъ довольно странныхъ, а часто и совершенно ошибочныхъ понятій о капиталѣ, о процентахъ, о конкуренціи, о вмѣшательствѣ государства въ судьбу рабочихъ и о полной свободѣ и независимости послѣднихъ. Остановимся на нѣкоторыхъ мѣстахъ изъ его бесѣдъ, чтобы показать, что и Шульце-Деличъ часто совершенно ошибочно понималъ Лассаля, и что желая, безъ всякаго сомнѣнія, принести пользу рабочимъ, онъ сообщалъ имъ подчасъ не совсѣмъ вѣрныя экономическія понятія.

Во второй бесѣдѣ своей Шульце говоритъ между прочимъ о необходимости соединенія труда съ капиталомъ, и говоритъ о томъ весьма разсудительно. Но затѣмъ, коснувшись происхожденія капитала, онъ находитъ совершенно естественнымъ скопленіе его въ немногихъ рукахъ, потому что, говоритъ онъ, «капиталъ образуется посредствомъ сбереженія, посредствомъ усиленнаго труда и особенно выдающихся умственныхъ способностей», а эти качества, полагаетъ онъ, даются немногимъ, и поэтому очень естественно, что капиталы сосредоточиваются не во многихъ рукахъ. Странно слышать, что Шульце-Деличъ, который такъ хорошо знаетъ бытъ рабочихъ, обращается съ подобными увѣреніями къ самимъ рабочимъ, которые конечно тоже хорошо знаютъ свой бытъ и что онъ увѣряетъ ихъ, будто капиталы и состоянія потому неравномѣрно распредѣлены на свѣтѣ, что способности людей неравномѣрны. Объяснивши такимъ образомъ происхожденіе, или лучше сказать, распредѣленіе капитала, Шульце доказываетъ необходимость процента съ капитала. «Такъ какъ, говоритъ онъ, прежде составленный капиталъ служитъ въ свою очередь къ составленію новаго капитала въ рукахъ того, кто имъ пользуется, то пользующійся по справедливости долженъ платить процентъ за право пользованія капиталомъ и образованія съ его помощью новаго капитала». «Что сталось бы съ работникомъ, продолжаетъ въ другомъ мѣстѣ Шульце-Деличъ, если бы его скудныя сбереженія не приносили ему извѣстной ренты, если бы его маленькій капиталъ не увеличивался и не приносилъ ему процентовъ на проценты? Онъ не могъ бы основать сберегательныхъ, инвалидныхъ и эмеритальныхъ кассъ, которыя обезпечивали бы сколько-нибудь его старость. Нѣтъ, проценты въ томъ видѣ, въ какомъ они существуютъ въ обществѣ, являются спасеніемъ, благодѣяніемъ для че-

ловѣчества, равно какъ и капиталъ, возрастающій посредствомъ процентовъ. Если бы не существовала рента съ капитала, то никто не отдавалъ бы другому своего капитала. Поэтому замѣтьте себѣ, господа, слѣдующее правило: безъ процента нѣтъ кредита; а для работника въ одномъ только кредитѣ заключается возможность къ улучшенію его состоянія; слѣдовательно безъ процента—нѣтъ возможности улучшить положеніе рабочаго». Ставши съ самаго начала на ложную точку, принявши за основаніе всего своего построенія настоящее, неестественное и нераціональное отношеніе людей между собою, Шульце, въ силу законовъ логики, долженъ былъ конечно придти къ тому удивительному, чудовищному выводу, къ которому онъ пришелъ въ послѣдней, выписанной нами фразѣ его рѣчи. «Безъ процентовъ нѣтъ улучшенія положенія рабочихъ», вотъ что провозглашаетъ одинъ изъ лучшихъ друзей германскаго рабочаго, вотъ до какого заключенія довело этого человѣка желаніе спасти рабочихъ отъ яда соціализма.

Заговоривши въ шестой своей бесѣдѣ о свободной конкуренціи, Шульце позволилъ себѣ относительно Лассаля и послѣдователей его несправедливость: онъ приписываетъ ему такія увѣренія и такія ученія, которыхъ мы не находимъ и слѣда въ теоріи Лассаля. Онъ сталъ вдругъ увѣрять своихъ слушателей, что противники его отрицаютъ пользу и значеніе капитала, ведутъ войну съ капиталомъ, и проч. и проч., и затѣмъ онъ вдается въ длинныя разсужденія съ цѣлью доказать, что вести войну съ капиталомъ неразумно, что капиталъ необходимъ, и т. д. Но запуганный соціалистическимъ призракомъ, который повсюду его преслѣдуетъ, Шульце вовсе не замѣтилъ того, что онъ вступилъ въ борьбу съ вѣтряными мельницами;—онъ совершенно упустилъ изъ виду то, что ни въ одной строкѣ своихъ сочиненій Лассаль не объявляетъ войны капиталу, какъ совокупности всего необходимаго для успѣшнаго производства работы, но что онъ возстаетъ только противъ распредѣленія капитала и противъ скопленія его въ рукахъ самаго незначительнаго меньшинства, которое держитъ въ крѣпостномъ состояніи огромное большинство народа; онъ какъ будто нарочно не хочетъ видѣть, что противники его требуютъ не уничтоженія, а только болѣе справедливаго и равномѣрнаго распредѣленія, демократизаціи капитала. Въ пятой и шестой бесѣдѣ своей Шульце говоритъ очень много о необходимости собственной по-

мощи рабочихъ и о вредѣ вмѣшательства государства въ устройство судьбы рабочихъ. Не знаемъ, преднамѣренно ли, или вслѣдствіе способности своей черезчуръ увлекаться, Шульце даетъ въ настоящемъ случаѣ опять фальшивое толкованіе словамъ Лассаля. Онъ не хочетъ понять того, что разумѣетъ Лассаль подъ именемъ государства, которое должно принять участіе въ улучшеніи соціальнаго положенія рабочаго; онъ не хочетъ понять, въ какой формѣ Лассаль желаетъ установить это вмѣшательство государства. Вмѣсто того, чтобы безпристрастно разсмотрѣть требованія Лассаля, онъ начинаетъ распространяться о вредныхъ послѣдствіяхъ опеки государства надъ рабочими и приводитъ тому примѣры: какъ будто Лассаль требуетъ вмѣшательства того вида государствъ, которыя существуютъ въ настоящее время, и въ той формѣ, въ которой до сихъ поръ выражалась и выражается опека государствъ надъ рабочими. Шульце говоритъ очень много о природной лѣности человѣка, вслѣдствіе которой онъ не станетъ работать, какъ скоро онъ получитъ средства къ существованію помимо собственнаго труда (кто же предлагаетъ что-нибудь подобное!), о необходимости учредить множество надзирателей за рабочими въ случаѣ, если государство станетъ давать этимъ послѣднимъ работу, о трудности распредѣлить въ этомъ случаѣ заработную плату, и многое другое. Но во всѣхъ этихъ рѣчахъ его высказывалось только то, что онъ представлялъ себѣ нѣмецкаго рабочаго въ видѣ барщиннаго работника, который обрадуется случаю ничего не дѣлать, какъ скоро крѣпостной владѣтель его (т. е. государство, по представленію Шульце-Делича) возьметъ на себя обязанность кормить его; онъ опасался, что какъ скоро государство станетъ помогать рабочему, то этотъ послѣдній будетъ только работать изъ-подъ палки.

Шульце-Деличъ очень много говоритъ о свободѣ рабочаго, но подъ этою свободою онъ разумѣетъ что-то весьма странное: его требованіе, чтобы свобода нѣмецкаго рабочаго сословія не была стѣснена, очень похоже на то, если бы кто сталъ требовать, чтобы человѣку, у котораго спутаны ноги, не мѣшали идти впередъ, чтобы не стѣсняли его свободы движеній; осыпая упреками Лассаля и сторонниковъ его, онъ поступаетъ столь же основательно, какъ и тотъ поклонникъ свободы, который сталъ бы кричать, что человѣкъ, распутывающій ноги своему ближнему, стѣсняетъ его

свободу. Приведемъ въ подтвержденіе нашихъ словъ нѣкоторые отрывки изъ бесѣдъ Шульце-Делича, въ которыхъ онъ говоритъ о свободѣ рабочихъ и изъ которыхъ видно, что онъ понимаетъ эту свободу именно въ томъ смыслѣ, на который мы только что указывали: «Нѣмецкіе рабочіе, говорилъ Шульце въ заключеніе одной изъ своихъ бесѣдъ, постоянно боролись за свободу, и я надѣюсь, что они не продадутъ теперь этой свободы. Потомки прежнихъ рабочихъ не откажутся отъ того, что предки ихъ сдѣлали для самостоятельности и свободы работника посредствомъ учрежденія цеховъ; они съумѣютъ поддержать свободу труда, основанную при помощи цеховъ, и найдутъ въ свободныхъ ассоціаціяхъ ту же силу, которую отцы ихъ находили въ цехахъ. Свободный трудъ найдетъ средства и пути для того, чтобы помочь самому себѣ; кто отчаявается въ своихъ собственныхъ силахъ, тотъ даетъ себѣ свидѣтельство въ бѣдности; а вы, господа, не захотите выставить сами для себя подобное свидѣтельство. Отвергайте все, что имѣетъ видъ помощи извнѣ; если вамъ предлагаютъ помощь государства, то это дѣлается съ тѣмъ, чтобы взять васъ подъ опеку: а опека равносильна потерѣ свободы и способности развиваться. Изберемъ для себя слѣдующій девизъ: мы беремъ на себя отвѣтственность, но мы за то требуемъ для себя свободы». Въ другомъ мѣстѣ своихъ бесѣдъ Шульце говоритъ объ этомъ предметѣ слѣдующимъ образомъ: «Всѣ нѣмецкіе рабочіе должны отвергнуть всякую милостыню и всякую опеку и гарантію со стороны государства. Вы опираетесь и должны опираться только на собственныя свои силы. Вы берете на себя полную отвѣтственность, потому что вы знаете, что свобода и отвѣтственность неразрывнымъ образомъ связаны между собою. Вы имѣете право на свободу только въ томъ случаѣ если вы берете на себя извѣстную обязанность, а вы навѣрное не захотите отказаться отъ первой. Если вы хотите пріобрѣсти свободу въ гражданской и въ промышленной жизни вашей, то вы должны взять на себя отвѣтственность за всѣ ваши дѣйствія. Поэтому вы должны сказать: мы готовы принять на себя полную отвѣтственность за наши дѣйствія, но дайте намъ вмѣстѣ съ тѣмъ и свободу».

Всѣ эти фразы о полной свободѣ и о собственной отвѣтственности рабочаго класса очень хороши, какъ красивыя и громкія фразы; но если вникнуть въ сущность дѣла, то непремѣнно ока-

жется, что за изящною фразою кроется ужасная сбивчивость понятій, и что воображая, будто онъ требуетъ для рабочаго свободы, Шульце-Деличъ требуетъ для него все, что угодно, но только не свободы.

Мы ограничились немногими общими замѣчаніями касательно опроверженій, направленныхъ Шульце-Деличемъ противъ ученія Лассаля, потому во первыхъ, что подробное разсмотрѣніе каждой изъ бесѣдъ Шульце-Делича завлекло бы насъ слишкомъ далеко, а во вторыхъ потому, что мы полагаемъ, что читатель, который припомнитъ изложенное нами выше ученіе Лассаля, самъ легко пойметъ неосновательность опроверженій Шульце и невѣрность его собственныхъ теоретическихъ взглядовъ. Поэтому мы не станемъ долѣе останавливаться на этомъ предметѣ, а перейдемъ прямо ко вліянію, которое то и другое ученіе имѣло на рабочее населеніе Германіи, и къ успѣхамъ, одержаннымъ въ разныхъ мѣстахъ Германіи теоріей Шульце-Делича и теоріей Лассаля.

5.

Мы замѣтили уже въ первой статьѣ нашей, что Шульце-Деличъ находился въ гораздо болѣе благопріятномъ положеніи, нежели противникъ его, въ силу того обстоятельства, что онъ имѣлъ возможность явиться на судъ общественнаго мнѣнія съ готовыми результатами примѣненія своей теоріи къ жизни, что онъ могъ представить своимъ цѣнителямъ практическіе результаты своей дѣятельности, между тѣмъ какъ Лассаль былъ лишенъ этой возможности. Читатели видѣли, чего требовалъ для рабочихъ Шульце-Деличъ и чего желалъ для нихъ Лассаль; они могли замѣтить, что первый изъ этихъ дѣятелей имѣлъ возможность привести хоть отчасти въ исполненіе свои планы относительно улучшенія быта рабочихъ, и показать рабочимъ, что онъ другъ ихъ не только на словахъ, но и на дѣлѣ. Но они могли также видѣть изъ изложенія ученія Лассаля, что то, чего требовалъ для рабочаго класса соперникъ Шульце-Делича, были такого рода требованія, которыхъ Лассаль не могъ даже отчасти привести въ исполненіе. Какимъ образомъ Лассаль далъ бы рабочимъ право всеобщей подачи голосовъ и право широкаго участія въ государственномъ управленіи? Какимъ образомъ онъ употребилъ бы доходы государствен-

ные на основаніи кредитныхъ банковъ для рабочихъ, въ которыхъ неимущіе рабочіе могли бы пользоваться кредитомъ на совершенно иныхъ основаніяхъ, чѣмъ тѣ, на которыхъ Шульце считалъ возможнымъ кредитъ? Это все было дѣломъ совершенно невозможнымъ для одного лица; подобный планъ могъ осуществить цѣлый народъ, а не одинъ какой нибудь человѣкъ, какъ бы геніаленъ онъ ни былъ и какою бы популярностью онъ ни пользовался. Поэтому Лассаль поневолѣ принужденъ былъ явиться передъ нѣмецкими рабочими съ пустыми руками, съ голословнымъ изложеніемъ своей теоріи, не подкрѣпленной никакими практическими опытами. Этимъ невыгоднымъ его положеніемъ воспользовались противники, и въ особенности Шульце-Деличъ, который не упускалъ ни одного случая указать нѣмецкимъ рабочимъ на непрактичность ученія своего противника. Эти старанія его, конечно, не пропадали даромъ. Во многихъ мѣстахъ, гдѣ основаны были рабочія ассоціаціи по мысли Шульце-Делича, рабочіе видѣли какое нибудь улучшеніе своего быта вслѣдствіе введенія ассоціаціонной системы; между тѣмъ ученіе Лассаля казалось имъ дѣломъ совершенно безполезнымъ. Они не вникали въ различныя обстоятельства, обусловливающія возможность или невозможность практическаго примѣненія того и другаго ученія, а прямо высказывали одобреніе тому ученію, отъ котораго они видѣли практическую пользу, и неодобреніе тому, которое казалось имъ непрактическимъ и безполезнымъ. Если присоединить къ этому еще то личное уваженіе, которымъ пользовался Шульце у нѣмецкихъ рабочихъ, преимущественно въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ привилась его ассоціаціонная система, то намъ не трудно будетъ объяснить себѣ, почему ученіе Лассаля встрѣтило неблагосклонный пріемъ во многихъ мѣстахъ Германіи. Въ особенности замѣчательна холодность, съ которою встрѣтили ученіе это берлинскіе рабочіе 19 апрѣля 1863 года въ Берлинѣ назначено было большое собраніе рабочихъ на которомъ долженъ былъ рѣшиться вопросъ, должны ли рабочіе пристать къ принципамъ, выраженнымъ Лассалемъ въ извѣстной своей брошюрѣ (Offenes Antwortschreiben), или же оставаться при системѣ, проповѣдуемой Шульце-Деличемъ. Вотъ какимъ образомъ «National-Zeitung» сообщала о результатахъ этого собранія. «Результаты этого собранія представляютъ явленіе, можетъ быть небывалое съ тѣхъ поръ, какъ подобные вопросы, способные

по самому политическому характеру своему произвести глубокое раздвоеніе, обсуждаются на открытомъ форумѣ. Собранія рабочихъ, высказавшіяся въ Лейпцигѣ, Дюссельдорфѣ, Кельнѣ и Гамбургѣ въ пользу ученія Лассаля, большею частью постановляли свои рѣшенія только незначительнымъ большинствомъ. Въ настоящемъ же собраніи, въ которомъ приняли участіе тысячи рабочихъ, никто не сказалъ ни одного слова въ пользу ученія Лассаля; всѣ ораторы осуждали его теорію, и предложеніе коммиссіи безусловно объявить себя въ пользу системы Шульце-Делича было принято единогласно».

Вотъ это единогласно принятое предложеніе: «Принимая въ соображеніе, что изложенныя г. Лассалемъ въ его открытомъ посланіи къ Лейпцигскому комитету политическіе принципы, клонящіеся къ введенію всеобщей подачи голосовъ, представляются собранію несвоевременными, потому что вся нація должна быть единодушна въ оппозиціонной борьбѣ, которую она начала; принимая далѣе въ соображеніе то, что собственная помощь и собственная отвѣтственность представляютъ рабочимъ единственное средство занять достойное ихъ мѣсто въ государствѣ и обществѣ: берлинское собраніе рабочихъ объявляетъ во 1-хъ, намѣреніе свое оставаться вѣрнымъ принципамъ, высказаннымъ г. Шульце-Деличемъ въ его публичныхъ бесѣдахъ; во 2-хъ, объявляетъ, что оно перестаетъ признавать за лейпцигскимъ центральнымъ комитетомъ, оказавшимся слишкомъ одностороннимъ, право руководить движеніемъ рабочихъ въ Германіи». «Берлинское собраніе рабочихъ, продолжаетъ «National-Zeitung», показало единогласнымъ рѣшеніемъ своимъ, что оно очень хорошо понимаетъ достоинство рабочаго и основаніе его благосостоянія; къ чести его служитъ то обстоятельство, что оно само съумѣло оцѣнить по достоинству и осудить подогрѣтыя фантазіи погибшей школы, которой послѣдніе ученики хотѣли возобновить направленіе, давно уже осужденное наукою. Въ лицѣ г. Лассаля политическая реакція, мечтавшая о раздвоеніи партіи прогрессистовъ, потерпѣла жестокое пораженіе; недовѣріе берлинскихъ рабочихъ къ системѣ, узаконяющей покровительство государства, а черезъ это лѣность и разрозненность интересовъ, показало, что они чужды той слабости и шаткости, которая обнаруживается у товарищей ихъ на Рейнѣ и въ Лейпцигѣ. Въ этомъ почетномъ для Берлина результатѣ мы ви-

димъ новое обстоятельство, говорящее въ пользу великаго значенія практической и теоретической дѣятельности г. Шульце-Делича». Въ этомъ побѣдномъ кликѣ либеральной «National-Zeitung» мы видимъ опять то же умышленное или неумышленное непониманіе ученіе Лассаля, на которое мы указывали выше. Подобное и даже еще болѣе странное непониманіе мы видимъ въ протестахъ нѣкоторыхъ рабочихъ союзовъ противъ принциповъ, высказанныхъ Лассалемъ. Напримѣръ, мы читаемъ, что нюрнбергскіе рабочіе высказались также противъ ученія Лассаля и пригласили Лейпцигскій комитетъ прекратить свою дѣятельность и передать руководство движеніемъ рабочихъ въ руки людей болѣе способныхъ, которые не позволятъ какому нибудь Лассалю ослѣплять ихъ и вводить ихъ въ обманъ. Мотивируя подобное свое рѣшеніе, они не только увѣряютъ, что Лассаль хлопочетъ о разъединеніи сословій, объ уничтоженіи дѣятельности рабочихъ и т. д., но они даже находятъ, что «брошюра Лассаля не только не признаетъ образованія рабочаго класса основаніемъ его благосостоянія, но что она даже объявляетъ его образованіе вреднымъ для благосостоянія рабочихъ». Трудно представить себѣ, чтобы люди, умѣющіе читать и не лишенные вполнѣ способности разсуждать, могли неумышленно искажать такимъ образомъ чужія мысли и представлять чернымъ то, что собесѣдникъ ихъ называетъ бѣлымъ. Другіе товарищи ихъ поступаютъ гораздо откровеннѣе, и отвергая ученіе Лассаля, не прибѣгаютъ къ искаженію его мыслей. Напримѣръ, рабочіе баварскаго города Ландсгута благоговѣютъ передъ прусскими прогрессистами, а Лассаль, какъ извѣстно, имѣетъ объ этихъ господахъ не слишкомъ выгодное понятіе. Рабочіе Ландсгуса просто объявляютъ съ похвальной откровенностью, что они никогда не согласятся идти по слѣдамъ человѣка, который обвиняетъ въ неспособности партію прогрессистовъ.

Но если ученіе Лассаля встрѣтило такой неблагопріятный пріемъ въ тѣхъ мѣстахъ Германіи, гдѣ у рабочихъ на глазахъ была дѣятельность Шульце-Делича, или гдѣ особенно любили прусскихъ прогрессистовъ, то въ другихъ мѣстахъ Германіи оно встрѣчено было съ сочувствіемъ и съ одобреніемъ. Еще прежде обнародованія послѣдней брошюры Лассаля, въ Лейпцигѣ образовался центральный комитетъ, который взялся руководить движеніемъ рабо-

чихъ во всей Германіи (самая брошюра Лассаля Offenes Antwortschreiben была отвѣтомъ его на приглашеніе комитета изложить свои мнѣнія по вопросу о положеніи рабочихъ классовъ). Комитетъ этотъ открыто высказался въ пользу теоріи Лассаля, и вся его дѣятельность постоянно была направлена къ тому, чтобы распространить эту теорію, популяризировать ее и способствовать по возможности ея осуществленію. Послѣ изданія брошюры Лассаля комитетъ этотъ обнародовалъ проектъ устава всеобщей ассоціаціи нѣмецкихъ рабочихъ; главная цѣль этого общаго союза рабочихъ должна состоять въ томъ, чтобы посредствомъ мирныхъ и законныхъ средствъ и особенно посредствомъ силы общественнаго мнѣнія, добиться права всеобщей подачи голосовъ, какъ главнаго основанія всякой дальнѣйшей мѣры къ улучшенію быта рабочихъ. Союзъ этотъ долженъ былъ охватить весь германскій союзъ и восточную Пруссію; изъ среды его долженъ былъ образоваться исполнительный комитетъ, который состоялъ изъ президента (предполагалось назначить Лассаля президентомъ на первые пять лѣтъ), секретаря и 23 членовъ; каждый членъ союза долженъ былъ вносить еженедѣльно по $^1/_2$ зильбергрошу на расходы общества. Это общія основанія устава союза рабочихъ, въ томъ видѣ, какъ онъ составленъ былъ временнымъ Лейпцигскимъ комитетомъ. Но для того, чтобы обсудить этотъ уставъ въ подробности и окончательно принять или отвергнуть его, комитетъ приглашалъ депутатовъ отъ всѣхъ частныхъ нѣмецкихъ рабочихъ обществъ, согласныхъ съ принципами, изложенными въ брошюрѣ Лассаля, собраться къ 23 мая въ Лейпцигъ для общаго совѣщанія. Это приглашеніе Лейпцигскаго комитета подало поводъ рабочимъ союзамъ различныхъ нѣмецкихъ городовъ высказаться за или противъ ученія Лассаля, за или противъ системы Шульце-Делича. Въ большей части значительныхъ германскихъ городовъ происходили собранія рабочихъ, въ которыхъ съ жаромъ обсуждался вопросъ, слѣдуетъ ли принять приглашеніе Лейпцигскаго комитета и образовать общій союзъ рабочихъ на основаніи принциповъ Лассаля, или нѣтъ. Во многихъ мѣстахъ Германіи стали раздаваться подобныя же странныя и ошибочныя сужденія о принципахъ, будто бы проповѣдуемыхъ Лассалемъ, какъ вышеприведенныя нами сужденія берлинскаго и нюрнбергскаго собраній рабочихъ. Въ другихъ мѣстахъ рабочіе, на подобіе ландсгутскихъ своихъ товарищей, ста-

вили Лассалю главнымъ образомъ въ вину его неуваженіе къ прогрессистамъ, и на этомъ основаніи отвергали приглашеніе Лейпцигскаго комитета. Въ Дармштадтѣ противъ ученія Лассаля говорилъ извѣстный ученый Лудвигъ Бюхнеръ. Во Франкфуртѣ борьба между приверженцами и противниками Лассаля была особенно упорна. Здѣсь противъ Лассаля говорилъ извѣстный нѣмецкій экономистъ Максъ Виртъ, который однако же въ настоящемъ случаѣ ограничивался исключительно общими мѣстами о полной свободѣ рабочаго и о вредѣ государственнаго вмѣшательства. Самъ Лассаль прибылъ сюда изъ Берлина для того, чтобы защищать свое ученіе, и съ свойственнымъ ему многословіемъ говорилъ рѣчь, въ которой объяснялъ свое ученіе и опровергалъ теоріи своихъ противниковъ: однако же не смотря на это, онъ потерпѣлъ во Франкфуртѣ пораженіе, и франкфуртскіе рабочіе рѣшили не принимать приглашенія Лейпцигскаго комитета и не посылать депутатовъ въ Лейпцигъ для составленія устава всеобщаго союза рабочихъ. Изъ болѣе значительныхъ нѣмецкихъ городовъ примѣру Берлина, Нюрнберга и Франкфурта послѣдовали Хемницъ, Маннгеймъ, Оффенбахъ, Дармштадтъ, Ганау, и другіе. Но ученіе Лассаля не вездѣ было такъ ложно понято, какъ въ этихъ мѣстностяхъ, и не вездѣ встрѣтило такой неблагосклонный пріемъ. Кромѣ лейпцигскихъ рабочихъ, въ его пользу высказались рабочіе многихъ другихъ, значительныхъ нѣмецкихъ городовъ. Такъ для примѣра упомянемъ здѣсь только о томъ, что рабочіе союзы Гамбурга, Дюссельдорфа, Кёльна, Касселя объявили, что они вполнѣ согласны съ принципами, провозглашенными Лассалемъ, и готовы содѣйствовать ихъ распространенію и осуществленію. Всѣ эти общества послали къ 23 мая своихъ депутатовъ въ Лейпцигъ для разсмотрѣнія устава и вообще для разсужденія о средствахъ къ распространенію принциповъ Лассаля. Изъ политическихъ и научныхъ дѣятелей Германіи нѣкоторые тоже объявили себя въ пользу ученія Лассаля. Въ этомъ отношеніи особенно замѣчательна поддержка, оказываемая этому ученію Родбертусомъ, однимъ изъ самыхъ вліятельныхъ членовъ берлинскаго національнаго собранія 1848 года, и Лотаромъ Бухеромъ—экономистомъ и берлинскимъ публицистомъ.

Въ отвѣтъ на лейпцигское собраніе рабочихъ 23 мая, въ которомъ представители различныхъ рабочихъ обществъ въ Гер-

маніи высказались въ пользу теоріи Лассаля, противники этой теоріи рѣшились сдѣлать блистательную демонстрацію противъ этой теоріи; они не хотѣли довольствоваться частными своими успѣхами въ Берлинѣ и въ другихъ мѣстахъ, но рѣшились дать Лассалю генеральное сраженіе и разбить на голову его ученіе. Съ этою цѣлью къ 7 іюня во Франкфуртъ созваны были представители *всѣхъ* германскихъ рабочихъ обществъ для разсмотрѣнія того вопроса, который въ апрѣлѣ уже былъ рѣшенъ берлинскими рабочими, а именно, къ чьему ученію слѣдуетъ пристать рабочимъ, къ ученію ли Лассаля, или къ ученію Шульце-Делича. Но рабочія общества, послѣдователи ученія Лассаля, зная, что съѣздъ этотъ устроивается безъусловными приверженцами Шульце-Делича, отказались участвовать въ немъ, тѣмъ болѣе что они только за нѣсколько недѣль высказали въ Лейпцигѣ свою profession de foi. Поэтому во Франкфуртъ вмѣсто представителей всѣхъ рабочихъ обществъ явились только 120 представителей 54-хъ обществъ изъ 48 городовъ; оказалось, что эти 54 общества, имѣвшія во Франкфуртѣ своихъ представителей, считали въ себѣ только 36,000 членовъ, и что изъ этого числа почти половина, а именно 16,000 рабочихъ приходилось на долю Берлина, гдѣ, какъ извѣстно, особенно распространены идеи Шульце-Делича. Противники Лассаля не мало торжествовали, указывая на тотъ фактъ, что на этомъ собраніи теорія Лассаля была *единогласно* осуждена, а ученіе Шульце-Делича о самодѣятельности рабочихъ единогласно провозглашено единственнымъ пригоднымъ для улучшенія быта нѣмецкихъ рабочихъ; но если вспомнить то обстоятельство, что на этомъ собраніи были только представители одной стороны, то подобное единогласіе дѣлается очень понятнымъ и теряетъ всякую цѣну. Корреспондентъ газеты «Indépendance Belge», говоря объ этомъ конгрессѣ, удивляется той умѣренности и тому парламентарному такту, который нѣмецкіе рабочіе обнаружили при этомъ случаѣ: онъ видитъ въ этомъ обстоятельствѣ доказательство тому, что ученія благоразумныхъ экономистовъ не пропали для нихъ даромъ. Собраніе это закончило двухдневныя пренія свои постановленіями, изъ которыхъ нѣкоторыя сами по себѣ очень разумны и заслуживаютъ полнаго одобренія, но недостаточность которыхъ очевиднымъ образомъ доказана Лассалемъ. Вотъ эти постановленія франкфуртскаго собранія рабочихъ: «Кон-

грессъ рабочихъ признаетъ, что рабочіе для того, чтобы подняться въ моральномъ, матеріальномъ и политическомъ отношеніи, должны всегда оставаться соединенными между собою и идти впередъ вмѣстѣ съ партіей прогрессистовъ и со всѣми тѣми, кто трудится для усовершенствованія человѣчества. Конгрессъ полагаетъ, что слѣдуетъ доставлять рабочимъ средства усовершенствоваться въ знаніи политико-экономическихъ и нравственныхъ принциповъ, которые необходимы для успѣшнаго хода ихъ труда: черезъ это они разовьютъ свои способности, обработаютъ свой умъ, увеличатъ сферу своего образованія; а для того, чтобы достигнуть этой цѣли рабочія общества должны основать школы для малолѣтнихъ и находить для взрослыхъ такія средства къ развлеченію, которыя удерживали бы ихъ отъ праздности и разврата. Конгрессъ находитъ, что слѣдуетъ заботиться объ отмѣненіи всѣхъ законовъ, стѣсняющихъ свободу рабочаго въ выборѣ имъ рода занятій и мѣста жительства. Рабочіе должны заботиться объ основаніи сберегательныхъ кассъ для больныхъ и престарѣлыхъ, обществъ для доставленія сырья, жизненныхъ потребностей и кредитныхъ обществъ, складовъ для продажи и вывоза различныхъ произведеній, и наконецъ общихъ мастерскихъ для совокупнаго производства при помощи паровыхъ машинъ и другихъ двигательныхъ силъ».

Этимъ мы заканчиваемъ нашу статью о настоящемъ положеніи рабочихъ въ Германіи и о способахъ, предлагаемыхъ для улучшенія этого положенія. Мы старались представить въ возможной полнотѣ сдѣланныя до сихъ поръ попытки къ достиженію этого улучшенія; мы разсмотрѣли безпристрастно дѣятельность двухъ замѣчательныхъ друзей нѣмецкихъ рабочихъ, Шульце-Делича и Лассаля, хорошія и слабыя стороны этой дѣятельности; описали взаимныя отношенія двухъ различныхъ ученій, представителями которыхъ служатъ эти два лица; наконецъ показали, какъ относятся къ тому и другому ученію сами нѣмецкіе рабочіе, объ улучшеніи быта которыхъ здѣсь идетъ рѣчь. Время покажетъ, которому изъ этихъ двухъ ученій принадлежитъ болѣе счастливая и блестящая будущность: въ настоящее время перевѣсъ находится повидимому на сторонѣ системы Шульце-Делича, но объ этомъ дѣлѣ нельзя еще сказать послѣдняго слова.

Сентябрь, 1863 г.

РАБОЧІЕ КЛАССЫ АНГЛІИ

и

МАНЧЕСТЕРСКАЯ ШКОЛА.

(СТАТЬЯ ПЕРВАЯ).

Въ прошломъ столѣтіи, до тѣхъ поръ, пока оба великія открытія Уатта и Эркрайта не произвели совершеннаго переворота въ условіяхъ существованія англійскихъ мануфактуръ, населеніе Англіи было распредѣлено весьма пропорціонально между сельскою и фабричною работою. Механическій ткацкій станокъ въ то время еще не замѣнилъ ручного станка, и въ Англіи преобладалъ тотъ родъ кустарной промышленности, который до сихъ поръ еще существуетъ у насъ въ московской и въ другихъ центральныхъ губерніяхъ. Земледѣльческія и промышленныя занятія соединялись въ однѣхъ и тѣхъ же рукахъ; сельскіе жители брали пряжу къ себѣ на домъ, женщины, которыя въ Англіи мало принимали и принимаютъ участія въ сельскихъ работахъ, ткали у себя дома круглый годъ, а мужчины—въ то время, когда не было полевыхъ работъ. Такимъ образомъ промышленные производители не были сосредоточены въ отдѣльныхъ, большихъ фабричныхъ центрахъ, а распредѣлялись по всей странѣ и не отчуждались отъ полевыхъ работъ. Одно и тоже лицо было и сельскимъ, и мануфактурнымъ работникомъ; когда почему либо прекращалась на время работа на фабрику, то лишенные дѣла работники могли обратиться къ сельской работѣ. Промышленность при такихъ условіяхъ не могла

слишкомъ процвѣтать, но за то не подвергались нищетѣ заразъ цѣлыя массы рабочаго населенія. Существованіе кустарныхъ промышленниковъ, переходившихъ отъ станка къ сельскому батрачеству, было конечно существованіе весьма жалкое; но за то надъ этими массами батраковъ не висѣла ежеминутно опасность голодной смерти. Примѣненіе силы пара къ фабричному труду и изобрѣтеніе механическихъ станковъ произвели съ конца прошлаго столѣтія полнѣйшій переворотъ въ положеніи рабочаго класса. Трудъ коллективный замѣнилъ трудъ единичный, механическая работа явилась на мѣстѣ ручной работы, и фабричная промышленность совершенно вытѣснила промышленность кустарную. Человѣческія руки оказались совершенно безсильными въ конкуренціи съ машинами. Тогда въ условіяхъ жизни рабочаго класса произошелъ громаднѣйшій переворотъ; но настоящій, гибельный характеръ этого переворота обнаружился только впослѣдствіи. Въ началѣ послѣдствія новыхъ открытій, казалось, вполнѣ были благодѣтельны для рабочаго населенія страны. Новые механическіе дѣятели усилили въ высшей степени производительность англійскихъ мануфактуръ, а усиленіе и ускореніе производства дали имъ возможность значительно понизить цѣну за свои произведенія; это конечно не мало увеличило запросъ, и для англійскихъ произведеній (преимущественно хлопчатобумажныхъ) стали открываться все новые рынки. Вслѣдствіе этого оказалось, что усовершенствованныя средства производства не только не уменьшили числа рабочихъ, но напротивъ, потребовали еще болѣе рабочихъ рукъ, нежели прежнія, несовершенныя средства, и что новые, механическіе дѣятели такимъ образомъ значительно увеличили число людей, посвятившихъ себя фабричной промышленности. Слѣдовательно открытія Уатта и Эркрайта въ началѣ не имѣли никакого дурнаго вліянія на положеніе промышленно-рабочаго населенія Англіи, а скорѣе имѣли послѣдствія благодѣтельныя, тѣмъ болѣе, что и обстоятельства тому благопріятствовали. Англійскія открытія не такъ скоро сдѣлались достояніемъ континента, чему не мало способствовали безпрерывныя войны Наполеона I, лишавшія континентальныя страны лучшихъ силъ ихъ—физическихъ и интеллектуальныхъ. Вслѣдствіе этого Англіи, не смотря на существованіе въ значительной части Европы континентальной системы, пришлось снабжать своими произведеніями почти всѣ рынки земнаго шара. Поэтому положеніе

рабочаго класса, сравнительно съ прежнимъ періодомъ кустарной промышленности, въ началѣ не только не сдѣлалось хуже, но даже еще улучшилось. Единственною значительною перемѣною было то, что теперь сталъ невозможенъ изолированный трудъ, и что вслѣдствіе производства труда въ большихъ механическихъ заведеніяхъ, стали образовываться значительные промышленные центры: явились Манчестеры, Бирмингэмы, Лидсы, Шеффильды, Ньюкестли и другіе фабричные города, населеніе которыхъ увеличивалось съ неимовѣрною быстротою.

Однако подобное положеніе дѣла продолжалось не долго и прекратилось вскорѣ послѣ возстановленія европейскаго мира. По окончаніи страшныхъ континентальныхъ войнъ, въ теченіи многихъ лѣтъ поглощавшихъ всѣ средства народовъ и все вниманіе правительствъ, большая часть европейскихъ государствъ стали ближе всматриваться въ свои нужды и въ свои средства. Они замѣтили, какой степени всемірнаго преобладанія достигла Англія, благодаря ея сильному промышленному движенію, и они стали поощрять и у себя расширеніе туземной промышленной производительности и отысканіе новыхъ торговыхъ рынковъ: наступившая съ 1814 года эпоха продолжительнаго мира способствовала ихъ усиліямъ. Сначала конечно попытки другихъ народовъ конкурировать съ Англіей не могли быть особенно успѣшны, и Англіи не трудно было сохранить свое превосходство въ промышленномъ мірѣ; но мало по малу другіе народы начали вести съ англичанами промышленную и коммерческую борьбу, сначала довольно робкую, ограниченную извѣстными мѣстностями, но потомъ болѣе смѣлую и успѣшную. Это не могло не отозваться на положеніи промышленнаго сословія Англіи. Англійская промышленность въ самомъ началѣ слишкомъ понадѣялась на ту производительную силу, которую паръ и механическій станокъ дали ея фабрикантамъ, и на легкость сбыта своихъ произведеній; она не подумала о томъ, что этотъ сбытъ имѣетъ тоже свои предѣлы, и что рынки могутъ переполниться ея фабричными произведеніями, или закрыться по другимъ причинамъ; она увѣрилась было въ томъ, что весь земной шаръ постоянно долженъ оставаться потребителемъ ея произведеній. Вслѣдствіе того, вся внутренняя жизнь и вся дѣятельность англійскаго народа, нравы и потребности его, все сложилось сообразно съ таковымъ убѣжденіемъ. Но съ измѣненіемъ обстоятельствъ надежды англій-

скихъ мануфактуристовъ и ихъ рабочихъ оказались неосуществимы. Сбытъ произведеній сталъ ограниченнѣе, капиталы перестали обращаться съ прежнею быстротою; а между тѣмъ фабриканты, чтобы съ успѣхомъ выдерживать континентальную конкуренцію, не только не могли возвысить цѣну своимъ произведеніямъ, но напротивъ должны были понизить ее. Подвергаясь опасности лишиться своихъ барышей, они прибѣгнули къ самому простому средству для избѣжанія этой опасности: они понизили заработную плату въ своихъ фабрикахъ. Милліоны рабочихъ, посвятившихъ себя въ послѣдніе годы исключительно фабричной работѣ, не могли найти другихъ средствъ къ существованію, кромѣ работы на фабрикахъ, и поэтому они должны были согласиться работать и при страшно уменьшенной задѣльной платѣ. Около этого же времени проявилась еще новая особенность фабричнаго труда, которая имѣла самое гибельное вліяніе на судьбу этого населенія: оказалось, что ближайшимъ послѣдствіемъ примѣненія машинъ къ фабричному дѣлу было не только измѣненіе условій жизни, но и необыкновенное приращеніе фабричнаго населенія. Статистики нашли, что въ прежнее время, когда большая часть жителей занималась земледѣліемъ и ремеслами, численность населенія увеличивалась весьма незначительнымъ образомъ, такъ что, напр., въ Англіи это увеличеніе не превышало одного милліона въ цѣлое столѣтіе; а между тѣмъ съ развитіемъ фабричной дѣятельности населеніе Англіи въ какихъ нибудь 40 лѣтъ увеличилось на 13 милліоновъ. Доказательство тому, что это увеличеніе произошло преимущественно вслѣдствіе развитія фабричной и городской жизни, можно найти въ пропорціи приращенія населенія въ промышленныхъ и земледѣльческихъ округахъ: въ первыхъ, т. е. главнымъ образомъ въ Ланкаширѣ, населеніе увеличилось на 37 проц., а въ послѣднихъ только на 7. Такимъ образомъ въ то самое время, когда сбытъ англійскихъ мануфактурныхъ произведеній ограничивался и запросъ на нихъ уменьшался, численность населенія, обреченнаго исключительно только на фабричный трудъ и не имѣвшаго никакихъ другихъ средствъ къ поддержанію жизни, возрастала въ огромныхъ размѣрахъ. Послѣдствія подобнаго положенія дѣла очевидны: рабочее населеніе должно было согласиться на всѣ тѣ уменьшенія въ задѣльной платѣ, которыя фабриканты признавали необходимыми. Къ тому же присоединилось еще то обстоятельство, что землевладѣльцы,

подъ тѣмъ предлогомъ, что, во время послѣднихъ войнъ и послѣ того, имъ приходилось платить большіе налоги, и что они потратили большіе капиталы на улучшеніе земледѣлія, поддерживали на свои произведенія весьма высокую цѣну, которая была совершенно несоразмѣрна съ цѣною этихъ же произведеній въ другихъ странахъ. Вслѣдствіе всего этого въ промышленныхъ округахъ Англіи, и въ особенности тамъ, гдѣ преобладало хлопчато-бумажное производство, стала обнаруживаться страшная бѣдность.

Дѣло доходило, напримѣръ, до того, что семейство, состоящее изъ шести членовъ (въ томъ числѣ четверо дѣтей), получавшее въ прежнія времена по 22 и по 23 шиллинга въ недѣлю, было впослѣдствіи вынуждено существовать на 3 или на 4 шиллинга (отъ 96 к. до 1 р. 28 к.) въ недѣлю. Эти цифры можно найти въ отчетахъ особой слѣдственной коммиссіи, назначенной въ то время англійскимъ парламентомъ для изслѣдованія положенія дѣла въ Ланкаширѣ; отчеты эти заключаютъ въ себѣ множество подобныхъ фактовъ. Кромѣ того, въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ фабриканты, понизивши задѣльную плату, придумали еще другое средство соблюсти свой интересъ, очень выгодное для нихъ, но очень невыгодное для рабочихъ. Оно заключалось въ такъ называемой системѣ обмѣна (truck system) или системѣ уплаты натурою. Вмѣсто того, чтобы получать заработную плату деньгами, работникъ получалъ ее жизненными припасами, необходимыми для ежедневнаго потребленія его. Припасы эти доставлялъ ему самъ фабрикантъ и разумѣется бралъ себѣ при этомъ весьма значительный барышъ. Рабочіе, получая уплату натурою, не смѣли дѣлать никакихъ замѣчаній ни насчетъ дороговизны, ни насчетъ качества доставляемыхъ имъ продуктовъ: они находились въ полной зависимости отъ фабричнаго хозяина и должны были соглашаться на всѣ его условія—иначе имъ угрожала опасность лишиться и того незначительнаго заработка, который они имѣли.

Подобное бѣдственное положеніе значительной части англійскаго населенія не могло не обратить на себя вниманія общества и государства. Сами рабочіе, увидавши, въ какомъ печальномъ положеніи они очутились, разумѣется, не хотѣли и не могли проникнуться мыслью о необходимости навсегда остаться въ такомъ положеніи: они весьма естественно начали искать средствъ выйти изъ него. Средства эти были двоякаго рода: мирныя и насиль-

ственныя. Работники прибѣгали и къ тѣмъ и къ другимъ, но вначалѣ преимущественно къ послѣднимъ. Не видя ни откуда помощи, встрѣчая равнодушіе со стороны правительства, самый безпощадный эгоизмъ со стороны земельной и фабричной аристократіи, они пытались добиться улучшенія своего общественнаго положенія посредствомъ собственныхъ силъ своихъ; въ средѣ рабочихъ, равно какъ и въ средѣ другихъ классовъ, нашлись люди, которые взялись руководить этими ихъ стремленіями и содѣйствовать осуществленію ихъ. Руководители эти (впослѣдствіи, когда они выработали такъ называемую народную хартію, ихъ и послѣдователей ихъ стали называть чартистами) тоже надѣялись вначалѣ достигнуть желаемыхъ результатовъ посредствомъ физической силы; но впослѣдствіи они убѣдились, что рабочіе съ одними кулаками своими ничего не подѣлаютъ, и вмѣстѣ съ большинствомъ рабочаго населенія перемѣнили тактику: они стали заботиться о пріобрѣтеніи для всего народа политическихъ правъ, объ отысканіи средствъ къ болѣе мирной, но въ то же время болѣе дѣйствительной борьбѣ съ владѣтельными классами, какъ-то: объ организаціи и распространеніи разныхъ trade's unions (торговые союзы), work-houses (рабочіе дома), strikes (стачки) и пр. Правительственныя лица Англіи, законодатели обѣихъ палатъ не могли не обратить вниманія на усиленіе въ Англіи пауперизма и на тѣ изъ послѣдствій этого явленія, которыя больше всего бросались имъ въ глаза, т. е. на происходившія отъ того волненія и безпорядки. Они съ одной стороны заботились о быстромъ и энергическомъ прекращеніи этихъ безпорядковъ и о примѣрномъ наказаніи виновниковъ ихъ; съ другой стороны они думали помочь злу посредствомъ различныхъ палліативныхъ средствъ, въ родѣ улучшеній въ законодательствѣ о бѣдныхъ и т. п. Общество (въ болѣе тѣсномъ значеніи этого слова) тоже занялось этимъ жизненнымъ для Англіи вопросомъ. Изъ него вышли дѣятели, которые всю свою жизнь посвятили заботамъ о благѣ рабочаго населенія Англіи, но на пути своемъ безпрерывно встрѣчали тупое непониманіе, надменный и завистливый эгоизмъ и неизмѣнное недоброжелательство людей. Изъ этого же общества явились и чартисты, истинные друзья англійскаго народа, желавшіе, чтобы слово «равноправность» не оставалось пустымъ звукомъ; прибѣгая то къ тѣмъ, то къ инымъ средствамъ для достиженія своихъ стремленій, они однако же никогда

не отступали отъ однажды поставленной себѣ цѣли; ихъ не страшили ни неудачи, ни ссылки, ни смертныя казни. Нѣкоторые изъ членовъ этого же общества вообразили себѣ, что доставить торжество бѣднымъ классамъ, замѣнить въ управленіи и въ законодательствѣ преобладаніе земельной родовой аристократіи преобладаніемъ аристократіи денежной и фабричной, значитъ содѣйствовать уничтоженію или хотя бы уменьшенію пауперизма въ Англіи. Эти близорукіе реформаторы успокоились на той мысли, что если будутъ уничтожены нѣкоторыя злоупотребленія при парламентскихъ выборахъ и если увеличено будетъ число представителей изъ промышленныхъ классовъ на счетъ такъ называемыхъ *гнилыхъ мѣстечекъ*, то вопросъ о пролетаріатѣ въ Англіи будетъ разрѣшенъ весьма удовлетворительнымъ образомъ: поэтому вниманіе всѣхъ этихъ наивныхъ политиковъ, считавшихъ себя тоже «друзьями народа», обращено было на достиженіе *либеральной* парламентской реформы. Наконецъ въ средѣ англійскаго общества, заинтересованнаго вопросомъ о пролетаріатѣ, явились люди, которые подвели всѣ новыя условія жизни въ рабочемъ населеніи Англіи къ общимъ принципамъ, систематизировали ихъ, и такимъ образомъ создали и развили особенное ученіе, извѣстное подъ именемъ ученія манчестерской школы. Представители этой школы выдаютъ свои взгляды, принципы и выводы за совершеннѣйшую истину и доказываютъ, что если въ основу общественнаго устройства положено будетъ ихъ ученіе, тогда всѣ классы общества станутъ въ должное другъ къ другу отношеніе. Въ настоящемъ трудѣ нашемъ мы намѣрены бросить бѣглый взглядъ на явленія, вызванныя въ 20-хъ и 30-хъ годахъ бѣдствіями рабочихъ классовъ Англіи, и сдѣлать краткій очеркъ тѣхъ попытокъ къ облегченію этихъ бѣдствій и къ созданію болѣе удовлетворительнаго порядка вещей которыя были сдѣланы тогда же самимъ рабочимъ населеніемъ и друзьями его чартистами, правительствомъ и законодательствомъ, различными парламентскими партіями—торіями, вигами, радикалами. Затѣмъ мы перейдемъ къ ученію манчестерской школы, и посмотримъ, дѣйствительно ли оно ставитъ рабочій классъ въ настоящія отношенія къ прочимъ классамъ общества. Такъ какъ ученіе этой школы въ настоящее время очень распространено въ Англіи, и многіе дѣйствительно убѣждены въ томъ, что это ученіе вполнѣ обезпечиваетъ благоденствіе рабочихъ классовъ, то мы

обратимъ на него особенное вниманіе и подробно разсмотримъ, къ чему собственно стремится манчестерская школа; при этомъ намъ необходимо будетъ взглянуть на современныя условія жизни этихъ классовъ и на тѣ усилія, посредствомъ которыхъ они теперь стараются выйти изъ этихъ невыгодныхъ для нихъ условій жизни. Не всѣ средства, посредствомъ которыхъ рабочіе думали выйти изъ своего бѣдственнаго положенія, одинаково хороши; въ ихъ попыткахъ, равно какъ и въ попыткахъ истинныхъ друзей и мнимыхъ благодѣтелей ихъ, мы увидимъ много непрактическаго и недостигающаго своей цѣли. Но мы и не беремъ на себя рекомендовать читателямъ нашимъ ту или другую систему; мы ограничимся короткимъ фактическимъ изложеніемъ исторіи рабочихъ классовъ Англіи въ XIX столѣтіи и предоставимъ самимъ читателямъ выводить изъ этого заключенія, какія кто пожелаетъ.

Бѣдственное положеніе, въ которомъ внезапно увидѣли себя рабочіе классы Англіи, возбудило въ нихъ сильнѣйшее неудовольствіе, а за тѣмъ и волненіе. Между этими классами болѣе нежели когда либо начали говорить о расточительности правительства, тратившаго народную казну на огромные, совершенно непроизводительные расходы, о продажности и испорченности чиновниковъ, о многочисленныхъ синекурахъ, дававшихъ богатство немногимъ и падавшихъ тяжестью своею на всю страну. Бѣдствующіе жители Великобританіи сравнивали эту расточительность и роскошь съ своей нищетой, съ своимъ крайне бѣдственнымъ положеніемъ, и слѣдствіемъ подобныхъ сравненій было то, что въ средѣ его начали раздаваться голоса, трактовавшіе о необходимости радикальной общественной реформы. Въ различныхъ мѣстностяхъ Великобританіи начали составляться невиданныя еще доселѣ политическія собранія, ближайшею цѣлью которыхъ обыкновенно являлась подача адресовъ съ жалобами на бѣдственное положеніе страны и съ требованіемъ реформы. Собранія эти бывали обыкновенно довольно бурны: народные ораторы нападали не только на правительство, но и на высшіе классы общества, и говорили очень рѣзко противъ неравномѣрнаго распредѣленія собственности и скопленія богатства въ немногихъ рукахъ. Главную роль во всѣхъ этихъ движеніяхъ играло фабрично-городское населеніе, но такъ какъ положеніе низшихъ земледѣльческихъ классовъ въ Англіи тоже

весьма незавидно, то въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ волненіе, начавшееся въ городскомъ сословіи, распространилось и на сельское населеніе: оно начало принимать участіе въ собраніяхъ и совѣщаніяхъ фабричныхъ рабочихъ. Мѣстныя власти, разумѣется, увидали въ этихъ движеніяхъ рабочаго населенія признаки серьезнаго возмущенія и сочли необходимымъ подавить эти возмущенія военною силою. Противъ собраній голодавшихъ рабочихъ стали высылаться войска, и во многихъ мѣстахъ Англіи пролита была кровь. Сначала это волненіе рабочихъ не распространялось на лондонское населеніе, которое оставалось довольно спокойнымъ, но вскорѣ и здѣсь начали собираться народные митинги. Правительство ничего не дѣлало для удовлетворенія справедливыхъ требованій народа, а напротивъ невниманіемъ своимъ къ его нуждамъ и неумѣстною строгостью какъ бы еще болѣе старалось раздражать его. Такъ на первомъ изъ лондонскихъ митинговъ рѣчь просто шла о томъ, чтобы представить принцу-регенту прошеніе, въ которомъ его просили обратить вниманіе на бѣдствія народа. Прошеніе это было составлено и отправлено черезъ депутацію, въ главѣ которой находился извѣстный чартистъ Генрихъ Гунтъ. На другой день послѣ отправленія прошенія Гунтъ опять явился въ народное собраніе и объявилъ въ выраженіяхъ, полныхъ негодованія, что прошеніе ихъ не было даже принято. Тогда многочисленныя толпы народа отправились въ Сити, распустивши трехцвѣтныя знамена; по дорогѣ они захватили оружіе въ нѣсколькихъ оружейныхъ магазинахъ, мимо которыхъ имъ приходилось идти, и направились было ко дворцу принца-регента. Но немедленно изъ разныхъ концовъ Лондона прискакали кавалерійскіе отряды и прибѣжала пѣхота: нѣкоторые изъ участвовавшихъ въ этомъ шествіи работниковъ были взяты въ плѣнъ и разстрѣляны на мѣстѣ, но предводители спаслись и вся толпа разбѣжалась. Больше правительство ничего не сдѣлало для нуждающихся жителей Лондона и Великобританіи. Вскорѣ послѣ того, когда принцъ-регентъ возвращался во дворецъ послѣ открытія парламентской сессіи, толпы рабочаго народа остановили его карету съ криками: «онъ нечувствителенъ къ страданіямъ народа, онъ не хочетъ слышать нашихъ жалобъ»; въ окна кареты полетѣло нѣсколько камней. Обѣ палаты поспѣшили выразить ему свое соболѣзнованіе по поводу этого событія и назначили награду въ тысячу фунтовъ стерлинговъ тому, кто откроетъ винов-

никовъ этого покушенія; но виновники не были открыты. Нѣсколько дней спустя послѣ этого происшествія, въ палату представлено было посланіе принца-регента относительно послѣднихъ движеній въ рабочемъ населеніи Англіи. Въ посланіи онъ выражалъ надежду, что парламентъ обратитъ должное вниманіе на эти смуты и на махинаціи, «имѣющія цѣлью нарушеніе общественнаго спокойствія, поколебаніе привязанности къ особѣ короля и къ его правительству и ниспроверженіе законовъ и конституціи страны». Парламентъ занялся разсмотрѣніемъ этого дѣла, и назначенная имъ коммиссія не замедлила представить свой докладъ объ этомъ предметѣ. По мнѣнію коммиссіи, въ Лондонѣ и въ другихъ частяхъ королевства существовалъ обширный заговоръ противъ правительства, закона и собственности. Она утверждала, что возмутительныя воззванія распространены были въ большомъ числѣ въ народѣ, что заговорщики обладали цѣлыми фабриками оружія, трехцвѣтныхъ знаменъ и кокардъ, что сдѣланы были неоднократныя покушенія поколебать вѣрность солдатъ, что организованы правильныя сношенія между заговорщиками Лондона и другихъ графствъ, что нѣкоторыя тайныя общества (подъ названіемъ клуба Гэмпдена и филантропическаго клуба) имѣли частыя совѣщанія, и что вообще по всѣмъ видимостямъ анархисты приняли всѣ мѣры, чтобы въ данный моментъ произвести общее возстаніе въ народѣ. Такъ поняли волненія рабочихъ правительство и парламентъ, на который докладъ коммиссіи произвелъ чрезвычайно сильное впечатлѣніе. Они убѣдились въ томъ, что серьезная опасность, о которой они прежде и не имѣли понятія, угрожаетъ престолу и конституціи, и поэтому рѣшено было дѣйствовать энергически для избѣжанія опасности. Многія лица, считавшіяся опасными, посажены были въ Тоуэръ, и начались судебныя слѣдствія. Министерство потребовало у палатъ временнаго прекращенія права habeas corpus. Въ верхней палатѣ противъ этого предложенія протестовали только 18 членовъ, находившіе существующіе законы достаточными для сохраненія спокойствія и порядка; нижняя палата приняла его почти безъ разсужденій. Во время суда надъ виновниками лондонскихъ смутъ, въ разныхъ мѣстахъ Великобританіи повторялись волненія рабочихъ, намѣревавшихся въ своемъ простодушіи идти массами въ Лондонъ, освободить тамъ своихъ единомышленниковъ и въ то же время изложить принцу-регенту свои бѣдствія и потребо-

вать отъ него реформъ. Но исходъ дѣла бывалъ всегда одинъ и тотъ же: отряды регулярной арміи, и въ особенности такъ называемой yeomanry (родъ конной національной гвардіи, состоявшей исключительно изъ поземельныхъ собственниковъ и фермеровъ, и отличавшейся своей враждою къ притязаніямъ рабочихъ), постоянно разгоняли работниковъ при самомъ началѣ ихъ предпріятій *). Между тѣмъ лондонскіе предводители народныхъ движеній явились передъ судомъ присяжныхъ. Присяжные начали съ того, что объявили одного изъ главныхъ обвиненныхъ, нѣкоего Уатсона, невиннымъ. Это первое рѣшеніе суда присяжныхъ вызвало неописанную радость въ простомъ народѣ, слѣдившемъ съ напряженнымъ вниманіемъ за начавшимися процессами. Но подобный исходъ дѣла вовсе не соотвѣтствовалъ видамъ правительства, и оно приняло свои мѣры для того, чтобы достигнуть болѣе сообразнаго съ его желаніями рѣшенія дѣлъ. Оно, вопреки всѣмъ англійскимъ законамъ, назначило особую судебную коммиссію для разбирательства всѣхъ подобныхъ дѣлъ. Въ нѣсколько мѣсяцевъ это чрезвычайное судилище рѣшило огромное число дѣлъ, и приговорило къ смерти не менѣе 23 лицъ (въ томъ числѣ и оправданнаго присяжными Уатсона); впрочемъ казнены были только трое. Между тѣмъ прекращеніе права habeas corpus вызвало цѣлую систему шпіонства и всѣ несправедливости предупредительной системы: все это возбуждало крайнее неудовольствіе народа—но неудовольствіе это было безсильно. Въ положеніи рабочаго класса все осталось по прежнему. Правительство полагало, что строгими наказаніями и милостынею можно поправить зло, причины котораго лежали въ неестественномъ и уродливомъ устройствѣ общества. Не малое число лицъ были казнены и сосланы. Но желая показать, что правительство, умѣя наказывать, умѣетъ и миловать, министры и другія высшія правительственныя лица пожертвовали въ пользу бѣдствующихъ рабочихъ десятую часть своихъ окладовъ; принцъ-регентъ пожертвовалъ для той же цѣли 50,000 ф. ст. изъ своей liste civile. Сдѣлавши такія пожертвованія и прекративши безпорядки,

*) Извѣстнѣе другихъ подобныхъ предпріятій была такъ называемая Blake-tearing expedition (экспедиція одѣялъ), названная такъ потому, что манчестерскіе рабочіе, намѣреваясь отправиться въ походъ, захватили каждый на дорогу по одѣялу.

правительство считало дѣло оконченнымъ и въ слѣдующую же сессію съ торжествомъ объявило палатамъ, что оно «возвратило странѣ спокойствіе и благоденствіе». Первый министръ лордъ Кэстльри, представилъ палатамъ документы относительно образа дѣйствій правительства въ послѣднихъ событіяхъ. Коммиссіи обѣихъ палатъ, назначенныя для разсмотрѣнія этихъ документовъ, объявили въ своемъ докладѣ, что правительство воспользовалось дарованною ему чрезвычайною властью умѣренно и осторожно. Обѣ палаты приняли огромнымъ большинствомъ голосовъ рѣшеніе, одобряющее образъ дѣйствія правительства въ послѣднихъ событіяхъ. А между тѣмъ какъ въ палатахъ раздавались одобренія умѣренному и человѣколюбивому образу дѣйствій правительства, почти ежедневно поступали въ нее многочисленныя прошенія отъ рабочихъ и другихъ близкихъ къ нимъ лицъ, содержавшія жалобы на дѣйствія агентовъ правительства во время послѣднихъ событій. Въ числѣ этихъ прошеній особенно замѣчательна была жалоба нѣкоего Уильяма Огдена.—Огденъ объяснялъ, что ему 74 года отъ роду, что онъ отецъ 17 дѣтей, изъ которыхъ большая часть находилась еще на его попеченіи, что онъ вслѣдствіе манчестерскихъ событій былъ арестованъ и содержался 9 мѣсяцевъ въ тюрьмѣ, что онъ былъ закованъ въ тяжелыя цѣпи, которыя лишили его на долго способности двигать членами, и что иногда въ теченіи двухъ дней никто не показывался въ его каморкѣ; по прошествіи же девяти мѣсяцевъ, онъ, какъ ни въ чемъ не виновный, былъ выпущенъ на волю. Министерство объявило разумѣется, что все это ложь и что Огденъ, послѣ освобожденія своего изъ подъ ареста, даже самъ изъявлялъ благодарность за заботливость, которую ему оказывали во время его заключенія. Министръ Каннингъ даже очень мило пошутилъ по поводу жалобы Огдена, сказавши, что «смѣшное прошеніе Огдена представляетъ самое смѣлое покушеніе на легковѣрность палаты». Эта выходка очень понравилась палатѣ и встрѣчена была сильными рукоплесканіями.

Палата вотировала 1 мил. фунт. стерл. на постройку новыхъ церквей и часовенъ.

Но рабочіе не были удовлетворены этимъ и волненіе между ними не прекращалось. Напротивъ, оно около 1820-го года еще усилилось вслѣдствіе того, что въ палатѣ поднятъ былъ вопросъ о всеобщей подачѣ голосовъ. Нѣкто Френсисъ Бэрдеттъ предста-

вилъ въ палату билль, въ которомъ требовалъ радикальнаго преобразованія парламентскаго устройства посредствомъ всеобщей подачи голосовъ и ежегодныхъ выборовъ. Предложеніе это не удостоилось даже серьезнаго разсматриванія палаты и было отвергнуто безъ всякихъ разсужденій. Самъ Бэрдеттъ, какъ членъ палаты, не могъ не знать настроенія своихъ товарищей по законодательству, и слѣдовательно не могъ не предвидѣть судьбы, ожидавшей его предложеніе; поэтому можно предполагать, что, дѣлая такое радикальное предложеніе, онъ хотѣлъ преимущественно привлечь къ нему вниманіе массъ. И дѣйствительно, рабочіе готовы были видѣть въ предложеніи Бэрдетта средство къ выходу изъ своего безпомощнаго положенія, потому что они надѣялись, что этимъ путемъ имъ можно будетъ принять участіе въ законодательствѣ страны и добиться того, чтобъ ихъ интересы не были постоянно приносимы въ жертву интересамъ высшихъ классовъ. Поэтому презрительное отверженіе палатою предложенія Бэрдетта произвело сильное раздраженіе въ странѣ. Сторонники реформы въ томъ смыслѣ, какъ ее предложилъ Бэрдеттъ (были еще и сторонники другаго рода реформы, о которой мы будемъ говорить ниже), начали вводить между собою военное устройство, раздѣлились на роты, выбрали офицеровъ и занимались военными упражненіями, чтобы по первому знаку своихъ предводителей быть готовыми къ поддержанію своихъ требованій. Власти разумѣется противились подобнымъ приготовленіямъ и вообще всякимъ манифестаціямъ рабочихъ и предводителей ихъ, чартистовъ, и во многихъ городахъ Англіи (Бирмингэмѣ, Лондонѣ, Манчестерѣ) повторились насильственныя сцены прежнихъ лѣтъ. Въ Манчестерѣ былъ центръ дѣятельности чартистовъ. Здѣсь собрался громадный митингъ (въ немъ участвовало до 100 тысячъ человѣкъ) съ цѣлью услышать толкованія извѣстнаго предводителя чартистовъ Гунта о suffrage universel и о другихъ, интересовавшихъ рабочіе классы предметахъ. Вся эта масса людей собралась сюда безъ оружія, но съ знаменами, на которыхъ большими буквами были написаны слова: «suffrage universel», «ежегодный парламентъ», «тайная баллотировка», «отмѣна хлѣбныхъ законовъ», «союзъ и свобода», и пр. Вся эта масса въ совершеннѣйшемъ порядкѣ размѣстилась вокругъ трибуны президента, но едва только Гунтъ началъ свою рѣчь, какъ на народъ съ разныхъ сторонъ напали гу-

сары и конная милиція (yeomanry): до 500 человѣкъ рабочихъ было убито и ранено. Другихъ послѣдствій предложеніе Бэрдетта не имѣло. Послѣ этого еще неоднократно рабочіе пытались силою выйти изъ невыносимаго своего положенія. Но разсказывать обо всѣхъ этихъ попыткахъ нечего: характеръ и исходъ каждой изъ нихъ былъ совершенно одинаковъ. Въ случаѣ заговора, между заговорщиками находился всегда шпіонъ правительства, который открывалъ все дѣло, и заговорщики подвергались смертной казни (извѣстнѣе другихъ заговоръ Артура Тистльвуда, объявившаго, что онъ хочетъ отмстить правительству за манчестерскую бойню и ввести въ Англіи республику). Въ случаѣ открытаго сопротивленія рабочихъ, которое повторялось довольно часто въ Англіи, Шотландіи и Ирландіи, правительство приводило войска, и каждое такое подавленіе безпорядковъ опять сопровождалось казнями и ссылками. Исторія Англіи, начиная съ 1815-го года, изобилуетъ подобными печальными фактами. Въ половинѣ двадцатыхъ годовъ бѣдствія рабочаго класса Англіи еще болѣе усилились, такъ какъ въ это время къ обыкновеннымъ причинамъ бѣдственнаго его положенія присоединились еще причины чрезвычайныя: Незадолго передъ тѣмъ произошло освобожденіе южно-американскихъ колоній Испаніи и образованіе многихъ испано-американскихъ республикъ. Англійскіе негоціанты и мануфактуристы, ревностно отыскивавшіе новые рынки для сбыта своихъ фабричныхъ произведеній, составили себѣ самое фальшивое понятіе объ этихъ новыхъ государствахъ и надѣялись найти въ нихъ богатые рынки для сбыта своихъ произведеній. Образовались цѣлыя компаніи для торговли съ южной Америкой, отправлено было туда множество кораблей съ англійскими произведеніями, сдѣланы были огромные заказы на англійскихъ фабрикахъ, и т. д.; разсчитываютъ, что въ короткое время изъ Англіи было отправлено въ новыя республики товару болѣе, нежели на 100 мил. фунт. стерл. Между тѣмъ разсчеты англійскихъ негоціантовъ оказались совершенно невѣрными: товары ихъ не нашли себѣ сбыта въ бѣдныхъ и раззоряемыхъ междоусобицами государствахъ; корабли возвращались назадъ съ грузами, которыхъ не удалось сбыть за моремъ. Произошли страшные безпорядки въ дѣлахъ: торговцы банкрутились и отказывались отъ заказовъ, сдѣланныхъ ими на фабрикахъ; вслѣдствіе того на фабрикахъ останавливались работы, и не только что не было

новаго запроса на рабочія руки, но работники не получали даже платы за прошедшее время, за произведенную уже работу. Усилившаяся до крайнихъ предѣловъ бѣдность вызвала опять новыя движенія рабочихъ, новыя вмѣшательства властей, новыя наказанія. Но правительство и высшее общество все-таки не хотѣли думать ни о какихъ реформахъ въ общественномъ устройствѣ. Они оставались въ твердой увѣренности, что можно помочь злу милостыней и разными палліативными мѣрами. Поэтому снова были открыты подписки для облегченія бѣдствій рабочихъ классовъ, доставившія довольно значительныя суммы, которыя и были раздѣлены между рабочими; уменьшена была liste-civile, сдѣланы были нѣкоторыя облегченія въ налогахъ, и т. д. Но результаты всѣхъ этихъ мѣръ въ цѣломъ были такъ ничтожны, что объ нихъ собственно и не стоитъ говорить.

Попытки рабочихъ и друзей ихъ, чартистовъ, достигнуть улучшенія общественнаго положенія ихъ путемъ насильственнымъ оказались, какъ мы видѣли, несостоятельными. Всѣ движенія рабочихъ (лондонскія, манчестерскія, глесговскія) кончились полнѣйшей неудачей; еще неудачнѣе были попытки Тистльвуда и другихъ заговорщиковъ. Тогда сами рабочіе и истинные друзья ихъ увидѣли, что имъ нельзя ждать улучшенія своей участи отъ силы своихъ кулаковъ, и рѣшились искать другихъ путей для достиженія цѣли. Рабочіе стали прибѣгать къ системѣ стачекъ (strikes), къ такъ называемымъ союзамъ рабочихъ (trade's unions) и къ другимъ подобнымъ средствамъ. Наконецъ и сами чартисты, которые долгое время были руководителями всѣхъ движеній рабочихъ, о которыхъ мы говорили выше, пришли къ тому убѣжденію, что нельзя ожидать никакой перемѣны въ судьбѣ рабочихъ до тѣхъ поръ, пока вся матеріальная сила будетъ въ рукахъ ихъ противниковъ, пока они не будутъ имѣть никакихъ политическихъ правъ. Съ тѣхъ поръ между ними начинаетъ больше и больше приниматься мысль о пріобрѣтеніи народу мирнымъ путемъ политическихъ правъ, которыя въ свою очередь послужили бы для него средствомъ къ измѣненію общественныхъ условій въ интересѣ классовъ неимущихъ. Къ стачкамъ и рабочимъ союзамъ мы возвратимся впослѣдствіи, когда будемъ говорить о манчестерской школѣ.

Мы видѣли, какъ чартисты пытались достигнуть силою расши-

ренія правъ рабочаго сословія. Мы упоминали уже о попыткахъ Гунта, Тистльвуда и др. Уже въ то время нѣкоторые изъ нихъ пришли къ тому убѣжденію, что путемъ насилія трудно добиться чего нибудь, и также вступили на путь пропаганды. Но въ то время еще далеко не всѣ чартисты проникнулись этимъ убѣжденіемъ, и въ исторіи рабочихъ классовъ Англіи въ 19-мъ столѣтіи насчитывается еще не мало кровавыхъ страницъ. Такъ въ Манчестерѣ въ 1834 году произошло очень значительное движеніе рабочихъ, имѣвшее весьма плачевный исходъ. Въ 1839 году произошло одно изъ самыхъ значительныхъ чартистскихъ движеній—возстаніе, поднятое въ Уаллисѣ Фростомъ, Джонсомъ и Уильямсомъ. Но постоянно исходъ каждаго изъ подобныхъ движеній былъ одинаковъ и кончался полнѣйшей неудачей, казнями, ссылками и всяческимъ гоненіемъ партіи чартистовъ. Чартисты еще болѣе прежняго убѣдились, что, идя по стопамъ Гунта, Фроста, Уильямса и пр., они никогда не достигнутъ своихъ цѣлей и неминуемо должны придти къ висѣлицѣ; поэтому съ конца тридцатыхъ годовъ чартисты окончательно перемѣнили тактику.

Они стали стремиться къ доставленію всему англійскому народу политическихъ правъ и старались достигнуть этой цѣли посредствомъ распространенія по всей Англіи чартистскихъ идей. Въ началѣ сороковыхъ годовъ въ одномъ Лондонѣ насчитывалось не меньше 200 тысячъ чартистовъ; въ 370 городахъ Англіи ихъ было нѣсколько милліоновъ. Около этого времени въ парламентъ представлена была петиція чартистовъ, на которой было 3,317,702 подписи: петицію эту привезли въ парламентъ на особой телѣгѣ, въ сопровожденіи 20,000 лондонскихъ жителей, принявшихъ участіе въ подпискѣ. Эта петиція, свидѣтельствуя о многочисленности приверженцевъ чартизма въ Англіи, можетъ также служить образцомъ умѣренности требованій этой партіи, дошедшей тяжелымъ опытомъ до убѣжденія въ безполезности насилія. Составители прошенія старались придать ему чисто политическій характеръ и тщательно избѣгали всего, что могло напомнить прежній образъ дѣйствій чартистовъ: въ петиціи не было никакого призыва къ безпорядку, никакой угрозы противъ собственности. Требованія ограничивались только широкой парламентской реформой, всеобщей подачей голосовъ, тайной баллотировкой. Подписавшіе прошеніе напоминали законодателямъ страны, что духовенство получаетъ

въ Англіи изъ средствъ общества громадныя суммы (не менѣе 55 милліоновъ рублей), и вмѣстѣ съ тѣмъ они выставляли на видъ нищету трудящихся классовъ и совершенное равнодушіе законодательства къ усиливающемуся въ Англіи пауперизму. Парламентъ, одобрявшій постоянно самыя строгія мѣры противъ чартистовъ, дѣйствовавшихъ путемъ насилія, не съумѣлъ оцѣнить умѣренности новѣйшихъ требованій, и на ихъ прошеніе-монстръ не было обращено никакого вниманія. Главными руководителями чартизма въ новѣйшемъ видѣ его были работники Лоуэттъ и Винцентъ, журналистъ О'Бринъ, который въ 1849 году былъ сосланъ въ Австралію за попытку возмутить Ирландію, Фергюсъ О'Конноръ, Вудъ и др. Но эти новые руководители чартизма вдались въ крайность: исходя изъ весьма почтеннаго желанія достигнуть перерожденія общества политической реформой, они уже слишкомъ тщательно старались избѣгать всего, что могло полнѣе выразить весь объемъ ихъ желаній. Въ народной хартіи ихъ заключаются одни политическія требованія, и нѣтъ ни малѣйшаго намека на необходимость немедленнаго разрѣшенія общественныхъ затрудненій, доходившихъ до крайней степени. Въ народной хартіи своей они требовали: баллотировки, ежегодныхъ выборовъ, вознагражденія депутатовъ и уничтоженія избирательнаго ценза; всякій обитатель Великобританіи мужскаго пола долженъ былъ обладать правомъ голоса, если только онъ достигъ 21 лѣтняго возраста, если онъ находится въ здравомъ умѣ, если онъ не былъ осужденъ прежде за какіе нибудь безчестные поступки. Хартія, заключающая въ себѣ эти требованія, была подписана главнѣйшими вождями партіи чартистовъ. Далѣе этихъ требованій они не хотѣли идти. Когда въ началѣ сороковыхъ годовъ въ различныхъ мануфактурныхъ округахъ Англіи вновь произошли волненія, и когда многіе изъ работниковъ-чартистовъ обратились къ своимъ единомышленникамъ съ манифестомъ, въ которомъ приглашали помочь возставшимъ братьямъ, предводители чартистовъ поспѣшили отречься отъ этого манифеста и высказали формальное неодобреніе насильственныхъ дѣйствій рабочихъ. Во время вышеупомянутаго движенія на одномъ изъ знаменъ работниковъ можно было прочесть слѣдующій девизъ, который очень вѣрно выражаетъ умѣренныя требованія рабочихъ: «достаточная заработная плата въ замѣнъ необременительнаго труда». Но предводители чартистовъ, испуганные неудачами двадца-

тыхъ и тридцатыхъ годовъ, не обратили должнаго вниманія на этотъ девизъ, на эту сторону требованій народа, и продолжали преслѣдовать чисто политическія цѣли, строго удаляя изъ своихъ требованій все, что могло касаться непосредственно рабочаго вопроса. Этимъ обстоятельствомъ и объясняется неуспѣшность ихъ дѣйствій за послѣдніе два десятилѣтія: массу рабочихъ они отъ себя оттолкнули тѣмъ, что упорно отказывались преслѣдовать какую либо цѣльную общественную реформу; а лишившись содѣйствія ихъ, они не могли добиться ни одной сколько нибудь значительной политической реформы; и теперь они стоятъ съ своими требованіями на той же точкѣ, на которой стояли лѣтъ 25 тому назадъ во время изданія народной хартіи. А между тѣмъ другіе успѣли искусно воспользоваться настроеніемъ рабочихъ массъ, высказавшимся въ вышеприведенномъ нами девизѣ, и эксплуатировать его сообразно съ своими интересами: такъ именно поступили, какъ мы увидимъ дальше, основатели и послѣдователи манчестерской школы.

Такимъ образомъ и старанія самихъ рабочихъ выйти изъ невыносимаго своего положенія, и попытки отдѣльныхъ личностей и цѣлыхъ партій вывести ихъ изъ этого положенія были весьма неудачны. Или самыя лица и партіи вступали на ложный путь, или онѣ были слишкомъ слабы. Какимъ же образомъ смотрѣли на дѣло сами правители страны, и въ какомъ видѣ представлялась имъ возможность разрѣшенія общественнаго вопроса?

Постоянныя волненія, не прекращавшіяся между англійскимъ пролетаріатомъ въ теченіи многихъ лѣтъ, не могли не обратить на себя вниманія привилегированныхъ лицъ и сословій, которымъ издавна принадлежала монополія правительственной и законодательной власти. Сначала они вообразили, что волненія эти производятся только анархистами, людьми потерявшими нравственность. Поэтому они, какъ мы видѣли, старались положить конецъ этимъ бунтамъ посредствомъ казней и ссылокъ. Но мѣры эти оказались недѣйствительными—возстанія рабочихъ не прекращались. Тогда задумали помочь злу раздачею милостыни—правители, министры, богатые лорды, крупные капиталисты начали удѣлять отъ своихъ избытковъ крохи въ пользу нуждающихся рабочихъ. Но и милостыня оказалась средствомъ недостаточнымъ для исправленія того зла, которое причинила англійскимъ рабочимъ классамъ безумная

конкуренція и скопленіе капиталовъ въ немногихъ рукахъ. Но наконецъ привилегированные законодатели Англіи пришли къ сознанію, что существующее законодательство, которому имущіе классы главнымъ образомъ обязаны были своимъ настоящимъ положеніемъ, не можетъ оставаться неизмѣннымъ, и что въ законахъ, относящихся къ положенію рабочихъ классовъ, должны быть произведены какія нибудь перемѣны. Съ этихъ поръ главная забота среднихъ классовъ, имѣющихъ интересы діаметрально противоположные интересамъ рабочихъ, состояла въ томъ, чтобы взять инициативу законодательныхъ реформъ въ свои руки, и устроить дѣло такимъ образомъ, чтобы при этихъ реформахъ главнымъ образомъ соблюдены были интересы владѣющихъ классовъ. Старанія ихъ не оставались безплодными. Въ англійскихъ палатахъ, послѣ болѣе или менѣе упорной борьбы, принимаемы были различные законы, имѣвшіе повидимому цѣлью произвести улучшенія въ общественномъ положеніи рабочихъ классовъ, но на дѣлѣ очень мало улучшавшіе это положеніе и въ большей части случаевъ приносившіе пользу скорѣе среднимъ классамъ, фабрикантамъ и торговцамъ, нежели рабочимъ. Къ таковымъ законодательнымъ мѣрамъ относятся законы объ уменьшеніи рабочихъ часовъ на фабрикахъ, реформы въ законахъ о бѣдныхъ, различныя попытки парламентскихъ реформъ, и наконецъ знаменитый законъ объ отмѣнѣ пошлины на хлѣбъ. О послѣднемъ изъ этихъ законовъ мы будемъ говорить подробнѣе, когда намъ придется возвратиться къ ученію манчестерской школы; точно также и о биллѣ о реформѣ и законахъ объ уменьшеніи рабочихъ часовъ на фабрикахъ, по скольку эти законодательныя мѣры находятся въ связи съ ученіемъ манчестерской школы. Здѣсь мы скажемъ только объ отношеніи къ этимъ вопросамъ собственно англійскаго правительства, виговъ и торіевъ, лордовъ верхней палаты и т. д.

Изъ всѣхъ упомянутыхъ нами законовъ, законъ объ уменьшеніи рабочихъ часовъ на фабрикахъ болѣе другихъ могъ бы способствовать улучшенію положенія рабочихъ классовъ: если бы дѣйствительно рабочимъ удалось достигнуть того, чтобы хозяева фабрикъ, не уменьшая заработной платы, не заставляли ихъ работать по 12-ти и 13-ти часовъ въ сутки, то и это было бы для нихъ важнымъ пріобрѣтеніемъ. Но привилегированные члены англійскихъ палатъ постоянно съ особеннымъ неистовствомъ возста-

вали противъ всякаго предложенія, клонившагося къ этой цѣли. Если они вообще допускали какое-нибудь вмѣшательство въ законодательство касательно рабочихъ часовъ на фабрикахъ, то они непремѣнно хотѣли ограничить это вмѣшательство регулированіемъ работы дѣтей на фабрикахъ. Съ развитіемъ машинной работы особенно усилился въ англійскихъ мануфактурахъ запросъ на рабочія руки дѣтей. Особенной физической силы при многихъ видахъ машинной работы вовсе не требовалось, а нуженъ былъ только внимательный глазъ и проворныя руки—а этимъ условіямъ работа дѣтей вполнѣ удовлетворяла. А такъ какъ заработная плата для невзрослаго работника во всякомъ случаѣ была гораздо меньше, чѣмъ для взрослаго, то владѣтели мануфактуръ давали у себя на фабрикахъ все большее и большее мѣсто работѣ дѣтей. Съ другой стороны землевладѣтели и сельскія общины, воспитательные дома и пріюты были очень довольны, что такимъ дешевымъ путемъ могутъ свалить съ себя заботу о прокормленіи такого множества дѣтей, и охотно отдавали ихъ на фабрики. Мануфактуристы эксплуатировали самымъ безпощаднымъ образомъ дѣтскую работу; оправдываясь тѣмъ, что работа дѣтей на фабрикахъ очень легкая, они заставляли ихъ работать чуть ли не столько же часовъ, сколько находились въ дѣйствіи паровыя машины, т. е. отъ 12-ти до 15-ти часовъ въ сутки. Оуэнъ одинъ изъ первыхъ возсталъ противъ этой безчеловѣчной эксплуатаціи дѣтскаго труда. По его настоянію сэръ Робертъ Пиль (отецъ знаменитаго впослѣдствіи министра), находившійся съ нимъ въ весьма дружественныхъ отношеніяхъ, поднялъ вопросъ этотъ въ парламентѣ, не смотря на то, что самъ былъ мануфактуристомъ. 6-го іюня 1815 года Пиль изобразилъ передъ палатой депутатовъ печальную картину положенія дѣтей на фабрикахъ; онъ описалъ физическія страданія дѣтей, низкую степень ихъ нравственнаго развитія, и требовалъ, чтобы законодательство взяло на себя обязанность помочь этому злу. Требованія его простирались очень недалеко: онъ требовалъ, чтобы время работы для дѣтей было ограничено 10-ю часами и чтобы имъ дано было по $2^1/_2$ часа въ день на обѣдъ и на посѣщеніе школы. Несмотря на умѣренность этихъ требованій, представители мануфактурныхъ интересовъ въ парламентѣ энергически возстали противъ предложенія Пиля-отца. Они опирались на то, что никто не можетъ отнять у нихъ права покупать трудъ какъ можно дешевле;

они увѣряли, что сокращеніе рабочаго времени дѣтей будетъ имѣть непремѣннымъ послѣдствіемъ сокращеніе рабочаго времени взрослыхъ и всей фабрики вообще, такъ какъ работа дѣтей находится въ самой тѣсной связи съ другими работами на фабрикѣ; а по ихъ понятіямъ подобное сокращеніе грозило бы страшною гибелью всей англійской промышленности и давало бы огромный перевѣсъ иностраннымъ мануфактурамъ. А когда среди жаркихъ преній объ этомъ предметѣ Пиль-отецъ пошелъ немного дальше своего первоначальнаго предложенія и потребовалъ, чтобы законъ ограничилъ также число рабочихъ часовъ взрослыхъ фабричныхъ работниковъ, онъ встрѣтилъ еще большее сопротивленіе. Мануфактуристы, экономисты-теоретики, постоянно стоящіе на сторонѣ капитала, умѣренные либералы, яростные противники всякой либеральной и гуманной мѣры—всѣ они и слышать не хотѣли объ исполненіи требованій Пиля: они по обыкновенію пустились толковать о свободной конкуренціи и о свободѣ труда, которая будто бы пострадаетъ при подобномъ вмѣшательствѣ закона; они съ негодованіемъ возставали противъ того, чтобы законъ бралъ подъ свою опеку взрослыхъ людей, «которые обладаютъ достаточной свободой для того, чтобы защищать самихъ себя». Ихъ поддержали и земельные лорды, и предложеніе Пиля объ ограниченіи работы взрослыхъ безусловно было отвергнуто: что же касается до предложенія о работѣ дѣтей, то ему нужно было не менѣе четырехъ лѣтъ для того, чтобы сломить сопротивленіе палаты: не ранѣе какъ въ 1819 году принятъ былъ предложенный еще въ 1815 году законъ, ограничивавшій работу дѣтей на фабрикахъ десятью часами Послѣ того въ продолженіи 25-ти лѣтъ вопросъ этотъ не сдѣлалъ ни одного шагу впередъ, не смотря на то, что бѣдственное положеніе англійскаго рабочаго стало очевидно для всякаго. Мануфактуристы, ревниво оберегавшіе свои интересы, ловко умѣли отвлекать отъ этого предмета вниманіе палаты и правительства посредствомъ различныхъ вопросовъ о парламентской реформѣ, и т. д. Не ранѣе какъ въ 1844 году вопросъ о числѣ рабочихъ часовъ на фабрикахъ снова былъ поднятъ въ парламентѣ. Одинъ изъ парламентскихъ радикаловъ, сэръ Джемсъ Грэмъ, завелъ снова рѣчь объ этомъ вопросѣ, предложивши произвести нѣкоторыя измѣненія въ законодательствѣ по этому предмету. Онъ хотѣлъ, чтобы для дѣтей отъ 9-ти до 13-ти лѣтъ число рабочихъ

часовъ ограничено было шестью съ половиной, чтобы для дѣтей и молодыхъ людей обоего пола отъ 13-ти до 18-ти лѣтъ, также для женщинъ вообще, число это не превышало 12-ти, и чтобы приняты были мѣры для школьнаго образованія дѣтей работающихъ на фабрикахъ. На этотъ разъ случилось то же, что и въ 1815 году послѣ предложенія Пиля-отца: во время преній нѣкоторые изъ реформаторовъ ушли далѣе, нежели предполагали въ началѣ, и предложены были болѣе радикальныя мѣры. Нѣкто лордъ Эшли потребовалъ, чтобы число рабочихъ часовъ на фабрикахъ для всѣхъ взрослыхъ, мужчинъ и женщинъ, ограничено было 10-ю; а Фильденъ хотѣлъ довести это ограниченіе до 8-ми часовъ. «Философы, говорилъ онъ, раздѣляютъ день на три періода: 8-мь часовъ труда, 8-мь часовъ отдохновенія и 8-мь часовъ сна; я желалъ бы, чтобы законодательство наше руководствовалось тѣмъ же самымъ принципомъ». Сэръ Робертъ Пиль (сынъ), глава тогдашняго министерства торіевъ, энергически отвергалъ всѣ эти предложенія во имя личной свободы и интересовъ національной промышленности; онъ прибѣгалъ къ тѣмъ же аргументамъ, съ помощью которыхъ мануфактуристы опровергали въ 1815 году предложенія отца его, и увѣрялъ, что предложенное уменьшеніе рабочихъ часовъ отняло бы у мануфактуристовъ семь рабочихъ недѣль въ году: «а этого, говорилъ онъ, нельзя допустить въ интересахъ отечественной промышленности, которая въ такомъ случаѣ не въ состояніи была бы выдержать иностранной конкуренціи; подобной жертвы не можетъ требовать никакое человѣколюбіе». Но въ эту минуту торіи были недовольны своимъ главою, и въ пику ему 80 членовъ этой партіи подали голосъ вмѣстѣ съ оппозиціей противъ предложенія министерства (объ оставленіи законодательства по этому предмету безъ измѣненія) и въ пользу перваго чтенія билля Эшли. Робертъ Пиль не хотѣлъ стерпѣть подобной неудачи. Два мѣсяца спустя послѣ принятія билля лорда Эшли, министерство само представило законъ, опредѣляющій количество рабочихъ часовъ на фабрикахъ. Въ законѣ этомъ предлагались нѣкоторыя незначительныя измѣненія противъ прежняго порядка вещей, но число рабочихъ часовъ для дѣтей, молодыхъ людей и женщинъ оставалось при двѣнадцати.

Прежде нежели приступлено было къ подачѣ голосовъ по этому предмету, Робертъ Пиль повторилъ все то, что онъ уже

«объяснилъ палатѣ по поводу предложенія лорда Эшли, и закончилъ рѣчь свою слѣдующимъ надменнымъ внушеніемъ палатѣ: «Обязанность наша состоитъ въ томъ, чтобы съ одинаковою заботливостью относиться ко всѣмъ торговымъ, политическимъ, соціальнымъ и моральнымъ интересамъ всѣхъ классовъ нашего обширнаго государства... и мы болѣе васъ (членовъ палаты) способны оцѣнить ихъ и не забыть ни одного изъ нихъ. Мы (министры) исполнимъ нашу обязанность. Я протестую противъ той доктрины, что мы должны уступить потому, что такова народная воля. Если мы убѣждены въ томъ, что извѣстныя требованія противорѣчатъ народнымъ интересамъ, мы съумѣемъ устоять противъ нихъ. Если палата не раздѣляетъ моего воззрѣнія на это дѣло, если вы считаете необходимымъ произвести этотъ опытъ надъ національнымъ трудомъ, или если вы считаете неизбѣжною эту уступку народнымъ желаніямъ, то поступайте, какъ знаете. Но я считаю необходимымъ предупредить васъ, что если вы поступите такимъ образомъ (а я думаю, что вы не можете поступить иначе, если только желаете оставаться послѣдовательными самимъ себѣ), то вы должны будете избрать другихъ руководителей, которые лучше, нежели настоящее министерство, могли бы повести васъ по этому пути». Палата, вопреки ожиданіямъ Пиля, не осталась послѣдовательною самой себѣ. Она выказала гораздо болѣе рабскія наклонности, нежели какія предполагалъ въ ней надменный тори, стоявшій во главѣ министерства; она испугалась строгаго внушенія перваго министра и угрозъ его сложить съ себя управленіе страною: второе чтеніе билля лорда Эшли было отвергнуто большинствомъ 138 голосовъ, и предложеніе министерства касательно 12-ти-часовой работы на фабрикахъ было принято. Уже три года спустя, когда земельные лорды были до крайности раздражены побѣдою мануфактуристовъ въ вопросѣ объ отмѣнѣ хлѣбной пошлины, они, на зло имъ, рѣшились вотировать въ пользу ограниченія рабочихъ часовъ на фабрикахъ, и такимъ образомъ въ 1847 году прошелъ въ палатахъ, не смотря на сопротивленіе мануфактуристовъ, предложенный радикалами и поддержанный торіями билль о десяти-часовой работѣ на фабрикахъ. Въ силу этого закона, дѣти отъ 8 до 13-лѣтняго возраста не должны были работать на фабрикахъ болѣе $6^1/_2$ часовъ; дѣти и молодые люди отъ 13 до 18 лѣтъ и женщины—не болѣе 10 ча-

совъ въ сутки. Хотя насчетъ взрослыхъ рабочихъ законъ ничего не говорилъ, однако и для нихъ рабочее время было ограничено, такъ какъ, по словамъ самихъ мануфактуристовъ, работа взрослыхъ мужчинъ самымъ тѣснымъ образомъ связана съ работой женщинъ и дѣтей. Но мануфактуристы, такъ долго и такъ энергически противившіеся проведенію этого закона, теперь, когда вопреки сопротивленію ихъ онъ былъ принятъ, не думали подчиняться ему. Открытаго сопротивленія противъ него они разумѣется не показывали, но они обнаружили необыкновенную изобрѣтательность, когда нужно было отыскивать средства обходить его. Такъ, напримѣръ, владѣтель двухъ фабрикъ въ одной и той же мѣстности заставлялъ женщинъ и дѣтей работать попеременно по нѣсколько часовъ на каждой изъ своихъ фабрикъ; въ случаѣ, если у одного владѣтеля не было двухъ фабрикъ, два владѣльца входили для этой цѣли между собою въ сдѣлку. Буква закона была соблюдена: женщины и дѣти никогда не работали на одной фабрикѣ болѣе узаконеннаго числа часовъ, а между тѣмъ общее число рабочихъ часовъ ихъ значительно превышало законную цифру. Случаются и другія остроумныя уловки, посредствомъ которыхъ экономные фабриканты обходятъ букву ненавистнаго имъ закона; а рабочіе, конечно, соглашаются на все за себя, за женъ и за дѣтей своихъ, боясь, чтобы въ случаѣ сопротивленія уловкамъ мануфактуристовъ, имъ и семействамъ ихъ не пришлось остаться совсѣмъ безъ работы: они такимъ образомъ сами помогаютъ фабрикантамъ обходить законъ, имѣющій цѣлью улучшеніе положенія рабочаго. Итакъ эта законодательная мѣра, которая повидимому еще болѣе другихъ дѣйствій англійскаго законодательства могла бы способствовать облегченію бѣдственнаго положенія рабочихъ классовъ, обращается въ ничто вслѣдствіе жадности и изобрѣтательности работодателей, при помощи вынужденнаго содѣйствія, оказываемаго имъ со стороны самихъ рабочихъ.

Англійскіе законодатели сочли также необходимымъ заняться существующими въ Англіи законами о бѣдныхъ и произвести въ этомъ дѣлѣ реформы, которыя, по ихъ мнѣнію, должны были положить предѣлъ развивающемуся въ Англіи пауперизму. Въ Англіи законы о бѣдныхъ существовали въ теченіе трехъ столѣтій почти безъ всякихъ перемѣнъ. Въ силу этихъ законовъ бѣдность давала право на вспомоществованіе общества, а благотворитель-

ность была какъ бы административной обязанностью. Помощь, оказываемая въ силу этихъ законовъ имущими неимущимъ, считалась въ нѣкоторомъ родѣ вознагражденіемъ послѣднимъ за обширныя привилегіи, которыми пользовались первые. Благотворительность, предписываемая закономъ, была въ глазахъ страны какъ бы логическимъ слѣдствіемъ территоріальныхъ привилегій и промышленныхъ монополій. Каждый приходъ обязанъ былъ содержать своихъ бѣдныхъ. Въ случаѣ, если онъ отказывался отъ исполненія этой обязанности, то его можно было принудить къ этому путемъ закона; и дѣйствительно, не разъ затѣвались процессы, то со стороны бѣдныхъ, которые требовали вспомоществованій прихода, то со стороны приходовъ, которые не хотѣли причислить тѣхъ или другихъ своихъ членовъ къ числу лицъ, нуждающихся въ общественной благотворительности. Изъ оффиціальныхъ источниковъ видно, что въ 1776 г. бѣдные получали изъ общественныхъ кассъ приходовъ 1.700,000 ф. ст.; въ 1801 г., при населеніи въ 9 милл. душъ, эта сумма достигла 4 милл.; въ 1818 г., при населеніи въ 12 милл., эта сумма удвоилась, и равнялась 8 милл.; съ тѣхъ поръ до 1833 года она увеличилась немного, и въ этомъ году составляла немного менѣе 9 милл. ф. ст.; число бѣдныхъ, пользовавшихся вспомоществованіемъ изъ этой суммы, равнялось 1. 300,000 человѣкъ (всѣ эти цифры относятся только къ Англіи собственно, Ирландія и Шотландія при этомъ не идутъ въ счетъ). При такомъ положеніи дѣла законодатели Англіи обратили вниманіе на этотъ вопросъ. Руководствуясь извѣстными доктринами экономистовъ-либераловъ, враговъ всякаго вмѣшательства государства въ экономическую жизнь страны и поборниковъ абсолютной экономической свободы, онк пришли къ заключенію, что благотворительность безнравственна и вредна для государства: милостыня, говорили они, унижаетъ того, кто получаетъ ее. Они увѣряли, что если извѣстные классы общества присвоятъ себѣ монополію владѣнія землею и капиталами и потомъ будутъ удѣлять отъ избытковъ своихъ тѣмъ классамъ, у которыхъ они отняли возможность сдѣлаться собственниками, то они этимъ страшно унизятъ тѣхъ, которые получатъ «милостыню». Имъ и въ голову не приходило, что присвоивши себѣ такія страшныя монополіи, они гораздо скорѣе пользовались милостынею, нежели тѣ, которые оставляли за ними эту монополію. Экономисты-либералы, взявшіе

на себя роль законодателей англійскаго народа, оставались чужды подобнымъ соображеніямъ. Они задались тою мыслью, что такъ называемая ими милостыня унизительна, что ею пользуются только отъявленные лѣнтяи и негодяи, наровящіе пожить на чужой счетъ, и они рѣшились положить конецъ этому злу. Въ 1834 году парламентъ занялся реформой законовъ о бѣдныхъ. Законъ о бѣдныхъ, существовавшій еще со временъ Елисаветы, былъ отмѣненъ, и изданъ новый. Въ силу этого новаго закона приходы не должны были болѣе раздавать денежныхъ пособій и оказывать вспомоществованія неимущимъ на дому; вмѣсто того, для помощи бѣднымъ приходы должны были устроивать особенные пріюты, извѣстные подъ именемъ рабочихъ домовъ (work-house), въ которыхъ неимущій, взамѣнъ своего труда, долженъ былъ получать помѣщеніе, пищу и одежду. Мысль эта сама по себѣ была бы довольно недурна. Правда, люди имущіе отказывались удѣлять избытки свои неимущимъ даромъ и требовали, чтобы взамѣнъ оказываемаго вспомоществованія бѣднякъ, пользующійся этимъ вспомоществованіемъ, на нихъ работалъ. Но съ этимъ можно бы еще примириться, если бы новые рабочіе дома были устроиваемы на разумныхъ и гуманныхъ основаніяхъ. Но это не входило въ разсчеты экономистовъ-законодателей. Издавая законы на счетъ рабочихъ домовъ, они не хотѣли дать имъ разумнаго устройства, боясь, чтобы они въ такомъ случаѣ не переполнились ищущими работы и чтобы учредителямъ рабочихъ домовъ не пришлось заботиться о доставленіи работы слишкомъ значительному количеству людей. Поэтому они постарались придумать такія правила относительно работы въ рабочихъ домахъ, чтобы какъ можно болѣе отбить охоту поступать въ эти дома. Такъ, напримѣръ, они совершенно отдѣлили мужчинъ отъ женщинъ и сдѣлали такимъ образомъ семейную жизнь невозможною въ этихъ рабочихъ домахъ. Это обстоятельство и другія строгія правила, наблюдавшіяся при поступленіи бѣдныхъ въ рабочіе дома, достигли желаемой цѣли: когда одному милліону тремъ стамъ тысячъ бѣдняковъ пришлось выбирать между тяжелою принудительностью рабочихъ домовъ и совершенною нищетой, только 600 тысячъ человѣкъ рѣшились воспользоваться новымъ закономъ и подчиниться строгимъ правиламъ рабочихъ пріютовъ. Вслѣдствіе этого сумма, истрачиваемая въ Англіи на общественную благотворительность, къ великому удовольствію экономистовъ,

въ первый же годъ существованія новаго закона спала съ 9 милл. на 4 милл. ф. ст. Что же касается до остальныхъ 700 тысячъ бѣдныхъ, они предпочли искать въ такъ называемомъ свободномъ трудѣ, т. е. въ работѣ на частныхъ фабрикахъ, жалкихъ средствъ къ существованію, въ которыхъ отказывало имъ общество. Отъ этого предложеніе рабочихъ рукъ на фабрикахъ вдругъ значительно увеличилось: нѣсколько сотъ тысячъ, которые до сихъ поръ имѣли какія нибудь, хотя бы самыя ничтожныя средства къ существованію, должны были искать работы на какихъ бы то ни было условіяхъ. Фабриканты разумѣется тотчасъ же воспользовались этимъ, для того, чтобы сильно понизить задѣльную плату, и бѣдственное положеніе фабричнаго населенія Англіи страшно увеличилось. Тикимъ образомъ эта попытка вмѣшательства привилегированныхъ законодателей Англіи въ устройство судьбы рабочихъ классовъ принесла имъ одни только новыя бѣдствія. Тутъ не нужно было даже извращать и обходить букву закона, какъ въ положеніи относительно рабочихъ часовъ на фабрикахъ: въ настоящемъ случаѣ самый законъ созданъ былъ такъ, что долженъ былъ непремѣнно служить не къ улучшенію, а къ ухудшенію положенія рабочихъ классовъ Англіи.

Болѣе всего мнимые либералы и друзья народа носились съ важной законодательной реформой 1832 года—съ реформой о парламентскомъ представительствѣ. Когда имъ нужно было указать на примѣръ торжества либеральныхъ идей, или когда рѣчь заходила о необходимости соціальной реформы, они указывали на знаменитый билль о парламентской реформѣ 1832 года. А между тѣмъ эта реформа точно также мало способствовала улучшенію положенія рабочихъ классовъ въ Англіи, какъ и выше приведенныя нами мѣры. Средніе промышленные классы только эксплуатировали народъ, когда они поддерживали въ немъ агитацію въ пользу избирательной реформы, которая должна была принести пользу однимъ только среднимъ классамъ, а вовсе не массѣ народа. Добившись при помощи агитаціи, поддерживаемой въ народѣ, реформы 1832 года, и получивши вслѣдствіе этой реформы важное мѣсто въ законодательствѣ, средніе классы воспользовались этимъ пріобрѣтеніемъ для изданія такихъ законовъ, какъ законъ 1834 года о рабочихъ домахъ. А между тѣмъ во время борьбы за избирательную реформу, либералы эти кричали на всѣхъ перекресткахъ, что

они только и заботятся объ интересахъ промышленнаго, т. е. рабочаго населенія страны.

Съ распространеніемъ пауперизма въ Англіи мысль о вопіющей несправедливости существующаго въ Англіи порядка сильно укоренилась въ народѣ. Англійскаго простолюдина, которому приходилось претерпѣвать всевозможныя лишенія и бѣдствія, не могъ не поразить тотъ фактъ, что вся земля въ странѣ находится въ рукахъ нѣсколькихъ сотъ семействъ, которыя пользуются съ нея огромными доходами и почти ничего за это не платятъ, и что кромѣ того, въ силу этого же самаго владѣнія землею, эти же немногіе счастливцы предписываютъ законы цѣлой странѣ. Онъ видѣлъ очень хорошо, что прославленныя богатство и могущество Англіи ограничиваются богатствомъ и могуществомъ только весьма немногихъ лицъ—земельной аристократіи и приближенной къ нимъ денежной и духовной аристократіи, а что огромное большинство націи находится въ крайней бѣдности, которая все болѣе и болѣе увеличивалась. Всѣ неимущіе классы очень хорошо понимали, что до тѣхъ поръ, пока будетъ существовать такой порядокъ вещей, они будутъ осуждены на фатальную неподвижность, и что до тѣхъ поръ имъ нечего ожидать улучшенія своего положенія въ будущемъ. Тори и другіе привилегированные классы Англіи постоянно старались увѣрить народъ, что такъ и должно быть, что между привилегированными лицами и массою народа необходимо слѣдуетъ быть перегородкамъ, что конституція Англіи обладаетъ возможной степенью совершенства, что нѣтъ никакой надобности производить въ ней радикальныя измѣненія, и что достаточно только отнять одинъ камень въ зданіи британской конституціи, для того, чтобы распшатать все зданіе. Долгое время имъ удавалось удерживать весь англійскій народъ въ этомъ заблужденіи. Но послѣ 1815 года, когда и до англійскаго народа стали доходить идеи новаго времени, выработанныя европейской исторіей, и когда положеніе рабочихъ классовъ стало особенно невыносимо, низшіе классы народа стали обращаться съ своими требованіями къ классамъ привилегированнымъ. Стали образовываться политическія общества, происходили бурные митинги, въ которыхъ объявлялось, что народъ долженъ стремиться къ достиженію полной реформы въ конституціи, къ пріобрѣтенію рабочими классами свободы и политическихъ правъ. Тори и союзники ихъ рѣшились энергически от-

стаивать свои привилегіи. Они положили безпощадно отвергать всякія реформы, большія и малыя, прямыя и косвенныя, потому что увѣрены были, что имъ стоитъ только подать своимъ антагонистамъ одинъ мизинецъ, для того, чтобы тѣ захватили цѣлую руку. Они считали необходимымъ противиться тому, что они называли наплывомъ демократическихъ идей и революціонныхъ стремленій. Они занимали такое выгодное положеніе въ странѣ и въ правительствѣ, что имъ можно было выдерживать долгую и упорную борьбу. На ихъ сторонѣ стояли такіе люди, какъ Веллингтонъ и Пиль, которые, хотя порой и отличались замѣчательной узкостью взглядовъ, но за то пользовались огромнымъ вліяніемъ. Кромѣ того враги реформы дѣйствовали съ полнымъ сознаніемъ своей силы, съ величайшимъ презрѣніемъ къ своимъ противникамъ, съ необыкновеннымъ единодушіемъ и съ ясно сознанною цѣлью: все это давало имъ большое превосходство надъ ихъ противниками и обѣщало имъ успѣхъ въ борьбѣ съ народными стремленіями. Народныя массы напротивъ никакъ не могли согласиться для общаго дѣйствія; реформистскія собранія въ Лондонѣ, Манчестерѣ, Бирмингэмѣ дѣйствовали болѣе или менѣе изолированнымъ образомъ, и самый планъ составить постоянный политическій совѣтъ, который приводилъ бы въ гармонію политическія требованія народа и направлялъ бы движеніе, не состоялся: такимъ образомъ въ началѣ дѣятельность реформистскихъ ассоціацій обнаруживалась преимущественно представленіемъ многочисленныхъ, но безсильныхъ петицій парламенту. Когда же кто нибудь изъ друзей радикальной политической реформы обращался съ предложеніемъ къ парламенту, это вызывало страшную бурю, и онъ испытывалъ совершеннѣйшее фіаско. Мы упоминали выше о предложеніи сэра Френсиса Бэрдетта, предлагавшаго парламенту распространить политическія права на весь народъ посредствомъ введенія suffrage universel, ежегодныхъ выборовъ и тайной подачи голосовъ. Это предложеніе, какъ мы сказали, не было даже подвергнуто серьезному разсмотрѣнію палаты. О негодованіи торіевъ при внесеніи подобнаго предложенія нечего и говорить, но умѣренные либералы пришли въ ужасъ отъ требованій Бэрдетта. Сторонники мудраго и раціональнаго прогресса, объявляли они, могутъ допустить принципъ парламентской реформы, но предложеніе Бэрдетта до того радикально по формѣ и по содержанію своему, что должно было испугать самые

смѣлые умы, самыхъ прогрессивныхъ людей (!). Эти умѣреннѣйшіе изъ умѣренныхъ либераловъ готовы были допустить, что измѣненія въ организаціи парламента необходимы, потому что съ самаго учрежденія парламента въ организаціи этой не было сдѣлано никакихъ измѣненій. Они еще во времена Питта начали поговаривать объ этихъ измѣненіяхъ, но тогда имъ объявили, что борьба съ Наполеономъ должна обратить на себя все вниманіе страны, и что не время толковать о реформѣ въ конституціи Когда же мысль о необходимости обширной реформы въ законодательствѣ страны начала все болѣе и болѣе распространяться въ массѣ народа, когда сдѣлано было радикальное предложеніе Бэрдетта, когда населеніе выказало сочувствіе къ стремленіямъ, имъ высказаннымъ, и начались движенія чартистовъ, умѣренные либералы, принадлежавшіе преимущественно къ среднимъ классамъ, рѣшили взять на себя иниціативу парламентской реформы, ввести ее въ тѣ предѣлы, которые будутъ согласны съ видами и выгодами среднихъ классовъ, оттереть отъ этого дѣла низшіе классы народа, и вообще повести это дѣло въ интересахъ однихъ только фабрикантовъ и лавочниковъ. Они вполнѣ достигли своей цѣли. Съ 1822 года, когда виги, играющіе въ англійскомъ парламентѣ и обществѣ роль либераловъ, взяли на себя роль представителей желаній и интересовъ всего народа и проводниковъ парламентской реформы, уже не было слышно о настоящихъ реформахъ, о существенныхъ измѣненіяхъ въ англійскомъ государственномъ устройствѣ, хотя бы въ томъ видѣ, какъ то предлагалъ Бэрдеттъ. Съ этихъ поръ весь вопросъ состоялъ въ томъ, кто будетъ имѣть большее значеніе въ законодательствѣ—денежная или родовая аристократія, капиталисты или крупные землевладѣльцы. Аристократы, ревниво оберегавшіе свои привилегіи противъ посягательствъ Бэрдетта и чартистовъ, теперь почти столько же ревниво оберегали ихъ и противъ новыхъ соперниковъ своихъ—фабрикантовъ и лавочниковъ. Борьба была упорная и продолжалась не менѣе 10 лѣтъ (1822—1832). Но въ этой борьбѣ интересы массы народа оставлены были совершенно въ сторонѣ. А между тѣмъ парламентскимъ либераламъ удалось обмануть народъ и увѣрить его въ томъ, что преслѣдуя парламентскую реформу, они стоятъ за интересы всего народа. Поэтому въ начавшейся послѣ 1822 года борьбѣ за парламентскую реформу, народъ стоялъ на сторонѣ виговъ, какъ

бы ожидая и себѣ какой нибудь отъ нея пользы. Когда вигамъ нужно бывало устроить народную манифестацію для приданія большей силы тому или другому изъ своихъ требованій, народныя массы, введенныя въ заблужденіе мнимою заботливостью о нихъ «друзей реформы», охотно соглашались производить манифестаціи. Уже впослѣдствіи, послѣ проведенія билля о парламентской реформѣ, низшіе классы народа увидѣли, что они своими руками загребали жаръ для другихъ; но во все время борьбы они стояли на сторонѣ среднихъ классовъ противъ аристократіи.

Въ 1822-мъ году юный, но подававшій блестящія надежды, членъ партіи виговъ, лордъ Джонъ Россель, внесъ въ нижнюю палату первое предложеніе виговъ о парламентской реформѣ. Онъ потребовалъ, чтобы большіе города Великобританіи посылали въ парламентъ до 100 представителей, и чтобы число представителей такъ называемыхъ гнилыхъ мѣстечекъ уменьшено было на половину. Это крайне умѣренное предложеніе было горячо оспариваемо; въ особенности отличался тутъ министръ Каннингъ. Онъ указывалъ палатѣ на примѣръ «великаго Питта», который глядѣлъ на политическія права, какъ на частную собственность, и предлагалъ назначить выкупную сумму для вознагражденія владѣтелей мѣстечекъ за утрату голоса въ парламентѣ. Великій государственный мужъ этотъ умолялъ палату воспротивиться осуществленію политическихъ мечтаній, и прибавилъ, что благоразумный человѣкъ никакъ не станетъ заниматься отыскиваніемъ разныхъ политическихъ улучшеній. Парламентъ вполнѣ согласился съ Каннингомъ, и противъ предложенія Росселя въ нижней палатѣ оказалось большинство сотни голосовъ; въ верхней палатѣ большинство это было разумѣется еще значительнѣе. Но все-таки замѣтно было, что съ тѣхъ поръ, какъ виги взяли въ руки дѣло парламентской реформы, дѣло это значительно подвинулось впередъ. Еще три года тому назадъ предложеніе Бэрдетта вызвало въ палатахъ одинъ только гнѣвъ и презрѣніе; теперь въ пользу реформы раздавались голоса, какъ въ нижней, такъ и въ верхней палатѣ, и въ первой изъ нихъ уже въ этомъ году нашлось не менѣе 164 членовъ, желавшихъ реформы въ томъ видѣ, какъ ее предлагалъ Россель. Но все-таки до 1830-го года дѣло это немного подвинулось впередъ. Послѣ іюльской революціи во Франціи, на англійскихъ митингахъ громче прежняго стали раздаваться требованія политическихъ

правъ и реформъ въ конституціи. Въ это время (въ концѣ 1830-хъ годовъ) пало торійское министерство Веллингтона, и власть перешла въ руки виговъ—Грея, Брума, Пальмерстона, Ландсоуна и др. Грей съ самаго вступленія своего въ управленіе страною обнаружилъ желаніе произвести парламентскую реформу. Пресса оживилась, и какъ со стороны торіевъ, такъ и со стороны виговъ, приняла тонъ болѣе рѣзкій и страстный. Низшіе классы народа тоже приняли въ этомъ участіе, и по всей Англіи стали происходить народныя собранія, имѣвшія цѣлью поддержать парламентскую реформу. По стараніямъ виговъ въ графствахъ, округахъ, даже въ отдѣльныхъ общинахъ, устраивались собранія, въ которыхъ предлагались и подписывались петиціи въ парламентъ съ требованіемъ реформы. При открытіи сессіи въ 1831 году лордъ Грей объявилъ, что согласно желанію, обнаружившемуся во всемъ соединенномъ королевствѣ и подтвержденному многочисленными петиціями, онъ и товарищи его составили проэктъ реформы, который скоро будетъ представленъ парламенту. Билль этотъ долженъ былъ представить Россель, который хотя и не принадлежалъ къ министерству, но въ теченіи многихъ лѣтъ спеціально занимался этимъ вопросомъ: поэтому министерство и предоставило ему честь представить билль. Представляя свой проэктъ, Россель произнесъ рѣчь, въ которой объявлялъ, что въ проэктѣ одинаково старался избѣжать, какъ фанатическаго уваженія извѣстныхъ умовъ къ прошедшему (тори), такъ и безумнаго рвенія людей, не отдѣляющихъ въ своихъ мысляхъ политическаго прогресса отъ совершеннаго разрушенія существующихъ учрежденій (намекъ на Бэрдетта). Затѣмъ слѣдовалъ самый проэктъ, долженствовавшій согласить двѣ крайности: предполагалось отнять право представительства у нѣкоторыхъ гнилыхъ мѣстечекъ и дать это право тѣмъ изъ большихъ, промышленныхъ городовъ, которые доселѣ не имѣли его; при этомъ предлагалось нѣкоторое пониженіе избирательнаго ценза. Дѣлая такое важное, по мнѣнію виговъ, предложеніе, Россель счелъ нужнымъ сдѣлать воззваніе къ великодушію аристократіи и къ благоразумію палаты. Завязалась упорная борьба между защитниками и противниками парламентской реформы. Мы разумѣется не будемъ входить въ подробности этой борьбы, такъ какъ это не имѣетъ непосредственнаго отношенія къ нашему предмету. Достаточно сказать только, что по поводу билля Грея-Росселя говорили

за и противъ предложенія министерства не менѣе 75 ораторовъ, и въ томъ числѣ многія знаменитости Англіи—Маколей, Юмъ Гунтъ, О'Коннель, Джемсъ Грэмъ, Стенли, Брумъ, Инглисъ и наконецъ Робертъ Пиль, одинъ изъ отъявленнѣйшихъ противниковъ реформы, истощавшій все свое краснорѣчіе, для того, чтобы доказать, что съ введеніемъ какой бы то ни было парламентской реформы рушится вѣковое благосостояніе Англіи; онъ вмѣстѣ со всѣми торіями приходилъ въ отчаяніе отъ радикализма и демократизма Росселева билля. Когда, не смотря на то, первое чтеніе билля прошло съ значительнымъ большинствомъ голосовъ, виги представили это англійскому народу, какъ начало торжества народныхъ интересовъ, и удвоили агитацію въ пользу реформы. Митинги, процессіи, петиціи и пр. по прежнему должны были служить выраженіемъ народныхъ желаній; ежедневно до 10 столичныхъ и до 53 провинціальныхъ періодическихъ изданій указывали на благодѣтельныя послѣдствія предлагаемой реформы. Въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ народъ до того хлопоталъ въ пользу безполезной для него реформы, что дѣло дошло даже до кровавыхъ столкновеній между реформистами и нон-реформистами, и что потребовалось вмѣшательство властей. Когда Грей рѣшился прибѣгнуть къ распущенію палаты и къ назначенію новыхъ выборовъ, волненіе въ низшихъ классахъ еще болѣе усилилось. Въ тотъ самый день, когда объявлено было о распущеніи палаты, лондонское населеніе сдѣлало демонстрацію противъ главныхъ противниковъ реформъ: передъ домами Пиля, герцога Ньюкестля, брата королевскаго герцога Глостера и другихъ предводителей торіевъ сдѣланы были шумныя демонстраціи, а къ Веллингтону демонстрирующія толпы народа проникнули даже въ самый домъ. Не смотря на всѣ усилія торіевъ, выборы были благопріятны вигамъ, и въ новомъ парламентѣ окончательно прошелъ Росселевскій билль. Сопротивленіе верхней палаты, состоявшей почти исключительно изъ крупныхъ землевладѣльцевъ, было разумѣется гораздо продолжительнѣе. Она съ начала обошлась и съ этимъ биллемъ точно такъ же, какъ нѣкогда съ предложеніемъ Бэрдетта, т. е. отвергнула его, даже не подвергая его разсмотрѣнію. Въ странѣ проявилось сильное раздраженіе; произошли новыя демонстраціи противъ торіевъ; въ Бирмингэмѣ собрался митингъ въ сто тысячъ человѣкъ, и рѣшено было отказать въ уплатѣ податей въ случаѣ, если верхняя

палата будетъ упорствовать въ отверженіи билля; въ Лондонѣ до 300 т. человѣкъ отправились процессіей къ королевскому дворцу съ цѣлью заявить королю о желаніи народа относительно избирательной реформы; въ Бристолѣ и въ другихъ мѣстностяхъ Великобританіи произошли серьезные безпорядки. Однимъ словомъ, почти все населеніе Англіи до того было сбито съ толку, что оно держало себя такъ, какъ будто дѣйствительно реформа Грея и Росселя должна была имѣть послѣдствіемъ полное улучшеніе всего народнаго быта. Наконецъ и сопротивленіе верхней палаты было сломлено и билль Росселя былъ окончательно принятъ обѣими палатами послѣ полутора-годоваго сопротивленія. Народъ торжествовалъ парламентскую реформу, какъ великую побѣду. Но заблужденіе его продолжалось не долго: уже въ 1834 году законъ о бѣдныхъ, строгіе законы противъ участія трудящихся классовъ въ выборахъ и другія подобныя мѣры парламентовъ, явившихся произведеніемъ недавней реформы, разочаровали народъ насчетъ реформы, за которую онъ столько хлопоталъ, и показали ему, что за люди его мнимые друзья—виги и умѣренные либералы. Слѣдствіемъ этого разочарованія было новое раздраженіе въ народѣ, новыя попытки, въ родѣ предпріятій Фроста и Уильямса, о которыхъ мы упоминали выше. Впослѣдствіи, во время агитаціи въ пользу отмѣны хлѣбныхъ законовъ, довѣрчивые рабочіе классы снова готовы были принять за своихъ благодѣтелей тѣхъ, которые хлопотали объ этой отмѣнѣ. Но этотъ вопросъ тѣсно связанъ съ ученіемъ и дѣятельностью манчестерской школы, и мы займемся имъ подробнѣе въ слѣдующей статьѣ, въ которой будемъ говорить объ интересной доктринѣ этой школы.

«Кобденъ и многочисленные его сотрудники, говоритъ Бастіа о людяхъ манчестерской школы, произвели одну изъ тѣхъ великихъ реформъ, которыми отличаются успѣхи человѣчества на пути цивилизаціи: они возстановили не *право на трудъ*, какъ говорятъ въ наше время, но *право труда* на справедливое и естественное вознагражденіе. Кобденъ относится къ А. Смиту, какъ пропагандистъ къ изобрѣтателю; онъ и сотрудники его популяризировали науку объ обществѣ; они разсѣяли въ умахъ своихъ соотечественниковъ предразсудки, которые служатъ основаніемъ монополіи—внутреннему грабежу, и завоеванію—внѣшнему грабежу; они уничтожили тотъ слѣпой антагонизмъ, который поднимаетъ другъ про-

тивъ друга цѣлые народы и отдѣльныя сословія одного и того же народа; такимъ образомъ они приготовили для человѣчества будущность мира и братства, основанныхъ не на химерическомъ самоотреченіи, но на разумномъ чувствѣ самосохраненія и личнаго интереса. Нѣкоторые хотѣли видѣть въ этихъ чувствахъ одно только узкое соблюденіе своихъ интересовъ, но мы должны сознаться въ томъ, что Богу угодно было ввѣрить этимъ чувствамъ сохраненіе и развитіе вида. Это ученіе распространяется въ наше время, подъ нашимъ небомъ, у нашихъ дверей—а между тѣмъ многіе ли изъ насъ слышали о Кобденѣ и о его послѣдователяхъ?» (Bastiat, Oeuvres complètes, Tome troisième p. 2—3).

Вотъ въ какихъ лестныхъ выраженіяхъ, не лишенныхъ даже нѣкотораго паѳоса, одинъ изъ извѣстнѣйшихъ экономистовъ либеральной школы отзывается объ ученіи манчестерцевъ. По его представленію люди эти являются благодѣтелями не только своей страны, но и всего человѣчества, основателями новой эры мира и всеобщаго благоденствія; ученіе ихъ является сборникомъ самыхъ разумныхъ и гуманныхъ истинъ; но главная заслуга ихъ, по представленію того же Бастіи, заключается въ томъ, что истины, ими выработанныя, не противорѣчатъ ученію Смита, Сэя и другихъ отцовъ политической экономіи. Мы съ своей стороны въ настоящей статьѣ нашей намѣрены представить краткій очеркъ происхожденія этого ученія, основныхъ началъ и конечныхъ результатовъ его, поскольку они до сихъ поръ высказались. Мы постараемся забыть паѳосъ Бастіа и всмотрѣться ближе въ тѣ отношенія, которыя эта школа установляетъ между работодателями и рабочими; мы постараемся найти истинныя причины того или другаго образа дѣйствій этой партіи въ различныхъ вопросахъ, касающихся общественнаго и экономическаго положенія рабочаго класса. Но выводы, къ которымъ мы придемъ относительно людей этой школы, будутъ нѣсколько разниться отъ тѣхъ выводовъ, къ которымъ пришелъ относительно нихъ Бастіа.

Мы упоминали уже въ первой статьѣ нашей о громадномъ переворотѣ, который произведенъ былъ важными открытіями конца XVIII вѣка въ бытѣ рабочаго населенія Англіи, и который состоялъ преимущественно въ чрезмѣрномъ увеличеніи исключительно фабричнаго населенія, въ совершенномъ уничтоженіи кустарнаго рода промышленности, въ образованіи огромныхъ фабричныхъ цен-

тровъ и въ сосредоточеніи фабричной собственности (какъ прежде поземельной) въ очень немногихъ рукахъ. Само собою разумѣется, что перемѣна въ условіяхъ жизни огромной массы фабричнаго населенія должна была вызвать совершенно новый взглядъ на общественное положеніе тѣхъ милліоновъ людей, существованіе которыхъ съ этихъ поръ стало неразрывно связано съ дѣятельностью машинъ и съ усовершенствованіями въ машинномъ производствѣ. Владѣтели большихъ фабричныхъ центровъ, которые стояли во главѣ фабричной производительности и держали въ рукахъ своихъ судьбу всего фабричнаго населенія, взяли на себя трудъ систематизировать взгляды на новыя общественныя условія, вызванныя новыми обстоятельствами, привести ихъ къ общимъ началамъ и дать имъ форму цѣльнаго ученія. Манчестеръ, какъ центръ новой фабричной дѣятельности, какъ главное мѣстопребываніе фабрикантовъ—основателей новаго ученія, сталъ также и центромъ этого ученія, вслѣдствіе чего и все ученіе извѣстно подъ именемъ ученія *Манчестерской школы*.

Истины, выработанныя этою школою, относились прежде всего къ матеріальному быту фабричнаго люда, имѣли характеръ преимущественно экономическій. Но желая осуществить на практикѣ свои теоретико-экономическіе выводы, учителя этой новой школы натурально должны были приходить въ противорѣчіе съ существующими политическими и философскими принципами; возставши противъ справедливости этихъ принциповъ, они должны были составлять не только новыя экономическія, но и политическія и философскія теоріи. Обративши, напримѣръ, въ началѣ вниманіе на стѣсненіе торговли и на вредъ пошлинъ, они мало-по-малу переходили отъ коммерческаго права къ праву государственному и естественному, и являлись уже не одними только защитниками свободы торговли, но и проповѣдниками извѣстныхъ воззрѣній на свободу политическую и свободу гражданскую. Они должны были постоянно отыскивать новые рынки для сбыта произведеній англійской промышленности: вслѣдствіе этого они необходимо должны были составить себѣ извѣстныя понятія объ отношеніи своей страны къ другимъ странамъ, и о международной политикѣ. Политическіе вопросы находятся въ самой тѣсной связи съ финансовымъ положеніемъ страны, съ составленіемъ бюджета; вслѣдствіе этого фабриканты, какъ лица платящія значительные налоги,

весьма естественно пожелали принять участіе въ распредѣленіи податей и въ наблюденіи за расходованіемъ собираемыхъ со страны суммъ. Разъ обративши вниманіе на эти вопросы, они не могли не замѣтить явнаго противорѣчія между ихъ интересами и интересами тѣхъ классовъ общества, которые доселѣ держали въ своихъ рукахъ всю политическую власть, и которые при помощи этой власти отстаивали свое положеніе и свои выгоды отъ новыхъ претензій. Поэтому фабриканты, проповѣдники новыхъ началъ, увидѣли необходимость для доставленія торжества своимъ интересамъ, опровергнуть какъ политическія, такъ и философскія теоріи своихъ противниковъ. Они поставили себѣ цѣлью создать для себя самихъ политическое положеніе въ странѣ посредствомъ введенія важныхъ реформъ въ существовавшій доселѣ политическій строй; они поставили себѣ далѣе цѣлью доказать на основаніи естественнаго права равноправность своихъ интересовъ съ интересами бывшихъ доселѣ привилегированныхъ сословій. Такимъ образомъ основатели манчестерской школы перешли отъ экономическихъ вопросовъ къ вопросамъ политическимъ и философскимъ. Послѣдователи этого ученія одинаковымъ образомъ могутъ быть названы и партіей, и школою, такъ какъ они въ одно и то же время составляютъ и политическую партію, имѣющую въ виду осуществленіе извѣстныхъ политическихъ стремленій, и совокупность мыслителей, стремящихся къ проведенію извѣстныхъ философскихъ воззрѣній на устройство общества. Одна изъ особенностей этого новаго экономически-политико-философскаго ученія состояла между прочимъ въ томъ, что оно не вышло готовою системою изъ головы одного мыслителя, но постепенно развивалось изъ самой жизни, и что по мѣрѣ того, какъ оно выражалось въ словахъ и складывалось въ систему, оно въ то же время переходило и въ дѣло: философскіе выводы одновременно съ своимъ происхожденіемъ получали практическое примѣненіе и дѣлались историческою дѣйствительностью. Мѣстомъ происхожденія этого новаго ученія былъ не кабинетъ ученаго, а фабрика, контора и биржа, въ которыхъ проявлялась практическая дѣятельность новыхъ мыслителей—фабрикантовъ и купцовъ. Подобное происхожденіе манчестерскаго ученія уже само по себѣ впередъ достаточно объясняетъ, каковъ долженъ быть основной характеръ его. Тѣ истины, которыя были выработаны новою школою, были прежде всего истинами для родоначальни-

ковъ этой школы, для фабрикантовъ, коттонлордовъ; тѣ интересы, которые находили себѣ защиту въ новыхъ философскихъ принципахъ и воззрѣніяхъ, были прежде всего интересы фабрики, конторы, биржи. Искреннія и неискреннія разглагольствія новыхъ учителей о томъ, что ученіе ихъ имѣетъ въ виду интересы всего рабочаго населенія, а не однихъ только работодателей, очевидно являются только ораторскою прикрасой. Но тѣмъ не менѣе нельзя утверждать, чтобы новыя доктрины касались только политическаго или общественнаго положенія извѣстной политической партіи или философской секты. Въ такомъ случаѣ новое ученіе имѣло бы для насъ сравнительно весьма неважный интересъ. Хотя, какъ мы уже сказали, истины, выработанныя новою школою, были прежде всего истинами для самихъ основателей этой школы, и интересы, защищаемые ими, были ихъ собственные интересы; но интересы работодателей находятся въ такой тѣсной связи съ интересами людей, получающихъ отъ нихъ работу (т. е. тѣхъ милліоновъ исключительно фабричнаго населенія, которые помимо фабричной работы не имѣютъ никакихъ средствъ къ существованію), что ихъ нельзя разсматривать независимо другъ отъ друга. То ученіе, которое имѣетъ въ виду интересы фабрикантовъ, можетъ, и вслѣдствіе логической необходимости даже должно, не имѣть въ виду интересовъ классовъ работающихъ; но тѣмъ не менѣе ученіе, выработанное коттонлордами, можетъ и даже должно имѣть весьма значительное вліяніе (плодотворное или гибельное—это другаго рода вопросъ) на интересы милліоновъ фабрично-рабочаго люда. Такимъ образомъ истины, до которыхъ дошла манчестерская школа, никакъ не могутъ считаться неважными для массы рабочихъ. Онѣ могутъ быть весьма пріятными и отрадными истинами для фабрикантовъ, провозгласившихъ ихъ истинами, и весьма непріятными и неутѣшительными истинами для тѣхъ милліоновъ, которымъ ихъ навязываютъ; но какъ бы то ни было, онѣ все-таки находятся въ самомъ близкомъ соотношеніи съ благосостояніемъ милліоновъ людей и имѣютъ на него огромное вліяніе. Это-то обстоятельство и придаетъ имъ то важное значеніе, которое они имѣютъ; это-то обстоятельство и даетъ провозгласителямъ этихъ истинъ право называться родоначальниками новаго политико-философскаго ученія.

Главный, основной принципъ манчестерской школы заключается

въ слѣдующихъ немногихъ словахъ: «купи на самомъ дешевомъ рынкѣ и продай на самомъ дорогомъ».—Это правило составляетъ ключъ къ разумѣнію ихъ ученія и всѣхъ дѣйствій этой партіи. Не имѣя его постоянно передъ глазами, невозможно составить себѣ ясное понятіе о настоящемъ характерѣ этой школы: въ такомъ случаѣ рискуешь усвоить себѣ совершенно фальшивый взглядъ на образъ дѣйствій манчестерцевъ въ томъ или другомъ вопросѣ. Но имѣя въ виду это основное правило всего ученія, не трудно замѣтить, что каждое изъ ихъ дѣйствій, даже повидимому самое далекое отъ конторскихъ и биржевыхъ спекуляцій, есть ничто иное, какъ строгое, логическое послѣдствіе изъ вышеприведеннаго основнаго принципа. Разумѣется, фабриканты-философы не выставляютъ этого кореннаго правила своего ученія во всей его непривлекательной наготѣ. Они стараются напротивъ облечь этотъ жесткій для уха принципъ въ болѣе привлекательную форму высоконравственныхъ и религіозныхъ чувствованій, человѣколюбивыхъ стремленій. Вотъ приблизительно какимъ образомъ они объясняютъ свой девизъ: «cheapness à tout prix». «Мы не столько заботимся о нашихъ собственныхъ интересахъ, сколько объ интересахъ милліоновъ рабочихъ, которымъ мы даемъ работу. Интересы ихъ будутъ соблюдены только тогда, когда намъ удастся производить на нашихъ фабрикахъ болѣе дешевыя произведенія, нежели какія производятъ континентальные фабриканты: потому что только при помощи дешеваго производства мы можемъ надѣяться сохранить теперешніе наши рынки и пріобрѣсти еще новые, доставляя такимъ образомъ работникамъ нашимъ постоянную работу. Для того, чтобы имѣть возможность производить дешевле, нежели континентальныя фабрики, мы должны прежде всего заботиться о томъ, чтобы пріобрѣтать сырье по возможно дешевымъ цѣнамъ. Налоги или пошлины разумѣется увеличиваютъ цѣну на сырье; поэтому не должно быть пошлинъ и налоговъ на ввозимые и производимые у себя дома сырые матеріалы» и пр Что же касается до продажи своихъ произведеній по возможно дорогимъ цѣнамъ, то манчестерцы и здѣсь желаютъ указать на человѣколюбивыя свои стремленія, увѣряя, что вслѣдствіе сбыта произведеній по дорогимъ цѣнамъ, рабочіе получатъ тоже нѣкоторую долю въ барышахъ, посредствомъ возвышенія заработной платы. Это утвержденіе ихъ опровергается и самыми фактами, и логическими по-

слѣдствіями ихъ собственнаго основнаго принципа. Какъ бы обширенъ ни былъ сбытъ, какіе бы барыши онъ ни доставлялъ, никогда не было примѣра, чтобы отъ этого заработная плата поднималась выше того, что необходимо для удовлетворенія первыхъ жизненныхъ потребностей рабочихъ и ихъ семействъ. «Заработная плата должна соотвѣтствовать крайнимъ нуждамъ рабочаго», вотъ экономическое правило, которое выработалось со времени развитія фабричной промышленности—и фабриканты-философы конечно и не думаютъ отступать отъ этого правила. Заработная плата, при разныхъ неблагопріятныхъ условіяхъ, можетъ упасть ниже обыкновенной своей нормы, т. е. суммы необходимой для удовлетворенія первыхъ жизненныхъ потребностей; и дѣйствительно, она не разъ падала ниже ея, при внезапномъ ограниченіи сбыта, уменьшеніи рынковъ, недостаткѣ сырья и т. п. Но выше этой нормы при настоящихъ условіяхъ общественнаго устройства плата эта не можетъ подниматься и никогда не поднималась. Слѣдовательно, всѣ толки манчестерцевъ о томъ, что возвышеніе покупной платы за сбываемыя произведенія англійскихъ фабрикъ вызываетъ соотвѣтствующее возвышеніе заработной платы и увеличеніе благосостоянія рабочихъ классовъ — явно противорѣчатъ дѣйствительнымъ фактамъ. А далѣе — куда же дѣвалась бы въ такомъ случаѣ логика манчестерцевъ? «Купи какъ можно дешевле», гласитъ первая половина ихъ девиза. А если они удѣлятъ изъ своихъ барышей работникамъ, увеличивши заработную плату— которая составляетъ одно изъ слагаемыхъ при составленіи общей суммы цѣнности производства — тогда увеличится и самая эта сумма; а въ такомъ случаѣ не будетъ cheapness à tout prix.

Итакъ cheapness à tout prix (въ фабричномъ производствѣ)— вотъ основной законъ политическаго, промышленнаго и общественнаго существованія манчестерской школы. Все, что ограничиваетъ или стѣсняетъ производство по самымъ дешевымъ цѣнамъ — оказываетъ вредное вліяніе на существованіе манчестерцевъ и вызываетъ съ ихъ стороны упорное противодѣйствіе. Если они являются на нашихъ глазахъ проводниками идей политической, торговой и гражданской свободы, то оказывается при болѣе внимательномъ разсмотрѣніи, что они имѣютъ въ виду осуществленіе основнаго закона своего—производства по возможно дешевымъ цѣнамъ. Если они толкуютъ о полнѣйшей свободѣ отношеній граж-

данъ между собою, о вредѣ всякаго вмѣшательства и регулированія со стороны государства въ отношеніи рабочихъ къ фабрикантамъ—то внимательному слушателю за каждымъ словомъ ихъ слышится cheapness à tout prix. Посмотримъ на это дѣло поближе.

Манчестерцы постоянно являлись и являются сторонниками разныхъ реформъ въ англійскомъ законодательствѣ, имѣющихъ цѣлью пробить брешь въ окаменѣлыхъ и заплѣсневѣвшихъ англійскихъ учрежденіяхъ. Парламентская реформа, реформы въ судебномъ устройствѣ и другія реформы находили въ нихъ постоянно ревностныхъ ходатаевъ. Это вполнѣ согласно съ основнымъ принципомъ ихъ ученія. При прежнемъ парламентскомъ устройствѣ львиная доля въ законодательствѣ принадлежала землевладѣльцамъ, интересы которыхъ совершенно противоположны интересамъ фабрикантовъ. Первые, при изданіи различныхъ законодательныхъ мѣръ, разумѣется имѣли исключительно въ виду соблюденіе своихъ собственныхъ интересовъ, въ ущербъ интересамъ фабрикантовъ. Послѣдніе стремились низвергнуть подобный порядокъ вещей—и отчасти успѣли въ этомъ,—въ интересѣ монополизированнаго капитала. Пріобрѣтенное ими съ бою участіе въ законодательствѣ они употребили ни на что другое, какъ на осуществленіе любимаго своего принципа. Улучшенія въ судебномъ законодательствѣ ведутъ разумѣется къ упроченію имущественныхъ отношеній; улучшенія въ финансовой системѣ—къ уменьшенію налога съ имущества—а все это не можетъ не отзываться на цѣнности производства. Слѣдовательно во всѣхъ этихъ вопросахъ манчестерцы, становясь на сторону реформаторскихъ стремленій, не упускали изъ виду главной своей цѣли — дешевизны въ производствѣ. Борьба шла между средневѣковымъ феодальнымъ и новѣйшимъ промышленно-торговымъ міромъ: масса же народа, милліоны рабочаго люда, оставались совершенно въ сторонѣ. Разумѣется, тотъ или другой исходъ борьбы не могъ не касаться ихъ: для нихъ вопросъ шелъ о томъ, кто будетъ преимущественно эксплуатировать ихъ трудъ—ландлорды или коттонлорды, кто будетъ издавать для нихъ законы, налагать на нихъ налоги и подати—потомки ли крестоносцевъ, или недавно разбогатѣвшіе лавочники и владѣтели огромныхъ манчестерскихъ, бирмингемскихъ, шеффильдскихъ фабрикъ? Вотъ къ чему сводился весь знаменитый вопросъ о реформѣ въ англійскомъ парламентскомъ устройствѣ. Но масса не всегда по-

нимала побудительныя причины реформистской агитаціи коттонлордовъ, настоящій характеръ вызванной ими реформы: она часто готова была вѣрить на слово въ справедливость ихъ гуманныхъ стремленій, которыя противупоставлялись патріархально-эгоистическимъ тенденціямъ крупныхъ землевладѣльцевъ—ландлордовъ. Мы говорили уже въ первой статьѣ нашей, какъ наивно масса англійскаго народа далась въ обманъ фабрикантамъ-либераламъ, которые опираясь на весь народъ, старались добиться парламентской реформы. На своихъ плечахъ вынесли англійскіе рабочіе эту реформу—а въ результатѣ оказалось, что они работали для торжества крайне невыгоднаго для нихъ правила cheapness à tout prix. Когда же въ англійскомъ обществѣ или литературѣ заходитъ рѣчь объ участіи массъ народныхъ въ законодательствѣ, то тѣ же реформисты готовы видѣть въ подобныхъ стремленіяхъ гибель основнаго закона своего ученія и существованія, и энергически возстаютъ противъ этихъ стремленій, предсказывая въ нихъ гибель всему англійскому общественному устройству. Въ теченіи слишкомъ тридцати лѣтъ со времени парламентской реформы 1832 года, англійскіе коттонлорды, добившіеся въ силу ея доступа въ парламентъ, сдѣлали многое для возможнаго удешевленія фабричнаго производства: но они же, какъ мы увидимъ дальше, энергически возставали противъ всякой мѣры, которая, не способствуя удешевленію производства, имѣла въ виду общее улучшеніе въ бытѣ рабочихъ массъ.

Манчестерцы являются представителями принциповъ экономической свободы. Они давали этому слову самое широкое понятіе; они стремились къ достиженію полной экономической свободы не только въ промышленности и торговлѣ, но они разумѣли подъ экономической свободой и свободу воспитанія и обученія, свободу во всѣхъ общественныхъ отношеніяхъ, даже свободу въ религіи. Но главною руководящею нитью во всѣхъ этихъ либерально-экономическихъ стремленіяхъ ихъ является все тотъ же обыкновенный ихъ принципъ. Они пришли къ тому убѣжденію, что невмѣшательство государства въ дѣло промышленности и торговли, въ отношенія работодателей къ рабочимъ, наконецъ въ воспитаніе и религію, содѣйствуетъ удешевленію производства, и вслѣдствіе этого являлись защитниками полнѣйшей экономической свободы. Такъ, напр., нѣтъ повидимому никакого отношенія между свободою

обученія и религіи, и удешевленіемъ производства. Но вмѣшательство государства въ дѣло воспитанія ведетъ къ разнымъ субсидіямъ и къ другимъ расходамъ на воспитаніе; вмѣшательство государства въ дѣло религіи ведетъ, по ихъ мнѣнію, къ тому, что поддержаніе такъ называемой государственной религіи ложится извѣстною тяжестью на государственный бюджетъ. Между тѣмъ они натурально желаютъ всевозможной экономіи въ расходованіи государственной казны. «Всякое сбереженіе въ государственныхъ расходахъ, говорятъ они, непремѣнно отзовется и на фабрикахъ, и дастъ намъ, фабрикантамъ, на которыхъ лежитъ значительная доля государственныхъ тягостей, возможность поставлять наши произведенія по болѣе дешевымъ цѣнамъ». Такимъ образомъ, какъ бы далеки ни были повидимому извѣстныя либеральныя стремленія проповѣдниковъ полнѣйшей экономической свободы отъ кореннаго принципа манчестерской школы, при болѣе внимательномъ разсмотрѣніи побудительныхъ причинъ того или другаго дѣйствія ихъ не трудно будетъ замѣтить довольно тѣсную связь между этимъ кореннымъ принципомъ и повидимому безкорыстно-либеральными начинаніями коттонлордовъ.

Даже въ тѣхъ случаяхъ, когда они проповѣдуютъ, напр., бережливость въ расходованіи общественной казны, когда они ратуютъ напр., въ пользу такихъ прекрасныхъ вещей, какъ вѣчный и всеобщій миръ, они и тогда остаются вѣрны своему интересу. Конечно, если бы этотъ основной принципъ ихъ ученія имѣлъ единственными послѣдствіями всеобщія улучшенія въ законодательствѣ и въ финансовой системѣ, водвореніе постояннаго мира, улучшенія въ народномъ образованіи и пр., то этотъ принципъ можно бы назвать принципомъ вполнѣ благодѣтельнымъ, и противъ него нечего было бы и возражать. Но дѣло въ томъ, что на практикѣ этотъ принципъ рѣже всего ведетъ къ осуществленію тѣхъ вещей, а гораздо чаще ведетъ къ эксплуатированію одной части общества другою, какъ мы это увидимъ дальше.

Если стремленіе ихъ къ возможному удешевленію производства отзывается даже на отношеніи ихъ къ воспитанію или религіи, то оно высказывается разумѣется еще яснѣе въ отношеніи ихъ къ тѣмъ сторонамъ человѣческой дѣятельности, которыя сами по себѣ гораздо ближе связаны съ фабричнымъ производствомъ. Сюда относятся ученіе ихъ о полной свободѣ торговли, подъ которой

между прочимъ разумѣется также свободный, безпошлинный ввозъ хлѣба, и о полной свободѣ отношеній между работодателями и рабочими.

Подъ свободой торговли коттонлорды разумѣютъ прежде всего отмѣну всякихъ налоговъ, податей, пошлинъ, которые увеличиваютъ цѣну производства и стѣсняютъ торговлю. Но за тѣмъ они придаютъ этому слову гораздо обширнѣйшее значеніе. и ставятъ свободу торговли въ неразрывную связь съ свободою личности вообще. Въ процессѣ обмѣна произведеній, говорятъ они, въ процессѣ продажи и купли, намъ не приходится повиноваться какимъ либо другимъ законамъ, кромѣ законовъ, предписываемыхъ намъ нашими интересами; эти же законы могутъ быть опредѣлены и контролированы однимъ только собственнымъ сознаніемъ нашимъ. Поэтому всякое вмѣшательство государства въ опредѣленіе этихъ законовъ является не только стѣсненіемъ свободы торговли, но стѣсненіемъ индивидуальной дѣятельности, стѣсненіемъ свободы личности вообще. Что касается до постановленій законодательства касательно ввоза или вывоза тѣхъ или другихъ продуктовъ, касательно мѣста, времени и другихъ условій продажи и купли, то всѣ эти постановленія, какъ обременяющія свободу торговли, какъ мѣшающія купить по самымъ дешевымъ и продать по самымъ дорогимъ цѣнамъ, являются чѣмъ-то въ высшей степени неполитическимъ и несправедливымъ. Поэтому они считаютъ паденіе цеховъ первымъ шагомъ въ свободѣ промышленности и торговли; совершенное уничтоженіе или по крайней мѣрѣ пониженіе ввозныхъ и вывозныхъ пошлинъ и налоговъ они считаютъ дальнѣйшимъ и очень важнымъ шагомъ на пути къ достиженію пламенно желаемой ими полной свободы. Но особенное значеніе придавали они отмѣнѣ пошлинъ на ввозъ хлѣба, реформѣ въ такъ называемыхъ хлѣбныхъ законахъ. На этомъ полѣ разыгралась самая продолжительная борьба между средневѣковыми феодальными и новѣйшими промышленными стремленіями и интересами. Во время этой борьбы вполнѣ высказалось манчестерское ученіе; можно даже сказать, что только во время этой борьбы ученіе это вполнѣ сложилось. Вопросъ шелъ повидимому только о существованіи или отмѣнѣ одного частнаго учрежденія — высокой пошлины на ввозимый въ Англію хлѣбъ. Но исходя отъ этого частнаго учрежденія, манчестерцы пошли далѣе, занялись внимательнымъ разсмотрѣніемъ многихъ другихъ общественныхъ и по-

литическихъ отношеній, и дошли такимъ образомъ до такихъ результатовъ, которые находились въ явномъ противорѣчіи съ преданіемъ прежнихъ вѣковъ, съ тѣмъ, что доселѣ считалось неприкосновеннымъ. Отъ частнаго они перешли къ общему, отъ сомнѣнія въ законности и раціональности одной фискальной мѣры они пришли къ тому, что выработали и развили цѣлую политико-философскую экономическую доктрину. Это обстоятельство уже само по себѣ придаетъ особенную важность исторіи агитаціи за и противъ хлѣбныхъ законовъ. Съ другой стороны эти страницы англійской исторіи важны по тому участію, которое принимали въ этой борьбѣ рабочія массы Англіи, не понявшія истиннаго характера и значенія хлѣбной реформы и впавшія въ настоящемъ случаѣ въ ту же ошибку, въ которую они впали лѣтъ пятнадцать передъ этимъ во время агитаціи въ пользу парламентской реформы. И въ томъ и въ другомъ случаѣ они работали, часто съ величайшимъ энтузіазмомъ, въ пользу осуществленія очень выгоднаго для коттонлордовъ, но далеко невыгоднаго для массы рабочихъ принципа. Въ томъ и въ другомъ случаѣ они оказали коттонлордамъ сильную поддержку противъ ландлордовъ, и думая, что они работаютъ на себя, работали на другихъ. Поэтому не безъинтересно будетъ остановиться подольше на борьбѣ противъ хлѣбныхъ законовъ, и разсмотрѣть внимательнѣе начало, ходъ и наконецъ конечные результаты ея.

Съ конца 14-го столѣтія до новѣйшихъ временъ въ англійскомъ законодательствѣ относительно хлѣбнаго ввоза и вывоза происходило не мало измѣненій. До 15-го столѣтія вывозъ хлѣба изъ Англіи былъ просто запрещенъ. Въ 1436 году вывозъ былъ дозволенъ подъ извѣстными условіями. Что касается до ввоза хлѣба, то первый законъ объ этомъ предметѣ относится къ 1463 году; законъ этотъ дозволялъ ввозъ иностраннаго хлѣба только въ тѣхъ случаяхъ, когда цѣна туземнаго хлѣба превышала $6^1/_2$ шиллинговъ за квартеръ (приблизительно 11-ть нашихъ четвериковъ). Впослѣдствіи этотъ законъ подвергался многимъ измѣненіямъ; онъ совсѣмъ отмѣнялся и вновь вводился. Уже въ 1670 году, т. е. съ небольшимъ 200 лѣтъ послѣ перваго ограниченія ввоза хлѣба, ввозъ иностраннаго хлѣба былъ совершенно запрещенъ, если только цѣна его въ Англіи не превышала 53 шиллинговъ (вмѣсто прежнихъ $6^1/_2$ шиллинговъ); если цѣна хлѣба

превышала сумму 53 шиллинговъ за квартеръ, то дозволялся ввозъ его извнѣ съ уплатою пошлины въ 8 шиллинговъ; пошлина эта прекращалась только въ томъ случаѣ, если цѣна туземнаго хлѣба подымалась до 80 шиллинговъ. Въ 1773 законъ этотъ подвергся нѣкоторымъ смягченіямъ. Но крупные землевладѣльцы, обладавшіе тогда въ одно и то же время монополіей хлѣбнаго производства и монополіей законодательства, поставили себѣ цѣлью прекратить ввозъ иностраннаго хлѣба, который понижалъ цѣну на ихъ произведенія и уменьшалъ ихъ доходы. Поэтому всесильная аристократія стала направлять все свое вліяніе на то, чтобы правила относительно ввоза иностраннаго хлѣба сдѣлались опять строже. Уже въ 1815 году, т. е. къ тому самому времени, когда пауперизмъ въ фабричныхъ округахъ все болѣе и болѣе увеличивался, изданъ былъ законъ, который народъ въ Англіи охарактеризовалъ мѣткимъ названіемъ «голоднаго закона» (famine-law), законъ, запрещающій ввозъ иностраннаго хлѣба въ тѣхъ случаяхъ, когда туземный хлѣбъ не достигъ страшной цѣны 80 шиллинговъ за квартеръ. Въ то же самое время ландлорды увеличивали въ своихъ имѣніяхъ арендную плату, и въ теченіи пятнадцати лѣтъ доходы съ нѣкоторыхъ земель упятерились, а поземельный налогъ оставался такимъ же незначительнымъ, какимъ онъ былъ и прежде. Поддерживая такимъ образомъ совершенно произвольную и страшно высокую цѣну на хлѣбъ, платя въ то же время самый незначительный налогъ, ландлорды открыли для себя обширный источникъ доходовъ насчетъ трудящихся классовъ. Въ 1822 году хлѣбный законъ 1815 года былъ еще разъ подтвержденъ. Но англійскіе средніе и низшіе классы стали мало-по-малу приходить къ сознанію, что англійская земельная аристократія брала очень значительный налогъ съ труда—и уже въ концѣ двадцатыхъ годовъ положено было начало тѣмъ ассоціаціямъ противъ хлѣбныхъ законовъ, которыя должны были получить въ скоромъ времени такое обширное развитіе. И въ парламентѣ вопросъ этотъ, начиная съ 1822 года, сталъ постоянно появляться на сценѣ; но землевладѣльческое большинство съ успѣхомъ отстаивало выгодный для себя законъ. Однако торійское министерство Каннинга, испугавшись безпрерывныхъ волненій во всѣхъ трехъ соединенныхъ королевствахъ, рѣшилось сдѣлать миніатюрную уступку требованіямъ промышленныхъ классовъ, посредствомъ введенія такъ на-

зываемой лѣстницы (échelle, scale, silding-scale—скользящая, подвижная лѣстница) въ законѣ о хлѣбныхъ пошлинахъ. Въ силу Каннингова закона 1827 года 60 шиллинговъ за квартеръ пшеницы было принято за нормальную цѣну на хлѣбъ; при этой нормѣ назначено было 20 шиллинговъ пошлины на каждый квартеръ привознаго иностраннаго хлѣба. По мѣрѣ спаденія цѣны на хлѣбъ ниже этой нормы привозная пошлина увеличивалась; по мѣрѣ повышенія цѣны сверхъ 60 шиллинговъ 20-ти шиллинговая пошлина понижалась, а при 70 шиллинговъ ввозъ хлѣба дѣлался совершенно безпошлиннымъ. Но чистымъ торіямъ изъ породы Пилей и Веллингтоновъ эта лѣстница показалась слишкомъ либеральною, и уже въ слѣдующемъ (1828 году) министерство Веллингтона возвратилось къ хлѣбнымъ законамъ 1815 года; въ такомъ положеніи хлѣбные законы оставались до сороковыхъ годовъ.

Но если сторонники реформы хлѣбныхъ законовъ пока плохо успѣвали въ парламентѣ, то они тѣмъ лучше успѣвали въ среднихъ классахъ. Начиная съ 1820-хъ годовъ, англійскій народъ распался на два большихъ лагеря: представители торговыхъ и промышленныхъ интересовъ находились въ одномъ, представители землевладѣльческихъ интересовъ—въ другомъ лагерѣ. Первые неоднократно пытались достигнуть посредствомъ ассоціацій и петицій если не совершенной отмѣны, то по крайней мѣрѣ облегченія въ стѣснительныхъ хлѣбныхъ законахъ; такого рода ассоціація образовалась, напр., въ 1836 году въ Лондонѣ. Но всѣ эти ассоціаціи и петиціи не приводили въ началѣ ни къ какимъ результатамъ, потому что тѣ, кто вызвалъ ихъ, не умѣли въ началѣ втянуть въ это дѣло милліоновъ фабричныхъ пролетаріевъ и образовать изъ нихъ одну общую, громадную ассоціацію. Манчестерцы какъ будто не поняли въ началѣ всего огромнаго значенія вопроса о хлѣбныхъ законахъ. Но уже къ концу тридцатыхъ годовъ нѣкоторые изъ способнѣйшихъ лицъ партіи коттонлордовъ поняли ту простую истину, что значительное удешевленіе хлѣба будетъ огромнымъ шагомъ впередъ къ достиженію главной ихъ цѣли. Цѣны производства находятся въ самой тѣсной связи съ цѣною жизненныхъ потребностей, и на первомъ мѣстѣ—хлѣба, какъ главнаго предмета потребленія рабочаго. Въ случаѣ если работникамъ, потребляющимъ хлѣбъ, приходится дорого за него платить, то они не могутъ работать иначе, какъ по возвышенной задѣльной платѣ.

Хотя плата эта всегда равняется minimum'у потребностей человѣка; но если сумма, необходимая для удовлетворенія этого minimum'а потребностей, увеличится, то разумѣется и расходы производства увеличатся. Руководствуясь такими простыми соображеніями, манчестерцы поставили себѣ задачей достигнуть съ помощью рабочихъ массъ низверженія хлѣбныхъ законовъ, составлявшихъ одно изъ самыхъ главныхъ препятствій къ дешевизнѣ производства. Обстоятельства благопріятствовали имъ.

Въ 1838 году во всей Англіи произошелъ сильнѣйшій финансовый кризисъ, вызвавшій въ свою очередь страшную дороговизну и закрытіе многихъ фабрикъ. Къ этому присоединился двухъ-годичный неурожай. Во всей Англіи господствовалъ страшный голодъ, и какъ слѣдствіе его — сильнѣйшее и всеобщее неудовольствіе рабочихъ классовъ. Въ это самое время нѣкто докторъ Боурингъ возвратился въ Англію изъ путешествія, которое онъ предпринялъ передъ этимъ на материкъ для собранія данныхъ ко введенію свободно-торговыхъ отношеній между Англіей и другими державами. Во время его присутствія въ Манчестерѣ друзья свободной торговли собрали митингъ, который призналъ существующіе хлѣбные законы за величайшую несправедливость. «Хлѣбные законы, говорилось на этомъ митингѣ, изданы противъ воли народа, вопреки его протестовъ, и если они существуютъ до настоящаго дня, то причина тому заключается въ томъ, что до сихъ поръ противъ нихъ не производилось никакой сильной, исходящей отъ самого народа агитаціи». Извѣстный Кобденъ дебютировалъ при этомъ случаѣ въ общественной дѣятельности тѣмъ, что предложилъ манчестерской торговой палатѣ представить парламенту прошеніе касательно немедленной отмѣны хлѣбныхъ законовъ. Предложеніе это было принято торговою палатою послѣ осьмидневной оживленной борьбы съ тѣми членами палаты, которые не желали такого рѣшительнаго прошенія. Смитъ, Кобденъ, Боурингъ и другіе передовые люди манчестерской партіи рѣшили основать обширную ассоціацію для противодѣйствія стѣсненіямъ въ хлѣбной торговлѣ; члены этой ассоціаціи должны были вносить ежегодно по 5 шилл. въ общую кассу. Эти же лица стали распространять идею ассоціаціи между манчестерскими мануфактуристами, и уже въ началѣ января 1839 года Кобдену удалось убѣдить манчестерскую торговую палату ассигновать въ пользу цѣлей

ассоціаціи 3000 фунт. ст.: эти 3000 ф. ст. сдѣлались основнымъ капиталомъ лиги противъ хлѣбныхъ законовъ. Это дало Кобдену и его товарищамъ средства собрать для общаго обсужденія въ Манчестеръ депутатовъ отъ всѣхъ прочихъ ассоціацій, которыя образовались въ разныхъ городахъ Англіи. Это собраніе депутатовъ отъ всѣхъ подобныхъ ассоціацій рѣшило собраться въ слѣдующемъ мѣсяцѣ въ возможно большемъ числѣ въ Лондонѣ, для того, чтобы присутствовать при открытіи парламентскихъ занятій, и для того, чтобы поддержать своими демонстраціями петицію, которую членъ палаты Вилліерсъ собирался представить въ парламентъ съ цѣлью достигнуть учрежденія коммиссіи для разсмотрѣнія хлѣбныхъ законовъ. Въ назначенный заранѣе день Вилліерсъ представилъ свою петицію, покрытую 10,000 подписей, и въ то же время предложилъ палатѣ «выслушать такихъ свидѣтелей, которые могли бы сдѣлать ей полезныя сообщенія касательно жалобъ, изложенныхъ въ петиціи». Но палата не желала выслушивать никакихъ полезныхъ сообщеній и два раза отвергала петицію Вилліерса большинствомъ 189 и 147 голосовъ. Въ верхней палатѣ въ пользу подобнаго же предложенія оказалось только 40 голосовъ, противъ него 444 голоса. Депутаты всѣхъ ассоціацій возвратились въ Манчестеръ, и состоялся новый громадный митингъ. Кобденъ уговаривалъ депутатовъ не унывать и сказалъ имъ между прочимъ: «образуемте великую лигу противъ несправедливости нашей феодальной аристократіи, и пусть развалины замковъ на Рейнѣ и на Эльбѣ *) укажутъ нашимъ противникамъ на ту участь, которая ожидаетъ ихъ въ случаѣ, если они будутъ продолжать дѣйствовать наперекоръ интересамъ промышленныхъ классовъ. Пусть нашъ союзъ будетъ лигою противъ хлѣбныхъ законовъ (Anti-Cornlaw-League)». Отсюда произошло названіе великой ассоціаціи противъ хлѣбныхъ законовъ. Тутъ же было рѣшено, что каждый мануфактурный округъ долженъ былъ имѣть свою ассоціацію, и что въ Манчестерѣ, центральномъ пунктѣ агитаціи, долженъ былъ имѣть мѣстопребываніе свое исполнительный комитетъ который бы руководилъ всѣмъ движеніемъ. Открыта была подписка для собранія суммъ, необходимыхъ для агитаціи. Были приглашены особенные публичные чтецы (lecturers), которые должны

*) Кобденъ только что за нѣсколько времени передъ этимъ возвратился изъ путешествія по Германіи.

были всячески распространять основные принципы манчестерской философіи. 6 апрѣля 1839 года въ Манчестерѣ появилось съ тою же цѣлью первое періодическое изданіе: Anti-Cornlaw-Circular (впослѣдствіи переименованное въ Anti-bread-tax-Circular); за нимъ послѣдовали и другія изданія. Такимъ образомъ произошла и организовалась открытая и дѣятельная пропаганда въ пользу того дѣла, на которое парламентъ 1839 года не захотѣлъ обратить вниманія. Противники хлѣбныхъ законовъ рѣшились силою заставить парламентъ выслушать тѣ полезныя сообщенія касательно хлѣбныхъ законовъ, которыхъ онъ не захотѣлъ выслушать добровольно. Они рѣшились аппелировать въ этомъ дѣлѣ къ народу и при его помощи заставить такъ называемыхъ народныхъ представителей, т. е. парламентъ, измѣнить первоначальный свой взглядъ на важные для коттонлордовъ хлѣбные законы.

Землевладѣльцы понимали очень хорошо, какая имъ угрожаетъ опасность въ случаѣ, если коттонлордамъ удастся восторжествовать въ своей агитаціи противъ хлѣбныхъ законовъ: подобное торжество фабрикантовъ лишило бы ихъ значительной части огромныхъ доходовъ, а вслѣдъ за доходами ландлордамъ пришлось бы разстаться вообще съ тѣмъ выгоднымъ положеніемъ, которое они доселѣ занимали въ странѣ. Поэтому они принялись громко вопіять противъ неразумія коттонлордовъ, которые затѣяли крестовый походъ противъ хлѣбныхъ законовъ, потому что они не въ состояніи постигнуть патріархальности отношеній, существующихъ между землевладѣльцами и фермерами. Они увѣряли, что эти отношенія, составляющія основу англійскихъ учрежденій, слѣдуетъ всячески поддерживать, а не низвергать ихъ посредствомъ усиленія иностраннаго ввоза хлѣба; они горько жаловались на то, что лавочники-реформаторы стремятся къ тому, чтобы лишить всякой цѣнности поземельную собственность, и проч. и проч.— Увидавши послѣ образованія Anti-Cornlaw-League, что коттонлорды не шутя принялись за дѣло, защитники землевладѣльческихъ интересовъ рѣшились сражаться противъ нихъ ихъ же оружіемъ, дѣйствовать также посредствомъ агитаціи и пропаганды своихъ идей. Съ этою цѣлью они образовали союзъ, названный «центральнымъ земледѣльческимъ обществомъ Великобританіи и Ирландіи» (Central Agricultural Society of Great Britain and Ireland). Въ изданномъ по этому случаю манифестѣ, который дол-

женъ былъ объяснить цѣль основанія общества, проглядываетъ крайнее раздраженіе противъ ихъ антагонистовъ. Вотъ въ какихъ выраженіяхъ ландлорды высказывали негодованіе свое противъ «лиги»: «Представители землевладѣльческихъ интересовъ не должны терять ни минуты для противодѣйствія гибельнымъ планамъ лиги противъ хлѣбныхъ законовъ. Какъ бы презрѣнны ни были матеріалы, изъ которыхъ составилась эта лига — искатели приключеній, не имѣющіе никакихъ принциповъ, и соціалисты, имѣющіе черезчуръ высокое о себѣ мнѣніе—но все-таки было бы безуміемъ не сознаться въ томъ, что безпрерывная агитація этихъ людей можетъ повести рано или поздно къ великому злу. Лига употребила всевозможныя средства, для того, чтобы отравить потокъ общественнаго мышленія и чувствованія. Чтецы ея снуютъ по всей странѣ и проповѣдуютъ о «гнусности землевладѣльческой монополіи». И хотя эти люди суть ничто иное, какъ пустыя головы, однако ложь и бредни ихъ могутъ въ концѣ концовъ показаться истинами, если они не вызовутъ противодѣйствія. Земледѣльческимъ интересамъ въ видахъ самосохраненія остается только прибѣгнуть къ тактикѣ ихъ противниковъ, образовать союзъ, распространять брошюры, разсылать по всей странѣ миссіонеровъ-чтецовъ, и т. д.».

Итакъ на одной сторонѣ стояли землевладѣльцы, и сторону ихъ долгое время держали палаты и правительство, законодательная и исполнительная власти; на другой сторонѣ образовалось какъ бы особое государство въ государствѣ, возставшее противъ настоящаго правительства, и зерно этого новаго государства составляли средніе классы, коттонлорды и коммерсанты. Но и та и другая партіи понимали, что сама по себѣ ни одна изъ нихъ не можетъ достигнуть торжества своихъ идей, хотя бы на ея сторонѣ находились даже палаты и правительство. Онѣ понимали очень хорошо, что окончательное торжество одержитъ та партія, которая склонитъ на свою сторону массы рабочаго народа и заручится ихъ сочувствіемъ и содѣйствіемъ. Поэтому обѣ стороны, не смотря на то, что и та и другая питали глубокое равнодушіе къ интересамъ большинства народа, пустились въ запуски заискивать передъ рабочими массами; обѣ онѣ желали обмануть ихъ насчетъ настоящихъ цѣлей своихъ и получить въ нихъ сильныхъ союзниковъ въ борьбѣ съ своими противниками. Землевладѣльцы,

понявшіе очень хорошо настоящій характеръ мнимо-гуманныхъ стремленій манчестерцевъ, старались раскрыть низшимъ классамъ глаза насчетъ стремленій послѣднихъ. Они доказывали въ своихъ брошюрахъ и чтеніяхъ весьма справедливую истину—а именно то, что противники хлѣбныхъ законовъ стремятся къ созданію условій возможно дешеваго производства, а вовсе не къ улучшенію быта рабочихъ классовъ. Они увѣряли работниковъ, что они ничего не выиграютъ съ отмѣною хлѣбныхъ законовъ, потому что за упадкомъ цѣны на жизненныя потребности неминуемо упадетъ и задѣльная плата (какъ оно дѣйствительно и было). Но старанія ландлордовъ только въ началѣ увѣнчались нѣкоторымъ успѣхомъ. Впослѣдствіи же доводы ихъ перестали производить желаемое дѣйствіе на рабочія массы, которыя болѣе расположены были соглашаться съ доводами коттонлордовъ, доказывавшихъ пользу пониженія цѣнъ на хлѣбъ. Одна часть рабочихъ, удручаемая высокими цѣнами на жизненныя потребности при низкой задѣльной платѣ, имѣла въ виду только ближайшее послѣдствіе отмѣны хлѣбныхъ законовъ—удешевленіе хлѣба. Дальнѣйшее послѣдствіе этого факта—упадокъ заработной платы до minimum'а потребностей рабочаго, хотя и неминуемое, было однако же для большинства рабочихъ не столь очевидно, какъ послѣдствіе ближайшее. Поэтому значительная часть рабочаго населенія повѣрила на слово сладкимъ обѣщаніямъ коттонлордовъ и совершенно искренно стала на ихъ сторону въ борьбѣ противъ высокихъ цѣнъ на хлѣбъ, противъ хлѣбныхъ монополій, противъ привилегій ландлордовъ. Другая часть рабочихъ, какъ, напримѣръ, чартисты сороковыхъ годовъ, относились съ полнымъ скептицизмомъ къ обѣщаніямъ манчестерцевъ. Они очень хорошо понимали, что интересы работодателей и фабрикантовъ діаметрально противоположны интересамъ рабочихъ. Но и эта часть рабочихъ присоединялась къ фабрикантамъ каждый разъ, когда дѣло шло объ отмѣнѣ какихъ нибудь феодальныхъ привилегій. У нихъ подобное присоединеніе было дѣломъ разсчета: они надѣялись справиться прежде всего въ союзѣ съ коттонлордами съ однимъ изъ своихъ враговъ, ландлордами, и потомъ уже, послѣ окончательной побѣды надъ послѣдними, повести борьбу съ первыми. Какъ бы то ни было, но можно сказать, что въ концѣ борьбы противъ хлѣбныхъ законовъ, манчестерская партія имѣла на своей сторонѣ почти весь безъ исключенія классъ

фабричныхъ рабочихъ. Это и доставило ей побѣду, не смотря на то, что на сторонѣ противниковъ ея стояли и парламентъ, и правительство.

Съ 1839 до 1846 года ученіе манчестерцевъ, ученіе «пустоголовыхъ искателей приключеній», какъ называли его землевладѣльцы, пріобрѣтало все болѣе и болѣе послѣдователей, и дѣло ихъ все болѣе и болѣе подвигалось впередъ, въ особенности въ послѣдніе три, четыре года. Неурожаи, постигавшіе Англію въ теченіи четырехъ лѣтъ сряду, не мало содѣйствовали увеличенію числа людей, стремившихся къ удешевленію привознаго хлѣба. Въ 1839 году не менѣе ста городовъ и мѣстечекъ приступило къ лигѣ. Въ 1840 году предводители лиги снова созвали въ Манчестеръ депутатовъ отъ всѣхъ городовъ, мѣстечекъ и селеній, вступившихъ въ союзъ. Но такъ какъ въ Манчестерѣ не оказалось достаточно обширнаго помѣщенія для этого многочисленнаго митинга, то центральный комитетъ лиги рѣшился выстроить для этой цѣли особенное помѣщеніе, сначала временное, а съ 1843 года постоянное. Для постройки этого зданія выбрано было то самое мѣсто, гдѣ въ 1819 году безоружное сборище людей, собравшееся подъ предводительствомъ Гунта для той же цѣли, какъ и настоящее, т. е. для протеста противъ хлѣбныхъ законовъ, подверглось нападенію со стороны yeomanry. Депутаты отъ лиги въ третій разъ отправились въ Лондонъ, для того, чтобы оказать моральную поддержку новому предложенію Вилліерса въ пользу измѣненія въ законахъ о ввозѣ хлѣба: но парламентъ и въ третій разъ не захотѣлъ выслушать изложенія дѣла, представленнаго Вилліерсомъ. Депутаты лиги возвратились въ Манчестеръ и продолжали свою пропаганду посредствомъ брошюръ, публичныхъ лекцій, митинговъ, депутацій и пр.

Въ 1841 году одинъ изъ членовъ министерства виговъ, Россель, захотѣлъ было произвести нѣкоторое смягченіе въ страшно обременительномъ законѣ о привозѣ хлѣба, изданномъ министерствомъ Веллингтона въ 1828 году; онъ предложилъ учредить вмѣсто подвижной лѣстницы, постоянную хлѣбную пошлину въ 8 шиллинговъ. Россель надѣялся удовлетворить этою уступкою лигу и положить конецъ той сильной агитаціи по всей странѣ, которая стала казаться опасною министерству виговъ. Но онъ ошибся въ разсчетѣ, и предложенную имъ полумѣру постигла та же участь,

которая обыкновенно постигаетъ всякую полумѣру, имѣющую въ виду удовлетворить двѣ спорящія стороны: она не удовлетворила никого. Лига не хотѣла слышать ни о какой пошлинѣ на хлѣбъ, хотя бы въ 8 шиллинговъ, съ другой стороны торіи подъ предводительствомъ Роберта Пиля единодушно возстали противъ всякой мысли объ уступкѣ. Лордъ Россель, сдѣлавшись въ это время главою министерства, немедленно распустилъ нижнюю палату и назначилъ новые выборы. Но представители землевладѣльческихъ интересовъ имѣли въ это время еще такую силу въ странѣ, что при новыхъ выборахъ число консервативныхъ членовъ въ палатѣ увеличилось на 100 человѣкъ (но за то и глава лиги, Ричардъ Кобденъ, былъ выбранъ въ парламентъ членомъ отъ Стокпорта). Вслѣдствіе такого увеличенія числа консервативныхъ депутатовъ, лордъ Россель вышелъ въ отставку, и Робертъ Пиль, глава новаго министерства, поспѣшилъ возстановить во всей неприкосновенности Веллингтоновъ законъ о привозѣ хлѣба 1828 года.

Увидавши, что покуда имъ нечего дѣлать въ парламентѣ, члены лиги обратились съ большею противъ прежняго силою къ агитаціи въ странѣ. Средства, къ которымъ они прибѣгали для этой цѣли, были весьма разнообразны. Въ разныхъ мѣстахъ Великобританіи составлялись петиціи къ королевѣ относительно отмѣны хлѣбныхъ законовъ, и петиціи эти покрывались сотнями тысячъ подписей. Въ Лондонѣ предводители лиги устраивали какіе-то базары въ ковентгарденскомъ и дрюри-ленскомъ театрахъ, для того, чтобы привлечь въ эти мѣста сборища лиги большую массу народа, и найти такимъ образомъ новыхъ слушателей, а за тѣмъ и новыхъ адептовъ. Не довольствуясь своимъ собственнымъ вліяніемъ на массу, члены лиги нашли полезнымъ прибѣгнуть къ вліянію духовенства всѣхъ вѣроисповѣданій, существующихъ въ Англіи: около 700 пасторовъ и другихъ духовныхъ лицъ подписали посланіе къ своимъ прихожанамъ, въ которомъ они объявляютъ, что съ религіозной точки зрѣнія всякая пошлина на хлѣбъ безбожна и противна постановленіямъ религіи. Но до 1843 года дѣйствія лиги были сравнительно не вполнѣ удачны. Противникамъ хлѣбныхъ законовъ не удалось сразу увлечь за собою рабочіе классы, и значительная часть этихъ послѣднихъ, какъ мы уже прежде замѣтили, сначала вполнѣ согласна была съ ландлордами, увѣрявшими, что высокая цѣна на хлѣбъ неразрывно

связана съ высокою задѣльною платою, и что наоборотъ удешевленіе хлѣба поведетъ къ пониженію задѣльной платы. Мануфактуристы сначала сами отчасти поддерживали въ рабочихъ этотъ взглядъ, провозглашая о томъ, что имъ нужна отмѣна хлѣбныхъ законовъ для того, чтобы имъ можно было успѣшно конкурировать съ промышленностью материка: рабочіе могли ясно видѣть изъ этого, что отъ новаго порядка вещей выиграютъ только капиталисты, и что ихъ положеніе не подвергнется почти никакому измѣненію. Съ другой стороны предводители лиги сначала объявляли высокомѣрно, что они не хотятъ заключать чудовищнаго союза съ демократіей, склонной къ насильственнымъ дѣйствіямъ и безпорядкамъ. Поэтому значительная партія чартистовъ, напримѣръ, сначала держалась, какъ мы уже говорили, въ сторонѣ отъ движенія лиги. Но начиная съ 1842 года, предводители лиги поняли первоначальную свою ошибку, поняли, какой огромный перевѣсъ надъ собою они дали ландлордамъ, оттолкнувши отъ себя чартистовъ, и съ этихъ поръ они начали искать сближенія съ ними. Предводители чартистовъ (какъ, напримѣръ, Фергюсъ О'Конноръ), хотя и не дались имъ въ обманъ и не повѣрили въ ихъ гуманность и безкорыстіе, однако, руководствуясь вышеприведенными соображеніями, рѣшились соединиться съ коттонлордами для совокупной борьбы противъ ландлордовъ. Поэтому съ конца 1842 года агитація лиги пріобрѣтаетъ новую силу. Лига расходовала въ это время для своей пропаганды не менѣе 1000 фунтовъ стерлинговъ въ мѣсяцъ. Распространеніе желѣзныхъ дорогъ и значительное уменьшеніе платы за пересылку писемъ и книгъ по почтѣ значительно способствовало успѣшному дѣйствію пропаганды. Многіе вліятельные члены лиги (въ особенности Кобденъ, Брайтъ, Уильсонъ, Муръ, Томпсонъ) разъѣзжали по разнымъ городамъ Великобританіи, повсюду созывали митинги, говорили рѣчи, и проч. Съ другой стороны бывали примѣры, что въ теченіи какого нибудь мѣсяца нѣсколько сотъ тысячъ экземпляровъ разныхъ брошюръ, журналовъ и газетъ разсылались по всѣмъ уголкамъ Великобританіи. Самые лютые враги лиги не могли не сознаться въ томъ, что, не смотря на энергическое противодѣйствіе ихъ, лига сложилась въ страшную силу. Вотъ что говорила газета «Times» въ передовой статьѣ своей отъ 18 ноября 1844 года. (Нужно замѣтить, что и въ то время, также какъ и теперь, эта газета, имѣю-

щая претензію быть органомъ общественнаго мнѣнія, всегда становилась на сторонѣ силы и успѣха). «Лига, говоритъ эта статья, существуетъ какъ фактъ. Нельзя не признать великимъ и важнымъ фактомъ то обстоятельство, что въ средѣ нашихъ фабрикъ образовался союзъ, который поставилъ себѣ цѣлью осуществленіе одного важнаго для него политическаго вопроса, и который не уступалъ ни передъ какими жертвами и опасностями для достиженія этой цѣли. Мы можемъ утверждать (и можетъ быть не безъ нѣкотораго основанія), что лига имѣетъ въ виду другія цѣли, нежели тѣ, о которыхъ она гласно объявляетъ; но тѣмъ не менѣе остается тотъ фактъ, что лига существуетъ. Можно утверждать, что члены лиги заклятые враги государства и церкви, что они стремятся прежде всего къ разоренію аристократіи—постоянному предмету ихъ зависти и ненависти. Можно также утверждать, что лига стремится къ ниспроверженію коренныхъ англійскихъ учрежденій и ко всеобщей анархіи. Все это можетъ быть въ извѣстной степени справедливо. Но мы спросимъ, кто создалъ лигу, кто придалъ ей настоящія ея значенія и силу? Ее вызвали тѣ самые люди, которые не хотѣли дѣлать никакихъ уступокъ. На нихъ лежитъ отвѣтственность за ту опасность, которая грозитъ нынѣ англійской конституціи»... «Times» потому была такъ встревожена въ концѣ 1844 года, что не понимала, какъ слѣдуетъ, ученія манчестерской школы, что смѣшивала людей манчестерской партіи съ соціалистами, коммунистами, демократами, анархистами, республиканцами и проч.; но въ скоромъ времени она должна была успокоиться.

Въ 1845 году къ неурожаю въ Англіи и Шотландіи присоединилось еще новое бѣдствіе—болѣзнь картофеля, составляющаго главный продуктъ потребленія въ Ирландіи. Лига поспѣшила воспользоваться этимъ обстоятельствомъ для своихъ цѣлей, и стала проповѣдывать громче, чѣмъ прежде, о томъ, что само Провидѣніе высказываетъ свою волю въ ниспосылаемыхъ на Англію бѣдствіяхъ, и что никто не смѣетъ болѣе запирать гавани Великобританіи для привоза иностраннаго хлѣба. Ландлорды все-таки хотѣли еще сопротивляться. Тогда Кобденъ заговорилъ о томъ, что слѣдуетъ собрать капиталъ въ 250 тысячъ фунтовъ для покупки свободныхъ поземельныхъ участковъ и для пріобрѣтенія такимъ образомъ новыхъ голосовъ на выборахъ—и черезъ четверть часа послѣ

того, какъ Кобденъ сдѣлалъ это предложеніе, собрано было для этой цѣли по подпискѣ 60,000 ф. ст., и вслѣдъ за тѣмъ подписка пошла впередъ. Когда ландлорды убѣдились въ томъ, какими огромными денежными средствами располагаютъ ихъ противники, когда агитація извнѣ и давленіе народныхъ массъ на парламентъ становились все сильнѣе и сильнѣе, правительство, парламентъ и аристократія увидѣли невозможность долѣе сопротивляться требованіямъ коттонлордовъ, поддержаннымъ рабочими массами. Министры, члены палаты, органы прессы (первая, разумѣется, Times), съ энергіей возстававшіе доселѣ противъ требованій лиги, одни за другими стали склоняться въ пользу безпошлиннаго ввоза хлѣба. Самъ Робертъ Пиль, надежный столпъ торизма и храбрый защитникъ интересовъ ландлордовъ, объявилъ себя побѣжденнымъ Кобденомъ и его партіей. Въ началѣ 1846 года билль о безпошлинномъ ввозѣ хлѣба былъ принятъ нижней, а вслѣдъ за тѣмъ и верхнею палатами. Лига торжествовала важную побѣду, которая стоила ей восьмилѣтней упорной борьбы и крайняго напряженія силъ. Вмѣстѣ съ нею и большинство народа торжествовало побѣду надъ ландлордами. Дѣйствительно рабочіе въ союзѣ съ коттонлордами одержали побѣду надъ общимъ противникомъ ихъ, и въ первое время имъ дано было увидѣть ближайшіе результаты этой побѣды — удешевленіе хлѣба и жизненныхъ продуктовъ вообще. Но вслѣдъ за первыми минутами торжества послѣдовали минуты разочарованія, и въ скоромъ времени рабочіе должны были придти къ убѣжденію, что ихъ положеніе нисколько не улучшилось отъ побѣды коттонлордовъ надъ ландлордами, и что они своими руками загребали жаръ для другихъ.

Послѣ отмѣны хлѣбныхъ законовъ Anti-Cornlaw-League перестала существовать: она была уничтожена вслѣдствіе постановленія, принятаго въ томъ же году въ манчестерскомъ собраніи друзей свободной торговли. Послѣ достиженія цѣли, къ которой она стремилась, лига дѣлалась уже безполезною. Но манчестерская школа осталась. Лига была только средствомъ, при помощи котораго школа эта хотѣла осуществить, привести въ дѣйствительность одну изъ основныхъ истинъ своего ученія. Послѣ того какъ эта истина, вслѣдствіе стараній лиги, перешла въ область дѣйствительности, сдѣлалась фактомъ, орудіе осуществленія идеи манчестерцевъ сдѣлалось ненужнымъ. Но самая философія ихъ продол-

жала свое существованіе. Она еще болѣе развилась и систематизировалась во время, и даже вслѣдствіе, борьбы противъ хлѣбныхъ законовъ. Послѣ достиженія этого одного, важнаго результата, предводители манчестерской партіи стали стремиться къ проведенію другихъ своихъ идей, къ осуществленію другихъ своихъ стремленій. Но эти старанія ихъ не всегда увѣнчивались одинаковымъ успѣхомъ. Ландлорды не могли простить коттонлордамъ пораженія своего въ вопросѣ о хлѣбныхъ законахъ; чтобы отмстить имъ за это, они не упускали послѣ этого ни одного случая соединиться съ низшими классами и дѣйствовать вмѣстѣ съ ними наперекоръ стараніямъ коттонлордовъ.

Послѣ отмѣны пошлины на хлѣбъ, составлявшей одну изъ причинъ дороговизны производства, манчестерская партія, оставаясь вѣрною своему основному принципу, продолжала всячески домогаться уничтоженія всѣхъ прочихъ условій дороговизны производства. Поэтому она съ бо̀льшимъ противъ прежняго рвеніемъ стала заботиться о полной свободѣ торговли, о совершенномъ уничтоженіи ввозныхъ пошлинъ, какъ объ одномъ изъ средствъ значительно удешевить производство. И въ настоящемъ случаѣ, какъ и во всѣхъ другихъ по̀добныхъ, основной принципъ манчестерцевъ, завѣтная цѣль ихъ стремленій, была прикрыта громкими фразами о необходимости обезпечить сбытъ англійскимъ произведеніямъ, для того, чтобы милліоны рабочихъ не лишились вдругъ работы и пр. Далѣе они стремились къ замѣнѣ косвенныхъ налоговъ прямыми налогами, увѣряя, что производство и потребленіе никакъ не слѣдуетъ облагать налогами. При этомъ они опять распространялись о безчеловѣчности облагать, напримѣръ, налогомъ вино, табакъ и другіе предметы, составляющіе какое нибудь удобство или роскошь въ жизни рабочаго. Но при болѣе внимательномъ взглядѣ на это дѣло оказывается, что они, какъ главные производители и какъ главные же потребители, на которыхъ слѣдовательно косвенные налоги должны были главнымъ образомъ падать, хотѣли избавить отъ налога и производство, и потребленіе; что же касается до налога на табакъ, вино и прочіе предметы потребленія рабочихъ, то сами работодатели, доводя задѣльную плату до удовлетворенія minimum'а потребностей человѣка, избавляли рабочіе классы отъ необходимости платить много косвенныхъ налоговъ за потребленіе этихъ предметовъ, по той весьма

простой причинѣ, что при существующей задѣльной платѣ рѣдкому изъ работниковъ приходится много потреблять предметовъ, обложенныхъ пошлиною. Какъ скоро желаніе коттонлордовъ исполнится, и цѣна на извѣстные предметы, вслѣдствіе уничтоженія косвенныхъ налоговъ, понизится, то рабочіе отъ этого ничего не выиграютъ, потому что за этимъ новымъ удешевленіемъ, точно такъ же, какъ и за удешевленіемъ хлѣба и первыхъ жизненныхъ потребностей, послѣдуетъ новое пониженіе заработной платы до minimum'a—и рабочій останется при томъ же: отъ уничтоженія косвенныхъ налоговъ опять останутся въ выигрышѣ одни только крупные производители и потребители, т. е. мануфактуристы и торговцы. Благосостояніе массъ нисколько не подвинется отъ этого впередъ; но за то сильно подвинется впередъ осуществленіе принципа—дешевизна производства во что бы то ни стало.

Этотъ принципъ, какъ мы старались показать, проходитъ, какъ красная нить, сквозь все ученіе, сквозь всѣ дѣйствія манчестерцевъ. О чемъ бы ни заговорили они—о парламентской реформѣ, объ улучшеніяхъ въ судебномъ законодательствѣ и въ финансовомъ управленіи страною, объ отмѣнѣ хлѣбныхъ законовъ, о преобразованіяхъ въ народномъ воспитаніи, объ уменьшеніи постоянныхъ армій и о вѣчномъ мирѣ, о преобразованіяхъ въ системѣ налоговъ, о необходимости полной свободы торговли—вездѣ намъ слышится cheapness à tout prix, вездѣ проглядываетъ узкость взгляда и ограниченность интересовъ, скрывающіяся за громкими фразами о стремленіи къ благу милліоновъ рабочаго народа. Но нигдѣ эта узкость взглядовъ не обнаруживается съ такою ясностью, какъ въ вопросѣ о такъ называемой свободѣ отношеній между рабочими и работодателями; нигдѣ несовмѣстимость интересовъ рабочихъ съ интересами коттонлордовъ не обнаруживается такъ ясно, какъ въ этомъ вопросѣ; нигдѣ коттонлордамъ не приходится такъ откровенно высказывать истинныя свои стремленія, какъ въ настоящемъ случаѣ, въ которомъ имъ трудно, почти невозможно, скрываться за громкими фразами и надѣвать маску безкорыстія и гуманности.

Мы говорили уже въ первой статьѣ нашей о томъ, въ какомъ бѣдственномъ положеніи находился англійскій рабочій, которому приходилось работать на фабрикѣ почти столько же часовъ, сколько находились въ дѣйствіи машины, т. е. до пятнадцати часовъ въ

сутки, и также о томъ огромномъ развитіи, которое приняли на англійскихъ фабрикахъ работы женщинъ и дѣтей. Мы видѣли, что нѣсколько разъ парламентъ пытался ограничить безчеловѣчную эксплуатацію со стороны коттонлордовъ труда фабричнаго населенія, и каждый разъ попытки эти возбуждали сильнѣйшее негодованіе со стороны коттонлордовъ. Причина этого негодованія заключалась въ томъ, что попытки парламента противорѣчили основному принципу манчестерцевъ. Какъ скоро имъ мѣшали покупать трудъ тамъ, гдѣ они могли получать его за болѣе дешевую цѣну, какъ скоро государство заставляло ихъ платить за трудъ дороже, нежели какъ они могли бы получать его безъ вмѣшательства государства, они видѣли въ этомъ существенное нарушеніе основнаго своего принципа и съ замѣчательною откровенностію высказывали свое огорченіе и свое негодованіе. «Мы, говорятъ они, должны имѣть возможность успѣшно конкурировать въ фабричной производительности съ другими государствами. Если мы имѣемъ передъ ними то преимущество, что у насъ лучшія машины, то они имѣютъ то важное преимущество, что у нихъ трудъ дешевле, потому что у нихъ дешевле жить. Слѣдовательно, если бы намъ пришлось лишиться болѣе дешеваго труда дѣтей и женщинъ, ограничить число рабочихъ часовъ на нашихъ фабрикахъ, то отъ этого трудъ еще болѣе вздорожалъ бы, и вслѣдствіе этого цѣна производства нашихъ фабричныхъ произведеній до того увеличилась бы, что намъ невозможно бы было конкурировать съ материкомъ». Вообще они не признавали за государствомъ или парламентомъ права вмѣшиваться въ отношенія и сдѣлки между работодателями и рабочими. Подобное вмѣшательство, говорили они, есть посягательство на право труда, на свободу личности. Разъ попавши на тему о свободѣ личности, эти ревнители свободы распространялись очень краснорѣчиво о беззаконности всякаго стѣсненія этой свободы. Интересно взглянуть на то, съ какимъ безстыдствомъ фабриканты стараются представить эксплуатацію труда работника—защитою свободы личности. «Если работникъ, увѣряли они, желаетъ работать на фабрикѣ по 12-ти и по 14-ти часовъ въ сутки, то государство не имѣетъ права запретить ему это. Мало того—еслибъ работникъ нашелъ полезнымъ доработаться до смерти, то и тутъ никто не могъ бы запретить ему этого. Никто не принуждаетъ его (?) работать при извѣстныхъ условіяхъ; одинъ

только работникъ долженъ рѣшить, слѣдуетъ ли ему принять работу при извѣстныхъ условіяхъ или отказаться отъ нея, смотря по тому, насколько эти условія вредны или полезны для его здоровья, благосостоянія, и пр.». Но оригинальнѣе всего слѣдующая фраза, часто повторяемая коттонлордами: «право на трудъ есть священное, неприкосновенное право, которое столь же священно и неприкосновенно, какъ и свобода личности». Это изреченіе ихъ, это оригинальное пониманіе выраженія droit au travail, было бы даже забавно, еслибы оно не было такъ гнусно. Люди, заставляющіе въ видахъ возможной дешевизны производства работать у себя на фабрикахъ по 12-ти и болѣе часовъ мужчинъ, женщинъ и дѣтей, заставляющіе ихъ работать до изнеможенія силъ подъ опасеніемъ быть прогнаннымъ съ фабрики и нигдѣ болѣе не найти работы, профанируютъ слова: «право на трудъ, свобода личности», увѣряя, что поступая такимъ образомъ, они имѣютъ въ виду именно спасеніе этого священнаго права и этой священной свободы отъ посягательства безпокойныхъ реформаторовъ. Тутъ ученіе коттонлордовъ является во всей безобразной наготѣ своей (потому что надѣтая въ настоящемъ случаѣ маска защитниковъ свободы личности до того груба, что рѣшительно никого не можетъ обмануть). Тутъ они явно выказываютъ, что интересы ихъ діаметрально противоположны интересамъ рабочихъ. Въ этомъ вопросѣ они высказали вполнѣ, что для нихъ рабочій и трудъ его есть ничто иное, какъ сырье, стоимость котораго они высчитываютъ съ тою же аккуратностью, какъ стоимость машинъ и хлопка, чтобы сообразно съ этимъ назначать цѣну за свои произведенія. Хотя они и говорятъ о свободѣ личности, но личности для нихъ вовсе не существуетъ: они видятъ въ работникахъ только огромныя группы людей, существующія для обработки хлопка и для снабженія всего свѣта хлопчатобумажными произведеніями. Они не хотятъ или не могутъ понять, что могутъ быть другія побужденія и соображенія, кромѣ конторскихъ и биржевыхъ разсчетовъ. Поэтому когда заговорили объ уменьшеніи рабочихъ часовъ на фабрикахъ (подразумѣвая, разумѣется, при томъ сохраненіе прежней нормы заработной платы), они притворились, что предполагаютъ у государства желаніе уменьшить чрезъ это доходъ работника, и заговорили о свободѣ личности. Реформаторы, предлагавшіе регулировать посредствомъ закона отношенія между работо-

дателями и рабочими, имѣли исключительно въ виду защитить слабаго отъ сильнаго, работника отъ капиталиста; они предприняли это дѣло, потому что находили, что обмѣнъ труда на скудную задѣльную плату вовсе не носитъ того характера свободныхъ отношеній, на который указывала манчестерская философія; они предлагали подобное регулированіе отношеній потому, что на дѣлѣ работникъ, не подчиняющійся предлагаемымъ, или лучше сказать предписываемымъ ему и семейству его со стороны фабриканта условіямъ, неминуемо подвергаетъ себя и близкихъ себѣ лицъ нуждѣ и бѣдствіямъ. Не смотря на то, что это неравенство между капиталомъ и трудомъ очевидно для всякаго здравомыслящаго человѣка, манчестерская школа, подобно всѣмъ экономистамъ-либераламъ, проводитъ одну общую черту надъ этимъ страшнымъ неравенствомъ отношеній, называетъ эту черту свободою личности, и возстаетъ противъ нарушенія этой священной свободы. Она ничего не хочетъ слышать о той «скрытой, моральной покровительственной системѣ», подъ которою она разумѣетъ законы въ пользу рабочихъ. Она говоритъ, что трудъ, нуждающійся въ покровительствѣ, недостоинъ права существовать, и громко провозглашаетъ, что филантропіи нѣтъ мѣста тамъ, гдѣ существуетъ свобода личности, свобода дѣйствій, свобода торговли. (Съ словомъ «филантропія», насколько оно примѣняется къ торговлѣ и промышленности, въ устахъ манчестерскихъ философовъ соединяется весьма нехорошее понятіе о чемъ-то въ высшей степени дрябломъ, пѣсномъ и вообще презрѣнномъ; этому слову и этому понятію они противупоставляютъ понятіе о соблюденіи своего собственнаго интереса и о «справедливости» (!) въ отношеніи между мануфактуристами и рабочими). До тѣхъ поръ пока землевладѣльцы находили свой разсчетъ въ томъ, чтобы сбывать какъ можно болѣе въ фабричные округи избытокъ населенія земледѣльческихъ округовъ, коттонлордамъ не трудно было проводить въ законодательствѣ свои взгляды на отношенія рабочихъ къ фабрикантамъ: по крайней мѣрѣ всѣ парламентскія постановленія, изданныя до 1847 года, не произвели почти ни малѣйшаго улучшенія въ бытѣ рабочихъ. Но послѣ того, какъ коттонлорды добились отмѣны хлѣбныхъ законовъ, землевладѣльцы принуждены были конкурировать въ хлѣбномъ производствѣ съ континентомъ, и поэтому стали заботиться о томъ, чтобы дать у себя земледѣлію бо́льшее развитіе

и привлечь къ этому дѣлу побольше рабочихъ рукъ. Съ другой стороны, имъ хотѣлось отмстить мануфактуристамъ ихъ же оружіемъ, т. е. принятіемъ такой законодательной мѣры, которая пала бы извѣстною тяжестью на ихъ карманъ. Поэтому, когда въ 1847 году, т. е. годъ спустя послѣ отмѣны хлѣбныхъ законовъ, въ парламентѣ зашла рѣчь объ уменьшеніи рабочихъ часовъ на фабрикахъ (такъ называемый десятичасовой билль), ландлорды вспомнили о бѣдныхъ матеряхъ, которыя отрываются отъ домашняго очага, о бѣдныхъ дѣтяхъ, которыя вырываются изъ родительскаго дома, вообще о бѣдныхъ фабричныхъ работникахъ, которые лишены свѣта и воздуха въ «черныхъ фабрикахъ». Слѣдствіемъ антагонизма, проявившагося теперь между интересами ландлордовъ и коттонлордовъ, было то, что билль этотъ прошелъ, и работа на фабрикахъ была ограничена 10 часами (собственно только для женщинъ и дѣтей, и только косвенно для взрослыхъ мужчинъ, такъ какъ послѣдніе почти что не могутъ работать, когда при машинахъ не работаютъ первыя). Впрочемъ, какъ мы уже замѣтили въ первой статьѣ, коттонлорды до того сильно привязаны къ основному своему принципу, до того убѣждены въ необходимости эксплуатировать изо всѣхъ силъ трудъ фабричнаго рабочаго, что они, потерпѣвши это пораженіе со стороны законодательства, принялись изыскивать средства, посредствомъ которыхъ имъ можно бы обойти ненавистный имъ законъ о десятичасовой работѣ. И средства эти нашлись, какъ мы говорили прежде, въ чередованіи работы однихъ и тѣхъ же рабочихъ на разныхъ фабрикахъ, и т. д. Право на трудъ и свобода личности, въ томъ смыслѣ, какъ ихъ понимали коттонлорды, были спасены.

Здѣсь кстати можно привести еще другой примѣръ того, какъ мало коттонлорды обращаютъ вниманіе на постановленія закона тамъ, гдѣ это хотя бы мало-мальски противорѣчитъ ихъ выгодамъ, и какъ легко они жертвуютъ даже жизнью рабочихъ тамъ, гдѣ они опасаются хотя бы самаго незначительнаго вреда для фабричной работы, вслѣдствіе чего могла бы возвыситься сколько нибудь цѣнность производства. Въ 1844 г. парламентъ издалъ постановленіе о томъ, чтобы во избѣжаніе безпрерывно повторявшихся несчастныхъ случаевъ на фабрикахъ, машины, представлявшія опасность для рабочихъ, были отгорожены. Мануфакту-

ристы стали увѣрять, что исполненіе этого постановленія невозможно, потому что загородка вокругъ машинъ помѣшала бы имъ свободно дѣйствовать; и дѣйствительно въ теченіе 9 лѣтъ постановленіе это такъ-таки и не исполнялось. Но когда число несчастныхъ случаевъ еще болѣе увеличилось, когда число искалѣченныхъ и убитыхъ на фабрикахъ рабочихъ стало простираться до 4 тысячъ человѣкъ въ годъ, правительство сочло нужнымъ назначить инспекторовъ, которые бы наблюдали за соблюденіемъ постановленій относительно безопасности на фабрикахъ, и подвергать взысканію тѣхъ фабрикантовъ, на фабрикахъ которыхъ не были приняты должныя предосторожности. Тогда фабриканты основали въ 1855 году особое общество (National Association of factory occupiers), цѣль котораго состояла въ взаимномъ страхованіи отъ возлагаемыхъ на отдѣльныхъ членовъ его штрафовъ, въ покрытіи судебныхъ издержекъ по дѣламъ о несоблюденіи правилъ о безопасности на фабрикахъ, и вообще во всякомъ противодѣйствіи постановленіямъ закона объ этомъ предметѣ. При этомъ мануфактуристы принимали на себя видъ жертвъ и жаловались на притѣсненія правительства. «Несчастія, говорили они, неразлучны со всякимъ великимъ предпріятіемъ — каковы желѣзныя дороги, пароходство, машинная работа на фабрикахъ и пр.; къ тому же въ бо́льшей части случаевъ они происходятъ отъ собственной неосторожности пострадавшаго: поэтому закону тутъ нечего вмѣшиваться. Всякое вмѣшательство правительства въ это дѣло есть стѣсненіе свободы труда. Въ случаѣ, если правительство будетъ продолжать производить эти стѣсненія, тогда мануфактуристамъ не останется никакого другаго исхода, какъ закрытіе ихъ фабрикъ, которое лишитъ куска хлѣба милліоны людей. Вотъ чего добьются реформаторы», угрожали они. Въ этой борьбѣ мануфактуристовъ противъ того, что они называли нестерпимыми стѣсненіями правительства, приняла также участіе и англійская литература. Диккенсъ зло осмѣивалъ узкія стремленія мануфактуристовъ въ настоящемъ вопросѣ. Защиту коттонлордовъ и созданной ими «національной ассоціаціи» приняла на себя между прочимъ миссъ Мартино, съ жаромъ доказывавшая Диккенсу, что его «филантропія» несовмѣстима съ «неизмѣнными законами политической экономіи вообще, и манчестерской философіи въ особенности». Такъ опять

и въ настоящемъ вопросѣ коттонлорды съумѣли насмѣяться надъ защитой, оказываемой закономъ работнику.

Итакъ о вмѣшательствѣ государства, правительства, законодательства въ дѣло объ улучшеніи быта рабочихъ манчестерцы не хотятъ и слышать, видя въ этомъ стѣсненіе свободы личности, нарушеніе права на трудъ, ниспроверженіе всѣхъ «незыблемыхъ законовъ» политической экономіи. Сами они, разумѣется, не думаютъ объ этомъ, потому что подобное улучшеніе не способствуетъ удешевленію производства, не соотвѣтствуетъ основному принципу ихъ, наконецъ потому, что стремленіе къ подобному улучшенію было бы идеальничаньемъ, филантропіей. Со стороны остальныхъ классовъ общества они тоже не желаютъ вмѣшательства въ это дѣло, потому что подобное вмѣшательство было бы «милостыней», а «милостыня унижаетъ того, кто ее принимаетъ». Но между тѣмъ не могутъ же они быть настолько смѣлыми, чтобы увѣрять всѣхъ и каждаго, что общественное положеніе рабочихъ классовъ въ Англіи вполнѣ удовлетворительно и не нуждается ни въ какихъ улучшеніяхъ. Откуда же должны исходить эти улучшенія? Отъ самихъ рабочихъ, отвѣчаютъ коттонлорды вмѣстѣ съ Шульце-Деличемъ, Дольфюсомъ, вмѣстѣ съ цѣлой фалангой экономистовъ либеральной школы. «Отъ самихъ рабочихъ»—этими словами, по ихъ мнѣнію, все сказано. Они смотрятъ съ снисходительнымъ одобреніемъ на сверхъестественныя усилія рабочихъ классовъ выйти изъ настоящаго, крайне неудовлетворительнаго положенія своего посредствомъ различныхъ, въ сущности весьма недостаточныхъ средствъ, въ которыхъ можно видѣть развѣ только палліативы и временныя мѣры, а вовсе не послѣднее слово науки объ устройствѣ общества. Къ этимъ палліативнымъ средствамъ, въ которыхъ манчестерцы и экономисты-либералы желали бы видѣть радикальное средство къ улучшенію быта рабочихъ, мы причисляемъ различныя ассоціаціи въ родѣ знаменитой Рочдэльской ассоціаціи, различныя кооперативныя общества, капиталъ которыхъ составленъ изъ грошей и которые поэтому никогда не могутъ быть въ состояніи конкурировать съ огромными, уже готовыми, капиталами, кредитныя ассоціація и сберегательныя кассы, различныя trades union's, friendly societie's, и пр. Всѣ эти предпріятія безъ сомнѣнія очень хороши, и тамъ, гдѣ они существуютъ, конечно отчасти способствуютъ улуч-

шенію быта окрестныхъ рабочихъ. Но отъ этихъ палліативовъ еще очень далеко до радикальнаго улучшенія общественнаго устройства, и нужно быть коттонлордомъ или присяжнымъ политико-экономомъ, чтобы на этомъ успокоиться. Возьмемъ, напр., вопросъ о сберегательныхъ кассахъ. Коттонлорды въ своемъ мѣщанскомъ самодовольствѣ очень любятъ упрекать рабочихъ въ крайней непредусмотрительности (improvidence). Они любятъ выставлять рабочимъ на видъ то, что въ хорошіе дни они вовсе не думаютъ о черныхъ дняхъ, что въ такіе дни они тратятъ весь излишекъ своихъ доходовъ на табакъ, вино, на устраиваніе музыкальныхъ и танцовальныхъ вечеровъ, а не относятъ лишнія копѣйки въ сберегательныя кассы. Въ этихъ сберегательныхъ кассахъ коттонлорды видятъ какъ бы универсальное средство противъ всѣхъ бѣдствій рабочихъ. Они указываютъ на то, что во время стачекъ рабочихъ у нихъ являются средства, для того, чтобы жить по цѣлымъ недѣлямъ и мѣсяцамъ безъ работы. Они не желаютъ всмотрѣться въ то, цѣною какихъ лишеній куплены эти средства; есть средства, рабочіе не сразу умираютъ съ голода послѣ прекращенія работъ—значитъ имъ еще не такъ плохо жить, говорятъ коттонлорды съ свойственной имъ логикой. Употребите ваши излишки на основаніе сберегательныхъ кассъ, и вы никогда не будете бѣдствовать, поучаютъ они рабочихъ. При этомъ они съ величайшею скромностью указываютъ на самихъ себя, увѣряя, что они сами или отцы ихъ начали съ пенсовъ и дошли до десятковъ тысячъ фунт. стерл. Послушать ихъ, такъ всякому работнику стоитъ только хорошенько захотѣть, для того, чтобы, начавши съ нѣсколькихъ пенсовъ, сколотить себѣ капиталъ въ нѣсколько десятковъ тысячъ фунтовъ. Этимъ совѣтчикамъ повидимому и въ голову не приходитъ мысль о томъ, сколько жестокости заключается въ совѣтѣ рабочему отказаться за себя и за свое семейство, при 12 или 14-часовой работѣ, отъ трубки табаку, отъ стакана вина, наконецъ отъ рѣдкаго удовольствія поплясать, послушать музыку и пѣніе, и вмѣсто всего этого, довольствуясь чуть не сухимъ хлѣбомъ, лишая себя и свое семейство всякихъ незначительныхъ удобствъ и мелкихъ радостей въ жизни, нести свои пенсы въ сберегательную кассу. Эти грошевыя сбереженія, купленныя цѣною столькихъ лишеній, много много что не дадутъ ему умереть съ голоду въ тотъ день, когда у него не ста-

нетъ работы. Это maximum того, что можетъ доставить работнику сберегательная касса, въ которую онъ вносилъ скудныя свои сбереженія. А между тѣмъ коттонлорды, получающіе часто десятки тысячъ доходу, и при всемъ томъ подвергающіеся банкротству при мало-мальски неблагопріятныхъ обстоятельствахъ, бранятъ рабочаго за его improvidence и рекомендуютъ ему въ сберегательныхъ кассахъ универсальное и радикальное средство къ улучшенію его быта.

Но мало того, что коттонлорды осуждаютъ всякую помощь, оказываемую рабочему сословію извнѣ, и требуютъ отъ него, чтобы оно само, одними только собственными своими средствами, достигло улучшенія своего быта: они и тутъ стѣсняютъ выборъ этихъ средствъ со стороны рабочихъ и дѣйствуютъ имъ наперекоръ. Такъ, напр., рабочіе довольно часто прибѣгаютъ къ такъ называемымъ strike's (стачкамъ), для того, чтобы добиться увеличенія заработной платы, болѣе равномѣрнаго распредѣленія платы по различнымъ фабрикамъ, или уменьшенія рабочихъ часовъ (болѣе другихъ замѣчательны стачки 1853 года, распространившіяся почти по всей Англіи, посредствомъ которыхъ рабочіе надѣялись достигнуть увеличенія заработной платы на 10%). Этихъ strike's коттонлорды очень не любятъ; они называютъ ихъ посягновеніемъ на свободу личности мануфактуристовъ (опять таки свобода личности), и всѣми зависящими отъ нихъ мѣрами противодѣйствуютъ имъ. Извѣстно, что они обыкновенно заключаютъ между собою стачку, и обязываются не уступать требованіямъ рабочихъ, хотя бы это и стоило нѣкоторымъ изъ нихъ разоренія или сильнаго разстройства въ дѣлахъ. И такъ какъ они всегда имѣютъ болѣе средствъ, такъ какъ отъ нихъ всегда далека опасность голодной смерти, а рабочимъ, вошедшимъ въ стачку, черезъ нѣсколько недѣль или мѣсяцевъ положительно приходится умирать съ голоду, то мануфактуристы почти всегда одерживаютъ верхъ и принуждаютъ рабочихъ отказаться отъ стачки и принять тѣ условія, которыя предписываютъ (или, по словамъ коттонлордовъ, предлагаютъ имъ для свободнаго выбора) противники ихъ, мануфактуристы. Такимъ образомъ даже тѣ средства, посредствомъ которыхъ сами рабочіе пытаются добиться улучшенія своего быта, оказываются, по милости тѣхъ же коттонлордовъ, довольно ограниченными.

Сентябрь 1864 г.

ЧТО ТАКОЕ ВЕЛИКІЕ ЛЮДИ ВЪ ИСТОРІИ?

(по поводу предисловія къ «исторіи юлія цезаря», наполеона III).

Въ концѣ февраля 1865 г. появилось въ свѣтъ предисловіе къ «Исторіи Юлія Цезаря», написанной Наполеономъ III. А недѣли двѣ спустя, около 10 марта, вышелъ и первый томъ самаго сочиненія. Этотъ томъ полученъ уже здѣсь въ Петербургѣ, и желающіе могутъ теперь же удовлетворить своей любознательности, прочитавши это сочиненіе новѣйшаго историка Юлія Цезаря. Хотя исторія этого римскаго завоевателя давно уже сдѣлалась достаточно извѣстна, но на этотъ экстренный случай, когда новымъ историкомъ явился такой человѣкъ, какъ Наполеонъ III, всѣ отступили отъ обычнаго правила—не интересоваться такими спеціальными и отдаленными предметами; найдено было необходимымъ заняться самымъ тщательнымъ образомъ вновь появившейся книгой. Французскія періодическія изданія переполнены разборами «Исторіи Юлія Цезаря» и статьями по поводу ея. Нѣмецкіе и англійскіе журналы не отстаютъ отъ нихъ; у насъ тоже занялись уже разборомъ перваго тома сочиненія императора. Разумѣется само собою, что публику занимаютъ вовсе не какія нибудь новыя спеціальныя изслѣдованія объ этомъ предметѣ; ей интересна только общая мысль его, которая высказана въ предисловіи, и которой все сочиненіе служитъ только развитіемъ и доказательствомъ. Приводимъ здѣсь вполнѣ это предисловіе, которое не длинно, и затѣмъ скажемъ нѣсколько словъ по поводу теоріи, развиваемой въ предисловіи и въ самомъ сочиненіи новѣйшимъ историкомъ Юлія Цезаря.

«Историческая истина должна быть также священна, какъ и

религія. Если поученія вѣры возвышаютъ душу нашу надъ мірскими интересами, то поученія исторіи въ свою очередь внушаютъ намъ любовь къ прекрасному и справедливому, ненависть къ тому, что служитъ препятствіемъ прогрессу человѣчества. Но для того, чтобы эти поученія приносили извѣстную пользу, необходимы нѣкоторыя условія. Необходимо, чтобы факты были приводимы съ строгою точностью, чтобы политическія или соціальныя измѣненія подвергаемы были философскому анализу, чтобы интересныя подробности жизни политическихъ дѣятелей не отвлекали вниманія отъ ихъ политической роли и не заставляли забывать о миссіи, предназначенной имъ Провидѣніемъ.

«Слишкомъ часто историки представляютъ намъ различные фазисы исторіи, какъ случайныя явленія, не отыскивая въ предшествовавшихъ событіяхъ истиннаго ихъ происхожденія и ихъ естественной послѣдовательности; они въ этомъ случаѣ уподобляются живописцамъ, которые, останавливаясь на явленіяхъ природы, могутъ воспроизвести только пластическую ихъ сторону, но не могутъ въ своихъ картинахъ объяснить происхожденіе извѣстныхъ вещей. Историкъ не долженъ быть только живописцемъ: онъ долженъ открывать тайны преобразованій обществъ, какъ геологъ объясняетъ преобразованія земнаго шара.

«Но какимъ образомъ можно достигнуть истины въ исторіи?— Нужно слѣдовать правиламъ логики. Не нужно упускать изъ виду того, что великое дѣйствіе происходитъ всегда отъ великой причины; другими словами, незначительный повидимому случай никогда не поведетъ къ важнымъ послѣдствіямъ, если не было какой нибудь внутренней причины, которая произвела эти важныя послѣдствія. Искра тогда только производитъ большой пожаръ, если она попадетъ на заранѣе приготовленные горючіе матеріалы. Монтескьё также подтверждаетъ эту мысль: ««Не случай, говоритъ онъ, управляетъ міромъ. Есть общія причины, моральныя или физическія, которыя дѣйствуютъ въ каждомъ государствѣ, возвышаютъ его, удерживаютъ его на высотѣ, или низвергаютъ. Всѣ случаи подчинены этимъ причинамъ, и если частная причина, какъ напр. исходъ одной битвы губитъ иногда цѣлыя государства, то это происходитъ отъ того, что существовала какая нибудь общая причина, вслѣдствіе которой государство должно было погибнуть

отъ одной битвы: однимъ словомъ, общій ходъ дѣла влечетъ за собою различныя случайности»».

«Если въ теченіи почти тысячи лѣтъ римляне постоянно выходили съ торжествомъ изъ самыхъ тяжелыхъ испытаній и изъ самыхъ большихъ опасностей, то это происходило отъ того, что существовала общая причина, которая ставила ихъ всегда выше ихъ непріятелей, и которая производила то, что частныя неудачи и пораженія не повлекли за собою паденія государства. Если римляне, которые долгое время представляли міру образецъ народа, сложившагося и возвеличившагося посредствомъ свободы, со времени Цезаря повидимому слѣпо устремились въ рабство, то это происходило отъ того, что существовала общая причина, которая не дозволяла республикѣ возвратиться къ чистотѣ прежнихъ учрежденій; это происходило отъ того, что новые интересы и потребности перерождающагося общества требовали для удовлетворенія своего новыхъ средствъ. Если съ одной стороны логика указываетъ намъ въ важныхъ событіяхъ причину ихъ существованія, то съ другой стороны нужно допустить то, что въ продолжительности какого нибудь учрежденія заключается доказательство его удовлетворительности, а въ несомнѣнномъ вліяніи какого нибудь человѣка на современныя ему событія—доказательство его генія.

«Дѣло историка заключается, слѣдовательно, въ томъ, чтобы найти жизненный элементъ, обусловливавшій силу извѣстнаго событія, и преобладающую идею, заставлявшую дѣйствовать извѣстнаго человѣка. Слѣдуя этому правилу, мы избѣгнемъ ошибокъ тѣхъ историковъ, которые собираютъ факты, относящіеся къ прежнимъ вѣкамъ, не распредѣляя ихъ по ихъ философской важности; они часто прославляютъ то, что заслуживаетъ порицанія, и оставляютъ въ тѣни то, что должно быть выведено на свѣтъ. Не мелочной разборъ римскаго государственнаго устройства дастъ намъ возможность понять продолжительное существованіе такого обширнаго государства, а глубокое изслѣдованіе духа его учрежденій; точно также не подробный разсказъ о малѣйшихъ дѣйствіяхъ необыкновеннаго человѣка объяснитъ намъ тайну его власти, а внимательное изслѣдованіе побудительныхъ причинъ его дѣйствій.

«Нѣтъ ничего противнѣе здравому смыслу, какъ приписывать обыкновенныя чувства и страсти человѣку тогда, когда необыкновенныя явленія свидѣтельствуютъ о его высокомъ геніи. Можно

ли отрицать превосходство надъ толпою тѣхъ привилегированныхъ личностей, которыя появляются отъ времени до времени въ исторіи, какъ свѣтящіеся маяки, разгоняющіе мракъ своей эпохи и освѣщающіе будущее? Отрицать это превосходство значило бы оскорблять цѣлое человѣчество, предполагая, что люди могутъ терпѣть добровольно и долгое время господство, которое не основано на дѣйствительномъ величіи и на несомнѣнной пользѣ. Будемте логичны, и мы будемъ справедливы.

«Многіе историки находятъ болѣе удобнымъ унижать геніальныхъ людей, нежели подниматься въ благородномъ вдохновеніи до ихъ высоты, проникая обширные замыслы ихъ. Такъ въ томъ, что касается Цезаря, намъ представляютъ его мечтающимъ уже съ юныхъ лѣтъ о пріобрѣтеніи верховной власти, вмѣсто того чтобы представить намъ Римъ истерзаннымъ междоусобными войнами, испорченнымъ роскошью, топчущимъ ногами старинныя учрежденія, тревожимымъ могущественными народами—галлами, германцами, парѳянами, и неспособнымъ продолжать свое существованіе безъ твердаго, сильнаго и справедливаго правительства. Если Цезарь во враждѣ съ Суллою, если онъ не въ ладахъ съ Цицерономъ, если онъ сближается съ Помпеемъ,—то говорятъ, что онъ это дѣлаетъ вслѣдствіе своего лукавства, съ цѣлью все подчинить себѣ. Если онъ отправляется противъ галловъ, то это объясняется желаніемъ его пріобрѣсти богатства посредствомъ грабежа, или окружить себя для будущихъ цѣлей своихъ преданными воинами. Если онъ переноситъ римскіе орлы въ незнакомую страну, завоеваніе которой должно упрочить обладаніе Галліей, то это приписывается желанію его набрать жемчуга въ моряхъ Великобританіи. Если онъ замышляетъ экспедицію противъ парѳянъ, чтобы отмстить за пораженіе Красса, то историки говорятъ, что натура его требовала усиленной дѣятельности, и что въ походахъ здоровье его было лучше. Если онъ съ благодарностью принимаетъ отъ сената лавровый вѣнецъ и носитъ его съ гордостью, то это объясняется желаніемъ его прикрыть свою лысину. Если наконецъ его убиваютъ тѣ, которыхъ онъ осыпалъ благодѣяніями, то говорятъ, это было наказаніемъ ему за то, что онъ хотѣлъ сдѣлаться королемъ: будто онъ для своихъ современниковъ и для потомства не былъ выше всѣхъ возможныхъ королей.

«Таковы мелкія объясненія, которыя со времени Светонія и

Плутарха даются самымъ великимъ и благороднымъ дѣламъ. Но по какимъ признакамъ узнается великій человѣкъ? По тому обстоятельству, что его принципы и его идеи всегда торжествуютъ, несмотря на смерть или пораженіе его. Одному только генію свойственно торжествовать надъ конечностью и распространять свою власть даже на будущія поколѣнія. Цезарь исчезаетъ, а вліяніе его дѣлается еще сильнѣе, нежели при жизни его. Цицеронъ, его противникъ, принужденъ былъ воскликнуть: «Всѣ дѣйствія Цезаря, сочиненія его, слова, обѣщанія, мысли его, имѣютъ болѣе силы послѣ его смерти, нежели они имѣли бы при его жизни». Въ теченіи вѣковъ достаточно было сказать міру, что таково было желаніе Цезаря, чтобы весь міръ повиновался.

«Изъ предшествовавшаго достаточно обозначается цѣль, которую я поставилъ себѣ, когда писалъ эту исторію. Я желаю доказать, что если Провидѣніе создаетъ такихъ людей, какъ Цезарь, Карлъ Великій, Наполеонъ, то это дѣлается для того, чтобы начертать народамъ пути, по которымъ тѣ должны слѣдовать, чтобы обозначить печатью своего генія новую эру и совершить въ нѣсколько лѣтъ дѣло цѣлыхъ столѣтій. Счастливы тѣ народы, которые понимаютъ этихъ людей и слѣдуютъ за ними! Несчастны тѣ народы, которые не понимаютъ и отвергаютъ ихъ! Они уподобляются евреямъ, которые распяли своего Мессію. Они ослѣплены и преступны: ослѣплены, потому что они не понимаютъ безсилія своего остановить окончательное торжество добра; преступны, потому что они задерживаютъ прогрессъ, препятствуя его быстрому и благодѣтельному примѣненію. Въ самомъ дѣлѣ ни убіеніе Цезаря, ни плѣнъ на островѣ св. Елены не въ состояніи были уничтожить безвозвратно народныя стремленія, которыя были только пріостановлены лигою, прикрывающеюся маскою свободы. Брутъ, убивши Цезаря, подвергнулъ Римъ всѣмъ ужасамъ междоусобной войны; но онъ не сдѣлалъ невозможнымъ царствованія Августа, а за то сдѣлалъ возможными царствованія Нерона и Калигулы. Остракизмъ, произнесенный всей Европой надъ Наполеономъ, не помѣшалъ возстановленію во Франціи имперіи; а между тѣмъ мы еще далеко отъ разрѣшенія важныхъ вопросовъ, отъ усмиренія страстей, отъ удовлетворенія законныхъ народныхъ желаній, которыя первая имперія въ состояніи была дать Европѣ.

«Такимъ образомъ послѣ 1815 года ежедневно оправдывается

слѣдующее пророчество плѣнника св. Елены: «Сколько борьбы, сколько крови, сколько времени потребуется для осуществленія того блага, которое я хотѣлъ сдѣлать человѣчеству».

Это предисловіе имѣетъ интересъ болѣе политическій, нежели историческій и ученый. Очевидно, что оно составляетъ нѣчто въ родѣ profession de foi Наполеона III, что оно имѣетъ назначеніемъ объяснить всему міру законность, необходимость, благодѣтельность его собственной системы управленія. Общее впечатлѣніе, произведенное на всѣхъ чтеніемъ предисловія, состояло въ томъ, что оно относится болѣе къ нему самому, нежели къ Цезарю, что всѣ похвалы, расточаемыя имъ здѣсь величію и геніальности Цезаря, могутъ и даже должны быть перенесены на него и на его дядю, что являясь защитникомъ Цезаря, онъ имѣлъ преимущественно въ виду защиту бонапартизма. Въ чемъ же состоитъ эта защита бонапартизма? Она состоитъ, какъ объясняетъ самъ авторъ сочиненія, въ томъ, чтобы доказать, «что если Провидѣніе создаетъ такихъ людей, какъ Цезарь, Карлъ Великій, Наполеонъ, то оно имѣетъ при этомъ въ виду указать народамъ пути, по которымъ они должны слѣдовать, обозначить цѣлую эру печатью ихъ генія и совершить въ нѣсколько лѣтъ дѣло цѣлыхъ столѣтій». Если бы автору предисловія удалось доказать то, что онъ предполагаетъ доказать, тогда дѣйствительно бонапартизмъ нашелъ бы себѣ въ немъ адвоката, который блистательно оправдалъ бы его передъ исторіей. Но удалось ли ему доказать это?

Авторъ предисловія очевидно принадлежитъ къ числу той фаланги историковъ, во главѣ которой стоитъ Карлейль, и которая кладетъ въ основаніе своего міросозерцанія—культъ героевъ, апоѳеозу такъ называемыхъ великихъ людей, поклоненіе великимъ завоевателямъ, обоготвореніе успѣха. Ученіе этой исторической школы болѣе всего подходитъ къ вкусамъ и соотвѣтствуетъ цѣлямъ новѣйшаго историка Юлія Цезаря. Для Наполеона, какъ и для всей этой фаланги историковъ, великіе люди являются не произведеніями своего вѣка, а посланниками Провидѣнія. Для него эти люди если не боги, то уже навѣрное полубоги, которые появились на землѣ для облагодѣтельствованія рода человѣческаго. По его представленію, въ исторіи совершаются какія-то сверхъестественныя явленія, состоящія въ томъ, что между обыкновенными смертными появляются вдругъ какіе-то добрые геніи или пророки, ко-

торые указываютъ человѣчеству на его ошибки, которые заботятся о томъ, чтобы поднять падшее человѣчество и указать ему на путь истины. Если ни современники, ни послѣдующія поколѣнія не понимаютъ этихъ великихъ личностей, то это происходитъ по весьма простой причинѣ: народъ пресмыкается на землѣ, пребываетъ во тьмѣ, а эти міровые геніи и полубоги парятъ въ какомъ-то иномъ, высшемъ мірѣ, предвидятъ будущее, предрѣшаютъ вопросы, которые еще недоступны для обыкновенныхъ смертныхъ, и указываютъ народу на тотъ путь, которымъ ему слѣдуетъ идти. Если тотъ народъ, среди котораго появилась подобная личность, признавалъ ея великое назначеніе и слѣдовалъ за нею по тому пути, по которому ее вели, то онъ причислялся къ разряду счастливыхъ народовъ; если же этотъ народъ или другіе, современные ему народы, не понимали великой роли этихъ личностей, отворачивались отъ нихъ, не шли за ними,—то надъ ними висѣло проклятіе, на нихъ насылался за ихъ ослѣпленіе цѣлый рядъ несчастій. Такимъ образомъ у подобныхъ историковъ вся философія исторіи заключается въ слѣдующемъ: все хорошее, о чемъ повѣствуетъ намъ исторія, происходило и происходитъ отъ нѣкоторыхъ великихъ личностей, которыя появляются въ исторіи, какъ «свѣтящіеся маяки»; все дурное происходитъ отъ народовъ, непонимающихъ великихъ пророковъ исторіи, или отъ тѣхъ темныхъ личностей, которыя по мелочности и узкости своего пониманія являются противниками міровыхъ геніевъ и увлекаютъ за собою народъ. *Примѣръ*: герой, полубогъ, геній, пророкъ—Цезарь; злые геніи, мелкіе интриганы, честолюбцы, повергшіе въ несчастіе римлянъ, или другіе народы, на которые должны были распространиться благодѣянія Цезаря—Брутъ, противники Цезаря.

Этотъ взглядъ историка Цезаря на философію исторіи находится въ прямомъ противорѣчіи съ тѣмъ, что говоритъ объ условіяхъ человѣческаго прогресса, о назначеніи великихъ историческихъ геніевъ одинъ изъ оригинальнѣйшихъ историковъ нашего времени—Бокль. Бокль говоритъ, что движеніе какого нибудь народа по пути прогресса зависитъ единственно отъ трехъ вещей. Во первыхъ, отъ суммы знаній, пріобрѣтенныхъ самыми развитыми людьми; во вторыхъ, отъ направленія, которое приняли эти знанія; наконецъ въ третьихъ, и болѣе всего, отъ той пропорціи, въ которой знанія эти распространены, и отъ большей или мень-

шей свободы, съ которой они проникаютъ во всѣ классы общества. «Таковы, продолжаетъ Бокль, три главные двигателя образованности въ каждой цивилизованной странѣ, и хотя дѣятельность ихъ часто встрѣчаетъ помѣхи въ добродѣтеляхъ и порокахъ могущественныхъ личностей, но эти нравственныя свойства взаимно нейтрализуются, и потому вліяніе ихъ въ среднемъ выводѣ за долгіе періоды времени незамѣтно». «Колоссальныя злодѣянія Александра Великаго или Наполеона, говоритъ онъ дальше, уравновѣшиваются благодѣтельными для человѣчества открытіями великихъ людей, открытіями, переживающими паденія царствъ и разоренія народовъ: имъ однимъ обязаны мы всѣмъ, что имѣемъ». Въ другомъ мѣстѣ своего сочиненія Бокль говоритъ, что совершенно ошибочно то мнѣніе, будто Европа главнымъ образомъ обязана своей цивилизаціей умѣнью, обнаруженному различными политическими дѣятелями, и той смѣлости, съ какою болѣзни общества были облегчаемы посредствомъ законодательныхъ лекарствъ. «Всякому, кто изучалъ исторію, мысль эта должна казаться до такой степени дикою, говоритъ Бокль, что весьма трудно опровергать ее съ приличною серьезностью. Дѣйствительно, изъ всѣхъ общественныхъ теорій, когда либо появлявшихся въ свѣтъ, нѣтъ ни одной, которая была бы до такой степени шатка и гнила во всѣхъ своихъ частяхъ». Затѣмъ Бокль развиваетъ извѣстную свою мысль о томъ, что всѣ историческіе дѣятели, а слѣдовательно и всѣ такъ называемые великіе люди, суть творенія своего вѣка, а не творцы его; что принимаемыя ими мѣры суть результаты, а не причины общественнаго прогресса. Это подтверждается тѣмъ простымъ соображеніемъ, что никакое политическое улучшеніе, никакая реформа ни въ одной странѣ не были обязаны своимъ происхожденіемъ иниціативѣ великихъ политическихъ дѣятелей, а проистекали всегда изъ глубокаго убѣжденія народа въ ихъ необходимости. «Но еще долго послѣ того какъ въ народѣ сложилось это убѣжденіе, говоритъ Бокль, даже самые просвѣщенные политическіе дѣятели продолжаютъ поддерживать злоупотребленія, отвергая цѣлебное средство. Съ теченіемъ времени, при благопріятныхъ обстоятельствахъ, давленіе внѣшней необходимости становится до того сильнымъ, что политическіе дѣятели принуждены бываютъ уступить ему; а когда реформа уже совершилась, то ожидаютъ со стороны народа поклоненія передъ мудростью тѣхъ

правителей, которые все это сдѣлали». А между тѣмъ, по его мнѣнію, почти каждый изъ этихъ дѣятелей переходилъ за предѣлы свойственныхъ ему отправленій и этимъ причинялъ современному ему человѣчеству не малое зло. Онъ утверждаетъ, что заслуги политическихъ дѣятелей въ дѣлѣ цивилизаціи должны имѣть характеръ чисто отрицательный, т. е. состоять въ поддержаніи общаго порядка, предохраненіи слабаго отъ притѣсненій сильнаго, и т. д. Таково мнѣніе Бокля о всякихъ политическихъ дѣятеляхъ, великихъ и малыхъ, мнѣніе, подтвержденное у него многими свидѣтельствами и примѣрами исторіи.

Какъ видитъ читатель, мнѣніе это діаметрально противоположно той философіи исторіи, которую авторъ новой исторіи Цезаря резюмировалъ слѣдующимъ образомъ: «все хорошее въ исторіи происходитъ отъ великихъ личностей, все дурное—отъ народовъ, непонимающихъ этихъ личностей и мѣшающихъ имъ въ исполненіи ихъ высокой, провиденціальной миссіи». И нужно сознаться, что доводы Бокля, подкрѣпленные весьма хорошо подобранными примѣрами изъ исторіи, нѣсколько посильнѣе доводовъ Наполеона, подкрѣпленныхъ примѣрами весьма неудачными. Вѣдь исторія Цезаря, Карла Великаго и Наполеона I, трехъ свѣтящихся маяковъ исторіи, на которые указываетъ Наполеонъ III, и безъ сочиненія новѣйшаго историка Цезаря на столько извѣстна, что всякій мало-мальски знакомый съ исторіей врядъ ли приметъ ихъ за добрыхъ геніевъ, за пророковъ человѣчества; и при всемъ желаніи Наполеона, врядъ ли ему удастся пролить новый свѣтъ на дѣятельность своего героя Въ тѣхъ личностяхъ, въ которыхъ онъ видитъ благодѣтелей рода человѣческаго, другіе историки видятъ только помѣху человѣческой цивилизаціи и человѣческому прогрессу—помѣху, которую въ состояніи уравновѣсить только величайшія открытія ума человѣческаго, только непреодолимое стремленіе къ совершенствованію, присущее цѣлымъ народамъ. Въ этихъ личностяхъ мы не можемъ видѣть ничего инаго, какъ ограниченныхъ честолюбцевъ, ухарскихъ завоевателей, которые приносили въ жертву своимъ узенькимъ цѣлямъ цѣлыя поколѣнія, которые топтали ногами все, что мѣшало имъ на пути къ ихъ себялюбивой цѣли. «Личности въ родѣ Цезаря, Наполеона и пр. выводятся Провидѣніемъ для того, чтобы совершить въ теченіи нѣсколькихъ лѣтъ дѣло цѣлыхъ столѣтій». Фраза очень громкая,

но рѣшительно ни на чемъ не основанная; фраза, которую ничѣмъ нельзя доказать, сколько бы ни исписать томовъ объ исторіи Юлія Цезаря или Наполеона I. Подобныя личности не только не совершаютъ въ нѣсколько лѣтъ дѣла цѣлыхъ столѣтій, но они положительно тормозятъ, можетъ быть на цѣлыя столѣтія, движеніе народовъ, среди которыхъ они являются. Правда, они подчиняютъ себѣ народы—но это еще не значитъ, чтобы они цивилизовали ихъ. *Примѣръ*: судьба большей части западной Европы во время и послѣ завоеванія ея Наполеономъ, состояніе Франціи при этомъ завоевателѣ; судьбы Галліи послѣ завоеванія ея Цезаремъ, судьба всей Римской монархіи, послѣ Цезаря. «Еслибы, говоритъ другой историкъ того же самаго Юлія Цезаря, исторію этого великаго завоевателя могли написать несчастные галлы, убитые и искалѣченные сотнями тысячъ возлѣ своихъ стѣнъ, на которыхъ побѣдитель велѣлъ прибивать, въ видѣ трофеевъ, отрѣзанныя руки ихъ, или управляемые имъ испанцы, или двѣсти тысячъ союзниковъ, убитыхъ при Фарсалѣ, при Филиппахъ, въ Египтѣ, въ Африкѣ, то надобно полагать, что прославляемая мягкость Цезаря получила бы кровавыя опроверженія. Но исторія Цезаря писана была римлянами, врагами республики. Новѣйшіе писатели списывали съ древнихъ (или, можно было бы прибавить, находили личный интересъ въ прославленіи подобныхъ личностей), и такимъ образомъ въ исторіи слагались фальшивыя представленія объ этомъ человѣкѣ». Это прежнее мнѣніе представляетъ довольно вѣрное сужденіе о людяхъ, которыхъ историки или безкорыстно, или съ извѣстными задними мыслями возводили и возводятъ на пьедесталъ. Наполеонъ самъ понималъ, что какъ-то неловко дѣлать полубоговъ изъ людей, дѣятельность которыхъ такъ хорошо извѣстна, и извѣстна далеко не съ хорошей стороны. Поэтому онъ изыскиваетъ средства, при помощи которыхъ можно бы избавить эти личности отъ строгаго суда исторіи, и несмотря на дурныя ихъ дѣйствія, все-таки сдѣлать ихъ геніями. Средства эти не трудно найти: слѣдуетъ только объявить этихъ людей и ихъ поступки до того великими, что къ нимъ нельзя примѣнять общихъ законовъ человѣческихъ дѣйствій. «Противно здравому смыслу, сказано въ предисловіи, приписывать обыкновенныя чувства и страсти человѣку тогда, когда необыкновенныя явленія свидѣтель-

ствуютъ о высокомъ его геніи. Отрицать превосходство извѣстныхъ личностей значитъ оскорблять цѣлое человѣчество», и т. д.

Итакъ дѣло объясняется очень просто: мы, обыкновенные смертные, не можемъ даже судить о подобныхъ личностяхъ, мы не должны мѣрять ихъ на общую человѣческую мѣрку, мы не должны искать въ великихъ душахъ мелкихъ страстей; мы должны быть увѣрены въ томъ, что личности въ родѣ Цезаря или Наполеона I исполняютъ миссію, предназначенную имъ Провидѣніемъ, а не руководствуются дурными страстями, что бы они ни дѣлали, какъ бы несообразны съ нашими понятіями о справедливости ни были ихъ дѣйствія. Каждое ихъ дѣйствіе бываетъ только слѣдствіемъ великаго помысла, благотворной идеи. Если же историки сообщаютъ намъ разные факты, которые представляютъ этихъ великихъ дѣятелей бичемъ, а не благодѣтелями своей эпохи, а дѣйствія ихъ дурными и неразумными, то это происходитъ, по мнѣнію новѣйшаго историка Юлія Цезаря, отъ того, что «историки находятъ болѣе удобнымъ унижать геніальныхъ людей до своего уровня, нежели подниматься въ благородномъ вдохновеніи до ихъ высоты, и стараться проникнуть обширные замыслы ихъ». Этою недобросовѣстностью, по мнѣнію автора предисловія, заражены всѣ историки со времени Светонія и Плутарха. Наполеонъ упускаетъ изъ виду, что только въ послѣднее время, уже въ наши дни, историками сдѣлана была попытка опредѣлить раціональнымъ образомъ роль великихъ людей въ исторіи народовъ — и эта попытка привела къ тѣмъ выводамъ, которые мы находимъ въ сочиненіи Бокля. До этого же времени всѣ историки постоянно склонны были къ тому, чтобы приписывать слишкомъ важную роль въ исторіи великимъ политическимъ дѣятелямъ. Если же, не смотря на эту склонность свою, историки, начиная съ Светонія и Плутарха, говорятъ о дурныхъ побужденіяхъ и о мелкихъ страстяхъ извѣстныхъ политическихъ дѣятелей, то это доказываетъ только, что эти побужденія и страсти слишкомъ уже бросались въ глаза; и что оставаясь вѣрнымъ логикѣ, нельзя было объяснить иначе ихъ дѣйствій. Но Наполеонъ этого не признаетъ, и сваливаетъ на историковъ отвѣтственность за все, что ими сообщается дурнаго о великихъ дѣятеляхъ. Онъ берется на исторіи Цезаря доказать имъ, что они искажаютъ всѣ дѣйствія этого великаго человѣка и открываютъ дурныя побужденія тамъ, гдѣ слѣдуетъ

искать великихъ помысловъ; нѣтъ такого дурнаго дѣйствія, которое новѣйшій историкъ Цезаря не объяснилъ бы самымъ чистымъ побужденіемъ. Точно также по его же мнѣнію слѣдуетъ смотрѣть на Карла Великаго, на Наполеона I и т. д. Для этихъ личностей нѣтъ дурныхъ дѣйствій, дурныхъ страстей: все въ нихъ хорошо, а только мы, по несовершенству нашему, не можемъ судить о нихъ. Итакъ существуютъ двѣ различныя человѣческія логики, точно также существуютъ и различные моральные законы. Одна логика и одни законы, по которымъ слѣдуетъ судить дѣйствія людей обыкновенныхъ; другая логика и другіе законы, по которымъ слѣдуетъ судить міровыхъ геніевъ, героевъ, полубоговъ. Въ силу законовъ этого особеннаго вида логики и морали, мы должны, при мелочности и глупости нашей, признавать безусловно хорошимъ все то, что совершено великими дѣятелями.

Но если великіе геніи исторіи изъяты отъ обыкновенныхъ законовъ, если къ нимъ непримѣнимы законы обыкновенной логики, то спрашивается, какъ же узнавать такихъ личностей!? Въ сужденіи нашемъ объ историческихъ дѣятеляхъ есть предѣлъ, гдѣ останавливается наша логика, и гдѣ она уже не можетъ быть намъ руководительницею. Спрашивается, почему же мы можемъ узнать, подвержено ли извѣстное лицо правиламъ обыкновенной логики, или нѣтъ? т. е. принадлежитъ ли оно къ разряду міровыхъ геніевъ, или къ числу обыкновенныхъ смертныхъ. Пожалуй мы будемъ судить о какомъ нибудь лицѣ, какъ о простомъ смертномъ, а оно окажется геніемъ; или намъ вдругъ кто-нибудь покажется геніемъ, а онъ окажется такъ себѣ, дюжиннымъ человѣкомъ. Авторъ предвидѣлъ это затрудненіе, естественное слѣдствіе нашей ограниченности, и далъ намъ средство выдти изъ него. Въ его предисловіи сообщается вѣрное, безошибочное средство, какъ узнавать великихъ людей. Историческіе дѣятели тогда могутъ быть признаны міровыми геніями, когда принципы и идеи ихъ торжествуютъ надъ конечностью, и когда такимъ образомъ власть ихъ, не смотря на смерть или пораженіе ихъ, распространяется даже на будущія поколѣнія. *Примѣръ:* смерть Цезаря не остановила паденія римскихъ республиканскихъ учрежденій. (Въ предисловіи объявлено даже, будто въ теченіи вѣковъ достаточно было сказать міру, что таково было желаніе Цезаря, чтобы весь міръ повиновался: мы впрочемъ объ этомъ ни у одного историка

никогда не находили ни слова). Изгнаніе Наполеона на островъ св. Елены не помѣшало возстановленію во Франціи имперіи. Post hoc, ergo propter hoc, разсуждаетъ авторъ предисловія. Если послѣ Цезаря римская республика пала, если послѣ Наполеона I во Франціи явился Наполеонъ III, то это сдѣлалось для того, чтобы доставить торжество идеямъ и стремленіямъ Цезаря и Наполеона. И затѣмъ, увлекшись представленіемъ о величіи этихъ личностей, властвовавшихъ черезъ посредство идей своихъ, даже послѣ смерти, надъ цѣлыми народами, авторъ произноситъ благословеніе надъ тѣми народами, которые понимаютъ великихъ дѣятелей и слѣдуютъ за ними, и предаетъ анаѳемѣ тѣхъ, которые хотятъ идти своимъ путемъ, а не тѣмъ, по которому ведутъ ихъ великіе люди. «Народы Европы, говоритъ онъ, возстали противъ того добра, которое хотѣлъ сдѣлать Европѣ Наполеонъ I, дѣла его не остановили, а причинили только Европѣ много бѣдствій; точно также убіеніе Цезаря подвергло Римъ всѣмъ ужасамъ междоусобной войны и сдѣлало возможнымъ царствованія Нерона и Калигулы». (Этотъ послѣдній выводъ по истинѣ поразителенъ; Брутъ, убивши Цезаря, сдѣлалъ возможнымъ царствованіе Нерона и Калигулы. Почему же? Какая связь между поступкомъ фанатика-республиканца и появленіемъ черезъ столѣтіе на римскомъ престолѣ порочныхъ и жестокихъ императоровъ—этого мы рѣшительно не могли понять. Вотъ еслибы оказалось, что Брутъ и Кассій перебили всѣхъ порядочныхъ людей, и остались только самые порочные и ничтожные люди—ну это было бы еще дѣломъ понятнымъ. А то Брута выставлять виновникомъ появленія Нерона—тутъ совершенно становишься въ тупикъ).

Итакъ, по теоріи историка Цезаря, геніями слѣдуетъ признавать тѣхъ людей, которые пытались совершить то, что послѣ ихъ смерти, не смотря на сопротивленіе народа или общества, совершено другими. Кажется, такъ опредѣляется геній въ предисловіи. Но почему же послѣ этого не признать великими геніями начальниковъ татарскаго войска, Чепе и Суботая, которые въ 1224 г. пытались безуспѣшно покорить Россію, покоренную окончательно уже послѣ нихъ Батыемъ? Вѣдь идея этихъ предводителей, осуществленная послѣ смерти или отстраненія ихъ Батыемъ, существовала въ дѣйствительности около двухъ съ половиною столѣтій, т. е. немного менѣе, нежели существовала римская имперія. Ска-

жутъ, что идеи этихъ дѣятелей не были благодѣтельны для человѣчества. А идеи Цезаря или Наполеона развѣ были благодѣтельны? Наполеонъ, правда, говорилъ на островѣ св. Елены, что онъ хотѣлъ облагодѣтельствовать Европу. Да мало ли что тамъ говорилось на досугѣ; а въ томъ, что было сдѣлано имъ въ 20 лѣтъ, мы не видимъ ничего благодѣтельнаго. Цезарь, говорятъ намъ, тоже облагодѣтельствовалъ бы Римъ. Но вѣдь онъ убитъ былъ на 57 году, и ему достаточно было времени благодѣтельствовать. Да наконецъ не въ томъ вовсе дѣло, что они хотѣли дѣлать, и какъ мы понимаемъ ихъ дѣятельность. Намъ говорятъ просто, что мы безъ всякихъ дальнихъ разговоровъ, безъ обсужденія ихъ дѣятельности, къ которому мы неспособны по ограниченности нашей, должны признавать ихъ геніальными людьми, потому что геніальны тѣ люди, идеи которыхъ оказываютъ вліяніе на судьбу человѣчества и послѣ смерти ихъ. На этомъ основаніи можно назвать геніальными людьми и монгольскихъ полководцевъ, и весьма многихъ другихъ дѣятелей; нѣтъ никакой причины останавливаться именно на Цезарѣ, Карлѣ Великомъ или Наполеонѣ I.

Февраль 1865 г.

АВРААМЪ ЛИНКОЛЬНЪ.

«Кто самъ не хочетъ быть рабомъ, не долженъ имѣть рабовъ. Кто отказываетъ въ свободѣ другимъ, тотъ самъ недостоинъ свободы».

(Изъ письма Линкольна, писаннаго въ началѣ 1860 года).

Въ предисловіи Наполеона III къ «Жизни Юлія Цезаря» мы встрѣчаемъ между прочимъ слѣдующія тирады о великихъ людяхъ:

«Можно ли отрицать превосходство надъ толпою тѣхъ привилегированныхъ личностей, которыя появляются отъ времени до времени въ исторіи, какъ свѣтящіеся маяки, разгоняющіе мракъ своей эпохи и освѣщающіе будущее? Отрицать это превосходство значило бы оскорблять цѣлое человѣчество, предполагая, что люди могутъ терпѣть добровольно и долгое время господство, которое не основано на дѣйствительномъ величіи и на несомнѣнной пользѣ...

«Если Провидѣніе создаетъ такихъ людей, какъ Цезарь, Карлъ Великій, Наполеонъ, то это дѣлается для того, чтобы начертать народамъ пути, по которымъ тѣ должны слѣдовать, чтобы обозначить печатью своего генія новую эру и совершить въ нѣсколько лѣтъ дѣло цѣлыхъ столѣтій. Счастливы тѣ народы, которые понимаютъ этихъ людей и слѣдуютъ за ними! Несчастны тѣ народы, которые не понимаютъ и отвергаютъ ихъ. Они ослѣплены и преступны»... Будущій историкъ, который подъ словомъ «великій человѣкъ» будетъ разумѣть тоже самое, что разумѣютъ подъ нимъ историки въ родѣ Наполеона III или Карлейля, навѣрное не причислитъ Авраама Линкольна къ разряду «великихъ людей», «героевъ». Линкольнъ не опередилъ въ своихъ политическихъ воззрѣ-

ніяхъ своихъ современниковъ на цѣлыя столѣтія—напротивъ, его развитіе всегда шло въ уровень съ развитіемъ большей и лучшей части американскаго народа. Онъ не обозначалъ своему народу путей, по которымъ тотъ долженъ былъ слѣдовать, но шелъ только впереди своего народа по тому пути, который былъ избранъ лучшими людьми въ странѣ и по которому самъ народъ поручилъ ему вести его. Онъ не представлялъ собою привилегированной личности въ исторіи, свѣтящагося маяка, разгоняющаго мракъ цѣлой эпохи и освѣщающаго будущее, человѣка, обозначающаго печатью своего генія новую эру. Ничего подобнаго, что составляетъ характеристическую особенность великихъ людей, по опредѣленію автора «Жизни Юлія Цезаря», мы въ Линкольнѣ не находимъ. Old uncle Abe (старый дядя Авраамъ) былъ просто честный, человѣколюбивый, здравомыслящій, твердый въ своихъ убѣжденіяхъ гражданинъ Сѣверо-американскихъ Штатовъ; благодаря своимъ способностямъ, своей энергіи и трудолюбію, онъ вышелъ въ люди изъ самаго скромнаго общественнаго положенія; своими способностями, своею честностью и твердостью своихъ убѣжденій онъ обратилъ на себя вниманіе своихъ согражданъ, и вслѣдствіе этого большинство американскаго народа поручило ему произвести въ странѣ трудную реформу, необходимость которой наконецъ была имъ сознана. Будущій біографъ Линкольна не найдетъ въ жизни этого человѣка ничего такого, что бы наложило на себѣ отпечатокъ необыкновеннаго, поразительнаго, геніальнаго. Но онъ найдетъ въ ней много такого, что свидѣтельствуетъ о силѣ ума, о твердости воли, о честности и благонамѣренности человѣка, который, благодаря этимъ качествамъ своимъ, поднялся до самой высокой ступени, доступной американскому гражданину, и который къ тому же не былъ обязанъ возвышеніемъ своимъ ни силѣ оружія, ни случайностямъ революціи. Онъ найдетъ въ Линкольнѣ человѣка, который, не будучи героемъ или геніемъ, не прославивши себя и своего народа никакими блестящими подвигами, былъ однако великимъ патріотомъ и оказалъ странѣ своей великія услуги. Наконецъ онъ найдетъ въ немъ человѣка, котораго честная дѣятельность заключилась мученическою смертью за великое дѣло, предпринятое имъ сообща съ большинствомъ американскаго народа и почти что доведенное имъ до конца.

Предки Авраама Линкольна были квакеры и жили простыми земледѣльцами сначала въ Пенсильваніи, потомъ въ Виргиніи. Дѣдъ его Авраамъ переселился изъ Виргиніи въ Кентукки въ 1782 году, и два года спустя убитъ былъ туземными индѣйцами въ то самое время, когда онъ занятъ былъ въ полѣ. Меньшой его сынъ, Ѳома, принужденъ былъ, вслѣдствіе ранней смерти отца своего и крайне стѣсненныхъ обстоятельствъ своей матери, съ дѣтства зарабатывать хлѣбъ собственнымъ трудомъ и наниматься въ работники въ разныхъ мѣстахъ. Въ 1806 году онъ женился на виргинской уроженкѣ Нанси Ганксъ. Отъ этого брака 12 февраля 1809 года у нихъ родился сынъ Авраамъ. Когда Аврааму Линкольну минуло семь лѣтъ, отецъ сталъ посылать его въ элементарную школу. Но школьное обученіе мальчика продолжалось всего только мѣсяца два. Осенью 1816 года Ѳома Линкольнъ со всѣмъ семействомъ своимъ переселился изъ штата Кентукки въ штатъ Индіану, потому что въ Кентукки положеніе бѣлаго населенія, не принадлежавшаго къ рабовладѣльцамъ, или вообще къ зажиточнымъ классамъ, было весьма не завидное. Въ Индіанѣ семейство Линкольнъ поселилось въ глуши, въ дремучемъ лѣсу, вдали отъ всякаго жилья; здѣсь Ѳома Линкольнъ основалъ маленькую ферму. Разумѣется тутъ не могло быть и рѣчи о продолженіи школьныхъ занятій маленькаго Авраама. Но за то осьмилѣтній мальчикъ, который былъ необыкновенно высокъ и силенъ для своихъ лѣтъ, уже помогалъ отцу своему при рубкѣ лѣса и при очищеніи мѣста для луговъ и пашни; и въ теченіи послѣдующихъ десяти лѣтъ эта тяжелая работа оставалась главнымъ его занятіемъ. При этомъ онъ отъ времени до времени посѣщалъ школу, около того времени основанную недалеко отъ ихъ фермы; но, по его собственному счисленію, все время его школьныхъ занятій, сложенное вмѣстѣ, составляло менѣе года. Въ среднемъ или высшемъ учебномъ заведеніи онъ никогда не обучался, и никакихъ учителей, кромѣ учителей въ посѣщаемыхъ имъ элементарныхъ школахъ, у него никогда не бывало. Все свое научное образованіе и всѣ свои свѣдѣнія Линкольнъ пріобрѣлъ впослѣдствіи безъ учителя и даже безъ всякаго руководителя однимъ только своимъ трудолюбіемъ. Но между тѣмъ и въ молодости въ Авраамѣ Линкольнѣ проявлялась уже сильная любознательность. Онъ бралъ у своихъ знакомыхъ книги и съ жадностью

прочитывалъ ихъ въ промежуткѣ между своими занятіями. Однажды онъ оставилъ на дождѣ взятую имъ для прочтенія книгу «Жизнеописаніе Вашингтона»; книга вымокла и испортилась. Огорченный этимъ несчастіемъ, онъ пошелъ къ хозяину книги и объявилъ ему, что у него нѣтъ денегъ, для того чтобы заплатить за испорченную книгу, но что онъ готовъ заработать стоимость ея; и дѣйствительно онъ заплатилъ двухъ-дневной работой на сѣнокосѣ за свою неосторожность.

Девятнадцати лѣтъ отъ роду Авраамъ Линкольнъ нанялся въ работники на барку, которая съ товаромъ отправлена была по Миссисипи въ Новый Орлеанъ. Около того же времени отецъ его Ѳома лишился своего скуднаго, тяжелымъ трудомъ добытаго состоянія, взявши на себя поручительство по долговому обязательству одного своего пріятеля. Вслѣдствіе этого все семейство Линкольнъ покинуло Индіану и переѣхало въ штатъ Иллиойсъ, который тогда только что заселялся. Здѣсь они поселились не далеко отъ теперешней столицы этого штата, Спрингфильда, на участкѣ необработанной земли, раздаваемой правительствомъ безвозмездно новымъ поселенцамъ. Здѣсь семейство Линкольнъ снова стало заводить хозяйство. При постройкѣ фермы и огораживаніи засѣянной имъ пашни, молодому Аврааму пришлось срубить и обтесать не менѣе 3,000 бревенъ и кольевъ. При этомъ онъ работалъ топоромъ такъ быстро и такъ искусно, что пріобрѣлъ между окрестными жителями репутацію отличнаго плотника: между мелкими фермерами и работниками штата Иллинойсъ до самаго послѣдняго времени сохранилась память объ искусствѣ Авраама Линкольна въ плотничной работѣ. Въ первую зиму, которую семейство Линкольнъ провело въ Иллиойсѣ, въ тѣхъ мѣстностяхъ выпало такое страшное количество снѣга, что въ теченіи цѣлыхъ трехъ мѣсяцевъ не было никакой возможности содержать экипажное сообщеніе между отдѣльными фермами; вслѣдствіе этого многимъ жителямъ того околодка угрожала опасность умереть голодной смертью. Молодой и сильный Авраамъ Линкольнъ ходилъ съ нѣкоторыми другими молодыми людьми на лыжахъ изъ одной фермы въ другую, доставлялъ своимъ сосѣдямъ то, въ чемъ каждый изъ нихъ нуждался, и такимъ образомъ сдѣлалъ въ это тяжелое время немало добра. Между тѣмъ недостаточность средствъ семейства Линкольнъ заставила Авраама покинуть только что отстроенную

ферму своего отца и взять въ городѣ Маконѣ заказъ на изготовленіе нѣсколькихъ тысячъ большихъ кольевъ. Весною слѣдующаго 1831 года онъ предпринялъ новое путешествіе въ Новый Орлеанъ. Построенная имъ по порученію одного иллинойскаго купца барка нагружена была хлѣбомъ и другими съѣстными припасами и отправлена къ устьямъ Миссисипи; молодой Линкольнъ сдѣланъ былъ шкиперомъ этого судна, и въ этой новой должности своей благополучно доставилъ свою барку и свой грузъ въ Новый Орлеанъ, гдѣ и то и другое было продано. Тогда онъ нанялся работникомъ на одномъ изъ пароходовъ, шедшихъ вверхъ по Миссисипи, и такимъ образомъ возвратился домой. На слѣдующій годъ Линкольнъ повторилъ это предпріятіе, и пріобрѣлъ этимъ путемъ нѣсколько сотенъ долларовъ.

Между тѣмъ торговцу, по порученію котораго Линкольнъ два раза ѣздилъ въ Новый Орлеанъ, очень понравилась предпріимчивость и аккуратность молодаго человѣка, и онъ пригласилъ его къ себѣ прикащикомъ при лавкѣ и мельницѣ. По этому случаю онъ снова покинулъ ферму своего отца и поселился въ Нью-Салемѣ, одномъ изъ мѣстечекъ Иллинойса, гдѣ онъ, благодаря своему веселому и обходительному характеру, въ самое короткое время пріобрѣлъ множество знакомыхъ и друзей. Годъ спустя послѣ того какъ онъ поселился въ Нью-Салемѣ (въ 1832 году), туземные индѣйцы открыли, подъ предводительствомъ знаменитаго вождя своего «Чернаго Сокола», враждебныя дѣйствія противъ бѣлаго населенія штата Иллинойсъ. Въ Нью-Салемѣ организовалась рота волонтеровъ, въ которую поступилъ и молодой Линкольнъ. Милиціонеры этой роты выбрали его капитаномъ своимъ, такъ какъ они уже успѣли узнать въ немъ человѣка энергическаго и разсудительнаго. Линкольнъ былъ чрезвычайно удивленъ этимъ выборомъ, котораго онъ никакъ не ожидалъ, потому что на это званіе было множество конкурентовъ. Впослѣдствіи онъ самъ не разъ высказывалъ, что ни одинъ успѣхъ въ его жизни никогда не доставлялъ ему столько удовольствія, сколько доставило ему въ молодости назначеніе его начальникомъ отряда волонтеровъ. Походъ его противъ индѣйцевъ продолжался мѣсяца три; онъ перенесъ вмѣстѣ съ товарищами разныя лишенія и затрудненія, сопряженныя съ подобнымъ походомъ, но ни въ одномъ дѣлѣ не былъ. Довѣріе, недавно доказанное ему согражданами, ободрило его, и по

возвращеніи его изъ похода онъ рѣшился, не смотря на свою молодость (ему было всего 23 года), выступить кандидатомъ въ члены законодательнаго собранія штата Иллинойсъ. Избиратели Нью-Салема выбрали его въ это званіе единодушно: 277 голосовъ подано было за него, и только 7 голосовъ противъ него. Но такъ какъ въ томъ избирательномъ округѣ, къ которому принадлежалъ Нью-Салемъ, демократы составляли большинство, а Линкольнъ являлся кандидатомъ виговъ, то онъ и потерпѣлъ пораженіе въ остальныхъ мѣстностяхъ своего округа.

Между тѣмъ тотъ торговецъ, у котораго Линкольнъ служилъ прикащикомъ до поступленія своего въ роту волонтеровъ, обанкрутился, и Линкольнъ остался въ Нью-Салемѣ безъ мѣста и безъ всякихъ средствъ къ существованію; но въ то же время ему не хотѣлось возвратиться на ферму отца и покинуть своихъ друзей и знакомыхъ, оказавшихъ ему въ послѣднее время столько привязанности. Онъ долгое время не зналъ, за что ему взяться. Наконецъ случилось такъ, что одинъ изъ нью-салемскихъ купцовъ рѣшился продать въ кредитъ Линкольну и другому его знакомому запасъ стараго товару; такимъ образомъ оба компаньона открыли лавочку и начали въ ней торговать сообща. Но торговля ихъ пошла неудачно. Компаньонъ Линкольна захотѣлъ для поправленія дѣлъ открыть при лавочкѣ распивочную продажу водки и вина. Но Линкольнъ на это не согласился, потому что онъ всегда былъ горячимъ поклонникомъ принципа воздержанія, и самъ никогда не употреблялъ ни спиртныхъ напитковъ, ни табаку. Тогда компаньонъ его сталъ одинъ распоряжаться торговлею въ ихъ лавочкѣ и скоро совсѣмъ разорился. При этомъ Линкольнъ не только утратилъ скудныя свои сбереженія, но на немъ осталось еще болѣе тысячи долларовъ долгу.

Тогда Линкольнъ убѣдился въ томъ, что въ качествѣ простаго работника, съ топоромъ въ рукѣ, онъ никогда не будетъ въ состояніи освободиться отъ своего долга; и это обстоятельство еще болѣе усилило въ немъ желаніе найти себѣ значительное и доходное занятіе. Преслѣдовавшія его до сихъ поръ неудачи не только не лишали его бодрости, но напротивъ возбуждали всѣ умственныя способности его. На первый разъ онъ взялъ незначительное мѣсто нью-салемскаго почтмейстера, и въ то же время онъ рѣшился исполнить давнишнее желаніе свое—заняться изученіемъ юриди-

ческихъ наукъ. Онъ подумывалъ объ этомъ еще за годъ передъ этимъ, по возвращеніи своемъ изъ похода противъ индѣйцевъ; но онъ понялъ, что въ то время онъ обладалъ еще слишкомъ недостаточными элементарными познаніями. Поэтому онъ рѣшился пополнить этотъ недостатокъ уже въ то время, когда завелъ собственную свою лавочку въ Нью-Салемѣ. На 24 году отъ роду онъ тщательно занялся изученіемъ англійской грамматики, и выучился правильно и даже довольно изящно говорить и писать на англійскомъ языкѣ. Тогда уже, получивши мѣсто почтмейстера, онъ рѣшился изучить юридическія науки и приготовиться къ адвокатурѣ. Такъ какъ онъ былъ слишкомъ бѣденъ для того, чтобы самому покупать необходимыя для этого книги, то онъ занималъ ихъ у одного изъ знакомыхъ ему юристовъ. Вечеромъ онъ приходилъ къ обязательному своему знакомому, бралъ у него нужную ему книгу, читалъ ее ночью, а рано утромъ относилъ книгу опять назадъ хозяину ея, потому что днемъ она могла понадобиться тому. Такимъ образомъ, проработавши днемъ въ своей почтовой конторѣ надъ пріемомъ и отправленіемъ корреспонденціи своихъ согражданъ, онъ ночью сидѣлъ въ комнатѣ надъ изученіемъ премудростей юриспруденціи. Для того чтобы вести подобный образъ жизни, нужно было имѣть не только значительную силу воли, но и значительныя физическія силы и крѣпкое тѣлосложеніе. Дѣйствительно, дѣятельная жизнь, которую Линкольнъ велъ съ самаго дѣтства, чрезвычайно много способствовала физическому развитію его. Онъ считался между своими товарищами лучшимъ борцомъ, бѣгуномъ и скакуномъ. Впослѣдствіи одинъ изъ его соперниковъ, Дугласъ, разсказывалъ о немъ однажды въ народномъ собраніи: «Линкольнъ въ то время не зналъ соперниковъ въ бѣганіи, и какъ борецъ пріобрѣлъ громкую славу. При всѣхъ конскихъ скачкахъ и боксерскихъ состязаніяхъ, происходившихъ въ околодкѣ, его обыкновенно выбирали въ президенты, и онъ постоянно исполнялъ эту должность съ достоинствомъ и съ безпристрастіемъ, возбуждавшими всеобщую похвалу».

Въ то время какъ Линкольнъ занимался своей юриспруденціей, мѣстный землемѣръ предложилъ ему заняться межеваніемъ и обѣщалъ уступить ему часть своей работы. Линкольнъ нашелъ, что должность землемѣра дастъ ему болѣе средствъ къ жизни, нежели почтмейстерская должность, и поэтому согласился на сдѣланное ему

предложеніе. Онъ пріобрѣлъ себѣ компасъ, межевую цѣпь и хорошее руководство геодезіи, на скорую руку изучилъ это руководство и принялся обмежевывать земли въ окрестностяхъ Нью-Салема. И въ этомъ новомъ занятіи своемъ, онъ выказалъ обнаруженную имъ и прежде способность хорошо дѣлать все, за что онъ брался. Двадцать пять лѣтъ спустя послѣ описываемаго нами періода (въ 1858 году), политическій соперникъ его Дугласъ слѣдующимъ образомъ отозвался объ этой способности его: «Линкольнъ одинъ изъ тѣхъ оригинальныхъ людей, которые дѣлаютъ съ изумительнымъ искусствомъ то, за что они однажды взялись». Занявшись землемѣрствомъ, Линкольнъ однакоже не покинулъ своихъ юридическихъ занятій: напротивъ, новая его должность доставила ему болѣе обезпеченное существованіе и увеличила его средства.

Въ 1834 году, 25-ти лѣтъ отъ роду, Линкольнъ избранъ былъ членомъ законодательнаго собранія штата Иллинойсъ, причемъ онъ получилъ большее число голосовъ, нежели когда либо получалъ какой нибудь кандидатъ виговъ. Во время засѣданій законодательнаго собранія онъ прекратилъ свои занятія юридическими науками; но занятія эти были возобновлены немедленно по окончаніи законодательной сессіи. Наконецъ осенью 1836 года Линкольнъ, по выдержаніи установленнаго испытанія, получилъ право заниматься адвокатурой. Въ апрѣлѣ слѣдующаго года онъ переселился въ столицу штата Иллинойсъ, Спрингфильдъ. Около этого же времени онъ женился на простой и трудолюбивой женщинѣ изъ штата Кентукки; а открывшаяся вслѣдъ за этимъ и постоянно расширявшаяся адвокатская дѣятельность его дала ему возможность, при трудолюбіи его и скромномъ образѣ жизни, составить себѣ маленькое состояніе. Старый пріятель его и товарищъ по законодательному собранію, маіоръ Стюартъ, открылъ еще прежде въ Спрингфильдѣ адвокатское бюро и имѣлъ значительную практику. Стюартъ принялъ Линкольна къ себѣ партнеромъ, и скоро этотъ послѣдній сталъ извѣстенъ во всемъ Иллинойсѣ за хорошаго адвоката и пріобрѣлъ довольно обширную практику. Въ остальныхъ штатахъ онъ разумѣется былъ мало извѣстенъ; но въ Иллинойсѣ уже съ конца тридцатыхъ годовъ имя Линкольна пользовалось большою популярностью. Линкольнъ являлся адвокатомъ во многихъ важныхъ процессахъ. Его адвокатскія способности

проявлялись въ особенности въ процессахъ, разрѣшаемыхъ судами присяжныхъ. Онъ обладалъ необыкновеннымъ умѣньемъ представлять самыя запутанныя вещи въ формѣ простой, ясной и совершенно понятной для человѣка необразованнаго, но не лишеннаго здраваго смысла. Его простая, безхитростная и здравая логика, и также умѣнье его излагать просто и наглядно запутанные юридическіе вопросы, приготовили ему необыкновенный успѣхъ на поприщѣ адвокатуры.

Но Линкольнъ вовсе не былъ софистомъ; онъ никогда не брался защищать дѣло, въ неправотѣ котораго былъ убѣжденъ. Это придавало его защитительнымъ рѣчамъ особенную силу; противники его говорили, что «на почвѣ права Линкольнъ непобѣдимъ». Кромѣ того во всей своей адвокатской дѣятельности онъ постоянно проявлялъ теплое, человѣколюбивое сердце, сочувствіе всему человѣческому, что при убѣжденіи его въ правотѣ защищаемаго имъ дѣла, при его здравой логикѣ и при ясномъ и простомъ изложеніи дѣла, придавало его рѣчамъ необыкновенную силу убѣдительности. Одинъ изъ близкихъ знакомыхъ покойнаго президента разсказываетъ въ вѣнской газетѣ «Neue freie Presse» интересный примѣръ изъ его юридической практики, свидѣтельствующій, какъ о его юридическомъ остроуміи и убѣдительномъ краснорѣчіи его рѣчей, такъ и о той искренности и теплотѣ чувствъ, которыя онъ вносилъ въ свою адвокатскую дѣятельность.

Одинъ молодой человѣкъ, по имени Армстронгъ, въ семействѣ котораго Линкольнъ еще въ дѣтствѣ былъ принятъ весьма радушно, обвиненъ былъ въ убійствѣ. Показанія свидѣтелей были такъ положительны, что никто не сомнѣвался въ виновности молодаго Армстронга; общественное мнѣніе въ такой степени было возбуждено противъ него, что нужно было поставить стражу у дверей тюрьмы, гдѣ онъ былъ заключенъ; газеты заранѣе радовались ожидаемой казни его. Армстронгъ и его мать совершенно упали духомъ. Линкольнъ занялся изслѣдованіемъ этого дѣла и убѣдился въ томъ, что молодой человѣкъ былъ жертвою клеветы и лжесвидѣтельства. Тогда онъ вызвался взять на себя его защиту и прежде всего выхлопоталъ, чтобы процессъ перенесенъ былъ въ другое графство, гдѣ общественное мнѣніе не было такъ возбуждено противъ обвиненнаго. Обвинительный актъ, составленный на основаніи показаній свидѣтелей, оканчивался выраженіемъ

несомнѣннаго убѣжденія въ виновности подсудимаго; и дѣйствительно, казалось, въ ней нельзя было и сомнѣваться. Вся аудиторія съ напряженнымъ вниманіемъ смотрѣла на адвоката подсудимаго, недоумѣвая о томъ, какія онъ приведетъ опроверженія противъ столь очевидныхъ доказательствъ виновности. Линкольнъ началъ съ того, что привелъ нѣсколько свидѣтельствъ, доказывающихъ, что прежняя жизнь обвиненнаго была безупречна; потомъ онъ доказалъ, что между главнымъ свидѣтелемъ и подсудимымъ давно уже существовала сильная непріязнь. Затѣмъ онъ сдѣлалъ нѣсколько вопросовъ свидѣтелямъ касательно мѣста и времени совершенія преступленія и доказалъ судьямъ, что въ показаніяхъ свидѣтелей заключаются страшныя противорѣчія и невѣрности. Главный свидѣтель объявилъ, напримѣръ, что ссора, при которой совершено было убійство, произошла вечеромъ, и что ясно свѣтившая при этомъ луна дала ему возможность узнать въ убійцѣ Армстронга. Линкольнъ опровергъ это показаніе, доказавши на основаніи календаря, что въ означенное время луна вовсе еще не всходила. Это заявленіе произвело сильное впечатлѣніе на судилище. Но недовольный торжествомъ своего юридическаго остроумія, Линкольнъ представилъ судилищу такую вѣрную и сильную характеристику лжесвидѣтеля, что тотъ не могъ высидѣть въ аудиторіи и поспѣшно удалился. Затѣмъ онъ представилъ своимъ слушателямъ поразительную картину отчаяннаго положенія несправедливо обвиненнаго въ уголовномъ преступленіи молодого человѣка, и заключилъ свою рѣчь выраженіемъ увѣренности, что прежде нежели солнце скроется за горизонтъ, оправданный кліентъ его будетъ находиться на свободѣ. По прошествіи получаса присяжные уже объявили Армстронга не виновнымъ. Когда молодой человѣкъ, спасенный стараніями Линкольна отъ висѣлицы, и его мать бросились къ своему спасителю, чтобы благодарить его, Линкольнъ ограничился тѣмъ, что взглянулъ на западъ и сказалъ молодому Армстронгу: «солнце еще не сѣло, а ты свободенъ». Эти простыя слова его произвели, по словамъ очевидца, потрясающее впечатлѣніе на всѣхъ присутствующихъ.

Благодаря своимъ замѣчательнымъ способностямъ и умѣнью своему хорошо дѣлать все, за что онъ брался, благодаря терпѣнію и трудолюбію своему, благодаря энергіи и предпріимчивости, Линкольнъ на 29 году отъ роду успѣлъ наконецъ составить себѣ

довольно удовлетворительное и независимое общественное положеніе, успѣлъ избрать себѣ родъ занятій, который былъ ему по душѣ, который обезпечивалъ ему безбѣдное существованіе, и посредствомъ котораго онъ могъ быть полезенъ своимъ согражданамъ. До двадцати-осьми-лѣтняго возраста онъ успѣлъ перебывать пастухомъ, землепашцемъ, косцомъ, дровосѣкомъ, плотникомъ, судостроителемъ, работникомъ при постройкѣ желѣзной дороги, работникомъ на баркахъ и на пароходахъ, шкиперомъ, прикащикомъ въ лавкѣ и на мельницѣ, капитаномъ милиціи, мелочнымъ торговцемъ, почтмейстеромъ, землемѣромъ, членомъ законодательнаго собранія своего штата, и наконецъ адвокатомъ, на чемъ онъ и остановился. Многочисленность занятій, къ которымъ онъ обращался въ первый періодъ своей жизни, ни мало не доказываетъ его непостоянства, и нисколько не проистекала отъ неумѣнія его хорошенько заняться тѣмъ дѣломъ, за которое онъ однажды взялся. Напротивъ, онъ дѣлалъ очень добросовѣстно, и большею частью очень искусно, все, за что онъ брался. Но это не мѣшало ему искать въ тоже самое время такого занятія, которое бы лучше прежнихъ его занятій обезпечивало матеріальное благосостояніе его и его семейства, и вмѣстѣ съ тѣмъ удовлетворяло бы умственнымъ и нравственнымъ потребностямъ его. Нашедши такой родъ занятій, онъ на немъ и остановился, и съ этихъ поръ, въ теченіи двадцати слишкомъ лѣтъ, т. е. до самаго избранія своего въ президенты, онъ уже не переходилъ къ другимъ занятіямъ.

Обширная практика Линкольна и огромный успѣхъ, который имѣла его адвокатская дѣятельность, не отвлекали однакоже его вниманія отъ политики. Выбранный въ первый разъ въ 1834 году въ члены законодательнаго собранія штата Иллинойсъ, онъ былъ избираемъ въ эту должность и на три слѣдующія двухъ-лѣтія (въ 1836, 1838 и 1840 году). Въ законодательномъ собраніи своего штата онъ съ самаго начала сталъ на сторону виговъ (нынѣшнихъ республиканцевъ, анти-невольнической партіи). Какъ политическій ораторъ, онъ отличался тѣми же особенностями, которыя составляли силу его юридическаго краснорѣчія: его рѣчи были просты, ясны, отчетливы и носили на себѣ характеръ задушевности. Онъ еще въ молодости выказалъ необыкновенный талантъ къ веденію преній, и старые поселенцы Иллинойса до сихъ поръ вспоминаютъ о блистательныхъ спорахъ, веденныхъ имъ въ мо-

лодости въ сельскихъ клубахъ. Его неопровержимая логика, его способность находить связывающую нить въ фактахъ, не имѣющихъ повидимому никакой связи между собою, и объяснять черезъ это истинное значеніе этихъ фактовъ, блистательнымъ образомъ выказались уже въ тѣхъ юношескихъ спорахъ. Эти способности свои онъ проявилъ и въ засѣданіяхъ иллиноійсскаго законодательнаго собранія, и въ рѣчахъ, произнесенныхъ имъ въ разное время во время путешествій его по штату Иллиноійсъ; уже въ то время онъ явился однимъ изъ первостепенныхъ народныхъ ораторовъ американскаго запада. Благодаря особенностямъ своего таланта, Линкольнъ въ короткое время пріобрѣлъ большое вліяніе на товарищей своихъ по законодательству и въ теченіи многихъ лѣтъ онъ положительно былъ предводителемъ партіи виговъ въ штатѣ Иллиноійсъ, въ чемъ сознавались даже и политическіе противники его. Его партія нѣсколько разъ назначала его избирателемъ президента (электоромъ) *). Въ качествѣ избирателя президента онъ дѣйствовалъ съ большимъ жаромъ въ пользу кандидатовъ республиканской партіи. Въ 1844 году онъ ревностно хлопоталъ объ избраніи въ президенты уважаемаго имъ и всѣми вигами Генри Клея. Въ этой избирательной борьбѣ онъ стоялъ во главѣ избирателей партіи виговъ, а знаменитый впослѣдствіи по дѣлу о невольничествѣ въ штатѣ Канзасъ, Джонъ Кальгоунъ во главѣ избирателей демократовъ, желавшихъ избрать президентомъ демократа Полка. Въ интересахъ своего кандидата Линкольнъ объѣздилъ въ то время весь штатъ Иллиноійсъ и значительную часть штата Индіаны; во время этого путешествія онъ почти ежедневно говорилъ народу рѣчи, которыя продолжались иногда до шести часовъ; во всѣхъ рѣчахъ онъ убѣждалъ своихъ слушателей

*) По американской конституціи каждый штатъ долженъ, по распоряженію своей законодательной власти, выставить такое число избирателей президента, которое равно числу сенаторовъ и представителей, посылаемыхъ этимъ штатомъ на конгрессъ. Избирателемъ не можетъ быть ни сенаторъ, ни членъ конгресса, ни лицо, занимающее въ управленіи Соединенныхъ Штатовъ должность, соединенную съ содержаніемъ, или хотя бы просто почетную должность. Избиратели подаютъ голоса въ своемъ штатѣ и посылаютъ избирательные списки въ Вашингтонъ, гдѣ списки повѣряются и считаются голоса. При вторичномъ избраніи Линкольна число избирателей 25 штатовъ равнялось 234, изъ которыхъ 213 вотировали въ пользу Линкольна.

подавать голоса за Клея. Соперникъ его Кальгоунъ въ одно время съ нимъ разъѣзжалъ по Иллинойсу и агитировалъ въ пользу демократическаго кандидата Полка. На этотъ разъ всѣ старанія Линкольна пропали даромъ и Полкъ избранъ былъ въ президенты. Въ 1846 году одинъ изъ округовъ штата Иллинойсъ выбралъ Линкольна депутатомъ въ вашингтонскій конгрессъ. Онъ былъ единственный вигъ среди семи депутатовъ, которыхъ штатъ Иллинойсъ посылалъ тогда въ конгрессъ; но за то онъ былъ выбранъ огромнымъ большинствомъ голосовъ въ своемъ округѣ, изъ чего можно заключить о томъ, какъ велика была его популярность между тѣми, которые знали его лично. Въ декабрѣ 1847 года онъ занялъ свое мѣсто въ вашингтонской палатѣ представителей. Разрѣшенію палаты въ ту сессію, когда въ ней засѣдалъ Линкольнъ, подлежали многіе важные вопросы. Демократическій президентъ Полкъ вызвалъ войну съ Мехикой, которая окончилась успѣшно отнятіемъ у Мехики Техаса и Калифорніи. Теперь предстояло рѣшить вопросъ о томъ, какое слѣдовало дать устройство отнятымъ у Мехики провинціямъ: слѣдовало ли ввести въ нихъ систему невольничества, или запретить тамъ невольничество на вѣчныя времена. Этотъ вопросъ подалъ поводъ къ самымъ бурнымъ преніямъ въ засѣданіяхъ конгресса 1847—1848 года. Депутатъ Уильмотъ внесъ въ конгрессъ предложеніе (proviso) о томъ, чтобы изданъ былъ законъ, запрещающій введеніе невольничества во вновь завоеванныхъ провинціяхъ. Демократы ссылались на такъ называемый компромиссъ Миссури 1820 года, которымъ распространеніе невольничества запрещалось только въ странахъ, лежащихъ къ сѣверу отъ 36-го градуса с. ш., и требовали на основаніи этого компромисса, чтобы въ завоеванныхъ провинціяхъ, лежащихъ къ югу отъ этой линіи, невольничество не было запрещаемо. Предложеніе Уильмота вызвало самыя оживленныя пренія въ обѣихъ палатахъ вашингтонскаго законодательнаго собранія. Линкольнъ, который и прежде поддерживалъ всякія предложенія и петиціи, имѣющія въ виду ограниченіе невольничества, явился и въ настоящихъ преніяхъ ревностнымъ противникомъ этого учрежденія. Хотя онъ еще незадолго передъ этимъ вотировалъ въ пользу займа, заключеннаго правительствомъ для покрытія издержекъ по мехиканской войнѣ, однако во время преній о предложеніи Уильмота, онъ горячо стоялъ за принятіе конгрессомъ

этого предложенія и произнесъ съ этою цѣлью нѣсколько рѣчей. Однако несмотря на усилія его и политическихъ друзей его, предложеніе это было отвергнуто конгрессомъ большинствомъ 105 голосовъ противъ 92-хъ. Въ замѣнъ этого предложенія, требующаго безусловнаго запрещенія невольничества во вновь пріобрѣтаемыхъ союзныхъ владѣніяхъ, конгрессъ принялъ компромиссъ депутата Клея, по которому въ Верхней Калифорніи (лежащей къ сѣверу отъ 36° с. ш.) невольничество не допускалось, а Техасъ дѣлался штатомъ невольничьимъ; устройство будущихъ территорій предоставлялось самимъ колонизаторамъ ихъ; кромѣ того рабовладѣльцамъ обѣщано было изданіе строгаго закона о бѣглыхъ невольникахъ, для того чтобы утѣшить ихъ за незначительную уступку, сдѣланную ими въ вопросѣ объ устройствѣ Верхней Калифорніи. (Этотъ законъ дѣйствительно былъ изданъ въ 1850 году). Таковы были результаты той сессіи конгресса, въ которой Линкольнъ явился въ немъ депутатомъ отъ штата Иллиноисъ. Не подлежитъ сомнѣнію, что преобладаніе рабовладѣльческихъ интересовъ въ дѣйствіяхъ законодательной и исполнительной власти Сѣверной Америки, которое такъ ясно выразилось въ тогдашнихъ событіяхъ, еще болѣе укрѣпило будущаго президента въ рѣшимости содѣйствовать всѣми зависѣвшими отъ него мѣрами ослабленію господства демократической партіи на всемъ протяженіи союза.

Въ 1848 году Линкольнъ былъ выбранъ членомъ національнаго конвента партіи виговъ, и въ этомъ званіи своемъ онъ усердно заботился объ избраніи въ президенты кандидата своей партіи генерала Захаріи Тейлора, который дѣйствительно и одержалъ верхъ надъ демократическимъ кандидатомъ Кассомъ. Въ 1849 году, при выборѣ въ Иллиноисѣ сенатора въ вашингтонскій сенатъ, Линкольнъ въ первый разъ явился кандидатомъ на эту должность; но такъ какъ въ это время въ штатѣ Иллиноисъ демократическая партія имѣла еще значительный перевѣсъ, то кандидатъ этой партіи одержалъ верхъ надъ Линкольномъ.

Послѣ этого своего пораженія и послѣ окончанія двухъ-лѣтней сессіи конгресса (1847—1849), Линкольнъ не захотѣлъ быть вновь избраннымъ въ члены конгресса. Въ его политической дѣятельности происходитъ пятилѣтній перерывъ (1849 до 1854), въ теченіи котораго Линкольнъ исключительно предался своей адвокатской дѣятельности и кромѣ того особенно тщательно занялся

воспитаніемъ своихъ дѣтей. Въ теченіи этихъ пяти лѣтъ борьба по поводу невольничьяго вопроса не прекращалась, и демократы одерживали надъ своими противниками одинъ успѣхъ за другимъ. Пользуясь преобладаніемъ своимъ въ законодательствѣ, они успѣли даже провести въ 1850 году, въ управленіе президента вигской партіи Фильмора (вступившаго въ эту должность на мѣсто умершаго Захаріи Тейлора), законъ о выдачѣ бѣглыхъ невольниковъ. Этотъ законъ давалъ рабовладѣльцу право преслѣдовать и схватывать бѣглаго невольника на территоріи свободнаго штата; онъ обязывалъ далѣе всѣхъ служащихъ въ свободныхъ штатахъ оказывать рабовладѣльцамъ всякое содѣйствіе въ преслѣдованіи бѣглыхъ рабовъ и выдавать схваченныхъ невольниковъ владѣльцамъ ихъ безъ суда и безъ всякой апелляціи. Такимъ образомъ этотъ законъ превращалъ всѣхъ чиновниковъ сѣверныхъ штатовъ въ сыщиковъ и охотниковъ за невольниками, всѣхъ судей въ палачей, отдающихъ несчастныхъ бѣглыхъ невольниковъ на истязанія безчеловѣчнымъ владѣльцамъ ихъ; свобода всякаго негра въ сѣверныхъ штатахъ отдана была на произволъ корыстолюбію какого нибудь негодяя-доносчика. Если подобные законы могли быть изданы въ управленіе президента изъ партіи виговъ, то разумѣется, со вступленіемъ въ управленіе въ 1853 году демократическаго президента Пирса, демократы еще болѣе усилили свою дѣятельность, имѣвшую цѣлью распространеніе и упроченіе системы невольничества. Ихъ стараніями изданъ былъ такъ называемый законъ Мерилэнда, который осуждалъ къ 10 или 20-лѣтнему тюремному заключенію всякаго гражданина, который напишетъ, напечатаетъ, выгравируетъ или станетъ распространять памфлетъ, имѣющій цѣлью возбудить неудовольствіе цвѣтнаго населенія. Наконецъ въ 1854 году законодательство Соединенныхъ Штатовъ издало знаменитый законъ, извѣстный подъ именемъ билля Небраска и Канзаса. Иллинойсскій сенаторъ Дугласъ и иллинойсскій же депутатъ Джонъ Кальгоунъ предложили вашингтонскимъ законодательнымъ собраніямъ отмѣнить ту статью миссурійскаго компромисса 1820 года, которая запрещала введеніе невольничества къ сѣверу отъ 36° с. ш. Законодательныя собранія приняли это предложеніе; отмѣнивши эту статью миссурійскаго договора, они постановили правиломъ, что въ каждомъ вновь организующемся штатѣ мѣстнымъ жителямъ предоставлялось право

рѣшать по своему усмотрѣнію все, что касалось организаціи штата, а слѣдовательно и вопросъ о введеніи или устраненіи невольничества, съ тѣмъ только условіемъ, чтобы не была нарушена союзная конституція. Въ сущности конгрессъ и сенатъ изданіемъ этого закона открыли настежъ ворота для распространенія невольничества по всему союзу. Даже та жалкая линія свободы, которая въ 1820 году, за неимѣніемъ лучшаго, проведена была благомыслящими американскими гражданами, была уничтожена этимъ новымъ постановленіемъ. Сборищу эмигрантовъ изъ южныхъ штатовъ, занявшему какую нибудь мѣстность въ одной изъ обширныхъ сѣверо-западныхъ территорій сѣверо-американскаго союза, предоставлена была возможность вводить свое «особенное учрежденіе» въ мѣстности, не знавшей дотолѣ этой язвы. Первымъ послѣдствіемъ этого новаго закона, изданнаго стараніями демократовъ, было то, что немедленно изъ Канзаса въ конгрессъ стали посылаться депутаты, защищавшіе невольничество, и что такимъ образомъ число приверженцевъ невольничества увеличилось въ конгрессѣ сравнительно съ числомъ противниковъ его.

Надменный и дерзкій образъ дѣйствій рабовладѣльческой партіи въ Соединенныхъ Штатахъ, выразившійся между прочимъ въ принятіи конгрессомъ смѣлаго предложенія Дугласа, и проявлявшійся съ особенною силою послѣ устраненія стѣснительной для рабовладѣльцевъ статьи миссурійскаго договора 1820 года, произвелъ однакоже въ положеніи американскихъ партій большой переворотъ, который долженъ былъ имѣть огромное вліяніе на судьбы Союза вообще и на политическую карьеру Линкольна въ особенности. Демократическая партія, защищавшая въ началѣ народную свободу противъ олигархическихъ покушеній и имѣвшая со временъ Джефферсона почти постоянный перевѣсъ въ Союзѣ, съ теченіемъ времени спустилась до того, что сдѣлалась простымъ орудіемъ рабовладѣльческой партіи южныхъ штатовъ. Наконецъ анти-невольническая партія въ Соединенныхъ Штатахъ, дѣйствовавшая доселѣ безъ энергіи, безъ единодушія, безъ опредѣленнаго плана дѣйствій, встрепенулась при видѣ самовластія рабовладѣльцевъ и демократовъ, выразившагося въ канзасскомъ биллѣ и въ его послѣдствіяхъ. Тогда лучшіе люди въ сѣверныхъ штатахъ рѣшились энергически противостать распространенію язвы невольничества, все болѣе и болѣе разъѣдавшей организмъ Соединен-

ныхъ Штатовъ. Начиная съ 1854 года, на сѣверѣ и сѣверо-западѣ Соединенныхъ Штатовъ образовалась могущественная партія, принявшая названіе партіи республиканской и заключавшая въ себѣ все, что не симпатизировало учрежденію невольничества и не намѣрено было терпѣть долѣе эгоистической и основанной на насиліяхъ политики южныхъ рабовладѣльцевъ и сѣверныхъ друзей ихъ; эта партія высказалась также противъ завоевательной политики демократовъ, желавшихъ овладѣть въ интересахъ невольничества Кубою, центральною Америкой, Мехикой.

Въ то время когда съ особенною силою разгоралась борьба между партіями демократической и республиканской, т. е. въ 1854 и 1855 годахъ, Линкольнъ рѣшился послѣдовать примѣру лучшихъ гражданъ сѣверныхъ штатовъ и вновь выступилъ на политическую арену, на которой ему суждено было занять въ скоромъ времени первенствующую роль. Съ этихъ поръ онъ уже не сходилъ болѣе съ политическаго поприща до самой своей смерти. Онъ проявлялъ на немъ въ борьбѣ съ своими политическими противниками ту степень энергіи, которую только допускалъ его мягкій отъ природы характеръ; обнаруженная имъ въ то время энергія доказывала, что онъ очень хорошо понималъ важное значеніе спорныхъ вопросовъ, и что онъ предвидѣлъ, какъ далеко пойдетъ насиліе рабовладѣльцевъ, не сдерживаемое болѣе извѣстною статьею миссурійскаго договора.

Въ концѣ 1854 года Линкольнъ сталъ хлопотать вмѣстѣ съ партіею виговъ, во главѣ которой онъ стоялъ, о томъ, чтобы кандидатъ ихъ партіи, Трумбуллъ, былъ выбранъ въ члены вашингтонскаго сената, на мѣсто демократическаго сенатора, генерала Шильдса. Его неутомимыя старанія на этотъ разъ увѣнчались успѣхомъ, и въ январѣ 1855 года въ лицѣ Трумбулла избранъ былъ въ Иллинойсѣ первый, со времени основанія этого штата, республиканскій сенаторъ. При этомъ случаѣ Линкольнъ высказалъ самымъ несомнѣннымъ образомъ, что онъ въ своей политической дѣятельности руководствовался не личными интересами, а интересами того дѣла, которое онъ считалъ правымъ дѣломъ. Изъ противниковъ демократическаго кандидата Шильдса одни хотѣли подать свои голоса въ пользу Трумбулла, другіе въ пользу самого Линкольна. Линкольнъ предвидѣлъ, что при раздвоеніи партіи виговъ, ожидаемое на ея сторонѣ большинство непремѣнно превра-

тится въ меньшинство, и что слѣдствіемъ этого раздвоенія будетъ избраніе въ сенаторы демократическаго кандидата. Для избѣжанія подобнаго результата онъ лично отправился къ вліятельнѣйшимъ изъ своихъ приверженцевъ и просилъ ихъ подавать голоса за Трумбулла. Такимъ образомъ этотъ послѣдній и былъ избранъ въ сенаторы. Политическій противникъ Линкольна, Дугласъ, посмѣялся впослѣдствіи (въ 1858 году) надъ его образомъ дѣйствій во время сенаторскихъ выборовъ 1855 года, сказавши, что превращеніе Иллинойса изъ демократическаго штата въ штатъ республиканскій произошло оттого, что Линкольнъ «аболиціонировалъ» своихъ приверженцевъ-виговъ. Но какъ бы то ни было, а стараніями Линкольна преобладанію демократической партіи въ штатѣ Иллинойсъ нанесенъ былъ сильный ударъ.

Въ 1856 году республиканская партія въ сѣверныхъ штатахъ уже настолько организовалась, что республиканскій конвентъ, собравшійся въ этомъ году, выставилъ противъ демократическаго кандидата въ президенты, Буканана, своего кандидата, полковника Фримона; республиканцы штата Иллинойсъ хлопотали уже тогда о томъ, чтобы выставить Линкольна кандидатомъ въ вице-президенты. Самъ Линкольнъ неутомимо заботился о томъ, чтобы доставить побѣду кандидату своей партіи. Онъ, какъ и большая часть передовыхъ людей его партіи, не слишкомъ надѣялся на успѣхъ въ предстоящей избирательной борьбѣ; но разъ выставивши своего кандидата, республиканцы хотѣли доказать, что ихъ партія имѣетъ дѣйствительную силу въ странѣ и что она пустила въ сѣверныхъ штатахъ глубокіе корни. Старанія ихъ не пропали совершенно даромъ: не смотря на то, что они въ первый разъ выставили своего кандидата въ президенты (прежде была, какъ мы уже замѣтили, партія виговъ, совершенно отличная отъ партіи республиканской, которая гораздо ближе къ аболиціонизму, нежели виги), они нѣкоторое время могли даже надѣяться одержать перевѣсъ. Но въ то время населеніе сѣверныхъ штатовъ убоялось распаденія Союза, которымъ угрожали рабовладѣльческіе штаты въ случаѣ избранія въ президенты Фримона; поэтому многіе изъ тѣхъ, въ сущности сочувствовавшіе болѣе республиканской партіи, нежели демократической, подавали голоса въ пользу кандидата послѣдней, Буканана, который и былъ избранъ въ пре-

зиденты большинствомъ 174 голосовъ противъ 126, полученныхъ Фримономъ.

1858 годъ былъ весьма замѣчательнымъ годомъ въ жизни Линкольна, такъ какъ собственно съ этого времени имя его, уже давно пользовавшееся большою извѣстностью и популярностью въ Иллинойсѣ, стало извѣстнымъ всему населенію сѣверныхъ и западныхъ штатовъ: въ 1858 году вниманіе населенія этихъ штатовъ обращено было на неизвѣстнаго доселѣ иллиноійскаго адвоката, и этимъ подготовлено было назначеніе его въ 1860 году республиканскимъ кандидатомъ въ президенты.

Въ іюнѣ 1858 года окончился срокъ пребыванія извѣстнаго иллиноійскаго сенатора Дугласа въ вашингтонскомъ сенатѣ. Демократы Иллинойса вновь назначили его своимъ кандидатомъ при новыхъ выборахъ въ сенаторы. Конвентъ республиканцевъ назначилъ кандидатомъ своимъ Линкольна, который еще 9 лѣтъ тому назадъ (въ 1849 году) являлся при выборахъ въ сенаторы соперникомъ генерала Шильдса. Линкольнъ принялъ предложенную ему кандидатуру, равно какъ и Дугласъ, который по этому случаю нарочно пріѣхалъ изъ Вашингтона въ Иллинойсъ. Немедленно по пріѣздѣ своемъ изъ Вашингтона, онъ предпринялъ путешествіе по всему штату, для того чтобы лично объяснить своимъ избирателямъ поведеніе свое въ вопросѣ о Канзасѣ и Небраскѣ. Дугласъ считался въ то время однимъ изъ самыхъ искусныхъ и ловкихъ ораторовъ въ Соединенныхъ Штатахъ. Онъ пустилъ въ ходъ все свое ораторское искусство, не только для того чтобы выставить въ возможно выгоднѣйшемъ свѣтѣ свой образъ дѣйствій, благопріятный невольничеству, но и для того чтобъ набросить тѣнь на принципы, за которые стояли Линкольнъ и вмѣстѣ съ нимъ вся республиканская партія. Линкольнъ въ одно время съ Дугласомъ предпринялъ путешествіе по Иллинойсу, которое продолжалось не менѣе двухъ мѣсяцевъ и въ продолженіи котораго онъ ежедневно въ разныхъ городахъ и мѣстечкахъ произносилъ рѣчи передъ народными собраніями. Но недовольный этимъ одновременнымъ съ Дугласомъ избирательнымъ путешествіемъ по штату, Линкольнъ пошелъ далѣе. Глубоко убѣжденный въ справедливости принциповъ, за которые стояла его партія, и оскорбленный тѣмъ, что эти принципы публично подвергались безпощаднымъ нападкамъ Дугласа, Линкольнъ рѣшился вступить съ своимъ политическимъ

противникомъ въ родъ ораторскаго единоборства, вполнѣ надѣясь побѣдить его въ этомъ единоборствѣ справедливостью защищаемыхъ имъ принциповъ. Онъ предложилъ Дугласу назначить нѣкоторые пункты въ штатѣ, въ которыхъ они встрѣтятся въ назначенное заранѣе время. Въ этихъ мѣстностяхъ они должны были вступать передъ собраніемъ народа въ препиранія о важнѣйшихъ политическихъ вопросахъ того времени. Дугласу неловко было отвергнуть это предложеніе, и онъ согласился. Нѣкоторые изъ друзей Линкольна боялись, что ему не подъ силу будетъ бороться съ такимъ искуснымъ въ ораторскомъ дѣлѣ противникомъ, какъ Дугласъ. Но Линкольнъ доказалъ, что опасенія ихъ были совершенно неосновательны, и превзошелъ даже ожиданія самыхъ восторженныхъ изъ друзей своихъ. Тѣ особенности, которыми отличались его адвокатскія рѣчи, которыми отличались уже рѣчи, произносимыя имъ въ молодости въ иллинойсскихъ сельскихъ клубахъ, выступили въ еще болѣе яркомъ свѣтѣ во время избирательной борьбы его съ Дугласомъ въ 1858 году. Строгая, неумолимая логика, умѣнье его говорить ясно, просто и отчетливо о вопросахъ, часто довольно запутанныхъ, наконецъ та теплота и та искренность убѣжденій, съ которыми онъ говорилъ въ пользу дорогихъ ему принциповъ и оспаривалъ принципы, враждебные, по его убѣжденію, справедливому дѣлу—все это давало ему возможность успѣшно бороться съ опаснымъ противникомъ своимъ. Дугласъ чувствовалъ, что съ Линкольномъ ему трудно бороться тамъ, гдѣ дѣло шло для каждаго о защитѣ своихъ принциповъ, и поэтому онъ нѣсколько разъ пытался свести споръ объ основныхъ принципахъ ихъ партій на поле личныхъ препираній. Но Линкольнъ не послѣдовалъ за нимъ по этому пути и не отклонялся отъ дѣла для возраженій на личныя нападки. Въ многочисленныхъ рѣчахъ своихъ Линкольнъ открыто высказывался противъ системы невольничества и противъ политики южныхъ штатовъ. Когда наступилъ день подачи голосовъ, оказалось, что Линкольнъ произвелъ сильное впечатлѣніе на населеніе штата Иллинойсъ искусствомъ и рвеніемъ, съ которымъ онъ защищалъ свое дѣло. Число голосовъ, поданныхъ въ этомъ штатѣ (въ которомъ демократы всегда считались преобладающей партіей) за Линкольна простиралось до 125,000 человѣкъ; число голосовъ, полученныхъ Дугласомъ, простиралось только до 121,000. Но неравное распредѣленіе избира-

тельныхъ округовъ дало Дугласу перевѣсъ, и назначенный сенаторомъ законодательнымъ собраніемъ штата Иллинойсъ, онъ возвратился въ этомъ качествѣ въ Вашингтонъ. Но замѣчательное политическое единоборство, происходившее лѣтомъ 1858 года между Линкольномъ и Дугласомъ, хотя и имѣло въ конечномъ результатѣ торжество послѣдняго, однако имѣло огромнѣйшее вліяніе и на судьбу Линкольна тѣмъ, что имя его получило огромную популярность на всемъ сѣверо-западѣ Соединенныхъ Штатовъ. Населеніе сѣверныхъ и западныхъ штатовъ, большинство котораго было склонно скорѣе къ идеямъ республиканской партіи, нежели партіи демократической, съ живѣйшимъ интересомъ слѣдило за путешествіемъ по Иллинойсу республиканскаго кандидата въ сенаторы, съ жадностью читало произносимыя имъ почти ежедневно рѣчи и узнавало въ неизвѣстномъ доселѣ иллинойсскомъ адвокатѣ человѣка талантливаго, благомыслящаго и искренно преданнаго своему дѣлу. Съ этой минуты стало несомнѣнно, что Линкольну предназначено играть важную роль въ дальнѣйшихъ событіяхъ въ сѣверной Америкѣ.

Настали президентскіе выборы 1860 года. Республиканская партія, которая уже четыре года тому назадъ, когда она впервые выставила своего кандидата въ президенты и успѣла доставить ему болѣе $^2/_5$ всѣхъ избирательныхъ голосовъ, опять сильно зашевелилась съ приближеніемъ новыхъ президентскихъ выборовъ. Убѣдившись изъ опыта въ томъ, что Фримонъ считался даже въ сѣверныхъ штатахъ человѣкомъ слишкомъ радикальнаго образа мыслей, они рѣшились на этотъ разъ избѣгнуть ошибки, сдѣланной ими въ 1856 году, и не запугивать робкихъ противниковъ невольничества назначеніемъ кандидатомъ своимъ человѣка, считавшагося—справедливо ли, или нѣтъ, это другой вопросъ—рьянымъ аболиціонистомъ. Поэтому кандидатура Фримона была отстранена; республиканцами различныхъ штатовъ выставлены были кандидатуры Сьюарда, Чеза, Камерона и Бэтса; республиканцы Иллинойса предложили кандидатомъ въ президенты Авраама Линкольна. 16 мая 1860 года въ городѣ Чикаго собрался республиканскій конвентъ, который долженъ былъ объявить кандидатомъ всей республиканской партіи одного изъ выше названныхъ кандидатовъ. Больше всего шансовъ было на сторонѣ Сьюарда, который считался одною изъ самыхъ замѣчательныхъ личностей въ Соединен-

ныхъ Штатахъ и который, въ качествѣ губернатора штата Нью-Іорка и въ качествѣ сенатора, много лѣтъ велъ упорную борьбу противъ политики рабовладѣльцевъ. Друзья Сьюарда не сомнѣвались въ его побѣдѣ. Однако ни замѣчательныя способности Сьюарда, ни честный образъ мыслей, ни несомнѣнныя заслуги, имъ оказанныя, не доставили ему высшей должности въ государствѣ. Причина неуспѣха его заключалась въ томъ, что онъ былъ человѣкъ слишкомъ замѣтный. Приверженцы невольничества знали его за неумолимаго противника этого учрежденія, и они называли даже «партіей Сьюарда» партію республиканцевъ. Имя Сьюарда никогда не упоминалось на югѣ иначе, какъ съ проклятіями и угрозами. Его обвиняли въ томъ, что онъ желалъ возбудить въ южныхъ штатахъ невольническую войну. Хотя ненависть южныхъ штатовъ къ Сьюарду была по нашему мнѣнію весьма неосновательна, потому что ни въ прежней, ни въ послѣдующей дѣятельности его ничто не изобличало въ немъ того отчаяннаго аболиціониста, котораго видѣли въ немъ ослѣпленные рабовладѣльцы; но самые благоразумные изъ партіи республиканцевъ поняли очень хорошо, что назначеніе кандидатомъ ихъ партіи Сьюарда не можетъ способствовать успѣху при будущихъ президентскихъ выборахъ республиканскаго кандидата. Представители штатовъ Индіаны и Пенсильваніи прямо объявили, что назначеніе Сьюарда кандидатомъ республиканской партіи повело бы въ ихъ штатахъ къ тѣмъ же результатамъ, къ какимъ повело въ 1856 году назначеніе кандидатомъ Фримона, т. е. къ тому, что самые робкіе изъ республиканцевъ будутъ вотировать въ пользу демократическаго кандидата. Въ виду подобнаго враждебнаго Сьюарду настроенія въ южныхъ и боязливаго настроенія въ сѣверныхъ штатахъ, благоразуміе требовало, чтобы республиканцы отступились отъ мысли назначить кандидатомъ своимъ Сьюарда. По мѣрѣ того, какъ падали шансы Сьюарда, поднимались шансы Линкольна, на кандидатуру котораго никто не обратилъ въ началѣ серьезнаго вниманія. При первой баллотировкѣ Линкольнъ получилъ нѣсколько меньшее число голосовъ, нежели Сьюардъ; Камеронъ и Чезъ получили еще меньшее число голосовъ (пятый кандидатъ Бэтсъ не захотѣлъ даже баллотироваться). При второй баллотировкѣ приверженцы Камерона вотировали въ пользу Линкольна, и онъ получилъ столько же голосовъ, какъ и Сьюардъ; при третьей балло-

тировкѣ довольно многочисленные приверженцы Чеза тоже подали свои голоса за Линкольна, и это дало ему значительный перевѣсъ надъ Сьюардомъ. Такимъ образомъ, на третій день послѣ собранія Чикагскаго конвента 1860 года (18 мая), Авраамъ Линкольнъ объявленъ былъ республиканскою партіей кандидатомъ въ президенты.

Всѣмъ извѣстно было, что Линкольнъ въ сущности сходился въ своихъ воззрѣніяхъ на важнѣйшіе политическіе вопросы съ Сьюардомъ. Случилось такъ, что еще мѣсяца за три до назначенія Линкольна кандидатомъ въ президенты, въ тотъ самый день, когда Сьюардъ излагалъ свою политическую программу въ рѣчи, произнесенной въ сенатѣ, Линкольнъ произнесъ на народномъ митингѣ въ Нью-Іоркѣ рѣчь, въ которой онъ высказывалъ, хотя можетъ быть и въ менѣе блестящей формѣ, тѣ же самыя политическія убѣжденія, которыя высказалъ въ Вашингтонѣ Сьюардъ. Еще за мѣсяцъ до назначенія его кандидатомъ въ президенты (въ апрѣлѣ 1860) Линкольнъ написалъ въ письмѣ къ своимъ политическимъ друзьямъ (извѣщавшимъ его, что они намѣрены предложить его кандидатомъ въ президенты) замѣчательныя слова, приведенныя нами въ эпиграфѣ: «Кто самъ не хочетъ быть рабомъ, не долженъ имѣть рабовъ. Кто отказываетъ въ свободѣ другимъ, тотъ самъ недостоинъ свободы». Но Линкольна считали человѣкомъ, хотя и одинаковаго образа мыслей съ Сьюардомъ, но болѣе умѣреннымъ, а главное менѣе извѣстнымъ и менѣе ненавистнымъ югу, нежели этотъ послѣдній. Республиканцы, основываясь на предшествовавшей дѣятельности Линкольна и на высказанныхъ имъ не разъ политическихъ убѣжденіяхъ, считали его врагомъ невольничества, но человѣкомъ враждебнымъ насильственнымъ переворотамъ. Они просто считали его умѣреннымъ представителемъ идей и интересовъ тѣхъ сѣверныхъ штатовъ, которые не допускали невольничества въ свои предѣлы, которые протестовали противъ существованія невольничества въ южныхъ штатахъ, которые не желали, чтобы равновѣсіе между свободными и невольническими штатами было нарушено въ пользу послѣднихъ введеніемъ невольничества во вновь присоединяемыхъ къ союзу штатахъ. По выраженію одного французскаго публициста, республиканцы навѣрное не назначили бы Линкольна своимъ кандидатомъ въ президенты, если бы онъ объявилъ, что обладаніе невольникомъ есть

воровство; но они остановили на немъ свой выборъ потому, что онъ выразилъ только свое сожалѣніе о томъ, что конституція Соединенныхъ Штатовъ признаетъ раба собственностью другаго человѣка. Нельзя предполагать, чтобы тѣ, которые назначили его кандидатомъ въ президенты, и тѣ, которые впослѣдствіи подавали за него свои голоса во время президентскихъ выборовъ, имѣли при этомъ въ виду какой нибудь заранѣе опредѣленный планъ касательно уничтоженія невольничества; врядъ ли кто либо даже изъ вліятельнѣйшихъ лицъ республиканской партіи имѣлъ въ то время подобный планъ. Еще менѣе можно предполагать то, чтобы всѣ подававшіе голоса за Линкольна были аболиціонисты, желавшіе немедленно достигнуть своей цѣли, не щадя ничего, хотя бы имъ и пришлось для этого пролить потоки крови. Были разумѣется въ сѣверныхъ штатахъ и такіе крайніе люди; но большая часть избирателей сѣверныхъ штатовъ, вотировавшихъ въ пользу Линкольна, были скорѣе враждебны, нежели благопріятны немедленному и полному освобожденію негровъ. Линкольнъ очень хорошо понималъ это и руководствовался этимъ въ дальнѣйшей политикѣ своей. Но съ другой стороны было бы странно утверждать, какъ это въ то время дѣлали очень многіе, что вопросъ о невольничествѣ былъ не при чемъ въ назначеніи Линкольна кандидатомъ въ президенты и въ послѣдующемъ избраніи его. Негодованіе противъ рабовладѣльческой политики, безчестной и убыточной для страны, желаніе обуздать дерзость и своеволіе южныхъ рабовладѣльцевъ, которые очевидно намѣревались окончательно и навсегда забрать въ свои руки управленіе Соединенными Штатами и которые угрожали имъ разными безумными проэктами, имѣвшими въ виду распространеніе невольничества по всему союзу—все это приготовило побѣду Линкольна. Не имѣя повидимому никакихъ опредѣленныхъ плановъ касательно уничтоженія невольничества, республиканцы имѣли въ виду одну общую цѣль: положить конецъ торжеству невольничества.

Во время собранія въ маѣ 1860 года республиканскаго конвента въ Чикаго, сюда съѣхались изъ всѣхъ окрестныхъ штатовъ до 30,000 человѣкъ, желавшихъ поскорѣе узнать о выборѣ конвента. Когда стало извѣстнымъ, что Чезъ отказывается отъ поданныхъ за него голосовъ въ пользу Линкольна, представители всѣхъ штатовъ (кромѣ представителей Нью-Іорка, стоявшихъ за

своего кандидата, Сьюарда), приняли это извѣстіе съ восторгомъ. Извѣстіе объ окончательномъ назначеніи Линкольна кандидатомъ республиканской партіи возбудило восторженные возгласы удовольствія въ собравшихся здѣсь толпахъ народа, состоявшихъ преимущественно изъ обитателей западныхъ штатовъ. Во всей долинѣ рѣки Миссисипи (кромѣ низовьевъ его, принадлежащихъ рабовладѣльческому югу) это событіе произвело восторгъ неописанный; чувства восторга выразились въ длинномъ рядѣ шумныхъ манифестацій, во время которыхъ сожжено было немало пороху *). Населеніе сѣверо-американскаго запада привѣтствовало въ Линкольнѣ не только будущаго президента республиканской партіи, но и перваго президента, выбраннаго изъ гражданъ новыхъ, западныхъ штатовъ. Что касается до при-атлантическихъ, первоначальныхъ штатовъ, то здѣсь избраніе Линкольна не возбудило въ республиканской партіи такихъ восторженныхъ чувствъ, какъ въ западныхъ штатахъ. Но и здѣсь республиканцы радовались такому избранію, которое обѣщало торжество ихъ партіи и не угрожало въ то же время опасностью существованію союза. Что же касается до демократовъ, то самые дальновидные изъ нихъ, и тѣ въ особенности, которые лично знали Линкольна, считали его очень опаснымъ для демократической партіи кандидатомъ, даже болѣе опаснымъ, нежели Сьюарда, пользовавшагося такою незавидною репутаціею на югѣ. Такъ напримѣръ, упомянутый нами уже не разъ сенаторъ Стефанъ Дугласъ, котораго демократическая партія выставила своимъ кандидатомъ, объявилъ, что республиканская партія не могла принять болѣе сильной мѣры, какъ избрать кандидатомъ своимъ Линкольна, и что онъ употребитъ при будущихъ выборахъ всевозможныя усилія, чтобы именно Линкольнъ не былъ избранъ. Въ Европѣ имя Линкольна было такъ мало извѣстно, что назначеніе его кандидатомъ республиканской партіи не произвело почти никакого впечатлѣнія. Такъ напр., Times объявила, что Англіи совершенно все равно, кто будетъ избранъ президентомъ—

*) Когда обитатели Спрингфильда извѣстили Линкольна черезъ городское начальство о томъ, что въ честь его назначенія кандидатомъ въ президенты произведенъ будетъ 101 пушечный выстрѣлъ, Линкольнъ сказалъ улыбаясь: «Будемте экономны съ перваго дня; достаточно будетъ и двадцати одного выстрѣла».

Букананъ или Линкольнъ, лишь бы Англіи оказываемъ былъ въ Америкѣ должный почетъ.

Нельзя сказать, чтобы самъ Линкольнъ принялъ предложенную ему кандидатуру съ особенною радостью: можно почти навѣрное утверждать, что назначеніе его 28 лѣтъ передъ этимъ событіемъ капитаномъ волонтеровъ въ походѣ противъ индійцевъ доставило ему гораздо больше радости, нежели сдѣланное ему въ 1860 году предложеніе занять высшую должность въ странѣ. Онъ понималъ, что на немъ лежала обязанность принять ту роль, которую его сограждане сочли нужнымъ возложить на него; но онъ понималъ, что вмѣстѣ съ этою обязанностью онъ принималъ на себя тяжелую отвѣтственность. Поэтому онъ принялъ предложенную ему кандидатуру безъ особенныхъ заявленій радости, но съ весьма понятною серьезностью. Одинъ изъ членовъ депутаціи, отправленной къ Линкольну для возвѣщенія ему рѣшеній чикагскаго конвента, произнесъ вскорѣ послѣ того рѣчь, въ которой онъ слѣдующимъ образомъ говорилъ о Линкольнѣ:

«Я имѣлъ честь быть избраннымъ членомъ той депутаціи, которая должна была сдѣлать Линкольну оффиціальное сообщеніе о назначеніи его кандидатомъ въ президенты. Энтузіазмъ, съ которымъ насъ встрѣтили въ Спрингфильдѣ, не зналъ предѣловъ. Мы имѣли тамъ дѣло съ сосѣдями Линкольна, и мы съ перваго раза увидѣли, что тѣ, которые лучше всего знали его, питали къ нему больше всего уваженія. Тутъ я вторично увидѣлъ Линкольна. Я уже прежде встрѣчалъ его во время его замѣчательной избирательной кампаніи въ Иллинойсѣ. Тогда онъ не послушался совѣтовъ многихъ извѣстныхъ республиканцевъ, которые полагали, что лучше всего дать Дугласу безпрепятственно возвратиться въ вашингтонскій сенатъ. Онъ устремился въ борьбу, какъ подобаетъ человѣку, глубоко сознающему правоту своего дѣла, и рѣшился защищать до послѣдней крайности чистоту нашихъ принциповъ, которой угрожала опасность; онъ смѣлою рукою ухватилъ тогда республиканское знамя, которому угрожала опасность погрязнуть въ тинѣ компромиссовъ и неестественныхъ комбинацій; онъ гордо и высоко держалъ это знамя въ одной изъ самыхъ жаркихъ битвъ, которую когда либо видѣла страна. Я видѣлъ его тогда въ пылу сраженія въ то время, какъ онъ не боялся стать лицомъ къ лицу со львомъ демагогіи (Дугласомъ); я видѣлъ его въ то время,

когда его блистательныя возраженія, полныя остроумія и сарказма, вызывали восторженныя рукоплесканія толпы: я видѣлъ его въ то время, когда громы его насмѣшекъ сыпались на мѣдный лобъ Стефана Дугласа; я наконецъ видѣлъ его въ то время, когда свѣтлая, неотразимая логика его аргументаціи наполняла каждое патріотическое сердце надеждою на окончательное торжество нашего дѣла, и когда подъ его ударами огромное демократическое большинство въ Иллинойсѣ превращалось въ меньшинство. Я видѣлъ, какъ онъ совершалъ то, что безъ него не совершилъ бы можетъ быть никто. Тогда я сталъ надѣяться на него, какъ на патріота и защитника своихъ искреннихъ убѣжденій, я сталъ уважать въ немъ государственнаго мужа и любить въ немъ человѣка.

«Теперь я опять увидалъ его окруженнымъ депутаціей отъ національнаго конвента, явившейся къ нему, чтобы оказать ему величайшую почесть и величайшее довѣріе, которое только можетъ оказать какая либо партія одному изъ своихъ членовъ; почесть, о которой онъ никогда не думалъ въ пылу борьбы, почесть, которой онъ не желалъ и которой онъ даже никогда не ожидалъ. Онъ стоялъ передъ нами и въ глубокомъ молчаніи слушалъ рѣчь, обращенную къ нему предводителемъ нашей депутаціи: онъ опустилъ глаза въ землю, и видно было, что въ душѣ его чувство справедливой гордости боролось съ овладѣвающимъ имъ сознаніемъ возлагаемой на него тяжелой отвѣтственности. Затѣмъ онъ въ своей отвѣтной рѣчи благодарилъ за оказанную ему честь и объявилъ, что онъ принимаетъ обязанность вождя въ предстоящей высокой борьбѣ; но онъ сдѣлалъ это не съ радостною миною человѣка, одержавшаго личный тріумфъ, не съ надменною миною и съ высокомѣрною важностью человѣка, сознающаго, что большому кораблю большое и плаванье, но съ скромною простотою человѣка, имѣющаго искреннее желаніе дѣлать добро и сознающаго въ себѣ способности къ тому.

«Многіе изъ тѣхъ, которые стояли теперь подлѣ него, вотировали на конвентѣ противъ него *), многіе изъ нихъ прибыли сюда недовольные неуспѣшностью своихъ плановъ и предубѣж-

*) Самъ авторъ этихъ словъ подавалъ на конвентѣ въ Чикаго, при первой и второй баллотировкѣ, голосъ свой въ пользу Сьюарда.

денные поэтому противъ Линкольна. Но когда они увидѣли передъ собою человѣка, который проложилъ себѣ путь отъ самаго низкаго общественнаго положенія до настоящей высоты его, и проложилъ себѣ этотъ путь не искателемъ приключеній, не на крыльяхъ счастливаго *авось* и не при помощи отчаянныхъ спекуляцій; когда они увидѣли, что человѣкъ этотъ достигъ настоящаго положенія силою своего ума и энергіей своего характера, спокойнымъ и упорнымъ трудомъ и непоколебимою вѣрностью своимъ принципамъ при исполненіи своихъ обязанностей; когда они увидѣли человѣка, который пріобрѣлъ довѣріе народа и сдѣлался предводителемъ великой національной партіи не интригами и разными остроумными комбинаціями, а своею прямотою и честностью; когда они увидѣли человѣка, не связаннаго никакими обѣщаніями, человѣка преданнаго исключительно только интересамъ страны и народа; когда они увидѣли человѣка, который имѣлъ позади себя жизнь, свободную не только отъ упрековъ, но и отъ всякаго подозрѣнія, а впереди себя задачу, къ разрѣшенію которой его дѣлали вполнѣ достойнымъ какъ высокій умъ и добродѣтельный характеръ, такъ и необыкновенная сила его воли; когда нерасположенные къ Линкольну члены депутаціи увидѣли все это, тогда они почувствовали, что съ этимъ чистымъ, патріотическимъ государственнымъ человѣкомъ въ Вашингтонскій Бѣлый Домъ возвратятся тѣ великія добродѣтели, которыя дѣлаютъ изъ республиканскаго правительства то, чѣмъ оно должно быть, а именно—власть, основанную на добродѣтели. Одинъ изъ депутатовъ восточныхъ штатовъ (при-атлантическихъ, расположенныхъ болѣе къ Сьюарду, нежели къ Линкольну) шепнулъ мнѣ тутъ же: «Знаете ли, что мы могли бы поступить рискованнѣе, но лучше мы бы никогда не могли поступить».

«Я не могу найти достаточно сильныхъ словъ, чтобы достойно опредѣлить нелѣпость тѣхъ, которые насмѣшливо утверждали, что Линкольна слѣдуетъ считать человѣкомъ довольно неспособнымъ, и что его выбрали по тѣмъ же причинамъ, по которымъ въ 1844 и 1852 году выбирали Полька и Пирса, т. е. только потому, что избирателямъ его изъ политическихъ соображеній необходимо было выбрать человѣка ограниченнаго. Пусть эти господа спросятъ объ этомъ у Дугласа, у котораго Линкольнъ отнялъ большинство въ штатѣ Иллинойсъ; пусть они спросятъ объ этомъ у тѣхъ, которые

испытали на себѣ магическое дѣйствіе его свѣтлаго ума и его любящаго сердца. Пусть клеветники его справятся о немъ въ глубинѣ своей души, и въ овладѣвающемъ ими страхѣ они увидятъ причину радости и увѣренности друзей его».

Послѣ назначенія его кандидатомъ въ президенты Линкольнъ держалъ себя въ высшей степени просто. Онъ никогда не любилъ выдаваться изъ толпы, такъ что теперь, въ пылу избирательной борьбы, друзья и поклонники его почти силою должны были вырывать его изъ толпы, для того чтобы показать народу человѣка, котораго цѣлая половина его согражданъ уже назначила себѣ въ президенты. Въ промежуткѣ времени между рѣшеніями Чикагскаго конгресса и президентскими выборами, Линкольнъ продолжалъ заниматься въ Спрингфильдѣ своей адвокатской практикой. Впрочемъ еще въ іюнѣ мѣсяцѣ того года Линкольнъ улыбаясь говорилъ одному своему знакомому, что хотя онъ и продолжаетъ возиться съ процессами, однако въ новомъ своемъ положеніи онъ представляетъ собою довольно жалкаго адвоката. Простота Линкольна во внѣшней обстановкѣ жизни, даже послѣ занятія имъ самаго высокаго мѣста въ странѣ, доходила до того, что когда онъ, въ началѣ 1861 года, послѣ избранія его президентомъ Соединенныхъ Штатовъ, отправлялся изъ Спрингфильда въ Вашингтонъ, онъ сѣлъ съ семействомъ своимъ въ вагонъ биткомъ набитый простымъ народомъ; въ этотъ же вагонъ, сѣли четыре арестанта, которые расположились рядомъ съ семействомъ вновь избраннаго президента.

Нѣсколько мѣсяцевъ, раздѣлявшіе назначеніе Линкольна кандидатомъ въ президенты отъ президентскихъ выборовъ, прошли въ самой оживленной избирательной борьбѣ. Для того, чтобы лучше ознакомить населеніе сѣверныхъ штатовъ съ политическими воззрѣніями Линкольна, политическіе друзья его собрали и издали всѣ его рѣчи, произнесенныя въ 1858 году, во время единоборства его съ Дугласомъ; изданіе это распространено было чуть не въ милліонѣ экземпляровъ. Сторонники Линкольна въ особенности старались о пріобрѣтеніи ему приверженцевъ въ при-атлантическихъ штатахъ, и преимущественно въ Нью-Іоркскомъ штатѣ, который меньше другихъ сѣверныхъ штатовъ былъ расположенъ къ Линкольну, и который по многочисленности избирательныхъ голосовъ своихъ (35 изъ 300) былъ особенно важенъ. Старанія ихъ

увѣнчались отчасти успѣхомъ: хотя въ самомъ городѣ Нью-Іоркѣ Линкольнъ получилъ очень немного голосовъ, но единодушіе сельскаго населенія, вотировавшаго за него, доставило ему побѣду въ этомъ важномъ штатѣ.

Между тѣмъ, какъ республиканцы остановили свой выборъ на одномъ кандидатѣ и всячески заботились о доставленіи ему побѣды, демократическая партія никакъ не могла согласиться на счетъ выбора своего кандидата. Нѣсколько демократическихъ конвентовъ собирались и вновь расходились, не достигнувши никакихъ результатовъ. Сѣверные демократы (болѣе умѣренные) желали назначить кандидатомъ въ президенты извѣстнаго противника Линкольна, иллинойсскаго сенатора Стефана Дугласа; южные рабовладѣльцы непремѣнно хотѣли выбрать въ президенты Брекенриджа, который въ президентство Буканана занималъ должность вице-президента Соединенныхъ Штатовъ; наконецъ въ пограничныхъ штатахъ была еще третья партія, выставившая кандидатомъ въ президенты сенатора Белла. Ни одна изъ этихъ трехъ партій, и ни одинъ изъ этихъ трехъ демократическихъ кандидатовъ не хотѣли уступить другому; такъ демократическая партія и явилась на выборъ съ тремя кандидатами. Этому обстоятельству республиканская партія преимущественно обязана своимъ торжествомъ. Изъ 16 штатовъ, вотировавшихъ противъ Линкольна, 10 штатовъ подали свои голоса за Брекенриджа, 4 за Белла и два за Дугласа. Такимъ образомъ 2 ноября 1860 года Линкольнъ одержалъ верхъ надъ раздѣленными силами своихъ противниковъ, не смотря на то, что кромѣ избирателей 16 штатовъ онъ имѣлъ противъ себя могущественную финансовую аристократію Нью-Іорка, и, что еще важнѣе, не смотря на то, что центральное правительство президента Буканана и мѣстныя правительства отдѣльныхъ штатовъ употребляли всевозможные неблаговидные происки для доставленія торжества демократу Брекенриджу.

Избраніе Линкольна въ президенты естественно произвело въ сѣверо-западныхъ и западныхъ штатахъ еще большій восторгъ, нежели назначеніе его полгода тому назадъ кандидатомъ въ президенты. Незнакомые люди пожимали другъ другу на улицахъ руки и поздравляли другъ друга съ тѣмъ, что страна высвободилась наконецъ изъ-подъ гнета безчестной и гибельной для страны политики. 20 ноября 1860 года въ Спрингфильдѣ, служившемъ

мѣстопребываніемъ Линкольну, происходило большое торжество по случаю избранія Линкольна въ президенты; при этомъ сдѣланы были многія весьма знаменательныя демонстраціи въ честь вновь избраннаго президента. При этомъ случаѣ Линкольну пришлось произнести рѣчь къ привѣтствовавшему его народу. Онъ старался ограничиться по возможности общими выраженіями, не вдаваясь въ подробности касательно будущей своей политики; но коснувшись агитаціи, происходившихъ на югѣ и угрожавшихъ цѣлости и спокойствію Союза, онъ выразился очень умѣреннымъ и примирительнымъ образомъ. Вообще же Линкольнъ велъ себя съ большою сдержанностью въ теченіи тѣхъ четырехъ мѣсяцевъ, которые отдѣляли избраніе его въ президенты отъ вступленія въ должность Въ виду возрастающаго волненія на югѣ, многія лица въ сѣверныхъ штатахъ, боявшіяся катастрофъ, изъявили желаніе, чтобы Линкольнъ издалъ прокламацію, которая могла бы успокоить югъ. Но друзья Линкольна воспротивились этому. Они говорили, что прежде должно послѣдовать вступленіе въ должность, а потомъ уже должны начаться переговоры о соглашеніи. Они держались того мнѣнія, что до дня вступленія своего въ должность вновь избранный президентъ есть ничто иное, какъ частное лицо, которое не имѣетъ даже никакого права дѣлать оффиціальныя заявленія. Самому Линкольну казалось безполезнымъ и даже неприличнымъ дѣлать послѣ избранія его въ президенты хоть одинъ шагъ для сближенія съ партіей, противившейся его избранію и угрожавшей теперь отпаденіемъ. «Я соглашусь скорѣе умереть, говорилъ онъ, нежели сдѣлать какое нибудь оффиціальное обѣщаніе, войти въ какой нибудь компромиссъ, который придавалъ бы намъ видъ, будто мы покупаемъ право на власть, принадлежащую намъ въ силу конституціи». Что же касается до личныхъ воззрѣній новаго президента, то ихъ не трудно было узнать: они были весьма ясно выражены въ рѣчахъ, произнесенныхъ Линкольномъ въ 1858 году и собранныхъ, какъ мы сказали выше, въ одну книгу, въ программѣ, принятой въ маѣ мѣсяцѣ 1860 года республиканскимъ конвентомъ въ Чикаго, въ разныхъ заявленіяхъ газетъ республиканской партіи и въ рѣчахъ, произнесенныхъ при разныхъ случаяхъ Линкольномъ и близкими къ нему лицами.

Вообще говоря, всѣ заявленія, сдѣланныя Линкольномъ и его

друзьями, были въ высшей степени успокоительны для юга. Хотя Линкольнъ дѣйствительно выражалъ не разъ ту мысль, что Союзъ не можетъ продолжать свое существованіе, если одна часть его будетъ имѣть свободныя учрежденія, а другая сохранитъ невольничество; однако ни изъ чего не было видно, чтобы онъ собирался прибѣгать къ крутымъ или насильственнымъ мѣрамъ для немедленнаго и радикальнаго уничтоженія невольничества. Напротивъ, изо всего было видно, что онъ и его партія постановили себѣ на первый разъ одну только задачу: остановить дальнѣйшее распространеніе невольничества и ослабить его дѣйствіе тамъ, гдѣ оно уже существовало. Ими не разъ выражено было намѣреніе уважать самостоятельность отдѣльныхъ штатовъ и не касаться ихъ права самимъ устраивать свои дѣла: они готовы были дозволить невольничьимъ штатамъ отстрочивать даже по своему усмотрѣнію, до того времени, которое они сами признаютъ удобнымъ, разрѣшеніе труднаго вопроса о невольничествѣ; на обдумываніе и приготовленіе этого вопроса имъ давалось много времени, потому что избраніемъ Линкольна покуда ставился одинъ только принципъ уничтоженія невольничества. Въ числѣ избирателей, которые подавали голоса свои за Линкольна, конечно самая меньшая часть желала нарушенія конституціонныхъ правъ южныхъ штатовъ. Ни одинъ журналъ, ни одинъ государственный человѣкъ не выразили ни малѣйшаго желанія, чтобы самостоятельность южныхъ штатовъ во внутреннемъ управленіи была ограничена.

Еще въ программѣ Чикагскаго конвента мы встрѣчаемъ два замѣчательныхъ параграфа, изъ которыхъ одинъ обязывалъ будущаго президента принять всевозможныя мѣры къ ограниченію предѣловъ невольничества, а другой имѣлъ въ виду успокоить южные штаты. Въ параграфѣ 8-мъ говорилось между прочимъ: мы не признаемъ ни за конгрессомъ, ни за законодательными собраніями штатовъ, ни за отдѣльными лицами права давать невольничеству право законнаго существованія въ какой либо территоріи Союза; но въ 4-мъ параграфѣ говорилось, что каждый штатъ долженъ быть самостоятеленъ относительно своего внутренняго законодательства. И послѣ окончательнаго избранія Линкольна въ президенты, предводители республиканской партіи выказывали чрезвычайно примирительныя наклонности. Такъ напр., органъ Сьюарда напечаталъ въ концѣ 1860 года, когда южные

штаты уже приступили къ отдѣленію отъ Союза, слѣдующія примирительныя, даже ужъ черезчуръ примирительныя слова: «При обоюдномъ желаніи можно устранить всѣ наши разногласія. Отчего бы намъ не создать новаго закона о выдачѣ бѣглыхъ невольниковъ, вмѣсто прежняго закона, носящаго на себѣ характеръ мстительности и противнаго чести и человѣколюбію; отчего бы намъ не издать вмѣсто этого закона такой законъ, который назначалъ бы владѣльцамъ невольниковъ, бѣжавшихъ въ сѣверные штаты, вознагражденіе, соотвѣтствующее цѣнѣ бѣглыхъ невольниковъ. Что касается до другаго спорнаго вопроса, вопроса о томъ, имѣютъ ли владѣльцы невольниковъ право брать съ собою невольниковъ въ свободныя территоріи, то *отчего бы намъ не возобновить миссурійскаго компромисса, обезпечивающаго за югомъ всю территорію, почва и климатъ которой способствовали введенію тамъ домашняго учрежденія?*» Одинъ изъ публицистовъ республиканской партіи, обсуждая тогдашнее положеніе дѣлъ, приходилъ къ тому заключенію, что новому президенту предстоятъ три пути, по которымъ онъ можетъ слѣдовать: или дать южнымъ штатамъ отдѣлиться, или силою принудить ихъ остаться въ Союзѣ (это средство публицистъ признавалъ чрезвычайно опаснымъ), или же провести новую линію невольничества и за тѣмъ, выигравши время, приступить къ медленному, постепенному ослабленію невольничества. Этотъ послѣдній путь признавался самымъ лучшимъ путемъ, который только могъ избрать президентъ. Вотъ до какой умѣренности доходили требованія республиканцевъ въ то время какъ началось отпаденіе юга. Они готовы были удовольствоваться возобновленіемъ миссурійскаго компромисса, который отмѣненъ былъ въ 1854 году стараніями надменныхъ рабовладѣльцевъ, но который въ 1820 году, когда онъ былъ изданъ, считался благомыслящею частью американскаго населенія дѣломъ позорнымъ, такъ какъ онъ узаконялъ на вѣчныя времена невольничество въ областяхъ, лежавшихъ къ югу отъ 36° с. ш. Несмотря однако же на умѣренность, обнаруженную съ самаго начала Линкольномъ и большинствомъ республиканской партіи, Южная Каролина подала, какъ извѣстно, примѣръ отдѣленія отъ Союза, а другіе рабовладѣльческіе штаты послѣдовали этому примѣру. При взаимной ненависти партій, республиканской и демократической, и при надменности и дерзости рабовладѣльцевъ, распаденіе Союза на двѣ половины

могло бы уже давно случиться, еслибы сѣверные штаты управляемые президентами, сочувствующими невольничеству, не отдаляли бы этого распаденія своею крайнею, непростительною уступчивостью. Теперь же, когда президентомъ Соединенныхъ Штатовъ выбранъ былъ человѣкъ, характеръ и общественная дѣятельность котораго свидѣтельствовали о томъ, что онъ не сочувствуетъ «домашнему учрежденію» юга, подобно своимъ предшественникамъ, рабовладѣльцы, привыкшіе распоряжаться судьбами цѣлаго Союза, не захотѣли остаться подъ управленіемъ такого человѣка, хотя онъ и его партія увѣряли ихъ, что центральное правительство не будетъ вмѣшиваться въ ихъ домашнія дѣла. Но этого увѣренія рабовладѣльцамъ было мало. Тѣмъ людямъ, которые еще недавно поднесли почетную трость виргинскому сенатору Бруксу, сломавшему свою трость объ голову почтеннаго республиканскаго сенатора Сомнера; тѣмъ людямъ, которые еще меньше чѣмъ за годъ до избранія Линкольна повѣсили благороднаго старика Джона Брауна и оспаривали при этомъ другъ у друга честь доставить веревку, для повѣшенія; тѣмъ людямъ, которые до сихъ поръ были увѣрены въ томъ, что какія бы мѣры ни приняли въ интересахъ распространенія невольничества на протяженіи Союза, они найдутъ поддержку и покровительство въ избранныхъ ими президентахъ: этимъ людямъ, говоримъ мы, разумѣется было мало увѣренія будущаго президента, что никто не коснется ихъ правъ и ихъ учрежденій. Не того имъ нужно было: имъ нужно было самимъ распространять свои учрежденія по всей территоріи Союза и топтать ногами права другихъ. Такъ какъ они предвидѣли, что при новомъ президентѣ имъ нельзя будетъ этого дѣлать, что новый президентъ очевидно не будетъ разрѣшать всѣ вопросы въ интересахъ невольничьихъ штатовъ, то они и рѣшились отдѣлиться отъ Союза и образовать свое, чисторабовладѣльческое государство. Обстоятельства этого отдѣленія извѣстны. Прежде нежели Авраамъ Линкольнъ вступилъ въ исправленіе своей президентской должности, уже образовано было особое государство конфедератовъ, которое, пользуясь измѣнническимъ покровительствомъ, оказываемымъ ему Букананомъ и его министрами, отлично приготовилось къ тому, чтобы при случаѣ силою отстаивать свою самостоятельность.

Линкольнъ, какъ мы уже замѣтили выше, очень хорошо пони-

малъ лежавшую на немъ отвѣтственность и затруднительность своего положенія. Когда онъ въ январѣ 1861 года отправлялся изъ Спрингфильда въ Вашингтонъ, онъ сказалъ, покидая свой небогатый, но комфортабельный спрингфильдскій домикъ: «Задача, которая выпала на мою долю, можетъ быть тяжеле, нежели тѣ, которыя выпадали на долю котораго либо изъ другихъ президентовъ, управлявшихъ страною послѣ Вашингтона». Видно было изо всего, что Линкольнъ съ тяжелымъ сердцемъ оставлялъ городъ, гдѣ онъ провелъ столько лѣтъ спокойной и счастливой жизни, и шелъ навстрѣчу жизни, полной отвѣтственности, заботъ, трудностей и даже опасностей. Дѣйствительно, не подлежитъ сомнѣнію, что уже въ то время составленъ былъ заговоръ противъ жизни или по крайней мѣрѣ противъ свободы новаго президента. Линкольнъ ѣхалъ изъ Спрингфильда въ Вашингтонъ, дѣлая небольшіе переѣзды и останавливаясь въ главнѣйшихъ городахъ, черезъ которые ему приходилось проѣзжать. Въ это время федеральная полиція получила свѣдѣнія, что существуетъ планъ убить президента или овладѣть его особой въ то время, когда онъ будетъ въѣзжать въ Бальтимору безъ конвоя и окруженный толпою любопытныхъ. Генералъ Скоттъ и Сьюардъ секретнымъ образомъ увѣдомили объ этомъ заговорѣ Линкольна, который былъ въ то время въ Пенсильваніи. Новый президентъ, получивши это извѣщеніе, измѣнилъ маршрутъ свой, проѣхалъ черезъ Бальтимору ночью, и притомъ инкогнито, и пріѣхалъ въ Вашингтонъ двумя днями ранѣе, нежели его ожидали.

Наконецъ наступило 4-е число марта, день вступленія въ должность вновь избраннаго президента. Вашингтонскія власти не совсѣмъ были спокойны насчетъ этого дня, такъ какъ они опасались какого нибудь нападенія на Вашингтонъ со стороны рабовладѣльцевъ, собиравшихъ уже милиціи въ сосѣднихъ съ столицею Союза штатахъ Виргиніи и Мериэндѣ; а войскъ для защиты столицы было очень мало. Впрочемъ ихъ опасенія не оправдались, и день вступленія въ должность новаго президента прошелъ благополучно. Прежде нежели принести присягу, требуемую конституціей, Линкольнъ произнесъ твердымъ и сильнымъ голосомъ рѣчь, имъ самимъ составленную, въ которой онъ въ первый разъ оффиціально объявлялъ программу будущаго своего управленія. Онъ умалчивалъ въ своей рѣчи о многихъ подробностяхъ администра-

ціи и посвятилъ ее всю великому вопросу, стоявшему тогда на очереди. Рѣчь эта написана была безъ малѣйшихъ реторическихъ украшеній, но она замѣчательна была своею ясностью, откровенностью и умѣренностью. Линкольнъ прямо приступалъ къ главному, занимавшему его предмету. Коснувшись вопроса объ отдѣленіи южныхъ штатовъ, Линкольнъ сталъ доказывать, что во-первыхъ, штаты эти не имѣли права отдѣляться. Американскіе штаты, говорилъ онъ, соединены вмѣстѣ, или потому что они уже составили націю, или потому что они заключили между собою контрактъ быть въ союзѣ. Въ первомъ случаѣ отпаденіе южныхъ штатовъ составляетъ бунтъ, во второмъ случаѣ нарушеніе контракта; и въ томъ и въ другомъ случаѣ оно незаконно. Во-вторыхъ, объяснялъ Линкольнъ далѣе въ своей рѣчи, отпаденіе штатовъ не можетъ быть дѣйствительнымъ и прочнымъ. Если они бунтуютъ или нарушаютъ контрактъ, то они не могутъ требовать, чтобы права ихъ были уважаемы другою стороною; въ такомъ случаѣ они лишаются всѣхъ гарантій неприкосновенности ихъ правъ, изданныхъ въ прежнее время и признанныхъ сѣверными штатами. Въ третьихъ, говорилъ наконецъ Линкольнъ, отдѣленіе отъ Союза невольничьихъ штатовъ, будучи незаконнымъ и непрочнымъ, не имѣетъ къ тому же ни малѣйшаго основанія. «Я не собираюсь, говорилъ президентъ, вмѣшиваться ни прямо ни косвенно въ учрежденіе невольничества тамъ, гдѣ оно существуетъ. Я полагаю, что я не имѣю на то права». Президентъ на первый разъ сводилъ спорные пункты къ тому, что слѣдовало бы сдѣлать измѣненія въ законѣ о выдачѣ бѣглыхъ невольниковъ и въ законодательствѣ касательно отношеній къ невольничеству новыхъ территорій. Линкольнъ отказывался разрѣшать эти вопросы своею властью, но онъ не хотѣлъ также, чтобы они разрѣшаемы были исключительно только рабовладѣльцами. Поэтому онъ предлагалъ въ своей вступительной рѣчи созвать, съ соблюденіемъ всѣхъ необходимыхъ конституціонныхъ формъ, національный конвентъ, который бы рѣшилъ большинствомъ голосовъ, какъ слѣдуетъ разрѣшить спорные вопросы. Большинство, прибавилъ при этомъ Линкольнъ, должно быть единственною властью свободнаго народа, потому что единогласіе невозможно; кто отвергаетъ большинство, тотъ впадаетъ по необходимости или въ анархію, или въ деспотизмъ. Линкольнъ вѣрилъ въ благоразуміе большинства американскаго народа и полагалъ,

что если предоставить разрѣшеніе спорнаго вопроса большинству, то оно дойдетъ мало по малу до того, чего желалъ Линкольнъ, т. е. до совершеннаго изгнанія невольничества съ территоріи американскаго союза; но именно потому, что Линкольнъ надѣялся на благоразуміе большинства, онъ не желалъ прибѣгать къ насильственнымъ средствамъ для достиженія этой цѣли. Въ заключеніе своей рѣчи Линкольнъ сказалъ: «нѣтъ ни малѣйшей причины дѣйствовать съ поспѣшностью. Разсудительность, патріотизмъ, человѣколюбіе и твердое упованіе въ Того, который никогда не покидалъ своихъ чадъ земныхъ, могутъ еще помочь уладить настоящія затрудненія».

Итакъ Линкольнъ шелъ очень далеко по пути уступокъ, какъ мы видимъ это изъ нѣкоторыхъ мѣстъ вступительной рѣчи его. Онъ откровенно говорилъ, что онъ не желаетъ ни прямо ни косвенно вмѣшиваться въ учрежденіе невольничества тамъ, гдѣ оно существуетъ, и что онъ даже не имѣетъ права на это. Онъ шелъ такъ далеко, что объявилъ неприкосновеннымъ домашнее учрежденіе юга и всѣ законныя гарантіи его. Въ первое время послѣ вступленія своего въ должность, онъ разослалъ ко всѣмъ служащимъ инструкціи о томъ, чтобы всѣ права, существующія въ различныхъ штатахъ, были уважаемы и сохранены. Онъ на первый разъ желалъ только выиграть время, принять палліативы, идти впередъ въ вопросѣ о невольничествѣ очень медленнымъ шагомъ. Подобный образъ дѣйствій, котораго онъ придерживался въ началѣ своей президентской дѣятельности, конечно, не заслуживаетъ похвалы, и намъ и въ голову не придетъ восхвалять или оправдывать его. Но мы постараемся объяснить, изъ какихъ побужденій проистекалъ подобный образъ дѣйствій, и мы увидимъ, что по крайней мѣрѣ побужденія эти были всегда вполнѣ хороши и симпатичны.

Во-первыхъ, Линкольнъ считалъ себя ничѣмъ инымъ, какъ первымъ слугою народа, поставленнымъ на президентское мѣсто только для того, чтобы вести народъ туда, куда этого пожелаетъ большинство народа, чтобы исполнять то, что поручитъ ему это же большинство. Онъ не считалъ себя въ правѣ навязывать цѣлому народу свой образъ мыслей, свою политику. Онъ по убѣжденіямъ своимъ могъ быть гораздо ближе къ аболиціонистамъ, нежели то показывалъ его образъ дѣйствій. Но такъ какъ онъ въ боль-

шинствѣ народа видѣлъ положительное нерасположеніе къ немедленному и радикальному разрѣшенію вопроса о невольничествѣ, то онъ, сдѣлавшись президентомъ, рѣшился приступить къ медленной, черезчуръ уже медленной, подготовкѣ разрѣшенія вопроса о невольничествѣ, въ чемъ онъ, казалось ему, исполнялъ волю своего господина—народа. Но, какъ мы замѣтили уже выше, Линкольнъ твердо убѣжденъ былъ въ томъ, что самъ народъ скоро пойдетъ дальше.

Линкольнъ вовсе не былъ деспотомъ; онъ имѣлъ очень высокое понятіе о значеніи народной власти, и этой народной власти онъ рѣшился даже принести отчасти въ жертву свои личныя убѣжденія. Во вторыхъ, Линкольнъ былъ человѣкъ въ высшей степени человѣколюбивый и миролюбивый: онъ предвидѣлъ, что рѣшительная политика въ вопросѣ о невольничествѣ поведетъ къ ожесточенной междоусобной войнѣ, и надѣялся отклонить бѣдствія междоусобной войны, слѣдуя политикѣ примирительной и дѣлая рабовладѣльцамъ нѣкоторыя уступки. Наконецъ Линкольнъ былъ человѣкъ до того честный, что онъ не считалъ себя въ правѣ лишать кого бы то ни было принадлежащихъ ему правъ и гарантированной ему собственности, хотя бы эти права и эта собственность были пріобрѣтены самымъ безчестнымъ образомъ и къ явному ущербу другихъ. Лучше, думалъ онъ, мы доведемъ ихъ до того, что они сами откажутся отъ незаконно и насильственно пріобрѣтенныхъ ими правъ и собственности, нежели будемъ прибѣгать къ насилію. Линкольнъ имѣлъ такое любящее сердце, что онъ желалъ бы любить всѣхъ людей, и что онъ только и думалъ о томъ, какъ бы обойтись такъ, чтобы достигнуть хорошей цѣли, никому не сдѣлавши ни малѣйшаго зла. With charity to all, with malice for none (ко всѣмъ любовь, ни къ кому злобы)—вотъ девизъ, который избралъ себѣ Линкольнъ. Подобный взглядъ на людскія отношенія нѣсколько наивенъ и ведетъ часто къ весьма печальной терпимости относительно зла. Линкольнъ хотѣлъ соединить несоединимое и одинаково любить добро и зло. Онъ желалъ невозможнаго, но желаніе это проистекало однако изъ самаго чистаго и благороднаго побужденія.

Излишнее добродушіе Линкольна и доведенныя до крайней степени добросовѣстность и честность его могли бы повести къ погибели того дѣла, за которое онъ стоялъ, и къ торжеству зла,

противъ котораго любящее сердце Линкольна не дозволяло ему бороться съ должною строгостью. Но къ счастію для праваго дѣла обстоятельства сложились такъ, что даже крайнее мягкосердіе Линкольна не имѣло тѣхъ печальныхъ послѣдствій, которыхъ можно было отъ него опасаться. Надменность южныхъ штатовъ, не хотѣвшихъ слышать о примиреніи иначе, какъ на основаніи признанія самостоятельности рабовладѣльческаго государства, озлобило противъ нихъ населеніе сѣвера, придало этому послѣднему достаточно энергіи для продолженія войны и протянуло войну до окончательнаго торжества сѣвера. Умѣренность же Линкольна, которая при другихъ обстоятельствахъ могла повести къ весьма гибельнымъ результатамъ, сдѣлала при настоящихъ благопріятныхъ обстоятельствахъ то, что онъ не запугалъ сразу гражданъ сѣверныхъ штатовъ, опасавшихся пуще огня радикальнаго и немедленнаго аболиціонизма. Оставаясь вѣрнымъ, при всей своей умѣренности, основному своему правилу, поставленному нами въ эпиграфѣ, Линкольнъ въ теченіи своего четырехъ-лѣтняго президентства не упускалъ ни одного случая подвинуть впередъ вопросъ объ уничтоженіи невольничества. Онъ хвалился тѣмъ, что въ разрѣшеніи этого вопроса онъ шелъ одинаковымъ шагомъ съ сознаніемъ большинства американскаго народа.

На этомъ мы пока и остановимся. Мы желали только представить читателямъ нашимъ краткій очеркъ жизни этого замѣчательнаго человѣка до той поры его дѣятельности, когда его біографія сливается съ новѣйшей исторіей всего американскаго народа, и изобразить характеръ этого честнаго и благороднаго дѣятеля, имя котораго уже поставлено американскимъ народомъ на ряду съ именемъ Вашингтона. Разсказывать же о президентской дѣятельности Линкольна—значило бы излагать всю исторію Соединенныхъ американскихъ Штатовъ за послѣдніе четыре года. Это не входило въ нашъ планъ. Замѣтимъ здѣсь только вкратцѣ, что въ это время вопросъ объ уничтоженіи невольничества, въ которомъ и заключается главный интересъ дѣятельности Линкольна, сильно подвинулся впередъ. Въ первый годъ войны запрещена была торговля неграми; во второй годъ допущено было поступленіе негровъ въ военную службу и отмѣнено невольничество въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ; въ третій годъ увеличилось число округовъ, въ которыхъ приступлено было къ освобожденію невольни-

ковъ, и обнародована прокламація объ освобожденіи невольниковъ въ тѣхъ штатахъ, которые не возвратятся въ Союзъ; и наконецъ въ четвертый годъ войны зашла уже рѣчь о соотвѣтствующемъ измѣненіи въ сѣверо-американской конституціи: 31 января 1865 года вашингтонскій конгрессъ окончательно принялъ большинствомъ двухъ третей голосовъ предложеніе о томъ, чтобы внести въ американскую конституцію статью объ уничтоженіи невольничества на всемъ протяженіи американскаго союза.

Въ заключеніе скажемъ еще нѣсколько словъ объ обстоятельствахъ, сопровождавшихъ умерщвленіе Линкольна. 14 апрѣля, въ страстную пятницу, вашингтонской публикѣ стало извѣстно, что президентъ будетъ въ этотъ вечеръ въ театрѣ Форда гдѣ назначена была къ представленію очень забавная пьеса «Американскій кузенъ». Впослѣдствіи оказалось,что убійца Бутъ, пользуясь тѣмъ, что онъ, какъ актеръ, имѣлъ знакомства во всѣхъ театрахъ, проникъ въ этотъ день въ театръ Форда еще гораздо ранѣе, нежели театръ отворенъ былъ для публики; здѣсь онъ какъ слѣдуетъ осмотрѣлъ расположеніе президентской ложи, поставилъ кресло президента такъ, чтобы ему удобнѣе было стрѣлять въ сидящаго въ немъ, пробуравилъ маленькое отверстіе въ двери, чтобы ему изъ корридора можно было наблюдать за тѣмъ, что дѣлается въ ложѣ, и попортилъ задвижки, которыми дверь въ ложу могла быть заперта изнутри. Въ половинѣ девятаго вечера президентъ пріѣхалъ въ театръ съ женою своей, съ маіоромъ Ретбэрномъ и еще съ одною знакомою дамою. Линкольну въ этотъ вечеръ очень не хотѣлось ѣхать въ театръ, тѣмъ болѣе, что женѣ его нѣсколько нездоровилось. Но такъ какъ онъ зналъ, что публика ожидаетъ его прибытія въ театръ, то онъ не захотѣлъ обмануть ожиданій ея. Однако не смотря на то, что онъ ѣхалъ въ театръ неохотно, Линкольнъ, казалось, съ интересомъ слѣдилъ за ходомъ піесы. Онъ сидѣлъ въ своемъ качающемся американскомъ креслѣ и, облокотившись на барьеръ ложи, со вниманіемъ смотрѣлъ на сцену. Когда публика отъ души смѣялась, онъ, добродушно улыбаясь, взглядывалъ внизъ на публику; изрѣдка онъ обращался съ короткими замѣчаніями къ дамамъ, сидѣвшимъ съ нимъ въ ложѣ; замѣчанія эти относились повидимому къ ходу пьесы. Въ половинѣ третьяго акта къ двери президентской ложи подошелъ человѣкъ и сказалъ часовому, что онъ несетъ президенту очень важ-

ныя депеши отъ генерала Гранта. Часовой не затруднился впустить его. Тогда человѣкъ этотъ, вынувши изъ кармана своего обыкновенный одноствольный пистолетъ, быстро направился къ креслу, на которомъ сидѣлъ Линкольнъ. Маіоръ Ретбэрнъ всталъ было съ своего мѣста и ступилъ ему навстрѣчу; но тотъ отмахнулся отъ него большимъ ножемъ, подошелъ къ президенту, приложилъ пистолетъ къ задней части головы его около праваго уха и выстрѣлилъ. Какъ часовой у дверей, такъ и публика подумали въ первую минуту, что выстрѣлъ произведенъ на сценѣ и принадлежитъ ходу пьесы. Въ это время со сцены только что ушелъ одинъ актеръ, и она нѣсколько секундъ оставалась пустою въ ожиданіи выхода другихъ дѣйствующихъ лицъ. Тогда, немедленно послѣ выстрѣла, черезъ барьеръ президентской ложи (находившейся на лѣвой сторонѣ бель-этажа, около самой сцены, на высотѣ 9 или 10 футовъ) соскочилъ на сцену человѣкъ, державшій въ рукѣ широкій ножъ, воскликнулъ знаменитое «Sic semper tyrannis», и пробѣжавши черезъ всю ширину сцены, скрылся за кулисами направо. Въ эти нѣсколько мгновеній въ театрѣ царствовало гробовое молчаніе. Въ публикѣ все еще продолжалось заблужденіе, будто все это принадлежитъ къ ходу піесы и будто эта штука выкинута для произведенія большаго эффекта. Но въ это время въ театрѣ раздался рѣзкій, отчаянный крикъ, заставившій вздрогнуть большую часть публики. Этотъ крикъ вырвался изъ груди г-жи Линкольнъ, которая, глядя на сцену, не видала, какъ взошелъ въ ложу убійца и какъ онъ выстрѣлилъ въ ея мужа, но которая уже нѣсколько секундъ позднѣе увидѣла, какъ этотъ послѣдній опрокинулся назадъ въ своемъ креслѣ, и въ отчаяніи воскликнула: «спасите моего мужа». Немедленно въ театрѣ разнеслось извѣстіе, что президентъ убитъ. Въ публикѣ началось волненіе неописанное и произносились самыя жестокія проклятія противъ убійцы; но на авансцену выступила одна изъ актрисъ и объявила, что убійца скрылся. Занавѣсъ разумѣется немедленно былъ опущенъ. Тотчасъ же отыскали носилки, положили на нихъ раненаго Линкольна и перенесли его изъ театра въ сосѣдній домъ. Публика разступилась въ глубокомъ молчаніи передъ печальнымъ шествіемъ. Пуля пробила правую затылочную кость черепа, проникла на три дюйма въ мозгъ и тамъ остановилась; изъ

раны струилось очень немного крови и мозга *). Очевидецъ разсказываетъ, что Линкольнъ лежалъ на носилкахъ блѣдный, но спокойный; глаза его были закрыты. Г-жу Линкольнъ вынесли изъ театра въ безчувственномъ состояніи. Призванные доктора тотчасъ же объявили, что рана смертельна и что Линкольну остается жить только нѣсколько часовъ. Послѣдніе часы жизни Линкольна были спокойны, и смерть его повидимому тоже была спокойна. Онъ все время оставался въ безпамятствѣ, но глаза его были открыты; пульсъ его постоянно становился медленнѣе и медленнѣе, дыханіе его поперемѣнно было то свободное, то тяжелое, то спокойное, то хриплое, но тяжелой агоніи вовсе не было; только дыханіе его становилось все медленнѣе и медленнѣе, и наконецъ въ 7 часовъ 22 минуты утра (15 апрѣля) оно совершенно прекратилось. Тѣло его было завернуто въ союзный флагъ и перенесено въ Бѣлый Домъ, гдѣ его набальзамировали и одѣли въ ту одежду, которую онъ носилъ при церемоніи вступленія въ должность.

Въ ночь убіенія Линкольна въ Вашингтонѣ господствовали волненіе и горесть неописанныя; весь городъ былъ на ногахъ, и частныя лица вмѣстѣ съ полиціей самымъ тщательнымъ образомъ разыскивали убійцу. Въ эту ночь между прочимъ видно было, какъ дорогъ Линкольнъ былъ народу. Очевидецъ разсказываетъ, что почти всѣ взрослые мужчины, которыхъ онъ въ эту ночь видѣлъ, плакали какъ дѣти. Толпы народа съ озабоченнымъ выраженіемъ въ лицѣ, стояли передъ домомъ, гдѣ лежалъ раненный президентъ, и боязливо сдерживая дыханіе, прислушивались къ извѣстіямъ, которыя сообщались отъ времени до времени о положеніи больнаго. Когда кто нибудь выходилъ изъ дома и говорилъ, что больному нужны спокойствіе и тишина, то въ огромной толпѣ народа только и слышны были тихій шопотъ и сдержанныя рыданія. Мы увѣрены, говоритъ разсказчикъ, что въ эту ночь во всемъ Вашингтонѣ никто не смыкалъ глазъ. Послѣ смерти Линкольна оказалось, что какъ бы значительны ни были любовь и

*) Американскія газеты сообщаютъ о той весьма оригинальной случайности, что пуля сержанта Корбетта, положившая 26 апрѣля конецъ жизни убійцы Уилкса Бута (на одной уединенно-лежащей фермѣ за Потомакомъ въ сѣверной Виргиніи), попала сзади праваго уха, именно въ то самое мѣсто головы, въ которое Бутъ ранилъ Линкольна.

довѣріе, оказываемыя ему въ Америкѣ при жизни его, однако только смерть его доказала, до какой степени онъ былъ дорогъ націи, которая вторично выбрала его въ президенты такимъ огромнымъ большинствомъ голосовъ. Въ Америкѣ въ теченіи нѣсколькихъ дней только и можно было слышать выраженія отчаянія и глубокаго огорченія, которыя вообще резюмировались въ слѣдующемъ воплѣ: «Тотъ, кто умеръ, былъ избранникъ нашъ, былъ самый надежный другъ нашъ, былъ самый вѣрный слуга нашъ. Зачѣмъ же насъ и наши семейства постигло такое жестокое несчастіе!» Подобныя слова, вырывающіяся изъ глубины сердца цѣлаго народа, служащія добровольнымъ и всеобщимъ выраженіемъ народнаго горя и негодованія, составляютъ самую краснорѣчивую надгробную рѣчь надъ Линкольномъ.

По желанію г-жи Линкольнъ тѣло покойнаго президента перевезено въ Иллинойсъ и похоронено 4-го мая въ городѣ Спрингфильдѣ, гдѣ Авраамъ Линкольнъ провелъ 25 лѣтъ своей жизни, гдѣ онъ составилъ себѣ репутацію честнаго человѣка и гдѣ изъ него образовался тотъ великій гражданинъ, который заслужилъ такое довѣріе и любовь въ своемъ народѣ. Изъ Вашингтона тѣло покойнаго президента направлено было (21 апрѣля) черезъ Бальтимору, Гаррисбургъ, Филадельфію, Нью-Іоркъ, Альбани, Буффало, Чикаго и другіе важные города, въ Спрингфильдъ. Вездѣ, куда ни прибывала печальная процессія, повторялись сцены горести и отчаянія, происходившія въ самый день убійства и въ день выноса его тѣла въ Вашингтонѣ. Въ Нью-Іоркѣ болѣе 200,000 человѣкъ сопровождали гробъ благороднаго и честнаго человѣка, жизнь котораго всегда была чиста и безупречна, а смерть котораго была мученичествомъ за хорошее и справедливое дѣло.

Апрѣль 1864 г.

СТАЧКИ РАБОЧИХЪ ВО ФРАНЦІИ И ВЪ АНГЛІИ.

Въ послѣднее время на западѣ Европы опять выступилъ съ особенною силою рабочій вопросъ, который съ самаго начала пятидесятыхъ годовъ отодвинутъ былъ почти во всѣхъ западноевропейскихъ государствахъ на задній планъ. Долго онъ не могъ оставаться на заднемъ планѣ. Тутъ дѣло шло не о какихъ-нибудь конституціонныхъ формальностяхъ, столь любезныхъ либеральной буржуазіи, съумѣвшей поставить въ теченіи послѣднихъ 15 лѣтъ интересы своего грошоваго либерализма выше интересовъ огромныхъ массъ трудящихся пролетаріевъ западной Европы. Тутъ шло дѣло объ улучшеніи матеріальнаго положенія огромныхъ рабочихъ массъ, о доставленіи имъ экономической самостоятельности и освобожденіи трудящихся классовъ общества отъ экономическаго рабства. Какъ ни старалась либеральная буржуазія въ теченіи многихъ лѣтъ отдалить какъ можно болѣе разрѣшеніе этихъ непріятныхъ для нея вопросовъ — однако теперь оказывается, что всѣ усилія ея пропали даромъ. Хотя буржуазія старалась отвести глаза народнымъ массамъ толками о разныхъ политическихъ правахъ и привилегіяхъ, толками о свободѣ трибуны, свободѣ интерпелляцій, министерской отвѣтственности и другихъ разныхъ конституціонныхъ затѣяхъ и погремушкахъ, — однако ей только на короткое время удалось отвлечь вниманіе трудящихся классовъ западной Европы отъ стремленія къ удовлетворенію болѣе насущныхъ потребностей. Прошло лѣтъ 10—15, и неимущіе классы западной Европы должны были убѣждаться въ томъ, что и при существованіи всевозможныхъ парламентовъ, конституціонныхъ столкновеній, quasi-отвѣтственныхъ министровъ, интерпелляцій и т. п.

положеніе трудящагося большинства все столь же безотрадно, какъ оно было лѣтъ 20, 30 или 40 тому назадъ. Убѣдились европейскіе пролетаріи въ томъ, что старшіе братья ихъ только глаза отводятъ имъ либеральной болтовней, и начали постепенно приходить къ сознанію, что не слѣдуетъ даваться въ обманъ старшей, либеральной братіи, и не идти за ней по тому ложному пути, на который она въ своихъ собственныхъ интересахъ старалась завлечь меньшую братью. Рабочіе классы почти во всей западной Европѣ мало по малу приходили къ убѣжденію, что съ ихъ стороны было бы очень неразумно гнаться за тѣми политическими правами и привилегіями, на которыя указываютъ имъ ихъ либеральные покровители, и при которыхъ вся власть въ странѣ все-таки остается въ рукахъ самаго незначительнаго меньшинства. Они поняли, что изъ политическихъ правъ имъ слѣдуетъ добиваться одного только права — права имѣть извѣстную долю участія въ изданіи законовъ и вообще въ управленіи страною, въ чемъ имъ до сихъ поръ всюду упорно отказываютъ старшіе братья. Они понимаютъ, что по достиженіи этого права имъ легче будетъ достигнуть удовлетворительнаго разрѣшенія вопроса объ улучшеніи своего матеріальнаго положенія. До тѣхъ же поръ, пока они еще не добились этого единственнаго важнаго и полезнаго для нихъ политическаго права, они, оставляя все-таки безъ вниманія совершенно безполезныя для нихъ либерально-конституціонныя затѣи, стали изыскивать такія средства, при помощи которыхъ и при теперешнихъ неудовлетворительныхъ и неблагопріятныхъ для нихъ законахъ можно бы достигнуть улучшенія матеріальнаго положенія своего, и если не уничтоженія, то по крайней мѣрѣ облегченія того экономическаго рабства, въ которомъ ихъ доселѣ держатъ либеральные ихъ покровители. Такими средствами они покуда считаютъ составленіе различнаго рода ассоціацій и заключеніе между собою сдѣлокъ для совокупнаго противодѣйствія невыгоднымъ требованіямъ и условіямъ, предлагаемымъ имъ капиталистами. Поэтому въ послѣднее время особенно часто приходится слышать объ организованіи новыхъ рабочихъ ассоціацій и о многочисленныхъ стачкахъ между рабочими различныхъ странъ.

Въ началѣ 1864 года парижская торговая палата опубликовала результаты произведенныхъ ею нѣсколько лѣтъ тому назадъ изслѣдованій относительно состоянія промышленности въ

Парижѣ. Въ этихъ изслѣдованіяхъ мы находимъ нѣсколько весьма интересныхъ цифръ. Хотя нельзя положительно сказать, чтобы статистическія свѣдѣнія, собранныя промышленниками изъ буржуазіи, были вполнѣ достовѣрны, и чтобы собиратели этихъ свѣдѣній не грѣшили противъ истины, желая представить положеніе рабочихъ болѣе удовлетворительнымъ, нежели каковымъ оно вѣроятно является на самомъ дѣлѣ; однако и въ томъ видѣ, въ какомъ эти цифры изображены въ отчетѣ торговой палаты, онѣ небезъинтересны для опредѣленія современнаго положенія парижскаго рабочаго. Оказывается, что число промышленныхъ заведеній въ Парижѣ, т. е. число фабрикантовъ или предпринимателей, простирается до 101,000 человѣкъ, а число лицъ, работающихъ въ этихъ заведеніяхъ—до 420,000 человѣкъ. Въ числѣ 101,000 предпринимателей находится 7,500 человѣкъ, которые нанимаютъ болѣе десяти рабочихъ; 31,500 человѣкъ, которые нанимаютъ отъ 2 до 10 рабочихъ, и около 62,000 человѣкъ, имѣющихъ по одному рабочему. Среднимъ же числомъ на каждыхъ четырехъ работниковъ приходится по одному антрепренеру. Такъ какъ большая часть этихъ антрепренеровъ содержится на барыши, доставляемые имъ трудомъ нанимаемыхъ ими рабочихъ, то выходитъ, что среднимъ числомъ четыремъ парижскимъ работникамъ приходится содержать своимъ трудомъ антрепренера и его семейство. Число 420,000 рабочихъ распредѣляется по полу и возрасту слѣдующимъ образомъ: 290,000 мужчинъ, 106,000 женщинъ и 24,000 дѣтей; такимъ образомъ мужчины составляютъ 68 процентовъ всего рабочаго населенія Парижа, женщины около 25 процентовъ, и дѣти около 6 процентовъ. Что касается заработной платы, получаемой парижскими рабочими, то торговая палата распредѣлила рабочихъ по величинѣ заработной ихъ платы на три отдѣла, которые въ свою очередь подраздѣлены на 32 группы. Рабочіе перваго отдѣла, въ числѣ 64,000 человѣкъ, получаютъ ежедневно отъ 1/2 фр. до 3 франковъ; 211,000 человѣкъ втораго разряда получаютъ ежедневно отъ 3 до 6 франковъ; а рабочіе третьяго отдѣла, въ числѣ 15,000 человѣкъ, получаютъ отъ 6 до 20 франк. въ день. Что касается до женщинъ работницъ, то заработная плата ихъ вдвое менѣе заработной платы мужчинъ. Изъ числа 106,200 этихъ работницъ 17,200 женщинъ, составляющихъ первую группу, получаютъ отъ 1/2 франк. до 1 1/4 франк. въ день; 88,300 человѣкъ второй группы

заработываютъ отъ 1½ до 4 франк., средняя цифра заработной платы для этой группы работницъ равняется 3 франк. 14 сантимамъ. Третья группа состоитъ только изъ 700 работницъ, получающихъ отъ 4 до 10 франк. въ день. Приводя эти цифры, торговая палата замѣчаетъ, что сравнительно съ прежними данными заработная плата увеличилась. — При изслѣдованіи вопроса о заработной платѣ коммиссія торговой палаты обратила также вниманіе на весьма важную статью—на вопросъ о временномъ прекращеніи заработковъ. Оказалось, что изъ числа 101,000 предпринимателей только 65,000 человѣкъ, т. е. менѣе двухъ третей объявили, что у нихъ работа производится безъ перерыва; въ остальныхъ же 36,000 промышленныхъ заведеніяхъ работа прекращается на періодъ времени отъ двухъ до четырехъ мѣсяцевъ въ году; въ это время рабочіе должны жить сбереженіями, сдѣланными ими въ остальные 8—10 мѣсяцевъ. Весьма интересный предметъ составляетъ также вопросъ о продолжительности времени ежедневной работы въ различныхъ заведеніяхъ. Въ отчетѣ торговой палаты касательно этого предмета находятся также весьма любопытныя данныя. Только въ 7,000 заведеніяхъ рабочій работаетъ менѣе 12 часовъ въ сутки; въ 37,000—12 часовъ; въ 37.000 же болѣе 12 часовъ въ сутки; наконецъ въ 20,000 заведеніяхъ продолжительность работы не опредѣлена.

Весьма понятно, что на такое положеніе и на такое отношеніе свое къ антрепренерамъ рабочіе классы Франціи не могли смотрѣть, какъ на положеніе нормальное. Тамъ, гдѣ только 7 процентовъ всего рабочаго населенія работаютъ менѣе 12 часовъ въ сутки; тамъ, гдѣ 105,000 рабочихъ женщинъ получаютъ ежедневно среднимъ числомъ не болѣе 2 франковъ, а иногда даже ½ франка или 1 франкъ; тамъ, гдѣ 64,000 рабочихъ-мужчинъ получаютъ среднимъ числомъ отъ 1½ до 2-хъ франковъ въ день, тамъ, гдѣ при такихъ крайне неблагопріятныхъ обстоятельствахъ заработной платы цѣлой трети рабочаго населенія слѣдуетъ распредѣлять на цѣлые двѣнадцать мѣсяцевъ рабочую плату, получаемую только въ теченіи 8 или 9 мѣсяцевъ, и сидѣть въ вынужденномъ бездѣйствіи въ теченіи остальныхъ 3—4 мѣсяцевъ,— тамъ разумѣется нельзя считать удовлетворительно разрѣшеннымъ вопросъ объ отношеніи труда къ капиталу. Французскіе рабочіе въ послѣднее время стали все болѣе и болѣе приходить къ этому

сознанію и съ начала 1864 года съ особенною силою стало проявляться во Франціи рабочее движеніе. Тогда положено было начало основанію въ Парижѣ общества рабочихъ, получившаго названіе общества для доставленія кредита труду (Société du crédit au travail). Въ первый годъ своего существованія это общество основало особый органъ французскихъ рабочихъ классовъ, который сталъ выходить съ конца 1864 года, подъ названіемъ «L'association». Далѣе оно купило вблизи Парижа помѣстье, для помѣщенія дѣтей рабочихъ и слабыхъ и больныхъ рабочихъ, особенно нуждающихся въ хорошемъ воздухѣ, а также и для отдохновенья рабочимъ по воскресеньямъ; съ апрѣля мѣсяца 1865 года эта дача должна была уже населяться. Наконецъ при содѣйствіи этого общества основана была въ Парижѣ потребительная ассоціація. Несмотря на затрудненія и потери, неразрывныя съ первымъ временемъ существованія всякаго новаго предпріятія, это общество получило въ первый же годъ своего существованія около $7^1/_2$ процентовъ съ своего капитала. Мы впослѣдствіи можетъ быть еще разъ возвратимся къ обществу Crédit au travail и къ органу французскихъ рабочихъ «L'association» и займемся подробнѣе этимъ предметомъ; теперь же мы упомянули объ этомъ только какъ объ одномъ изъ послѣдствій движенія, начавшагося между французскими рабочими. Но мы замѣтимъ здѣсь только между прочимъ, что между рабочимъ движеніемъ, возбужденнымъ въ послѣднее время въ Германіи Шульце-Деличемъ, и ассоціаціоннымъ движеніемъ, обнаруживающимся въ недавнее время во Франціи, можно найти очень мало общаго, несмотря на видимое ихъ сходство. Органъ французскихъ рабочихъ ассоціацій заранѣе объявилъ, что всякія палліативныя мѣры для разрѣшенія рабочаго вопроса недостаточны, что можно признать удовлетворительнымъ только такой порядокъ, который узаконилъ бы продуктивныя ассоціаціи и при которомъ капиталъ и трудъ были бы соединены въ однихъ рукахъ. Органъ этотъ утверждалъ, что если сохраняется прежнее отношеніе между капиталомъ и трудомъ, и капиталъ только ссужается рабочимъ посредствомъ ссудныхъ банковъ и кредитныхъ обществъ, то зло только ослабляется, а не уничтожается. Разныя кредитныя, потребительныя и другія ассоціаціи, по выраженію одного изъ сотрудниковъ журнала «L'association», адвоката Жэ (Jay), суть ничто иное, какъ предисловіе къ вели-

кой ассоціаціонной системѣ,—которая до сихъ поръ еще находится въ будущемъ; эта система, по словамъ г. Жэ, тѣмъ должна разниться отъ настоящей системы, что барышами, доставляемыми продуктивной ассоціаціей, будутъ пользоваться *равномѣрно* и тѣ, которые явились въ ассоціацію вкладчиками съ капиталомъ, и тѣ, которые участвовали въ ней однимъ трудомъ. Вообще же органъ французскихъ рабочихъ ассоціаціи доказывалъ, что и сами рабочія общества, и законодательство должны стремиться къ тому, чтобы посредствомъ развитія продуктивныхъ ассоціацій сдѣлать рабочихъ пролетаріевъ свободными собственниками. Кромѣ того, въ органѣ французскихъ рабочихъ доказывалась необходимость совершенно отстранить принципъ «конкуренціи» при организаціи продуктивныхъ рабочихъ ассоціацій. Когда одинъ французскій публицистъ, много занимающійся рабочимъ вопросомъ, Поль Бланъ заговорилъ о конкуренціи между рабочими ассоціаціями, одинъ изъ сотрудниковъ журнала «L'association» старался доказать ему фактами, что понятія «ассоціація» и «конкуренція» взаимно исключаютъ другъ друга. «Напрасно, говорилъ онъ, выставляютъ ассоціаціи доктриной индивидуальной самопомощи; только тогда можно ожидать удовлетворительнаго разрѣшенія рабочаго вопроса, когда рабочіе одушевлены будутъ духомъ братскаго единенія, и когда они съумѣютъ образовать продуктивныя ассоціаціи, которыя охватятъ рабочее населеніе цѣлой страны». Въ томъ, какъ понимать изобрѣтенное нѣмецкими друзьями рабочихъ слово самопомощь (Selbsthülfe), и заключается главнымъ образомъ различіе между направленіемъ Шульце-Делича и направленіемъ, котораго намѣрены придерживаться французскія рабочія ассоціаціи, Шульце-Деличъ смотритъ на каждое рабочее общество какъ на индивидуальнаго антрепренера, который долженъ дѣйствовать, имѣя исключительно въ виду свой личный интересъ. Отношенія подобныхъ коллегіальныхъ антрепренеровъ между собою и отношенія ихъ къ каждому отдѣльному работнику, по мнѣнію этихъ экономистовъ-либераловъ, должны быть основаны на тѣхъ же началахъ, на которыхъ вообще построенъ настоящій экономическій порядокъ на западѣ Европы: тѣ же самыя условія кредита, та же самая конкуренція, которыя существуютъ въ отношеніяхъ между отдѣльными антрепренерами, должны существовать и для коллегіальныхъ антрепренеровъ. Основатели французскихъ рабо-

чихъ ассоціацій смотрятъ на это дѣло совершенно иначе и понимаютъ слово самопомощь въ гораздо болѣе широкомъ смыслѣ.

Французское правительство и французская буржуазія не оставили безъ вниманія обнаружившагося въ послѣднее время въ рабочихъ классахъ движенія къ улучшенію своего матеріальнаго положенія. Между правительствомъ и владѣющими классами общества началось даже настоящее соревнованіе о томъ, кто окажетъ бо́льшія благодѣянія рабочему сословію: и той и другой сторонѣ хотѣлось склонить французскихъ рабочихъ на свою сторону, выставляя себя безкорыстнымъ другомъ ихъ. Когда нынѣшнею весною въ Ліонѣ особенно была нужда между ліонскими рабочими, правительство поспѣшило оказать имъ помощь, доставляя имъ тѣмъ или другимъ способомъ работу. Оно задумало также учредить для французскихъ рабочихъ общества взаимнаго вспомоществованія (sociétés de secours mutuels), которыя однако имѣли характеръ почти исключительно благотворительный, такъ какъ большая часть ихъ фондовъ происходили отъ взносовъ почетныхъ членовъ. Правительство хотѣло также дать значительныя суммы на поддержаніе вышеупомянутаго общества Crédit au travail. Но рабочіе вовсе не симпатизировали обществамъ взаимнаго вспомоществованія и склонялись преимущественно къ ассоціаціямъ. Правительство сначала мало обращало вниманія на ассоціаціонное движеніе во Франціи. Но замѣтивши, что это движеніе принимаетъ все болѣе и болѣе широкіе размѣры, оно сдѣлало попытку захватить и его въ свои руки. Оно по весьма понятнымъ причинамъ сочувствовало гораздо болѣе Шульце-Деличевскимъ ассоціаціямъ, которыя все-таки оставляютъ рабочихъ въ зависимости отъ капиталистовъ, нежели такимъ ассоціаціямъ, которыя должны вести къ полной эмансипаціи рабочаго. Поэтому оно рѣшилось содѣйствовать сколько можно распространенію во Франціи рабочихъ обществъ на манеръ Шульце-Деличевскихъ, и съ этою цѣлью оно послало даже въ Германію одного изъ членовъ государственнаго совѣта, для ознакомленія съ учрежденіями, вызванными и основанными Шульце-Деличемъ. Оно изъявило также намѣреніе измѣнить законъ о рабочихъ обществахъ. Императоръ Наполеонъ въ своей тронной рѣчи говорилъ по крайней мѣрѣ объ «опытахъ», которые правительство намѣрено было сдѣлать относительно ассоціацій; въ Парижѣ утверждали, что новый законъ объ ассоціа-

ціяхъ поступитъ на обсужденіе французскаго законодательнаго корпуса уже въ будущую сессію. По крайней мѣрѣ законодательный корпусъ уже назначилъ коммиссію, которая должна заняться проэктомъ новаго закона о промышленныхъ, торговыхъ и кооперативныхъ рабочихъ ассоціаціяхъ. Депутатовъ Даримона и Оливье, предполагалось назначить докладчиками этой коммиссіи. Журналъ L'association не очень доволенъ намѣреніями, приписываемыми законодательству, дѣлать опыты надъ рабочими ассоціаціями. Въ ней помѣщено было письмо, подписанное 48-ю депутатами французскихъ рабочихъ, въ которыхъ они протестуютъ противъ всякаго закона объ ассоціаціяхъ, къ обсужденію котораго не будутъ призваны сами рабочіе. Они объявляли въ этомъ письмѣ, что предпочитаютъ даже теперешнее общее законодательство относительно ассоціацій новымъ спеціальнымъ законамъ, изданнымъ безъ участія рабочихъ. Вообще изъ отношеній рабочихъ къ денежной помощи, оказываемой имъ правительствомъ, изъ неодобренія ими законодательныхъ проэктовъ, приписываемыхъ правительству, видно, что они не слишкомъ дружелюбно смотрятъ на заискиваніе правительственныхъ органовъ Франціи и на желаніе ихъ пріобрѣсти расположеніе рабочихъ классовъ и вступать съ ними въ сдѣлки. Рабочіе очень хорошо понимали, что нынѣшнее правительство Франціи въ сущности ничего прочнаго не сдѣлало для улучшенія положенія рабочихъ классовъ Франціи, что если оно теперь и является другомъ ихъ, то это заискиваніе дѣлается только съ цѣлью подкупить ихъ и склонить ихъ на сторону правительства, для приданія этому послѣднему большей силы въ борьбѣ его съ оппозиціей либеральной буржуазіи. Но если французскіе рабочіе продолжаютъ отказываться отъ сдѣлокъ съ настоящимъ правительствомъ и составлять ему оппозицію, то это съ другой стороны происходитъ вовсе не отъ желанія ихъ идти рука объ руку съ буржуазной оппозиціей, и не отъ того, чтобы они раздѣляли взгляды экономистовъ изъ школы Бастіа-Шульце на самопомощь рабочихъ и на необходимость для нихъ безусловно отвергать помощь всякаго правительства. Французскіе рабочіе отвергаютъ предлагаемую имъ помощь настоящаго правительства потому только, что они не довѣряютъ именно этому правительству: но изъ этого вовсе не слѣдуетъ, чтобы они отказались отъ помощи, которую могло бы предложить имъ дѣйствительно народное правительство,

потому что подобная помощь нисколько не несовмѣстна съ идеей коллективной самопомощи рабочихъ классовъ.

Буржуазія съ своей стороны, замѣтивши сильно пробудившееся въ рабочихъ классахъ движеніе, также задумала сдѣлать это движеніе безопаснымъ для себя и даже извлечь изъ него возможную пользу. Богатые орлеанисты, слѣдуя примѣру, поданному имъ правительствомъ, тоже образовали особыя кредитныя учрежденія для рабочихъ, давши имъ названіе учетныхъ кассъ (caisses d'escompte). Они пытались также вступить въ сношеніе съ обществомъ Crédit au travail для вспомоществованія образованію рабочихъ ассоціацій. Общество парижскихъ юристовъ и политико-экономовъ выработало проэктъ закона, который бы содѣйствовалъ развитію рабочихъ ассоціацій—кредитныхъ, потребительныхъ и производительныхъ обществъ. Извѣстный экономистъ Горнъ разыгрывалъ роль посредника между капиталистами и рабочими; онъ въ своихъ писаніяхъ на всѣ лады восхвалялъ и Caisses d'escompte и другія благодѣянія буржуазіи рабочимъ. Либеральная буржуазія очевидно старалась захватить въ свои руки рабочее движеніе и разставляла сѣти, для привлеченія въ нихъ французскихъ рабочихъ. Положеніе этихъ послѣднихъ, въ виду такого всеобщаго заискиванія было дѣйствительно довольно затруднительно, и нужно было обладать не малою долею осторожности и разсудительности, чтобы избѣжать сѣтей разныхъ самозванныхъ друзей и покровителей. Въ отвѣтъ на статью либеральнаго и филантропическаго Горна, который доказывалъ въ своемъ журналѣ, какія благодѣтельныя послѣдствія будетъ имѣть для рабочихъ участіе капиталистовъ въ ихъ предпріятіяхъ, журналъ «L'association» опубликовалъ рядъ программъ, въ которомъ одинаково рѣшительно отвергалась помощь и либерально-буржуазныхъ экономистовъ, и имперіалистскихъ соціалистовъ Пале-Рояля. Въ рабочемъ движеніи, сказано было въ этой статьѣ, слѣдуетъ отличать три направленія: направленіе подчиненія (имперіалистскаго соціализма), направленіе покровительства (филантропической буржуазіи), и направленіе автономіи (трудящихся классовъ). Первая школа исходитъ отъ той точки отправленія, что ассоціаціи тогда только могутъ процвѣтать, когда они будутъ находиться подъ надзоромъ правительственныхъ органовъ. Вторая школа, старающаяся явиться посредницей между правительствомъ и народомъ и при извѣстныхъ обстоятельствахъ

отождествляющаяся съ первою школою, полагаетъ, что ассоціаціи могутъ идти успѣшно только тогда, когда они будутъ находиться подъ вліяніемъ и руководствомъ капиталистовъ. Третья школа напротивъ полагаетъ совершенно справедливо, что рабочіе классы не должны ожидать своего окончательнаго освобожденія ни отъ капиталистовъ, ни отъ соціалистовъ изъ правительственныхъ сферъ. Она отвергаетъ предложеніе господъ капиталистовъ основать для пользы рабочихъ учетный банкъ съ жалкимъ (по ихъ средствамъ) капиталомъ въ 100 тысячъ франковъ. Равнымъ образомъ рабочіе протестуютъ противъ всякаго спеціальнаго закона объ ассоціаціяхъ, изданнаго безъ ихъ содѣйствія, потому что они полагаютъ, что ни одна изъ мнимыхъ выгодъ, которыя доставитъ имъ подобный законъ, не перевѣситъ печальныхъ послѣдствій, которыя повлечетъ за собою подчиненіе ихъ вмѣшательству извнѣ.

Мы говорили выше, что рабочіе западной Европы при настоящихъ обстоятельствахъ увидѣли лучшій способъ къ улучшенію своего матеріальнаго положенія въ образованіи ассоціацій для избѣжанія зла антрепренерства, и въ составленіи стачекъ для измѣненія условій, на которыхъ имъ доселѣ приходилось производить работу. Въ то время какъ развитіе французскихъ ассоціацій медленно подвигается впередъ среди множества представляющихся имъ препятствій и затрудненій, стачки приняли здѣсь внезапно такіе обширные размѣры, что обратили на себя всеобщее вниманіе во всѣхъ сферахъ французскаго общества. Въ законодательную сессію въ 1863—1864 года изданъ былъ во Франціи новый законъ о коалиціяхъ, который на дѣлѣ былъ для рабочихъ ничто иное, какъ ловушка. При настоящихъ обстоятельствахъ не безъинтересно будетъ напомнить, въ чемъ состоялъ этотъ знаменитый законъ Оливье (названный такъ по имени докладчика, депутата Оливье). Оливье полагалъ, что безусловное запрещеніе коалицій не имѣетъ смысла. Но вмѣстѣ съ тѣмъ онъ доказывалъ въ своемъ докладѣ, что рабочіе увлекаются часто къ составленію стачекъ и коалицій обманомъ, ложными обѣщаніями, насиліемъ, угрозами, вообще всякими незаконными средствами, и приходилъ къ тому заключенію, что законодательство должно взять подъ свою защиту работника — назначеніемъ строгихъ наказаній за подобныя продѣлки. Законъ, въ которомъ Оливье видѣлъ лучшее средство противъ распространенія зла коалицій, состоялъ въ слѣдующемъ: «тю-

ремному заключенію отъ 6 мѣсяцевъ до 2 лѣтъ и денежной пенѣ отъ 500 до 5,000 франковъ подвергаются во-первыхъ тѣ, которые посредствомъ преступныхъ дѣйствій, т. е. посредствомъ подарковъ, обѣщаній, угрозъ, насилія или другими способами заставятъ работодателей составить коалицію, имѣющую цѣлью пониженіе заработной платы; во вторыхъ тѣ, которые посредствомъ тѣхъ же самыхъ мѣръ склонятъ рабочихъ къ составленію коалиціи, имѣющей цѣлью одновременное прекращеніе работы во многихъ мастерскихъ. Тюремное заключеніе увеличивается до 5 лѣтъ и пеня до 10,000 фр., если эти подстрекательства сопровождаются дѣйствіями. Тюремному заключенію отъ 6 дней до 3 мѣсяцевъ подвергаются тѣ владѣльцы мастерскихъ и тѣ рабочіе, которые по общему согласію произнесутъ штрафы (кромѣ штрафовъ, имѣющихъ цѣлью сохраненіе дисциплины въ мастерскихъ), запрещенія, изгнанія и т. п. приговоры. Если за произнесеніемъ этихъ приговоровъ послѣдуетъ осуществленіе ихъ, тюремное заключеніе возвысится до 2 лѣтъ, а пеня до 5,000 франковъ. Кромѣ того, виновные въ нарушеніи предъидущихъ статей отдаются подъ надзоръ полиціи на время отъ 2 до 5 лѣтъ». Противъ этого закона дѣлано было въ свое время много дѣльныхъ возраженій. Говорили, что видъ преступныхъ дѣйствій, о которыхъ въ немъ шла рѣчь, не обозначенъ съ достаточною ясностью и что онъ даетъ слишкомъ большой просторъ произволу судьи. Замѣчали также, что законъ этотъ, даже съ тѣми ограниченіями, которыя были придѣланы къ нему докладчикомъ его, дѣлался совершенно безполезнымъ и безсильнымъ потому, что другія статьи французскаго кодекса запрещаютъ всякія сходбища свыше 20 человѣкъ. Вслѣдствіе этого всякое собраніе рабочихъ для обсужденія своихъ дѣлъ, какъ бы чинно и благопристойно оно ни было, являлось дѣломъ незаконнымъ, если не въ силу новаго закона Оливье, то въ силу другихъ статей закона; и выходило, что законъ этотъ былъ ничто иное, какъ западня, и что въ немъ отнималось одною рукою то, что давалось другою; выходило, что французскимъ рабочимъ давалось какое-то голое признаніе права коалиціи, что имъ разрѣшались не дѣйствительныя, а какія-то отвлеченныя коалиціи, и что новому закону во всякомъ случаѣ приходилось предпочесть старый законъ, который былъ по крайней мѣрѣ ясенъ и опредѣлителенъ и не представлялъ собою никакой ловушки.

Хотя новый французскій законъ о коалиціяхъ предоставлялъ рабочимъ очень мало свободы дѣйствій, хотя, какъ мы уже не разъ говорили, и какъ мы еще разъ увидимъ ниже изъ примѣра Англіи, даже полная свобода коалиціи приноситъ рабочимъ очень мало дѣйствительной пользы вслѣдствіе неблагопріятнаго положенія ихъ относительно капитала, — однако съ изданіемъ во Франціи новаго закона о рабочихъ коалиціяхъ, работники большей части ремеслъ рѣшились воспользоваться этимъ закономъ для того, чтобы добиться уменьшенія числа рабочихъ часовъ и возвышенія заработной платы. Мы привели выше фактъ, почерпнутый нами изъ оффиціальныхъ источниковъ, изданныхъ французскимъ правительствомъ, что въ Парижѣ только 7 проц. всѣхъ владѣльцевъ фабрикъ и мастерскихъ заставляли своихъ рабочихъ работать менѣе 12 час. въ сутки; были многія заведенія, гдѣ работали по 14 ч., и даже по 15 час. Французскіе рабочіе обратили сначала вниманіе на эту сторону дѣла и рѣшились направить сперва свои усилія къ тому, чтобы добиться уменьшенія числа рабочихъ часовъ до десяти. Съ этою цѣлью съ конца 1865 года въ Парижѣ начался цѣлый рядъ стачекъ между рабочими; примѣру столичныхъ работниковъ послѣдовали и провинціальные работники, въ особенности рабочіе Ліона. Начало рабочимъ стачкамъ положили прошлою зимою работники въ фортепьянныхъ заведеніяхъ Парижа; за ними послѣдовали работники, работавшіе у другихъ мебельныхъ и столярныхъ мастеровъ. Они требовали сначала уменьшенія рабочихъ часовъ съ двѣнадцати часовъ до десяти. На первый разъ хозяева мастерскихъ уступили довольно скоро, что подало буржуазнымъ органамъ поводъ восхвалить филантропію фабрикантовъ; но на повѣрку вышло, что владѣльцы мастерскихъ уступили очень неохотно, не скрывая намѣренія своего взять свою уступку назадъ при первой же возможности. Добившись уменьшенія числа рабочихъ часовъ, работники фортепьянныхъ и мебельныхъ мастерскихъ потребовали, чтобы minimum дневной заработной платы опредѣленъ былъ въ 5 фр., и чтобы поштучная задѣльная плата тоже увеличена была на 20 процентовъ. Требованіе это основано было на томъ, что въ послѣднее время все значительно вздорожало въ Парижѣ—и съѣстные припасы, и квартиры и пр. Несмотря на это послѣднее требованіе рабочихъ, фабриканты и либерально-буржуазная пресса пришли въ сильное негодованіе. Они замѣчали,

что жалобы рабочихъ можетъ быть отчасти и справедливы, но что фабрикантамъ вовсе не приходится платить работникамъ большую задѣльную плату, потому что въ парижской дороговизнѣ виноваты не они, а префектъ Гаусманъ, который произвелъ ее своимъ разрушительнымъ управленіемъ Парижа, а также и назначенный правительствомъ муниципальный совѣтъ Парижа, который постоянно увеличивалъ налоги. Газета «Indépendance Belge», газета, franchement libérale, какъ она о себѣ выражается, весьма мудро посовѣтовала рабочимъ искать увеличенія своихъ денежныхъ средствъ не въ возвышеніи задѣльной платы своей, а въ болѣе искусномъ исполненіи своей работы, въ прилежаніи и усидчивости при трудѣ (т. е. вѣроятно въ работѣ еще свыше, нежели 14 и 15 часовой). Вслѣдъ за тѣмъ начались многочисленныя стачки и между работниками другихъ ремеслъ. Рабочіе въ сѣдельныхъ и экипажныхъ заведеніяхъ потребовали, чтобы заработную плату ихъ увеличили на 25 проц.; депутаты ихъ доказывали въ журналахъ, что даже при этой возвышенной платѣ семейству, состоящему изъ 5 человѣкъ, едва-едва можно сводить концы съ концами. Ихъ примѣру послѣдовали вскорѣ послѣ того кузнецы, плотники, рабочіе на канатныхъ и кожевенныхъ заводахъ (послѣдніе требовали 4 фр. въ день вмѣсто 3 и $3^1/_2$, и 10 часовой работы вмѣсто 12 часовой). Парижскія прачки, получавшія до сихъ поръ обыкновенно 2 фр. въ день за 12 часовую работу, потребовали 3 фр. и уменьшенія рабочихъ часовъ до десяти. Упорнѣе всѣхъ были въ своихъ требованіяхъ рабочіе на шляпныхъ фабрикахъ. Изъ 90 заведеній, въ которыхъ въ Парижѣ выдѣлывались шляпы, 88 закрылись впродолженіи нѣсколькихъ дней вслѣдствіе того, что владѣльцы ихъ не хотѣли исполнить требованій рабочихъ. Прекращеніе работы со стороны шляпныхъ работниковъ продолжалось очень долго и причинило немало потерь обѣимъ сторонамъ. Хотя работникамъ приходилось довольно плохо, однако они выдерживали борьбу, потому что одни изъ нихъ получали помощь отъ своихъ товарищей изъ другихъ мѣстностей; другіе (въ довольно значительномъ числѣ) выселились въ Германію, Бельгію, Англію и нашли работу на тамошнихъ шляпныхъ фабрикахъ. Наконецъ владѣльцы парижскихъ шляпныхъ фабрикъ, видя упорство работниковъ, придумали слѣдующее. Они предложили этимъ послѣднимъ предоставить третейскому суду разрѣшеніе спорныхъ пунктовъ ка-

сательно величины задѣльной платы и касательно числа рабочихъ часовъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ они предложили рабочимъ избрать третейскимъ судьею того самаго Эмиля Оливье, который выработалъ вышеупомянутый законъ о коалиціяхъ; они при этомъ объявляли весьма наивнымъ образомъ, что они заранѣе подчиняются рѣшенію третейскаго суда. Но рабочіе не были столь просты, чтобы предоставить разрѣшеніе такого важнаго для нихъ дѣла человѣку, создавшему законъ 1864 года о коалиціяхъ и обнаружившему этимъ самымъ, въ какой мѣрѣ рабочимъ слѣдовало считать его другомъ своимъ. Они отказались отъ предложеннаго имъ третейскаго суда и продолжали стачку до тѣхъ поръ, покуда добились кой-какихъ уступокъ отъ работодателей. Такъ какъ всѣ вышеупомянутыя нами стачки случились почти одновременно, и такъ какъ въ то же время происходили и въ другихъ мѣстностяхъ Франціи весьма частыя и иногда довольно значительныя по объему прекращенія работъ (напр. стачка рабочихъ на ліонскихъ шелковыхъ фабрикахъ) *), то французская буржуазія, а также и правительство немало этимъ всполошились. Въ это время императоръ Наполеонъ разъѣзжалъ по Алжиру, и въ Парижѣ говорили, что императрица, озабоченная этою новою во Франціи формою рабочаго движенія, просила его ускорить свое возвращеніе во Францію. Но нѣсколько дней послѣ того, какъ императоръ Наполеонъ возвратился въ Парижъ, и прежде нежели правительство успѣло принять какія-нибудь мѣры противъ рабочихъ, массами прекращавшихъ работу у своихъ хозяевъ, началась стачка, особенно много заставившая о себѣ говорить—стачка кучеровъ, служащихъ при обществѣ парижскихъ городскихъ каретъ.

Кучера общества парижскихъ каретъ и омнибусовъ должны были до сихъ поръ работать при весьма невыгодныхъ условіяхъ.

---

*) Въ департаментѣ Ардешъ одна рабочая стачка повела недавно къ очень трагическимъ результатамъ. Владѣлецъ одной фабрики, на которой работники перестали работать, требуя увеличенія платы, сталъ упрекать въ весьма сильныхъ выраженіяхъ одного изъ работниковъ въ томъ, что онъ затѣялъ эту стачку и сбилъ съ толку другихъ рабочихъ. Раздраженный бранью фабриканта, работникъ этотъ бросился съ ножомъ на своего хозяина и нанесъ ему смертельную рану; потомъ онъ ранилъ также на смерть дочь этого фабриканта, прибѣжавшую на помощь къ отцу, и кончилъ это двойное убійство тѣмъ, что самъ закололся.

Они получали среднимъ числомъ по 3 фр. въ день, но изъ этой суммы вычиталось ежедневно до 90 сантимовъ на экипировку ихъ и на другіе расходы. Кучера должны были также платить изъ своего кармана всѣ полицейскіе штрафы, которымъ имъ приходилось подвергаться; кромѣ того самое общество постоянно налагало на нихъ разные штрафы, и притомъ часто въ такихъ случаяхъ, гдѣ кучера нисколько не были виноваты, и которые происходили отъ ветхости экипажей, или отъ другихъ, совершенно случайныхъ причинъ (напр. за сломаніе дышла). Всѣ эти вычеты имѣли послѣдствіемъ то, что кучера компаніи получали отъ нея среднимъ числомъ не болѣе $1^1/_2$ фр. изъ назначенныхъ имъ 3 фр. ежедневной платы. При этомъ кучера должны были сидѣть на козлахъ часовъ по 17 и по 18 въ сутки (обыкновенно съ 7 часовъ утра до часу ночи); если же кто нанималъ экипажъ до болѣе поздняго часа времени, то кучеру приходилось отдыхать еще менѣе шести часовъ въ сутки (и за это онъ получалъ только одинъ франкъ прибавочной платы). Имъ предоставлялось пользоваться только двумя свободными днями въ мѣсяцъ, и то компанія вычитывала изъ ихъ мѣсячныхъ заработковъ плату, слѣдующую имъ за эти свободные дни; такъ что многіе кучера, имѣющіе семейства, отказывались отъ этихъ двухъ свободныхъ дней, чтобы только не лишиться своего ежедневнаго заработка. Но компаніи парижскихъ каретъ всего этого было еще мало: замѣтивши, что нѣкоторые кучера утаиваютъ часть выручки въ свою пользу, компанія установила довольно высокое minimum ежедневной выручки, которое требовалось съ кучеровъ; и если выручка, отдаваемая послѣдними, не достигала этого minimum, то недостающая сумма вычиталась изъ заработной платы кучера. При такихъ крайне невыгодныхъ условіяхъ, при ежедневномъ заработкѣ, рѣдко достигающемъ двухъ франковъ, а чаще всего не превышающемъ одного франка съ нѣсколькими сантимами, кучерамъ парижскихъ каретъ не было бы никакой возможности существовать, если бы въ парижской публикѣ не существовалъ обычай давать имъ при разсчетѣ за поѣздки еще «на чаи», сверхъ установленной компаніей таксы; и эта добровольная плата парижской публики служила нѣкоторымъ подспорьемъ (весьма впрочемъ неопредѣленнымъ) для парижскихъ извозчиковъ. Но вслѣдствіе произведеннаго недавно компаніей парижскихъ каретъ возвышенія цѣнъ на фіакры, публика почти вовсе перестала да-

вать кучерамъ линію противъ таксы плату. Тогда кучера общественныхъ каретъ, которымъ теперь приходилось уже совсѣмъ плохо, обратились къ компаніи съ требованіемъ увеличить имъ заработную плату. Компанія эта, которая пользуется фіакровой монополіей для всего Парижа, дѣла которой могли бы идти отлично, если бы она получше управлялась, и которая даетъ довольно значительный дивидендъ своимъ акціонерамъ, отказалась однако же исполнить требованіе кучеровъ, сказавши, что ей придется разориться и лопнуть, если она исполнитъ ихъ требованія. Тогда кучера рѣшились составить стачку и разомъ прекратить работу на компанію до тѣхъ поръ, покуда не будутъ исполнены требованія ихъ. Нѣсколькимъ тысячамъ парижскихъ кучеровъ нужно было войти по этому предмету между собою въ соглашеніе. А между тѣмъ французскіе законы недозволяютъ, чтобы сборища, состоящія болѣе нежели изъ 20 человѣкъ, собирались безъ предварительнаго разрѣшенія полиціи. Кучера нашли однако способъ обойти это затрудненіе и составить стачку свою совершенно законнымъ образомъ. Въ Парижѣ находится 144 станціи фіакровъ. Кучера каждой изъ этихъ станцій выбрали по одному депутату. Эти 144 депутата собрались въ партикулярномъ платьѣ въ парижскомъ Grand Café. Тамъ они раздѣлились на 12 группъ, состоявшихъ каждая изъ 12 человѣкъ, и каждая изъ этихъ группъ усѣлась за особый столъ. Каждый изъ 12 столовъ выбралъ по два депутата, а эти 24 депутата выбрали уже изъ своей среды четырехъ человѣкъ, которымъ и поручено было руководить всѣмъ дѣломъ. 15 іюня началась стачка кучеровъ. Въ этотъ день около 2,600 кучеровъ отказались выѣзжать на улицы Парижа съ своими экипажами; на другой день къ нимъ присоединилось еще отъ 5 до 600 человѣкъ, а также и кучера омнибусовъ, такъ что число всѣхъ прекратившихъ работу простиралось до 3,500 человѣкъ. Они требовали отъ общества или 4 франка въ день чистой платы безъ всякихъ вычетовъ, или при сохраненіи прежнихъ вычетовъ отъ 5 до 6 франк. въ день; при такой платѣ они совершенно отказывались отъ денегъ «на чай». Компанія общественныхъ каретъ наотрѣзъ отказалась исполнить эти требованія; она жалобно увѣряла, что дѣла ея идутъ очень дурно, и что, не подвергаясь опасности разоренія, она не можетъ увеличить свои расходы болѣе, чѣмъ на 900 франковъ въ день, или на 300,000 въ годъ; а между тѣмъ, ис-

полняя требованія кучеровъ, ей пришлось бы увеличить свои расходы почти на 3 милліона франковъ въ годъ. Директоръ этой компаніи, бывшій полицейскій префектъ Парижа во времена февральской республики, г. Дюку, взялся доказать парижскому обществу, что требованія кучеровъ несправедливы и что они лгутъ, говоря, будто имъ плохо жить. Дюку утверждалъ, что ежедневные вычеты изъ ихъ заработковъ составляютъ не болѣе 60 сантимовъ. Обязательный вычетъ на экипировку дѣйствительно составлялъ не болѣе этой суммы; но такъ какъ имъ не было физической возможности послѣ 18 часовой ѣзды по улицамъ самимъ мыть и чистить экипажи, то изъ ихъ заработковъ дѣлались еще вычеты въ пользу конюховъ, исполнявшихъ за нихъ эту работу. Умалчивая объ этихъ послѣднихъ вычетахъ и о многочисленныхъ штрафахъ, г. Дюку жаловался публикѣ на то, что кучера обворовываютъ компанію, удерживая у себя часть выручки. Это письмо г. Дюку произвело уже само по себѣ весьма неблагопріятное впечатлѣніе на парижскую публику. Неудовольствіе ея противъ автора письма еще увеличилось, когда на другой день послѣ опубликованія этого письма въ парижскихъ газетахъ появилось опроверженіе его, написанное депутатами кучеровъ, доказывавшее, что г. Дюку въ своемъ письмѣ исказилъ почти всѣ факты, и упоминавшее еще о многихъ неблаговидныхъ дѣйствіяхъ директора компаніи. Кучера говорили, что ихъ ежегодно принуждаютъ брать новую ливрею, стоющую 80 франковъ, даже въ томъ случаѣ, когда они еще вовсе не нуждаются въ новой ливреѣ. Они говорили, что вычеты, которые Дюку опредѣлилъ въ 60 сантимовъ, простираются на дѣлѣ до 170 сантимовъ въ день, и что компанія немедленно отсылала тѣхъ, которые не соглашались на эти вычеты. Отъ справедливыхъ штрафовъ, сказано было въ опроверженіи, кучера никогда не отказывались; но г. Дюку обманывалъ ихъ, говоря что $^2/_3$ штрафныхъ денегъ идутъ въ кассу вспомоществованія кучеровъ: съ 1858 года имъ не былъ представленъ ни одинъ отчетъ по этой кассѣ, и никто изъ кучеровъ никогда не получалъ ни одного франка вспомоществованія. Кучера допускали, что нѣкоторые изъ ихъ товарищей не всегда отдавали компаніи всѣ вырученныя деньги; но они именно потому и требовали увеличенія платы, «чтобы не быть вынужденными обкрадывать г. Дюку». Что касается minimum'а выручки, то она опредѣляется не помѣ-

сячно, а поденно, что тоже въ высшей степени обременительно для кучеровъ. Кромѣ того, депутаты кучеровъ заявляли въ своемъ письмѣ о томъ фактѣ, что когда послѣ начала стачки нѣкоторые изъ кучеровъ пожелали совершенно оставить службу компаніи, и потребовали отъ нея своихъ залоговъ, внесенныхъ ими при поступленіи на службу, то залоговъ этихъ имъ не выдали, говоря, что они должны идти на покрытіе потерь, понесенныхъ компаніею отъ стачки. Справедливость требованій кучеровъ и неблаговидность дѣйствій дирекціи компаніи парижскихъ каретъ были столь очевидны, что общественное мнѣніе Парижа рѣшительно высказалось въ пользу первыхъ. Большая часть парижской прессы, которая однако привыкла служить интересамъ богатой буржуазіи, тоже высказалась противъ монополіи парижскаго общества фіакровъ и противъ злоупотребленій, которыя отсюда проистекаютъ. Почти всѣ органы парижской прессы выражали желаніе, чтобы г. Дюку уступилъ и прекратилъ бы стѣснительное для парижанъ положеніе дѣла. Но г. Дюку не думалъ объ уступкахъ, и послѣдствія показали, что онъ былъ правъ, разсчитывая на окончательное торжество въ борьбѣ своей съ кучерами. Онъ объявилъ, что въ виду 2 или 3 милліоновъ франковъ лишнихъ расходовъ, которые повлекла бы за собою уступка съ его стороны, компанія была бы принуждена значительно повысить тарифъ пользованія фіакрами—а она не желала прибѣгать къ этому возвышенію, потому что это было бы противно интересамъ публики, и кромѣ того уменьшало бы практику компаніи. Хотя обществу и приходилось тратить ежедневно совершенно непроизводительнымъ образомъ до 25,000 франковъ, однако Дюку рѣшился выдержать борьбу съ стакнувшимися кучерами, поддерживаемый вѣроятно въ этой рѣшимости тою надеждою, что предстоявшая ему борьба не будетъ продолжительна. Надежда не обманула его. Общество и пресса сначала высказались не въ пользу компаніи; но Дюку надѣялся на поддержку правительства, и въ этой поддержкѣ дѣйствительно не оказалось недостатка. Кучера, предвидѣвшіе опасность съ этой стороны, съ самаго начала своей стачки постановили держать себя какъ можно осторожнѣе, не нарушать нигдѣ полицейскаго порядка, чтобы не дать правительству повода вмѣшаться въ это дѣло, и съ этою цѣлью избѣгали даже показываться толпами на улицахъ и площадяхъ. Когда впослѣдствіи общество набрало ку-

черовъ со стороны, и эти импровизированные кучера стали подвергаться на улицахъ нападеніямъ и оскорбленіямъ, то оказалось, что изъ 150 человѣкъ, арстованныхъ за эти проявленія насилія, не болѣе 30 человѣкъ принадлежали къ числу кучеровъ, прекратившихъ работу. Это осторожное поведеніе кучеровъ не мѣшало однако правительству явиться союзникомъ компаніи общественныхъ каретъ. Сначала полуоффиціальный Constitutionnel объявилъ, правда, что пока не будетъ нарушенія порядка и отступленія отъ законовъ, правительство не намѣрено вмѣшиваться въ это дѣло. Однако не было никакого сомнѣнія въ томъ, что правительство не безъ опасенія смотрѣло на это новое проявленіе рабочаго движенія и опасалось отъ него серьезныхъ безпорядковъ; поэтому оно очевидно должно было желать какъ можно скорѣйшаго окончанія этого движенія. Между тѣмъ оно не рѣшалось поднять руку противъ компаніи общественныхъ каретъ, созданія Гаусмана; очевидно было слѣдовательно, что ему слѣдовало оказать помощь этой компаніи противъ непокорныхъ кучеровъ. Прежде всего въ оффиціальныхъ сферахъ стали поговаривать о томъ, что все зло происходитъ отъ закона 1864 г., разрѣшающаго коалиціи рабочихъ, и что необходимо уничтожить этотъ законъ. Въ этомъ смыслѣ стали говорить въ законодательныхъ собраніяхъ Франціи. Въ сенатѣ старикъ Дюпенъ жаловался на то, что рабочіе злоупотребляютъ предоставленнымъ имъ правомъ составлять коалиціи, что они пользуются этимъ правомъ для невыносимыхъ вымогательствъ, и требовалъ, чтобы немедленно былъ представленъ законъ о злоупотребленіяхъ коалиціи, и чтобы самый законъ Оливье немедленно былъ уничтоженъ. Подобныя же жалобы и требованія раздались и въ законодательномъ корпусѣ, гдѣ самому Оливье пришлось отстаивать свое жалкое созданіе отъ нападокъ тѣхъ, которые находили его слишкомъ либеральнымъ. Правительство не было столь близоруко, какъ члены сената и законодательнаго корпуса, считавшіе законъ Оливье слишкомъ либеральнымъ. Оно вспомнило, что въ этомъ законѣ есть ст. 416, въ которой сказано: наказанію (такому-то) подвергается тотъ, кто вслѣдствіе *заранѣе составленнаго плана* посредствомъ *просьбъ*, *убѣжденій*, запрещеній и приказаній склоняетъ другихъ къ прекращенію работы. Сенскій префектъ нашелъ, что эта статья можетъ быть ему очень полезна, для поддержанія компаніи фіакровъ Дюку, и поэтому онъ велѣлъ своимъ

агентамъ внушить стакнувшимся кучерамъ, что они нарушаютъ 416 статью закона 1864 года, требуя, чтобы компанія принимала на свою службу только тѣхъ кучеровъ, которые исполнятъ извѣстныя условія (поставленныя съ общаго согласія всѣхъ кучеровъ). Вмѣстѣ съ тѣмъ правительство велѣло арестовать нѣкоторыхъ зачинщиковъ стачки, подъ тѣмъ предлогомъ, что они позволили себѣ угрозы и насилія насчетъ тѣхъ кучеровъ, которые хотѣли продолжать свою работу у компаніи. Ободренный этою помощью, Дюку сталъ еще упорнѣе въ своемъ отказѣ согласиться на требованія стакнувшихся кучеровъ. Свиданіе, которое депутаты кучеровъ имѣли съ нимъ, не повело ни къ какому удовлетворительному результату. Вмѣстѣ съ тѣмъ Дюку опубликовалъ въ Gazette des Tribunaux второе письмо, гдѣ жестоко бранилъ тѣ журналы и вообще всѣхъ, которые высказывались противъ монополіи общества и въ пользу кучеровъ; онъ прямо говорилъ, что тѣ, которые возставали противъ монополіи, отрицали собственность и проповѣдывали конфискацію; въ заключеніи своего письма онъ дерзко требовалъ, чтобы журналы перестали заступаться за кучеровъ, которые имѣютъ въ виду только насиліе и вымогательство. Получивши теперь такого могущественнаго союзника, онъ рѣшился продолжать борьбу съ еще большимъ упорствомъ. Онъ предложилъ по 4 франка въ день тѣмъ, которые умѣли править лошадью, и такимъ образомъ онъ нашелъ довольно значительное количество импровизированныхъ кучеровъ; но онъ отказывался принимать опять къ себѣ на службу тѣхъ изъ бывшихъ кучеровъ компаніи, которые не изъявятъ безусловной покорности. Видя вмѣшательство правительства въ это дѣло, стакнувшіеся кучера поняли, что имъ приходится уступить: послѣ 8-ми-дневнаго прекращенія работы, они уже начиная съ 23 іюня стали опять обращаться къ компаніи съ изъявленіемъ полнѣйшей покорности, а 24 іюня уже опубликовано было объявленіе Дюку о томъ, что тѣ изъ кучеровъ, которые по прошествіи трехъ дней не возвратятся къ своимъ занятіямъ, будутъ исключены изъ списковъ. Послѣ изъявленія кучерами полной покорности ихъ, Дюку прибавилъ имъ приблизительно около 1 франка поденной платы; но тѣмъ, которые отказались продолжать служить у компаніи на этихъ условіяхъ, онъ отказывалъ въ выдачѣ внесенныхъ ими залоговъ, говоря, что

залоги эти должны идти на покрытіе убытковъ, понесенныхъ компаніею.

Такимъ образомъ окончилась надѣлавшая въ Парижѣ столько шума стачка кучеровъ парижскихъ общественныхъ каретъ. Послѣ этого прекращенія стачки во многихъ парижскихъ журналахъ можно было читать изъявленія удовольствія по поводу того, что послѣ этой стачки парижскіе извозчики стали гораздо вѣжливѣе противъ прежняго. Да еще бы имъ не стать вѣжливыми и заискивающими, послѣ того какъ они убѣдились въ томъ, что общество не въ состояніи, а правительство не желаетъ защитить ихъ отъ безсовѣстной эксплуатаціи ихъ труда немногими монополистами.

Если во время стачки кучеровъ значительная часть французскаго общества и французской прессы высказалась противъ компаніи парижскихъ каретъ и въ пользу требованій кучеровъ этой компаніи, то это происходило главнымъ образомъ потому, что общество и пресса негодовали противъ монополіи, которою пользовалась эта компанія, а не потому, что они были убѣждены въ неестественности отношеній между эксплуатирующими чужой трудъ и эксплуатируемыми. Вообще же либеральная буржуазія высказывалась съ большимъ неодобреніемъ о стачкахъ рабочихъ, и выражала каждый разъ непритворную радость при неудачномъ исходѣ попытокъ рабочихъ добиться болѣе выгодныхъ условій со стороны работодателей. Сначала буржуазія, точно также какъ и правительство, не мало задумалась и даже испугалась. Разсужденія либеральныхъ органовъ ея показывали, что она далеко не спокойно смотрѣла на этотъ новый для нея симптомъ. При каждой новой стачкѣ капиталисты жаловались на то, что имъ приходится подвергаться насиліямъ и вымогательствамъ со стороны рабочихъ.

Сотрудники журналовъ, считающихъ себя либеральными (какъ напр. Opinion Nationale), позволяли себѣ издѣваться надъ неумѣренными требованіями рабочихъ; такъ напр. Эдмонъ Абу изощрялъ свое остроуміе на этомъ сюжетѣ, и по требованію рабочихъ долженъ былъ черезъ нѣсколько дней извиниться въ этомъ же журналѣ въ своихъ неумѣстныхъ шуткахъ. Опасенія буржуазіи довели ее до замѣчательной непослѣдовательности: тѣ самые либералы, которые постоянно твердятъ о вредѣ правительственнаго вмѣшательства въ экономическую жизнь страны, первые обратились къ правительству съ просьбою вмѣшаться въ экономическія

отношенія работодателей къ работникамъ. Тѣ самые ревнители свободы, которые въ законодательномъ корпусѣ и на столбцахъ большихъ парижскихъ газетъ такъ краснорѣчиво твердятъ о свободѣ, первые подняли вопль противъ свободы рабочаго класса, какъ только эти классы сдѣлали видъ, что хотятъ воспользоваться тою микроскопическою долею свободы, которую дало имъ правительство. Эти либералы просили правительство принять мѣры противъ злоупотребленія правомъ коалиціи. Они находили также вполнѣ натуральнымъ, что парижскіе каретники и владѣльцы кузницъ обратились къ правительству съ просьбою дать въ ихъ распоряженіе работниковъ изъ солдатъ для того, чтобы хоть этимъ заставить своихъ работниковъ отступиться отъ требованій объ увеличеніи платы. Но этимъ не ограничивались явленія самой чудовищной непослѣдовательности французской буржуазіи. Извѣстно, что либеральные экономисты особенно гордятся изобрѣтеннымъ ими закономъ о запросѣ и предложеніи и что они постоянно съ особенною силою напираютъ на этотъ законъ, для того чтобы оправдать доводимое ими до крайности пониженіе заработной платы. Казалось бы, что разъ этотъ законъ выставленъ непреложною нормою отношеній между работодателями и рабочими, имъ должны въ одинаковой мѣрѣ руководствоваться и та и другая сторона. Если слѣдовательно работодатели постоянно понижаютъ предлагаемую ими задѣльную плату на томъ основаніи, что большею частью господствуетъ избытокъ предложенія передъ запросомъ, то казалось бы отсюда само собою вытекало и то послѣдствіе, что при избыткѣ запроса относительно предложенія, когда фабриканты особенно сильно нуждаются въ рабочихъ рукахъ, рабочіе отказываются работать по уменьшеннымъ цѣнамъ, навязаннымъ имъ работодателями во время избытка предложенія. Противъ этого вывода казалось бы невозможно было и возражать. Однако по мнѣнію либеральныхъ экономистовъ подобный выводъ былъ бы совершенно неправиленъ. Въ нѣмецкой Кельнской газетѣ помѣщенъ былъ недавно цѣлый рядъ статей по поводу стачекъ рабочихъ, въ которыхъ работодателямъ объяснялось, какъ имъ слѣдуетъ поступать въ виду прекращенія работъ со стороны рабочихъ. Въ этихъ статьяхъ мы находимъ, напр., слѣдующее сужденіе о вымогательствѣ рабочихъ: «Можетъ случиться такъ, что работодатель увидитъ себя вынужденнымъ удовольствоваться меньшимъ процен-

томъ съ своего капитала, нежели на который онъ привыкъ разсчитывать, или даже производить себѣ въ убытокъ, для того чтобы избѣжать еще большихъ потерь. Это можетъ, случиться, напр., при стачкѣ полевыхъ работниковъ во время жатвы, или фабричныхъ рабочихъ въ такое время, когда хозяинъ ихъ долженъ сдѣлать по контракту значительныя поставки. Подобное явное вымогательство есть просто на просто *подлая выходка* (ein gemeiner Streich), которая можетъ имѣть мѣсто только тамъ, гдѣ отношенія между работодателями и работниками совершенно испорчены. Въ такомъ случаѣ работодателю слѣдуетъ немедленно удалить изъ своей службы, хотя бы даже съ убытками для себя, виновниковъ подобной безчестной выходки», и т. д. — Итакъ, если хозяева фабрикъ и мастерскихъ пользовались обстоятельствами, т. е. избыткомъ предложенія передъ запросомъ, для пониженія заработной платы, то по мнѣнію либеральныхъ экономистовъ они поступали очень благоразумно и совершенно сообразно съ законами политической экономіи; если же рабочіе пользовались этими же самыми обстоятельствами для повышенія задѣльной платы, то тѣ же самые либералы говорили имъ, что они прибѣгаютъ къ подлымъ выходкамъ, и что ихъ непремѣнно слѣдуетъ выгнать изъ тѣхъ заведеній, въ которыхъ они работаютъ. Такъ смотрѣла на рабочія стачки либеральная буржуазія. Она краснорѣчиво доказывала рабочимъ, что имъ слѣдовало искать улучшенія своего матеріальнаго положенія не въ такихъ мѣрахъ, какъ стачки, а въ большемъ трудолюбіи и прилежаніи, въ бережливости и умѣренности требованій, въ большемъ искусствѣ при исполненіи работы. Объ уступкахъ требованіямъ рабочихъ буржуазія и не думала. Переполошившись вначалѣ при видѣ этой новой формы рабочаго движенія, французская буржуазія очень скоро успокоилась. Результатъ парижской стачки кучеровъ, ліонской стачки рабочихъ на шелковыхъ фабрикахъ (гдѣ рабочіе также принуждены были уступить во всѣхъ пунктахъ), и многихъ другихъ стачекъ французскихъ рабочихъ, убѣдилъ буржуазію въ томъ, что сила на ея сторонѣ, и что отъ этого вида рабочаго движенія ей нечего опасаться. Она убѣдилась въ томъ, что рабочіе сильно ошибаются, если надѣются найти въ стачкахъ радикальное средство для улучшенія своего положенія. Она увидѣла, что стачки могутъ принести пользу рабочимъ только въ тѣхъ моментахъ, когда бываетъ большой запросъ на рабочія руки; но

что какъ скоро дѣла пойдутъ потише, фабрикантъ всегда имѣетъ возможность отослать отъ себя виновниковъ стачки и свести опять рабочую плату на прежніе размѣры.

Лучшимъ доказательствомъ того, что въ рабочихъ стачкахъ нельзя видѣть радикальнаго средства для улучшенія положенія рабочихъ классовъ, можетъ служить примѣръ Англіи. Тамъ рабочія стачки представляютъ явленіе уже не новое, а между тѣмъ положеніе рабочихъ классовъ нимало не улучшилось. Пресловутое богатство и благосостояніе Англіи держится только на поверхности и нисколько не проникаетъ въ глубь. Въ то время, когда Пальмерстонъ хвастался передъ своими избирателями тѣмъ, что въ его управленіе страною богатство страны увеличилось до невѣроятныхъ размѣровъ, когда Гладстонъ съ гордостью объявлялъ своимъ слушателямъ въ парламентѣ, что сумма привозной и отпускной торговли Англіи простирается до 444 милл. фунт. стерл. въ годъ и превышаетъ втрое сумму англійской торговли за 1863 г.— въ это же самое время оффиціальные документы, публикуемые англійскимъ правительствомъ, доказываютъ, что въ 9 случаяхъ изъ 10 жизнь англійскаго работника есть ничто иное, какъ борьба противъ голодной смерти. Въ то время, какъ англійскіе министры твердили палатамъ, «что положеніе англійскаго рабочаго улучшилось въ такой мѣрѣ, что мы не находимъ подобнаго тому примѣра въ лѣтописяхъ всѣхъ странъ и всѣхъ эпохъ»,—въ это же самое время оффиціальное донесеніе доктора Смита, поданное въ частный совѣтъ ея британскаго величества, заявляло о томъ фактѣ, что болѣе $^1/_6$ части рабочаго населенія Англіи потребляютъ круглый годъ только то количество пищи, которое составляетъ minimum пищи человѣка и за уменьшеніемъ котораго хоть на одинъ лотъ должна слѣдовать голодная смерть. Въ виду того факта, обнаруженнаго оффиціальнымъ же изслѣдованіемъ, что галерные работники Англіи и Шотландіи трудятся гораздо меньше и содержатся гораздо лучше, нежели большая часть англійскихъ рабочихъ (не только фабричныхъ, но и сельскихъ),—въ виду этого факта получаютъ особенное значеніе цифры, опубликованныя въ 1864 году англійскимъ министромъ финансовъ, изъ которыхъ явствуетъ, что 3,000 людей въ Англіи раздѣляютъ между собою доходъ въ 25 милл. фунт. стерл., т. е. болѣе, нежели всю сумму заработной платы, получаемой ежегодно всею массою сельскихъ рабочихъ

Англіи и Уэльса. «Не подлежитъ сомнѣнію, говоритъ живущій въ Англіи нѣмецкій политико-экономъ, Карлъ Марксъ, что повсюду положеніе рабочихъ массъ ухудшается по мѣрѣ того, какъ скопляется богатство въ рукахъ немногихъ индивидуумовъ изъ владѣтельныхъ классовъ. Во всѣхъ странахъ Европы, продолжаетъ онъ, признано теперь за истину, что никакое развитіе машиннаго производства, никакія техническія открытія, никакія примѣненія науки къ производительности, никакія новыя колоніи и новые торговые рынки, никакая эмиграція или свободная торговля, не въ состояніи устранить бѣдствія работающихъ классовъ: напротивъ, при настоящихъ невѣрныхъ основахъ общественнаго устройства, каждое новое развитіе въ производительныхъ силахъ труда только еще яснѣе обозначаетъ аномаліи и контрасты настоящаго общественнаго строя. Въ этомъ могутъ сомнѣваться только тѣ мудрые проповѣдники экономическихъ истинъ, которые сами заинтересованы въ распространеніи ложныхъ идей». Карлъ Марксъ, подобно Лассалю, подобно французскимъ друзьямъ рабочихъ, видитъ исходъ изъ этого бѣдственнаго положенія рабочихъ массъ только въ развитіи производительныхъ ассоціацій, которыя не были бы ограничены случайными и безплодными попытками отдѣльныхъ рабочихъ, но которыя были бы поддержаны національнымъ законодательствомъ и національными средствами; для достиженія этой цѣли, рабочіе, по мнѣнію Маркса, должны всѣми силами стремиться къ тому, чтобы пріобрѣсти дѣйствительное участіе въ законодательствѣ. Кто же касается рабочихъ стачекъ, къ которымъ въ послѣднее время опять особенно часто стали прибѣгать англійскіе рабочіе для улучшенія своихъ отношеній къ капиталу, то, по его мнѣнію, неограниченное право коалицій можетъ составить minimum требованій рабочихъ; но онъ также полагалъ, по причинамъ, схожимъ съ тѣми, которыя мы изложили выше, что въ стачкахъ никакъ не слѣдуетъ видѣть средства къ радикальному улучшенію положенія рабочихъ классовъ.

Между тѣмъ, покуда еще нѣтъ другихъ болѣе радикальныхъ средствъ къ пересозданію общественнаго строя, англійскіе рабочіе видятъ въ стачкахъ единственную гарантію противъ совершенно невыносимаго для нихъ гнета капитала и произвола капиталистовъ. Поэтому они въ послѣднее время особенно часто стали прибѣгать къ этому средству, хотя, по весьма понятнымъ причи-

намъ, въ большей части случаевъ стачки эти не приносили имъ ничего, кромѣ лишеній и бѣдствій, и оканчивались все-таки полнѣйшимъ торжествомъ капитала *). Въ одномъ только случаѣ стачки фабрикантовъ и вызванное ими прекращеніе работъ со стороны рабочихъ окончились довольно успѣшнымъ для рабочихъ образомъ: и то это случилось потому, что фабриканты зашли тутъ уже слишкомъ далеко и возбудили противъ себя даже общественное мнѣніе и прессу, всегда почти держащія ихъ сторону.

Въ Англіи еще въ началѣ 1864 года произошли стачки между рабочими въ каменно-угольныхъ копяхъ. Десять мѣсяцевъ они выдерживали борьбу съ своими хозяевами и не принимались за работу, не сморя на великія лишенія, которыя имъ приходилось преодолѣвать. Но такъ какъ по прошествіи этого времени поддержка, доставляемая имъ рабочими другихъ каменно-угольныхъ округовъ, прекратилась, то они снова должны были приняться за работу на прежнихъ условіяхъ, лишившись во время прекращенія работы до 70,000 ф. стерл. заработной платы. Едва успѣла окончиться эта стачка работниковъ, какъ началась другая, весьма любопытная стачка—стачка бирмингэмскихъ строителей.

До сихъ поръ обыкновенно большая часть стачекъ начиналась съ того, что фабричные рабочіе извѣстнаго округа начинали требовать болѣе высокой заработной платы и соглашались между собою прекратить работу до тѣхъ поръ, пока не возвысятъ имъ платы. Хотя въ такихъ случаяхъ требованіе возвышенія заработной платы никакъ нельзя было считать простымъ капризомъ ихъ или вымогательствомъ, хотя подобное требованіе ихъ обыкновенно являлось слѣдствіемъ совершенной невозможности для нихъ содержать себя и свое семейство при существующей платѣ; однако же въ такихъ случаяхъ на сторонѣ фабрикантовъ была хоть тѣнь правды, такъ какъ они дѣлали видъ, что, не соглашаясь на требованія рабочихъ, они противятся вымогательству ихъ. Но они за-

*) Брайтъ, который достаточно хорошо знакомъ съ отношеніями труда къ капиталу, выразился въ одной изъ своихъ рѣчей, что рабочимъ не слѣдуетъ бросать идеи о коалиціи, что въ коалиціяхъ лежитъ резервная сила, которую въ нѣкоторыхъ обстоятельствахъ рабочіе должны пускать въ ходъ; но онъ сознавалъ, что въ 19 случаяхъ изъ 20 польза этого средства весьма сомнительна и что оно служитъ большею частію ко вреду тѣхъ, которые къ нему прибѣгаютъ.

хотѣли пойти еще дальше. Увидѣвши изъ примѣровъ прежнихъ стачекъ, какъ тяжело рабочимъ бороться съ ними на этомъ полѣ и какими значительными выгодами они (фабриканты) тутъ пользуются, они рѣшились перейти отъ оборонительнаго положенія къ наступательному. Работодатели рѣшились сами сдѣлать между собою стачку съ цѣлью еще болѣе понизить заработную плату и слѣдовательно увеличить свои выгоды, а также съ цѣлью привести рабочихъ въ еще большую зависимость отъ капитала.

Къ стачкамъ послѣдняго рода принадлежитъ стачка бирмингэмскихъ строителей. Въ январѣ мѣсяцѣ нынѣшняго года около 300 строителей центральныхъ графствъ Англіи собрались въ Бирмингэмѣ и составили здѣсь союзъ противъ своихъ работниковъ. Президентъ этого собранія сказалъ между прочимъ въ своей вступительной рѣчи: «Мы собрались сегодня здѣсь для того, чтобы рѣшить вопросъ, долженъ ли капиталъ имѣть свой голосъ (!), или должно ли на будущее время предоставить труду опредѣленіе условій и цѣнъ работы, которыя мы впослѣдствіи будемъ молча подписывать». Вслѣдъ за тѣмъ собравшіеся здѣсь строители начали распространяться на счетъ безсовѣстности рабочихъ, которые хотятъ извлечь для себя пользу изъ всякаго усиленія работы въ извѣстной мѣстности. Они жаловались также на то, что въ послѣднее время при всякомъ столкновеніи съ рабочими имъ приходилось уступать, и поэтому они высказали твердую рѣшимость положить конецъ насилію (sic) своихъ противниковъ. Они постановили принять прежде всего мѣры противъ военной хитрости, часто употребляемой работниками. Такъ называемая ими военная хитрость работниковъ состояла въ томъ, что во время прекращенія работъ рабочіе союзы старались высылать младшихъ и неженатыхъ членовъ своихъ для отыскиванія работъ въ другія мѣстности, во 1-хъ для того, чтобы уменьшить число тѣхъ, которымъ слѣдовало отпускать вспомоществованіе изъ общественныхъ суммъ, а во 2-хъ для того, чтобы получать отъ нихъ же поддержку. Противъ этого-то обыкновенія рабочихъ бирмингэмскіе строители рѣшили принять свои мѣры. Они постановили, что каждый членъ союза долженъ на будущее время выдавать уходящему отъ него работнику особую аттестацію, въ которой обозначалось бы, какъ велъ себя работникъ во время работы у оставляемаго имъ хозяина, и по какимъ причинамъ онъ ушелъ отъ хозяина. Этимъ они хотѣли за-

труднить рабочимъ составленіе стачекъ, потому что они сдѣлали также постановленіе о томъ, что ни одинъ членъ союза не долженъ былъ принимать къ себѣ работника, у котораго не будетъ хорошей аттестаціи отъ прежняго хозяина. Слѣдовательно, если рабочій прекращалъ вслѣдствіе стачки работу у одного изъ 300 строителей-подрядчиковъ, то онъ долженъ былъ получить отъ хозяина неудовлетворительный аттестатъ, хотя бы даже стачка была вызвана самыми законными причинами *). Наконецъ бирмингэмское собраніе строителей рѣшило пригласить строителей всего остальнаго королевства къ составленію подобнаго же союза противъ рабочихъ. Рабочіе, зависящіе отъ строителей (плотники, каменьщики, красильщики, столяры и пр.) съ своей стороны рѣшили не допускать введенія подобныхъ аттестаціонныхъ листовъ, и въ числѣ 41 тысячи прекратили свою работу. По всей странѣ стали организоваться такъ называемые митинги негодованія, и повсюду рѣшено было поддержать тѣхъ, которые прекратили работу. Рѣшено было вносить въ общую кассу по полушиллингу въ недѣлю съ человѣка для вспомоществованія прекратившимъ работу; нѣкоторые рабочіе предложили даже вносить по цѣлому шиллингу въ недѣлю. Негодованіе, вызванное этою мѣрою въ рабочемъ населеніи Англіи, разумѣется не подѣйствовало бы на хозяевъ ихъ, если бы оно ограничилось только рабочими; нѣтъ сомнѣнія, что въ такомъ случаѣ они продолжали бы упорствовать и поставили бы на своемъ. Но въ настоящемъ случаѣ такъ называемое общественное мнѣніе Англіи тоже высказалось противъ нихъ. Пресса почти единогласно заявила, что хозяева пошли уже слишкомъ далеко; даже «Times» высказалась неодобрительно о рѣшеніи бирмингэмскихъ строителей. Она сомнѣвалась въ томъ, чтобы въ настоящемъ случаѣ требованія рабочихъ были безсовѣстны и чтобы они требовали болѣе, нежели законную долю во всеобщемъ процвѣтаніи; она выражала сомнѣніе и въ томъ, чтобы строители признали какую бы то ни было стачку законною. Болѣе умѣренные изъ фабрикантовъ высказались въ томъ же смыслѣ. Тогда члены бирмингэмскаго союза строителей поняли, что они должно

*) Работодатели были такъ великодушны, что они не возстали противъ стачекъ вообще; они хотѣли найти защиту только противъ несправедливыхъ стачекъ. Спрашивается, какую же стачку они могли считать справедливою?

быть въ самомъ дѣлѣ хватили черезъ край. Они вновь собрались на совѣщаніе въ Бирмингэмѣ, и послѣ бурныхъ преній рѣшено было незначительнымъ большинствомъ голосовъ взять назадъ постановленіе объ аттестаціонныхъ листкахъ. Это рѣшеніе ихъ было объявлено рабочимъ. Но послѣдніе объявили, что примутся вновь за работу не ранѣе, какъ если хозяева ихъ дадутъ имъ торжественное обѣщаніе никакимъ образомъ не преслѣдовать тѣхъ, кто стоялъ во главѣ настоящаго движенія (потому что ходила молва, что строители, рѣшившись уступить сопротивленію рабочихъ, сговорились однако же не давать работы ни одному изъ коноводовъ этого движенія). Хозяева должны были согласиться и на это требованіе рабочихъ. Эта побѣда, одержанная рабочими, вызвала сильнѣйшую радость между рабочими Бирмингэма и другихъ мѣстностей Англіи. Тутъ же эти самые рабочіе, которыхъ хозяева ихъ постоянно обвиняютъ въ жадности, въ вымогательствѣ и т. д., выказали необыкновенную умѣренность и согласились вступить съ своими хозяевами въ переговоры насчетъ заработной платы и насчетъ продолжительности работы, причемъ они изъявили даже согласіе сдѣлать, если окажется нужнымъ, нѣкоторыя уступки.

Въ настоящемъ случаѣ хозяева фабрикъ зашли такъ далеко, что противъ нихъ высказались даже постоянные союзники ихъ; поэтому они сочли болѣе благоразумнымъ уступить. Но подобный исходъ стачекъ фабрикантовъ случается очень рѣдко; въ большей части случаевъ побѣда остается на сторонѣ фабрикантовъ. Таковъ былъ недавно исходъ довольно значительной по объему стачки работниковъ на желѣзныхъ заводахъ Англіи и Шотландіи.

До 1863 года рабочіе на желѣзныхъ заводахъ Англіи дѣйствовали по одиначкѣ и не имѣли никакой защиты противъ произвола капитала. Заработная плата опредѣлялась такимъ образомъ, что они получали по одному шиллингу съ каждаго фунта стерл. продажной цѣны желѣза, что, по свидѣтельству ихъ, составляло весьма скудный заработокъ даже при высокой продажной цѣнѣ желѣза. Вслѣдствіе этого въ 1863 году 800 работниковъ прекратили работу и потребовали болѣе высокой и опредѣленной платы. Они съумѣли устроиться такимъ образомъ, что получали по 8 шилл. въ недѣлю на содержаніе каждаго семейства. Когда хозяева увидѣли, что средства работниковъ не уменьшаются, а увеличиваются присылками изъ другихъ мѣстъ, они уступили. Непосредственнымъ

послѣдствіемъ стачки было образованіе союза работниковъ при желѣзныхъ заводахъ. Къ началу нынѣшняго года союзъ этотъ имѣлъ не менѣе 12,000 членовъ, распространенныхъ по всей Англіи. Въ теченіи двухъ-годичнаго своего существованія общество это роздало до 8,000 фунт. стерл. вспомоществованіями и дало взаймы другимъ рабочимъ обществамъ болѣе 2,000 фунт. стерл.

Владѣтели желѣзныхъ заводовъ въ Англіи желали во что бы то ни стало разорвать этотъ союзъ, дающій рабочимъ нѣкоторую долю самостоятельности относительно капитала; они искали только случая, чтобы приняться за это дѣло; случай этотъ представился имъ въ началѣ нынѣшняго года.

Въ январѣ мѣсяцѣ владѣтели желѣзныхъ заводовъ произвели пониженіе платы на 10 процентовъ во всѣхъ желѣзныхъ заводахъ Англіи. Рабочіе на этихъ заводахъ увидѣли, что при одновременномъ пониженіи платы на всѣхъ заводахъ ничего противъ этого нельзя будетъ сдѣлать, и поэтому рѣшили на первый разъ покориться. Рабочіе предложили хозяевамъ сбавить цѣну на половину той суммы, на которую тѣ сбавили ее: но хозяева и на это не согласились. Тогда рабочіе рѣшились дѣйствовать слѣдующимъ образомъ: они постановили прекратить работу сначала въ одной какой нибудь мѣстности, и требовать здѣсь увеличенія задѣльной платы; работники же на другихъ заводахъ должны были продолжать работать, хотя бы и по уменьшенной платѣ, и поддерживать прекратившихъ работу изъ суммъ рабочаго союза. Если такимъ образомъ рабочіе одной мѣстности добьются возвышенія задѣльной платы, то примѣру ихъ должны были слѣдовать тѣмъ же порядкомъ рабочіе другой мѣстности, и такъ далѣе до всеобщаго возвышенія задѣльной платы. Согласно этому условію въ началѣ марта рабочіе на желѣзныхъ заводахъ графа Гренвиля (въ сѣв. Стаффордшейрѣ) числомъ около 2,000 прекратили работу. Они получали отъ другихъ рабочихъ обществъ пособія около 1 ф. ст. въ недѣлю на семейство и надѣялись выдержать стачку не менѣе полугода и добиться своей цѣли. Но владѣльцы желѣзныхъ заводовъ вовсе не намѣрены были такъ скоро уступать ихъ требованіямъ. Заводчики сѣвернаго Стаффордшейра предвидѣли, что прекратившіе у нихъ работу работники будутъ получать помощь извнѣ, отъ работниковъ на желѣзныхъ заводахъ всей Англіи; поэтому они

обратились съ циркуляромъ ко всѣмъ владѣльцамъ желѣзныхъ и чугунно-плавильныхъ заводовъ съ приглашеніемъ принять свои мѣры противъ подобной случайности. Тѣ послушались этого приглашенія. Владѣльцы желѣзныхъ заводовъ Англіи и Шотландіи объявили своимъ работникамъ, что, начиная съ 6 марта, всѣ заводы будутъ закрыты, если до тѣхъ поръ стакнувшіеся работники сѣвернаго Стаффордшейра не согласятся возобновить работу на условіяхъ, предлагаемыхъ имъ хозяевами ихъ, или если работники другихъ округовъ не пошлютъ на работу въ Стаффордшейръ часть своихъ товарищей, чтобы доказать, что они не одобряютъ стачки работниковъ, прекратившихъ работу. Вслѣдствіе этого объявленія заводчиковъ въ Лондонѣ собрался съѣздъ 125 депутатовъ рабочихъ обществъ Англіи, Шотландіи и Уэльса. Объявленіе заводчиковъ подверглось здѣсь сильнѣйшимъ нареканіямъ, но въ виду великихъ бѣдствій, которыя должно было имѣть для рабочихъ повсемѣстное удаленіе ихъ отъ работы, большинство депутатовъ склонялось къ тому, что не слѣдуетъ поддерживать работниковъ сѣвернаго Стаффордшейра, а должно посовѣтовать имъ снова приняться за работу. Хотя депутатъ отъ рабочихъ этого округа и объявилъ, что имъ невозможно согласиться на предлагаемыя хозяевами условія, однако собраніе рѣшило большинствомъ 124 голосовъ противъ 1, что имъ слѣдуетъ возвратиться къ работѣ. Этимъ средствомъ депутаты рабочихъ надѣялись избѣгнуть закрытія всѣхъ желѣзныхъ заводовъ. Но уступчивость и благоразуміе рабочихъ на этотъ разъ ни къ чему не повели, рѣшеніе депутатовъ рабочихъ не поддерживать покуда работниковъ сѣвернаго Стаффордшейра не имѣло желаемаго успѣха. Капиталисты не желали условной уступчивости или временнаго компромисса: они требовали безусловнаго подчиненія. Какъ скоро стало извѣстнымъ рѣшеніе депутатовъ рабочихъ, заводчики снова собрались и рѣшили, что поведеніе рабочихъ есть ничто иное, какъ хитрость, посредствомъ которой они надѣются избѣжать удаленія ихъ отъ работы; собраніе заводчиковъ пришло къ тому убѣжденію, что всѣ англійскіе работники въ душѣ одобряютъ поведеніе рабочихъ сѣвернаго Стаффордшейра, и что, не смотря на рѣшеніе ихъ депутатовъ, они втайнѣ будутъ собирать вспомоществованія для стакнувшихся бунтовщиковъ. Они рѣшили, что подобнаго результата можно избѣгнуть только закрытіемъ всѣхъ заводовъ до тѣхъ поръ,

покуда рабочіе сѣвернаго Стаффордшейра не возвратятся къ работѣ на условіяхъ, предлагаемыхъ заводчиками; въ числѣ этихъ условій заключалось отмѣненное въ 1863 году соразмѣреніе задѣльной платы съ продажною цѣною желѣза, а также и упомянутое уже выше требованіе о томъ, чтобы остальные округа Англіи присылали рабочихъ въ сѣверный Стаффордшейръ для замѣщенія прекратившихъ работу. Заводчики Уэльса постановили также условіемъ возобновленія работъ уничтоженіе тѣхъ рабочихъ союзовъ, о которыхъ мы говорили выше. Таково было рѣшеніе собранія 76 заводчиковъ *): на заводахъ этихъ 76 заводчиковъ работало до 70,000 человѣкъ рабочихъ, а число душъ, жившихъ ихъ заработками, простиралось почти до 200,000 человѣкъ; еженедѣльно получаемая этими 70,000 работниками задѣльная плата простиралась приблизительно до 40,000 ф. стерл. Вслѣдствіе рѣшенія собранія капиталистовъ работа одновременно прекратилась (15 марта) почти во всѣхъ желѣзныхъ заводахъ Англіи и Шотландіи; вслѣдствіе этого въ одномъ южномъ Стаффордшейрѣ до 42,000 человѣкъ были лишены дневнаго пропитанія; въ сѣверномъ Стаффордшейрѣ число это было почти столь же значительно. Положеніе рабочихъ было въ высшей степени затруднительно, потому что вслѣдствіе огромнаго объема прекращенія работъ потребны были очень значительныя суммы, для доставленія какого-нибудь вспомоществованія тѣмъ, которые были удалены отъ работъ. Положеніе ихъ дѣлалось особенно затруднительнымъ еще вслѣдствіе того обстоятельства, что большая часть рабочихъ при желѣзныхъ заводахъ живутъ въ домахъ, нарочно построенныхъ для нихъ заводчиками вблизи заводовъ; слѣдовательно хозяева имѣли полную возможность немедленно выгнать рабочихъ изъ занимаемыхъ ими квартиръ. И дѣйствительно тотчасъ послѣ удаленія работниковъ отъ работы нѣкоторые владѣльцы заводовъ потребовали отъ бывшихъ своихъ работниковъ, чтобы тѣ немедленно заплатили впередъ наемную плату за квартиры (вычитаемую обыкновенно изъ заработковъ рабочихъ); а въ одномъ мѣстѣ до 300 человѣкъ рабочихъ были выгнаны въ одинъ день на улицу, за то, что не могли заплатить требуемой отъ нихъ платы за квартиры: пасторъ

*) Весьма характеристичная особенность этого дѣла заключается въ томъ, что предсѣдателемъ собранія, постановившаго подобныя рѣшенія, былъ Фостеръ, одинъ изъ самыхъ радикальныхъ членовъ англійскаго парламента.

этого мѣстечка пріютилъ на первое время выброшенныхъ на улицу рабочихъ у себя въ церкви. Къ этому слѣдуетъ прибавить еще то, что обыкновенные комитеты для бѣдныхъ находятся подъ контролемъ и подъ зависимостью капиталистовъ и поэтому постоянно отказываютъ рабочимъ во всякой поддержкѣ во время прекращенія работъ съ ихъ стороны или удаленія ихъ отъ работы самими капиталистами.

Въ виду такого печальнаго положенія дѣлъ въ Англіи, работники на желѣзныхъ заводахъ стали сильно подумывать объ эмиграціи въ Америку. Изъ Америки къ рабочимъ прибыли приглашенія и увѣренія, что въ Америкѣ можно найти большой запросъ на ихъ работу и хорошіе заработки. Изъ Нью-Іорка получены были извѣстія, что рабочимъ предлагаютъ даровой переѣздъ въ Америку. Въ Англію прибыли особые агенты, которые вступили въ переговоры съ рабочими о переселеніи ихъ въ Америку. Въ первыя же недѣли прекращенія работъ нѣсколько сотъ человѣкъ выселилось въ Новую Зеландію и въ другія англійскія колоніи, но главнымъ образомъ въ Сѣверную Америку. Въ отвѣтъ на выселеніе англійскихъ работниковъ въ Америку, англійскіе заводчики грозили выписать для своихъ желѣзныхъ заводовъ работниковъ изъ Россіи, которые, по словамъ ихъ, работаютъ лучше и будутъ довольствоваться меньшими заработками.

Удаленные отъ работы работники толковали также много о кооперації и надѣялись найти въ ней противоядіе противъ обрушившагося на нихъ бѣдствія. Работники нѣкоторыхъ округовъ хотѣли составить кооперативное общество для того, чтобы производить своими собственными средствами. Но легко можно было предвидѣть, что подобныя общества, ограниченныя одними только средствами работниковъ, не въ состояніи будутъ конкурировать съ огромными капиталами хозяевъ. Напримѣръ, торговый домъ Пальмеръ и К° выплатилъ въ день прекращенія работъ своимъ рабочимъ сумму 20,000 ф. стерлинговъ, составлявшую двухъ-недѣльную заработную плату работавшихъ на его заводахъ мастеровыхъ. Спрашивается, сколько сбереженій должны сдѣлать рабочіе изъ своихъ копѣечныхъ заработковъ для того, чтобы получить возможность успѣшнымъ образомъ конкурировать съ торговымъ домомъ Пальмеръ и К°?

Вскорѣ послѣ закрытія англійскими заводчиками своихъ ма-

стерскихъ въ Лондонъ опять собрались депутаты различныхъ рабочихъ обществъ. Представители удаленныхъ отъ работы работниковъ желѣзныхъ заводовъ объявили, что работники эти твердо рѣшились выдерживать борьбу до послѣдней возможности, несмотря на то, получатъ ли они поддержку отъ работниковъ другихъ отраслей, или нѣтъ. Общее мнѣніе этого собранія состояло въ томъ, что дѣло работниковъ желѣзныхъ заводовъ есть въ тоже время дѣло всего рабочаго сословія Великобританіи; поэтому рѣшено было пригласить всѣ рабочія общества королевства назначить немедленно денежные взносы и собрать по возможности экстренныя пожертвованія съ своихъ членовъ, для того чтобы оказать поддержку рабочимъ, лишеннымъ работы, и дружно противустать нападенію соединеннаго капитала на трудъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ рѣшено было—не приниматься вновь за работу до тѣхъ поръ, пока заводчики не дадутъ рабочимъ какой-нибудь гарантіи того, что они не прибѣгнутъ въ будущемъ къ подобному удаленію отъ работы. Капиталисты вышли изъ себя при видѣ такого, какъ они говорили, упрямства рабочихъ. Они разсыпались въ упрекахъ тѣмъ, которые поддерживали въ рабочихъ увѣренность въ правотѣ ихъ и сомнѣнія въ справедливости тѣхъ мѣръ, къ которымъ прибѣгли работодатели. Они выставляли на видъ свою уступчивость относительно рабочихъ и благодѣянія, оказанныя ими послѣднимъ; они увѣряли, что дѣйствуютъ только изъ чувства самосохраненія противъ нападеній рабочихъ. Они увѣряли, что все зло происходитъ отъ того, что работники необразованы и не проникнулись экономическими истинами о колебаніи задѣльной платы согласно съ отношеніемъ предложенія къ запросу. (Между тѣмъ всякому очень хорошо извѣстно, что ни одному заводчику и фабриканту никогда не приходило въ голову увеличить задѣльную плату вслѣдствіе вздорожанія ихъ произведеній). Вообще заводчики видѣли въ борьбѣ труда противъ капитала ничто иное, какъ злоумышленное вымогательство, грубость и недостатокъ образованія, и въ особенности недостатокъ знакомства съ великими экономическими истинами, выработанными буржуазіей. Все это было высказано въ письмѣ, адресованномъ однимъ изъ членовъ общества заводчиковъ въ газету Times, въ отвѣтъ на жалобы и рѣшенія депутатовъ рабочихъ. Объ уступкахъ они и не думали, потому что предвидѣли полную побѣду. Увѣренность ихъ въ побѣдѣ была тѣмъ сильнѣе,

что они нисколько не сомнѣвались въ томъ, что со стороны правительства и прессы, или такъ называемаго общественнаго мнѣнія, рабочимъ нечего ожидать поддержки. Долгое время правительство не рѣшалось высказаться насчетъ поступка капиталистовъ, удалившихъ отъ работы своихъ работниковъ за то, что они подозрѣвали ихъ въ желаніи помогать стакнувшимся работникамъ сѣвернаго Стаффордшейра. Это былъ такой вопросъ, въ которомъ нельзя было отдѣлаться пустыми фразами о расположеніи своемъ къ рабочимъ классамъ; а между тѣмъ съ другой стороны у англійскихъ законодателей не хватило храбрости высказаться открыто въ пользу своей братьи, буржуазіи. Поэтому правительство и палата избѣгали касаться этого вопроса. Но наконецъ одинъ изъ самыхъ извѣстныхъ противниковъ настоящаго министерства, Геннесси, сдѣлалъ правительству запросъ насчетъ удаленія отъ работы работниковъ на желѣзныхъ заводахъ и объявилъ, что, по его мнѣнію, образъ дѣйствій заводчиковъ столь же несправедливъ, какъ и противозаконенъ. Министръ внутреннихъ дѣлъ объявилъ, что онъ не имѣетъ никакихъ оффиціальныхъ извѣстій объ этомъ дѣлѣ, о которомъ толковала вся Англія и которымъ наполнены были всѣ столбцы англійскихъ газетъ. Онъ слышалъ только, что до 60,000 человѣкъ находятся безъ работы и что рабочіе до сихъ поръ держали себя очень спокойно, но онъ не полагалъ, чтобы заводчики нарушили законы страны. Вообще же онъ былъ того мнѣнія, что слѣдовало быть крайне осторожнымъ въ толкахъ объ этомъ дѣлѣ, и выразилъ надежду, что найдены будутъ средства уладить несогласіе. Вмѣшательство правительства онъ считалъ безполезнымъ, тѣмъ болѣе, что, по его мнѣнію, ни одна изъ спорящихъ сторонъ не приметъ его.

Насчетъ законности образа дѣйствій заводчиковъ рабочіе были иного мнѣнія, нежели англійскій министръ внутреннихъ дѣлъ. Они помнили, что нѣсколько лѣтъ тому назадъ судъ приговорилъ къ наказанію трехъ или четырехъ рабочихъ, которые письменно требовали отъ своего хозяина удаленія одного изъ товарищей ихъ изъ мастерской; судъ увидѣлъ въ этомъ требованіи желаніе застращать хозяина и приговорилъ работниковъ къ наказанію. Рабочіе тоже видѣли въ поведеніи заводчиковъ желаніе застращать ихъ и требовали, чтобы 76 заводчиковъ, постановившихъ извѣстное рѣшеніе, преданы были суду; но на ихъ требованіе разумѣется

никто не обратилъ вниманія. Органы англійской буржуазіи, начиная съ Times и кончая самой незначительной провинціальной газеткой, стали разумѣется на сторону работодателей противъ рабочихъ и объявили, что, по законамъ свободной конкуренціи, первые имѣли полное право понижать заработную плату на столько, на сколько этого требовали ихъ выгоды; рабочихъ же они на всѣ лады упрекали въ упрямствѣ, жадности и вымогательствѣ. Значитъ и съ этой стороны, какъ и со стороны правительства и палаты, владѣльцамъ желѣзныхъ заводовъ нечего было опасаться. Слѣдовательно было очевидно для всякаго, что этотъ заговоръ работодателей не можетъ привести къ тѣмъ результатамъ, къ какимъ привелъ въ январѣ заговоръ бирмингэмскихъ строителей (гдѣ пресса и общественное мнѣніе были поражены новостью самаго дѣла). Рабочимъ, подвергшимся такому сильному нападенію, не было возможности долго держаться, и легко было предвидѣть, что при неблагопріятныхъ условіяхъ борьбы имъ очень скоро придется уступить. Уже 22 марта, т. е. недѣли двѣ спустя послѣ начала исключенія отъ работъ, въ Лондонѣ происходило второе собраніе депутатовъ рабочихъ обществъ, на которомъ въ первый разъ сдѣлано было предложеніе предоставить разрѣшеніе спорнаго вопроса третейскому суду. Это предложеніе встрѣчено было съ особеннымъ сочувствіемъ рабочими южнаго Стаффордшейра, гдѣ очень много желѣзныхъ заводовъ и гдѣ потому послѣдствія прекращенія работъ были чувствительнѣе, нежели въ другихъ округахъ; депутаты другихъ округовъ также согласились на него, и такимъ образомъ большинство собранія рѣшило посовѣтовать работникамъ сѣвернаго Стаффордшейра согласиться на назначеніе третейскаго суда; въ случаѣ отказа заводчиковъ отъ третейскаго суда, рѣшено было продолжать доставленіе денежныхъ вспомоществованій. Рабочіе сѣвернаго Стаффордшейра согласились принять рѣшеніе третейскаго суда, съ тѣмъ чтобы въ ожиданіи этого рѣшенія работа производилась по прежней, а не по уменьшенной платѣ. Заводчики же, услыхавши о томъ, что между рабочими идутъ толки о третейскомъ судѣ, тоже собрались на совѣщаніе и великодушно рѣшили предоставить разрѣшеніе спора третейскому суду. Но во-первыхъ, они для обезпеченія себя сами же предложили въ третейскіе судьи такихъ лицъ, какъ лорда Стенли, сына графа Дерби, графа Личфильда, губернатора граф-

ства Стаффордшейръ, лорда Эльхо, и тому подобныхъ: во-вторыхъ, они рѣшались опять принять къ себѣ въ ожиданіи рѣшенія суда своихъ прежнихъ рабочихъ не иначе, какъ по уменьшенной заработной платѣ; въ третьихъ, они требовали, чтобы рабочіе, принимаемые вновь на работу, обязались не поддерживать тѣхъ изъ своихъ собратьевъ, которые откажутся возобновить работу на этихъ условіяхъ. Явились, правда, и такіе друзья рабочихъ, которые утѣшали ихъ тѣмъ, что они получатъ уменьшенную плату только въ счетъ уплаты за работу ихъ въ ожиданіи разрѣшенія третейскаго суда: эта уменьшенная плата должна была остаться окончательною только на тотъ случай, когда третейскій судъ выскажется въ пользу заводчиковъ; въ противномъ же случаѣ имъ обѣщали выплатить послѣ рѣшенія третейскаго суда разность между уменьшенной задѣльной платой и тою, которой требовали рабочіе. Но тѣ, которые въ интересахъ рабочихъ такъ усердно хлопотали о посредничествѣ, упускали изъ виду то простое обстоятельство, что посредничество тогда только можетъ имѣть желанный успѣхъ, когда та и другая сторона пользуются одинаковыми политическими правами и когда законы страны суть произведеніе обѣихъ сторонъ, а не одной только изъ спорящихъ сторонъ. Слѣдовательно тѣ, которые уговаривали рабочихъ принять посредничество, нѣкоторымъ образомъ увлекали ихъ ложными обѣщаніями. Нѣкоторые изъ рабочихъ округовъ Англіи, не желая дольше подвергаться разнымъ лишеніямъ и бѣдствіямъ, согласились на всѣ условія, требуемыя заводчиками до третейскаго суда, и на основаніи этихъ условій принялись снова за работу. Но работники южнаго и сѣвернаго Стаффордшейра поняли, что въ предложеніи третейскаго суда на вышеизложенныхъ условіяхъ со стороны заводчиковъ заключается хитрость, и что тутъ имѣется въ виду исключительно только интересъ послѣднихъ. Они замѣчали весьма резонно, что, до рѣшенія спорнаго вопроса третейскимъ судомъ, долженъ оставаться status quo, существовавшій до возникновенія вопроса, а не тотъ порядокъ вещей, который былъ введенъ впослѣдствіи и который и подалъ поводъ къ самому столкновенію. На основаніи этого простого соображенія они требовали, чтобы работа была возобновлена не по уменьшенной цѣнѣ, а по прежней. Заводчики и слышать не хотѣли объ исполненіи этого требованія; они и сторонники ихъ обвинили рабочихъ въ упрямствѣ и въ умы-

шленномъ оттягиваніи окончанія спора, и работники обоихъ Стаффордшейровъ остались покуда безъ работъ. Но такъ какъ заводчики другихъ округовъ постановили непремѣннымъ условіемъ при пріемѣ вновь на службу прежнихъ своихъ работниковъ, чтобъ тѣ не помогали упорствующимъ, и такъ какъ они зорко слѣдили за исполненіемъ этого условія, то упорствовавшіе работники лишены были почти всякихъ средствъ къ существованію. Слѣдствіемъ этого было то, что, спустя нѣсколько недѣль, и работники южнаго Стаффордшейра подчинились требованіямъ своихъ хозяевъ. Затѣмъ къ концу апрѣля не принялись за работу одни только рабочіе сѣвернаго Стаффордшейра, которые не были удалены отъ работы хозяевами, но которые въ концѣ февраля мѣсяца сами прекратили работу, требуя отмѣны пониженной хозяевами ихъ заработной платы и настаивая на возвращеніи къ прежней платѣ. Когда работники всѣхъ остальныхъ заводовъ давно уже покорились заводчикамъ, они также нѣсколько уступили въ своихъ требованіяхъ и согласились получать по 10 шиллинговъ въ недѣлю, вмѣсто требуемыхъ ими въ началѣ $10^1/_2$ шиллинговъ. Но заводчики видѣли въ этомъ спорѣ не столько денежную борьбу, сколько борьбу принциповъ и требовали безусловной покорности и подчиненія ихъ условіямъ. Въ то же время терпѣніе работниковъ, отказавшихся отъ работы, начало истощаться, и случилось то, отъ чего друзья рабочихъ наиболѣе предостерегали ихъ, а именно нарушеніе общественнаго порядка и вмѣшательство въ дѣло мѣстныхъ полицейскихъ властей. Въ городкѣ Дьюсбери нѣкоторые изъ стакнувшихся работниковъ сдѣлали нападеніе на тѣхъ, которые вопреки даннаго ими обѣщанія принялись опять за работу безъ общаго согласія. Полиція вмѣшалась въ это дѣло и арестовала восемь человѣкъ рабочихъ, которые особенно дѣятельно участвовали въ происшедшей здѣсь свалкѣ: арестованные были обвинены въ употребленіи насилія для воспрепятствованія другимъ работникамъ работать и преданы суду. Тогда стаффордшейрскій комитетъ стачекъ обнародовалъ воззваніе къ рабочимъ, въ которомъ онъ приглашалъ ихъ не поддаваться внушеніямъ враговъ своихъ, не отступать отъ порядка и не покидать почвы законности. Но вмѣстѣ съ тѣмъ комитетъ скоро увидѣлъ невозможность долѣе продолжать борьбу, которую приходилось вести слишкомъ неровнымъ оружіемъ. Поэтому вслѣдъ за вышеупомянутымъ воззваніемъ его, въ концѣ

мая появилось другое, въ которомъ онъ объявлялъ рабочимъ сѣвернаго Стаффордшейра о невозможности продолжать борьбу при настоящихъ невыгодныхъ условіяхъ и приглашалъ ихъ возвратиться къ работѣ въ ожиданіи лучшихъ временъ. Работники послушались этого приглашенія и, скрѣпя сердце, рѣшились явиться къ своимъ прежнимъ хозяевамъ съ повинной головой и приняться за работу на предлагаемыхъ ими невыгодныхъ условіяхъ. Такимъ образомъ окончилась послѣ 13-ти недѣльнаго существованія стачка работниковъ на желѣзныхъ заводахъ сѣвернаго Стаффордшейра. И здѣсь, какъ и въ большей части подобныхъ случаевъ, неравная борьба между трудомъ и капиталомъ окончилась, какъ и слѣдовало ожидать, полною побѣдою послѣдняго надъ первымъ.

Іюнь. 1865 г.

ОГЮСТЪ КОНТЪ И ПОЗИТИВНАЯ ФИЛОСОФІЯ *).

I.

Въ первую половину нынѣшняго столѣтія, когда въ области западно-европейской мысли снова начиналась старая борьба между спиритуалистами и матеріалистами, между идеалистами и реалистами, такъ рѣзко подвинутая впередъ восьмнадцатымъ столѣтіемъ, во Франціи возникало особое философское ученіе, расходившееся во многомъ съ ученіями матеріалистовъ, но еще болѣе расходившееся съ ученіями идеалистовъ и спиритуалистовъ. Это новое ученіе явилось съ именемъ *позитивизма* или *позитивной философіи*. При жизни Огюста Конта, основателя этой новой системы, не только подробности, но и самое названіе ея были мало или вовсе незнакомы его соотечественникамъ и современникамъ. При жизни своей Контъ стоялъ почти въ совершенномъ одиночествѣ; число послѣдователей его было очень ограниченно, и ни одинъ изъ нихъ не пользовался особенною извѣстностью въ философскомъ мірѣ. Что же касается до авторитетовъ тогдашней французской философіи,

*) Cours de philosophie positive, par Auguste Comte, 2-me edition. 6 vol. 1864. — Auguste Comte et la philosophie positive, par E. Littré. 1863. — Notice sur l'oeuvre et sur la vie d'Auguste Comte, par le docteur Robinet. 1860. — Exposition abregée et populaire de la philosophie positive, par C. de Blignières. 1857.—Conservation, revolution et positivisme, par. E. Littré. 1852.—Essai critique sur la philosophie positive, par Ch. Pellarin. 1864. — The positive philosophy of Auguste Comte, freely translated and condensed by Harriett Martineau, in two volumes. 1853.—The positive philosophy of Auguste Comte, by J. S. Mill (Westminster Review, April, July, 1865). — August Comte und die französischen Positivisten, von Robert Springer (Deutsche Jahrbücher fur Politik und Litteratur, December, 1864) и пр.

какъ Ройе-Колларъ и ученики его, Кузенъ, Жуффруа и Гизо (поскольку онъ занимался философіей), то они всѣ, какъ закоренѣлые идеалисты, относились къ новому ученію свысока, съ презрѣніемъ и съ явнымъ нерасположеніемъ, хотя въ сущности большая часть тѣхъ французскихъ ученыхъ и философовъ, которые удостоивали новое ученіе своего вниманія, имѣли о немъ очень смутное понятіе. Одни смѣшивали позитивную философію съ тѣмъ, что обыкновенно разумѣется подъ именемъ матеріалистическаго ученія; такъ напр., Гизо, называлъ ее математическимъ матеріализмомъ. Другіе дѣлали еще болѣе грубую ошибку и приравнивали позитивизмъ къ сенъ-симонизму, очевидно основываясь только на томъ, что основатель позитивной философіи былъ нѣкоторое время въ близкихъ отношеніяхъ съ Сенъ-Симономъ; а между тѣмъ позитивизмъ во многихъ существенныхъ пунктахъ находится въ прямомъ противорѣчіи съ сенъ-симонизмомъ. Третьи видѣли въ позитивизмѣ ничто иное, какъ пересаженное на французскую почву ученіе ново-гегеліянцевъ (Nach-hegelianer). Четвертые, основываясь на нѣкоторыхъ сходныхъ чертахъ, утверждали, что ученіе Конта есть ничто иное, какъ повтореніе сенсуалистическихъ идей, высказанныхъ Локкомъ, Кондильякомъ, Кабанисомъ, и т. д.; утверждали, что его позитивная философія не представляетъ ничего новаго послѣ Кондильяковыхъ Essai sur l'origine des sciences humaines, Traité des systèmes и Traité des sensations, которыя написаны были въ опроверженіе метафизическихъ системъ, не основанныхъ на опытѣ. Только одному изъ самыхъ талантливыхъ послѣдователей Конта, извѣстному французскому ученому Эмилю Литтре, удалось нѣсколько разъяснить соотечественникамъ Конта настоящій смыслъ его ученія.

Позитивная философія, по опредѣленію Литтре, есть система, обнимающая все, что извѣстно о мірѣ, о человѣкѣ и о человѣческихъ обществахъ. Другими словами, позитивная философія есть совокупность человѣческаго знанія, расположеннаго въ извѣстной послѣдовательности, которая даетъ возможность понять точки соприкосновенія и даже единство его и вывести общіе законы для каждой отдѣльной области знанія и для цѣлаго. Она отличается отъ метафизичеекой философіи тѣмъ, что она однородна съ тѣми науками, отъ которыхъ она исходитъ, между тѣмъ какъ метафизика и наука совершенно разнородны, такъ что метафизика не мо-

жетъ ни давать направленіе наукамъ, ни получать отъ нихъ направленіе. Позитивная философія старается объяснить всѣ явленія міра на основаніи естественныхъ законовъ, а не на основаніи абстрактныхъ идей; она старается вывести общіе законы въ области космологіи, политики и морали изъ наблюденій надъ дѣйствительными явленіями, надъ ихъ послѣдовательностью и взаимною между собою связью, надъ условіями и обстоятельствами, при которыхъ они совершаются. Но она не занимается начальными и конечными причинами, потому что считаетъ ихъ недоступными, а изслѣдованіе ихъ безполезнымъ; она оставляетъ совершенно въ сторонѣ вопросы—*отчего* и *зачѣмъ*, и отыскиваетъ только разрѣшенія вопроса—*какимъ образомъ*, т. е. она старается отыскивать дѣйствительные законы всякаго рода явленій, ихъ дѣйствительныя отношенія между собою, ихъ послѣдовательность, условія и обстоятельства, при которыхъ они совершаются. Для того же, чтобы отыскивать законы, по которымъ совершаются всѣ міровыя явленія, позитивная философія не удаляется, подобно философіи метафизической, въ область абстрактнаго мышленія, но обращается къ изученію силъ, присущихъ матеріи, и условій, при которыхъ эти силы проявляются. Она исходитъ отъ той точки, что матерію нельзя себѣ представить отдѣльно отъ свойствъ или силъ ея, равно какъ свойствъ и силъ отдѣльно отъ матеріи.

Она не признаетъ другого рода явленій, кромѣ явленій естественныхъ, т. е. тѣхъ, которыя зависятъ отъ матеріи и свойствъ ея. Подобныя мысли высказываемы были еще за долго до Конта. Бэконъ, Декартъ, Галилей, Ньютонъ, Юмъ, Бентамъ и др. отрѣшались отъ изслѣдованія начальныхъ и конечныхъ причинъ явленій и настаивали на необходимости изученія положительныхъ законовъ природы. Но Контъ развилъ то, что у предшественниковъ его было только намекомъ; онъ построилъ цѣлую философскую систему на тѣхъ принципахъ, которые были высказываемы его предшественниками болѣе или менѣе мимоходомъ, такъ что не безъ нѣкотораго основанія можно назвать Огюста Конта основателемъ системы позитивной философіи, въ томъ видѣ, какъ она существуетъ теперь, со всѣми ея достоинствами и несовершенствами. Въ настоящей статьѣ мы имѣемъ цѣлью познакомить читателей нашихъ съ дѣятельностью Конта, замѣчательной и любопытной во многихъ отношеніяхъ. Если конечные результаты, къ какимъ пришелъ

Контъ подъ конецъ философской дѣятельности своей, и остались во многихъ отношеніяхъ неудовлетворительными, то это происходило, какъ мы надѣемся показать это, не отъ того, чтобы Контъ вышелъ изъ ложнаго основанія, а вслѣдствіе того, что Контъ не захотѣлъ остаться послѣдовательнымъ до конца; что онъ на пути своемъ отступилъ отъ избраннаго имъ направленія и добровольно вступилъ на ложный путь, который привелъ его къ ложнымъ во многихъ отношеніяхъ результатамъ. Но тѣмъ не менѣе дѣятельность этого человѣка въ области человѣческаго мышленія представляетъ явленіе въ высшей степени интересное и поучительное. Сначала мы представимъ краткій очеркъ жизни Конта въ тотъ періодъ его жизни, который соотвѣтствовалъ созданію системы позитивной философіи; потомъ мы займемся изложеніемъ этой системы; затѣмъ перейдемъ ко второй половинѣ жизни и дѣятельности Конта, которой онъ самъ и его горячіе поклонники придавали особенно важное значеніе, но которая по нашему мнѣнію менѣе замѣчательна и результаты которой гораздо менѣе удовлетворительны, нежели философская дѣятельность первой половины его жизни.

II.

Вся жизнь Конта, какъ и умственная дѣятельность его, раздѣляются, какъ мы сейчасъ сказали, на двѣ части, которыя рѣзко разграничиваются между собою. Въ первомъ и самомъ замѣчательномъ періодѣ его жизни, позитивная философія зарождается, развивается и выливается въ стройную систему; во второмъ же періодѣ мы видимъ попытку (и скажемъ заранѣе, попытку не слишкомъ удачную) создать при помощи результатовъ, добытыхъ позитивной философіей, новыя основы для морали, для соціальнаго и политическаго устройства человѣческаго общества.

Огюстъ Контъ родился въ 1798 году въ южной Франціи въ городѣ Монпелье. Родители его были ревностные католики и роялисты. Но отданный на десятомъ году отъ рожденія въ мѣстную школу, сынъ ихъ не подчинился вліянію симпатій и убѣжденій своихъ родителей, и умственное развитіе его приняло иное направленіе; уже на 15 году отъ роду мальчикъ сталъ выказывать нерасположеніе свое къ ультракатолическимъ и легитимистскимъ тен-

денціямъ родителей. 16 лѣтъ отъ роду онъ поступилъ въ политехническій институтъ и здѣсь, какъ прежде, занимался преимущественно математическими науками, хотя не пренебрегалъ также чтеніемъ сочиненій философскихъ и политическихъ; здѣсь же онъ познакомился и съ философіей XVIII-го столѣтія. Обстоятельства помѣшали ему окончить курсъ въ политехнической школѣ. Реставрированное королевское правительство смотрѣло неблагопріятно на это заведеніе, между учениками котораго преобладалъ республиканскій духъ. Поэтому оно воспользовалось въ 1816 году первымъ попавшимся предлогомъ и закрыло это заведеніе для тогдашнихъ воспитанниковъ его. 18-лѣтній Контъ, который въ это время поссорился также съ своимъ семействомъ и не получалъ отъ него никакого вспомоществованія, сталъ давать въ Парижѣ уроки математики. Около этого же времени онъ получилъ мѣсто домашняго секретаря у богатаго банкира и вліятельнаго члена парламентской оппозиціи, Казимира Перье, бывшаго впослѣдствіи министромъ іюльской монархіи. Однако политическія идеи Перье и Конта не сходились; Контъ позволилъ себѣ сдѣлать нѣсколько замѣчаній насчетъ политическихъ трудовъ будущаго министра; замѣчанія эти были приняты очень неблагосклонно и слѣдствіемъ всего этого было то, что, послѣ трехъ-недѣльнаго исправленія секретарской должности, Контъ оставилъ свои занятія у Перье. Одно время онъ думалъ переселиться въ Америку и занять тамъ мѣсто профессора математики; но этотъ проэктъ не состоялся, и Контъ остался въ Парижѣ и продолжалъ добывать себѣ средства къ существованію уроками. Въ это время онъ кромѣ своей спеціальности, математики, занимался изученіемъ космологіи, біологіи и исторіи, и по всѣмъ этимъ наукамъ пріобрѣлъ довольно основательныя знанія. Къ этому же времени, т. е. къ двадцати-лѣтнему его возрасту, относится знакомство его съ Сенъ-Симономъ, не оставшееся безъ нѣкотораго вліянія на дальнѣйшее развитіе Конта.

Познакомившись съ Сенъ-Симономъ, Контъ сталъ къ нему въ началѣ въ отношенія ученика, сотрудника и друга. Первымъ послѣдствіемъ сближенія этого для Конта было то, что отъ идей отрицательныхъ, критическихъ, революціонныхъ онъ перешелъ къ идеямъ положительнымъ, идеямъ созданія. Пребываніе его въ сенъ-симонистской школѣ составляло какъ бы переходъ его отъ

отрицательныхъ идей его молодости къ позитивной философіи. Впослѣдствіи, когда онъ разошелся съ Сенъ-Симономъ, онъ нерѣдко высказывалъ, и слѣпые приверженцы повторяли за нимъ то мнѣніе, что сношенія его съ Сенъ-Симономъ были для него несчастіемъ, и что этотъ послѣдній оказывалъ на него только вредное вліяніе. Но Литтре полагаетъ, что вліяніе Сенъ-Симона было не безполезно въ томъ отношеніи, что пріучило Конта не ограничиваться одною критическою стороною знанія, а стремиться къ опредѣленію положительныхъ законовъ. Сенъ-Симонъ пріучилъ Конта искать средствъ для устройства общества на прочныхъ основаніяхъ, хотя во взглядахъ на эти средства они разошлись впослѣдствіи. Хотя вліяніе, высказывавшееся въ такой формѣ, было въ сущности довольно незначительно; хотя въ высшей степени неправы тѣ, которые смѣшиваютъ идеи Конта съ сенъ-симонизмомъ и называютъ первыя вырожденіемъ послѣдняго; однако въ первомъ философскомъ трактатѣ Конта, появившемся въ свѣтъ въ 1822 году въ издаваемомъ Сенъ-Симономъ «Соціальномъ Договорѣ», вліяніе Сенъ-Симона выразилось довольно ясно. Сочиненіе это носило заглавіе: «Планъ трудовъ, необходимыхъ для пересозданія общества», и въ немъ высказаны были, хотя еще въ довольно неполномъ видѣ, главнѣйшія основанія будущей его соціологіи (науки объ обществѣ). Между тѣмъ, по прошествіи нѣсколькихъ лѣтъ, Контъ пришелъ къ тому убѣжденію, что Сенъ-Симонъ вовсе не философъ, и что онъ, какъ человѣкъ воображенія, а не спекулятивнаго ума, не въ состояніи додуматься до соціологическихъ законовъ, необходимость которыхъ уже вполнѣ сознаваема была Контомъ. Поэтому ученикъ, ушедшій дальше учителя, и учитель, не желавшій покинуть роль наставника и руководителя, не могли долѣе оставаться въ прежнихъ отношеніяхъ. Все чаще и чаще стали возникать между ними споры по разнымъ вопросамъ. Контъ довольно открыто высказался противъ проповѣдуемой Сенъ-Симономъ системы индустріализма. Наконецъ поправка, которую Сенъ-Симонъ сдѣлалъ къ одной изъ статей Конта безъ вѣдома и согласія послѣдняго, вызвала между ними окончательный разрывъ. Съ этихъ поръ Контъ по свойственной ему способности увлекаться и впадать въ крайности, сталъ относиться къ Сенъ-Симону съ особенною враждебностью, забывая то, чѣмъ онъ былъ обязанъ въ своемъ развитіи вліянію этого оригинальнаго мыслителя, съ

которымъ онъ пять лѣтъ находился въ самыхъ близкихъ отношеніяхъ.

Разставшись съ Сенъ-Симономъ, Контъ сталъ заниматься разработкой той обширной системы позитивной философіи, первые намеки на которую мы находимъ въ вышеприведенномъ его сочиненіи, изданномъ еще во время дружбы его съ Сенъ-Симономъ. Но этотъ трудъ его встрѣчалъ въ то время два довольно значительныя препятствія. Во-первыхъ, Контъ не былъ еще на столько подготовленъ по всѣмъ отраслямъ наукъ, какъ этого требовала задуманная имъ система; этотъ недостатокъ Контъ теперь дѣятельно старался пополнять, преимущественно изученіемъ историческихъ и политическихъ наукъ. Во-вторыхъ, Контъ находился въ очень стѣсненномъ матеріальномъ положеніи, которое увеличивалось отъ того, что онъ въ это время женился на дѣвушкѣ, не имѣвшей никакого состоянія. Контъ пробовалъ брать къ себѣ на домъ учениковъ и пансіонеровъ; но это дѣло не пошло. Тогда онъ принужденъ былъ отрываться на время отъ своихъ философскихъ занятій и заниматься публицистикой. Въ 1825 и 1826 годахъ онъ былъ сотрудникомъ издававшагося въ то время въ Парижѣ журнала «Производитель». Но мысль о тѣсной связи и о строгой послѣдовательности всѣхъ наукъ представлялась ему въ это время уже до того ясно, что онъ въ началѣ 1826 года задумалъ прочесть публичный курсъ, въ которомъ онъ съ одной стороны думалъ распространить свою научно-философскую систему, съ другой видѣлъ средство улучшить свое матеріальное положеніе. Этотъ курсъ долженъ былъ состоять изъ 72 лекцій, и въ немъ Контъ хотѣлъ изложить послѣдовательно и систематично философію отдѣльныхъ наукъ, на основаніи которыхъ онъ и думалъ построить свою позитивную философію. Программа этого курса, опубликованная Контомъ въ мартѣ 1826 года, была такова. Первыя двѣ лекціи—вступленіе, въ которомъ излагались цѣль и планъ всего курса. Затѣмъ 16 лекцій посвящались математикѣ; 30 лекцій—наукамъ, занимающимся неорганическими тѣлами, т. е. астрономіи, физикѣ и химіи; 24 лекціи посвящались наукамъ о тѣлахъ органическихъ, т. е. физіологіи и тому, что Контъ въ то время называлъ *общественной физикой*. Въ числѣ лицъ, записавшихся слушателями на эти публичныя чтенія молодаго философа, мы встрѣчаемъ имена Александра Гумбольдта, извѣстныхъ математиковъ

Пуансо, Бине и Фурье, физіолога Блэнвиля, докторовъ: Бруссе и Эскироля и др. Но въ это время Контъ прочелъ не болѣе трехъ лекцій изъ своего курса: чтенія его были прерваны умственною болѣзнью, которой онъ подвергся въ это время.

Умопомѣшательство Конта, по мнѣнію его друзей, произошло отъ чрезмѣрнаго напряженія мозговой дѣятельности, вызваннаго приготовленіями къ начатому имъ новому и нелегкому публичному курсу, и отъ сильнаго раздраженія, произведеннаго въ немъ новой ссорой съ сенъ-симонистами. Сначала его отдали въ заведеніе извѣстнаго психіатра Эскироля; но когда состояніе его здѣсь еще ухудшилось, жена его рѣшилась взять его домой и попробовать излечить его домашнимъ уходомъ. Это средство дѣйствительно удалось, и спустя немного болѣе года послѣ начала помѣшательства, Контъ уже совершенно выздоровѣлъ. Начиная съ 1827 года, онъ опять принялся за работу, занявшись впрочемъ на первый разъ исключительно только одною математикой. Но уже въ 1828 году онъ не побоялся написать статью о весьма щекотливомъ для него предметѣ: онъ написалъ разборъ книги Бруссе «О раздраженіи и безуміи». Въ томъ же 1828 году онъ могъ возобновить свои публичныя чтенія, прерванныя два года тому назадъ его болѣзнью; на этотъ разъ онъ счастливо довелъ до конца свой курсъ. Этими чтеніями, въ которыхъ мы можемъ видѣть эскизъ его позднѣйшей системы позитивной философіи, оканчивается, такъ сказать, приготовительный періодъ его жизни, и начинается собственно тотъ періодъ его умственной дѣятельности, который ознаменовался созданіемъ его системы.

Періодъ этотъ, оканчивающійся 1845 годомъ, наполненъ былъ созданіемъ и развитіемъ той философской системы, которая до сихъ поръ существовала въ видѣ зачатковъ. Прочитавши свой публичный курсъ, который, какъ мы сказали выше, представлялъ какъ бы эскизъ его философской системы, онъ принялся за изданіе капитальнаго своего труда «Системы позитивной философіи», надъ которымъ онъ трудился безъ всякихъ пробѣловъ и перерывовъ немнѣе 13-ти лѣтъ (съ 1829 до 1842 года). Этотъ огромный трудъ въ сущности есть ничто иное, какъ развитіе его прежнихъ размышленій и устныхъ изложеній. Медленность изданія этого труда объясняется съ одной стороны разными личными препятствіями; съ другой стороны, и притомъ главнымъ образомъ, трудностью самаго дѣла.

Его система позитивной философіи представляетъ ничто иное, какъ рядъ философій отдѣльныхъ наукъ, слѣдующихъ одна за другою въ извѣстномъ, строго-логическомъ порядкѣ. Понятно, что это было дѣломъ громадной трудности. Трудность эта увеличивается еще болѣе тогда, когда мыслителю приходится имѣть дѣло съ такимъ новымъ предметомъ, какимъ была, напр., въ двадцатыхъ и тридцатыхъ годахъ нынѣшняго столѣтія философія исторіи. Въ началѣ своего философскаго поприща Контъ полагалъ, что можно прямо приступить къ разрѣшенію той задачи, которую онъ поставилъ себѣ въ первомъ своемъ сочиненіи о главныхъ основахъ пересозданія общества. Но скоро онъ пришелъ къ тому убѣжденію, что прежде нежели приступить къ опредѣленію новыхъ законовъ для общественнаго устройства, нужно найти для нихъ прочное основаніе, которое бы дало имъ возможность устоять противъ всѣхъ нападеній и возраженій. Поэтому цѣлыхъ 16 лѣтъ своей философской дѣятельности онъ посвятилъ на то, чтобы на основаніи пріобрѣтенныхъ имъ научныхъ результатовъ создать позитивную философію, которая въ свою очередь должна была лечь въ основу задуманнаго имъ еще въ юности созданія новыхъ общественныхъ законовъ. Затѣмъ, когда этотъ приготовительный трудъ былъ наконецъ оконченъ, Контъ опять возвратился къ первоначальной точкѣ своего отправленія и занялся опредѣленіемъ новаго ученія о *морали*, которое по его мнѣнію должно было составить вѣнецъ его философской дѣятельности. Впослѣдствіи онъ называлъ первый періодъ своей философской дѣятельности огромнымъ вводнымъ предложеніемъ, которое онъ принужденъ былъ вставить между началомъ своей дѣятельности и концомъ ея. Однако это вводное предложеніе, какъ мы увидимъ ниже, и составляетъ главную заслугу Конта, такъ какъ его новая система морали, въ которой онъ видѣлъ вѣнецъ своей дѣятельности, далеко не соотвѣтствуетъ тому, что можно было ожидать, судя по тому основательному подготовленію, которымъ Контъ занимался въ теченіи цѣлыхъ 16 лѣтъ своей жизни и результатомъ котораго явился его курсъ позитивной философіи.— Здѣсь я изложу только содержаніе этого обширнаго труда его, такъ какъ къ разсмотрѣнію главныхъ началъ и значенія его я намѣренъ возвратиться впослѣдствіи, разсказавъ о главнѣйшихъ событіяхъ, относящихся къ этому періоду его жизни. Въ первомъ томѣ своего курса позитивной философіи Контъ излагаетъ сначала

цѣль и планъ своего труда и затѣмъ приступаетъ къ философіи математики; во второмъ томѣ онъ излагаетъ философію астрономіи и физики; въ третьемъ — философію химіи и біологіи. Остальные три тома посвящены тому, что онъ называетъ соціальной физикой. Въ четвертомъ томѣ сначала доказывается необходимость положительныхъ соціологическихъ законовъ; затѣмъ, сдѣлавши оцѣнку теологической и метафизической системъ, онъ излагаетъ существенныя, логическія и научныя основанія соціальной науки съ позитивной точки зрѣнія. Въ подтвержденіе началъ, изложенныхъ въ четвертомъ томѣ, Контъ представляетъ намъ въ пятомъ и шестомъ томѣ своего труда изложеніе хода политическаго, соціальнаго и философскаго развитія человѣчества, или философію исторіи; и кромѣ того излагаетъ въ концѣ шестаго тома необходимость новыхъ основаній общественнаго строя. Заключеніе это содержитъ въ себѣ зачатки развитой впослѣдствіи Контомъ «Системы позитивной политики», и составляетъ связь между обоими обширными трудами его.

Во второмъ періодѣ жизни Конта матеріальное положеніе его устроилось довольно удовлетворительнымъ образомъ, и во всякомъ случаѣ гораздо болѣе удовлетворительнымъ, нежели въ началѣ и въ концѣ его карьеры. Сначала онъ получилъ мѣсто репетитора теоретической механики въ политехническомъ институтѣ, а впослѣдствіи мѣсто экзаменатора при томъ же институтѣ; кромѣ того онъ давалъ уроки математики въ частномъ учебномъ заведеніи. Эти три должности требовали съ его стороны довольно усиленныхъ занятій; но они обезпечивали его матеріальное положеніе и оставляли ему вмѣстѣ съ тѣмъ достаточно свободнаго времени для его философскихъ занятій. Но Контъ былъ не доволенъ тою общественною ролью, которая выпала ему на долю, потому что онъ считалъ себя способнымъ къ роли гораздо болѣе значительной и важной. Это послужило поводомъ къ любопытнымъ сношеніямъ его съ Гизо, тогдашнимъ министромъ народнаго просвѣщенія во Франціи.

Въ концѣ 1832 года Контъ обратился къ министру, съ которымъ онъ былъ знакомъ еще прежде *), съ предложеніемъ осно-

*) Гизо, упоминая въ своихъ мемуарахъ о сношеніяхъ своихъ съ Контомъ, говоритъ, что когда Контъ обратился къ нему въ 1832 году, этотъ человѣкъ былъ совершенно неизвѣстенъ ему. Это утвержденіе невѣрно. Еще въ 1824

вать при Collége de France каѳедру всеобщей исторіи математическихъ и физическихъ наукъ. Сначала онъ сдѣлалъ это свое предложеніе въ устномъ изложеніи, которое Гизо называетъ въ своихъ мемуарахъ тяжелымъ и сбивчивымъ. Затѣмъ онъ написалъ по этому предмету длинную докладную записку, въ которой онъ говоритъ, что начало этому дѣлу положено было Кювье, начавшимъ подъ конецъ своей жизни курсъ исторіи естественныхъ наукъ. Но по мнѣнію Конта, Кювье, принявшись за это дѣло, перескочилъ важную ступень наукъ математическихъ и физическихъ; Контъ полагалъ, что при изложеніи исторіи человѣческаго знанія нужно было необходимо начать съ этого разряда наукъ, потому что онѣ являются первыми въ системѣ человѣческаго знанія и потому что однѣ эти науки достаточно разработаны. Поэтому Контъ и предлагалъ министру пополнить этотъ пробѣлъ въ системѣ французскаго образованія учрежденіемъ вышеозначенной каѳедры. Гизо, смотрѣвшій на Конта, какъ на чудака, отказалъ Конту въ его просьбѣ, которую тотъ впослѣдствіи еще нѣсколько разъ повторялъ въ своихъ письмахъ къ надменному, но ограниченному министру, «Если бы я счелъ нужнымъ, говоритъ Гизо въ своихъ мемуарахъ, создать подобную каѳедру, я конечно ни одну минуту не подумалъ бы о томъ, чтобы поручить ее Конту. Онъ мнѣ показался человѣкомъ простымъ, честнымъ, глубоко убѣжденнымъ и преданнымъ своимъ идеямъ, скромнымъ по наружности, но въ сущности въ высшей степени гордымъ, наконецъ человѣкомъ, который искренно вѣрилъ въ то, что онъ призванъ къ тому, чтобы открыть для человѣческаго духа и для человѣческаго общества новую эру. Мнѣ трудно было, когда я его слушалъ, не удивляться тому, что такой

году Контъ писалъ къ одному изъ своихъ друзей, что онъ продолжаетъ отъ времени до времени разсуждать съ Гизо, и что разсужденія эти вертятся преимущественно на раздѣленіи свѣтской власти отъ духовной, котораго Гизо никакъ не хотѣлъ признавать. При этомъ онъ между прочимъ высказалъ о Гизо слѣдующее мнѣніе: «Мнѣ кажется, если судить по г-ну Гизо, что многіе изъ тѣхъ людей, которые держали нѣкоторое время въ своихъ рукахъ власть, дѣлаются односторонни въ томъ отношеніи, что они не могутъ допустить возможность разсужденія объ управленіи обществомъ у тѣхъ людей, которые никогда не имѣли въ своихъ рукахъ власти. Мнѣ кажется, что тѣ, которые не свѣдущи въ наукахъ, не могутъ ясно понять рѣзкаго различія и взаимныхъ отношеній теоріи и практики, или духовной власти и свѣтской».

крѣпкій умъ не въ состояніи былъ понять природу и значеніе вопросовъ, которые онъ поднималъ, и что такой честный человѣкъ не могъ понять безнравственной фальшивости своихъ идей. Это впрочемъ составляетъ особенность математическаго матеріализма. Я даже не пытался вступать съ нимъ въ разсужденія и отвѣчалъ молчаніемъ на всѣ его письма, съ которыми онъ обращался ко мнѣ впослѣдствіи». Этотъ отказъ глубоко огорчилъ Конта, во-первыхъ, потому что онъ самымъ искреннимъ образомъ убѣжденъ былъ въ пользѣ подобнаго труда для общества. а во-вторыхъ, потому что тотъ родъ занятій, который онъ выпрашивалъ себѣ у министра, вполнѣ соотвѣтствовалъ его наклонностямъ и находился въ самой близкой связи съ предпринятымъ имъ въ то время большимъ философскимъ трудомъ. «Г. Гизо, писалъ Контъ послѣ отказа министра, говоритъ, что онъ поступилъ въ настоящемъ случаѣ по совѣту людей, мнѣнія которыхъ онъ уважаетъ; это значитъ въ переводѣ на обыкновенный языкъ, что онъ уступилъ вліянію котеріи софистовъ и риторовъ, которыми онъ окруженъ. Въ одномъ Парижѣ, т. е. въ Сорбоннѣ и въ Collège de France, существуютъ четыре каѳедры того, что оффиціально называютъ философіей; это значитъ, что четыре каѳедры эти имѣютъ назначеніемъ самое тщательное разсмотрѣніе мечтаній и заблужденій человѣческаго ума въ теченіи столѣтій. А между тѣмъ ни во Франціи, ни даже во всей Европѣ нѣтъ ни одного курса, который имѣлъ бы цѣлью объясненіе развитія и прогресса нашихъ реальныхъ познаній, какъ въ области позитивной философіи вообще, такъ и въ области отдѣльныхъ наукъ. Подобный фактъ отлично характеризуетъ нашу систему общественнаго образованія и тѣхъ государственныхъ людей нашихъ, которымъ поручено это дѣло». Замѣтимъ здѣсь кстати, что мысль о необходимости подобной каѳедры такъ укоренилась у Конта и его послѣдователей, что они впослѣдствіи еще не разъ возобновляли свою попытку ввести во Франціи изученіе исторіи наукъ. Въ 1846 г. Контъ обратился къ министру Сальванди съ такимъ же предложеніемъ, съ какимъ онъ 14 лѣтъ тому назадъ обращался къ Гизо; только теперь онъ говорилъ уже о каѳедрѣ «*Всеобщей исторіи позитивныхъ наукъ*», а не только исторіи наукъ математическихъ и физическихъ. Во время республиканскаго правительства 1848 г. Литтре обратился къ министру народнаго просвѣщенія Волабеллю съ предложеніемъ основать каѳедру фило-

софской исторіи наукъ и поручить эту каѳедру Конту. Но объ эти попытки не имѣли ни малѣйшаго успѣха.

Мы видѣли уже изъ отзыва Конта о причинахъ, побудившихъ по его мнѣнію Гизо къ отказу на сдѣланное ему Контомъ предложеніе, что Контъ былъ очень невысокаго мнѣнія о тѣхъ ученыхъ, которыхъ онъ называлъ оффиціальными философами, софистами и риторами. Дѣйствительно, между большею частью ученаго міра Франціи и Контомъ существовали самыя недружелюбныя отношенія. Въ началѣ своей философской дѣятельности Контъ находился въ дружественныхъ сношеніяхъ со многими изъ тогдашнихъ ученыхъ знаменитостей Франціи: люди, какъ Пуансо, Фурье (математикъ), Бруссе, Блэнвиль, открыто высказывали свое одобреніе предпринятому имъ въ то время курсу позитивной философіи и заявляли о томъ, что они были поражены новостью идей, высказанныхъ молодымъ философомъ. Но послѣ этого перваго успѣха философія Конта не вызывала въ ученомъ мірѣ ни малѣйшей симпатіи и прокладывала себѣ дорогу медленно и съ усиліемъ; большею же частью ученые или относились къ ней съ презрительнымъ молчаніемъ, или же встрѣчали ее насмѣшками и оскорбленіями. Контъ и послѣдователи его объясняли эти отношенія тѣмъ, что оффиціальные и академическіе ученые видѣли въ наукѣ только дѣло узкаго личнаго интереса. «Метафизики и эмпирики, говорилъ онъ, захвативши въ свои руки монополію науки, заботятся единственно о томъ, чтобы удержать за собою эту монополію, и составляютъ въ сущности ничто иное, какъ корпорацію, ревниво устраняющую все, что могло бы принести ущербъ ея привилегіи». Въ этомъ взглядѣ Конта на оффиціальную науку во Франціи было конечно много справедливаго. Понятно также, что тѣ цеховые ученые, которыхъ онъ такъ рѣзко выставлялъ жадными монополистами, не могли питать особенной симпатіи къ новому ученію и основателю ея, произносившему смертный приговоръ надъ метафизикой и надъ устарѣлыми, схоластическими научными методами, которые въ то время находили во французской академіи еще слишкомъ много приверженцевъ и защитниковъ. Одинъ изъ самыхъ ревностныхъ приверженцевъ Конта, докторъ Робине, объясняетъ нерасположеніе французской академіи къ Конту еще тѣмъ, что тамъ имѣли преобладающее вліяніе математики, которые неблаговолили къ Конту за то, что въ общей системѣ наукъ онъ назна-

чилъ математикѣ самую низкую ступень, самую подчиненную роль, сравнительно съ соціологіей. Можетъ быть, и въ этомъ объясненіи есть доля справедливости, и можетъ быть, дѣйствительно академическая рутина и педантическая гордость играли нѣкоторую роль во враждѣ цеховыхъ ученыхъ къ Конту. Какъ бы то ни было, но академія встрѣтила съ нерасположеніемъ и даже съ ненавистью новое ученіе и предала его анаѳемѣ. Контъ горько жаловался, что академическіе враги его составили противъ него «заговоръ молчанія», и что вслѣдствіе соглашенія ихъ западно-европейская и въ особенности французская пресса положительно не хотѣли говорить объ его дѣятельности. Но если здѣсь и не было заговора, то во всякомъ случаѣ не подлежитъ сомнѣнію тотъ фактъ, что цеховые ученые Франціи и остальной Европы изъ нерасположенія къ новому ученію ни словомъ не упомянули о немъ, такъ что долгое время и во Франціи и въ остальной континентальной Европѣ великій трудъ, предпринятый Контомъ, былъ чрезвычайно мало извѣстенъ даже по имени. Только въ 1844 году, когда изъ Англіи стали приходить во Францію извѣстія о Контѣ *), Франція узнала о трудѣ Конта. Въ то время членъ французскаго института, извѣстный ученый, литераторъ и публицистъ, Эмиль Литтре, сдѣлавшійся впослѣдствіи однимъ изъ главныхъ истолкователей философской и моральной стороны ученія Конта, сталъ помѣщать въ «Насьоналѣ» рядъ статей, въ которыхъ онъ знакомилъ французскую публику съ позитивизмомъ **). Но тогда цеховые ученые академіи отнеслись къ враждебной имъ позитивной наукѣ съ насмѣшками и съ самой пристрастной критикой. Нерасположеніе оффиціальныхъ ученыхъ Франціи сильно вредило Конту и въ отношеніи его матеріальнаго положенія. Мы упоминали уже выше о томъ, что въ то время, когда Контъ работалъ надъ своей «Системой позитивной философіи», онъ имѣлъ мѣсто репетитора и экзаменатора при политехническомъ институтѣ. Эти мѣста онъ получилъ, благодаря покровительству друзей своихъ изъ прежней эпохи, Фурье, Навье, Пуансо, Блэнвиля. Но когда первые двое умерли, Блэнвиль и Пу-

*) Въ Англіи въ то время изученіемъ системы Конта и пропагандированіемъ его ученія занялись уже Дж. Ст. Милль, миссъ Мартино и сэръ Давидъ Брьюстеръ. Объ отношеніи ихъ къ Конту мы будемъ говорить дальше.

**) Впослѣдствіи эти статьи были собраны въ одинъ томъ и изданы подъ общимъ заглавіемъ: Conservation, revolution et positivisme, par. E. Littré.

ансо не были въ состояніи съ успѣхомъ отстаивать Конта противъ нападокъ ученой корпораціи. Хотя онъ оказался очень хорошимъ репетиторомъ и экзаменаторомъ, хотя ученики его любили и оказывали у него отличные успѣхи, ученая корпорація упорно отказывалась дать Конту мѣсто профессора въ политехническомъ институтѣ. Три раза открывались вакансіи, три раза Контъ хлопоталъ о мѣстѣ профессора, ссылаясь на практическія свои занятія и на теоретическія заслуги—но каждый разъ старанія его оставались тщетными, и профессорская каѳедра доставалась другому. Еще менѣе французская академія хотѣла принять Конта въ число своихъ членовъ; она отказалась даже выслушать его письма и докладныя записки. Наконецъ Конту стала даже угрожать опасность лишиться самаго главнаго средства къ существованію—мѣста экзаменатора. Контъ впрочемъ отчасти самъ былъ виноватъ во всѣхъ этихъ неудачахъ, потому что онъ постоянно надоѣдалъ всѣмъ своими жалобами на претерпѣваемыя имъ несправедливости, причемъ онъ не щадилъ своихъ дѣйствительныхъ и мнимыхъ враговъ, осыпая ихъ самыми горькими упреками. Множество докладныхъ записокъ и писемъ, съ которыми онъ обращался къ разнымъ оффиціальнымъ лицамъ, къ друзьямъ и знакомымъ своимъ, наполнены этими жалобами, претензіями и упреками. Наконецъ онъ прибѣгнулъ къ весьма странной выходкѣ. Издавая въ 1842-мъ году послѣдній томъ своей системы позитивной философіи, Контъ написалъ, въ видѣ предисловія къ этому тому, весьма оригинальное обращеніе къ публикѣ, въ которомъ онъ излагалъ ей всю непріятность и непрочность своего положенія, объяснялъ причины своихъ несчастій, т. е. вражду къ нему ученыхъ метафизиковъ; и въ заключеніе дѣлалъ публику какъ бы третейскимъ судьею между нимъ и ученой корпораціей Франціи, приглашая публику принять его сторону и настоять на томъ, чтобы его оставили въ покоѣ. Эта оригинальная выходка Конта объясняется тѣмъ, что въ то время, когда онъ оканчивалъ большое философское сочиненіе свое, ему была вдвойнѣ досадна непрочность и зависимость его положенія; онъ думалъ гарантировать себя противъ всякихъ случайностей, и это желаніе побудило его прибѣгнуть къ этой странной апелляціи. Друзья его были сильно встревожены этой выходкой, потому что предвидѣли дурныя послѣдствія, которыя она будетъ имѣть для Конта; но самъ онъ остался очень

доволенъ ею и ждалъ отъ нея всего хорошаго. Однако ожиданія его нисколько не сбылись. Совѣтъ политехнической школы, выбиравшій ежегодно экзаменаторовъ, былъ оскорбленъ этой попыткой интимидаціи, этой попыткой косвенно вліять на его выборъ. Уже въ первые выборы, послѣдовавшіе за опубликованіемъ знаменитаго предисловія, совѣтъ политехнической школы выказалъ къ нему сильное нерасположеніе, и онъ съ трудомъ былъ выбранъ; а полтора года спустя Контъ дѣйствительно былъ забаллотированъ, подъ предлогомъ излишней строгости его при экзаменахъ (этотъ упрекъ былъ однако же совершенно несправедливъ, потому что ученики политехнической школы, которые могли быть самыми компетентными судьями въ этомъ дѣлѣ, очень любили Конта и вовсе не считали его слишкомъ строгимъ). Во всю эту эпоху своей жизни Контъ былъ сильно встревоженъ, жаловался, хлопоталъ и т. д. Когда же все это оказалось напраснымъ, и онъ лишился мѣста экзаменатора и вмѣстѣ съ тѣмъ большей половины своихъ доходовъ, еще болѣе усилились жалобы его на людскую несправедливость, на ограниченность такъ названной имъ «педантократіи». Горько жаловался Контъ на плачевную судьбу тѣхъ, которые, не имѣя никакого состоянія, желаютъ произвести реформу въ области человѣческаго мышленія. Сначала у него явилась даже странная мысль напечатать всю исторію удаленія своего отъ должности и апеллировать такимъ образомъ къ публикѣ; но впослѣдствіи онъ оставилъ свое намѣреніе. Причина, которая заставила его отказаться отъ этой новой странной выходки, заключалась въ томъ, что въ это время онъ получилъ неожиданную денежную помощь со стороны трехъ англичанъ, почитателей его философіи. Дж. Ст. Милль, который въ это время былъ уже съ нимъ въ дружеской перепискѣ, узнавши о затруднительности его положенія, предложилъ ему свои услуги. Контъ не хотѣлъ воспользоваться обязательнымъ предложеніемъ Милля, но высказалъ ему при этомъ случаѣ, что онъ не прочь былъ бы принять субсидію отъ людей, которые были бы послѣдователями его философской системы и имѣли бы достаточныя денежныя средства. Милль устроилъ дѣло такимъ образомъ, что Конту взялись помочь трое изъ его почитателей въ Англіи. Это были: Гротъ, извѣстный банкиръ и историкъ Греціи, Молесвортъ, основатель Вестминстерскаго Обозрѣнія, издатель сочиненій Гоббеса, парламентскій радикалъ и министръ пуб-

личныхъ работъ въ министерствѣ Абердина, и еще нѣкто Райксъ Кэрри. Субсидія, которую они доставили Конту, дала ему возможность окончить первый большой философскій трудъ его и приняться за второй—«Систему позитивной политики». Контъ былъ настолько наивенъ, что вздумалъ принять временную субсидію за постоянную. Онъ серьезнымъ образомъ доказывалъ въ своихъ письмахъ къ Миллю, что онъ, авторъ новой философіи, имѣетъ право жить на общественный счетъ, и что общество точно такъ же обязано поддерживать своихъ учителей, какъ оно поддерживаетъ свое духовенство и свое правительство.

Придумавши подобное разрѣшеніе вопроса о положеніи ученаго въ обществѣ, Контъ отказался отъ работы въ англійскихъ періодическихъ изданіяхъ, которую предлагалъ ему Милль, подъ тѣмъ предлогомъ, что подобная работа мѣшала бы предпринятому имъ большому труду. А между тѣмъ вышеназванные три англичанина смотрѣли на это дѣло нѣсколько иначе, нежели Контъ, и вовсе не думали платить ему постояннаго жалованья. Слѣдствіемъ отказа ихъ было охлажденіе между Миллемъ, который оправдывалъ образъ дѣйствій своихъ друзей, и Контомъ, который упрекалъ ихъ въ равнодушіи и сравнивалъ ихъ образъ дѣйствій съ поведеніемъ относительно него французскихъ ученыхъ властей. Матеріальное положеніе его оставалось по прежнему весьма стѣсненнымъ, и эта стѣсненность увеличивалась отъ того, что онъ долженъ былъ платить ежегодную пенсію своей женѣ, съ которою разошелся за нѣсколько времени передъ этимъ. Онъ жилъ съ своею женою цѣлыхъ 18 лѣтъ, и какъ кажется, всегда въ добромъ согласіи. Впослѣдствіи, когда онъ находился въ постоянномъ состояніи раздраженія, онъ говаривалъ, что жестоко ошибся, соединившись съ этою женщиною, и что она не только не была для него опорой и утѣшеніемъ, но что напротивъ, она причинила ему множество непріятностей и огорченій; и горячіе поклонники его изъ угожденія къ нему не разъ повторяли впослѣдствіи обвиненія противъ жены его и сѣтовали на судьбу, которая соединила ихъ вмѣстѣ и заставила Конта прожить столько лѣтъ съ недостойной его женщиной. Но по всѣмъ видимостямъ, подтверждаемымъ также свидѣтельствомъ самого безпристрастнаго изъ біографовъ Конта, Литтре, жена его была женщина очень достойная. Гораздо натуральнѣе объяснить взаимное охлажденіе ихъ тѣмъ обстоятельствомъ,

что при оригинальныхъ взглядахъ Конта на женщину (о которыхъ мы будемъ говорить впослѣдствіи), отношенія его къ женѣ были таковы, что послѣдняя не могла не оскорбляться ими; она высказывала ему это, а въ немъ это вызывало досаду и раздраженіе. Ближайшимъ поводомъ къ окончательной размолвкѣ ихъ было все то же несчастное предисловіе къ 6-му тому его философіи, о которомъ мы говорили выше. Жена совѣтовала ему не печатать этого предисловія и доказывала ему все неблагоразуміе подобнаго поступка. Контъ, по своей раздражительности и подозрительности, счелъ эти совѣты и эти представленія за переходъ жены его на сторону враговъ, и вслѣдствіе этого отношенія ихъ стали до того невыносимыми, что г-жа Контъ рѣшилась совершенно разстаться съ своимъ мужемъ.

При такихъ обстоятельствахъ Контъ окончилъ первый великій трудъ свой «Систему позитивной философіи». Послѣ того онъ написалъ еще элементарное сочиненіе по аналитической геометріи и популярную астрономію. Онъ собирался также приступить ко второму большому труду своему, «Системѣ позитивной политики». Но между окончаніемъ изданія перваго изъ его большихъ сочиненій и началомъ изданія втораго прошло цѣлыхъ три года, которые потребны были ему для обдумыванія его позитивной политики, и во время этого трехъ-лѣтняго періода, составляющаго промежутокъ между двумя главными періодами его дѣятельности, въ нашемъ философѣ совершился значительный умственный переворотъ, который придалъ уже совершенно иной характеръ его позднѣйшей дѣятельности. Но объ этомъ предметѣ мы будемъ говорить послѣ. Теперь же мы остановимся на результатахъ 13-ти-лѣтней философской дѣятельности Конта, добытыхъ имъ во время перваго періода его дѣятельности, и всмотримся поближе въ созданную имъ систему позитивной философіи *).

*) Замѣтимъ здѣсь кстати, что Контъ очень сожалѣлъ о томъ, что ему для обозначенія его системы приходилось употреблять слово *философія*, которымъ, какъ онъ говоритъ, такъ много злоупотребляли для весьма разнообразныхъ обозначеній. Онъ объявилъ въ предисловіи къ своему труду, что онъ употребляетъ слово философія въ томъ смыслѣ, который придавали ему древніе, т. е. для обозначенія всеобщей системы человѣческихъ знаній. Приданный къ этому слову эпитетъ *позитивный* долженъ былъ, по его мнѣнію, еще точнѣе опредѣлить то понятіе, которое онъ придалъ слову философія, и сдѣлать невозможнымъ всякое недоразумѣніе или ложное толкованіе.

II.

Основная идея позитивной философіи состоитъ въ томъ, что она обобщаетъ теоріи отдѣльныхъ наукъ, и на основаніи этихъ частныхъ теорій, частныхъ философій наукъ, строитъ общую систему, представляющую совокупность человѣческаго знанія. Она, какъ мы говорили уже выше, тѣмъ отличается отъ предшествующихъ ей философій теологической и метафизической, что она однородна съ тѣми науками, которыя легли въ основаніе ея, между тѣмъ какъ теологія и метафизика разнородны съ ними. По теологическому представленію (самой первоначальной формѣ мышленія) явленія міра управляются не неизмѣнными законами, вслѣдствіе которыхъ извѣстныя причины непремѣнно должны производить извѣстныя послѣдствія, а волею существъ дѣйствительныхъ или воображаемыхъ; это вело къ обоготворенію силъ природы. Тотъ образъ мышленія, который Контъ называетъ метафизическимъ, приписываетъ явленія природы не личнымъ волямъ, но абстрактнымъ силамъ, олицетвореннымъ отвлеченностямъ, которыя присущи разнымъ существамъ и которыя считаются способными производить сами собою всѣ замѣчаемыя явленія. Наконецъ, позитивный методъ мышленія, какъ онъ принимается Контомъ, исходитъ отъ того основанія, что всѣ явленія міра безъ исключенія управляются неизмѣнными законами. По замѣчанію Конта, отъ нашей способности предвидѣть явленія и отъ способности контролировать ихъ зависитъ переходъ нашъ отъ первыхъ двухъ методовъ мышленія къ третьему. Въ тѣхъ явленіяхъ, которыхъ мы по современному состоянію науки неспособны предвидѣть и контролировать, мы прибѣгаемъ къ первымъ двумъ методамъ объясненія явленій; въ явленіяхъ же, которыя доступны нашему предвидѣнію (напр., восходъ и заходъ солнца, и вообще большая часть явленій астрономическихъ), теологическій и метафическій методъ объясненія уже не имѣютъ мѣста. Сдѣлавши различіе между этими тремя методами мышленія, Контъ полагаетъ, что человѣческія представленія вообще должны были непремѣнно проходить черезъ эти три фазиса, и что метафизическій образъ мышленія составляетъ какъ бы переходъ отъ теологическаго представленія къ позитивному. Такимъ образомъ Контъ вполнѣ признаетъ историческую законность этихъ двухъ методовъ и въ исторіи развитія человѣ-

ческаго мышленія даетъ довольно почетное мѣсто теологическому и метафизическому методамъ, которые, по его мнѣнію, были необходимыми ступенями къ достиженію метода позитивнаго.

Слѣдующіе три пункта составляютъ главную основу позитивнаго метода мышленія и главное отличіе его отъ двухъ другихъ. Во-первыхъ, позитивная философія, въ отличіе отъ другихъ философскихъ методовъ, отказывается отъ изслѣдованія начальныхъ и конечныхъ причинъ, т. е. того, что въ метафизикѣ называется абсолютомъ; всѣ ея изслѣдованія и свѣдѣнія имѣютъ совершенно относительный характеръ. Во-вторыхъ, обращая вниманіе исключительно только на силы и свойства матеріи, позитивная философія отдѣляетъ абстрактъ отъ конкрета. Она раздѣляетъ науки на абстрактныя и конкретныя. Къ первымъ она относитъ тѣ науки, которыя занимаются законами, управляющими элементарными явленіями природы; ко вторымъ тѣ науки, которыя занимаются частными комбинаціями въ области существующихъ явленій (напр., физику, химію, физіологію, позитивисты относятъ къ абстрактнымъ наукамъ, а минералогію, зоологію, ботанику — къ конкретнымъ). Въ третьихъ, позитивная философія установляетъ извѣстную послѣдовательность и іерархію абстрактныхъ наукъ, которая вытекаетъ изъ тѣхъ условій, при которыхъ мы изучаемъ природу.

«Созерцая совокупность того, что называется природой, говоритъ Литтре, мы замѣчаемъ три группы, рѣзко отдѣляющіяся другъ отъ друга. Первую группу, которую мы назовемъ группой математико-физической, составляютъ силы и свойства физическія съ ихъ численными, геометрическими и механическими условіями. Вторую группу составляютъ силы и свойства химическія съ молекулярными явленіями; третью группу съ ея жизненными силами мы назовемъ органическою. Эти группы нельзя размѣщать въ иномъ порядкѣ: органическая группа предполагаетъ первыя двѣ; химическая группа предполагаетъ физическую; только эта послѣдняя ничего не предполагаетъ. Вотъ тотъ порядокъ, который сама природа указываетъ философіи и который Контъ называетъ іерархіей наукъ». Основываясь на этихъ соображеніяхъ, основываясь на томъ соотношеніи, которое существуетъ между разнородными явленіями, Контъ классифицировалъ науки сообразно съ степенью сложности явленій и расположилъ науки въ такой по-

слѣдовательности, что каждая наука зависитъ отъ истинъ, выработанныхъ предшествующими ей науками, съ прибавленіемъ нѣкоторыхъ новыхъ истинъ, свойственныхъ собственно ей *).

Приступая къ систематизаціи всѣхъ доселѣ извѣстныхъ абстрактныхъ и конкретныхъ наукъ, Контъ замѣчаетъ въ началѣ, что самая общая и самая важная идея, вытекающая изъ совокупности человѣческаго знанія, заключается въ томъ, что міровой порядокъ въ одно и то же время неподвиженъ и измѣняемъ: неподвиженъ въ основныхъ началахъ, измѣняемъ по обстоятельствамъ, сопровождающимъ явленія. При одинаковыхъ обстоятельствахъ и явленія должны быть постоянно одинаковы; если явленія не схожи между собою, то это доказываетъ, что обстоятельства не были одинаковы. И въ этомъ послѣднемъ случаѣ, т. е. при неодинаковости обстоятельствъ, между различными явленіями существуютъ постоянныя, неизмѣнныя отношенія, связующія различіе явленій съ различіемъ обстоятельствъ и дозволяющія заключать отъ послѣднихъ къ первымъ и наоборотъ. Эта неизмѣнность соотношенія между обстоятельствами и явленіями называется закономъ; это и заставляетъ позитивистовъ говорить, что въ мірѣ все совершается по точнымъ, неизмѣннымъ законамъ, что всякаго рода явленія подчинены постояннымъ соотношеніямъ послѣдовательности и сходства. Легче всего это доказать на явленіяхъ простыхъ, труднѣе на явленіяхъ болѣе сложныхъ.

Сдѣлавши подобное опредѣленіе мірового порядка, позитивная философія говоритъ, что цѣль всей человѣческой науки должна состоять въ томъ, чтобы узнать, въ чемъ этотъ порядокъ неизмѣненъ, и въ чемъ измѣняемъ, другими словами, она должна стремиться къ познанію законовъ явленій, къ познанію возможныхъ измѣненій въ явленіяхъ, зависящихъ отъ этихъ законовъ, и къ познанію средствъ, при помощи которыхъ можно производить эти

*) Одинъ изъ критиковъ системы позитивной философіи, Пелларенъ, замѣтилъ, что какъ ни остроумна подобная классификація наукъ, однако мысль ея принадлежитъ не Конту, а учителю его Сенъ-Симону. На это можно замѣтить, во 1-хъ, что у Сенъ-Симона находятся такія темныя и такъ слабо мотивированныя указанія на этотъ предметъ, что по справедливости слѣдуетъ считать Конта основателемъ этой классификаціи; а во 2-хъ, что Контъ не удовольствовался сопоставленіемъ въ извѣстномъ іерархическомъ порядкѣ отдѣльныхъ наукъ, а создалъ на основаніи этой послѣдовательности цѣлую систему позитивной философіи.

измѣненія. Но поставивши подобную цѣль для науки, говорятъ позитивисты, нужно обратить особенное вниманіе на одно чрезвычайно важное обстоятельство, которое различные мыслители, въ теченіе различныхъ вѣковъ, какъ бы нарочно старались оставлять незамѣченнымъ. Недостаточно разграничить извѣстное отъ неизвѣстнаго; нужно умѣть также отдѣлить то, что можетъ быть узнано, отъ того, что не можетъ быть узнаваемо, т. е. отъ такихъ вопросовъ, которые недоступны человѣческому мышленію, которые допускаютъ только воображаемое разрѣшеніе, и разрѣшеніе которыхъ послѣ трехъ-тысяче-лѣтнихъ усилій не подвинулось впередъ ни на шагъ. Подобные неразрѣшимые вопросы представляютъ вопросы о начальныхъ и конечныхъ причинахъ, вообще стремленіе къ абсолютнымъ познаніямъ; они заключаются однимъ словомъ въ вопросѣ *зачѣмъ*. По мнѣнію же позитивистовъ разрѣшеніе вопроса *какимъ образомъ* вполнѣ можетъ удовлетворить умъ человѣка.

Оставивши слѣдовательно въ сторонѣ то, что не можетъ быть узнаваемо, позитивная философія занимается тѣмъ, что доступно познанію; доступное познанію въ свою очередь раздѣляется на вѣдомое и невѣдомое и распредѣлено между всѣми существующими науками. Для того, чтобы умъ человѣческій не потерялся въ массѣ человѣческаго знанія, добытаго тысячелѣтіями, позитивная философія даетъ въ руки мыслителю слѣдующее руководящее правило: всѣ человѣческія познанія находятся и должны находиться въ будущемъ времени въ зависимости отъ небольшаго числа основныхъ наукъ (наукъ абстрактныхъ), которыя такъ сцѣплены между собою, что онѣ въ сущности представляютъ ничто иное, какъ различныя части одного цѣлаго. Для того, чтобы дойти до этого руководящаго правила, Контъ долженъ былъ найти сначала отличительный характеръ основныхъ наукъ. Затѣмъ онъ долженъ былъ связать эти науки между собою, т. е. найти точки соприкосновенія и существующее между ними сцѣпленіе. Результатомъ было то, что позитивная философія признаетъ существованіе семи позитивныхъ наукъ, число которыхъ, по мнѣнію позитивистовъ, теперь уже опредѣлено навсегда, потому что онѣ обнимаютъ всѣ возможные разряды явленій. Эти семь основныхъ наукъ—науки абстрактныя и отличаются отъ наукъ конкретныхъ, которыя занимаются не общими явленіями, присущими всѣмъ или многимъ тѣ-

ламъ (какъ, напр., тяготѣніе, теплота и пр.), а частными явленіями, присущими однороднымъ тѣламъ. Семь наукъ эти располагаются въ слѣдующемъ порядкѣ: математика, астрономія, физика, химія, біологія, соціологія или наука объ обществѣ, и наконецъ позитивная мораль.

Сцѣпленіе этихъ наукъ и этотъ іерархическій порядокъ ихъ проистекаетъ отъ взаимныхъ отношеній тѣхъ явленій, которыми онѣ занимаются. Явленія тѣмъ болѣе общи, чѣмъ большему количеству вещей они присущи, или чѣмъ чаще случаи, при которыхъ они проявляются и могутъ быть наблюдаемы. Очевидно, что трудность изученія явленій возрастаетъ по мѣрѣ того, какъ уменьшается ихъ общность; изъ этого въ свою очередь слѣдуетъ, что изученіе болѣе сложныхъ, т. е. менѣе общихъ явленій требуетъ знанія по крайней мѣрѣ основныхъ законовъ, относящихся къ простымъ явленіямъ, и по необходимости должно на нихъ опираться. И дѣйствительно, науки, занимающіяся болѣе сложными явленіями, никогда не могли возникнуть иначе, какъ послѣ установленія основныхъ началъ наукъ, относящихся къ простымъ явленіямъ. Порядокъ возникновенія наукъ можно считать также порядкомъ дальнѣйшаго движенія и развитія ихъ. Чѣмъ сложнѣе наука, тѣмъ позднѣе она возникаетъ, потому что она тѣмъ больше требуетъ вспомогательныхъ знаній, и тѣмъ ниже та степень совершенства, на которой она находится въ настоящее время. Каждая изъ основныхъ наукъ, по мнѣнію Конта, должна пройти сначала черезъ два первоначальные фазиса мышленія, прежде нежели получить характеръ позитивный. Чѣмъ сложнѣе наука, тѣмъ далѣе она отъ позитивнаго характера и тѣмъ болѣе въ ней проявляются теологическій и метафизическій методы мышленія; напротивъ, чѣмъ проще изучаемыя явленія, тѣмъ скорѣе выводимые изъ нихъ законы получаютъ характеръ позитивный и тѣмъ скорѣе они теряютъ характеръ теологическій и метафизическій. Этимъ закономъ обусловливается іерархическая послѣдовательность семи основныхъ наукъ, признаваемыхъ позитивною философіей. Цѣль позитивной философіи состоитъ въ томъ, чтобы на основаніи частныхъ фактовъ, составляющихъ необходимый матеріалъ науки, открыть въ извѣстномъ порядкѣ и въ извѣстной послѣдовательности общіе факты или законы, которымъ подчиняются явленія математическія, астрономическія, физическія, химическія, біологическія

и соціологическія, и притомъ законы, имѣющіе для каждаго разряда явленій свой особый характеръ и находящіеся въ извѣстной гармоніи съ соотвѣтствующими имъ явленіями. Отсюда проистекаютъ семь различныхъ разрядовъ законовъ. (Замѣтимъ здѣсь кстати, что чѣмъ менѣе общи и чѣмъ сложнѣе явленія, тѣмъ выше и тѣмъ важнѣе, по мнѣнію позитивистовъ, законы, вытекающіе изъ изученія этихъ явленій; такимъ образомъ позитивная философія придаетъ особенно важное значеніе законамъ соціологическимъ). Изъ совокупности всѣхъ этихъ законовъ слагается міровой порядокъ. Оставивши покуда въ сторонѣ то, что Контъ называетъ позитивной моралью, я изложу здѣсь вкратцѣ взаимное сцѣпленіе и послѣдовательность шести позитивныхъ наукъ, а также исходныя точки, значеніе и главныя свойства каждой изъ этихъ наукъ, какъ все это понимается позитивистами.

Въ серіи основныхъ наукъ первое мѣсто занимаетъ математика, имѣющая дѣло съ самыми простыми явленіями, съ явленіями, относящимися къ числу, къ пространству и движенію. Эта наука, по словамъ Конта, тѣмъ отличается отъ всѣхъ другихъ наукъ, что она съ самаго начала своего существованія вышла изъ теологическаго періода мышленія; но нельзя сказать, чтобы на ней не остались нѣкоторые слѣды метафизическаго періода, напр., она признаетъ отрицательные знаки, воображаемыя величины, безконечно великое и безконечно малое. Но тѣмъ не менѣе наука эта раньше всѣхъ приняла позитивный характеръ, и въ ней позитивный характеръ выражается особенно ясно. Математика, по опредѣленію Конта, имѣетъ цѣлью опредѣленіе величинъ одна другою по точнымъ, существующимъ между ними отношеніямъ. Эти точныя отношенія между величинами суть законы явленій числовыхъ и пространственныхъ. Значитъ, задача математическихъ наукъ распадается на двѣ части: во 1-хъ, изъ изученія явленій нужно найти постоянныя отношенія ихъ или законы; эта часть задачи оканчивается, какъ скоро открытъ законъ явленія. Вторая часть задачи начинается тамъ, гдѣ оканчивается первая, и состоитъ въ томъ, что на основаніи добытыхъ законовъ отыскиваются неизвѣстныя величины. Первая часть задачи математики, состоящая въ отысканіи законовъ явленій пространства и движеній, составляетъ предметъ геометріи и механики; вторая, болѣе абстрактная часть математики занимается исключительно числами и неизвѣстными

величинами и составляетъ собственно предметъ вычисленія или математическаго анализа: она заключаетъ въ себѣ ариѳметику, алгебру, дифференціальное и интегральное исчисленія.

На астрономіи болѣе чѣмъ на математикѣ замѣтны всѣ три фазиса, черезъ которые проходили взгляды человѣчества на явленія, составляющія предметъ изученія этой науки: сначала не только движенія небесныхъ тѣлъ приписывались богамъ, но и самыя тѣла эти считались богами; потомъ явленія, сюда относящіяся, объяснялись метафизическимъ путемъ; такъ, напр., сферическое движеніе небесныхъ тѣлъ объяснялось стремленіемъ природы къ совершенствованію, такъ какъ кругъ составляетъ самую удобную форму движенія, по которой и движутся предоставленныя самимъ себѣ небесныя тѣла. Даже Кеплеръ не могъ отрѣшиться отъ подобныхъ фантазій; метафизическій періодъ астрономической науки прекратился только съ Ньютономъ, открывшимъ реальные физическіе законы движенія небесныхъ свѣтилъ. Слѣдствіемъ этого было то, что астрономія стала теперь самой позитивной наукой, болѣе позитивной, чѣмъ математика, которая, какъ замѣчено было выше, не совсѣмъ еще отрѣшилась отъ нѣкоторыхъ метафизическихъ представленій.—Контъ указываетъ на то, что астрономія, не смотря на позитивный характеръ, не смотря на существованіе ея въ видѣ отдѣльной, и даже основной науки, есть въ сущности ничто иное, какъ безпрерывное примѣненіе математической науки. Объ эти науки до того тѣсно связаны, что даже самыя важныя и самыя трудныя математическія теоріи созданы были для астрономическихъ потребностей. Развитіе одной изъ нихъ постоянно зависѣло отъ развитія другой; очевидно слѣдовательно, что астрономія должна слѣдовать непосредственно за математикой въ ряду позитивныхъ наукъ. Эта тѣсная зависимость этихъ двухъ наукъ есть слѣдствіе отличительнаго характера, которымъ небесныя тѣла разнятся отъ другихъ, изучаемыхъ нами тѣлъ, и который налагаетъ особую печать на астрономическую науку. Отличительный характеръ этотъ состоитъ въ томъ, что существованіе ихъ обнаруживается для насъ посредствомъ одного только чувства зрѣнія, и что только посредствомъ этого чувства мы можемъ познавать и изучать ихъ. Зрѣніе же позволяетъ намъ замѣчать только геометрическія явленія, т. е. явленія, относящіяся къ величинѣ, формѣ и положенію ихъ, и механическія явленія, т. е. явленія, относя-

щіяся къ передвиженію ихъ;—изученіе тѣхъ и другихъ явленій требуетъ примѣненія законовъ математики. Согласно съ двумя разрядами явленій, которыя мы можемъ наблюдать въ небесныхъ тѣлахъ, т. е. явленій, относящихся къ величинѣ, формѣ и положенію этихъ тѣлъ, и явленій, относящихся къ движенію ихъ, и астрономія, подобно математикѣ, раздѣляется на двѣ части: небесная геометрія и небесная механика, и послѣдняя часть основывается на первой.—Что касается до средствъ, при помощи которыхъ астрономія выводитъ изъ явленій извѣстные законы, то однимъ изъ средствъ являются, какъ и въ математикѣ, логическія соображенія; но, кромѣ того, тутъ необходимо еще новое средство—наблюденіе. Контъ считаетъ однако же первое изъ этихъ средствъ болѣе важнымъ, такъ какъ оно даетъ возможность расширить, сдѣлать болѣе точнымъ и наконецъ дополнять наблюденіе. Изложивши такимъ образомъ соображенія свои о предметѣ астрономической науки и о методахъ изученія ея, Контъ переходитъ къ историческому изложенію развитія обѣихъ частей ея. Сначала онъ излагаетъ главныя основанія небесной геометріи въ томъ видѣ, какъ ее понимали древніе; потомъ онъ переходитъ къ новѣйшимъ представленіямъ о небесной геометріи, объясняетъ законы Кеплера и примѣненіе ихъ къ геометрическому изученію небесныхъ тѣлъ; затѣмъ, переходя къ небесной механикѣ, онъ касается вопроса о тяготѣніи и излагаетъ общія начала позитивной космогоніи, которая, разумѣется, очень разнится отъ космогоніи теологической и метафизической, и въ которой главными агентами являются тяготѣніе и теплота.

Во взглядахъ человѣчества на явленія, относящіяся къ области физики, метафизическій методъ мышленія всегда игралъ и отчасти еще играетъ до сихъ поръ чрезвычайно важную роль. Явленія этого рода объяснялись разными отвлеченными силами и наклонностями природы. То хотѣли объяснить, напр., явленія природы тѣмъ, что она стремится къ совершенству, то тѣмъ, что она боится пустоты, то тѣмъ, что каждое тѣло стремится занять натуральное свое мѣсто, то тѣмъ, что природа не дѣлаетъ скачковъ, и т. д. Позитивный методъ изученія физики, по мнѣнію Конта, долженъ окончательно уничтожить эти слѣды метафизическаго метода.—Въ то время какъ математика и астрономія занимаются только явленіями, относящимися къ формѣ и движенію, явленіями

доступными только нашему зрѣнію, явленіями, на столько независимыми отъ другихъ явленій, что они могутъ быть разсматриваемы совершенно самостоятельно, физика занимается тѣми общими явленіями, которыя представляются намъ въ тѣлахъ, когда они доступны и другимъ нашимъ чувствамъ, а не одному только зрѣнію. Физика изучаетъ общія свойства тѣлъ; здѣсь подъ словомъ свойство слѣдуетъ разумѣть совокупность однородныхъ и слѣдовательно принадлежащихъ одному классу явленій. Физика слѣдуетъ за математикой и зависитъ отъ нея, потому что явленія, которыя она изучаетъ, зависятъ отъ явленій, относящихся къ формѣ и къ движенію. При современномъ состояніи этой науки, говоритъ Контъ, она обнимаетъ пять разрядовъ явленій: явленія тяжести, теплоты, свѣта, звука и электричества. Сообразно съ этимъ онъ раздѣляетъ на 5 отдѣловъ ту часть своего труда, въ которой онъ отыскиваетъ законы, управляющіе этими явленіями. При сложности физическихъ изысканій, которая значительно превосходитъ сложность изысканій математическихъ и астрономическихъ, нельзя бы ожидать удовлетворительныхъ результатовъ, если бы увеличеніе препятствій не было вознаграждено въ извѣстной степени увеличеніемъ средствъ изысканія. Наблюденіе получаетъ здѣсь гораздо большее примѣненіе, потому что мы можемъ употреблять при этомъ всѣ наши чувства. Но самымъ дѣйствительнымъ вспомогательнымъ средствомъ физики является опытъ: при его помощи тѣла подвергаются вліянію искусственныхъ обстоятельствъ, что дозволяетъ наблюдать за тѣмъ, какое вліяніе каждое изъ этихъ обстоятельствъ, взятое отдѣльно, имѣетъ на тѣла. Кромѣ наблюдательнаго и экспериментальнаго метода, физика пользуется еще методомъ гипотетическимъ. Этотъ методъ состоитъ въ томъ, что въ тѣхъ случаяхъ, когда слишкомъ трудно открыть предметъ изысканій, т. е. законъ явленія, его воображаютъ извѣстнымъ и потомъ повѣряютъ, точно ли было сдѣлано предположеніе. Необходимое условіе всякой хорошей гипотезы состоитъ въ томъ, чтобы она допускала точную повѣрку. Для этого необходимо, чтобы она предполагала законъ, а не начальную или конечную причину; потому что въ послѣднемъ случаѣ, гипотеза, желая разрѣшить вопросы неразрѣшимые, должна привести только къ безконечнымъ разсужденіямъ, не принося наукѣ никакой положительной пользы; подобныя гипотезы наука должна безусловно отстранять. Послѣ этихъ

общихъ соображеній Контъ излагаетъ главные законы тѣхъ пяти отдѣловъ физики, которые у него обозначены названіями барологіи, термологіи, оптики, акустики и электрологіи.

Математика изучаетъ въ тѣлахъ ихъ форму и движеніе, физика тѣ общія свойства тѣлъ, которыя присущи имъ до тѣхъ поръ, пока не измѣняется составъ этихъ тѣлъ. Но всѣ тѣла въ природѣ могутъ, при извѣстныхъ обстоятельствахъ, дать мѣсто явленіямъ сложенія или разложенія, т. е. слагаться съ другими тѣлами или разлагаться на составныя части свои, смотря по тому, простыя ли они тѣла, или сложныя. Изученіе этого новаго разряда явленій составляетъ предметъ химіи, которую Контъ тоже причисляетъ къ числу наукъ основныхъ или абстрактныхъ. Если же химія до сихъ поръ еще не вполнѣ вступила въ тотъ позитивный фазисъ, который собственно начинается съ трудовъ Лавуазье, то, по мнѣнію Конта, это происходитъ отъ того, что на ней еще съ слишкомъ большою силою отражается метафизическій методъ, который заставляетъ тѣла соединяться вслѣдствіе какого-то химическаго сродства и т. п. Контъ полагаетъ, что оставивши въ сторонѣ абстрактные, схоластическіе пріемы для объясненія химическихъ явленій, оставивши въ сторонѣ всякія изслѣдованія и объясненія причинъ химическихъ явленій, нужно изыскивать только законы химическаго соединенія и разложенія тѣлъ. Исходя сначала отъ простыхъ тѣлъ, свойства которыхъ узнаются прямымъ и экспериментальнымъ изученіемъ, и основываясь на томъ правилѣ, что извѣстныя обстоятельства производятъ всегда извѣстные результаты, химія, въ силу раціональнаго предвидѣнія, должна указывать на свойства сложныхъ тѣлъ первой степени. Потомъ она рядомъ новыхъ законовъ переходитъ къ свойствамъ сложныхъ тѣлъ второй степени и т. д. Такимъ образомъ химія, исходя отъ свойствъ простыхъ тѣлъ, можетъ заключать о свойствахъ тѣхъ сложныхъ тѣлъ, которыя слагаются изъ простыхъ тѣлъ. Отыскать законы, которые позволяли бы ей сдѣлать эти заключенія, изучить способность тѣлъ входить въ такія-то или въ такія-то комбинаціи—вотъ задача химіи, исполненіе которой очень важно для разрѣшенія вопросовъ, относящихся къ органическимъ явленіямъ и къ естественной исторіи земнаго шара, а также для промышленныхъ операцій.

Самое опредѣленіе явленій, которыми занимается химія, и цѣли

ея показываетъ, что эта наука болѣе сложна, нежели физика, и должна слѣдовать послѣ нея. Для того, чтобы обнаружились химическія свойства тѣлъ, необходимо содѣйствіе большаго числа обстоятельствъ, вслѣдствіе чего эти явленія гораздо менѣе доступны наблюденію человѣка. Кромѣ того, никакое химическое явленіе не можетъ имѣть мѣста безъ извѣстныхъ физическихъ явленій; почти всякое явленіе подчинено вліянію тяжести, теплоты, электричества, вообще агентовъ физическихъ; поэтому невозможно раціональное изученіе химіи безъ предварительнаго изученія явленій и законовъ физики. Вмѣстѣ съ усложненіемъ явленій и самыя средства изслѣдованія значительно усложняются при переходѣ отъ астрономіи и физики къ химіи. Въ астрономіи мы наблюдаемъ только при помощи одного чувства; въ физикѣ чувства слуха и осязанія присоединяются при изслѣдованіяхъ къ чувству зрѣнія; въ химіи къ нимъ присоединяется еще чувства вкуса и обонянія, которыя играютъ чрезвычайно важную роль при химическихъ наблюденіяхъ. Опытъ имѣетъ при химическихъ изслѣдованіяхъ тоже немаловажное значеніе. Но особенно важное значеніе при химическихъ изслѣдованіяхъ имѣетъ способъ анализа, который состоитъ въ нахожденіи простыхъ тѣлъ, изъ которыхъ состоитъ анализируемое вещество, и въ опредѣленіи ихъ свойствъ. Не послѣднюю роль играетъ также синтетическій методъ изслѣдованія, который, въ противоположность анализу, состоитъ въ возсозданіи предполагаемаго вещества изъ простыхъ тѣлъ. Оба эти способа служатъ взаимной повѣркой другъ для друга: невозможность произвести возсоединеніе сложнаго вещества изъ простыхъ тѣлъ по необходимости заставляетъ предполагать, что анализъ былъ невѣренъ.— Контъ признаетъ нераціональнымъ раздѣленіе химіи на неорганическую и органическую. Вмѣсто этого дѣленія онъ принимаетъ въ своемъ трудѣ другое раздѣленіе: сначала онъ занимается изученіемъ свойствъ простыхъ тѣлъ, потомъ изслѣдованіемъ законовъ образованія и свойствъ сложныхъ тѣлъ первой степени (состоящихъ изъ простыхъ тѣлъ); затѣмъ онъ переходитъ къ законамъ образованія и свойствамъ тѣлъ втораго порядка (составленнымъ изъ сложныхъ тѣлъ перваго порядка), третьяго порядка и т. д. до самыхъ сложныхъ тѣлъ.

Наука, непосредственно слѣдующая за химіей въ системѣ позитивной философіи, біологія, по мнѣнію Конта, до сихъ поръ еще

упорно придерживается разныхъ метафизическихъ пріемовъ при объясненіи явленій, сюда относящихся. Схоластическія объясненія біологическихъ явленій посредствомъ жизненныхъ элементовъ, пластическихъ силъ и т. п. до сихъ поръ еще не вымерли. Германская физіологическая школа Окена, или возобновленный во Франціи анимизмъ Сталя, столь же метафизичны, какъ и ученіе Гегеля. А между тѣмъ эти метафизическія объясненія Контъ считаетъ столько же нелѣпыми, какъ и вредными, потому что они придаютъ біологическимъ изслѣдованіямъ фальшивое направленіе, заставляя изслѣдователей отыскивать одну причину сложныхъ явленій тамъ, гдѣ ихъ безъ сомнѣнія нѣсколько. Но несмотря на существованіе до настоящаго времени ложныхъ метафизическихъ пріемовъ при объясненіи біологическихъ явленій, эта наука, по мнѣнію Конта, вступила въ позитивный фазисъ еще съ начала нынѣшняго столѣтія, когда Биша сдѣлалъ основное различіе между питательною или растительною и собственно животною жизнью и когда онъ отнесъ свойства органовъ къ общимъ законамъ, вытекающимъ изъ состава ихъ тканей. Между всѣми веществами, составляющими матерію, говоритъ Контъ въ опредѣленіи предмета и цѣли біологіи, одни, въ отличіе отъ другихъ, имѣютъ кромѣ общихъ имъ всѣмъ свойствъ еще то свойство, что они могутъ жить. Такъ, при извѣстныхъ условіяхъ, кислородъ, водородъ, углеродъ и азотъ *организуются* и живутъ, что не можетъ, напр., случиться съ сѣрою, хлоромъ, іодомъ и т. п. Это производитъ новый разрядъ явленій, находящихся въ тѣсной связи съ явленіями прежде разсмотрѣнныхъ наукъ и подчиненныхъ извѣстнымъ законамъ. Разсмотрѣніе этихъ явленій и изслѣдованіе этихъ законовъ и составляетъ предметъ и цѣль біологіи.—Что касается до характера біологическихъ явленій, то характеръ этотъ очевидно химическій, потому что явленія эти состоятъ въ безпрерывномъ разложеніи и сложеніи. Но существенное различіе біологическихъ явленій отъ химическихъ состоитъ въ томъ, что послѣднія имѣютъ характеръ временной, а первые характеръ постоянный; отсюда и проистекаетъ постоянное продолженіе и возобновленіе органическаго состоянія.—Весьма любопытно видѣть, какимъ образомъ Контъ, еще въ тридцатыхъ годахъ нынѣшняго столѣтія, относился къ явленіямъ чувства и мысли и объяснялъ связь ихъ съ біологическими законами. — Самыя высшія органическія свойства, говорилъ онъ,

мысли и чувства, имѣютъ основаніемъ, исходною точкою расти тельное существованіе, выражающееся въ питаніи и выдыханіи, которое всякое живое существо производитъ въ соотвѣтствующей средѣ. Каковы бы ни были прежде иллюзіи первобытныхъ вѣрованій и каковы бы ни были они во многихъ случаяхъ еще и въ настоящее время, наблюденіе всегда показывало, что вездѣ, гдѣ матеріальный составъ оставался неизмѣннымъ, не было никогда ни малѣйшаго слѣда чувствительности, а слѣдовательно и мысли или ощущеній. Во всѣхъ существахъ, которыя кромѣ растительной жизни проявляютъ еще такъ называемую животную жизнь, проявленія этой послѣдней клонились всегда къ тому, чтобы избавить это существо отъ неблагопріятныхъ вліяній, или давать ему возможность подчинить ему окружающій его міръ. Всѣ животныя, даже тѣ, которыя стоятъ на высшей ступени, говоритъ Контъ, думаютъ и дѣйствуютъ только для того, чтобы поддержать свое существованіе.—Идея жизни, объясняетъ далѣе Контъ, предполагаетъ два необходимыхъ элемента: соотвѣтствующій организмъ и соотвѣтствующую среду, причемъ это послѣднее слово слѣдуетъ принимать въ самомъ обширномъ значеніи этого слова. Отъ взаимодѣйствія этихъ двухъ элементовъ происходятъ всѣ жизненныя явленія, растительныя и животныя. Задача біологіи поэтому состоитъ въ томъ, чтобы установить по возможно меньшему количеству законовъ точную научную гармонію между этими элементами и этою совокупностью явленій, которую мы называемъ жизнью. Анатомія, разлагающая и разсматривающая отдѣльныя части организма, физіологія, разлагающая и изслѣдующая условія существованія въ окружающей средѣ, представляютъ ничто иное, какъ двѣ стороны одного и того же изслѣдованія. Будучи поставленъ въ извѣстныя обстоятельства, извѣстный организмъ долженъ всегда дѣйствовать опредѣленнымъ образомъ, и наоборотъ, то же самое дѣйствіе не можетъ быть произведено различными организмами при различныхъ обстоятельствахъ. Поэтому и въ біологіи по агенту можно заключить о дѣйствіи, и наоборотъ по дѣйствію объ агентѣ. Такъ какъ среда всегда предполагается уже извѣстною, вслѣдствіе знакомства съ другими основными науками, то слѣдуетъ только сначала изслѣдовать органъ, а потомъ уже дѣлать заключенія о законѣ, управляющемъ явленіями, замѣчаемыми въ этомъ органѣ, при извѣстной внѣшней обстановкѣ; другими словами, біо-

логія должна стремиться къ тому, чтобы давать возможность предвидѣть, какъ будетъ дѣйствовать при извѣстныхъ обстоятельствахъ опредѣленный организмъ, или какимъ органическимъ состояніемъ могло быть вызвано извѣстное дѣйствіе.—Итакъ позитивистское опредѣленіе біологіи не отдѣляетъ собственно физіологіи отъ анатоміи; ни та ни другая немыслимы одна безъ другой.—По общему опредѣленію біологіи, говоритъ Контъ, очевидно, что эта наука должна стараться ввести постоянную гармонію между анатомическою и физіологическою точками зрѣнія не только для одного, но для всѣхъ организмовъ. Однако изученіе человѣка должно всегда господствовать въ общей системѣ этой науки, какъ относительно точки отправленія ея, такъ и относительно ея цѣли. Всякій другой организмъ мы должны изучать только для того, чтобы получить необходимыя свѣдѣнія для точнаго познанія этого высшаго типа.

Что касается до послѣдовательности наукъ, то очевидно, что жизненныя явленія гораздо сложнѣе, нежели явленія, свойственныя матеріи, находящейся въ состояніи инерціи. Всѣ разряды явленій содѣйствуютъ произведенію жизненныхъ явленій; нельзя изучать органическія существа, отрѣшившись отъ явленій формы, движенія, тяжести, теплоты, химическихъ соединеній и т. п., которыя они представляютъ. Отсюда слѣдуетъ, что біологія по необходимости должна быть основана на совокупности неорганическихъ наукъ и слѣдовать послѣ нихъ въ порядкѣ раціональнаго изложенія различныхъ отраслей позитивнаго знанія. Что касается далѣе до средствъ изслѣдованія, то кромѣ наблюдательнаго и экспериментальнаго методовъ изслѣдованія, которыми біологія не отличается отъ физики и химіи, біологія пользуется еще ей однимъ свойственнымъ способомъ изслѣдованія—патологическимъ изслѣдованіемъ, такъ какъ изученіе болѣзненныхъ явленій организма немало облегчаетъ для насъ знакомство съ нормальнымъ состояніемъ его (какъ разумѣется и наоборотъ). Но особенную важность для біологіи имѣетъ тотъ методъ изслѣдованія, который извѣстенъ подъ именемъ сравнительнаго метода. Сравнительный методъ можетъ быть примѣняемъ посредствомъ изслѣдованія различныхъ частей одного организма, посредствомъ изслѣдованія различныхъ фазисовъ развитія одного и того же организма, и въ особенности посредствомъ сравненія различныхъ разрядовъ живыхъ существъ. Сравнитель-

ный методъ имѣетъ, по замѣчанію Конта, такое же значеніе при изученіи біологіи, какое въ математикѣ имѣетъ аналитическій методъ, посредствомъ котораго въ аналогическихъ случаяхъ отдѣляется то, что обще всѣмъ имъ, отъ тѣхъ особенностей и спеціальностей, которыя свойственны каждому изъ отдѣльныхъ случаевъ. Опредѣливши исходную точку и цѣль науки о жизни, указавши на сложность явленій ея, но вмѣстѣ съ тѣмъ и на большія вспомогательныя средства, которыми она располагаетъ, Контъ переходитъ къ разсмотрѣнію особенности и сцѣпленія различныхъ частей ея. Сначала, абстрактное изученіе организма должно раздѣлиться на статику и динамику, смотря по тому, отыскиваются ли законы организаціи или жизни; отсюда происходитъ раздѣленіе біологіи на анатомію и физіологію. Во вторыхъ, статическая біологія или анатомія должна быть подраздѣлена на двѣ существенныя части, стотря по тому, разсматриваетъ ли она составъ и устройство каждаго отдѣльнаго организма, или она производитъ сравнительныя изслѣдованія надъ всѣми знакомыми организмами. Такимъ образомъ мы получимъ три вѣтви біологической науки: общую анатомію, сравнительную анатомію и физіологію. Всѣ эти три части должны слѣдовать одна за другою въ вышеназванномъ порядкѣ: ясно, что можно сравнивать между собою только извѣстные организмы, и что поэтому общая анатомія должна предшествовать сравнительной; нужно также узнать устройство организма, прежде нежели приступить къ изслѣдованію отправленій его — слѣдовательно, оба вида анатоміи должны быть изучены прежде физіологіи. Наконецъ, въ различныхъ отрасляхъ біологіи теорія растительной жизни должна всегда предшествовать теоріи животной жизни, потому что эта послѣдняя, какъ болѣе спеціальная и сложная, предполагаетъ по необходимости первую. Изученіе біологіи заканчивается изученіемъ устройства и отправленія человѣческаго организма, какъ организма самаго высшаго порядка.

Таковы были взгляды на біологію въ томъ видѣ, какъ они изложены были Контомъ въ 3-мъ томѣ его «Системы позитивной философіи», писанномъ въ 1836 и 1837 году. Съ тѣхъ поръ біологическая наука сильно подвинулась впередъ, и нѣкоторыя изъ мыслей, высказанныхъ тогда Контомъ, кажутся теперь нѣсколько устарѣлыми. Но все-таки онъ и при обработкѣ этой науки выказалъ замѣчательную силу и ясность ума, и нельзя не признать

того, что грѣша въ подробностяхъ, его біологическая теорія въ главныхъ основахъ своихъ не противорѣчитъ выводамъ біологической науки, выработаннымъ впослѣдствіи изслѣдованіями многихъ первостепенныхъ ученыхъ. Но потомъ, во второмъ періодѣ своей жизни, когда Контъ вообще вступилъ на ложный путь научнаго изслѣдованія, онъ во многомъ измѣнилъ свои взгляды и на біологію, и во многомъ затемнилъ тѣ ясныя біологическія понятія, которыя изложены были имъ въ его курсѣ позитивной философіи.

Обратимся теперь къ послѣдней, наиболѣе интересной и самой важной части системы позитивной философіи, къ той части, которой самъ Контъ и всѣ его послѣдователи придавали особое значеніе—къ такъ называемой соціологіи, или наукѣ о человѣческомъ обществѣ. До сихъ поръ Контъ, въ стремленіи своемъ создать общую научную систему, создать философію тѣхъ наукъ, которыя, по его мнѣнію, составляютъ основу человѣческаго знанія, имѣлъ дѣло съ болѣе или менѣе готовымъ матеріаломъ: существенныя основанія математики, астрономіи, физики, химіи, даже біологіи были уже установлены, и Конту предстоялъ только трудъ—конечно трудъ важный и нелегкій—сдѣлать общіе выводы изъ накопленнаго матеріала и указать на главные моменты развитія, на основные принципы и на сцѣпленіе всѣхъ разсматриваемыхъ имъ основныхъ наукъ. Но его научная система была бы неполна, если бы въ нее не вошла наука о человѣческомъ обществѣ, т. е. соціологія. Для полноты и послѣдовательности его научной системы, Конту нужно было построить соціологію на тѣхъ же основахъ, на которой построены были имъ остальныя науки. До того времени ходячая исторія имѣла всего чаще характеръ описательный и литературный, а не научный; исторія разсказывала факты и явленія, но объясняла ихъ или еще по теологическому или по чисто метафизическому способу. Для того, чтобы сдѣлать изъ исторіи настоящую науку, нужно было примѣнить къ историческимъ явленіямъ позитивный методъ изслѣдованія, отрѣшившись отъ метафизическихъ предразсудковъ; нужно было доказать, что исторія есть такая же раціональная и позитивная наука, какъ астрономія и физика, химія и біологія; нужно было доказать, что историческія явленія находятся въ тѣсной связи съ явленіями другихъ порядковъ и составляютъ вмѣстѣ съ ними одну общую систему; нужно было доказать, что истори-

ческія и соціальныя явленія, не смотря на ихъ сложность и подвижность, представляютъ однако же натуральныя и постоянныя отношенія и что они, подобно всѣмъ другимъ явленіямъ, подчинены правильному порядку, основные законы котораго неподвижны; нужно было доказать, что извѣстные, точные законы управляютъ дѣйствіями отдѣльнаго человѣка и человѣчества, взятаго коллективно, и что поэтому историческія явленія точно также могутъ быть предвидѣны, какъ и всякаго другаго рода явленія.

Нельзя конечно сказать, чтобы до Огюста Конта не была сознаваема эта необходимость найти точные законы для объясненія историческихъ явленій и чтобы не было сдѣлано попытокъ отыскать эти законы. Но несомнѣнно то, что въ системѣ Конта всего полнѣе созрѣли зародыши соціологической системы, которую другіе угадывали только по частямъ и не вполнѣ. Ученики Конта и вообще позитивисты видятъ приготовленіе выводовъ Конта въ трудахъ Макіавелли, Боссюэта, Монтескьё, Вико, Гердера, Юма, Бентама, Сенъ-Симона, Тюрго, Канта и Кондорсе. Литтре обращаетъ особенное вниманіе на попытки трехъ послѣднихъ ученыхъ найти соціологическіе законы. Тюрго, написавшій около половины прошлаго столѣтія сочиненіе «О постоянномъ развитіи человѣческаго ума», указывалъ въ этомъ сочиненіи на то, что всѣ историческія эпохи находятся въ тѣсной связи между собою и что дѣятельность одного поколѣнія не имѣетъ характера случайности, но вытекаетъ изъ дѣятельности другихъ, предшествовавшихъ ему поколѣній. Онъ первый указалъ также на постепенный переходъ человѣчества отъ теологическихъ и метафизическихъ понятій къ позитивнымъ. Но у него все это явилось только уединенной идеей, намекомъ на исторію человѣческаго развитія; дальше этого намека онъ не пошелъ. Кантъ написалъ (въ 1784 году) брошюру, въ которой онъ признавалъ исторію явленіемъ естественнымъ, подчиненнымъ правильному развитію. Сочиненіе это носитъ заглавіе: «Идея всеобщей исторіи съ точки зрѣнія человѣчества» (впрочемъ Контъ познакомился съ этимъ сочиненіемъ уже послѣ того, какъ онъ печатно высказалъ свое мнѣніе о необходимости созданія соціологическихъ законовъ). Но такъ какъ Кантъ все-таки былъ метафизикъ, а не позитивистъ, то онъ, признавши въ исторіи явленіе, подчиненное извѣстнымъ законамъ, все-таки мотивировалъ этотъ взглядъ на исторію метафизическимъ принципомъ: такъ какъ человѣческая

способность, говорилъ онъ, не можетъ вполнѣ высказаться въ преходящихъ индивидуумахъ, то это должно случиться въ цѣломъ родѣ человѣческомъ, потому что природа ничего не дѣлаетъ даромъ. Такимъ образомъ онъ произвольно перенесъ субъективный взглядъ на объективную почву и называетъ постоянные законы, управляющіе развитіемъ рода человѣческаго, намѣреніемъ природы;—это было смѣшеніемъ метафизическихъ пріемовъ съ позитивными.

Изъ всѣхъ предшественниковъ Конта ближе всѣхъ подходилъ къ нему Кондорсе, котораго самъ Контъ съ благодарностью называлъ своимъ философскимъ предшественникомъ. Кондорсе въ сочиненіи своемъ «Esquisse d'un tableau historique des progrès de l'esprit humain» высказалъ нѣсколько понятій, весьма близко подходящихъ къ позднѣйшимъ идеямъ Конта. Онъ высказывался здѣсь въ томъ смыслѣ, что цивилизація подвержена прогрессивному движенію, что всѣ фазисы ея находятся въ тѣсной другъ отъ друга зависимости и что вообще развитіе это подчинено естественнымъ законамъ, которые мы можемъ постигнуть посредствомъ философскаго изученія прошедшаго. Но и Кондорсе, сознавши необходимость создать картину послѣдовательности прогресса цивилизаціи, не пошелъ далѣе набросковъ и намековъ (впрочемъ это сочиненіе было сочиненіемъ предсмертнымъ; оно было написано имъ въ 1793 и 1794 г., въ промежуткѣ между осужденіемъ его и казнью). Но предшественники Конта еще не имѣли достаточнаго подготовленія, достаточнаго знакомства съ другими разрядами явленій, и предчувствуя необходимость соціологическаго закона, еще не находили прочной основы для его опредѣленія.

Когда Контъ принялся за созданіе своей системы, на исторію еще не смотрѣли, какъ на натуральное явленіе. Натуральнымъ явленіемъ позитивисты называютъ то явленіе, которое зависитъ отъ матеріи и отъ силы. Въ исторіи матеріей является человѣческій родъ, раздѣленный на общества; силою являются свойства и наклонности этихъ обществъ, вытекающія изъ самой природы ихъ. До тѣхъ поръ, пока неизвѣстно и то и другое, пока извѣстна только матерія, а неизвѣстны силы и свойства ея и отношенія этихъ силъ и свойствъ къ матеріи, до тѣхъ поръ исторія не представляетъ натуральнаго явленія. Между тѣмъ историческія и соціальныя явленія вытекаютъ изъ явленій индивидуальныхъ, какъ

физическихъ, такъ и интеллектуальныхъ. Если эти послѣднія подчинены извѣстнымъ законамъ, то очевидно и первыя должны быть подчинены точнымъ законамъ: только эти законы гораздо труднѣе открыть вслѣдствіе необыкновенной сложности этого рода явленій. Доказавши во введеніи къ этой части своего труда, что историческія явленія тоже подчинены извѣстнымъ законамъ, которые можно открыть при помощи наблюденія и разсужденій, Контъ раздѣляетъ науку объ обществѣ на двѣ большія половины. Болѣе конкретная часть этой науки, исторія, занимается отдѣльными народами; болѣе же абстрактная часть, собственно соціологія, не занимаясь никакимъ народомъ въ отдѣльности, имѣетъ въ виду отыскать общіе законы, связывающіе соціальныя явленія. Историческія событія составляютъ матеріалъ этой науки; но она занимается ими только для того, чтобы объяснить солидарность и сцѣпленіе ихъ (Дѣлая подобное опредѣленіе соціологіи, позитивисты обращаютъ вниманіе на то, что не слѣдуетъ смѣшивать ея съ политическою экономіей, которая не представляетъ даже и подобія соціологіи. Политическая экономія обращаетъ исключительное вниманіе на матеріальную дѣятельность, а позитивисты признаютъ нелѣпымъ обращать вниманіе только на матеріальную дѣятельность общества, не обращая вниманія на господствующія въ немъ нравы, чувства и убѣжденія).

Понятно, что въ философской системѣ, связующей всѣ науки, соціологія немыслима отдѣльно отъ другихъ наукъ. Во первыхъ, одно только изученіе явленій неорганическихъ можетъ дать возможность узнать тѣ внѣшнія условія, подъ вліяніемъ которыхъ совершалось человѣческое развитіе; пониманіе соціальныхъ явленій было бы невозможно, если бы предварительно не была разсмотрѣна съ различныхъ сторонъ среда, въ которыхъ они совершаются (Такимъ образомъ мы уже у Конта встрѣчаемъ ту мысль, которая впослѣдствіи блистательно была развита Боклемъ въ первыхъ главахъ его «Исторіи цивилизаціи Англіи»). Во вторыхъ, послѣдовательное возникновеніе и развитіе различныхъ наукъ сами по себѣ были очень важными соціальными явленіями, которыя позволяютъ намъ получать надлежащее понятіе о философскомъ, моральномъ, политическомъ и промышленномъ развитіи различныхъ обществъ въ различныя эпохи. Изъ этого слѣдуетъ, что позитивное изученіе соціальныхъ явленій, которое дѣйствительно явилось

позднѣе изученія всѣхъ другихъ, менѣе сложныхъ явленій, возможно только подъ тѣмъ условіемъ, чтобы изученіе это опиралось на другія науки, предшествующія соціологіи въ общей научной системѣ. Что же касается до средствъ изслѣдованія соціологическихъ явленій, то здѣсь снова повторяется то обстоятельство, что усложненіе явленій сопровождается увеличеніемъ средствъ изслѣдованія ихъ. Три способа наблюденія, т. е. простое наблюденіе, опытъ и сравнительное наблюденіе примѣнимы и къ соціологіи; особенно важное значеніе имѣетъ для соціологіи, какъ и для біологіи, сравнительный методъ. Методъ этотъ можетъ состоять, во первыхъ, въ сравненіи человѣческаго общества съ другими животными обществами; во вторыхъ, что гораздо важнѣе, въ сравненіи между собою различныхъ видовъ человѣческаго общества, одновременно существующихъ на земной поверхности. Многочисленныя и разнообразныя народности земнаго шара стоятъ еще на очень неравныхъ ступеняхъ цивилизаціи, такъ что у современныхъ народовъ можно прослѣдить въ настоящее время всѣ фазисы развитія, черезъ которые прошли самыя цивилизованныя націи. Наконецъ, въ одномъ и томъ же народѣ можно сравнить главные фазисы человѣческой цивилизаціи, сравнивая между собою различные классы общества, находящіеся большею частью на весьма неравномѣрной ступени развитія.—Но при изслѣдованіи соціологическихъ явленій всѣ эти методы, примѣнимые также и къ другимъ наукамъ, недостаточны. Особенную важность при изслѣдованіи соціологическихъ законовъ Контъ придаетъ историческому методу, т. е. тому методу, который состоитъ въ послѣдовательномъ разсмотрѣніи различныхъ соціальныхъ фазисовъ, который показываетъ, на основаніи совокупности историческихъ фактовъ, смыслъ безпрерывныхъ измѣненій и который такимъ образомъ долженъ привести къ научному предвидѣнію конечнаго возвышенія или несомнѣннаго паденія такой-то доктрины или такого-то учрежденія. Конечно, и историческій методъ можетъ быть ложнымъ образомъ понятъ и примѣняемъ, и въ такихъ случаяхъ онъ непремѣнно приводитъ къ ложнымъ результатамъ, что нерѣдко и случалось. Это фальшивое примѣненіе историческаго метода, по мнѣнію Конта, произвело то, что соціологія до сихъ поръ болѣе всѣхъ другихъ наукъ сохранила характеръ метафизическій и даже теологическій, не получивъ еще позитивнаго характера. Поэтому онъ и поста-

вилъ себѣ задачею удалить изъ исторіи метафизическіе взгляды и придать этой, самой высшей изъ всѣхъ наукъ, позитивный характеръ, и этимъ дополнить позитивный характеръ всѣхъ человѣческихъ знаній. Для этой цѣли онъ собственно и совершилъ ту любопытную классификацію наукъ, которую мы только что разсмотрѣли. Послѣдніе три тома его позитивной философіи посвящены именно этому труду, и нельзя сказать, чтобы попытки его въ этомъ дѣлѣ остались безплодными.

Сначала Контъ занимается тѣмъ, что онъ называетъ соціальной статикой, т. е. изслѣдованіемъ основныхъ условій соціальнаго существованія, тѣхъ условій, которыя общи всѣмъ временамъ и всѣмъ мѣстностямъ, и безъ познанія которыхъ невозможно было бы пониманіе движенія человѣческаго развитія. При этомъ онъ разсматриваетъ характеръ различныхъ способовъ и степеней человѣческой ассоціаціи. Сначала, говоритъ онъ, люди ведутъ существованіе преимущественно индивидуальное, потомъ семейное и наконецъ собственно общественное. Основными условіями послѣдняго вида существованія, т. е. существованія общественнаго, Контъ признаетъ языкъ, собственность, общія вѣрованія и правительство. Не вдаваясь въ подробное разсмотрѣніе воззрѣній, высказываемыхъ Контомъ по поводу каждаго изъ этихъ основныхъ условій общественнаго существованія, замѣтимъ здѣсь только, что многія изъ этихъ воззрѣній Конта, въ особенности тѣхъ, которыя относятся къ понятіямъ собственности и семейства, далеко нельзя признать вѣрными. Упомянемъ для примѣра о томъ, что женщинѣ Контъ назначаетъ въ семействѣ совершенно подчиненную роль (о взглядахъ Конта на отношенія мужчинъ и женщинъ мы скажемъ дальше), и воззрѣнія его на отношенія дѣтей къ родителямъ. Но гораздо важнѣе соціальная динамика его, т. е. изслѣдованіе законовъ, которые управляютъ безпрерывнымъ прогрессивнымъ движеніемъ человѣческаго развитія, и примѣненіе этихъ законовъ къ главнѣйшимъ событіямъ исторіи, изъ котораго обнаруживается сцѣпленіе всѣхъ этихъ событій и послѣдовательность ихъ; изслѣдованіе, которое, однимъ словомъ, должно дать возможность объяснить эти событія найденными постоянными законами.

Основной законъ человѣческаго развитія, по мнѣнію Конта, есть прогрессъ, т. е. приближеніе къ порядку и къ совершенству. Лучшимъ выраженіемъ прогресса служитъ переходъ человѣческаго

мышленія къ позитивизму отъ двухъ предшествовавшихъ методовъ мышленія. Я замѣтилъ уже выше, что Контъ признаетъ законность двухъ фазисовъ развитія, предшествовавшихъ позитивизму: только, по его мнѣнію, переходъ человѣческаго мышленія отъ перваго фазиса ко второму и отъ втораго къ третьему соотвѣтствуетъ прогрессу развитія человѣчества. Онъ полагалъ невозможнымъ, чтобы прогрессъ этотъ совершился независимо отъ двухъ предварительныхъ фазисовъ, чтобы человѣческая мысль, въ какой бы то ни было сферѣ своей дѣятельности, могла прямо начать съ позитивнаго фазиса, не прошедши предварительно черезъ фазисъ теологическій и метафизическій. Поэтому, для должнаго уразумѣнія соціологическихъ законовъ онъ считаетъ необходимымъ заняться прежде всего тщательнымъ изученіемъ теологическаго и метафизическаго періодовъ развитія человѣчества съ ихъ подраздѣленіями на разныя послѣдовательныя эпохи. Въ 5-мъ и 6-мъ томѣ своей позитивной философіи онъ разсматриваетъ главныя свойства, хорошія и дурныя, каждаго изъ различныхъ фазисовъ, черезъ которые проходила человѣческая мысль, равнымъ образомъ и результаты, явившіеся послѣдствіями ихъ; онъ указываетъ также на то, какъ каждая эпоха прямо вытекала изъ предъидущей и подготовляла послѣдующую, и какъ осуществлялся такимъ образомъ принципъ послѣдовательности и сцѣпленія различныхъ явленій человѣческаго развитія. Контъ доказываетъ также въ этой части своего труда, что всякому періоду умственнаго развитія человѣчества соотвѣтствуютъ извѣстныя соціальныя отношенія, извѣстный общественный строй, который никогда не бываетъ чѣмъ нибудь случайнымъ, а всегда находится въ самой тѣсной связи съ умственнымъ состояніемъ извѣстной эпохи. Такъ, напр., онъ полагаетъ, что теологическому періоду человѣческаго развитія соотвѣтствуетъ въ политикѣ періодъ воинственный или завоевательный, позитивному періоду — періодъ мирный или промышленный, метафизическому періоду, составляющему переходъ отъ теологическаго къ позитивному, соотвѣтствуетъ періодъ революціонный, который составляетъ переходъ отъ завоевательнаго періода въ политикѣ къ мирному.

Обращаясь къ исторической характеристикѣ понятій и вѣрованій, Контъ сначала разсматриваетъ эпоху фетишизма въ теологически-военномъ періодѣ. Онъ указываетъ на общій ха-

рактеръ и свойства фетишизма, на результаты его, на необходимость и пользу его; при этомъ онъ обращаетъ также вниманіе своихъ читателей на эстетическое значеніе фетишизма. Потомъ онъ дѣлаетъ очень остроумное изложеніе перехода человѣческихъ вѣрованій и воззрѣній отъ фетишизма къ политеизму. Онъ разсматриваетъ значеніе политеизма вообще, разсматриваетъ вліяніе его на различныя учрежденія, какъ, напр., на учрежденіе рабства, на учрежденіе жречества и т. д. Контъ полагаетъ, что изъ политеизма произошли двѣ власти — власть теократическая и власть военная. Затѣмъ онъ указываетъ на свойство, значеніе и результаты теократическаго политеизма, подкрѣпляя свои соображенія примѣрами. Переходя затѣмъ къ военному политеизму, Контъ раздѣляетъ его на два вида: интеллектуальный и соціальный политеизмъ; первый изъ этихъ видовъ политеизма онъ находитъ въ Греціи, второй въ Римѣ. Затѣмъ онъ указываетъ на вліяніе, оказанное греческимъ политеизмомъ на эстетику и науку, и вообще рисуетъ картину интеллектуально-политеистическаго развитія Греціи во всѣхъ его проявленіяхъ. Затѣмъ Контъ объясняетъ значеніе римскаго политеизма, указываетъ на перемѣну, произведенную имъ въ понятіяхъ объ отечествѣ, о семействѣ (единоженство), о собственности (между прочимъ учрежденіе рабства), о государствѣ (назначеніе властей по выбору). Контъ обращаетъ особенное вниманіе на ту соціальную роль, которую Римъ игралъ въ развитіи западной цивилизаціи, какъ противодѣйствіемъ своимъ германскому варварству, такъ и вліяніемъ своимъ на неподвижныя цивилизаціи востока. Далѣе Контъ излагаетъ исторію перехода человѣческихъ вѣрованій отъ политеизма къ монотеизму, указывая при этомъ на прежде существовавшія начала монотеизма (монотеизмъ у іудеевъ) и обращаетъ вниманіе своихъ читателей на существенный прогрессъ, совершившійся въ этомъ переходѣ. Контъ разсматриваетъ далѣе, какое вліяніе имѣлъ монотеизмъ на политическое устройство общества (возникновеніе системы монархически-феодальной), на спекулятивное, нравственное, эстетическое и практическое развитіе человѣчества, также на семейную, на общественную жизнь и т. д. Литтре обращаетъ особенное вниманіе людей, занимающихся изученіемъ Конта, на его теорію среднихъ вѣковъ, на значеніе, какое придаетъ онъ католико-феодальной эпохѣ человѣческаго развитія. До Конта, говоритъ Литтре, средніе вѣка никогда не были

поняты историками надлежащимъ образомъ: хулители ихъ видѣли въ среднихъ вѣкахъ періодъ обскурантизма, забывая, что новѣйшая цивилизація проистекла все-таки изъ нихъ, что въ средніе же вѣка выработался тотъ складъ мыслей, выраженіемъ котораго явились религіозные и научные реформаторы переходной эпохи; поклонники же ихъ видѣли въ нихъ идеалъ религіознаго и соціальнаго порядка, забывая о всѣхъ недостаткахъ ихъ, вызвавшихъ реформаціонныя и революціонныя попытки. Это двойное противорѣчіе, говоритъ Литтре, камень преткновенія всякой философской исторіи, было удачно обойдено Контомъ: онъ видѣлъ въ среднихъ вѣкахъ переходную эпоху, съ точки зрѣнія интеллектуальной и соціальной, отъ языческой древности къ позитивному состоянію. Контъ видитъ начало разложенія католическо-феодальнаго организма не въ реформѣ, а также и не въ XV столѣтіи, а еще въ XIV и даже XIII столѣтіи, — что впрочемъ уже замѣчали и другіе историки. Онъ объясняетъ причины и послѣдствія этого разложенія и переходитъ затѣмъ къ изложенію метафизическаго періода человѣческаго развитія, который начинается съ XIV вѣка, и, по его мнѣнію, до сихъ поръ еще господствуетъ въ большей части Европы. По мнѣнію Конта, изученіе метафизическаго періода должно состоять съ одной стороны, въ изслѣдованіи постояннаго перерожденія элементовъ первоначальной организаціи, съ другой — въ изслѣдованіи прогрессивнаго движенія элементовъ новой организаціи. Контъ указываетъ связь этого періода съ возрожденіемъ наукъ и вліяніе его на эстетическое и на промышленное развитіе человѣчества. Затѣмъ онъ раздѣляетъ его на двѣ эпохи—эпоху религіозно-реформаціонную, эпоху торжества протестантизма, англиканизма и галликанизма; и эпоху политически—соціально-революціонную, центръ которой онъ видѣлъ во французской революціи. Сообразно съ своимъ планомъ онъ разсматриваетъ вліяніе, которое каждый изъ этихъ фазисовъ метафизическаго періода имѣлъ на всѣ отрасли человѣческаго развитія и на всѣ явленія человѣческой жизни; съ особеннымъ вниманіемъ разсматриваетъ онъ явленія, относящіяся къ первой французской революціи и выразившіяся въ освобожденіи массъ отъ тѣхъ авторитетовъ, которые раздѣлили между собой различные элементы власти, заимствованные ими изъ прежнихъ періодовъ; онъ останавливается на интеллектуальномъ состояніи Европы въ этомъ періодѣ и на всѣхъ на-

учныхъ явленіяхъ этого періода и подвергаетъ также тщательной критикѣ всѣ политическія формы, вызванныя въ жизнь во время этого періода—форму республиканскую, парламентскую, абсолютно-монархическую и т. д.

Разсмотрѣвши свойства, значеніе и результаты теологическаго и метафизическаго періодовъ человѣческаго развитія и опредѣливши для этой цѣли цѣлую философію исторіи, Контъ переходитъ къ той части своего труда, которой онъ самъ придаетъ особенно важное значеніе—къ созданію новыхъ соціологическихъ законовъ, основанныхъ не на теологическихъ и метафизическихъ, а на позитивныхъ воззрѣніяхъ, къ созданію той системы, которую онъ назвалъ позитивной политикой или позитивной моралью. Эта часть его философской дѣятельности, принадлежащая второй половинѣ его жизни, представляетъ уже совершенно иной характеръ, нежели первая, и мы обратимся къ ея разсмотрѣнію ниже,—а теперь прибавимъ только нѣсколько словъ о нѣкоторыхъ недостаткахъ и пробѣлахъ въ системѣ позитивной философіи, на которые указываютъ критики Конта, а также одинъ изъ лучшихъ толкователей его—Литтре. Пелларенъ, который подвергаетъ систему Конта весьма строгой и въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ даже несправедливой критикѣ, замѣчаетъ между прочимъ при сравненіи дѣятельности Конта съ дѣятельностью его предшественниковъ, что система Конта выше и глубже тамъ, гдѣ дѣло идетъ о взглядахъ его на связь и послѣдовательность наукъ, но что многіе изъ предшественниковъ его гораздо выше его въ моральныхъ, политическихъ и политико-экономическихъ заключеніяхъ своихъ. Съ справедливостью послѣдней части этого замѣчанія отчасти согласенъ и Литтре; онъ находитъ, что Контъ сдѣлалъ большую ошибку, совершенно удаливши изъ своей системы политическую экономію, какъ ложную науку. Весьма естественно, что Конта не могла удовлетворить политическая экономія въ томъ жалкомъ видѣ, въ которомъ ее понимала большая часть современныхъ ученыхъ экономистовъ; но тѣмъ страннѣе, что Контъ не позоботился о томъ, чтобы придать позитивный характеръ этой наукѣ, полной лжи и нелѣпостей, построенной на совершенно фальшивыхъ основаніяхъ; наукѣ, которая, по мнѣнію Литтре, должна однако же занимать относительно соціологіи такое же мѣсто, какое наука о растительной жизни занимаетъ относительно біологіи. Литтре называетъ

еще пробѣломъ въ системѣ Конта и то, что онъ не далъ мѣста въ своей системѣ психологіи—опять не психологіи метафизической, схоластической и ложной, но психологіи, возведенной на степень позитивной науки,—потому что до тѣхъ поръ, пока не существуетъ психологія, какъ позитивная наука, философскія свѣдѣнія остаются разрозненными и безсвязными.

III.

Второй періодъ философской дѣятельности Конта имѣетъ, какъ мы говорили, совершенно особенный характеръ, рѣзко отличающійся отъ характера перваго періода. Создавши систему позитивной философіи, говоритъ Литтре, въ томъ видѣ, какъ она представляется въ первомъ замѣчательномъ трудѣ его, Контъ, вслѣдствіе различныхъ обстоятельствъ, вдругъ перемѣнилъ методъ, будучи самъ увѣренъ и увѣряя другихъ въ томъ, что онъ продолжаетъ развивать позитивную философію. Послѣдствіемъ этого страннаго рѣшенія его было конечно то, что обѣ части его труда представляютъ между собою вопіющее разногласіе, являются различными ученіями, которыя имѣютъ совершенно различныя и несогласныя между собою исходныя точки. Оказалось, что когда Контъ захотѣлъ перейти отъ принциповъ, выработанныхъ имъ въ позитивной философіи, къ примѣненію этихъ принциповъ, которое онъ хотѣлъ сдѣлать въ своей позитивной политикѣ, онъ нетвердою рукою держалъ ту руководящую нить, которая должна была превести его къ желаемымъ результатамъ. Онъ самъ говорилъ впослѣдствіи и даже ставилъ себѣ въ особенную заслугу то, что онъ перемѣнилъ *объективный* методъ философскихъ изслѣдованій на методъ *субъективный* *). Но между тѣмъ въ его философіи

*) «Замѣна субъективнаго метода научными изслѣдованіями, говоритъ Контъ въ своей позитивной политикѣ (Politique positive. T. 1, p. 445, 446), должна имѣть только временный характеръ. Этотъ методъ обладаетъ такими достоинствами, которыя одни въ состояніи пополнить недостатки объективнаго метода. Наша умственная дѣятельность тогда только можетъ имѣть характеръ полноты и прочности, когда оба эти метода будутъ находиться въ тѣсной связи, и мы не имѣемъ никакого основанія считать ихъ несовмѣстными. Нужно только, чтобы субъективный методъ, отказавшись отъ изслѣдованія причинъ, стремился, подобно методу объективному, къ откры-

нѣтъ никакого мѣста субъективному методу, котораго всегда придерживались метафизики... Слѣдствіемъ этой несчастной перемѣны метода было то, что такъ называемая позитивная политика не только не является прямымъ выводомъ изъ принциповъ позитивной философіи, но напротивъ, очень часто противорѣчитъ имъ. Приступивши къ разрѣшенію вопроса о томъ, существуетъ ли какая нибудь логическая связь между принципами, выработанными Контомъ въ его позитивной философіи, и выводами изъ этихъ принциповъ, къ которымъ Контъ пришелъ во второй половинѣ своей философской дѣятельности, мы должны убѣдиться, что связи этой не существуетъ

Создавши при помощи индуктивнаго метода общую систему человѣческаго знанія, онъ выводитъ изъ этой системы не такіе выводы, которые могутъ быть повѣрены опытомъ, а такіе, которые внушаетъ ему его фантазія, или его субъективная логика. А если методъ невѣренъ, то и всѣ выводы невѣрны. Съ этихъ поръ міросозерцаніе Конта страдаетъ тѣми же недостатками, какими страдаютъ всѣ тѣ философскія доктрины, которыя выводятъ цѣлый рядъ умозаключеній изъ данныхъ, не имѣющихъ никакого прочнаго основанія. Метафизическій пріемъ въ философіи именно и состоитъ въ томъ, что берутся апріористическія положенія, которыя не повѣряются фактами. Одна изъ главныхъ заслугъ позитивной философіи Конта именно и состояла въ томъ, что онъ освободился отъ этого пріема, а между тѣмъ во второй части своего труда Контъ опять возвращается къ нему. А исходя отъ метафизическаго или субъективнаго основанія, Контъ по необходимости долженъ былъ придти къ метафизическимъ результатамъ.

Изъ этихъ общихъ замѣчаній конечно не слѣдуетъ выводить того заключенія, будто въ «Позитивной Политикѣ» Конта все должно быть отвергнуто. И въ этой части труда Конта есть нѣкоторыя вещи, которыя обязаны своимъ происхожденіемъ здравымъ внушеніямъ позитивной философіи, и поэтому заслуживаютъ

тію законовъ; нужно, чтобы этотъ методъ получилъ соціологическій характеръ. Что было невозможно прежде, то стало возможно теперь, послѣ созданія соціологіи. Теперь субъективный методъ можетъ получить тотъ позитивный характеръ, котораго доселѣ недоставало ему; теперь мы слѣдовательно смѣло можемъ руководствоваться имъ при вырабатываніи нашего позитивнаго міросозерцанія».

вниманія; но эти выводы должны быть провѣрены опытомъ, прежде нежели будутъ приняты. Вообще, какъ замѣчаетъ Литтре, въ трудахъ Конта, вышедшихъ въ свѣтъ послѣ 1845 года, слѣдуетъ отличать двѣ части: одну здоровую, проистекающую изъ позитивной философіи, другую нездоровую, происходящую отъ субъективнаго метода.

Итакъ, начиная съ 1845 года, когда Контъ началъ работать надъ своей позитивной политикой, въ умственной дѣятельности его произошелъ совершенный переворотъ. Не безъинтересно будетъ взглянуть на то, вслѣдствіе какихъ именно причинъ совершился этотъ переворотъ. Во первыхъ, Литтре упоминаетъ о какой-то серьезной нервной болѣзни, которую Контъ перенесъ въ промежутокъ времени, отдѣляющій окончаніе его перваго большаго философскаго труда отъ начала втораго труда. Очень вѣроятно, что эта нервная болѣзнь, случившаяся именно въ то время, когда Контъ обдумывалъ главныя основанія своей позитивной политики, не осталась безъ вліянія на его дальнѣйшую философскую дѣятельность. Очень можетъ быть, что во время этого нервнаго кризиса, вѣроятно отчасти вызваннаго тою напряженною дѣятельностью, въ которой находился въ то время умъ Конта, ему показалось, что иначе нельзя достигнуть удовлетворительнаго разрѣшенія философской задачи его, какъ посредствомъ перемѣны метода изслѣдованія. Литтре замѣчаетъ, что подобныя нервныя явленія, подобныя умственныя потрясенія случаются нерѣдко и приводятъ иногда къ хорошимъ результатамъ, но иногда и къ дурнымъ. Если бы Контъ доселѣ былъ метафизикомъ, то вѣроятно случайность этого кризиса принесла бы ему пользу, такъ какъ она могла бы обратить его къ позитивизму; но въ настоящемъ случаѣ этотъ кризисъ привелъ его наоборотъ отъ позитивизма къ метафизическимъ пріемамъ. Во вторыхъ, не безъ вліянія на дальнѣйшую философскую дѣятельность Конта осталось сближеніе его съ одной женщиной, къ которой Контъ сильно привязался послѣ того, какъ онъ окончательно разошелся съ своей женой. Года два спустя послѣ окончательной размолвки съ женою, въ то самое время, когда Контъ готовился приняться за изложеніе своей Позитивной политики, онъ познакомился съ одною молодой женщиной, Клотильдой Дево, мужъ которой незадолго передъ этимъ по приговору суда сосланъ былъ на галеры. Контъ очень привязался къ этой жен-

щинѣ, и привязанность эта не осталась безъ вліянія на дальнѣйшую его дѣятельность. Онъ самъ сознавалъ это вліяніе и выразилъ это между прочимъ въ посвященіи ей своей Системы позитивной политики. Самъ Контъ, равно какъ и ревностные его поклонники, видѣли въ этой привязанности его чрезвычайно счастливое событіе, которое имѣло на дальнѣйшее развитіе его чрезвычайно благотворное вліяніе. До сихъ поръ, говорили они, характеръ дѣятельности Конта былъ болѣе умственный — теперь же онъ сталъ болѣе нравственнымъ; съ этихъ поръ сердце и чувство стали преобладать въ немъ надъ разсудкомъ. Подъ вліяніемъ привязанности своей къ г-жѣ Дево, Контъ сталъ увѣрять что великая задача всякаго мыслителя состоитъ въ томъ, чтобы подчинить умъ сердцу, безъ чего, говоритъ онъ, великія соціальныя познанія не могутъ получить настоящаго своего характера. Онъ жаловался на продолжительное возмущеніе ума противъ сердца и увѣрялъ, что чувства должны быть единственнымъ источникомъ человѣческой дѣятельности и что разсудокъ всегда долженъ подчиняться чувствамъ. Такимъ образомъ, онъ какъ будто сожалѣлъ о томъ самомъ взглядѣ на вещи, къ разрушенію котораго онъ такъ много содѣйствовалъ своей позитивной философіей; теперь онъ называлъ возмущеніемъ ту эманципацію человѣческаго ума, которую онъ самъ считалъ необходимой и за которую онъ такъ сильно ратовалъ въ первыхъ своихъ твореніяхъ. «Наука доказываетъ, говорилъ онъ между прочимъ въ VI томѣ своей системы философіи, что основная черта человѣческаго развитія, какъ индивидуальнаго, такъ и коллективнаго, состоитъ въ возрастаніи преобладанія нашей человѣчности надъ нашею животностью, которое въ свою очередь зависитъ отъ преобладанія нашего разсудка надъ нашими склонностями». Такимъ образомъ, по замѣчанію Литтре, самъ Контъ опровергаетъ Конта, и позднѣйшія заблужденія его можно опровергать системою, имъ же самимъ созданною.—Итакъ самъ Контъ и самые рьяные поклонники его приписывали чрезвычайно сильное и благотворное вліяніе на дѣятельность его сближенію его съ Клотильдой Дево, которая ангельскимъ своимъ вліяніемъ на него и силою внушенной ему страсти произвела въ немъ моральное перерожденіе. На дѣлѣ же оказывается, что сближеніе это имѣло на него вліяніе дѣйствительно сильное, но далеко не благотворное, такъ какъ оно выразилось въ томъ, что съ этихъ

поръ всѣ его сочиненія принимаютъ какой-то непріятно-мистическій характеръ. Задавшись несчастною мыслью о преобладаніи сердца надъ умомъ, Контъ придаетъ слову *сердце* совершенно мистическое понятіе и признаетъ внутреннее чувство гораздо важнѣйшимъ источникомъ познанія, нежели объективное изслѣдованіе міровыхъ явленій. «Можетъ быть, замѣчаетъ по этому случаю Милль, вслѣдствіе вліянія на него г-жи Дево и произошло улучшеніе въ его чувствахъ — но во всякомъ случаѣ это же вліяніе значительно повредило его интеллектуальной дѣятельности». Хотя знакомство Конта съ г-жей Дево было очень непродолжительно, такъ какъ она умерла годъ спустя послѣ начала ихъ знакомства; однако, сантиментальность и мистицизмъ, которые явились слѣдствіемъ привязанности Конта къ этой женщинѣ, не прекратились съ ея смертью, а напротивъ еще болѣе усиливались, такъ какъ Контъ не только продолжалъ обожать память любимой имъ женщины, но требовалъ даже, чтобы всѣ позитивисты питали такое же обожаніе къ памяти женщины, вдохновившей создателя позитивной морали. Однимъ словомъ съ теченіемъ времени мистицизмъ не только не ослабѣваетъ въ твореніяхъ Конта, но дѣлается въ нихъ все болѣе и болѣе преобладающею чертою.

Третьею причиною, обусловливавшею неудовлетворительность результатовъ послѣдующей философской дѣятельности Конта, было слишкомъ строгое примѣненіе къ себѣ самому того, что онъ называлъ *мозговой гигіеной*. Эта мозговая гигіена, по понятію Конта, состояла въ томъ, что онъ воздерживался отъ всякаго чтенія, за исключеніемъ нѣсколькихъ любимыхъ имъ писателей, преимущественно поэтовъ древности. Всякое другое чтеніе, въ особенности чтеніе газетъ и періодическихъ изданій, было строжайшимъ образомъ отстранено; Контъ въ этомъ случаѣ не дѣлалъ даже ни малѣйшаго исключенія для сочиненій научныхъ. Впослѣдствіи онъ самъ хвалился въ письмѣ къ миссъ Мартино, что съ 1838 года онъ не читалъ ни одной газеты и ни одного журнала, не исключая даже журналовъ научнаго содержанія, и что онъ ограничивалъ все свое чтеніе немногими любимыми поэтами. Онъ находилъ, что шестнадцати-лѣтнее примѣненіе этой мозговой гигіены принесло ему величайшую пользу. Милль и Литтре не отвергаютъ безусловно самой мысли, заставившей Конта подчинить себя подобной гигіенѣ. Они находятъ весьма естественнымъ, что

послѣ того какъ Контъ въ эпоху своей молодости собралъ достаточно матеріала для созданія своей научно-философской системы, онъ на нѣкоторое время отказался отъ чтенія новыхъ книгъ, чтобы не развлекаться во время писанія своей позитивной философіи (хотя разумѣется и здѣсь можно бы обойтись безъ крайностей). Но они оба находятъ весьма страннымъ то, что окончивши первый великій трудъ свой, Контъ не захотѣлъ провѣрить добытые имъ результаты новѣйшими изысканіями современныхъ ученыхъ въ различныхъ областяхъ человѣческаго знанія, или что онъ не понялъ необходимости собрать новый матеріалъ для дальнѣйшихъ своихъ философскихъ трудовъ. Здравая умственная гигіена требовала, чтобы прежде, нежели приступить къ созданію позитивной морали, Контъ освѣжилъ и возобновилъ въ себѣ запасъ положительныхъ знаній. Контъ поступилъ наоборотъ и сталъ еще строже отстраняться отъ всякаго посторонняго чтенія. То обстоятельство, что онъ къ чтенію прежнихъ своихъ любимыхъ авторовъ присоединилъ еще чтеніе мистиковъ, усиливало вредъ его умственной гигіены. Слѣдствіемъ этого была крайняя односторонность позднѣйшихъ его философскихъ твореній. Кромѣ того, эта мозговая гигіена, по справедливому замѣчанію Милля, чрезвычайно много способствовала развитію его самонадѣянности и его высокаго о себѣ мнѣнія: чѣмъ одностороннѣе и страннѣе были идеи Конта, замѣчаетъ Милль, тѣмъ выше было его мнѣніе о самомъ себѣ; и это достигло наконецъ степени почти невѣроятной и весьма рѣдкой въ исторіи науки и литературы *).

При такихъ-то обстоятельствахъ и подъ такими вліяніями Контъ

*) Чтобы дать понятіе объ умственной гигіенѣ Конта, замѣтимъ здѣсь кстати, что Контъ составилъ списокъ библіотеки позитивиста, которая должна была состоять всего изъ 150 томовъ, въ четырехъ отдѣлахъ: поэзія, наука, исторія и философія. Въ отдѣлахъ поэзіи мы находимъ, напр., Шатобріана или собраніе разсказовъ Тысячи и одной ночи, но не находимъ ни Лессинга, ни Шиллера; въ отдѣлѣ философіи имена де-Местра и Галля встрѣчаются рядомъ съ именами Бэкона, Дидро и Кондорсе; по отдѣлу исторіи въ списокъ классическихъ книгъ попали какія-то мемуары г-жи Моттевиль, или исторія Италіи Денина, которые рекомендуются для чтенія позитивиста вмѣстѣ съ сочиненіями Боссюэта или съ политическимъ завѣщаніемъ Ришелье. Однимъ словомъ достаточно бросить бѣглый взглядъ на списокъ библіотеки позитивистовъ, для того чтобы убѣдиться въ томъ, что умственная гигіена Конта была весьма странная.

принялся, начиная съ 1846 года, за созданіе своей позитивной политики или позитивной морали. Желая познакомить публику съ главнѣйшими основаніями своей позитивной морали, Контъ рѣшился сдѣлать это въ своихъ публичныхъ астрономическихъ лекціяхъ; и съ этою цѣлью онъ въ курсѣ, прочитанномъ имъ въ 1847 году, посвятилъ этому предмету двѣнадцать вступительныхъ лекцій (которыя были имъ впослѣдствіи напечатаны подъ заглавіемъ: Разсужденія о сущности позитивизма).

Февральская революція на время прервала философскія работы Конта и заставила его искать дѣятельности болѣе практической. На другой же день послѣ начала революціи, Контъ обнародовалъ воззваніе объ основаніи «свободной ассоціаціи, которая бы имѣла цѣлью дать всѣмъ западно-европейскимъ народамъ позитивное образованіе». Нельзя сказать, чтобы предложеніе Конта встрѣчено было съ особеннымъ сочувствіемъ; однако на него отозвались нѣкоторые профессора (въ томъ числѣ Литтре), учителя, медики, бывшіе воспитанники политехнической школы, а также нѣкоторые парижскіе работники, и такимъ образомъ уже двѣ недѣли спустя послѣ обнародованія воззванія Конта составилось общество позитивистовъ, президентомъ котораго разумѣется избранъ былъ самъ Контъ. 8-го марта 1848 Контъ, какъ президентъ общества, обнародовалъ манифестъ, который представляетъ какъ бы краткій очеркъ ученія позитивной философіи, въ томъ видѣ, какъ она создана была Контомъ до 1845 года. Контъ говорилъ въ немъ о замѣнѣ теологическаго и метафизическаго міросозерцанія позитивнымъ; онъ говорилъ также объ установленной имъ іерархической послѣдовательности и о связи наукъ, объ однородности наукъ и философіи и т. д. Однимъ словомъ читатель узнаетъ въ авторѣ этого манифеста прежняго Конта, автора позитивной философіи, свободнаго отъ тѣхъ заблужденій, въ которыя онъ впалъ впослѣдствіи. Цѣль образованія общества позитивистовъ состояла, по объясненію Конта, въ томъ, чтобы послѣ разрушенія католически-феодальнаго устройства европейскаго общества, послѣ окончанія отрицательной части пересозданія общества, содѣйствовать къ отысканію положительныхъ, органическихъ началъ для общественнаго устройства, началъ, согласныхъ съ принципами позитивной философіи и съ результатами, ею добытыми. Согласно съ этою цѣлью основанія общества, Контъ желалъ придать ему полити-

ческій характеръ; всѣ событія того времени находили отголосокъ въ новомъ обществѣ. Какъ только общество это было организовано, Контъ изложилъ въ собраніи его свою теорію новаго общественнаго устройства, и это изложеніе его послужило руководящею нитью для дальнѣйшихъ занятій общества. Дѣятельность этого общества выразилась на первое время въ составленіи трехъ докладовъ по тремъ важнымъ вопросамъ, возбужденнымъ во французской общественной жизни и нашедшимъ отголосокъ у позитивистовъ. Первый изъ этихъ вопросовъ былъ вопросъ «о трудѣ»; второй вопросъ посвященъ былъ «природѣ и плану республиканскаго правительства»; третій вопросъ касался плана «позитивной школы».

Контъ еще прежде касался вопроса объ отношеніяхъ рабочихъ къ капиталу и говорилъ объ этомъ предметѣ въ своей системѣ позитивной философіи (въ томъ мѣстѣ ея, гдѣ онъ разсуждалъ о раздѣленіи духовной и свѣтской власти). Онъ выставлялъ на видъ то обстоятельство, что заработная плата доведена капиталистами до minimum средствъ, необходимыхъ для поддержанія существованія, и признавалъ подобный порядокъ вещей вопіющей несправедливостью, которое общество обязано уничтожить. Онъ высказывался въ томъ смыслѣ, что промышленной дѣятельности ошибочно придаютъ характеръ индивидуальный, и что она напротивъ, въ интересахъ огромной массы людей, должна имѣть характеръ коллективный и общественный, что законодатель можетъ и даже долженъ являться защитникомъ рабочаго противъ произвола капиталиста. Питая такой живой интересъ къ разрѣшенію рабочаго вопроса, Контъ, какъ предсѣдатель общества позитивистовъ, обратилъ особенное вниманіе на этотъ вопросъ.

Докладъ по вопросу о трудѣ составленъ былъ однимъ изъ членовъ общества, столярнымъ работникомъ Маньеномъ. Контъ остался очень доволенъ этимъ докладомъ и отозвался о немъ слѣдующимъ образомъ: «въ этомъ замѣчательномъ докладѣ истинный промышленный механизмъ лучше опредѣленъ на немногихъ страницахъ, нежели во всѣхъ томахъ, посвященныхъ мнимой наукѣ экономистовъ». Докладчикъ приходилъ къ тому заключенію, что неудовлетворительное положеніе рабочаго вопроса находится въ тѣсной связи съ слабымъ распространеніемъ въ европейскомъ обществѣ позитивныхъ воззрѣній; коренное измѣненіе этого положе-

нія, заключалъ докладчикъ, невозможно безъ полнаго перерожденія нравовъ и мнѣній. Но приходя къ такому теоретическому заключенію, докладчикъ понималъ однако же, что въ то время нужнѣе всего были бы практическіе совѣты, которые бы можно было немедленно исполнить. Поэтому онъ прибавлялъ въ своемъ докладѣ, что правительство должно на сколько возможно вмѣшиваться въ это дѣло, для того, чтобы прекратить самыя вопіющія злоупотребленія и уничтожить самыя важныя затрудненія; оно должно въ особенности, по словамъ доклада, возбуждать у людей, стоящихъ во главѣ промышленности, болѣе безкорыстныя и мудрыя наклонности. Другими словами, докладъ приглашалъ современныя правительства, и въ особенности правительство французской республики, исполнять впредь одну изъ самыхъ важныхъ своихъ обязанностей, оказывая должную поддержку рабочимъ классамъ, составляющимъ одну изъ существенныхъ основъ будущаго общественнаго устройства. Съ этою цѣлью онъ рекомендовалъ правительствамъ предпринять разныя общеполезныя работы, которыя должны были производиться подъ главнымъ надзоромъ правительства и на государственныя суммы. Свойство этихъ работъ, ихъ важность, умѣстность, равно какъ и способъ производства ихъ, неудобства и опасности, а также и предполагаемые результаты ихъ, однимъ словомъ все, касающееся этихъ работъ, должно было обсуждаться особыми совѣтами, въ которыхъ рядомъ съ правительственными лицами засѣдали бы представители отъ рабочихъ классовъ и засѣданія которыхъ были бы публичны. Этимъ способомъ, говорилось въ докладѣ, будетъ созданъ постоянный, даровой, безпристрастный, но не индифферентный надзоръ за всѣми вопросами, касающимися народной промышленности и благосостоянія рабочихъ классовъ. Итакъ, вопросъ очевидно рѣшался въ духѣ Люксанбургскаго парламента.

Докладъ по второму вопросу, касавшемуся плана и устройства республиканскаго правительства, составленъ былъ Литтре; онъ представляетъ краткое изложеніе предположеній Конта относительно политическаго устройства той переходной эпохи, которая должна, по его мнѣнію, предшествовать окончательному торжеству позитивизма. Впрочемъ самъ докладчикъ Литтре сознается, что въ выработанномъ имъ тогда, подъ непосредственнымъ вліяніемъ Конта, планѣ, было много неудовлетворительнаго, отъ чего ему

впослѣдствіи пришлось отказаться. Планъ будущаго устройства республиканскаго правительства, изложенный Литтре, построенъ былъ главнымъ образомъ на слѣдующихъ основахъ: 1) исполнительная власть должна состоять изъ тріумвирата, который будетъ назначаться по выбору городомъ Парижемъ (?!); 2) тріумвиратъ этотъ долженъ быть выбранъ изъ пролетаріевъ; 3) продолжительность существованія этого тріумвирата неограниченна; но достаточно будетъ подписи нѣсколькихъ десятковъ гражданъ, требующихъ обновленія этого тріумварата для того, чтобы подвергнуть его новому избранію; 4) палата депутатовъ во Франціи должна быть избрана всеобщей подачей голосовъ и т. д.

Наконецъ третій докладъ, представленный обществу позитивистовъ, касался плана позитивисткаго образованія. Въ докладѣ этомъ указано было на то, что ни одно изъ учебныхъ заведеній Франціи не удовлетворяетъ тробованіямъ подобнаго образованія. Ближе всего къ этимъ требованіямъ подходила, по словамъ докладчика, французская политехническая школа; но только нужно было включить въ кругъ изучаемыхъ тамъ наукъ біологію, и въ особенности соціологію, въ томъ видѣ, какъ она разработана въ системѣ позитивной философіи.

Занятія Конта, вызванныя февральской революціей и выразившіяся главнымъ образомъ въ основаніи общества позитивистовъ и въ пріисканіи для этого общества поля и средствъ для практической дѣятельности, вскорѣ однако прекратились. Онъ опять занялся системой позитивной политики, которую разработывалъ въ указанномъ выше направленіи; и съ этихъ поръ онъ уже ничѣмъ болѣе не развлекался, и труды его замедлялись только матеріальными затрудненіями. Первый томъ его политики, начатый еще въ 1846 году, оконченъ былъ только въ 1851 году. Но по окончаніи его представилось то затрудненіе, что у Конта не было средствъ для изданія новаго своего сочиненія. Онъ надѣялся приняться за изданіе послѣдующихъ томовъ съ помощью средствъ, полученныхъ отъ продажи перваго тома; но для этого нужно было найти издателя перваго тома, а это было дѣло нелегкое, такъ какъ парижскіе издатели-книгопродавцы мало надѣялись на успѣхъ этого сочиненія, слишкомъ отвлеченнаго по содержанію, да къ тому еще писаннаго самымъ тяжелымъ слогомъ. О томъ же, чтобы издать первый томъ своего сочиненія на собственныя средства,

нечего было и думать, такъ какъ матеріальное положеніе Конта въ это время было очень незавидное, и ему почти нечѣмъ было жить, послѣ того какъ прекратились субсидіи, выдаваемыя ему, по стараніямъ Милля, англичанами Гротомъ, Молесвэртомъ и Кэрри. Тогда Литтре и 11 другихъ членовъ общества позитивистовъ обратились съ согласія Конта съ циркуляромъ къ тѣмъ, кого они считали способнымъ сочувствовать новому ученію. Исчисливъ всѣ заслуги, оказанныя, по ихъ мнѣнію, Контомъ въ области науки и философіи, они приглашали тѣхъ, которые понимаютъ важность его заслугъ, принять участіе въ подпискѣ, съ цѣлью обезпечить ему средства къ существованію и дать ему возможность продолжать его полезную дѣятельность. Это воззваніе имѣло успѣхъ: въ первые три года открытія этой подписки Контъ получалъ этимъ путемъ по три и по четыре тысячи франковъ въ годъ, а впослѣдствіи, когда онъ лишился еще и мѣста репетитора въ политехнической школѣ, сумма эта возрасла до 7 или 8 тысячъ. (Въ подпискѣ этой участвовало отъ 70 до 100 человѣкъ; но въ спискѣ подписчиковъ нѣтъ именъ цеховыхъ ученыхъ, а попадаются большею частью имена людей неизвѣстныхъ; около половины ихъ принадлежало Франціи, остальная половина принадлежала главнымъ образомъ Англіи и Америкѣ). Около этого же времени Контъ нашелъ также издателя для перваго тома Позитивной Политики, и это обстоятельство, а также и обезпеченное подпиской матеріальное положеніе его, дали ему возможность написать и издать съ небольшими промежутками времени слѣдующіе три тома; четвертый и послѣдній томъ его Системы позитивной политики вышелъ въ свѣтъ въ 1854 году. О главныхъ основаніяхъ этого труда Конта и о значеніи его мы будемъ говорить ниже; теперь же скажемъ еще нѣсколько словъ о другихъ трудахъ Конта, относящихся къ этому періоду его жизни, и о событіяхъ, относящихся къ послѣднимъ годамъ жизни и дѣятельности Огюста Конта.

Рядомъ съ изданіемъ Позитивной Политики, Контъ занимался въ это время еще двумя второстепенными работами: во первыхъ, онъ читалъ публичный философскій курсъ всеобщей исторіи, а во вторыхъ, онъ работалъ надъ составленіемъ катихизиса позитивистовъ, представляющаго краткій сводъ его ученія о позитивной морали.

Мы упоминали уже выше о томъ, что Контъ въ теченіи цѣлыхъ

17 лѣтъ читалъ ежегодно публичный курсъ астрономіи, который назначался преимущественно для людей низшаго класса, и въ которомъ онъ старался между прочимъ, на сколько это ему позволяли, знакомить своихъ слушателей съ своими философскими воззрѣніями, съ классификаціей и систематизаціей наукъ и т. д. Въ бурное время, слѣдовавшее за февральской революціей, Контъ долженъ былъ къ величайшему своему сожалѣнію прекратить этотъ курсъ. Но за то ему вслѣдъ за тѣмъ разрѣшено было (благодаря ходатайству нѣкоего Вьельяра, воспитателя принца-президента) читать въ Пале-Роялѣ болѣе обширный курсъ, въ которомъ онъ свободнѣе, чѣмъ прежде, могъ излагать свое ученіе. Онъ выбралъ предметомъ своихъ чтеній изложеніе исторіи человѣчества съ философской точки зрѣнія, причемъ онъ главнымъ образомъ имѣлъ въ виду «дать своимъ слушателямъ истинное понятіе о тѣсной связи настоящаго времени со всѣмъ прошедшимъ, для того, чтобы они могли понять соціальную будущность, свободную отъ всякихъ утопій». Курсъ его начинался съ изложенія выработанной имъ теоріи человѣческаго развитія, причемъ онъ обращалъ особенное вниманіе на основной законъ этого развитія, на послѣдовательность и прогрессивность умственнаго, нравственнаго и общественнаго развитія человѣчества. Послѣ изложенія теоріи развитія человѣчества, Контъ разсматривалъ, на сколько теорія эта согласна съ практикой; для этого онъ переходилъ собственно къ историческому изложенію развитія человѣчества, начиная съ эпохи фетишизма и оканчивая настоящимъ временемъ, т. е. какъ онъ выражался, эпохой позитивизма. Эта часть его курса есть въ сущности ничто иное, какъ сокращенное изложеніе того, что содержатъ въ себѣ послѣдніе три тома его позитивной философіи и поэтому не лишена достоинствъ и интереса. Что же касается до послѣднихъ лекцій его публичнаго курса, то они посвящены были соображеніямъ о будущности человѣчества, о необходимости нравственнаго и умственнаго преобразованія человѣчества; однимъ словомъ, они представляютъ собою сокращенное содержаніе его Позитивной Политики, и поэтому на этой части его курса видны всѣ указанные нами недостатки этого труда. Этотъ публичный курсъ продолжался три года къ ряду, и Контъ занимался имъ съ особенною любовью. Хотя, по свидѣтельству очевидцевъ, Контъ былъ иногда теменъ, вялъ и скученъ въ своемъ изложеніи, особенно въ

послѣднихъ своихъ лекціяхъ, гдѣ онъ излагалъ результаты своего субъективнаго мышленія; но зато въ лекціяхъ о философіи исторіи, онъ былъ обыкновенно смѣлъ, занимателенъ и увлекалъ своихъ слушателей (Курсъ этотъ никогда не былъ публикованъ, а только записанъ нѣкоторыми изъ его слушателей). Чтенія въ Пале-Роялѣ продолжались три года и были запрещены съ утвержденіемъ во Франціи правительства второй имперіи. Всѣ старанія Конта и друзей его добиться разрѣшенія продолжать этотъ курсъ, или начать новый безвозмездный курсъ позитивной философіи остались тщетными. Тогда Контъ, умъ котораго въ это время принималъ все болѣе и болѣе мистическое направленіе, прибѣгалъ къ весьма оригинальному средству, чтобы утѣшиться въ этой неудачѣ: онъ увѣрялъ друзей своихъ, что въ сущности окончательное запрещеніе его публичныхъ чтеній очень благодѣтельно и полезно, потому что начальство, будучи въ настоящемъ случаѣ болѣе предусмотрительно, нежели онъ самъ, поняло неудобство и неприличіе появленія его, жреца человѣчества, на каѳедрѣ и въ аудиторіи!

Вообще въ послѣдніе годы своей жизни Контъ считалъ себя уже не философомъ и ученымъ, а жрецомъ человѣчества, призваніе котораго состоитъ въ томъ, чтобы судить, посвящать, учить и совѣтовать. Съ этихъ поръ онъ не говорилъ о своей дѣятельности иначе, какъ о жреческой дѣятельности, и даже не безъ нѣкотораго сожалѣнія вспоминалъ о томъ времени, когда онъ былъ еще только философомъ. Онъ отрекся даже отъ многихъ изъ своихъ прежнихъ мнѣній. Слѣдствіемъ этого было то, что самые разсудительные изъ его послѣдователей (Литтре, Милль, миссъ Мартино) отказались слѣдовать за нимъ въ дебри мистицизма и рѣшились признавать въ немъ только автора Системы позитивной философіи, отрекшись отъ всякой солидарности съ его послѣдующими идеями и твореніями. Но эти отпаденія только раздражали Конта, нисколько не убѣждая его въ томъ, что онъ самъ вступилъ на ложную дорогу; а съ другой стороны, рабское преклоненіе другой части его послѣдователей, готовыхъ слѣдовать за нимъ всюду, куда бы онъ ни повелъ ихъ, по всей вѣроятности немало содѣйствовало его заблужденію. Съ 1852 года это заблужденіе становится особенно рѣзкимъ и не прекращалось уже до самой смерти его. Общество позитивистовъ, основанное въ 1848-мъ, мало

по малу утратило свой первоначальный характеръ: изъ него вышли лучшіе члены его и остались только тѣ, которые готовы были видѣть въ своемъ учителѣ жреца человѣчества. Въ своемъ небольшомъ кружкѣ Контъ ревностно исполнялъ свои жреческія обязанности, воспринималъ дѣтей своихъ адептовъ, благословлялъ ихъ браки, молился ежедневно вмѣстѣ съ ними въ помѣщеніи, посвященномъ памяти г-жи Дево или на могилѣ ея, а также поучалъ и наставлялъ своихъ учениковъ устно и письменно. Онъ обнародовалъ ежегодные циркуляры, въ которыхъ давалъ своимъ ученикамъ и послѣдователямъ отчетъ о всемъ касающемся новой школы, объ успѣхахъ и нуждахъ ея и т. д. Въ это же время Контъ началъ писать еще новое большое сочиненіе, которое должно было представить изложеніе его воззрѣній на окончательное и нормальное устройство человѣческаго общества. Это сочиненіе, общее заглавіе которому было «Субъективный Синтезъ», должно было состоять изъ трехъ частей: изъ системы позитивной логики, системы позитивной морали и системы позитивной промышленности. Само собою разумѣется, что всѣ недостатки, которыми страдаетъ его система позитивной политики, выразились еще съ большею силой въ этомъ послѣднемъ сочиненіи его, которое впрочемъ не было окончено.

Контъ постоянно истощалъ свой организмъ чрезмѣрной умственной работой, сидячей жизнью, однообразіемъ своихъ занятій. Въ послѣдніе годы его жизни мозгъ его положительно жилъ въ ущербъ остальному организму. Чтобы получить понятіе объ этомъ страшномъ напряженіи, нужно обратить вниманіе на то, какъ онъ работалъ надъ всѣми своими большими твореніями. Онъ обдумывалъ предметъ своего сочиненія и никогда не дѣлалъ никакихъ письменныхъ замѣтокъ, конспектовъ и т. д. Онъ удерживалъ въ своей памяти общій планъ и всѣ мельчайшія подробности своего сочиненія, до тѣхъ поръ, пока цѣлый томъ не былъ готовъ въ его головѣ; тогда онъ брался за перо и писалъ свои толстые томы прямо изъ головы, рѣдко даже перечитывая написанное. Этотъ способъ работать могъ имѣть и свои хорошія стороны, но онъ былъ очень опасенъ въ томъ отношеніи, что держалъ въ страшномъ напряженіи мозговую систему человѣка. Къ тому же Контъ изъ гигіеническихъ видовъ предписалъ себѣ слишкомъ умѣренное употребленіе пищи и этимъ сильно разстроилъ свой организмъ.

Когда же къ этому присоединилось сильное огорченіе, произведенное въ немъ смертью его друга Вьельяра, и крайнее утомленіе во время похоронъ его, тогда въ немъ развилась его послѣдняя болѣзнь, которая и свела его въ могилу. Біологическія познанія его дали ему возможность самому заниматься своимъ леченіемъ; кромѣ того, при немъ было нѣсколько учениковъ медиковъ—но всѣ они ничего не могли сдѣлать противъ внутренняго рака, которымъ страдалъ ихъ учитель. Послѣ трехмѣсячной мучительной болѣзни, во время которой Контъ съ величайшимъ терпѣніемъ переносилъ страшныя мученія, онъ умеръ 5 сентября 1857 года, 59-ти лѣтъ отъ роду. Конту между тѣмъ очень не хотѣлось умирать: онъ желалъ еще долго жить, чтобы окончить «Субъективный Синтезъ» и въ особенности свое разсужденіе о морали, а также и для того, чтобы укрѣпить свое ученіе избраніемъ и посвященіемъ себѣ преемника, которому бы онъ могъ передать свои жреческія обязанности. Въ завѣщаніи своемъ, въ которомъ онъ назначалъ 13 своихъ учениковъ душеприкащиками, онъ сдѣлалъ между прочимъ распоряженіе о томъ, чтобы до тѣхъ поръ, пока будетъ построенъ особый храмъ позитивизма, его жилище постоянно сохраняемо было въ томъ видѣ, въ какомъ онъ оставилъ его, и чтобы здѣсь собирались его послѣдователи и посвящали эти собранія памяти объ умершемъ основателѣ новаго ученія. Онъ сдѣлалъ также въ этомъ завѣщаніи нѣкоторыя распоряженія о будущемъ устройствѣ культа позитивизма, назначилъ себѣ преемника въ званіи предсѣдателя общества позитивистовъ, который долженъ былъ тоже принять послѣ него исполненіе высшихъ жреческихъ обязанностей, и вообще выказалъ большую заботливость о будущей судьбѣ своего ученія.

Система позитивной политики, также какъ и «Субъективный Синтезъ» Конта представляютъ изложеніе соображеній Конта о тѣхъ нравственныхъ, политическихъ и соціальныхъ началахъ, на которыхъ должно было основаться будущее устройство человѣческаго общества, такъ какъ настоящее признано позитивной философіей неудовлетворительнымъ. Но принявшись отыскивать эти начала, Контъ, какъ мы замѣтили выше, принялъ методъ субъективный, при которомъ личному воображенію, личнымъ наклонностямъ и прихотямъ изслѣдователя предоставляется слишкомъ широкое поле дѣйствій. Поэтому результаты, добытые этимъ пу-

темъ, представляютъ нѣчто весьма шаткое и неудовлетворительное. Но кромѣ этой причины Милль указываетъ еще на другую причину, отъ которой происходили, по его мнѣнію, позднѣйшія заблужденія Конта. Причину эту Милль видитъ въ неустанномъ стремленіи Конта къ единству и систематизаціи. Контъ признаетъ аксіомой, правиломъ, о которомъ ни одинъ здравомыслящій человѣкъ не станетъ и спорить, что «совершенство состоитъ въ единствѣ». Ему повидимому никогда и въ голову не приходило то, что кто нибудь могъ спросить о томъ, къ чему же ведетъ это безконечное стремленіе къ единству, эта безконечная систематизація? Эта несчастная страсть къ систематизаціи проглядываетъ у Конта во всемъ, какъ въ основныхъ, существенныхъ чертахъ его системы морали, такъ и въ мельчайшихъ подробностяхъ, въ которыхъ онъ часто доходитъ до смѣшного.

Укажемъ теперь вкратцѣ на главные выводы, къ которымъ Контъ пришелъ въ своихъ сочиненіяхъ о позитивной морали и о позитивной политикѣ.

Въ основу своего ученія о морали, Контъ положилъ такъ-называемое имъ ученіе объ *альтрюизмѣ* (слово, произведенное отъ латинскаго alter — другой и представляющее противоположность понятію, которое обозначается словомъ эгоизмъ, произведеннымъ отъ латинскаго ego—я). Становясь на точку зрѣнія альтрюизма, Контъ утверждаетъ, что недостаточно, если мы будемъ дѣлать то, что желаемъ, чтобы другіе намъ дѣлали, и если мы только любимъ ближняго. Онъ не считаетъ даже достаточнымъ, чтобы всякій былъ готовъ, въ случаѣ надобности, поставить свой личный интересъ и свои личныя наклонности позади требованій всеобщаго блага. Нѣтъ, онъ требуетъ, чтобы всякій считалъ преступною всякую заботу о своихъ личныхъ интересахъ, если только вмѣстѣ съ этимъ не представляется средство дѣлать добро другимъ; онъ утверждаетъ, что человѣкъ долженъ стыдиться подобныхъ стремленій, онъ требуетъ, чтобы человѣкъ стремился излечить себя отъ нихъ, потому что иначе, до тѣхъ поръ пока онъ не избавится отъ этихъ стремленій, онъ не будетъ находиться въ полномъ единеніи съ остальнымъ человѣчествомъ. На этомъ ученіи объ альтрюизмѣ весьма рѣзко обнаруживаются недостатки Конта подъ конецъ его дѣятельности. Ученіе это свидѣтельствуетъ безъ сомнѣнія о великой его любви къ ближнему, о существованіи въ

немъ сильной потребности любить, о прекрасныхъ его личныхъ наклонностяхъ и стремленіяхъ. Но нельзя не признать довольно основательными слѣдующихъ мыслей, высказанныхъ Миллемъ въ его статьѣ о Контѣ:

«Конту повидимому никогда не приходилъ въ голову вопросъ о томъ, говоритъ Милль, не можетъ ли случиться такъ, что человѣчество, состоящее изъ множества отдѣльныхъ индивидуумовъ, получитъ бо̀льшую сумму счастья, если каждый человѣкъ будетъ стремиться къ своему собственному счастью, соблюдая при этомъ, разумѣется, правила и условія, необходимыя для того, чтобы не дѣйствовать въ ущербъ общему благу. Онъ не спрашивалъ себя, не будетъ ли это лучше, чѣмъ если каждый будетъ заботиться единственно только о томъ, чтобы дѣлать добро другимъ, и не дастъ самому себѣ никакихъ личныхъ удовольствій и наслажденій, которыя немало способствуютъ развитію нашихъ способностей. Образъ жизни, подобный тому, который ведется въ осажденномъ городѣ, можетъ и даже долженъ быть принятъ съ радостью тогда, когда этого требуютъ высшіе интересы; но изъ этого не слѣдуетъ, чтобы въ этомъ образѣ жизни нужно было видѣть самую совершенную форму человѣческой жизни. Подобная мораль не только не содѣйствуетъ къ ослабленію моральныхъ ограниченій, налагаемыхъ на каждаго отдѣльнаго человѣка, но напротивъ, еще значительно содѣйствуетъ усиленію ихъ. Она дѣлаетъ ту же самую ошибку, которую сдѣлало ученіе кальвинистовъ (или пуританъ), утверждавшее, что въ жизни все должно дѣлаться во славу Божію и что всякое дѣйствіе, не имѣющее прямою цѣлью прославленіе Бога, есть грѣхъ. Точно также странно обязывать людей, въ силу какого-то абстрактнаго принципа, не дѣлать ничего, что могло бы имъ принести личную пользу или удовольствіе. Достаточно требовать, чтобы каждый человѣкъ ограничилъ свое стремленіе къ удовлетворенію личныхъ интересовъ тѣми предѣлами, въ которыхъ онъ не наноситъ ущерба существеннымъ интересамъ другихъ, и наука о морали должна опредѣлить, каковы должны быть эти предѣлы. Но странно требовать, подобно кальвинистамъ, чтобы всѣ вѣрующіе были святые, или подобно Конту, чтобы человѣкъ не заботился лично о своихъ интересахъ, а заботился бы исключительно только объ интересахъ другихъ людей, съ полнымъ пренебреженіемъ къ своимъ личнымъ интересамъ».

Что касается до подробностей ученія Конта о морали, они еще менѣе выдерживаютъ критику, нежели общая идея его, и нерѣдко вызываютъ невольную улыбку. Контъ, напр., съ особымъ стараніемъ занялся внѣшней, обрядовой стороною придуманнаго имъ культа человѣчества, потому что считалъ всякіе обряды очень важными для укрѣпленія извѣстныхъ чувствованій. Онъ раздѣлилъ обряды, обязательные для позитивиста, на домашніе или частные и на публичные. Къ первымъ онъ относилъ молитву, съ которою позитивистъ долженъ былъ обращаться потри раза въ день къ личности любимой имъ женщины (какъ къ представительницѣ любящаго пола — sexe aimant); если у кого не было такой женщины, то Контъ совѣтовалъ брать какой-нибудь идеалъ женщины, хотя бы изъ исторіи; въ особенности же онъ рекомендовалъ посвящать молитвы памяти Клотильды Дево, имѣвшей такое огромное вліяніе на основателя позитивизма. Эти обряды позитивиста становятся положительно комичны, когда мы читаемъ описаніе внѣшнихъ знаковъ, которыми они должны быть сопровождаемы, формулъ ихъ и т. д. Что же касается до публичныхъ обрядовъ, то они должны были состоять въ праздникахъ и церемоніяхъ, установленныхъ и регулированныхъ Контомъ съ такимъ же стараніемъ, какъ и все относящееся до домашнихъ обрядовъ. Во первыхъ, Контъ составилъ такъ называемый «Календарь позитивистовъ», въ которомъ каждый мѣсяцъ, каждая недѣля и каждый день въ году обозначенъ былъ именемъ людей, оказавшихъ человѣчеству какую-нибудь важную услугу и имѣющихъ какія-нибудь заслуги относительно развитія человѣчества. Согласно съ основною мыслью, руководившею Контомъ при составленіи этого календаря, имена, вошедшія въ составъ его, заимствованы изъ разныхъ эпохъ, изъ разныхъ мѣстностей, изъ разныхъ религій и у разныхъ народовъ. Этотъ календарь долженъ былъ служить выраженіемъ благодарности всего человѣчества къ тѣмъ отдѣльнымъ членамъ его, которые принесли ему пользу въ какой бы то ни было сферѣ человѣческой дѣятельности, трудились на общую пользу и завѣщали человѣчеству выработанный ими умственный капиталъ.—Далѣе слѣдуютъ разныя подробности, относящіяся къ публичному культу человѣчества, которыя представляются намъ по меньшей мѣрѣ безполезными. Контъ предлагаетъ установить девять позитивныхъ мистерій, въ число которыхъ входитъ, напр., и

выборъ профессіи; онъ предлагаетъ установить 84 годовыхъ праздника, имѣющихъ назначеніемъ публичное прославленіе коллективнаго человѣчества, которому человѣкъ, по ученію Конта, обязанъ всѣмъ,—своимъ существованіемъ, своимъ нравственнымъ, умственнымъ и соціальнымъ развитіемъ, своимъ прогрессомъ и своимъ счастіемъ и т. д.

Считая необходимымъ новый культъ человѣчества, Контъ долженъ былъ также считать необходимымъ существованіе въ этомъ культѣ особой жреческой власти; и дѣйствительно Контъ и его ученики очень много толковали о необходимости раздѣленія свѣтской и духовной власти и объ организаціи послѣдней.—Онъ доказывалъ необходимость созданія особой духовной власти которая должна была направлять развитіе человѣчества, руководить воспитаніемъ его и быть какъ бы высшимъ судьею въ вопросахъ, касающихся нравственности и политики. По его мнѣнію, въ нравственныхъ и политическихъ вопросахъ человѣчество должно быть руководимо небольшимъ числомъ умовъ высшаго разряда, достаточно подготовленныхъ къ этой профессіи. Онъ приводилъ въ доказательство этой необходимости то, что въ вопросахъ чисто научныхъ, которые имѣютъ относительно гораздо меньшую важность, руководительство этихъ высшихъ умовъ признается и принимается всѣми. Но эта высшая умственная власть, по его понятію, должна была имѣть только спекулятивный, а не религіозный характеръ; онъ называетъ всюду представителей этой духовной власти философами, а не жрецами. Впослѣдствіи же, когда онъ принялся за устройство культа человѣчества, онъ придалъ этой власти совершенно жреческій характеръ и чрезвычайно обширное значеніе; онъ дошелъ до того, что готовъ былъ признать необходимость подавленія высшей духовной властью свободнаго развитія человѣческой мысли. Контъ допускаетъ, что во время теологическаго и метафизическаго періодовъ человѣческаго развитія можетъ еще имѣть мѣсто чисто интеллектуальная дѣятельность человѣка, можетъ также имѣть мѣсто свободное развитіе человѣческой мысли. Но послѣ того, какъ человѣческое развитіе вступило въ періодъ позитивизма, слѣдуетъ сдерживать свободную дѣятельность человѣческой мысли. До сихъ поръ, говоритъ онъ, слѣдовало опасаться, что эта дѣятельность будетъ слишкомъ слаба—теперь же напротивъ слѣдуетъ опасаться, что она поведетъ къ злоупотребленіямъ. По-

этому онъ въ Позитивной Политикѣ выказываетъ особенно сильное безпокойство о томъ, чтобы масса народа, не принадлежащая къ жреческому сословію, не имѣла знаній больше, чѣмъ сколько нужно, и не разсуждала бы слишкомъ много, потому что всякое разсужденіе вредно въ моральномъ отношеніи, такъ какъ оно возбуждаетъ въ человѣкѣ гордость. Для прекращенія умственной анархіи, которую, по словамъ Конта, производятъ въ настоящемъ обществѣ метафизики, ученые и литераторы, и которая очень вредна для религіи и для общественнаго порядка, слѣдуетъ положить въ основу будущаго человѣческаго устройства сильную духовную или жреческую власть. Власть жрецовъ или теоретиковъ должна, по его мнѣнію, стоять выше свѣтской власти, и свѣтская власть во всѣхъ важныхъ случаяхъ должна обращаться за совѣтами и за позволеніемъ къ представителямъ жреческой власти. Жрецы должны были являться также главными дѣйствующими лицами во всѣхъ публичныхъ обрядахъ, установленныхъ новымъ культомъ. Они должны были содержаться на счетъ государства и ни о чемъ сами не заботиться; для того, чтобы придать имъ характеръ большей независимости, они лишены были права скоплять въ своихъ рукахъ какія нибудь богатства. Самого себя Контъ, какъ мы упомянули уже выше, провозгласилъ первымъ жрецомъ новаго культа и даже перессорился со многими изъ своихъ послѣдователей (Литтре, Блиньеръ и др.) за то, что тѣ отказывались безусловно подчиняться той умственной дисциплинѣ, которой отъ нихъ требовали.

Не малая часть разсужденій Конта о позитивной политикѣ посвящена также вопросу о характерѣ, формахъ и значеніи свѣтской власти. Намъ до сихъ поръ почти вовсе не приходилось упоминать о политическихъ убѣжденіяхъ Конта, которыя тоже подвергались различнымъ перемѣнамъ, сообразно съ переворотами, совершавшимися въ его философскихъ воззрѣніяхъ. Въ молодости онъ по убѣжденіямъ своимъ былъ республиканцемъ. Въ его мнѣніяхъ этого времени есть соціалистическія черты, и онъ уже тогда говорилъ въ этомъ смыслѣ о необходимости новой политической нравственности, которая бы излечила господствующее общественное зло. Хотя Контъ постоянно твердилъ о томъ, что онъ врагъ всякихъ насильственныхъ революцій, однако, онъ встрѣтилъ іюльскую революцію, какъ счастливое событіе, потому что ожидалъ

отъ нея измѣненія того порядка вещей во Франціи, который онъ считалъ ненормальнымъ. Имъ былъ написанъ адресъ, съ которымъ политехническая ассоціація обратилась тогда къ королю Луи-Филиппу и въ которомъ доказывалась необходимость предать суду министровъ Карла X. Пять лѣтъ спустя, въ 1835 году, Контъ является передъ судомъ защитникомъ Армана Марра, редактора республиканскаго журнала La Tribune. Хотя онъ уже въ началѣ сороковыхъ годовъ начинаетъ жаловаться на постоянное усиленіе политической анархіи и на волненіе, возбуждаемое въ обществѣ разными анархическими школами (коммунистами и т. д.); однако, въ 1848 году во время февральской революціи мы встрѣчаемъ въ немъ еще довольно рѣзко выраженныя республиканскія наклонности, что обнаружилось между прочимъ и въ дѣятельности его въ обществѣ позитивистовъ. Но въ послѣдніе годы его жизни онъ все съ большимъ и большимъ озлобленіемъ сталъ относиться къ революціонной школѣ и обратилъ всѣ свои симпатіи къ консерваторамъ. Когда ему хотѣли запретить читать начатый имъ въ 1849 году публичный курсъ всеобщей исторіи человѣчества, онъ обратился къ тогдашнему правительству принца-президента съ запиской, въ которой онъ ставилъ себѣ въ особенную заслугу то, что онъ своими чтеніями наноситъ смертельные удары «фокусникамъ и утопистамъ» и что онъ своими чтеніями поднимаетъ знамя строителей тамъ, гдѣ до сихъ поръ развѣвалось только знамя разрушителей; онъ хвалится далѣе тѣмъ, что онъ своими чтеніями «можетъ ясно доказать, какъ безумно стремиться къ немедленнымъ и радикальнымъ мѣрамъ»; онъ желалъ доказать въ своемъ курсѣ философіи исторіи, что «въ настоящемъ и въ будущемъ главная гарантія истиннаго соціальнаго и политическаго прогресса будетъ состоять въ мудромъ сосредоточеніи свѣтской власти, которая будетъ имѣть должное уваженіе къ высшей духовной власти».

Высшая свѣтская власть, по теоріи Конта, должна совершенно отказаться отъ всего, касающагося духовныхъ интересовъ, предоставляя заботу о нравственномъ и умственномъ переустройствѣ общества представителямъ высшей духовной власти. Свѣтская же власть должна заботиться объ энергическомъ поддержаніи необходимаго матеріальнаго порядка (спокойствія внутри и мира извнѣ) и о содѣйствіи прогрессу посредствомъ мудрой поддержки промышленной дѣятельности; она имѣетъ также назначеніемъ регу-

лировать производство и распредѣленіе богатства сообразно съ здравыми политико-экономическими принципами. Подобному представленію Конта о назначеніи власти не соотвѣтствовала ни одна изъ существующихъ формъ правленія—ни монархическая, ни демократическая, ни парламентская. Монархическую форму правленія онъ считалъ несовершенной, потому что на ней будто бы слишкомъ сильно еще отражается система кастъ. Демократическая форма правленія была ему ненавистна, потому что она, по его мнѣнію, есть форма анархическая и не представляетъ никакихъ гарантій для поддержанія матеріальнаго порядка; также ненавистно ему и ученіе извѣстной части демократовъ о равенствѣ всѣхъ людей, такъ какъ, по его мнѣнію, неравенство способностей людей требуетъ подчиненія однихъ лицъ другимъ. Въ послѣдніе годы его жизни онъ и ученики его указывали съ особеннымъ торжествомъ на полное фіаско, которое потерпѣла демократія въ 1848 году; они видѣли въ этой неудачѣ осужденіе самой системы, не провѣривъ впрочемъ, насколько въ печальномъ исходѣ событій 48 года была виновата ненавистная имъ система. Но особенно непріятна была Огюсту Конту парламентская или представительная форма правленія. Онъ рѣшительно не желалъ допустить, чтобы люди несвѣдущіе, составляющіе такъ называемое общественное мнѣніе, принимали участіе въ практическомъ рѣшеніи серьезныхъ соціальныхъ вопросовъ. Попытку человѣка съ умомъ обыкновеннымъ контролировать дѣйствія людей, обладающихъ высшимъ умомъ, Контъ объявляетъ непростительнымъ посягательствомъ на авторитеты. Онъ не можетъ также допустить мысли о томъ, чтобы младшіе стали выбирать себѣ старшихъ, а низшіе высшихъ; это правило, признаваемое демократами и парламентаристами, онъ считаетъ нераціональнымъ и противнымъ человѣческой природѣ. Ненависть его къ демократіи и къ парламентаризму простиралась до того, что онъ питалъ особенное уваженіе къ императору Наполеону III именно за то, что тотъ уничтожилъ во Франціи ту и другую форму правленія.

Не довольствуясь критикой существующихъ формъ правленія, Контъ предлагаетъ цѣлый планъ политическаго устройства общества, который мы и сообщаемъ здѣсь въ главныхъ чертахъ его, считая излишнимъ объяснять его несостоятельность. Вся Европа, или, по крайней мѣрѣ, вся западная Европа, говоритъ Контъ,

должна быть раздѣлена на мелкія государства, которыя не должны быть болѣе Бельгіи, Португаліи или великаго герцогства Тосканы. Это раздробленіе на мелкія государства необходимо потому, что большое число гражданъ одного государства не допускаетъ возможности единства чувствъ и потребностей между всѣми гражданами государства; а это единство, по словамъ Конта, составляетъ необходимое условіе разумнаго и непоколебимаго патріотизма. Окончательное политическое устройство всѣхъ этихъ мелкихъ государствъ Контъ считаетъ возможнымъ по прошествіи 33 лѣтъ, раздѣленныхъ на три неравныхъ періода. Къ концу перваго, семилѣтняго періода, Конту будетъ поручено главное руководство воспитаніемъ новаго поколѣнія въ духѣ позитивизма. Къ концу втораго, пятилѣтняго періода, императоръ Наполеонъ или его преемникъ, а вслѣдъ затѣмъ и другіе государи западной Европы, должны будутъ отказаться отъ своей власти въ пользу временнаго тріумвирата, члены котораго будутъ выбраны изъ лучшихъ пролетаріевъ. Контъ считалъ пролетаріевъ неспособными къ постоянному управленію и поэтому онъ исключилъ ихъ отъ участія въ правительствѣ въ своемъ планѣ окончательнаго устройства общества; но они, по его мнѣнію, лучше всякихъ другихъ сословій могли управлять во время переходной эпохи, такъ какъ они свободнѣе отъ предразсудковъ, нежели другія сословія. Эти тріумвираты должны были управлять внѣшними сношеніями, внутренними дѣлами и финансами каждаго изъ новыхъ маленькихъ государствъ (въ одной Франціи такихъ государствъ предполагалось 17). Для контролированія дѣйствій тріумвировъ и для вотированія бюджета при нихъ долженъ былъ состоять административный совѣтъ, избранный изъ богачей посредствомъ всеобщей подачи голосовъ. Переходная эпоха, въ которую долженъ былъ управлять этотъ тріумвиратъ, по мнѣнію Конта, продолжится 21 годъ; и тогда уже должно будетъ установиться въ западной Европѣ окончательное политическое устройство въ томъ видѣ, какъ его понимали позитивисты. При этомъ устройствѣ главнымъ лицомъ въ государствѣ считается верховный жрецъ. Что же касается до высшей свѣтской власти, то она должна принадлежать уже не пролетаріямъ, а тому, что онъ называетъ «возрожденнымъ индустріализмомъ». Подобно Сенъ-Симону, Контъ считаетъ необходимымъ вручить диктаторскую власть, въ дѣлахъ, подлежащихъ вѣденію свѣтской, а

не духовной власти, аристократіи капитала. Представителями высшей свѣтской власти должны быть богачи и работодатели, т. е. банкиры, богатые торговцы и промышленники, и, наконецъ, богатые землевладѣльцы. А для того, чтобы капиталистамъ, имѣющимъ въ своихъ рукахъ всю свѣтскую власть, легче было достигнуть между собою общаго согласія, число ихъ, по мнѣнію Конта, должно быть, по возможности, ограничено. Для этого матеріальное богатство, а въ томъ числѣ и владѣніе землею, должно быть сосредоточено въ возможно меньшемъ количествѣ рукъ—иначе выйдетъ разноголосица. Для главнаго управленія внѣшними, внутренними дѣлами и финансами каждой изъ маленькихъ республикъ, должны быть назначены три банкира, которые, однако, должны совѣтоваться о важнѣйшихъ дѣлахъ съ другими богачами и капиталистами. Банкиры-управители не избираются народомъ, а назначаются каждый разъ ихъ предшественниками, которые при жизни своей назначаютъ себѣ преемниковъ; а такъ какъ власть въ политическомъ планѣ Конта соединена была съ капиталомъ, то банкиры-управители вмѣстѣ съ властью должны были передавать и капиталы избираемымъ ими лицами. Такимъ образомъ Контомъ установлялось и право наслѣдства, съ тою только особенностью, что наслѣдниками могли быть не только дѣти и родственники, но и всякое лицо, на которое падетъ выборъ завѣщателя. Въ случаѣ передачи власти и капитала постороннему лицу, капиталистъ обязанъ былъ только позаботиться о томъ, чтобы его дѣти получили хорошее позитивистское воспитаніе; другихъ же обязанностей относительно дѣтей своихъ онъ не имѣлъ. Правительственную власть банкировъ Контъ не ограничивалъ никакой представительной системой, никакимъ постороннимъ контролемъ: злоупотребленія этой диктаторской власти должны были предупреждаться духовнымъ вліяніемъ жрецовъ и философовъ, а также и позитивнымъ воспитаніемъ самыхъ правителей—диктаторовъ. Чтобы объяснить себѣ, какимъ образомъ Контъ могъ дойти до созданія подобной безобразной формы правленія, — надо вспомнить, что Контъ былъ въ то время увѣренъ, что придуманные имъ капиталисты-управители, воспитанные въ духѣ позитивизма, будутъ руководствоваться въ своихъ дѣйствіяхъ чувствомъ альтрюизма, которое и заставитъ ихъ обращать всѣ свои богатства на пользу и для блага своихъ ближнихъ. Остается только удивляться тому, что онъ даже счи-

талъ свою теорію осуществимой въ самой ближайшей будущности, подъ его собственнымъ руководствомъ.

Разсужденія о принципахъ новой морали, о различіи свѣтской и духовной власти, объ устройствѣ новаго культа человѣчества, о новыхъ началахъ соціальнаго и общественнаго строя, составляютъ главное содержаніе четырехъ томовъ позитивной политики Конта. Но кромѣ того Контъ имѣлъ здѣсь въ виду «систематизировать наше знаніе и провѣрить его съ субъективной точки зрѣнія, единственной разумной точки зрѣнія, допускающей дѣйствительный синтезъ; потому что, говорилъ онъ, объективный синтезъ невозможенъ; знанія, доступныя намъ посредствомъ знакомства нашего съ міровыми законами, по необходимости являются чѣмъ-то отрывочнымъ и не могутъ быть приведены къ необходимому единству, такъ какъ міровые законы слишкомъ многочисленны, и способъ взаимодѣйствія ихъ слишкомъ сложенъ и запутанъ; единственнымъ связующимъ началомъ для нашихъ знаній является строгая систематизація ихъ посредствомъ субъективнаго метода». Легко представить себѣ, каковы были результаты подобнаго пересмотра и подобной переработки его прежней философской системы. Результатъ этотъ по необходимости не могъ представить ничего утѣшительнаго: вмѣсто системы, построенной на знакомствѣ съ силами и свойствами природы, на тщательномъ изслѣдованіи міровыхъ явленій и изысканіи законовъ, управляющихъ этими явленіями, здѣсь предлагаются апріористическія соображенія, выработанныя путемъ субъективнаго метода человѣкомъ, впавшимъ въ какое-то экзальтированно-мистическое настроеніе. Больше всего измѣненій сдѣлано было Контомъ въ отдѣлѣ біологіи. Измѣненія эти имѣли цѣлью установить болѣе тѣсную связь между біологіей, соціологіей и наукой о морали. Съ этою цѣлью онъ выдумалъ построить новую теорію мозговыхъ способностей и мозговыхъ отправленій, которая есть ничто иное, какъ измѣненіе системы Галля о раздѣленіи мозга на различныя части, соотвѣтствующія различнымъ свойствамъ человѣка. Онъ исчисляетъ всѣ свойства нашей умственной, нравственной и животной природы и назначаетъ каждому изъ нихъ предполагаемое мѣсто въ мозгу, руководствуясь при размѣщеніи ихъ только тѣмъ предположеніемъ, что тѣ свойства и наклонности, которыя имѣютъ между собою близкое соотношеніе, должны быть помѣщены рядомъ. Создавши въ своемъ

воображеніи эту мозговую теорію, онъ впослѣдствіи принималъ ее за нѣчто фактически доказанное и на ней основывалъ дальнѣйшіе свои выводы относительно соціологіи и морали.—Къ числу весьма странныхъ разсужденій Конта относится также его теорія о различіи назначенія двухъ половъ. Контъ считалъ нелѣпостью всякое предположеніе о томъ, что въ соціальномъ положеніи своемъ женщины должны быть сравнены съ мужчинами, и по этому вопросу онъ вступилъ даже въ обширную переписку съ Миллемъ. Аргументація Конта основывалась главнымъ образомъ на томъ, что сама природа установила различіе между мужчиной и женщиной и поставила женщину ниже мужчины. Это подчиненіе, говорилъ онъ, не можетъ быть уничтожено ни соціальными нововведеніями, ни возвышеніемъ уровня образованія женщины, и для обоихъ половъ было бы выгоднѣе всего признать это подчиненное положеніе женщины и стараться обратить его въ обоюдную пользу. Это подчиненіе, увѣрялъ Контъ, тогда только можетъ прекратиться, и женщина тогда только можетъ стать въ совершенно независимое отъ мужчины положеніе, когда она съумѣетъ достигнуть того, что она будетъ исполнять главное свое назначеніе, т. е. продолженіе рода человѣческаго, одна, безъ содѣйствія мужчины (!) (Осуществленіе этой гипотезы Контъ считалъ возможнымъ, хотя не брался за разрѣшеніе вопроса, когда и какимъ образомъ оно можетъ случиться).

Въ своей позитивной политикѣ Контъ передѣлалъ также и философію исторіи, и опять не къ лучшему. Такъ, напр., онъ придалъ особенно важное значеніе въ развитіи человѣчества эпохѣ фетишизма, или тому, что онъ называлъ теократическимъ періодомъ въ развитіи обществъ. Онъ высказываетъ также сочувствіе свое ко всему, въ чемъ выразилось стремленіе къ единству и систематизаціи. Юлія Цезаря онъ признаетъ величайшимъ благодѣтелемъ человѣчества, и лишаетъ расположенія своего грековъ за то, что это былъ народъ, въ высшей степени преданный интеллектуальной дѣятельности, между тѣмъ какъ по его позднѣйшей теоріи умъ всегда долженъ быть подчиненъ сердцу.—Наконецъ сантиментальное и мистическое міросозерцаніе свое Контъ внесъ также и въ область естественныхъ наукъ, и даже въ область математики (!). Напр. онъ приписывалъ планетамъ, землѣ и наконецъ всѣмъ неодушевленнымъ предметамъ способность чувствовать и мыслить;

онъ установилъ даже нѣкоторое обожаніе земли, которую онъ называетъ le grand fétiche, и которая, по его мнѣнію, точно также должна быть обожаема, какъ великое пространство (le grand milieu), и какъ обитающее землю великое существо (le grand être), т. е. человѣчество. Онъ вообразилъ особенную космогоническую теорію, въ которой дѣйствующими силами являются пространство, земля и человѣчество, составляющія вмѣстѣ то, что названо было имъ неофетишизмомъ. Наконецъ, по мнѣнію Конта, математика не можетъ сохранить свой объективный характеръ: для того, чтобы войти въ общую систему этого неофетишизма, она должна получить характеръ субъективный. Тутъ онъ доходитъ до того, что приписываетъ числамъ нравственныя разумныя свойства, называетъ три первыя цифры въ обыкновенномъ счисленіи «священными цифрами» (nombres sacrés), увѣряетъ, что единица есть типъ синтеза, два—типъ комбинаціи, три—типъ прогресса и т. д. Но мы считаемъ излишнимъ слѣдовать за всѣми заблужденіями этого, нѣкогда столь сильнаго, ума. Для образчика и сказаннаго довольно.

Странное направленіе, которое приняла умственная дѣятельность Конта, дало поводъ противникамъ его осудить всю его систему и умалить до послѣдней возможности заслуги, оказанныя имъ человѣческой мысли. «Вся заслуга его, говоритъ одинъ изъ строгихъ критиковъ его, Пелларенъ, заключается въ томъ, что онъ болѣе, нежели кто либо, настоялъ на необходимости примѣнить къ изслѣдованію вопросовъ политическихъ и нравственныхъ методъ, употребляемый при изученіи точныхъ наукъ (хотя онъ самъ не подалъ тому примѣра). Упорно настаивать на этомъ положеніи, какъ это дѣлалъ Контъ, и подтвердить его нѣсколькими историческими взглядами, не составляетъ еще такой важной для человѣческой мысли заслуги, какъ то выставляютъ слишкомъ ревностные ученики его. Что касается до попытки его примѣнить свой методъ къ разрѣшенію соціальныхъ вопросовъ, то, по общему сужденію, попытка эта была самая несчастная; особенно въ томъ, что касается біологіи или свойствъ мозга, и соціологіи или выведенныхъ Контомъ законовъ для настоящаго и будущаго. Мнѣ Контъ представляется съ своими философско-нравственными и религіозными измышленіями чѣмъ-то въ родѣ католическаго священника или монаха, вывороченнаго наизнанку». Извѣстный авторъ книги о новѣйшихъ реформаторахъ, Луи Рейбо, въ послѣднемъ

изданіи своего сочиненія отзывается о Контѣ въ подобномъ же смыслѣ. «Въ вѣялкѣ времени, говоритъ онъ, отъ великихъ умовъ остаются только здоровыя части; все же негодное отдѣляется и падаетъ въ забвеніе. Выдержитъ ли твореніе Конта подобную провѣрку? Можно безъ особеннаго риска отвѣчать на это отрицательнымъ образомъ; и не поможетъ ему тотъ шумъ, который производятъ вокругъ его творенія посмертныя апологіи, какою бы искусною рукою онѣ ни были написаны. Контъ дошелъ до той степени самообольщенія, которая граничитъ съ безуміемъ. Это отражается на всемъ его твореніи. Даже свѣтлыя мѣста его ученія сбивчивы и то они большею частью являются заимствованіемъ; когда же онъ вполнѣ оригиналенъ, тогда онъ полонъ заблужденій. Что ото всего этого останется? Ничего, или почти ничего, не во гнѣвъ будь сказано тѣмъ даровитымъ людямъ, которые выказали болѣе ума въ комментированіи философіи Конта, нежели тотъ выказалъ въ изложеніи ея. Комментаріи будутъ, конечно, долговѣчнѣе, нежели самый текстъ, но забвеніе составляетъ для того и для другого только вопросъ времени». Но самые даровитые послѣдователи Конта, Милль и Литтре, находятъ подобныя заключенія неосновательными и полагаютъ, что мы не имѣемъ никакого права произносить осужденіе надъ всей системой Конта потому только, что создатель ея впалъ подъ конецъ своей жизни въ достойныя сожалѣнія заблужденія. «Другіе могутъ смѣяться, говоритъ Милль, при грустномъ зрѣлищѣ паденія этого великаго ума; но мы находимъ, что паденіе это гораздо скорѣе достойно слезъ, нежели смѣха. Контъ имѣлъ обыкновеніе распространять и на англійскихъ послѣдователей и поклонниковъ своихъ упрекъ въ томъ, что они тоже принимали участіе въ «заговорѣ молчанія» относительно послѣднихъ его твореній. Читатель можетъ судить теперь (послѣ изложенія содержанія и характера этихъ твореній) о томъ, не было ли молчаніе это достаточно объяснено заботливостью о его доброй славѣ и весьма понятною боязнью поселить совершенно незаслуженную недовѣрчивость относительно замѣчательныхъ трудовъ первой половины его жизни».—Литтре тоже полагаетъ, что величайшую ошибку дѣлаютъ тѣ, которые произносятъ свой приговоръ надъ позитивной философіей Конта на томъ основаніи, что позитивная политика, не выдерживающая строгой критики, составляетъ будто бы прямой выводъ изъ нея. Можно признавать вполнѣ ошибочнымъ принципъ

позитивной политики, ни мало не касаясь основаній позитивной философіи. Напротивъ, первая не только не представляетъ прямого вывода изъ положеній позитивной философіи, но даже весьма часто противорѣчитъ имъ, какъ въ этомъ легко могъ убѣдиться читатель. Когда Контъ вздумалъ перейти отъ своей позитивной системы къ примѣненію ея на практикѣ, онъ пошелъ ложной дорогой, и многіе изъ его послѣдователей, въ томъ числѣ самые даровитые, отказывались слѣдовать за нимъ на этомъ пути. Контъ горько жаловался на то, что они отказались отъ его системы, когда пришлось дѣлать примѣненіе ея. Но Литтре замѣчаетъ, что нужно было выбирать одно изъ двухъ: или отвергнуть принципы во имя выводовъ, или отвергнуть выводы во имя принциповъ: мы избрали послѣднее, говоритъ онъ, для того чтобы спасти самые принципы: но противники системы Конта съ радостью и торжествомъ избрали первое, а это гораздо хуже для самой системы. Конечно, продолжаетъ онъ, успѣхъ позитивной философіи много пострадалъ отъ позднѣйшихъ заблужденій Конта; конечно, явное противорѣчіе между обѣими частями обширнаго творенія Конта, съ жадностью и злорадствомъ выставляемое на видъ рутинными философами, не можетъ не тяготѣть надъ умами, расположенными къ принятію позитивной системы; но при болѣе внимательномъ изученіи творенія Конта, противорѣчіе между обѣими половинами его обнаруживается, и внимательный изслѣдователь приходитъ къ тому убѣжденію, что въ противорѣчіи этомъ виновата не самая система, а заблужденіе великаго ума.

Высказанныя Миллемъ и Литтре мысли объ этомъ предметѣ, конечно, справедливы. Что же касается до самой системы, выработанной Контомъ въ первомъ періодѣ его дѣятельности, то можно смѣло сказать, что она не была безплодна для развитія человѣческой мысли и что она займетъ почетное мѣсто въ исторіи этого развитія. Мы уже прежде старались объяснить значеніе позитивизма въ наукѣ, и въ особенности въ тѣхъ областяхъ науки, которыя были доселѣ совершенно чужды позитивнаго характера. Для пополненія сказаннаго приведемъ здѣсь заключительныя слова, которыми Литтре оканчиваетъ свою замѣчательную книгу о Контѣ и въ которыхъ онъ излагаетъ свой взглядъ на значеніе и будущность позитивной теоріи. А затѣмъ мы заключимъ характеристику философской дѣятельности Конта нѣсколькими замѣтками о томъ,

на сколько воззрѣнія, высказанныя Контомъ относительно необходимости придать *всѣмъ* человѣческимъ знаніямъ безъ исключенія позитивный характеръ, находятъ себѣ примѣненіе въ дѣйствительности.

«Читатель могъ замѣтить изъ чтенія моего труда о Контѣ, говоритъ Литтре, что я стараюсь выставить Конта первостепеннымъ философскимъ умомъ и что я считаю необходимымъ развитіе и укрѣпленіе позитивной философіи вмѣстѣ съ развитіемъ человѣческихъ знаній. Я вполнѣ убѣжденъ въ справедливости этихъ двухъ увѣреній. Убѣжденіе мое нашло себѣ подтвержденіе въ продолжительныхъ моихъ занятіяхъ ученіемъ Конта, въ самомъ строгомъ изслѣдованіи его, и наконецъ въ самыхъ событіяхъ: событія эти доказываютъ несомнѣннымъ образомъ, что судьба позитивной философіи самымъ тѣснымъ образомъ связана съ увеличеніемъ знаній, съ умственнымъ развитіемъ, и слѣдовательно съ общественными движеніями. Если бы позитивная философія была, подобно системѣ Аристотеля, Канта и другимъ подобнымъ системамъ, общая теорія, представляющая только болѣе или менѣе глубокое измѣненіе первоначальныхъ миѳическихъ или метафизическихъ воззрѣній, то какъ бы она ни казалась убѣдительною и соблазнительною, она все-таки подавала бы современному уму поводъ къ сомнѣніямъ, являющимся непремѣннымъ послѣдствіемъ самаго происхожденія ея. Всѣ эти философскія теоріи исходятъ отъ субъекта; эта точка отправленія допускаетъ только логическія формулы, но дѣлаетъ недосягаемымъ для насъ дѣйствительное или реальное. Но рядомъ съ субъективной точкой зрѣнія изслѣдованій существуетъ точка зрѣнія научная, принимающая только то, что объективно, реально, и что дознано опытомъ. Позитивная философія, какъ я уже сказалъ, есть общая индукція, сдѣланная при помощи частныхъ наукъ, и опираясь на эти науки, она получаетъ необходимый для всякой философской системы характеръ достовѣрности и способность къ дальнѣйшему развитію. Такъ какъ позитивная философія является дочерью наукъ, то судьба ея самымъ тѣснымъ образомъ соединена съ судьбою наукъ: она будетъ возвышаться вмѣстѣ съ ихъ возвышеніемъ, получать все большее и большее вліяніе, по мѣрѣ того, какъ расширится сфера научныхъ познаній. Позитивная философія, будучи только продолженіемъ наукъ до той точки, гдѣ онѣ получаютъ необходимое един-

ство, имѣетъ поэтому всю ту теоретическую и практическую дѣйствительность, которую каждая изъ наукъ имѣетъ въ своей частной сферѣ.

«Контъ не слѣдовалъ примѣру тѣхъ мыслителей (наприм. Декарта), которые отстраняютъ отъ своей философіи всѣ общественные вопросы; онъ напротивъ обратилъ особенное вниманіе на общественныя примѣненія своей философской системы. Какъ скоро онъ окончилъ созданіе своей научно-философской системы, онъ сейчасъ же началъ дѣлать попытки къ тому, чтобы найти примѣненіе ея. Попытки эти требуютъ, какъ мы видѣли, самаго тщательнаго пересмотра; но пересмотръ этотъ не долженъ касаться принципа. Позитивная философія даетъ намъ руководящую нить къ познанію исторіи; вмѣстѣ съ тѣмъ она даетъ намъ возможность найти необходимые законы общественнаго устройства. Объ эти особенности даютъ ей несомнѣнный характеръ практичности и примѣнимости, которыя и составляютъ отличительный характеръ позитивизма въ сравненіи съ различными метафизическими системами.

«Повторимъ въ короткихъ словахъ, въ чемъ, по нашему мнѣнію, заключаются заслуги Конта: среди умственной неурядицы, порожденной XVIII вѣкомъ, онъ съумѣлъ въ началѣ XIX вѣка указать на тотъ субъективный и фиктивный характеръ, который свойственъ теоріямъ метафизическимъ; онъ задумалъ уничтожить это противорѣчіе между умственнымъ міросозерцаніемъ человѣка и реальностью и понялъ возможность осуществленія этого плана; онъ понялъ, что для достиженія этой цѣли ему необходимо открыть, на основаніи раціональнаго изученія исторіи, точные законы развитія человѣчества, и онъ открылъ ихъ; сдѣлавши это важное открытіе, онъ понялъ необходимость обобщить человѣческое знаніе и обобщилъ его, подведя всѣ частныя науки подъ одну систему; наконецъ, онъ понялъ неразрывную связь, существующую между всеобъемлющею философіей и общественнымъ строемъ, и сдѣлалъ попытку (хотя и не увѣнчавшуюся успѣхомъ) найти основы раціональнаго устройства человѣческаго общества. Тотъ, кто такъ много потрудился для развитія человѣческой мысли, заслуживаетъ въ исторіи человѣчества почетнаго мѣста, на ряду съ величайшими дѣятелями, вписавшими свое имя въ исторію человѣческой мысли».

IV.

Собственно нельзя сказать, чтобы школа Конта и послѣ смерти его получила большее распространеніе, нежели при жизни. Во Франціи число прямыхъ послѣдователей его осталось по прежнему довольно ограниченнымъ. Къ тому же тѣ, которые называли себя учениками и преемниками его, сдѣлали очень мало для распространенія во французскомъ обществѣ знакомства съ лучшею стороною ученія Конта. Близорукіе и слишкомъ рьяные послѣдователи его, при жизни его слѣпо шедшіе за нимъ всюду, куда только ему вздумалось вести ихъ, продолжали и послѣ смерти его называться позитивистами; но дѣятельность ихъ главнымъ образомъ выражалась въ томъ, что они хлопотали о развитіи и распространеніи того мистическаго позитивнаго культа, о которомъ мы говорили выше. Поэтому такіе ученики и послѣдователи, какъ, наприм., Робине, Блиньеръ, Констанъ-Ребекъ, Лафитъ и т. п., мало приносили чести своему учителю, усвоивши себѣ преимущественно одни только слабыя стороны его ученія. Изъ дѣйствительныхъ ученыхъ одинъ только Литтре продолжалъ во Франціи дѣло Конта, стараясь придать наукѣ, въ самыхъ разнообразныхъ, доступныхъ ему сферахъ (напримѣръ, медицинѣ, лингвистикѣ), позитивный характеръ. Въ Германіи Конта совсѣмъ не знали и не понимали. Вмѣстѣ съ французскими учеными рутинерами нѣмецкіе ученые то считали его сенъ-симонистомъ, то ново-гегеліанцемъ, то единомышленникомъ Фейербаха, то натурфилософомъ, на подобіе Шеллинга, однимъ словомъ, выказали полное невѣденіе относительно сущности позитивизма. Нѣсколько болѣе вниманія обратили на ученіе Конта въ Голландіи, въ Италіи и въ Америкѣ, гдѣ отъ времени до времени являлись попытки опредѣлить характеръ и оцѣнить значеніе позитивной философіи. Но болѣе всего посчастливилось ученію Конта въ Англіи. Въ числѣ англійскихъ послѣдователей Конта мы встрѣчаемъ не безъ извѣстныя въ ученомъ мірѣ имена, какъ-то имена Молесвэрта, Грота, и наконецъ имя миссъ Генріетты Мартино, которая извѣстна своимъ популярнымъ, сокращеннымъ изложеніемъ системы позитивной философіи Конта (отъ выводовъ его позитивной политики она отреклась вмѣстѣ съ лучшими послѣдователями Конта). Наконецъ, говоря о системѣ Конта, нельзя не упомянуть имени Милля. Милль

первый между европейскими учеными оцѣнилъ по достоинству значеніе системы Конта и первый явился ея послѣдователемъ. Хотя впослѣдствіи они разошлись по весьма многимъ вопросамъ, и хотя подъ конецъ жизни Конта въ личныхъ отношеніяхъ ихъ произошло замѣтное охлажденіе, однако Милль всегда продолжалъ считать себя послѣдователемъ Конта и признавалъ великія достоинства и великое значеніе его системы. «Въ послѣднее время, говоритъ онъ въ первомъ томѣ своей «Логики», три писателя, очень свѣдущіе въ естественныхъ наукахъ, но имѣющіе также основательныя познанія и въ другихъ, болѣе возвышенныхъ сферахъ человѣческаго знанія, сдѣлали попытки, хотя и попытки неравномѣрнаго достоинства, создать философію индукціи. Писатели эти суть: Джонъ Гершель, въ своемъ разсужденіи объ изученіи естественной философіи, Уэвель въ своей Исторіи и философіи индуктивныхъ наукъ, и самый великій изъ всѣхъ, Огюстъ Контъ, въ своемъ Курсѣ позитивной философіи. Если бы это послѣднее сочиненіе было болѣе извѣстно, оно непремѣнно дало бы автору его право занять мѣсто въ самомъ высшемъ разрядѣ европейскихъ мыслителей. Я по крайней мѣрѣ считаю сочиненіе это самымъ замѣчательнымъ изо всего, что произведено было философіей наукъ, и изложенныя въ немъ размышленія Конта весьма достойными вниманія». Во второй части «Логики», гдѣ Милль касается вопроса о томъ, что ходъ человѣческаго прогресса вообще зависитъ отъ законовъ послѣдовательныхъ преобразованій человѣческихъ воззрѣній, онъ упоминаетъ о Контѣ въ слѣдующихъ выраженіяхъ: «Изслѣдованія, которыя я только что пытался характеризовать, до сихъ поръ систематическимъ образомъ сдѣланы однимъ только Контомъ. До сихъ поръ его сочиненіе представляетъ единственный извѣстный примѣръ изученія общественныхъ явленій съ подобной точки зрѣнія. Я не намѣренъ распространяться здѣсь о достоинствѣ его выводовъ, въ особенности же о достоинствѣ его предсказаній и соображеній относительно будущности, такъ какъ эти соображенія, какъ мнѣ кажется, сильно уступаютъ его оцѣнкѣ прошедшаго. Я удовольствуюсь тѣмъ, что упомяну здѣсь о томъ важномъ основномъ законѣ развитія человѣческаго знанія, на который указалъ Контъ». Упомянувши потомъ о трехъ послѣдовательныхъ ступеняхъ человѣческаго развитія по Конту, Милль продолжаетъ: «Мнѣ кажется, что законъ этотъ обладаетъ въ выс-

шей степени научной очевидностью, которая проистекаетъ изъ взаимнаго содѣйствія вѣроятій, заимствованныхъ изъ указаній исторіи и свойствъ человѣческаго духа. Открытіе этого закона проливаетъ совершенно новый свѣтъ на ходъ исторіи; въ связи съ этимъ закономъ находятся всѣ замѣчательнѣйшія соціальныя явленія» («Система Логики» Милля, т. II, глава X, § 8).

Но если число открытыхъ послѣдователей Конта въ ученомъ мірѣ запада не было особенно значительно, то изъ этого вовсе не слѣдуетъ, чтобы научно-философская система его осталась достояніемъ небольшаго кружка. Доказанная Контомъ необходимость открыть посредствомъ наблюденія и индукціи точные законы, управляющіе всѣми міровыми явленіями, и отстранить изъ этихъ явленій всякій произволъ и всякую случайность, составляетъ нынѣ заботу всякаго раціональнаго научнаго дѣятеля, въ какой-бы сферѣ науки онъ ни трудился. Науки естественныя уже давно стали отрѣшаться отъ метафизическаго характера и пріобрѣтать характеръ позитивный; поэтому въ этомъ отношеніи заслуги Конта еще не особенно велики, и ему принадлежитъ только заслуга систематизаціи. Но что касается общественныхъ наукъ, то здѣсь заслуги Конта гораздо значительнѣе. Въ XVIII-мъ вѣкѣ науки эти продолжали быть метафизическими, способъ изслѣдованія явленій, относящихся къ нимъ, продолжалъ быть исключительно субъективнымъ и дедуктивнымъ, и если и дѣлались попытки открыть законы, управляющіе общественными явленіями, то законы эти не имѣли реальнаго характера, а являлись произведеніями метафизическаго произвола. Контъ первый доказалъ необходимость открыть путемъ индукціи и объективнаго изслѣдованія твердые, незыблемые соціологическіе законы; онъ доказалъ, что эти научные методы (объективный и индуктивный) должны быть одинаково обязательны во всѣхъ научныхъ изслѣдованіяхъ, къ какому бы разряду ни относились явленія, составляющія предметъ изслѣдованій; и для того чтобы доказать на практикѣ справедливость этого кореннаго закона, который долженъ давать направленіе всей дѣятельности человѣческой мысли, онъ примѣнилъ указанный имъ методъ къ изученію исторіи и первый создалъ раціональную, а не метафизическую философію исторіи, первый придалъ исторіи позитивный характеръ. Прошло около 25 лѣтъ съ тѣхъ поръ, какъ Контомъ доказана была необходимость созданія раціональныхъ соціологи-

ческихъ законовъ, и теперь всѣ лучшіе умы запада именно стремятся къ тому, чтобы окончательно уничтожить въ различныхъ отрасляхъ общественныхъ наукъ тотъ метафизическій характеръ, который уже началъ исчезать въ естественныхъ наукахъ съ XVIII и даже съ XVII вѣка, и чтобы придать имъ характеръ позитивный. Подобныя попытки сдѣланы относительно исторіи, политической экономіи, юридическихъ наукъ и т. д., наконецъ, даже относительно филологіи и лингвистики. Остановимся въ заключеніе на нѣсколькихъ подобныхъ попыткахъ, отчасти, вѣроятно, уже знакомыхъ нашимъ читателямъ, и мы увидимъ, что система, выработанная Контомъ, составляетъ уже неотъемлемое достояніе науки.

Замѣчательнѣйшимъ изъ европейскихъ ученыхъ, трудившихся въ направленіи Конта, является Милль. Его «Система Логики» заслуживаетъ въ этомъ отношеніи особеннаго вниманія. Во всемъ этомъ сочиненіи проведена мысль, что тѣ-же самые логическіе принципы, которые ложились въ основаніе методовъ естествознанія, должны также служить руководящею нитью при изслѣдованіи истины вообще, не только въ области естествознанія, но и въ другихъ областяхъ. Чѣмъ больше ученые будутъ держаться этихъ принциповъ и чѣмъ строже они будутъ примѣнять этотъ методъ, т. е. методъ индуктивный, тѣмъ совершеннѣе будетъ изслѣдованіе. Индуктивная логика, которая ведетъ свое начало отъ Бэкона, до начала нынѣшняго столѣтія еще очень мало получила права гражданства, не смотря на то, что для теоріи индукціи уже давно существовалъ богатый, хотя и разбросанный матеріалъ. Но еще очень недавно первостепенные мыслители считали невозможнымъ переработать этотъ матеріалъ въ систему: такъ, напримѣръ, нѣмецкая философія со своимъ метафизическимъ направленіемъ сдѣлала сравнительно очень мало въ этомъ смыслѣ. Милль сдѣлалъ попытку взяться за разрѣшеніе этой задачи: онъ сдѣлалъ попытку обобщить тотъ методъ изслѣдованія истины и оцѣнки доказательствъ, посредствомъ котораго уже открыто столько важныхъ, остававшихся доселѣ скрытыми, законовъ природы въ различныхъ отрасляхъ человѣческаго знанія. Онъ сдѣлалъ также попытку содѣйствовать хоть сколько-нибудь разрѣшенію вопроса, который, вслѣдствіе уничтоженія старыхъ воззрѣній и вслѣдствіе волненія, глубоко распространившагося въ европейскомъ обществѣ, пріобрѣлъ особенную важность; вопроса, который въ настоящее время столь

же важенъ для практическихъ интересовъ человѣческой жизни, какъ онъ всегда былъ важенъ для полноты нашихъ теоретическихъ знаній, а именно слѣдующаго вопроса: дѣйствительно ли духовныя и общественныя явленія представляютъ исключеніе изъ неизмѣнности и однообразія хода природныхъ явленій? и въ какой мѣрѣ къ познанію законовъ моральныхъ и общественныхъ явленій могутъ быть примѣнены тѣ же методы, посредствомъ которыхъ можно было найти неизмѣнные законы физическаго міра и достигнуть по отношенію къ физическимъ явленіямъ всѣми признанныхъ истинъ? Онъ желалъ доказать въ своемъ сочиненіи, что эти методы примѣнимы и къ изслѣдованію моральныхъ и общественныхъ наукъ, т. е. къ наукамъ, имѣющимъ предметомъ своимъ духовную жизнь отдѣльнаго человѣка (психологія, этологія или наука объ образованіи человѣческаго характера), и къ наукамъ, имѣющимъ предметомъ изученіе жизни цѣлыхъ обществъ и народовъ (исторія, политическая экономія, большая часть юридическихъ наукъ). «Если мы желаемъ, говоритъ Милль въ «Системѣ Логики» (6-я книга, I-я глава, 1-й параграфъ), чтобы философіи удалось освободить отъ эмпирическихъ пріемовъ самую важную часть человѣческихъ изслѣдованій, то, что собственно называется «изученіемъ человѣчества», то слѣдуетъ примѣнить къ этимъ изслѣдованіямъ тѣ же пріемы, при помощи которыхъ поставлены внѣ всякаго сомнѣнія законы многихъ, болѣе простыхъ явленій. Если многимъ весьма замѣчательнымъ умамъ не удавалось до сихъ поръ открыть законовъ извѣстнаго разряда явленій, то мы должны стараться снять съ науки это пятно тѣмъ, что мы обобщимъ и примѣнимъ къ этому разряду явленій тѣ методы, которые оказали столь хорошіе результаты при изслѣдованіи явленій другого разряда... Если я принимаюсь за такой трудъ, то я не скрываю отъ себя того, на сколько должны показаться слабыми и бездоказательными всѣ указанія насчетъ методовъ, если они не объяснены практически. Я понимаю, что самое лучшее средство указать на методъ построенія политики и этими заключалось бы въ самомъ построеніи ихъ; но я знаю также, что иногда бываетъ не безполезно (примѣръ Бэкона лучше всего подтверждаетъ намъ это) указать на самый путь, по которому слѣдуетъ идти, если мы даже и сами не приготовлены далеко идти по немъ». Милль въ «Системѣ Логики» обращаетъ между прочимъ вниманіе и на то обстоятельство, что многіе счи-

таютъ невозможнымъ открытіе точныхъ соціологическихъ законовъ, ссылаясь при этомъ на неуспѣшность многихъ сдѣланныхъ въ этомъ смыслѣ попытокъ. Но неуспѣшность эта могла происходить, замѣчаетъ онъ, и отъ фальшиваго примѣненія, или отъ односторонняго употребленія различныхъ способовъ изслѣдованія. Для открытія соціологическихъ законовъ необходимо совокупное примѣненіе наблюдательнаго, экспериментальнаго и сравнительно-историческаго методовъ: иначе безуспѣшны будутъ всѣ изслѣдованія въ области сложныхъ и трудно доступныхъ для наблюдателя явленій въ сферѣ моральнаго развитія индивидуальнаго человѣка, и еще болѣе въ сферѣ дѣятельности коллективнаго человѣчества. Но не смотря на сложность явленій и на трудность изслѣдованія ихъ, можно сказать съ большою достовѣрностью, что явленія эти составляютъ результаты вліянія внѣшнихъ обстоятельствъ на массы человѣческихъ существъ. Если поэтому обстоятельства эти подчинены твердымъ законамъ, то слѣдовательно и вытекающія изъ нихъ явленія тоже должны быть подчинены такимъ же законамъ. Конечно, нельзя утверждать, чтобы знакомство съ этими законами когда-либо достигло той степени, чтобы историческія явленія можно было предсказать съ такой же точностью и достовѣрностью, какъ явленія астрономическія; но разница въ достовѣрности заключается не въ правильности и неизмѣнности законовъ, а въ точности и неизмѣнности самыхъ данныхъ, на которыхъ основываются законы. Въ астрономіи, напр., данныя эти столь же неизмѣнны, какъ и самые законы, потому что тутъ мы находимъ очень мало причинъ, вліяющихъ на результатъ. Напротивъ, обстоятельства, оказывающія вліяніе на положеніе и ходъ исторіи, въ высшей степени измѣнчивы и многочисленны; если каждое изъ нихъ въ свою очередь и подчинено извѣстнымъ законамъ, то многочисленность ихъ часто парализуетъ всѣ наши разсчеты. Но все-таки открытіе соціологическихъ законовъ даетъ намъ возможность не только бросить взглядъ въ далекую будущность исторіи человѣческаго рода, но оно даже позволяетъ намъ опредѣлить, какія искусственныя средства и въ какой мѣрѣ могутъ быть употреблены для того, чтобы ускорить благодѣтельный прогрессъ въ человѣческомъ развитіи, чтобы сгладить нѣкоторыя его невыгоды и неудобства и чтобы избавиться отъ случайностей и опасностей, сопряженныхъ съ этимъ прогрессомъ. Такія практическія указанія, основанныя

на высшихъ теоретическихъ соображеніяхъ соціологіи, составятъ самую лучшую и самую благодѣтельную часть политической науки.

Какъ видитъ читатель, Милль относится къ цѣлой обширной области человѣческаго знанія, къ знаніямъ, касающимся моральной жизни отдѣльнаго человѣка и цѣлыхъ народовъ и обществъ, точно также, какъ относился къ нимъ Контъ. Онъ считаетъ необходимымъ и возможнымъ открытіе незыблемыхъ соціологическихъ законовъ, посредствомъ примѣненія къ нимъ индуктивнаго метода изслѣдованія; онъ считаетъ возможнымъ созданіе посредствомъ этого пути новой науки, которая замѣнитъ субъективно-метафизическую науку о человѣкѣ и объ обществѣ. «Система Логики» Милля и «Система позитивной философіи» Конта представляютъ намъ два совершенно однородныя умственныя произведенія. У Конта мы встрѣчаемъ болѣе обстоятельное изложеніе и болѣе основательное знакомство съ отдѣльными науками, входящими въ составъ его системы. У Милля, напротивъ, мы встрѣчаемъ изложеніе болѣе сжатое, менѣе изобилующее спеціальными знаніями но за то болѣе популярное и болѣе удобопонятное, нежели у Конта, изложеніе котораго вообще тяжело и сбивчиво. Но основной характеръ того и другаго сочиненія совершенно одинаковъ. Теперь взглянемъ на то, какъ Милль, указавши на важное значеніе индуктивнаго метода въ человѣческомъ знаніи вообще, понимаетъ примѣненіе позитивнаго метода къ наукѣ, болѣе спеціальнымъ образомъ его занимающей—къ политической экономіи. Это тѣмъ болѣе любопытно, что здѣсь попытка его будетъ имѣть характеръ совершенной оригинальности и новости, такъ какъ сдѣланныя до него опыты придать политической экономіи характеръ позитивной науки не имѣли успѣха. Контъ, какъ мы уже замѣтили эту науку совершенно оставилъ безъ вниманія.

Милль исходитъ отъ той основной точки, что существуетъ большой разрядъ явленій, которыя главнымъ образомъ зависятъ отъ стремленія людей къ пріобрѣтенію и къ распредѣленію между собою богатства. Политическая экономія, по его мнѣнію, должна изучать людей только какъ существа, стремящіяся къ пріобрѣтенію и потребленію богатствъ, и должна имѣть цѣлью указать, каковы бы были дѣйствія людей, если бы кромѣ этого стремленія не существовало никакихъ другихъ вліяющихъ на нихъ обстоятельствъ. Наука эта показываетъ, что подъ вліяніемъ этого стремленія люди

накопляютъ богатство и употребляютъ его на производство другого богатства; что подъ этимъ же вліяніемъ они посредствомъ взаимнаго соглашенія узаконяютъ учрежденіе собственности; что они постановляютъ законы, имѣющіе цѣлью мѣшать отдѣльнымъ личностямъ нарушать право собственности силою или обманомъ; что они съ этою цѣлью дѣлаютъ разныя изобрѣтенія, имѣющія назначеніемъ возвысить производительность ихъ труда; что они съ этою цѣлью устраиваютъ конкуренцію, изобрѣтаютъ деньги, кредитъ и другія средства, облегчающія распредѣленіе произведеній. Для того чтобы удобнѣе открыть законы, управляющіе этими явленіями, политическая экономія дѣлаетъ предположеніе, будто всѣ эти явленія происходятъ исключительно только подъ вліяніемъ стремленія людей къ богатству, хотя на дѣлѣ многія изъ нихъ могутъ быть результатомъ многихъ причинъ; но она занимается изученіемъ законовъ, управляющихъ дѣятельностью человѣка, какъ существа, стремящагося по природѣ своей къ пріобрѣтенію возможно большаго богатства. Разумѣется, замѣчаетъ Милль, нельзя дѣлать смѣшного предположенія, будто политико-экономы непремѣнно должны считать людей таковыми на дѣлѣ: но они не могутъ поступать иначе, если желаютъ создать реальную науку. Если какое нибудь дѣйствіе происходитъ отъ совокупнаго вліянія многихъ причинъ, то причины эти должны быть изучены по одиначкѣ, и законы, вытекающіе отъ нихъ, изслѣдованы отдѣльно. Человѣкъ тогда только получаетъ возможность предсказать явленіе или управлять имъ, когда онъ вывелъ общій законъ цѣлаго явленія изъ отдѣльныхъ законовъ частныхъ причинъ, имѣющихъ вліяніе на явленіе. Для того чтобы судить о томъ, какъ будетъ поступать человѣкъ подъ вліяніемъ разнообразныхъ, вліяющихъ на него желаній и стремленій, мы должны знать, какъ онъ поступилъ бы подъ вліяніемъ каждаго изъ этихъ стремленій въ отдѣльности. Есть разрядъ явленій, гдѣ пріобрѣтеніе богатства составляетъ главную и всѣми признанную цѣль: политическая экономія, занимающаяся этимъ разрядомъ явленій, весьма понятнымъ образомъ должна разсматривать эту главную и всѣми признанную цѣль, какъ единственную цѣль. Этимъ способомъ политико-экономъ получитъ результаты, по возможности, близкіе къ дѣйствительности. Послѣ того этотъ приблизительный результатъ можетъ быть окончательно исправленъ принятіемъ въ соображеніе дру-

гихъ, хотя и менѣе важныхъ, причинъ, вліяющихъ на разсматриваемое явленіе, и изученіемъ законовъ этихъ частныхъ причинъ: политико-экономъ даже долженъ непремѣнно положить себѣ за правило—не считать результатовъ, добытыхъ его наукою, примѣнимыми къ объясненію или предсказанію событій до тѣхъ поръ, пока они не будутъ измѣнены принятіемъ въ соображеніе вліянія, производимаго на явленіе другими обстоятельствами и причинами, кромѣ главнаго мотива, признаваемаго политической экономіей.

Большая часть нашихъ читателей, вѣроятно, знакома съ сочиненіемъ Бокля, имѣвшимъ такой успѣхъ и въ европейской и въ нашей литературѣ, и они, вѣроятно, помнятъ основную идею этого сочиненія. Они помнятъ, что во всемъ своемъ популярно изложенномъ введеніи къ исторіи цивилизаціи Англіи, Бокль проводитъ ту основную идею, что весь рядъ общественныхъ явленій, или другими словами, весь ходъ исторіи подчиненъ всеобщимъ законамъ, которые философія можетъ и должна открыть. Онъ проводилъ во всемъ трудѣ своемъ тотъ великій принципъ, что дѣйствія индивидуальнаго человѣка и коллективнаго человѣчества не имѣютъ характера случайности, а напротивъ, имѣютъ характеръ вполнѣ правильный и управляются точными законами — физическими и моральными. Бокль, какъ извѣстно, придаетъ очень важное значеніе первымъ изъ нихъ, долго останавливается на вліяніи физическихъ явленій на жизнь отдѣльнаго человѣка и народовъ, и приходитъ къ тому заключенію, что изученіе исторіи немыслимо безъ изученія естественныхъ наукъ. Но вмѣстѣ съ тѣмъ, онъ признаетъ также важное значеніе въ исторіи человѣчества духовныхъ законовъ, т. е. нравственныхъ и умственныхъ элементовъ развитія человѣчества: подъ этимъ онъ, какъ извѣстно, разумѣетъ природу людскихъ вѣрованій, сумму ихъ познаній, и вообще развитіе ихъ умственной дѣятельности. — Читатель, знакомый съ сочиненіемъ Бокля и съ главными основаніями соціологической системы Конта придетъ къ убѣжденію, что Бокль въ своемъ замѣчательномъ сочиненіи только осуществлялъ и развивалъ мысли Конта о необходимости придать исторіи позитивный характеръ. Соображенія Бокля о ходѣ исторіи и развитія человѣчества можно найти уже у Конта, въ той части его системы позитивной философіи, гдѣ онъ занимается философіей исторіи, съ тою только раз-

ницею, что у Бокля блистательно, популярно и въ тоже время довольно сжато изложено то, что у Конта изложено въ болѣе запутанной формѣ и что у него расплывается въ трехъ большихъ томахъ его Системы философіи. Эта связь и однородность двухъ взглядовъ не подлежитъ сомнѣнію.

Мы укажемъ еще сочиненіе Дрэпера «Объ умственномъ развитіи Европы». Дрэперъ нигдѣ не упоминаетъ о знакомствѣ своемъ съ сочиненіями Конта. Очень можетъ быть, что Дрэперъ точно также былъ знакомъ съ сочиненіями Конта, какъ и Бокль; но можетъ быть, Дрэперъ и не имѣлъ случая ознакомиться съ произведеніями Конта — вопросъ не въ этомъ. Интересно то, что во взглядахъ американскаго писателя мы опять встрѣчаемъ попытку придать изученію исторіи человѣчества тотъ позитивный характеръ, на необходимость котораго уже давно указывалъ Контъ. Дрэперъ начинаетъ съ того, что проводитъ параллель между человѣческимъ индивидуумомъ и коллективнымъ человѣчествомъ. Онъ принимаетъ отдѣльнаго человѣка за прототипъ человѣчества и утверждаетъ, что индивидуальное развитіе есть какъ бы модель человѣческаго прогресса, что отдѣльнымъ частицамъ человѣческаго организма соотвѣтствуютъ отдѣльныя личности въ націи. Ставши на такую точку зрѣнія, онъ утверждаетъ, что жизнь цѣлыхъ націй, какъ и отдѣльныхъ индивидуумовъ, дѣлится на нѣсколько эпохъ — эпоху дѣтства, юности, возмужалости, зрѣлости и старости,—и что въ то время, какъ однѣ націи переживаютъ еще періодъ дѣтства, другія находятся въ возмужаломъ состояніи, третьи начинаютъ разрушаться, четвертыя умираютъ, и т. д. Этою же параллелью Дрэперъ объясняетъ и необходимость перемѣны въ міросозерцаніи человѣческихъ обществъ. Какъ человѣкъ въ дѣтствѣ и молодости воображаетъ, что очень многое зависитъ отъ его личной воли, и только въ болѣе зрѣломъ возрастѣ убѣждается въ томъ, что большая часть явленій его жизни совершаются независимо отъ его личной, свободной воли, а зависятъ напротивъ отъ какихъ-то неизмѣнныхъ, точныхъ законовъ: такъ и въ жизни коллективнаго человѣчества, въ жизни цѣлыхъ обществъ и народовъ совершается подобная же перемѣна. Сначала открываются законы въ области физическихъ явленій; потомъ они мало по малу открываются въ явленіяхъ болѣе сложныхъ и обширныхъ, и такимъ образомъ все болѣе и болѣе распространяется

убѣжденіе въ томъ, что всѣ міровыя явленія подчиняются извѣстнымъ законамъ, которые опредѣляются совокупностью физическихъ условій, окружающихъ человѣка, и особенностями его духовной природы. Но понятіе о существованіи точныхъ и непреложныхъ законовъ, управляющихъ всѣми человѣческими дѣйствіями, управляющихъ и ходомъ развитія человѣка, не сразу усвояется народами: это даетъ Дрэперу основаніе утверждать, что въ жизни народовъ за вѣкомъ суевѣрія слѣдуетъ вѣкъ изслѣдованія, а потомъ уже наступаетъ вѣкъ разрушенія и разума (это соотвѣтствуетъ контовскому ученію о теологическомъ, метафизическомъ и позитивномъ періодахъ міросозерцанія). Сочиненіе Дрэпера именно имѣетъ цѣлью прослѣдить этотъ ходъ развитія умственной жизни народовъ въ различныхъ ея проявленіяхъ—въ философіи, наукѣ, литературѣ религіи и правленіи,—и отыскать непреложные законы человѣческаго прогресса. «Въ этой книгѣ я буду говорить о законѣ, говоритъ Дрэперъ. Въ мірѣ преходящихъ формъ я буду защищать неизмѣняемость и величіе закона, я покажу, какъ подчиненъ ему человѣкъ въ своемъ общественномъ ходѣ. Я выведу моего читателя, хотя бы и противъ его воли, изъ фантасмагорическихъ иллюзій, насъ окружающихъ и безпрестанно напрашивающихся на наше вниманіе, и поведу его къ тому, что лежитъ за ними, спокойное и сильное» (Дж. В. Дрэперъ, Исторія умственнаго развитія Европы, перев. съ англійскаго, стр. 19).

Въ заключеніи упомянемъ еще о попыткѣ, сдѣланной Литтре, внести контовскіе взгляды на науку въ область лингвистики и придать даже этой наукѣ характеръ науки позитивной. Литтре не разъ говорилъ, что все, что онъ писалъ послѣ знакомства его съ позитивной философіей Конта, писано подъ вліяніемъ этой философіи, и что даже на самыхъ спеціальныхъ сочиненіяхъ его отразилось это вліяніе. И это увѣреніе его не было пустою фразою. Литтре — извѣстный лингвистъ, и въ особенности отличный знатокъ романскихъ нарѣчій. Не далѣе какъ въ 1863 году вышло новое изданіе его исторіи французскаго языка. Не смотря на спеціальность этого трактата, мы дѣйствительно узнаемъ въ авторѣ, по его манерѣ относиться къ своему предмету, ученика Конта. Въ исторіи народовъ, говоритъ между прочимъ Литтре въ этомъ сочиненіи, мы нигдѣ не видимъ, чтобы оставлено было значитель-

ное мѣсто случайному. Случай играетъ роль совершенно второстепенную; напротивъ, раціональность, не зависящая отъ личной воли людей, проявляется въ тѣсной связи дѣйствій съ причинами, послѣдующаго съ предъидущимъ. Точно то же повторяется и въ исторіи языковъ. Нарѣчія подвержены, какъ и все остальное, закону измѣненій. Это доказывается опытомъ и разумомъ. Что это доказывается опытомъ — очевидно, потому что мы имѣемъ на то исторію. Апріористическія наши разсужденія приводятъ насъ къ тому же самому, потому что невозможно, чтобы при всеобщемъ измѣненіи, проявляющемся намъ въ исторіи, одинъ только языкъ оставался неизмѣннымъ при всеобщемъ движеніи. Исторія вообще есть изученіе закона измѣненій, т. е. изученіе того правильнаго хода, которому слѣдуетъ человѣчество въ своемъ постепенномъ развитіи. То же самое можно сказать и объ исторіи нарѣчій. Только въ исторіи вообще рѣчь идетъ объ измѣненіяхъ въ событіяхъ и учрежденіяхъ, а въ исторіи языка объ измѣненіяхъ въ словахъ, формахъ и конструкціяхъ. Однимъ словомъ исторія, примѣненная къ нарѣчіямъ, является изслѣдованіемъ ихъ происхожденія, когда происхожденіе это доступно для насъ, ихъ измѣненій *и правильныхъ условій, управляющихъ этими измѣненіями.* Однимъ изъ факторовъ образованія языка является мѣстность; другимъ факторомъ является время. Вѣка являются соціальными средами, которыя точно также, какъ и физическая среда, имѣютъ свою долю вліянія. Исторія языка самымъ тѣснымъ образомъ соединена съ литературной исторіей народа, который говоритъ этимъ языкомъ, а такимъ образомъ и съ соціальной исторіей его. Вотъ основной принципъ измѣненій языка. Языкъ могъ бы имѣть характеръ неподвижности среди общества, которое не измѣняется; но среди измѣняющагося общества, онъ долженъ имѣть характеръ подвижности. Эта подвижность впрочемъ ограничивается съ одной стороны тѣми коренными основаніями языка, которыя мы получили отъ предковъ, а съ другой стороны требованіями грамматическаго смысла, правильности и вкуса. Такимъ образомъ мы получимъ слѣдующій основной законъ измѣненія языка: «языкъ долженъ въ одно и тоже время приноровляться къ расширенію человѣческаго мышленія и соотвѣтствовать грамматическимъ и синтаксическимъ требованіямъ». Вообще такъ какъ въ каждомъ языкѣ есть элементъ основной, который нація можетъ измѣнить,

но не уничтожить, и элементъ измѣняющійся, то исторія языка должна изучать, какъ основной элементъ языка относится къ соціальному развитію, которое является существенной причиной измѣненій, и къ политическимъ событіямъ, которыя являются при этихъ измѣненіяхъ случайными причинами (какъ, напр., вліяніе, оказываемое на языкъ страны языкомъ и учрежденіями чужого народа, завоевавшаго эту страну, и т. п.)».

Теперь позитивная философія, скажемъ мы вмѣстѣ съ Литтре, уже достаточно проникла въ среду общества, и съ этихъ поръ ихъ можно считать неразрывно связанными. Позитивная философія будетъ оказывать вліяніе на развитіе общества; въ свою очередь общество въ своемъ развитіи будетъ дѣйствовать на дальнѣйшее развитіе позитивной философіи; между ними является необходимое взаимодѣйствіе. Послѣдователи Конта будутъ продолжать дѣло своего учителя; но съ именемъ Огюста Конта неразрывнымъ образомъ соединена будетъ слава открытія такого широкаго поприща дѣятельности.

Декабрь, 1865 г.

ЖИЗНЬ ДЖ. СТЮАРТА МИЛЛЯ *).

I.

Отецъ Милля.

Между обоими Миллями, отцомъ и сыномъ, замѣчается и кое-что общаго, и немало различнаго, въ отношеніи характера, жизни и внѣшнихъ обстоятельствъ. Безъ Джемса Милля многое въ Джонѣ Ст. Миллѣ было бы необъяснимо; но хотя намъ извѣстно, что отецъ Джемса Милля былъ сапожникъ, а мать, урожденная Изабелла Фентонъ — дочь фермера, сомнительно, чтобы эти историческія данныя имѣли особенно важное значеніе. Открытыми могутъ считаться также вопросы о томъ, который изъ обоихъ, отецъ или сынъ, былъ наиболѣе оригиналенъ и были ли они просто талантами или геніями. Во всякомъ случаѣ Джемсъ Милль былъ выдающійся мыслитель. Одною изъ отличительныхъ чертъ самовоспитанія Дж. Ст. Милля былъ протестъ противъ черезъ-чуръ суровой умственной дисциплины, которой онъ подвергался въ юности.

Дѣло не особенно легкое—освободить личность Джемса Милля

*) Въ ноябрѣ 1888 года въ Лондонѣ вышло въ свѣтъ жизнеописаніе Дж. Ст. Милля, написанное оксфордскимъ профессоромъ В. Л. Кэртнеемъ. Въ предисловіи къ своей книгѣ Кэртней говоритъ, что онъ пользовался для своего труда главнымъ образомъ «Автобіографіей» самого Милля и двумя сочиненіями д-ра Бэна: «Біографія Джемса Милля» и «Критическій этюдъ о Дж. Ст. Миллѣ». Помимо того, авторъ пользовался отчасти статьей Каролины Фоксъ «Journals and Letters», статьей профессора Минто въ «Encyclopaedia Britannica», статьями Морлея въ «Fortnightly Review» и письмомъ Гладстона о парламентской дѣятельности Милля.

отъ излишнихъ нареканій его враговъ или отъ похвалъ его друзей. Самую вѣрную оцѣнку ея представилъ его сынъ въ предисловіи своемъ къ «Анализу человѣческаго ума». «Тому, кто вздумалъ бы писать исторію литературы и философіи настоящаго столѣтія, пришлось бы отвести выдающееся мѣсто Джемсу Миллю. Немного найдется людей, которые стояли бы выше его относительно силы и проницательности ума; онъ былъ замѣчателенъ серьезнымъ отношеніемъ своимъ къ существеннымъ людскимъ интересамъ, а рѣшительный и энергическій характеръ его могъ бы служить образцомъ для многихъ. Вся его дѣятельность, какъ мыслителя, была посвящена служенію человѣчеству; онъ всю жизнь стремился къ расширенію умственнаго кругозора людей и велъ энергическую борьбу противъ всего, что могло бы препятствовать тому. Ко всему этому онъ отличался еще величайшей добросовѣстностью во всемъ, за что онъ ни принимался». Эта оцѣнка, хотя, быть можетъ, и нѣсколько преувеличенная, не лишена, однако, интереса и значенія. А вотъ и оцѣнка совершенно иного рода: «Мы нѣкоторое время готовы были предполагать, говоритъ Маколей въ своемъ этюдѣ по поводу сочиненія Милля «О правительствѣ», что эти господа (утилитаріанцы), въ которыхъ иные видятъ свѣточи міра, а другіе воплощенныхъ дьяволовъ, были въ сущности самыми обыкновенными людьми, довольно ограниченными и мало-знающими. Презрѣніе, съ которымъ они относятся къ изящной литературѣ, есть собственно презрѣніе невѣжества. Мы полагаемъ, что многіе изъ нихъ—просто люди, ничего или очень мало читавшіе, рады отдѣлаться отъ сознанія собственнаго своего ничтожества указаніемъ иныхъ людей на то, что знанія, которыхъ имъ не достаетъ, не имѣютъ никакого значенія, и, вычитавъ пять-шесть фразъ изъ «Westminster Review», по прошествіи какого-нибудь мѣсяца превращаются въ настоящихъ мыслителей. Рядомъ съ этими полуучеными, которымъ хватаетъ знаній едва на то, чтобы подняться надъ уровнемъ невѣжественной толпы и наводить ужасъ на своихъ благочестивыхъ тетушекъ и бабушекъ, мы видимъ также людей благомыслящихъ, которые дѣйствительно много читали и думали, но чтенія и размышленія которыхъ вертѣлись исключительно вокругъ извѣстной категоріи предметовъ и которые поэтому полагаютъ, что они вполнѣ овладѣли этими предметами, что, однако, отнюдь не дѣлаетъ ихъ способными окинуть общимъ, ши-

рокимъ взглядомъ литературныя и соціальныя явленія». Трудно представить себѣ, что эти двѣ характеристики относятся къ одному и тому же лицу. Замѣтимъ здѣсь кстати, что статья Маколея, вмѣстѣ съ нѣкоторыми другими критическими статьями, побудила Дж. Ст. Милля пересмотрѣть и переработать политическіе труды его отца.

Внѣшнія событія жизни Джемса Милля могутъ быть переданы въ немногихъ словахъ. Онъ родился въ 1773 году въ Норсватеръ-Бриджѣ, воспитывался въ академіи Монтрозъ и, сведя здѣсь тѣсную дружбу съ Джономъ Стюартомъ, назвалъ именемъ послѣдняго своего старшаго сына. Въ 1790 году, 17 лѣтъ отъ роду, онъ поступилъ въ эдинбургскій университетъ и восемь лѣтъ спустя сдѣлался пасторомъ. Въ 1802 году онъ, подобно многимъ шотландцамъ, покинулъ свою родину и отправился, вмѣстѣ съ Джономъ Стюартомъ, въ Лондонъ. Жизнь его въ Лондонѣ распадается на три періода: періодъ разныхъ невзгодъ и неудачъ—съ 1802 по 1819 г., когда онъ наконецъ получилъ мѣсто въ остъ-индской компаніи; періодъ самой усиленной и плодотворной литературной дѣятельности его — съ 1819 по 1829 годъ; и наконецъ третій періодъ, съ 1830 г. до самой его смерти (въ 1836 году) — его литературныхъ и житейскихъ успѣховъ; но въ то же время это также періодъ упадка его умственныхъ силъ, какъ результатъ усиливающейся болѣзненности его, которая въ свою очередь являлась результатомъ вынесенныхъ имъ трудовъ, неудачъ и лишеній. Умеръ онъ 63 лѣтъ отъ роду.

Внутренняя жизнь его гораздо интереснѣе и требуетъ болѣе подробнаго разсмотрѣнія. Мы видѣли выше, что онъ вначалѣ предназначалъ себя для духовнаго сана и сдѣлался пасторомъ. Трудно прослѣдить, когда именно началось въ немъ отрицательное отношеніе къ религіи, которое онъ передалъ и сыну своему; повидимому начало тому слѣдуетъ искать въ нѣкоторыхъ дружескихъ связяхъ, завязавшихся у него въ ранній еще періодъ его жизни въ Лондонѣ, въ особенности съ южно-американскимъ патріотомъ, генераломъ Мирандой; по крайней мѣрѣ такъ разсказывалъ самъ Милль одному изъ близкихъ друзей своихъ, Вальтеру Коульсону. Съ 1810 г. онъ вошелъ также въ дружескія сношенія съ Іереміей Бентамомъ, Рикардо, Брумомъ, Джорджемъ Гротомъ, Джозефомъ Юмомъ, съ квакеромъ и филантропомъ Уильямомъ

Алленомъ, съ чернигъ-кросскимъ портнымъ, радикаломъ Френсисомъ Плэсомъ; особенно друженъ онъ былъ съ Бентамомъ, и въ 1812 году, во время серьезной его болѣзни, немалымъ утѣшеніемъ для него была мысль, что въ случаѣ его смерти сынъ его останется на рукахъ Бентама. Не подлежитъ сомнѣнію, что онъ заимствовалъ изъ кружка Бентама нѣкоторыя изъ тѣхъ руководящихъ началъ, какъ нравственныхъ, такъ и политическихъ, которыхъ придерживается школа такъ называемыхъ утилитаріанцевъ; въ духовную программу его въ это время вошла также свобода мысли по религіознымъ вопросамъ. Но со временемъ въ отношеніяхъ Милля съ Бентамомъ произошло нѣкоторое охлажденіе. Однажды Милль написалъ Бентаму письмо, въ которомъ онъ высказывалъ мысль, что для нихъ обоихъ, быть можетъ, будетъ лучше, если они станутъ видѣться рѣже; и хотя разрывъ былъ на время отсроченъ, однако, повидимому Бентамъ въ частныхъ разговорахъ отзывался о своемъ другѣ не совсѣмъ благосклонно. Такъ, напр., по поводу политическихъ убѣжденій Милля онъ отзывался, что они являлись результатомъ не столько любви къ массѣ, сколько ненависти къ немногимъ—мнѣніе, противъ котораго Дж. Ст. Милль энергически протестовалъ во имя доброй памяти своего отца. А вотъ и еще довольно странный отзывъ Бентама о Миллѣ: «Онъ избѣгаетъ,—говоритъ Бентамъ,—вступать въ открытый споръ со мною. Если онъ не согласенъ, онъ молчитъ. Это сильный характеръ, стремящійся къ тому, чтобы подчинить каждаго себѣ своимъ безапелляціоннымъ тономъ, убѣдить каждаго своею положительностью. Его манера говорить тяжела и не особенно пріятна. Порою мнѣ кажется, будто у него на лицѣ надѣта маска» *). Нѣкоторые изъ этихъ отзывовъ, очевидно не вѣрны, такъ какъ теперь уже доказано, что Милль былъ прекрасный собесѣдникъ. Но лордъ Брумъ, во вступленіи къ своей рѣчи о судебной реформѣ (7 февраля 1828 г.), отзываясь съ похвалою о своемъ другѣ, замѣчаетъ, однако, что «на немъ отчасти отразился догматизмъ его школы»; а съ замѣчаніемъ относительно «маски на лицѣ его» не мѣшаетъ сопоставить его завѣдомо нѣжное и любовное отношеніе къ своимъ дѣтямъ. Не подлежитъ, однако, сомнѣнію, что въ его обычномъ обиходѣ сказывалась нѣкоторая су-

*) Заимствовано Бэномъ изъ «Life of Bentham» Боуринга; его же «Джемсъ Милль». 463.

ровость манеръ, нѣсколько помрачавшая семейное счастіе его и его присныхъ. Въ 1805 г. онъ женился на Генріеттѣ Баррау, дѣвушкѣ замѣчательно красивой, отъ которой Джонъ Стюартъ унаслѣдовалъ орлиный профиль лица; однако, по свидѣтельству Бэна, бракъ этотъ не былъ счастливъ, и разочарованіе вскорѣ сказалось съ обѣихъ сторонъ. Нѣкоторыя подробности о семейной жизни въ Квинсъ-скверѣ въ 1830 г., когда старшему изъ семи дѣтей супруговъ Миллей было 24 года, а младшему — шесть лѣтъ, не производятъ особенно пріятнаго впечатлѣнія. Отецъ, пишетъ Бэнъ, повидимому нѣсколько разочаровался въ старшихъ своихъ дѣтяхъ, слѣдовавшихъ за Джономъ, и всегда относился къ нимъ довольно холодно. Сынъ отзывается объ отцѣ своемъ, какъ о «самомъ нетерпѣливомъ человѣкѣ»: очевидно, что Джемсъ Милль, отличаясь большимъ самообладаніемъ въ сношеніяхъ съ другими людьми, не могъ или не считалъ нужнымъ сдерживать раздражительность своего характера у себя дома. Слѣдующее мѣсто изъ біографіи Джемса Милля, написанной Бэномъ, не нуждается въ комментаріяхъ: «Въ зрѣломъ возрастѣ, какъ то часто случается, онъ выказывалъ особенную любовь къ маленькимъ дѣтямъ; но тѣ постоянно относились къ нему съ нѣкоторою боязнью, потому что даже сквозь ласки его проглядывала нѣкоторая насмѣшливость. Посторонніе люди могли замѣтить, что появленіе его въ комнатѣ, въ которой собралась семья, производила расхолаживающее дѣйствіе. У Милля была весьма непріятная манера относиться къ женѣ и къ дѣтямъ даже въ присутствіи постороннихъ. Въ письмахъ своихъ къ пріятелямъ онъ является хорошимъ семьяниномъ, отводящимъ должное мѣсто женѣ и дѣтямъ; но въ ежедневномъ обиходѣ этого въ немъ не замѣчалось».

Не безъинтересно сопоставить эту черту его характера съ его ученой дѣятельностью. Крупное произведеніе его, написанное среди денежныхъ затрудненій и съ нерѣдкими перерывами, — «Исторія Индіи», появилось въ свѣтъ въ 1817 году и повидимому способствовало доставленію ему два года спустя мѣста въ остъ-индской компаніи. За нимъ слѣдовали, въ 1821 году, «Основы политической экономіи» и рядъ замѣчательныхъ статей въ «Британской Энциклопедіи», самою выдающеюся изъ которыхъ была монографія «Правительство». Не будетъ преувеличеніемъ, если мы скажемъ, что этотъ этюдъ его легъ въ основу политическаго

радикализма всей школы бентамитовъ и утилитаріанцевъ и игралъ не послѣднюю роль въ образованіи того прогрессивнаго теченія, которое привело къ биллю о реформѣ 1833 года. Въ 1822 году Милль приступилъ къ главному своему философскому трактату «Анализъ человѣческаго ума», появившемуся въ свѣтъ, однако, лишь въ 1829 году. Это тщательное изслѣдованіе относительно явленій въ области ума, въ смыслѣ идей Локка и Юма; особенно замѣчательно оно тѣмъ употребленіемъ, которое сдѣлалъ изъ него Гартлей въ своемъ трактатѣ объ ассоціаціи идей. Слѣдующіе годы привели съ собою упроченіе его положенія въ остъ-индской компаніи и цѣлый рядъ блистательныхъ этюдовъ, появившихся преимущественно въ «Westminster Review». Въ 1824 году онъ полемизировалъ съ «Edinburgh-Review» и съ «Quarterly Review» въ цѣломъ рядѣ статей, въ которыхъ ясно опредѣлялось то положеніе, какое новая демократическая школа намѣревалась занять по отношенію къ вигамъ съ одной и къ торіямъ—съ другой стороны. Слѣдующій годъ ознаменовался основаніемъ лондонскаго университета, въ чемъ Милль игралъ не послѣднюю роль, и появленіемъ уничтожающей критики на «Церковную книгу» Сутея, въ которой обнаружилась вся глубина разногласія Милля со взглядами ортодоксальной церкви. Его отрывокъ «О Макинтошѣ» появился въ 1835 году и шокировалъ даже друзей Милля рѣзкостью нападокъ на этическую философію Макинтоша. Въ «London Review» появились сначала статья «О церковной реформѣ», а затѣмъ другая—о судебной реформѣ. Наконецъ въ послѣдній годъ его жизни, въ 1836 году, были напечатаны два этюда его,—одинъ «Объ аристократіи», другой, въ формѣ діалога—«Въ чемъ заключается польза политической экономіи?», написанный среди самыхъ жестокихъ физическихъ страданій передъ самой его смертью, послѣдовавшей 23 іюня. За послѣднее время его служба въ остъ-индской компаніи шла чрезвычайно успѣшно. Будучи назначенъ въ 1819 году помощникомъ корреспондента, съ жалованьемъ въ 800 ф. ст. въ годъ, онъ уже въ 1821 году сдѣлался младшимъ корреспондентомъ, съ содержаніемъ въ 1000 ф. ст. Въ 1823 г. онъ получалъ уже 1,200 ф. ст., въ 1830 г.—1,900 ф. ст., а въ 1836 году, за четыре мѣсяца до его смерти, ему было назначено жалованье въ 2,000 ф. ст. При смерти отца всѣ девятеро дѣтей его были въ живыхъ. Второй его сынъ, Джемсъ, служилъ по граж-

данской части въ Остъ-Индіи, а остальные были дома. Старшая дочь его Вильгельмина, названная такъ въ честь дочери Джона Стюарта, въ которую былъ влюбленъ Вальтеръ Скоттъ, умерла въ 1861 году, Джемсъ — въ 1862 году, Генри, третій сынъ, умеръ отъ чахотки, въ сравнительно молодыхъ годахъ, въ 1840 году въ Фальмутѣ, а четвертый, Джорджъ, служившій въ остъ-индской компаніи, умеръ отъ той же болѣзни въ 1853 году на о. Мадерѣ. «Вообще,—замѣчаетъ Бэнъ,—Джонъ Ст. Милль наслѣдовалъ изъ всѣхъ дѣтей Джемса Милля не только выдающіяся умственныя способности его, но и крѣпкое физическое здоровье».

Отличительною чертою Джемса Милля была сила воли, которою объясняются одновременно и успѣхи его, и нѣкоторыя не особенно привлекательныя черты его характера. Въ его философскихъ, юридическихъ и политико-экономическихъ теоріяхъ, въ его абстрактныхъ умствованіяхъ, въ его отношеніяхъ къ семейству и къ друзьямъ, во всемъ его домашнемъ обиходѣ, въ каждой сторонѣ его дѣятельности, мы подмѣчаемъ одну преобладающую черту, одну ноту, постоянно повторяющуюся во всякаго рода гармоническихъ комбинаціяхъ,—явное и рѣзко выраженное вліяніе восемнадцатаго столѣтія. Это—умъ холодный, вдумчивый, критическій, желающій все проанализировать, все понять. Отсюда его ясность, его раціонализмъ, его апріорный методъ; отсюда же, съ другой стороны, его сухость, нѣкоторая черствость и односторонность. Сложные мотивы человѣческаго существованія представляются ему простыми, потому что онъ всѣ ихъ приводитъ къ одному основному мотиву—къ желанію счастія; психологію онъ объясняетъ теоріей ассоціаціи; нравственность—принципомъ возможнаго счастія. Онъ все сводитъ къ опыту и методъ его—сознательно или безсознательно—дедуктивный. Отрѣшаясь отъ сферы чувствъ и страстей и вращаясь исключительно въ сферѣ разума, онъ въ концѣ концовъ убѣждается въ безсиліи послѣдняго. Цѣлая половина достоянія ума человѣческаго, поэзія, искусство, религія, литература, остается для него закрытой книгой, которую онъ или игнорируетъ или устраняетъ. Зато въ своей области онъ полный хозяинъ. Онъ не терпитъ никакихъ софизмовъ, онъ чурается всякихъ увлеченій, онъ не признаетъ авторитетовъ, и если онъ не достигъ большихъ результатовъ, то только потому, что задумалъ открыть съ помощью одного только реагента всѣ элементы весьма сложнаго мірозданія. Съ

одной стороны, Джемсъ Милль былъ, безъ сомнѣнія, оригинальный мыслитель; но съ другой стороны на немъ замѣтно отразилось вліяніе другихъ мыслителей. Тому, кто читалъ «Наблюденія надъ человѣкомъ» Гартлея, извѣстно, что тотъ отчасти загромождаетъ основной свой принципъ ассоціаціи разными посторонними соображеніями и ослабляетъ его, связывая его съ произвольной физіологической гипотезой вибраціи. Въ «Анализѣ» Милля принципъ ассоціаціи является въ простой, конкретной формѣ; для него всѣ виды ассоціаціи сводятся къ одному—къ смежности. У Бентама принципъ полезности является ключемъ для разрѣшенія вопросовъ этики и философіи; Милль прилагаетъ тотъ же принципъ и къ политическимъ вопросамъ, выводя на основаніи его заключеніе въ пользу демократіи. Это стремленіе къ упрощенію ассоціативныхъ принциповъ Джонъ Стюартъ Милль считаетъ «послѣднею, быть можетъ, удачною попыткой обобщенія и упрощенія законовъ умственныхъ явленій».

Далѣе Милль въ своемъ этюдѣ «О правительствѣ» приводитъ цѣлый рядъ умозаключеній, истекающихъ изъ слѣдующихъ принциповъ: цѣль всякаго правительства—обезпечить возможно большую долю благосостоянія массѣ. Понятно, что никто не будетъ дѣйствовать вопреки своимъ интересамъ, поэтому таковымъ разумнымъ цѣлямъ правительства естественнѣе всего можетъ содѣйствовать самоуправляющійся черезъ посредство своихъ представителей народъ. Неограниченная монархія, аристократія, олигархія представляютъ собою такія формы правленія, въ которыхъ управляющіе имѣютъ въ виду свои собственные интересы, которые далеко не всегда тождественны съ интересами народа, а часто прямо противоположны имъ. Такова строго логическая постройка политическихъ взглядовъ Милля, хотя и можно представить немало возраженій какъ противъ общаго метода ея, такъ и противъ практическихъ изъ нея выводовъ. Долженъ-ли методъ политическихъ изслѣдованій быть строго дедуктивнымъ? Можно-ли построить науку о правительствѣ на законахъ человѣческой природы? Можно-ли игнорировать указанія дѣйствительности и опыта? Маколей не безъ успѣха трактуетъ именно эти вопросы. «Какимъ образомъ,—спрашиваетъ Маколей,—можемъ мы придти къ вѣрнымъ заключеніямъ относительно такого важнаго предмета, какъ счастіе всего человѣчества? Понятно, лишь при помощи того метода, который далъ уже такіе важные результаты во всѣхъ

опытныхъ наукахъ, къ которымъ онъ былъ примѣняемъ, ради котораго новѣйшіе мыслители отрѣшились отъ средневѣковой софистики,—словомъ при помощи индуктивнаго метода; путемъ наблюденія реальныхъ явленій, тщательнаго изученія исторіи прошлыхъ столѣтій, выборки только несомнѣнныхъ фактовъ, тщательнаго сопоставленія и комбинированія ихъ, осторожнаго и осмотрительнаго обобщенія, подкрѣпленія построенной нами теоріи все новыми и новыми фактами, исправленія ея, а, въ случаѣ надобности, и отказа отъ нея, какъ только новые факты докажутъ ея частичную или общую несостоятельность» *). Это нѣчто большее, чѣмъ дешевая риторика оппонента во что бы то ни стало. Мало того: даже самъ Дж. Ст. Милль, въ шестой книгѣ своей «Логики», приступая къ конструкціи соціологической науки, усвоилъ себѣ тѣ же критическіе пріемы въ главѣ объ абстрактномъ или геометрическомъ методѣ и о вліяніи философіи Бентамовской школы. Холодный раціонализмъ отца нуждался въ исправленіи путемъ возвращенія къ опытному методу, безъ чего эта школа рисковала затеряться въ метафизическихъ дебряхъ. Еще болѣе яркій примѣръ мы находимъ въ этюдѣ Джемса Милля «О воспитаніи», появившемся, вмѣстѣ съ этюдомъ «О правительствѣ», въ прибавленіи къ «Британской Энциклопедіи». Вообще логическій умъ раціоналиста восемнадцатаго столѣтія не всегда могъ приноровиться къ пестрой панорамѣ человѣческой жизни; онъ рисуетъ намъ самостоятельную картину, съ рѣзкими, опредѣленными штрихами, чуждую мягкости линій и полутѣней.

Та же сухость и нѣкоторая черствость, которая замѣчалась въ его характерѣ, сказывается и на его литературныхъ произведеніяхъ. Мы знаемъ изъ словъ его сына, что въ сношеніяхъ своихъ съ дѣтьми и съ пріятелями онъ тщательно избѣгалъ всего, что могло походить на чувствительность и сантиментальность. Особенно строго, почти до суровости, онъ относился, повидимому, къ старшему сыну своему. Эта суровость его въ сношеніяхъ съ людьми являлась повидимому результатомъ отсутствія воображенія, къ чему присоединялось еще систематическое воздержаніе его отъ чтенія всякихъ беллетристическихъ и поэтическихъ произведеній. Въ его дневникѣ, съ которымъ насъ познакомилъ сынъ его, мы

*) «Edinburgh Review». Мартъ, 1829.

встрѣчаемъ многочисленныя цитаты и изреченія, принадлежащія философамъ, государственнымъ людямъ, историкамъ, юристамъ, богословамъ; но изъ дневника этого не обнаруживается особаго знакомства съ беллетристами, а если онъ иногда и цитируетъ поэтовъ, то съ цѣлями далеко не чисто-литературными. Мы не можемъ представить себѣ его,—какъ то случилось впослѣдствіи съ его сыномъ,—бьющимся надъ различными музыкальными комбинаціями. Понятно, что ему не могла придти въ голову мысль написать трактатъ «О поэзіи и о различныхъ видахъ ея», или сдѣлать оцѣнку дарованія Теннисона, или выказать сочувствіе Кольриджу и Карлейлю. Его скептицизмъ во многомъ не похожъ на нашъ. Онъ нападалъ на церковныя установленія и на государственную церковь, но вначалѣ былъ деистъ, и только подъ конецъ сдѣлался окончательно скептикомъ; но его скептицизмъ былъ скептицизмъ ясный, логическій, всегда остававшійся въ предѣлахъ разума; притомъ у него не встрѣчается нѣкоторой сантиментальности, замѣчаемой въ этюдѣ Дж. Ст. Милля о деизмѣ; само собою разумѣется, что онъ былъ также чуждъ всякаго мистицизма.

Были еще и нѣкоторыя другія черты въ характерѣ Джемса Милля, на которыхъ не лишне будетъ остановиться. Та же самая крѣпость нервовъ, которая побудила его воспитать своего сына сообразно принципамъ чистой логики, дѣлала изъ него также какъ нельзя болѣе полезнаго дѣятеля въ области политическихъ реформъ и умственнаго руководителя для его друзей и единомышленниковъ. Не подлежитъ ни малѣйшему сомнѣнію, что статьи Джемса Милля, появившіяся въ «Энциклопедіи» и въ «Westminster Review», дали толчокъ и направленіе реформистскому движенію, заключившемуся реформой 1832 года. Сомнительно, оказалъ-ли въ тотъ періодъ кто-либо другой такія большія и серьезныя услуги этому дѣлу. Не слѣдуетъ забывать того, что Маколей прошелъ черезъ школу Милля и находился въ самыхъ близкихъ сношеніяхъ съ учениками Милля въ Кембриджскомъ университетѣ, прежде чѣмъ онъ сдѣлался горячимъ сторонникомъ билля о реформѣ. Строгая логичность и практическая ловкость Милля оказали ему немаловажную услугу. Онъ не имѣлъ странностей Коббетта, рѣзкости Гэнта, и не шокировалъ своей рѣзкой оппозиціей установившимся въ странѣ взглядамъ, какъ Ричардъ Карлейль. Даже для Бентама онъ оказался въ высшей степени полезнымъ

въ этотъ критическій моментъ. Въ «Реформистскомъ катихизисѣ» Бентама, появившемся въ свѣтъвъ 1817 году, открыто высказывается требованіе всеобщей подачи голосовъ. Принципы Милля сводились къ тому же, но только онъ былъ настолько благоразуменъ, чтобы понять, что для этого слѣдуетъ предварительно сдѣлать нѣсколько подготовительныхъ шаговъ, въ родѣ, напр., расширенія народнаго образованія и расширенія правъ среднихъ классовъ. Похвальной чертой со стороны обоихъ Миллей является то, что хотя они вполнѣ симпатизировали рабочимъ классамъ, они избѣгали питать его призрачными надеждами, какъ, напр., надеждой на увеличеніе заработной платы законодательнымъ путемъ. Милль обращался преимущественно къ среднему промышленному классу, и дѣйствительно билль о реформѣ прошелъ, главнымъ образомъ благодаря содѣйствію крупныхъ промышленныхъ центровъ, Бирмингэма и Манчестера.

Не меньшее вліяніе, чѣмъ на политическій міръ, оказывалъ Милль на міръ интеллектуальный. Здѣсь главной силой его была сократическая манера излагать свои мысли. Сошлемся на свидѣтельство Грота въ статьѣ, написанной послѣднимъ по поводу «Трактата о В. Гамильтонѣ» Дж. Ст. Милля: «Его импровизированное устное изложеніе ни въ чемъ не уступало его писаннымъ трудамъ; его находчивость въ бесѣдѣ о философскихъ вопросахъ, его способность самому вести пренія и вызывать пренія со стороны другихъ, его ловкость въ отпариваніи и въ опроверженіи возраженій, — всѣ эти достоинства сказывались въ его устномъ изложеніи, конечно, сильнѣе, чѣмъ въ печатныхъ произведеніяхъ его. Бесѣда съ нимъ не только была поучительна, но она будила спящій умъ. Изъ всѣхъ лицъ, которыхъ мнѣ доводилось знать, Джемсъ Милль ближе всѣхъ подходилъ къ платоновскому идеалу «приводящаго и выслушивающаго доводы», одинаково способнаго заставлять выслушивать себя и выслушивать другихъ». Сынъ Джемса Милля даетъ намъ въ этомъ отношеніи не менѣе интересную характеристику отца своего: «Отецъ мой, — говоритъ онъ въ своей «Автобіографіи», — оказывалъ несравненно сильнѣйшее личное вліяніе, чѣмъ Бентамъ. Его уважали за здравомысліе и поучительность его бесѣдъ, и онъ этимъ широко пользовался, какъ орудіемъ для распространенія своихъ мнѣній. Мнѣ никогда не приходилось встрѣчать человѣка, кто бы такъ хорошо умѣлъ

выражать всѣ тонкости своихъ мыслей въ устной бесѣдѣ. Его умѣніе пользоваться своими богатыми познаніями, ясность и выразительность его рѣчи, серьезность ума, сила его аргументаціи,— все это дѣлало изъ него одного изъ самыхъ сильныхъ диспутантовъ... Сила его обнаруживалась не исключительно и даже не преимущественно въ распространеніи своихъ умственныхъ взглядовъ: она сказывалась главнымъ образомъ весьма рѣдкимъ свойствомъ — воодушевлять другихъ тѣмъ, что прежде всего имѣетъ въ виду общее благо, подогрѣвать на общее дѣло однородные умы и будить тѣхъ, кто приходитъ съ ними въ соприкосновеніе». Все это, конечно, не прошло даромъ для сына, и хотя онъ никогда не былъ такимъ дебатеромъ, какъ отецъ, но въ немъ замѣчалось такое же стремленіе къ общему благу, какъ и у послѣдняго.

II.

Дѣтство и юношество (1806—1823).

Когда Робукъ, около 1824 или 1825 года, пріѣхалъ изъ Америки въ Лондонъ, для того, чтобы поступить въ сословіе лондонскихъ адвокатовъ, онъ посѣтилъ одного изъ своихъ родственниковъ, Томаса Лоу-Пикока, служившаго корреспондентомъ остъ-индской компаніи. Пикокъ, другъ поэта Шелли, самъ поэтъ и беллетристъ, познакомилъ Робука съ молодымъ, восемнадцатилѣтнимъ человѣкомъ, недавно поступившимъ на службу въ ту же компанію, отрекомендовавъ его «замѣчательнымъ юношей»: это былъ Джонъ Стюартъ Милль. Можно прослѣдить нѣкоторое сходство между Миллемъ, или вѣрнѣе отцомъ его, и нѣкіимъ Макъ-Кведи, политико-экономомъ, выведеннымъ Пикокомъ въ его повѣсти «Кротчетъ-Кэстль». Самое имя Кведи (Quedy) очевидно составлено авторомъ изъ буквъ: Q. E. D., т. е. изъ сокращенныхъ словъ «quod erat demonstrandum» (что и требовалось доказать).

Этотъ «замѣчательный юноша», безъ сомнѣнія, заслуживалъ той характеристики, которую мы встрѣчаемъ въ повѣсти его старшаго сослуживца. Несмотря на свою молодость, онъ обладалъ обширными познаніями. Онъ началъ заниматься психологіей съ сочиненій Кондильяка, переходя затѣмъ постепенно къ Локку, Гартлею, Юму и Рейду. Онъ былъ основательно знакомъ съ исторіей

французской революціи; законовѣдѣніе онъ изучалъ по Остену и по «Traité de législation» Дюмона, но главнымъ образомъ по сочиненіямъ Бентама. Онъ уже началъ помѣщать свои статьи въ «Traveller», «Chronicle» и въ «Westminster Review»; онъ приступилъ къ организаціи общества утилитаристовъ въ честь Бентама. Ко всему тому, онъ былъ сынъ Джемса Милля, извѣстнаго историка Индіи и автора этюда «О правительствѣ», вызвавшаго такую ожесточенную полемику со стороны Маколея; наконецъ о немъ извѣстно было, что отецъ воспиталъ его совершенно особымъ крайне оригинальнымъ образомъ.

Прежде всего, какъ онъ самъ замѣчаетъ въ своей «Автобіографіи», онъ принадлежитъ къ числу тѣхъ немногихъ людей въ его отечествѣ, которые не получили никакого религіознаго воспитанія, въ смыслѣ той или иной изъ установленныхъ религій; поэтому онъ относился совершенно одинаковымъ образомъ ко всякаго рода религіознымъ вѣрованіямъ: тщательное изученіе исторіи уже давно заставило его смотрѣть, какъ на нѣчто вполнѣ естественное, что не только люди различныхъ эпохъ, но и люди одной эпохи вѣруютъ весьма различнымъ образомъ. Простое перечисленіе сочиненій Милля, написанныхъ имъ еще въ ранней молодости, въ состояніи привести въ удивленіе самыхъ молодыхъ и рано созрѣвшихъ ученыхъ. Онъ выступилъ съ самостоятельными статьями своими въ такой возрастъ, когда большинство людей только что начинаютъ учиться, напр., по-гречески. Правда, за то онъ и началъ учиться по-гречески съ трехлѣтняго возраста и до восьми лѣтъ учился, кромѣ греческаго языка, еще англійскому и ариѳметикѣ; съ восьми лѣтъ онъ сталъ учиться по-латыни. «Къ одному изъ самыхъ раннихъ моихъ воспоминаній,—пишетъ онъ,—относится то, что отецъ мой заставлялъ меня сначала прочитывать, а затѣмъ и заучивать греко-англійскія вокабулы, записанныя на особыхъ карточкахъ. Заучивъ извѣстное число вокабулъ, я приступилъ къ склоненіямъ существительнымъ и къ спряженію глаголовъ. Первая, прочитанная мною греческая книга были «Басни Эзопа»; вторая, о которой у меня сохранилось болѣе отчетливое воспоминаніе,—«Отступленіе» Ксенофонта». Вообще съ 1809 по 1814 гг., т. е. отъ трехъ до восьмилѣтняго возраста имъ прочитаны были: «Басни Эзопа», «Отступленіе», «Киропедія» и «Достопримѣчательности» Ксенофонта, Геродотъ, отчасти Лаэртъ и

Лукіанъ, двѣ рѣчи Изократа и первые шесть діалоговъ Платона. По-англійски преимущественно историческія сочиненія: Робертсонъ, Юмъ, Гиббонъ, Ватсона: «Филиппы Второй и Третій» (это былъ самый любимый его писатель), «Исторія Рима» Гука (послѣ Ватсона тоже его любимецъ), Ролленъ (въ англійскомъ переводѣ), «Плутархъ» Лангторна, «Наше время» Бэрнета, историческія статьи въ «Ежегодникѣ», Милларъ «Объ англійскомъ правительствѣ», Мосгеймъ, «Кноксъ» Макъ-Кри, путешествія Кука и Ансона, «Робинзонъ Крузе», «Аравійскія ночи», «Донъ-Кихотъ», разсказъ миссъ Эджевортъ, «Шутъ» Брука. По вечерамъ Милль занимался ариѳметикой и онъ сознается, что она была ему достаточно-таки противной.

На восьмомъ году отъ роду онъ началъ, какъ уже сказано выше, учиться латинскому языку, вмѣстѣ съ младшей сестрой своей, Вильгельминой. Впослѣдствіи всѣ младшіе братья и сестры его сдѣлались его учениками, хотя, повидимому, онъ нѣсколько тяготился этою обязанностью учителя. Съ 1814 по 1818 годы онъ преимущественно занимался латинскимъ и греческимъ языками и математикой; онъ, между прочимъ, изучилъ Виргилія, Горація, Федра, Ливія, Саллюстія, Овидія, Теренція, Лукреція, Цицерона, Гомера, Софокла, Еврипида, Аристофана, Ѳукидида, Демосѳена, Эсхила, Ѳеокрита, Анакреона, Полибія и «Риторику» Аристотеля; причемъ отецъ заставлялъ одиннадцати-лѣтняго мальчика дѣлать разборъ послѣдней книги и составлять по ней синоптическія таблицы. Изъ математическихъ наукъ онъ изучилъ элементарную геометрію и всю алгебру, а также отчасти дифференціальное исчисленіе и другія отрасли высшей математики. Отецъ его, желая предохранить его отъ торійскихъ предразсудковъ, заставилъ его прочесть «Грецію» Митфорда; а самъ онъ при помощи Гука, пытался составить, на основаніи Ливія и Діонисія, исторію римской республики; его особенно интересовала борьба между патриціями и плебеями, и уже съ самыхъ юныхъ лѣтъ въ немъ началъ сказываться будущій борецъ за демократію. Онъ написалъ также около этого времени нѣсколько стихотвореній, въ подражаніе «Гомеру» Попе, пораженный прелестью греческаго эпоса, и перевелъ англійскими стихами нѣкоторыя изъ меньшихъ поэмъ Гомера. При чтеніи англійскихъ поэтовъ не соблюдалось никакой системы. Отецъ его не раздѣлялъ увлеченія Шекспиромъ, но высоко ставилъ Миль-

тона, Гольдсмита, Бэрнса и отчасти Спенсера; къ этому краткому списку прочитанныхъ молодымъ Джономъ англійскихъ поэтовъ впослѣдствіи присоединились имена Вальтеръ-Скотта, Драйдена, Купера и Кэмибелля. Вообще опытныя науки играли въ воспитаніи Джона гораздо болѣе видную роль, чѣмъ гуманитарныя. «Я не помню,—говоритъ онъ,—чтобы я когда-либо зачитывался какою-нибудь книгой въ такой мѣрѣ, какъ «Научными бесѣдами» Джойса; трактаты по химіи я просто проглатывалъ».

Съ 1818 года, когда ему минуло 12 лѣтъ, онъ сталъ заниматься логикой и политической экономіей. По части логики онъ началъ съ «Органона» Аристотеля, перейдя затѣмъ къ его «Аналитикѣ»; впрочемъ онъ самъ сознается, что, по тогдашней недостаточной его зрѣлости, послѣдняя книга принесла ему мало пользы. Далѣе слѣдовали латинскіе схоластики и наконецъ «Логика» Гоббса. Молодой Милль обыкновенно сопровождалъ отца своего во время его прогулокъ, и при этомъ, отвѣчая на его разспросы, отдавалъ ему отчетъ въ своихъ дневныхъ занятіяхъ. Основа первой книгѣ его «Логики» была, безъ сомнѣнія, положена во время прогулокъ этого ранняго періода его жизни. «Я отчетливо помню,—пишетъ онъ,—какъ, когда и въ какомъ мѣстѣ (на дорогѣ близъ Багжотъ-Гита) отецъ своими вопросами заставилъ меня впервые задуматься объ этомъ предметѣ и внушилъ мнѣ нѣкоторыя понятія о томъ, въ чемъ состоитъ польза силлогистической логики. Я не скажу, конечно, чтобы уже въ то время слова его вполнѣ разъяснили для меня этотъ предметъ; но тѣмъ не менѣе они оказались далеко не безполезными для меня: они остались ядромъ, вокругъ котораго впослѣдствіи кристаллизовались мои размышленія и наблюденія». Около этого же времени Джономъ были прочитаны нѣкоторые изъ важнѣйшихъ діалоговъ Платона, какъ. напр., его «Горгіасъ», «Протагоръ» и «Государство»; онъ также тщательно изучилъ «Исторію Индіи» отца своего, Джемса Милля. Въ 1819 году, 13 лѣтъ отъ роду, онъ приступилъ къ изученію политической экономіи. Отецъ его прочелъ ему цѣлый курсъ по этому предмету, начавъ съ своихъ собственныхъ трудовъ и переходя затѣмъ къ Рикардо и Адаму Смиту.

Какъ слѣдуетъ отнестись къ такой системѣ воспитанія? Понятно, что отвѣтить на вопросъ о томъ, хороша ли она или дурна, можно только сообразно съ цѣлями, которыя при этомъ имѣлись

въ виду, и съ тѣмъ субъектомъ, къ которому эта система примѣнялась. Джемсъ Милль желалъ сдѣлать изъ своего сына продолжателя своего собственнаго дѣла, мыслителя по своему образцу, и въ особенности избавить своего ученика отъ всякаго ненужнаго воспитательнаго балласта, которымъ въ молодости отягощали его собственный умъ. Поэтому онъ поставилъ себѣ цѣлью — не заставлять сына своего проходить весь тотъ длинный путь, который онъ самъ прошелъ, а дать ему возможность начать свои занятія именно съ той точки, до которой дошелъ отецъ его. Онъ желалъ сдѣлать изъ него политика—радикала, свободнаго мыслителя и философа. Съ этой точки зрѣнія воспитаніе Джона не можетъ не считаться успѣшнымъ, и Джонъ Милль имѣлъ бы право сказать о себѣ, что онъ, подобно новой Минервѣ, вышелъ изъ головы отца своего во всеоружіи. Но это обошлось ему не дешево, какъ видно изъ его «Автобіографіи»; да и отецъ его, безъ сомнѣнія, испыталъ не малое разочарованіе, когда ему пришлось убѣдиться впослѣдствіи, около 1826 года, что сынъ его во многомъ разнится отъ него. Правда, эта система воспитанія можетъ служить отчасти доказательствомъ того, что въ ранніе годы умъ способенъ усвоить себѣ гораздо больше знаній, чѣмъ то обыкновенно полагаютъ; но рядомъ съ этимъ представляются и такія соображенія, которыя уменьшаютъ значеніе подобнаго результата и которыя скорѣе придаютъ этому факту характеръ предостереженія, чѣмъ примѣра, достойнаго подражанія. Во-первыхъ, въ отношеніяхъ между учителемъ и ученикомъ не замѣчается особенно сильной привязанности, хотя послѣдній всегда относился къ первому почтительно и не выходилъ изъ послушанія. Самъ Милль говоритъ по этому поводу: «Въ отношеніяхъ отца нашего къ дѣтямъ не доставало элемента нѣжности. Я не думаю, чтобы этотъ недостатокъ лежалъ въ его природѣ. Напротивъ, мнѣ кажется, что онъ, подобно многимъ англичанамъ, какъ бы стыдился проявлять чувствительность, и что вслѣдствіе старанія не выказывать своихъ чувствъ, въ концѣ концовъ притупились и самыя чувства. Если принять при этомъ въ соображеніе его обособленное положеніе, какъ мыслителя, и его природную раздражительность, то нельзя не почувствовать даже нѣкотораго сострадания къ отцу, который старался дѣлать и сдѣлалъ такъ много для своихъ дѣтей, который въ такой значительной мѣрѣ заслуживалъ ихъ лю-

бовь и который въ то же время видѣлъ и понималъ, что, по его собственной винѣ, они питаютъ къ нему скорѣе страхъ, чѣмъ любовь. Это относится, впрочемъ, только къ старшимъ дѣтямъ, а не къ младшимъ: послѣднія нѣжно любятъ его; да и о себѣ самомъ я могу сказать, что всегда относился къ нему не иначе, какъ съ величайшимъ благоговѣніемъ». Эти слова особенно замѣчательны въ устахъ человѣка, способнаго такъ тонко чувствовать, какъ Джонъ Стюартъ Милль. Но вотъ еще одно замѣчаніе его, свидѣтельствующее объ отсутствіи истинной симпатіи между отцомъ и сыномъ: «Я не думаю, чтобы изъ числа воспитательныхъ элементовъ можно было исключить страхъ, но все же я полагаю, что онъ не долженъ быть элементомъ преобладающимъ; а разъ онъ преобладаетъ на столько, что исключаетъ любовь и довѣріе со стороны дѣтей къ родителямъ и воспитателямъ и заставляетъ изсякнуть источники откровенности и сообщительности въ дѣтской натурѣ, онъ становится зломъ, котораго никоимъ образомъ не могутъ искупить полезныя стороны его для нравственнаго и умственнаго воспитанія». Слѣдуетъ ли видѣть въ этихъ словахъ взглядъ Милля на воспитательное дѣло вообще? Быть можетъ оно и такъ, но даже и въ такомъ случаѣ этотъ общій взглядъ проистекаетъ, несомнѣнно, изъ личнаго опыта. Неоднократно въ автобіографіи Милля проскальзываютъ указанія на то, что отецъ его былъ далеко не всегда справедливъ и благоразуменъ въ своихъ требованіяхъ. Преподавая, напр., математику, онъ сердился на ученика своего за то, что тотъ не въ состояніи былъ разрѣшить ту или другую задачу, упуская изъ виду то обстоятельство, что у ученика этого нѣтъ еще необходимыхъ для того предварительныхъ познаній. Въ тринадцать лѣтъ отъ бѣднаго мальчика требуютъ точнаго опредѣленія слова «идея» и сердятся на него за то, что онъ не въ состояніи этого сдѣлать; а когда ученику приходится употребить выраженіе, что иное можетъ оказаться вѣрнымъ въ теоріи, но требовать измѣненій на практикѣ, его учитель, воспитанный на бентамовскомъ опроверженіи общепринятыхъ ошибокъ, возмущается невѣжествомъ бѣднаго мальчика.

Не подлежитъ сомнѣнію, что отроку-Миллю приходилось читать многое такое, чего онъ никакъ не въ состояніи былъ понять, такъ что въ смыслѣ воспитательномъ это былъ чисто потерянный

трудъ. Нельзя, конечно, не согласиться съ нимъ, напр., въ томъ, что было большой ошибкой заставлять семилѣтняго ребенка читать платоновскаго «Теэтета». «Отецъ мой, говоритъ онъ, требовалъ отъ меня не только максимума того, что я могъ дать, но и много такого, что я никоимъ образомъ не могъ дать». Дѣйствительно, возможно ли было требовать отъ одиннадцатилѣтняго мальчика разбора Аристотелевой «Риторики», или отъ двѣнадцатилѣтняго — составленія синоптическихъ таблицъ для его же «Органона». Мыслимо ли, чтобы мальчикъ вынесъ какія-либо реальныя познанія изъ чтенія такого труднаго и серьезнаго автора въ такомъ раннемъ возрастѣ? Раньше, чѣмъ сдѣлать какія-либо заключенія по этому поводу, интересно было бы взглянуть на эти синоптическія таблицы: но, быть можетъ, намъ удастся инымъ путемъ пролить нѣкоторый свѣтъ на этотъ вопросъ. Шести съ половиною лѣтъ отъ роду, прочитавъ уже цѣлый рядъ историческихъ сочиненій, Джонъ принялся писать исторію Рима, сохранившуюся, къ счастію, у одной дамы, дружной съ его семействомъ. Написано было немного, приблизительно четыре или пять печатныхъ страницъ, но, какъ замѣчаетъ Бэнъ, и это немногое не свидѣтельствуетъ о томъ, что масса прочитаннаго принесла какіе-нибудь плоды. Шесть лѣтъ спустя послѣ того, какъ Милль началъ заниматься латинскимъ языкомъ, въ 1820 г., когда Миллю исполнилось 14 лѣтъ, онъ написалъ своимъ сестрамъ по-латыни письмо, не отличавшееся правильностью конструкціи; любой порядочный школьникъ того же возраста написалъ бы, пожалуй, получше его. Плоды такой системы воспитанія въ ранней юности сказались, отчасти, и на послѣдующихъ произведеніяхъ его. Правда, онъ не злоупотребляетъ, какъ того можно было ожидать въ виду громаднаго количества прочитанныхъ имъ книгъ, цитатами и разными ссылками на прочитанное, какъ-то дѣлаютъ многіе ученые; напротивъ, онъ въ этомъ отношеніи даже довольно сдержанъ, хотя трудно было бы найти человѣка, который имѣлъ бы большее право похвастать публично своими обширными познаніями. Но для писателя важны не только накопленіе фактовъ и память, но и извѣстная сила воображенія, которая не можетъ развиться при загроможденіи молодого ума чрезмѣрнымъ количествомъ фактовъ. Необходимость развитія силы воображенія Милль позналъ лишь впослѣдствіи, во время пережитаго имъ умственнаго кризиса; онъ

замѣчаетъ объ отцѣ своемъ, что онъ недостаточно заботился объ иллюстрированіи тѣхъ истинъ, которыя онъ желалъ заставить усвоить себѣ; абстрактныя истины онъ не воплощалъ въ конкретныя формы. Размѣры ученія Милля не подлежатъ сомнѣнію, но результаты его не всегда очевидны. Во всякомъ случаѣ, есть нѣкоторое основаніе предполагать, что меньшее нагроможденіе знаній, но нѣсколько большее развитіе воображенія, хотя бы и послужили въ нѣкоторый ущербъ учености, сдѣлали бы изъ Милля болѣе глубокаго мыслителя. Онъ, очевидно, имѣлъ въ виду самого себя, когда говорилъ въ Фальмутѣ Каролинѣ Фоксъ: «Нельзя рекомендовать системы слишкомъ ранняго и усиленнаго обученія; во многихъ случаяхъ она непринѣнима, а тамъ, гдѣ она и примѣнима, наступаетъ слишкомъ ранняя умственная старость, и рефлексія парализуетъ дѣйствія. Я никогда не былъ ребенкомъ, никогда не игралъ въ крокетъ. Нѣтъ, природу не слѣдуетъ насиловать». «Я никогда не былъ ребенкомъ» — вотъ самый сильный упрекъ, съ которымъ сынъ можетъ обратиться къ отцу своему, вспоминая свои дѣтскіе годы.

Но Джемсъ Милль былъ слишкомъ предвзятый теоретикъ, для того чтобъ отказаться отъ насилованія природы своего сына. По скольку онъ поставилъ себѣ цѣлью сдѣлать изъ своего сына ученаго и передоваго человѣка, онъ успѣлъ въ этомъ: раннее изученіе Аристотеля и схоластиковъ, раннее знакомство съ сократическимъ методомъ изслѣдованія, почерпнутое изъ платоновскихъ діалоговъ, сравнительное изученіе Рикардо и Адама Смита — все это принесло обильные плоды. Милль самъ о себѣ говоритъ, что онъ рано научился взвѣшивать силу каждаго аргумента и подмѣчать его слабую сторону. Сократовскій «эленкусъ» (доводъ, возраженіе), какъ первое условіе правильнаго мышленія, въ самомъ скоромъ времени сдѣлался какъ бы составною частью его собственнаго ума. «Я не думаю, — говоритъ онъ, — чтобы можно было придумать лучшую систему обученія логикѣ и политической экономіи, чѣмъ та, къ которой прибѣгалъ отецъ мой. Стремясь, быть можетъ даже въ преувеличенной мѣрѣ, къ тому, чтобы возбуждать дѣятельность моихъ способностей, заставляя меня до всего доходить самому, онъ давалъ свои объясненія не раньше, а послѣ того, какъ я уже испыталъ всю затруднительность разрѣшенія извѣстнаго вопроса; и онъ не только основательно познакомилъ

меня съ этими двумя областями знанія, въ тѣхъ размѣрахъ, въ какихъ это было возможно въ то время, но и сдѣлалъ меня мыслителемъ въ обѣихъ этихъ областяхъ знанія». Но однимъ изъ недостатковъ слишкомъ ранняго развитія является вліяніе его на манеру держаться, и Милль самъ откровенно сознается въ этомъ своемъ недостаткѣ. Онъ говоритъ, что люди, видѣвшіе его въ дѣтствѣ, считали его мальчикомъ, обладавшимъ большимъ и крайне-непріятнымъ самомнѣніемъ, хотя онъ самъ не полагаетъ, чтобъ это было въ дѣйствительности такъ. Другіе находили его большимъ спорщикомъ и любителемъ противорѣчить тому, что ему доводилось выслушать. Безъ сомнѣнія, онъ усвоилъ себѣ эту дурную привычку вслѣдствіе того, что его пріучили съ дѣтства разсуждать о предметахъ, стоящихъ выше его пониманія, и притомъ съ людьми взрослыми, между тѣмъ какъ его не научили въ то же время относиться къ послѣднимъ съ почтеніемъ. Когда онъ жилъ заграницей съ г-жей Бентамъ, она не стѣснялась выражать ему неудовольствіе свое по поводу его манеръ, и къ чести его слѣдуетъ сказать, что онъ терпѣливо сносилъ ея замѣчанія. Онъ самъ говоритъ въ своемъ дневникѣ, что семейство Бентамовъ очень терпѣливо, безъ всякаго раздраженія, указывало ему на его недостатки, «за что я ему очень благодаренъ», присовокупляетъ онъ. Но, повторяемъ, онъ никогда не бывалъ ребенкомъ; онъ не зналъ праздниковъ и воскресныхъ дней, пока былъ въ родительскомъ домѣ; вопреки обще-принятой въ Англіи системѣ воспитанія, онъ не предавался никакимъ физическимъ, тѣлеснымъ упражненіямъ. Отецъ его, быть можетъ, спасъ его отъ нѣкоторыхъ дурныхъ сторонъ школьной жизни, но за то не постарался возмѣстить чѣмъ-либо хорошія стороны ея.

Внѣшняя сторона его жизни до 1820 года чрезвычайно немногосложна. Родившись 20 мая 1806 года, Милль провелъ дѣтство свое въ обществѣ отца и его друзей—Іосифа Юма, Рикардо и Бентама. Трехъ лѣтъ отъ роду, онъ въ первый разъ былъ въ гостяхъ у Бентама въ Барроу-Гринъ. Пяти лѣтъ отъ роду ему пришлось быть въ обществѣ леди Спенсеръ, мужъ которой, лордъ Спенсеръ, былъ лордомъ адмиралтейства, и ему помнится, что онъ вступилъ въ оживленную бесѣду съ хозяйкой дома о сравнительныхъ заслугахъ Марльборо и Велингтона. Въ 1814 году семейство его прожило нѣкоторое время у Бентама, въ новомъ помѣстьѣ

его, Фордъ-Аббеѣ, въ Соммерсетширѣ; а раньше того Бентамъ съ Миллемъ и съ его восьмилѣтнимъ сыномъ посѣтили Оксфордъ, Батъ, Бристоль, Экзетеръ, Плимутъ и Портсмутъ. Эта поѣздка не лишена была важнаго значенія для Милля, такъ какъ при этомъ онъ имѣлъ случай познакомиться въ Госпортѣ съ братомъ Бентама, генераломъ Бентамомъ, бывшимъ въ то время главнымъ управляющимъ Портсмутскими доками. Вслѣдствіе этого знакомства Милль получилъ въ 1820 году отъ лорда Бентама и отъ его семейства (состоявшаго изъ жены, сына и трехъ дочерей, которыя всѣ были старше Милля) приглашеніе провести полъ-года въ Южной Франціи; пребываніе его тамъ продолжилось цѣлый годъ.

Во время этого путешествія онъ велъ дневникъ. Онъ выѣхалъ изъ Лондона 15 мая 1820 года, когда ему было около четырнадцати лѣтъ отъ роду и посѣтилъ въ Парижѣ извѣстнаго политико-экономa Сея, причемъ этотъ серьезный и знающій не по годамъ мальчикъ превесело игралъ въ мячъ и въ воланъ съ младшимъ сыномъ Сея, Альфредомъ. Послѣ девяти-дневнаго пребыванія въ Парижѣ, онъ отправился одинъ къ семейству Бентамовъ, гостившему въ помѣстьѣ маркиза де-Помпиньянъ, недалеко отъ Тулузы, куда онъ и прибылъ послѣ девятидневнаго, порою довольно непріятнаго путешествія, 2 іюня.

И здѣсь онъ продолжалъ усиленно заниматься французскимъ, греческимъ и латинскимъ языками и математикой; онъ пытался также учиться танцамъ, пѣнію, фехтованію и верховой ѣздѣ, но, какъ онъ самъ сознается, не оказывалъ во всемъ этомъ особыхъ успѣховъ; вмѣстѣ съ тѣмъ онъ пользовался каждымъ удобнымъ случаемъ, чтобы расширить свое знакомство съ Франціей—съ самой страной, населеніемъ и учрежденіями ея. Онъ совершилъ вмѣстѣ съ семействомъ экскурсію въ Пиренейскія горы, побывалъ въ Баньеръ-де-Бигоррѣ, По, Байоннѣ, Баньеръ-де-Люшонѣ и взбирался на гору Пикъ-дю-Миди. Затѣмъ онъ пріѣхалъ въ Монпелье, гдѣ прожилъ нѣкоторое время.

Это путешествіе, помимо того, что расширило его умственный кругозоръ путемъ знакомства съ чужою страною, имѣло для него еще и то благотворное вліяніе, что дало ему случай воспользоваться уроками Бентама. Его поразило также различіе между англійскимъ и французскимъ національными характерами, причемъ онъ находилъ немалыя преимущества на сторонѣ послѣд-

няго. Ему понравились любезность и общительность французовъ, между тѣмъ какъ англичане смотрятъ на каждаго чужого человѣка, если не какъ на врага, то во всякомъ случаѣ какъ на нѣчто весьма скучное. Онъ находилъ, правда, что во Франціи какъ хорошія, такъ и дурныя стороны характера, національнаго и личнаго, легче обнаруживаются, всплываютъ на поверхность, чѣмъ въ Англіи; но вообще, по его мнѣнію, французъ относится прежде всего доброжелательно къ постороннему человѣку до тѣхъ поръ, пока не явятся вѣскія причины для иного отношенія; а въ Англіи какъ разъ наоборотъ. Эта поѣздка научила его также интересоваться иностранными политическими и общественными дѣятелями, что̀ съ особенною силою сказывалось въ немъ въ послѣдующіе годы. «Я съ тѣхъ поръ сталъ интересоваться континентальнымъ либерализмомъ, — пишетъ онъ, — что̀ въ наши дни довольно рѣдко встрѣчается у англійскихъ политическихъ дѣятелей и что̀ оказало на меня самое благотворное вліяніе, такъ какъ освободило меня отъ многихъ ходячихъ заблужденій, распространенныхъ въ Англіи и отъ которыхъ не былъ совершенно свободенъ даже такой, стоявшій выше всякихъ предубѣжденій человѣкъ, какъ отецъ мой, все же судившій обо всемъ съ исключительно англійской точки зрѣнія».

Вернувшись въ Англію въ іюлѣ 1821 года, онъ сталъ снова вести жизнь многообѣщающаго юноши, котораго отецъ съумѣлъ, воспитать по своему образцу. Онъ получилъ мѣсто въ Остъ-Индской компаніи, не прекращая, однако, заниматься исторіей, философіей и литературой. Такъ, напр., въ 1822 г. онъ изучилъ исторію французской революціи, занимаясь юриспруденціей (такъ какъ онъ готовился къ адвокатской карьерѣ), ознакомился съ англійскими философами, сошелся съ Гротомъ и началъ свою литературную дѣятельность помѣщеніемъ статей въ періодическомъ изданіи «Traveller». Въ томъ же году, познакомившись въ Кембриджѣ съ нѣсколькими молодыми людьми, впослѣдствіи переселившимися въ Лондонъ (съ Маколеемъ, Гейдомъ, Вильерсомъ, Стрэттомъ, Ромильи,—онъ поѣхалъ въ Кембриджъ навѣстить Чарльса Остена, брата Джона Остена. По словамъ Бэна, контрастъ между его ребяческимъ личикомъ, тонкимъ голоскомъ и серьезнымъ тономъ его бесѣдъ обратилъ на себя вниманіе студентовъ, съ которыми ему приходилось сталкиваться. Профессоръ Тоуншендъ старался склонить юношу къ поступленію въ Кембриджскій университетъ;

но, неизвѣстно, по собственному ли нежеланію, или по совѣтамъ отца, онъ отклонилъ это приглашеніе и 21 мая 1823 г. поступилъ на службу въ Остъ-Индскую Компанію, окончательно отказавшись отъ университетской карьеры *).

III.

Кризисъ.

Первыя пятнадцать лѣтъ послѣ поступленія Милля на службу въ Остъ-Индскую компанію могутъ считаться критическимъ періодомъ его жизни: въ началѣ этого періода онъ былъ въ полномъ смыслѣ слова сыномъ своего отца; къ концу его онъ выступилъ съ статьей о Бентамѣ, въ которой многіе усмотрѣли отступничество. Къ числу величайшихъ достоинствъ Милля принадлежитъ, быть можетъ, рѣдкая откровенность и правдивость, благодаря которымъ онъ постоянно занималъ совершенно независимое положеніе въ рядахъ той школы, къ которой онъ принадлежалъ по воспитанію и по собственному влеченію своему. Онъ самъ сознается, что, вопреки вліянію своего отца, онъ въ 1823 году былъ недалекъ отъ того, чтобы сдѣлаться ортодоксальнымъ ханжей; но каковы бы ни были его внутреннія колебанія, онъ всегда имѣлъ настолько нравственнаго мужества, чтобы открыто заявлять о нихъ. Критику его не трудно было бы прослѣдить въ его сочиненіяхъ слѣды этихъ колебаній; но біографъ его увидитъ въ нихъ лишь неизбѣжные фазисы неустанной и серьезной работы надъ внутреннимъ развитіемъ своимъ, совершавшимся притомъ въ неизмѣнно-прогрессивномъ направленіи.

Какова же была исходная точка Милля въ началѣ его публичной дѣятельности? Современники его называли его попеременно то демократомъ, то эмпирикомъ, то бентамистомъ, то утилитаріанцемъ. Происходитъ это отъ того, что онъ въ молодые года подвергался различнымъ вліяніямъ, слѣды которыхъ не трудно прослѣдить на его характерѣ. Въ 1822 году онъ прочелъ въ пер-

*) Онъ началъ службу съ жалованьемъ въ 30 ф. ст. въ годъ. Постепенно оно возвышалось, и въ 1854 г. онъ получалъ уже 2,000 ф. ст. въ годъ. Въ 1858 году, при переходѣ дѣлъ компаніи къ правительству, онъ былъ уволенъ отъ службы съ годовой пенсіей въ 1,200 ф. ст.

вый разъ исторію французской революціи и познакомился съ основными принципами ея, бывшими въ такомъ загонѣ какъ во всей Европѣ, такъ и въ Англіи, въ тогдашнюю эпоху реставраціи. Еще отецъ его научилъ его симпатизировать греческой демократіи и борьбѣ римскихъ плебеевъ противъ патриціевъ; здѣсь же онъ видѣлъ наглядное, современное ему, стремленіе къ осуществленію на дѣлѣ дорогихъ ему принциповъ. Результатомъ того явилось тщательное изученіе французской революціи и желаніе самому написать объ этомъ предметѣ. Однако эту литературную жатву собралъ не самъ Милль, а Карлейль, которому Милль передалъ значительный матеріалъ объ этомъ сюжетѣ.

Въ томъ же 1822 году онъ началъ заниматься философіей, причемъ въ выборѣ прочитанныхъ имъ сочиненій замѣтно сказывается вліяніе отца его. За «Опытомъ изслѣдованія человѣческаго разума» Локка слѣдуютъ: «О духѣ» Гельвеціуса, Гартлея «Наблюденія надъ человѣкомъ» и Джемса Милля «Анализъ ума». Изученіе философіи Милль производилъ двоякимъ способомъ: съ одной стороны онъ дѣлалъ обстоятельныя выписки изъ прочитаннаго имъ, снабжая ихъ своими примѣчаніями; съ другой стороны, онъ не упускалъ ни одного случая побесѣдовать о философскихъ вопросахъ со своими друзьями, въ особенности съ Бентамомъ и Гротомъ. Около этого времени учреждены были два философскія общества: «общество утилитаріанцевъ» въ 1823 году, и «общество спекулятивныхъ преній»—въ 1825 году. Первое изъ этихъ обществъ, во главѣ котораго стоялъ Бентамъ, по свидѣтельству самого Милля, оказало на него громадное вліяніе. Когда Милль изучалъ съ Остеномъ законовѣдѣніе, отецъ его посовѣтовалъ ему прочесть «Traité de legislation», книгу, знакомившую европейскій материкъ съ главными положеніями ученія Бентама. «Чтеніе этой книги,—пишетъ Милль,—составило эпоху въ моей жизни, сдѣлалось однимъ изъ поворотныхъ пунктовъ въ моемъ умственномъ развитіи. И до сихъ поръ мое воспитаніе велось, такъ сказать, въ Бентамовскомъ духѣ. Особенно поразили меня страницы, въ которыхъ Бентамъ трактуетъ о ходячихъ понятіяхъ нравственности и законности, о «законахъ природы», о «нравственномъ чувствѣ», о «природной честности», и т. д., называя все это «замаскированнымъ догматизмомъ». Я началъ сознавать, что вся предшествовавшая мораль отжила свой вѣкъ и что

теперь начинается новая эра въ области этики. Когда я дочиталъ послѣднюю страницу книги, я сдѣлался совершенно другимъ человѣкомъ. «Принципъ полезности», понимаемый такъ, какъ понимаетъ его Бентамъ, и примѣняемый имъ такъ, какъ онъ примѣняетъ его въ своихъ трехъ томахъ, сдѣлался краеугольнымъ камнемъ для всѣхъ моихъ, до сихъ поръ разрозненныхъ и отрывочныхъ, познаній и вѣрованій. Онъ придалъ единство моимъ взглядамъ на все существующее. Теперь у меня были убѣжденія, вѣрованія, доктрина, философія, религія, въ лучшемъ смыслѣ этого слова, распространеніе которой сдѣлалось главною цѣлью моей внѣшней жизни». И это не единственное въ своемъ родѣ проявленіе подобнаго благороднаго энтузіазма: девятнадцать лѣтъ спустя мы встрѣчаемъ у него такое же восторженное отношеніе къ позитивной философіи Огюста Конта.

Милль придаетъ также большое значеніе вліянію другой книги, прочитанной имъ въ это время по совѣту отца его и написанной въ духѣ Бентама: эта книга — «Вліяніе натуральной религіи на счастіе человѣчества», вышедшая въ свѣтъ подъ псевдонимомъ Филиппа Бошана. Это было разсужденіе о вліяніи вѣры вообще на общій характеръ и на мышленіе человѣчества, безотносительно къ какой-либо спеціальной категоріи вѣрованій, за исключеніемъ тѣхъ, которыя могутъ быть отнесены къ началамъ натуральной религіи. Результатомъ этихъ занятій было то, что Милль пришелъ къ своего рода гностицизму, къ тому, что въ основѣ всякой религіи должны быть положены законы природы, нѣкоторымъ образомъ къ натуральной философіи и теологіи.

При подобныхъ вліяніяхъ, положившихъ свой отпечатокъ на его умственный кругозоръ, пользуясь дружбой такихъ людей, какъ Гротъ и Остенъ, не говоря уже о вліяніи на него человѣка съ такимъ выдающимся умомъ, какъ отецъ его; молодой Милль появился въ лондонскомъ обществѣ представителемъ новаго философскаго радикализма. Онъ сдѣлался сотрудникомъ разныхъ передовыхъ органовъ печати, однимъ изъ самыхъ дѣятельныхъ вкладчиковъ въ недавно основанный журналъ «Westminster Review», ставшій сразу въ самую рѣшительную оппозицію журналамъ «Quarterly» и «Edinburgh-Review»; въ то же время онъ явился сторонникомъ мальтусовскихъ взглядовъ на вопросъ объ увеличеніи народонаселенія и бентамовскаго ученія о возможно-

большемъ распространеніи благосостоянія. Онъ сдѣлался душою «общества утилитаріанцевъ» и «общества спекулятивныхъ преній». Посвящая часть своего времени службѣ въ остъ-индской компаніи, онъ въ свободное время читалъ съ своими друзьями выдающіяся философскія сочиненія и обсуждалъ ихъ. Въ кругу друзей своихъ этотъ молодой человѣкъ являлся строго-послѣдовательнымъ реформаторомъ, а въ отношеніи противниковъ своихъ—пламеннымъ оппонентомъ. Понятно, что въ числѣ людей, съ которыми онъ приходилъ въ соприкосновеніе, были не одни только друзья и единомышленники его. Всякій, кому приходилось соприкасаться лично съ обществами и политическими клубами, состоящими преимущественно изъ молодежи, легко можетъ представить себѣ общій характеръ подобныхъ собраній. Если вѣрно то, что люди среднихъ лѣтъ вообще бываютъ циники, то во всякомъ случаѣ несомнѣнно то, что молодые люди—почти всѣ безъ исключенія доктринеры. Всѣ хорошія стороны юношеской энергіи уходятъ на созданіе подобныхъ обществъ—и горячность чувствъ, и смѣлая логика, и увѣренность въ своихъ силахъ, и какое-то наивное равнодушіе къ тому, что теорія въ большинствѣ случаевъ расходится съ практикой. Лишь гораздо позднѣе Милль сталъ находить нѣсколько смѣшныя стороны въ подобномъ кружковомъ сектантствѣ замѣчая, что въ нихъ было много мальчишескаго задора, что члены ихъ склонны были считать себя какъ бы солью земли, и что въ нихъ, рядомъ съ хорошими сторонами, было не мало и дурныхъ сторонъ.

Карлейль, въ разговорѣ своемъ съ Каролиной Фоксъ, отзывался о Миллѣ съ свойственной ему наблюдательностью, нечуждой, однако же, и нѣкотораго оттѣнка нетерпимости кабинетнаго ученаго: «Бѣдняга! Ему приходилось собственными силами своими выбираться изъ дебрей бентамизма, и въ концѣ концовъ онъ пришелъ къ такимъ мыслямъ, которыя никогда не находили себѣ мѣста въ головѣ Бентама». Этотъ отзывъ немногимъ лучше восклицанія, вырвавшагося у Карлейля нѣсколько раньше, по прочтеніи первыхъ произведеній Милля: «Народился новый мистикъ!» Нелишне будетъ сопоставить съ этими отзывами то, что говоритъ самъ о себѣ Милль въ пятой главѣ своей «Автобіографіи». То, что онъ называетъ «кризисомъ въ моемъ умственномъ развитіи», началось въ 1826 году. Предшествовавшій годъ, когда ему было

всего девятнадцать лѣтъ отъ роду, онъ провелъ въ самыхъ усиленныхъ занятіяхъ; между прочимъ онъ издавалъ книгу Бентама «Объ очевидности». Теперь онъ, независимо отъ своихъ служебныхъ занятій, написалъ цѣлый рядъ статей: «О безсиліи католицизма», «о коммерческомъ кризисѣ», «о конкуренціи», «о принципѣ взаимности въ торговлѣ». Кромѣ того, онъ учился нѣмецкому языку, читалъ, въ домѣ Грота, въ «Обществѣ утилитаріанцевъ» публичныя лекціи, посѣщалъ, вмѣстѣ съ нѣкоторыми изъ своихъ друзей, засѣданія овеновскихъ кооперативныхъ обществъ, основалъ «общество спекулятивныхъ преній», писалъ въ «Westminster Review» полемическія статьи по поводу экономическихъ взглядовъ «Quarterly Review». Этого перечня, повидимому, достаточно для охарактеризованія неутомимой умственной дѣятельности Милля. Быть можетъ, не совсѣмъ неправъ Бэнъ, приписывая умственный кризисъ, пережитый около этого времени Миллемъ, нѣсколько прозаической причинѣ—переутомленію мозга; но какова бы ни была причина этого кризиса, существованіе его несомнѣнно для всякаго, кто возьметъ на себя трудъ прослѣдить послѣдовательно произведенія Милля. Въ извѣстной мѣрѣ былъ, конечно, правъ и Карлейль, приписывая этотъ кризисъ разрыву Милля съ бентамизмомъ, — разрыву, который долженъ былъ быть для молодого Милля вдвое тяжеле въ виду восторженнаго уваженія, съ которымъ относился къ ученію Бентама Милль-отецъ. Когда дорогія намъ прежде убѣжденія являются передъ нами въ новомъ свѣтѣ, въ насъ неизбѣжно разыгрывается внутренняя трагедія, лишающая насъ душевнаго мира и способности контролировать самихъ себя.

Въ этомъ отношеніи разсказъ Милля объ означенномъ періодѣ его духовной жизни не лишенъ глубокаго интереса въ психологическомъ отношеніи: «Я находился въ какомъ-то отупѣломъ состояніи,—пишетъ онъ,—ничто не въ состояніи было ни волновать, ни радовать меня; то, что въ другое время представлялось мнѣ удовольствіемъ, казалось мнѣ теперь или глупымъ, или не стоющимъ вниманія. При тогдашнемъ моемъ настроеніи мнѣ приходилось самому себѣ ставить вопросъ: «Допустимъ, что всѣ требованія, предъявляемыя мною къ жизни, были бы исполнены, что сію же минуту осуществились бы всѣ тѣ перемѣны въ учрежденіяхъ и мнѣніяхъ, которыя я вижу гдѣ-то далеко впереди себя,—

доставило-ли бы это мнѣ большое удовольствіе и счастіе?» И внутренній голосъ неизмѣнно отвѣчалъ мнѣ на этотъ вопросъ: «Нѣтъ». И я утрачивалъ мужество, и я чувствовалъ, что подо мною колеблется фундаментъ, на которомъ я построилъ всю мою жизнь. До сихъ поръ все счастіе жизни моей заключалось для меня въ безустанномъ преслѣдованіи извѣстной цѣли; теперь цѣль эта утратила для меня всякую прелесть. Какой же интересъ могла представлять для меня отнынѣ вся моя дѣятельность? Мнѣ казалось, что я ничего не выиграю, продолжая жить».

Это было ничто иное, какъ крушеніе раціонализма, по крайней мѣрѣ того узкаго, односторонняго раціонализма, который составлялъ гордость восемнадцатаго вѣка. Смерть представляется счастливымъ событіемъ какъ для отдѣльной личности, такъ и для цѣлаго общественнаго строя. Счастіе—это удѣлъ экспансивныхъ, способныхъ чувствовать характеровъ, а не основанныхъ на разсчетѣ машинъ: погоня за счастіемъ, выражающаяся въ извѣстныхъ дѣйствіяхъ или стремленіяхъ, какъ то показываетъ опытъ, есть лучшее средство, чтобы утратить его. Человѣкъ—не логическая машина: онъ состоитъ изъ чувствъ и изъ разсудка, и первымъ во всякомъ случаѣ слѣдуетъ предоставить извѣстныя права. Атрофировать чувства, парализировать художественные инстинкты, вытравлять въ себѣ нравственныя влеченія — значитъ совершать надъ собою своего рода самоубійство. Милль-отецъ поставилъ себѣ задачей развивать умъ своего сына на счетъ чувства; «общество утилитаріанцевъ» избрало себѣ пароль—«борьбу противъ прирожденныхъ чувствъ». Бентамъ не задумался назвать всю поэзію—пустяками и предлагалъ замѣнить чтеніе Мильтона и Шекспира—игрою въ бирюльки: и вотъ мы видимъ Джона Милля, въ началѣ слѣпо послѣдовавшаго было по его стопамъ, приходящимъ въ отчаяніе при видѣ того, какъ вокругъ него лежатъ разбросанные обломки всѣхъ его теорій о перерожденіи человѣчества.

Подобные умственные кризисы представляютъ собою явленіе довольно обыкновенное, но исходъ его бываетъ весьма различенъ у различныхъ людей. У однихъ онъ ведетъ къ отреченію отъ прежнихъ своихъ идеаловъ, какъ, напр., у Платона, который послѣ своего «Государства» написалъ «Законы». У другихъ онъ ведетъ къ разочарованію и пессимизму, какъ, напр., у Тургенева, который послѣ своихъ повѣстей, такъ много содѣйствовавшихъ распростра-

нѣнію идеи объ освобожденіи крестьянъ, является намъ разочарованнымъ идеалистомъ въ своемъ «Дымѣ». Очень рѣдки бываютъ случаи, когда такіе кризисы приводятъ къ расширенію умственнаго кругозора, какъ то случилось съ Миллемъ. Ходъ этого умственнаго процесса, совершавшагося въ немъ, довольно легко прослѣдить. Въ «обществѣ спекулятивныхъ преній» онъ сошелся съ такими людьми, какъ Фредерикъ Морисъ и Джонъ Стерлингъ, и эти новыя вліянія, повидимому, изгладили въ немъ вліянія Чарльза Остена. Это были тоже радикилы, но радикалы иного закала, чѣмъ Бентамъ. Они отказывались преклоняться передъ принципомъ величайшаго счастія; они скептически относились къ принципамъ Гартлеевскаго общества и не полагали, что счастіе есть конечная цѣль всего. «Привычка къ анализу, — жалуется Милль, — вотъ тотъ червь, который постоянно гложетъ корни и добродѣтелей, и страстей». Это открытіе заставило его относиться съ сомнѣніемъ къ метафизическимъ взглядамъ своимъ и отца своего. И вотъ осенью 1828 года Милль начинаетъ читать Вордсворта и мысли его принимаютъ иное направленіе—въ смыслѣ Гете, Карлейля и Кольриджа.

Статьи, написанныя Миллемъ въ послѣдующіе годы, лучше всего доказываютъ реальность совершившагося въ немъ переворота. Какъ и у всѣхъ людей, привыкшихъ разсуждать, переворотъ этотъ совершался медленно; но все же для друзей его не оставалось ни малѣйшаго сомнѣнія относительно его. Когда Милль сдѣлался издателемъ «London Review», Гротъ писалъ Робуку (въ апрѣлѣ 1837 г.): «Мнѣ кажется, что при Миллѣ «Review» перестанетъ быть орудіемъ распространенія здравыхъ идей этическихъ и политическихъ. Я не берусь судить, удастся-ли ему поймать другихъ рыбъ, чѣмъ какія мы ловили до сихъ поръ; чего добраго найдутся люди, которые пойдутъ и на эти нелѣпицы». Этотъ отзывъ Грота, правда, слишкомъ рѣзокъ; но несомнѣнно, что друзья Милля имѣли основаніе быть недовольными имъ въ этотъ періодъ его дѣятельности.

Интересные матеріалы для того, чтобы прослѣдить совершившійся около этого времени умственный кризисъ мы находимъ въ нѣкоторыхъ этюдахъ его, признанныхъ достойными войти въ его сборникъ «Dissertations and Discussions», а именно въ статьяхъ о Бентамѣ и Кольриджѣ, появившихся впервые въ «Лондонскомъ»

и «Вестминстерскомъ» обозрѣніяхъ, въ его «Мысляхъ о поэзіи» и «Альфредъ де-Виньи», и въ этюдѣ его о Токвиллѣ, напечатанномъ въ томъ самомъ «Edinburgh Review», противъ котораго онъ когда-то велъ такую упорную и рѣзкую полемику. Вотъ, напр., какъ онъ отзывался о бывшемъ своемъ оракулѣ, Бентамѣ: «Врядъ-ли кто-либо, задумавшій руководить въ цивилизованное время дѣйствіями людей, принялся за это дѣло съ меньшимъ пониманіемъ тѣхъ факторовъ, которые вліяютъ или должны вліять на дѣйствія людей». Признавая за Бентамомъ ту заслугу, что онъ былъ основателемъ индуктивнаго метода науки, Милль перечисляетъ затѣмъ многочисленные недостатки его. Главный его недостатокъ заключался въ томъ, что онъ не въ состояніи былъ извлекать свѣтъ изъ чужихъ умовъ, а это, въ свою очередь, вредно отзывалось на его собственномъ мышленіи. Одно съ другимъ неразлучно, такъ какъ способность учиться отъ другихъ зависитъ отъ способности ассимиляціи, являющейся въ свою очередь слѣдствіемъ симпатіи или силы воображенія, которой у Бентама вовсе не было. Результатомъ этого явилось то, что изображеніе имъ человѣчества, какъ то случилось раньше и съ родственнымъ ему во многихъ отношеніяхъ мыслителемъ, Гоббсомъ, лишено нѣкоторыхъ весьма существенныхъ элементовъ точности и полноты. Изображать человѣка, руководящимся только себялюбіемъ и повинующимся лишь стимуламъ удовольствія или неудовольствія, значитъ совершенно отрицать всякіе мотивы высшаго порядка, низводить духовную дѣятельность человѣка до простѣйшей и низменнѣйшей ея формы и замѣнять безкорыстіе самою обыденною разсчетливостью. Поэтому все, что можетъ дать бентамовская философія личности, сводится къ предписыванію самыхъ ходячихъ заповѣдей осторожности и честности. Все это не можетъ сдѣлаться источникомъ не только высшаго личнаго счастія, о которомъ говоритъ Милль, но и успѣшности, въ высшемъ значеніи этого слова; все это не можетъ создать характера, не можетъ вести человѣка къ самоусовершенствованію; словомъ, все это является довольно безполезнымъ для общества вообще. Но за то заслуги Бентама въ законодательной реформѣ тѣмъ несомнѣннѣе, такъ какъ ими регулируется, такъ сказать, дѣловая часть людскихъ отношеній. Милль вполнѣ раздѣлялъ также взгляды Бентама на теорію о государствѣ. Согласно Бентаму, государство

означаетъ собою преобладаніе большинства и его интересовъ; доставить болѣе значительную силу большинству — вотъ сущность программы такъ называемаго радикализма, какъ ее понималъ Бентамъ и какъ ее проводилъ Джемсъ Милль въ своемъ этюдѣ «О правительствѣ». Но должны существовать предѣлы и для власти большинства: а именно, она не должна наносить ущерба свободѣ личности, и, во вторыхъ, должно быть отдаваемо извѣстное предпочтеніе образованію и интеллигенціи. Для Милля это были существенныя условія, которымъ онъ до конца своей жизни отводилъ выдающееся мѣсто, какъ въ своихъ этюдахъ «О свободѣ», такъ и въ парламентскихъ его усиліяхъ обезпечить представительство всякаго рода меньшинства. Между тѣмъ Бентамъ, имѣя главнымъ образомъ въ виду принципъ утилитарности, придавалъ ему преувеличенное значеніе, въ ущербъ принципамъ и цѣлямъ, которые онъ считалъ второстепенными, но которые вліяютъ, однако, на большую часть человѣчества. Онъ довелъ до крайнихъ предѣловъ принципъ, самъ по себѣ, впрочемъ, вѣрный и безъ котораго немыслима раціональная философія. Не подлежитъ сомнѣнію, что къ людскимъ дѣйствіямъ невозможно относиться съ исключительно-нравственной точки зрѣнія; существуетъ, напримѣръ, еще точка зрѣнія эстетическая, находящая себѣ такое обильное приложеніе въ художественной области — въ музыкѣ, въ поэзіи, въ театрѣ. Въ этомъ отношеніи Милль самымъ рѣшительнымъ образомъ возстаетъ противъ взглядовъ Бентама, не признававшаго за художественными инстинктами мѣста въ области морали. «Его незнакомство съ потайными пружинами человѣческой души, говоритъ Милль, — вело къ тому, что онъ, — подобно, впрочемъ, многимъ англичанамъ,—даже и не подозрѣвалъ того, какую важную роль все это играетъ въ моральной жизни человѣка и въ воспитаніи какъ отдѣльной личности, такъ и цѣлаго народа».

Въ виду такихъ критическихъ отзывовъ Милля, мы не можемъ не признать въ немъ гуманиста, хотя и не совсѣмъ послѣдовательнаго, если только припомнить утилитарные взгляды, которые онъ самъ проповѣдывалъ еще нѣсколько лѣтъ тому назадъ. Это указаніе на несостоятельность взглядовъ Бентама въ области эстетики находилось въ тѣсной связи съ недавнимъ передъ тѣмъ изученіемъ Миллемъ крупнѣйшихъ поэтическихъ произведеній. Во время происходившаго внутри его кризиса, когда онъ пришелъ къ

тому убѣжденію, что не стоитъ жить, Милль, какъ онъ самъ сообщаетъ, обратился къ Вордсворту и нашелъ въ его поэтическихъ произведеніяхъ радикальное лекарство для своего ума. Дѣло въ томъ, что въ этихъ произведеніяхъ выражаются чувства, вызываемыя созерцаніемъ красоты. «Вордсвортъ,—говоритъ Милль,—можетъ быть названъ поэтомъ не поэтическихъ созерцательныхъ натуръ. Но именно непоэтическія натуры болѣе всего нуждаются, такъ сказать, въ поэтическомъ образованіи; а такое образованіе Вордсвортъ способенъ дать въ гораздо большей степени, чѣмъ поэты, которыхъ можно, по сравненію съ нимъ, назвать поэтами въ душѣ». Отъ Вордсворта Милль перешелъ къ Шелли, и, будучи самъ прежде всего умомъ строго-логическимъ, онъ скорѣе всякаго другого способенъ былъ оцѣнить натуру, діаметрально ему противоположную. И дѣйствительно, въ своихъ «Мысляхъ о поэзіи» онъ прямо говоритъ, что въ характерѣ истиннаго поэта должно играть гораздо болѣе важную роль чувство, чѣмъ умъ. Поэтому высшей формой поэзіи представляется ему лирическая, такъ какъ здѣсь менѣе всего мѣста разсудку, и болѣе всего—чувству. Въ Вордсвортѣ онъ видитъ поэта образованнаго, въ Шелли — поэта чувствъ: и, совершенно уклоняясь отъ прежнихъ своихъ взглядовъ, онъ ставитъ послѣдняго гораздо выше перваго. «Чувство, охватывающее все существо человѣка, — говоритъ онъ, — вотъ истинный источникъ поэзіи». Поэзія, по его мнѣнію, проистекаетъ изъ своеобразнаго умственнаго и физическаго состоянія, — своеобразнаго не по роду своему, а лишь по степени воспріимчивости,—которое дѣлаетъ человѣка болѣе воспріимчивымъ и къ счастію, и къ несчастію».

Подобные взгляды, безъ сомнѣнія, очень далеки отъ Бентамовской точки зрѣнія. Они гораздо ближе къ взглядамъ, которые высказываетъ одинъ изъ героевъ Альфреда де-Виньи, Стелло, дающій слѣдующій отвѣтъ на вопросъ, почему онъ самъ себя считаетъ поэтомъ: — «Потому что въ природѣ нѣтъ ничего красиваго, величественнаго, гармоничнаго, что не вызывало бы отзвука въ моей душѣ, что не заставляло бы меня сильно волноваться, что не заставляло бы слезы выступать на глазахъ моихъ. Потому что я чувствую безконечную жалость къ человѣчеству, моему сотоварищу по страданіямъ, и непреодолимое желаніе протянуть ему руку и поддержать его словами любви и состраданія». Вотъ по-

добныя-то влеченія и стремленія, составляющія, по мнѣнію де-Виньи, характеристичный признакъ поэта, стали сказываться и у строго-разсудочнаго Милля.

Теперь намъ станетъ понятнымъ и то, какимъ образомъ Милль могъ относиться съ интересомъ и къ Кольриджу, — консерватору и даже реакціонеру. Онъ сталъ проводить такой взглядъ, что во всякомъ цивилизованномъ обществѣ должны существовать рядомъ партія прогресса и партія порядка. Теоретически онъ доказывалъ, что исторія движется впередъ не по прямой линіи, а по спиральной; практически онъ съ этихъ поръ сталъ держаться того взгляда, что истины слѣдуетъ скорѣе всего искать въ серединѣ между двумя противоположными, другъ друга уравновѣшивающими, взглядами. Французскіе философы конца прошлаго вѣка сдѣлали крупную ошибку, вообразивъ себѣ, будто можно, такъ сказать, однимъ почеркомъ пера, упразднить и церковь, и прежній общественный строй. Историческіе и философскіе взгляды Кольриджа и нѣмецкой школы были гораздо ближе къ истинѣ. Устойчивость общества зависитъ не только отъ извѣстной, широкой системы воспитанія, но и отъ сознанія законности извѣстныхъ принциповъ и отъ уваженія къ нимъ; общество должно имѣть нѣчто прочное, незыблемое, что стояло бы выше сомнѣній. «Гротъ не переставалъ повторять это въ виду нетерпимости общества къ извѣстнымъ, непопулярнымъ мнѣніямъ», — говоритъ Бэнъ; и это справедливое замѣчаніе ясно указываетъ также на то, какъ далеко отнесло Милля теченіемъ отъ мѣста его прежней якорной стоянки. Отнынѣ для Милля стало уже невозможнымъ прежнее его умственное сектантство. Это обнаружилось особенно ясно въ его этюдѣ по поводу «Демократіи въ Америкѣ» Токвилля. Онъ видитъ здѣсь наиболѣе ясное проявленіе тиранніи большинства, налагающей свои тяжелыя цѣпи на убѣжденія и стремленія меньшинства. «Такой порядокъ дѣлъ, — говоритъ онъ, — при которомъ высшіе, болѣе образованные классы тонутъ въ массѣ и въ которомъ все должно отступить передъ силой числа, не можетъ не вызвать тревоги даже въ людяхъ, для которыхъ демократія сама по себѣ не представляетъ ничего страшнаго. Это безконтрольное владычество массы, представляетъ собою нѣчто весьма опасное. Вліяніе всякой силы или всего, что можетъ сдѣлаться силой, становится гибельнымъ, какъ скоро они дѣйствуютъ безконтрольно, какъ скоро они не видятъ

себя вынужденными считаться съ другими, уравновѣшивающими силами». Для того, чтобъ эти силы дѣйствовали правильно, требуются соотвѣтствующіе коррективы, которые восполняли бы неизбѣжные недостатки извѣстной системы». Общій выводъ изъ политическихъ теорій Милля можно найти отчасти въ шестой книгѣ его «Логики», частью на тѣхъ страницахъ его «Автобіографіи», въ которыхъ онъ дѣлаетъ сводку своихъ новѣйшихъ политическихъ взглядовъ. Въ «Логикѣ» онъ, между прочимъ, распространяется о своемъ методѣ политической науки. Она не должна быть ни эмпирической *), ни геометрической или абстрактной; равнымъ образомъ она не должна быть дедуктивной, подобно естественнымъ наукамъ, изслѣдующимъ причины, или въ томъ смыслѣ, въ какомъ пропагандировалъ Огюстъ Контъ свой историческій методъ въ своей «Позитивной философіи». Въ своей «Автобіографіи» Милль упоминаетъ о вліяніи, оказанномъ на него сенъ-симонистами Базаромъ и Анфантеномъ, признавая, что въ ихъ критическихъ замѣчаніяхъ на ходячія либеральныя доктрины очень много справедливаго. Дѣйствительно, Милль постоянно оставался какъ въ глазахъ Европы, такъ въ особенности для Англіи, радикаломъ и демократомъ. Но это, однако, не помѣшало ему измѣнить впослѣдствіе свои политическіе и философскіе взгляды. Онъ сталъ смотрѣть на политическія учрежденія скорѣе, какъ на вопросъ моральнаго воспитанія, чѣмъ на вопросъ о матеріальныхъ интересахъ. Онъ пересталъ придавать принципіальное значеніе представительству демократіи и сталъ на болѣе вѣрную точку зрѣнія, что это скорѣе вопросъ времени, мѣста и обстоятельствъ.

Но по одному вопросу онъ пошелъ дальше, чѣмъ современные ему либералы и демократы. Въ 1831 году онъ познакомился съ г-жей Тайлоръ, и, повидимому, этому знакомству слѣдуетъ приписать если не зарожденіе, то во всякомъ случаѣ усиленіе въ его умѣ убѣжденія въ справедливости предоставленія женщинамъ избирательнаго права и полнаго равноправія мужчинъ и женщинъ. По поводу сенъ-симонистовъ онъ говоритъ: «Особенно уважаю я ихъ за то, что они такъ смѣло выступили противъ предубѣжденій, существующихъ еще въ такомъ важномъ вопросѣ какъ вопросъ

*) Маколей въ своей полемикѣ противъ этюда его отца «О правительствѣ», объявляетъ, что для политическихъ наукъ можетъ существовать лишь экспериментальный и индуктивный методъ.

о семействѣ и намѣтили важныя реформы, которыя предстоитъ еще сдѣлать въ другомъ важномъ соціальномъ учрежденіи, но за которыя не рѣшается еще приняться ни одинъ реформаторъ. Провозглашеніемъ полнѣйшей равноправности мужчинъ и женщинъ и установленія ихъ взаимныхъ отношеній на совершенно новыхъ началахъ, сенъ-симонисты, вмѣстѣ съ Овэномъ и Фурье, стяжали право на величайшую признательность со стороны грядущихъ поколѣній».

IV.

«Система логики» (1840—1843).

Десятилѣтній періодъ съ 1830 по 1840 гг. изобиловалъ для Милля внѣшними событіями. Посѣщеніе имъ Парижа вскорѣ послѣ іюльской революціи 1830 года оживило его интересъ къ французскимъ дѣламъ и побудило его въ теченіе нѣсколькихъ послѣдующихъ лѣтъ внимательно слѣдить за событіями во Франціи. Онъ самъ замѣчаетъ о себѣ, что изъ написанныхъ имъ съ 1832 по 1834 годъ газетныхъ статей, если бы ихъ собрать вмѣстѣ, можно было бы составить объемистый томъ. Въ 1836 г. умеръ его отецъ, а затѣмъ онъ самъ заболѣлъ и вынужденъ былъ, вслѣдствіе того, провести нѣсколько мѣсяцевъ въ Швейцаріи и Италіи; вторично онъ заболѣлъ въ 1839-мъ году и провелъ шесть мѣсяцевъ въ Италіи. Онъ окончательно оправился отъ этихъ двухъ болѣзней, но результатомъ первой, очевидно мозговой, осталось у него на всю жизнь подергиваніе одного глаза. За все это время онъ постепенно подготовлялся къ самому крупному своему труду—«Системѣ логики», появившемуся, однако, въ свѣтъ лишь въ 1843 г. Первая мысль объ этомъ трудѣ возникла въ умѣ его, повидимому, вслѣдствіе чтеній, въ домѣ Грота, трактатовъ о логикѣ въ 1837 г., когда ему шелъ тридцать второй годъ; въ томъ же году онъ написалъ и помѣстилъ въ «Westminster Review» статью о «логикѣ» Ватерлея. Онъ написалъ также въ разное время монографіи: «О логическомъ различіи между терминами», «О логическихъ аксіомахъ» и «О теоріи силлогизмовъ». Затѣмъ онъ обратился къ «задачамъ индукціи», вошедшимъ въ третью книгу его «Логики»; вопросомъ о мѣстѣ, которое принадлежитъ логикѣ въ ряду соціологическихъ и нравственныхъ наукъ, онъ занимался въ 1840 г.,

и, написавъ по этому поводу шестую книгу своей «Логики», временно завершилъ этотъ крупный и важный свой трудъ.

Въ 1840-мъ году умеръ отъ чахотки въ Фальмутѣ братъ Милля, Генри: пріѣхавъ туда къ умирающему, Милль познакомился съ Каролиной Фоксъ, о чемъ она сама разсказываетъ въ своемъ «Дневникѣ». Она уже раньше того много слышала о Миллѣ изъ восторженныхъ отзывовъ Джона Стерлинга, одного изъ ближайшихъ друзей семейства Фоксовъ; первое знакомство ея съ нимъ отнюдь не вызвало въ ней разочарованія. Она нашла, что и наружность его далеко не изъ заурядныхъ; она подмѣтила въ немъ большое сходство съ портретами Лафатера; особенно понравились ей его «глубокіе, спокойные глаза» и его «мягкій, пріятный голосъ». Небезынтересно будетъ сопоставить съ отзывами о Миллѣ Каролины Фоксъ описаніе его внѣшности, сдѣланное два года позднѣе Бэномъ, впервые посѣтившимъ его въ правленіи Остъ-Индской компаніи: «На другой же день по прибытіи моемъ въ Лондонъ, — пишетъ Бэнъ, — я отправился въ India-House», для того, чтобъ осуществить давнишнюю мою мечту — лично познакомиться съ Миллемъ. Никогда не забуду я того впечатлѣнія, которое я испыталъ, увидѣвъ его стоявшимъ передъ своей конторкой, съ лицомъ, обращеннымъ къ двери. Его высокая, стройная фигура, его моложавое лицо и высокій лобъ, его крѣпкое тѣлосложеніе прежде всего остановили на себѣ мое вниманіе; живость его манеръ, его высокій, но не рѣзкій и не пронзительный голосъ, его манера держать себя и пріятное выраженіе лица его навсегда остались бы въ моей памяти, если бы даже мнѣ послѣ того ни разу не довелось видѣть его. Одѣтъ онъ былъ въ безукоризненно сшитый черный сюртукъ, съ шелковыми отворотами».

Дневникъ Каролины Фоксъ проливаетъ также нѣкоторый свѣтъ на дружбу, установившуюся между Миллемъ и Джономъ Стерлингомъ. Послѣдній находился въ самыхъ дружескихъ отношеніяхъ къ Кольриджу, Морису и д-ру Кальверту, несмотря на то, что послѣдній и по образу жизни, и по взглядамъ своимъ значительно разнился съ прежнимъ Миллемъ. Начало ихъ дружбѣ положилъ оживленный споръ, который произошелъ между ними въ Кембриджѣ, въ «Обществѣ философскихъ преній», причемъ Милль выступилъ бентамистомъ, а Стерлингъ — мистикомъ; съ тѣхъ поръ

оба бывшіе антагониста стали все болѣе и болѣе сближаться другъ съ другомъ. Произошло это, очевидно, вслѣдствіе того, что они какъ бы взаимно дополняли другъ друга въ своихъ достоинствахъ и недостаткахъ. Стерлингъ видѣлъ въ Миллѣ глубокаго, научнаго мыслителя, лишеннаго, однако же, поэтическаго чутья, такъ какъ уму его мало доступно все конкретное; для Милля, напротивъ, Стерлингъ являлся человѣкомъ, надоумившимъ его прочесть Вордсворта и впервые указавшимъ ему на необходимость соотвѣтствующаго развитія чувства. Въ какомъ настроеніи былъ Милль, когда онъ ближе сошелся съ семействомъ Фоксъ и когда онъ ввелъ въ него Стерлинга, видно изъ слѣдующихъ словъ, сказанныхъ имъ Каролинѣ Фоксъ и занесенныхъ послѣднею въ свой дневникъ: «Никто не добьется ничего путнаго въ жизни, если онъ предварительно не приметъ твердаго рѣшенія мужественно нести крестъ, который можетъ выпасть на его долю; иначе онъ или погибнетъ, какъ Чаттертонъ, или впадетъ во внутреннія противорѣчія, какъ Эразмъ, или проведетъ свою жизнь среди разочарованій, какъ Лютеръ». Въ этихъ словахъ, безъ сомнѣнія, слѣдуетъ видѣть ясный намекъ на самого себя. Очевидно, Милль говорилъ о такомъ духовномъ процессѣ, который онъ самъ пережилъ. Стерлингъ даетъ намъ слѣдующее объясненіе совершавшагося около этого времени въ Миллѣ внутренняго кризиса. Отецъ воспиталъ его въ строго-бентамовскомъ духѣ; впослѣдствіи онъ уже самъ свернулъ съ этого пути на путь, указанный ему Вордсвортомъ и Кольриджемъ. «Онъ открекся, — говоритъ Стерлингъ, — отъ воли общепризнаннаго вожака сильной партіи для того, чтобы сдѣлаться рядовымъ въ арміи истины, ежеминутно готовымъ ринуться въ бой со всякаго рода фальшью и заблужденіями, хотя бы послѣднія находили себѣ защитниковъ въ рядахъ ближайшихъ ему людей. Онъ выросъ въ тѣхъ взглядахъ, что политическія и соціальныя учрежденія—все; но мало-по-малу онъ отрекся отъ этихъ взглядовъ и пришелъ къ тому убѣжденію, что личный прогрессъ является основой прогресса соціальнаго». Впослѣдствіи Каролинѣ Фоксъ пришлось услышать то же самое, но только въ отрицательной формѣ, отъ Боуринга, душеприкащика Бентама. Въ 1840-мъ году, во время пребыванія своего въ Фальмутѣ, Боурингъ съ явнымъ пренебреженіемъ отзывался о Миллѣ, какъ о философскомъ ренегатѣ, отрекшемся отъ бентамовскихъ идей и

пошедшемъ по стопамъ Кольриджа, мистицизмъ котораго Боурингъ отказывался понимать, такъ какъ онъ видѣлъ въ немъ лишь громкія слова, лишенныя внутренняго содержанія. «Недавно развившееся въ Миллѣ воображеніе, — говорилъ Кольриджъ, — является для него не малой помѣхой. Онъ и прежде отличался нѣкоторою восторженностью, какъ философъ; но начитавшись Вордсворта, онъ окончательно сбился съ толку и задумалъ несбыточное дѣло— соединить философію съ поэзіей».

Дѣйствительно, послѣ сближенія Милля съ Каролиной Фоксъ и съ ея фальмутскими друзьями, въ характерѣ его стали замѣчаться болѣе мягкія черты. Смерть его брата Генриха навела его на размышленія не исключительно философскаго, но религіозно-философскаго характера. «Милль, воспитанный отцомъ своимъ въ строго-раціоналистическомъ направленіи,—говоритъ Стерлингъ, — сталъ выказывать интересъ къ религіознымъ вопросамъ». Когда Джонъ Милль и д-ръ Кальвертъ стояли рядомъ у смертнаго одра Генри Милля, послѣдній замѣтилъ: «Когда человѣкъ присутствуетъ при подобныхъ сценахъ, разсудокъ его молчитъ и въ немъ заговариваетъ вѣра». Милль согласился съ нимъ, и бесѣда ихъ продолжалась въ этомъ направленіи.

За эти годы, несмотря на занятія Милля, какъ редактора «Лондонскаго Обозрѣнія» (издававшагося Молесвортомъ), несмотря на его двукратную болѣзнь и на умноженіе его занятій въ Остъ-Индской компаніи, его «Логика» довольно быстро подвигалась впередъ. Д-ръ Бэнъ много помогалъ ему при писаніи третьей книги (объ индукціи), а Огюстъ Контъ, основатель позитивистской школы, оказалъ немалое вліяніе на его взгляды на соціологію, изложенные въ шестой книгѣ. Онъ разсказываетъ намъ въ своей «Автобіографіи», что его долгое время мучила старая, какъ міръ, проблема «о свободѣ и необходимости», пока онъ не нашелъ разрѣшенія этого вопроса въ томъ, что въ новѣйшее время принято называть «детерминизмомъ», и не изложилъ этого въ своей «Логикѣ». Онъ ознакомился также съ различными нѣмецкими сочиненіями по логикѣ, хотя, повидимому, они не произвели особаго впечатлѣнія на его умъ. «Стерлингъ,—пишетъ онъ Барклаю Фоксу,—убѣждаетъ меня въ томъ, что я долженъ прочесть всякаго рода нѣмецкія сочиненія по логикѣ; но я, вполнѣ признавая пользу подобнаго ознакомленія, все-же не чувствую къ тому ни

малѣйшаго расположенія». Давая читать свою книгу корнваллійскимъ друзьямъ своимъ, онъ предупреждаетъ ихъ, что они найдутъ ее болѣе непонятной, чѣмъ интересной, и совѣтуетъ имъ не читать ее сплошь, а ограничиться лишь нѣкоторыми главами; онъ не желаетъ, чтобъ они, изъ дружбы къ нему, налагали на себя обузу. Главы, на которыя онъ обращалъ ихъ вниманіе, были: глава въ 5-й книгѣ «о ложныхъ представленіяхъ» и глава въ шестой книгѣ «о свободѣ и необходимости», которая, говорилъ онъ, «коротка и, по моему мнѣнію, наилучшая изъ всего того, что содержится въ обоихъ томахъ». Самъ онъ относится довольно скептически къ большей части своей книги. «Я вполнѣ увѣренъ,—пишетъ онъ,—что многіе найдутъ мою книгу схоластическою; но, писавъ ее, я повиновался потребности выразить то, что происходило во мнѣ». Это, однако, не мѣшало Миллю, въ конфиденціальномъ разговорѣ съ Каролиной Фоксъ, отозваться о самомъ себѣ слѣдующимъ образомъ: «Мое семейство даже и не подозрѣваетъ того, какой я великій человѣкъ».

Послѣ безуспѣшныхъ переговоровъ съ Муррэемъ, «Система Логики» была издана Паркеромъ въ мартѣ 1843 года и сразу имѣла громадный и вполнѣ заслуженный успѣхъ. Будучи книгой строго-научной, она не могла возбудить неудовольствія тѣхъ, которыхъ удивили и огорчили его недавнія отреченія отъ Бентама и отъ Джемса Милля. Хотя и изъ этой книги было очевидно, что Милль отнюдь не строгій и безусловный бентамистъ, но за то онъ занималъ здѣсь вполнѣ опредѣленное положеніе въ области логики, метафизики и психологіи. Милль открыто признавалъ себя приверженцемъ англійской философской школы, той школы, которая, исходя отъ Гоббса и придерживаясь въ общемъ взглядовъ Локка, Юма и Гартлея, видѣла въ опытѣ источникъ всѣхъ знаній и отрицала, вмѣстѣ съ Локкомъ, прирожденныя идеи. Но Милль превзошелъ всѣхъ своихъ предшественниковъ въ ясномъ и тщательномъ анализѣ научной процедуры, въ особенности въ обстоятельномъ изложеніи методовъ научнаго изслѣдованія, которое занимаетъ большую часть третьей книги его «Логики». Въ этомъ отношеніи единственнымъ соперникомъ Милля является Юэлль, который принадлежитъ, однако, къ другому лагерю. Неудивительно поэтому, что «Логика» Милля сдѣлалась своего рода евангеліемъ для эмпирической школы и вызвала почтительное

удивленіе со стороны всѣхъ «радикальныхъ» современныхъ мыслителей. Съ особенною восторженностью восхвалялъ ее Гротъ. «Логика» Милля — лучшая книга въ моей библіотекѣ»,—восторженно отзывался онъ, по словамъ Бэна. Самъ Бэнъ напечаталъ въ «Westminster Review» статью объ этой книгѣ, по мнѣнію Милля, даже слишкомъ хвалебную; Миллю даже пріятно было, когда въ журналѣ «British Critik» появилась статья В. Дж. Уарда, написанная въ тонѣ далеко не хвалебномъ. Миллю извѣстно было, что Уардъ—единомышленникъ Ньюмэна и Пюзея, и ему льстило то, что мыслители, державшіеся взглядовъ діаметрально противоположныхъ его взглядамъ, подвергли его трудъ такому тщательному разбору (около 100 страницъ).

Но гораздо важнѣе и интереснѣе вопросъ о томъ, суждено-ли «Системѣ Логики» Милля сдѣлаться классическимъ сочиненіемъ въ своей области. Не подлежитъ сомнѣнію, что это такого рода произведеніе, которое не можетъ игнорировать никто изъ людей, занимающихся этимъ вопросомъ: безъ нея не можетъ обойтись ни одинъ человѣкъ, спеціально занимающійся философіей и логикой, хотя нѣкоторое время въ Оксфордѣ и сказывается реакція въ духѣ германской философіи. Весь трудъ раздѣленъ на шесть книгъ, причемъ въ первыхъ двухъ разсматриваются задачи и цѣли логики вообще и подробно говорится о процессѣ дедукціи. Исходная точка Милля здѣсь та, что силлогизмъ есть своего рода фальшивое умозаключеніе, ибо оно содержится въ самихъ посылкахъ, и что истинный ходъ умозаключенія долженъ заключаться въ переходѣ отъ частнаго случая къ ближайшему частному случаю. Во второй книгѣ Милль ведетъ аттаку противъ одной изъ твердынь апріористической школы, а именно, будто истина безусловная, по самому существу своему, разнится отъ истины условной; при этомъ Милль утверждаетъ, что и самыя геометрическія аксіомы—эмпиричны по происхожденію своему. Но особенно характеристична третья книга «Логики» Милля, въ которой онъ, въ двадцати пяти главахъ, представляетъ намъ исчерпывающій анализъ индукціи, какъ единственнаго раціональнаго научнаго пріема. Возможность индукціи основывается на единообразіи природы; но и послѣднее, въ свою очередь, представляется лишь эмпирическимъ обобщеніемъ, которое разнится отъ другихъ, менѣе достовѣрныхъ обобщеній, лишь громаднымъ количествомъ наблюденій, на которыхъ оно основано,

и большею шириною своихъ цѣлей. Затѣмъ онъ приступаетъ къ объясненію законовъ природы и знакомитъ насъ съ методами опытнаго изслѣдованія, при помощи которыхъ можно добраться до этихъ законовъ. Другими словами, болѣе узкій взглядъ на индукцію, какъ на процессъ исключительно-логическій, расширяется здѣсь до взгляда на нее какъ на процессъ научнаго изслѣдованія; въ смыслѣ «логическаго» процесса индукція можетъ считаться антитезой дедукціи, или способомъ установленія общихъ положеній; въ смыслѣ же процесса «научнаго» она является средствомъ для познаванія законовъ природы. Такимъ образомъ Милль старается ввести въ логику научные пріемы, между тѣмъ какъ другіе мыслители, напротивъ, исключали ихъ изъ нея. Милль признаетъ четыре метода опытныхъ изслѣдованій: методъ сходства, методъ различія, методъ отыскиванія неизмѣняющагося остатка и методъ изслѣдованія соотвѣтствующихъ измѣненій. Въ этомъ мы замѣчаемъ нѣкоторое сходство съ формулами, приведенными Фрэнсисомъ Бэкономъ во второй книгѣ его «Novum Organon», хотя, конечно, мы замѣчаемъ у Милля значительный шагъ впередъ въ сравненіи съ довольно первобытными методами перваго изъ логиковъ-индуктивистовъ. Милль встрѣчалъ немалыя затрудненія въ пріискиваніи научныхъ примѣровъ для чисто-индуктивнаго метода; въ этомъ отношеніи ему оказалъ немалую помощь Бэнъ, обратившій его вниманіе на теоріи Либиха и (въ послѣдующемъ изданіи) на теорію Броуна-Секкара объ окоченѣніи труповъ; особенно же удачный примѣръ представило ему изслѣдованіе Гершеля о росѣ. Милль не могъ не признавать того, что многія важныя научныя открытія сдѣланы если не исключительно дедуктивнымъ методомъ, то комбинированіемъ индуктивнаго метода съ дедуктивнымъ или гипотетически-дедуктивнымъ методомъ. Милль самъ допускаетъ, что исключительно-индуктивный методъ примѣнимъ скорѣе въ логикѣ доказательствъ, чѣмъ въ логикѣ открытій. Въ четвертой книгѣ «Логики» Милля, озаглавленной «Вспомогательные пріемы дедукціи», нашли себѣ мѣсто такіе вопросы, для которыхъ Милль не находилъ мѣста собственно въ логикѣ; д-ръ Бэнъ называетъ это матеріаломъ для логики опредѣленій и классификацій. Пятая книга заключаетъ въ себѣ классификацію ложныхъ представленій, а шестая—логику моральныхъ наукъ, причемъ Милль въ значительной мѣрѣ пользуется соціологическими взглядами Конта.

Бросая общій взглядъ на этотъ трудъ, мы должны провести рѣзкую грань между его научной стороной и метафизической основой его. Врядъ-ли какая-либо другая книга можетъ дать читателю болѣе ясное понятіе о томъ, что есть наука и чѣмъ она должна быть; съ этимъ согласны почти всѣ представители различныхъ отраслей наукъ. Съ другой стороны, нельзя не согласиться съ тѣмъ, что Милль здѣсь чрезмѣрно расширяетъ предѣлы логики, причемъ ему иногда приходится становиться на почву метафизическую; а если въ основу положены догмы, не обладающія достаточной степенью достовѣрности, то это не можетъ не отозваться и на всей постройкѣ.

Начать съ заглавія. Милль называетъ свой трудъ: «Принципы очевидности и методы научнаго изслѣдованія». Такимъ образомъ въ глазахъ Милля логика является какъ бы «наукой о доказательности или очевидности». Но въ такомъ случаѣ логика не можетъ уже быть «наукой о законахъ мышленія», а равно и, согласно Гершелю и Юэллю, «наукой объ открытіяхъ». Милль самъ себя выставляетъ сторонникомъ и послѣдователемъ скорѣе матеріальной логики, чѣмъ формальной. Согласно опредѣленію Милля, логика—это органъ науки, или, какъ видно изъ самаго заглавія его труда—часть науки. Это, быть можетъ, не особенно важно само по себѣ; но оно становится важнымъ, когда мы перейдемъ къ третьей книгѣ, въ которой трактуется о методахъ индукціи. Каковы эти методы—изслѣдовательные или доказательные? Вначалѣ Милль какъ будто готовъ признать ихъ изслѣдовательными; но затѣмъ, въ отвѣтѣ своемъ на критику Юэлля, онъ склоняется на сторону метода исключительно-доказательнаго. Словомъ, едва-ли есть достаточное основаніе причислять Милля къ логикамъ-матеріалистамъ, а не къ логикамъ-формалистамъ. Ибо если логика должна имѣть въ виду только сущность нашего мышленія, а не форму его, то для насъ не вполнѣ ясно, почему въ его прежнихъ сочиненіяхъ мы находимъ, въ числѣ другихъ общихъ мѣстъ, систему категорій и изслѣдованіе о значеніи большой посылки въ силлогизмѣ. Вообще разсужденія его относительно этого предмета имѣютъ значеніе скорѣе историческое и лишь отчасти логическое. Мы уже видѣли выше, что Милль въ ранней молодости изучалъ греческія сочиненія по логикѣ и послѣ аристотелевскихъ схоластиковъ. Въ послѣдующій періодъ своей жизни онъ стремился внести

новую жизнь въ устарѣвшія логическія формы, влить новое вино эмпиризма въ старые-аристотелевскіе мѣхи. Отсюда его желаніе—замѣнить устарѣвшія десять категорій своими собственными категоріями; онъ желалъ также замѣнить силлогистическій методъ умозаключеній методомъ научнымъ, стремясь доказать, что умозаключеніе не зависитъ отъ большой посылки, а только должно согласоваться съ нею, такъ какъ большая посылка есть ничто иное, какъ констатированіе извѣстнаго факта, закона, добытаго опытомъ. Весь споръ о фальшивыхъ умозаключеніяхъ, вытекающихъ изъ извѣстнаго силлогизма, является, по его мнѣнію, результатомъ недоразумѣнія, вызваннаго смѣшеніемъ двухъ различныхъ цѣлей логики. Силлогизмъ есть важный, своего рода образцовый продуктъ мышленія, ибо концепція, сужденіе и силлогизмъ представляютъ собою различныя точки въ ходѣ работы нашей мысли. Если сойти съ этой точки зрѣнія, если смотрѣть на мышленіе исключительно съ точки зрѣнія знакомства съ фактомъ и оцѣнки его, то логика, которая должна быть логикой очевидности, никогда не будетъ чувствовать твердой почвы подъ ногами.

Слабая сторона миллевской теоріи объ умозаключеніяхъ заключается въ томъ, что она переходитъ отъ частности къ частности не исходя изъ одного общаго положенія; а между тѣмъ, по нашему мнѣнію, единство природы представляетъ собою такую истину, которая могла бы служить большой посылкой во всѣхъ нашихъ разсужденіяхъ о явленіяхъ природы. Самая индукція зависитъ отъ истины этой большой посылки или этого принципа. Милль самъ допускаетъ, что индукція находится въ тѣсной зависимости отъ единообразія природы; но только онъ старается доказать, что индукція должна, тѣмъ или инымъ образомъ, доказать единство природы. Мы не станемъ слѣдовать за нимъ по всѣмъ извилинамъ которыми онъ старается дойти до подтвержденія такого страннаго положенія; достаточно будетъ указать на то, что практически вопросъ этотъ сводится къ слѣдующей дилеммѣ: или возможность индукціи основывается на единообразіи природы, и въ такомъ случаѣ нашъ процессъ умозаключенія очевидно исходитъ отъ всеобщей, универсальной истины, развѣтвляясь затѣмъ въ частности; или же мы можемъ умозаключать лишь отъ частностей къ частностямъ, и въ такомъ случаѣ наша вѣра въ единообразіе природы строго ограничивается предѣлами нашего опыта; мы въ такомъ

случаѣ имѣемъ дѣло съ чисто-эмпирическимъ обобщеніемъ, и, какъ таковое, послѣднее, очевидно, не можетъ имѣть такой же прочности, какъ законы природы. Милль не могъ выйти изъ этой дилеммы при помощи того пріема, къ которому прибѣгли его преемники, напр., Гербертъ Спенсеръ и сторонники теоріи эволюціи. Послѣдніе становятся на точку зрѣнія накопленія опыта всего рода людского, за всѣ фазисы его развитія, причемъ нашъ собственный, ограниченный опытъ можетъ исходить изъ этого накопленнаго опыта поколѣнія, видя въ немъ нѣчто прочное, неоспоримое. Но Милль разумѣетъ «опытъ» не такъ, какъ разумѣетъ его Гербертъ Спенсеръ; онъ имѣетъ въ виду лишь «личный», а не «племенной» опытъ. Понятно, что при такомъ взглядѣ задача, предъявляемая къ опытному методу изслѣдованій, становится почти неразрѣшимой.

Вообще метафизическую систему Милля можно считать какъ бы переходною, и въ настоящее время уже не трудно точнѣе опредѣлить тѣ принципы, между которыми онъ колеблется. Въ нѣкоторыхъ частяхъ своего ученія онъ стоитъ на полъ-дорогѣ между Юмомъ и Гербертомъ Спенсеромъ, между тѣмъ какъ въ другихъ онъ, повидимому, старается согласовать ученіе Декарта съ ученіемъ Локка. Согласно Юму источникомъ истины является исключительно личный опытъ; по мнѣнію Спенсера, нѣкоторыя истины принадлежатъ a priori личности, но a posteriori—племени. Милль, утверждая, съ одной стороны, что помимо личнаго опыта нѣтъ иного источника истины, съ другой—видитъ въ индукціи средство для выработки такихъ общихъ принциповъ, до которыхъ никогда не можетъ дойти личный опытъ. Это мы замѣчаемъ, напр., въ нѣкоторыхъ изъ его теорій, изложенныхъ въ концѣ второй книги его «Логики» и въ началѣ третьей. Такъ, напр., онъ признаетъ геометрическія аксіомы такъ называемыми неизбѣжными истинами. Милль стремится къ тому, чтобъ устранить апріористическую точку зрѣнія, которую картезіанская школа считала источникомъ познаній. Для Милля, какъ и для Локка, нѣтъ апріорныхъ, прирожденныхъ началъ; слѣдовательно, въ его глазахъ, и геометрическія аксіомы подлежатъ провѣркѣ опытомъ; правда здѣсь средства провѣрки скорѣе идеальнаго, чѣмъ экспериментальнаго свойства: здѣсь мы имѣемъ дѣло съ прямыми линіями и правильными кругами, т. е. съ чѣмъ-то идеальнымъ, потому что совершенно прямыхъ линій и совершенно

правильныхъ круговъ мы не находимъ въ дѣйствительности; и такимъ образомъ геометрія съ одной стороны доказываетъ намъ, что двѣ прямыя линіи не могутъ ограничивать пространства, а съ другой стороны мы на практикѣ не находимъ безусловно-прямыхъ линій; двѣ же линіи не безусловно-прямыя могутъ ограничивать пространство, и такимъ образомъ оказываются несогласуемыми двѣ точки зрѣнія, идеалистическая и опытная. То же самое колебательное движеніе, то же самое желаніе согласовать два взаимно исключающихъ другъ друга положенія, мы замѣчаемъ и въ разсужденіяхъ Милля о соотношеніяхъ между причиной и послѣдствіемъ. Идеалистическая школа, ведущая свое начало отъ Декарта, придаетъ значеніе неизмѣнному и безусловному характеру отношеній между причиной и послѣдствіемъ, и выводитъ отсюда заключеніе, что характеръ этотъ апріорный, не зависящій отъ опыта. Милль, усвоивъ себѣ вообще взгляды Локка и Юма, полагаетъ, напротивъ, что отношеніе между причиной и послѣдствіемъ—исключительно опытное, что оно зависитъ отъ извѣстнаго количества опытныхъ наблюденій. А между тѣмъ онъ утверждаетъ, что это опытное отношеніе можетъ и должно быть неизмѣннымъ и безусловнымъ. Но спрашивается, можетъ-ли опытъ дать безусловныя и неизмѣнныя данныя? Самъ Милль, вопреки своимъ утвержденіямъ, не допускаетъ подобной возможности. Вѣдь если всѣ наши познанія относительно причинъ и послѣдствій зависятъ отъ нашего опыта, то мы вынуждены будемъ допустить, что въ недоступныхъ нашимъ опытнымъ изслѣдованіямъ звѣздныхъ пространствахъ извѣстныя послѣдствія не вызываются извѣстными причинами. Но во что же тогда превратится теорія о неизмѣнной и безусловной связи между причинами и послѣдствіями?

Когда Милль писалъ шестую книгу своей «Логики», трактующую о соціологіи, онъ, очевидно, находился подъ сильнымъ вліяніемъ Огюста Конта и его позитивизма. Онъ заимствовалъ у послѣдняго свои общіе взгляды на науку, а также въ значительной мѣрѣ и методъ его. Но у Конта соціологія непосредственно выводится изъ біологіи: отъ организма физическаго мы непосредственно переходимъ къ организму соціальному. Результатомъ этого является то, что Контъ не признаетъ психологію, какъ науку самостоятельную, замѣняя ее, такъ сказать, физіологіей мозга. Милль въ этомъ отношеніи расходится съ Контомъ. При-

надлежа къ школѣ англійскихъ психологовъ, онъ не могъ признать своихъ учителей некомпетентными. Поэтому онъ желалъ положить психологію въ основу всей соціологіи. Но попытка эта не можетъ быть признана удачною: мы не можемъ сразу перейти отъ законовъ ума къ законамъ, управляющимъ обществомъ; между ними должна найти себѣ мѣсто наука, которая имѣла бы дѣло съ законами характера и которую Милль называетъ этологіей. По его мнѣнію, соціологія немыслима безъ этологіи, и вскорѣ послѣ появленія его «Логики» онъ дѣлаетъ попытку опредѣлить основы этой науки. Но онъ самъ принужденъ былъ сознаться, что это ему не удалось, и эта неудача роковымъ образомъ повлекла за собою неудачу и болѣе обширнаго проекта, съ которымъ онъ носился и который касался труда его по соціологіи. Эта неудача его въ созданіи науки этологіи, по мнѣнію Бэна, побудила его посвятить всѣ свои силы работѣ надъ политической экономіей.

V.

Ученикъ Рикардо (1843—1849).

Съ окончаніемъ «Логики» умственная дѣятельность Милля не ослабѣла. Напротивъ, мы видимъ его достигшимъ около этого времени высшаго развитія его широкой и плодотворной умственной дѣятельности, обезпечивающаго за нимъ почетное мѣсто въ исторіи его страны. Начиная съ 1843 года онъ принялся за подготовку второго своего богатаго вклада въ умственную сокровищницу человѣчества—своей «Политической экономіи», которая появилась въ свѣтъ въ 1848 году. Однако, промежуточные годы не всѣ были посвящены подготовкѣ къ этому труду. Въ 1842 году онъ написалъ мастерской этюдъ по поводу теоріи Байлея о видѣніяхъ, напечатанный въ «Westminster Review». Осенью того же года онъ довольно серьезно прихворнулъ, но уже въ началѣ 1843 года, помимо изданія своей «Логики», написалъ для «Edinburgh Review» этюдъ о Мишле, который, по его собственнымъ словамъ, «долженъ былъ удивить многихъ изъ его читателей»: въ немъ онъ являлся защитникомъ папства и безбрачія духовенства, видя и въ томъ, и въ другомъ средства для спасенія міра отъ варварства; статья эта, однако, не имѣла тѣхъ послѣдствій, которыхъ, повидимому, ожидалъ отъ нея Милль. Появилась она

въ 1844 году; въ слѣдующемъ 1845 году, въ «Edinburgh Review» появились этюды его о «Правѣ на трудъ» и о «Гизо». Въ 1846 году онъ написалъ въ томъ же журналѣ статью, посвященную первымъ двумъ томамъ большого труда друга своего Грота—«Исторіи Греціи»; въ 1847 году онъ помѣстилъ въ «Chronicle» нѣсколько статей, посвященныхъ ирландскимъ дѣламъ. Первый изъ этихъ этюдовъ свидѣтельствуетъ о томъ, что прежде чѣмъ прочитать трудъ Грота, Милль перечиталъ всю «Иліаду» и всю «Одиссею». Статьи его въ «Morning Chronicle» сводились главнымъ образомъ къ доказательству необходимости предоставить ирландскимъ поселянамъ поземельную собственность. Такимъ образомъ онъ по этому важному вопросу лѣтъ на сорокъ опередилъ великаго своего современника Гладстона, какъ извѣстно придерживавшагося въ сороковыхъ годахъ еще совершенно иныхъ взглядовъ на ирландскій вопросъ, чѣмъ тѣ, какіе онъ сталъ проводить въ семидесятыхъ и восьмидесятыхъ годахъ.

Но самымъ важнымъ событіемъ этого періода жизни Милля является знакомство его съ основателемъ французской школы позитивистовъ, вскорѣ перешедшее въ дружбу, вызвавшую учащенную корреспонденцію между обоими мыслителями. Заглядывали-ли вы когда-либо въ «Курсъ позитивной философіи» Конта? пишетъ онъ Бэну 15-го октября 1841 года.—«Хотя у него и попадаются кое-какіе промахи, но все же мнѣ кажется, что въ общемъ—это едва-ли не крупнѣйшее произведеніе нашего вѣка». Переписка его съ Контомъ началась въ 1841 году и продолжалась до 1846-го; но особенною теплотою отличаются письма, которыми они обмѣнивались въ 1842 и 1843 годахъ. Послѣ того она нѣсколько охладѣла, но въ концѣ 1846 года, когда Контъ лишился своей Эгеріи, Клотильды Дево, онъ получилъ очень теплое письмо отъ Милля, въ которомъ тотъ выражалъ ему свое соболѣзнованіе. Впрочемъ, въ складѣ ума и въ характерѣ этихъ двухъ людей замѣчается рѣзкое различіе. Контъ болѣе какого-либо другого философа, за исключеніемъ, быть можетъ, Фрэнсиса Бэкона, долженъ быть разсматриваемъ критикой при соблюденіи условія строжайшаго различенія характера его ума и его житейскаго характера. Одинъ изъ самыхъ глубокихъ мыслителей своего вѣка являлся въ обыденной жизни человѣкомъ самымъ обыкновеннымъ и даже мелкимъ. Лишившись мѣста экзаменатора при политехни-

ческой школѣ, онъ не только не стѣснялся требовать денежной помощи отъ своихъ друзей, но даже бранить тѣхъ изъ нихъ, которые отказывали ему въ ней. Милль лично оказывалъ ему, по мѣрѣ своихъ силъ, денежную помощь; но когда ему пришлось сообщить Конту, что Гротъ и Молесвортъ, тоже помогавшіе вначалѣ деньгами уволенному французскому профессору, отказываются отъ дальнѣйшихъ субсидій, Контъ, вообще являвшійся въ своихъ письмахъ типомъ самаго зауряднаго «parvenu», отказывался понять причины подобнаго отказа и въ письмѣ къ Миллю изложилъ цѣлый трактатъ о тѣхъ отношеніяхъ, какія должны существовать между богачами и философами. Но Гротъ продолжалъ упорствовать, совершенно расходясь съ соціологическими теоріями, да и Милль замѣтно охладѣлъ къ человѣку, выказывавшему такое поразительное отсутствіе такта. Послѣднее письмо имъ написано было къ Конту, какъ замѣчено выше, по случаю смерти Клотильды Дево. Быть можетъ Милль и былъ непрочь прекратить переписку съ человѣкомъ, который вступилъ въ послѣдній періодъ своей жизни на такой несимпатичный англійскому мыслителю путь.

«Принципы политической экономіи» появились въ свѣтъ въ началѣ 1848 года, и многія обстоятельства сдѣлали появленіе этой книги событіемъ въ литературномъ мірѣ. Извѣстно было, что Милль изучалъ этотъ предметъ съ самыхъ раннихъ лѣтъ своей юности; онъ бесѣдовалъ объ этихъ вопросахъ еще во время юношескихъ прогулокъ съ отцомъ своимъ. Извѣстна также дружба, связывавшая Рикардо съ Миллемъ-отцомъ, а равно и то, что безъ хлопотъ и стараній Джемса Милля трудъ Рикардо никогда не увидѣлъ бы свѣта. Самъ Джонъ Милль сталъ писать отдѣльные этюды по этимъ вопросамъ еще съ 1830 и 1831 года, но они появились въ свѣтъ лишь въ 1844 году подъ общимъ заглавіемъ: «Этюды по спорнымъ вопросамъ изъ области политической экономіи». Первый изъ нихъ трактуетъ о международномъ обмѣнѣ произведеніями и свидѣтельствуетъ о близкомъ знакомствѣ его съ трудами Рикардо по этому предмету. Второй и третій касаются вопроса о вліяніи потребленія на производство и заключаютъ въ себѣ попытку болѣе точнаго примѣненія терминовъ «производительный» и «непроизводительный» въ области труда и потребленія. Въ четвертомъ особенно ясно сказывается вліяніе Рикардо

въ томъ смыслѣ, что въ немъ доказывается справедливость извѣстнаго положенія, что «барыши находятся въ тѣсной зависимости отъ заработной платы, увеличиваясь по мѣрѣ пониженія послѣдней и уменьшаясь по мѣрѣ повышенія ея». Пятый и шестой этюды трактуютъ о методахъ политической экономіи и представляютъ собою особую важность. Милль высказываетъ въ нихъ увѣренность свою въ томъ, что разногласія между экономистами должны будутъ вскорѣ исчезнуть; и дѣйствительно, уже нѣсколько лѣтъ послѣ появленія этого этюда, отмѣна ввозной пошлины на хлѣбъ совершилась при такихъ обстоятельствахъ, которыя явились какъ бы подтвержденіемъ справедливости ожиданій Милля. Періодъ полемическихъ преній какъ бы уступилъ мѣсто періоду созидательному.

Вѣрная оцѣнка труда Милля можетъ быть произведена лишь при сопоставленіи его съ взглядами, господствовавшими до него, и тѣми, которые получили право господства впослѣдствіи, а для этого приходится дать хоть краткій очеркъ развитія экономическихъ взглядовъ въ Англіи. Такъ называемая «меркантильная система» представляетъ собою первый фазисъ новой экономической теоріи. Ученіе меркантилистовъ въ общемъ сводится къ слѣдующему. Деньги и благосостояніе—понятія тождественныя, и поэтому всякая страна должна стремиться къ тому, чтобы привлечь къ себѣ какъ можно больше драгоцѣнныхъ металловъ; поэтому она должна всячески стараться увеличить свой вывозъ и уменьшить свой ввозъ, причемъ разницу между общей суммой вывоза и общей суммой ввоза она получитъ въ видѣ золота и серебра; эта разница называется «балансомъ торговли». Въ видахъ умноженія этого баланса, правительства должны путемъ запрещенія и высокихъ пошлинъ всячески ограничивать ввозъ иностранныхъ товаровъ, ограничивать вывозъ драгоцѣнныхъ металловъ и поощрять и облегчать вывозъ туземныхъ произведеній. Не трудно понять всю ошибочность подобной теоріи. Очевидно, что меркантилисты придавали преувеличенное значеніе накопленію въ странѣ драгоцѣнныхъ металловъ, что благосостояніе народовъ зависитъ не столько отъ присутствія у нихъ большаго или меньшаго количества этихъ металловъ, сколько отъ даровъ природы и отъ людского труда. Обработкѣ веществъ не должно быть отводимо слишкомъ широкое мѣсто по сравненію съ производствомъ ихъ. «Тор-

говый балансъ» есть ничто иное, какъ фикція, такъ какъ дѣйствительная цѣль экономиста должна заключаться въ томъ, чтобы стремиться къ обезпеченію за цѣлымъ населеніемъ жизненныхъ потребностей и удобствъ. Въ концѣ концовъ, запретительная и поощрительная пошлины, привиллегіи и монополіи должны разсматриваться какъ помѣхи торговлѣ, единственнымъ и неизбѣжнымъ условіемъ правильнаго развитія которой является лишь полнѣйшая свобода промышленности.

Второй фазисъ новѣйшихъ экономическихъ взглядовъ начинается съ «физіократовъ» (Кенэ, Гурнэ, Дюпонъ-де-Немуръ), которые, не будучи чужды нѣкоторыхъ заблужденій, выдвинули, однако, впередъ такіе принципы, которымъ суждено было играть видную роль въ дальнѣйшемъ развитіи экономической науки. Теорія физіократовъ исходитъ изъ представленія о «естественномъ правѣ», о простомъ, категорическомъ и благодѣтельномъ кодексѣ, установленномъ самой природой. Отсюда самъ собою истекаетъ выводъ о существованіи одинаковыхъ, естественныхъ правъ у каждой отдѣльной личности, результатомъ чего, въ свою очередь, явился извѣстный девизъ: «laissez faire, laissez passer»,—кульминаціонный пунктъ невмѣшательства и отрицанія, устранявшій всякія узы и оковы съ производительнаго труда. Адамъ Смитъ, въ своемъ, безъ сомнѣнія, въ высшей степени важномъ трудѣ, придерживался, въ сущности, того же направленія. Правда, у него понятіе объ естественномъ кодексѣ отодвинуто на задній планъ, но за то сквозь все его «Благосостояніе народовъ» красною нитью проходитъ забота о личности, о благосостояніи ея и о необходимости свободы ея. Адамъ Смитъ выгодно отличается не только отъ предшественниковъ своихъ, но и отъ нѣкоторыхъ изъ своихъ преемниковъ тѣмъ, что онъ иллюстрируетъ положенія свои многочисленными примѣрами и постоянными ссылками на историческія данныя. Хотя въ нашихъ глазахъ система Смита и не лишена недостатковъ, однако все же къ ней нельзя относиться такъ пренебрежительно, какъ то дѣлали нѣмецкіе критики его, Рошеръ и Бруно Гильдебрандъ. Если его политико-экономическіе взгляды могутъ быть названы «индивидуалистическими» по преимуществу, то не слѣдуетъ упускать изъ виду того, что «экономическая личность», служащая основою всей его системы, есть существо чисто гипотетическое, отъ котораго тщательно устранены всякіе

иные мотивы, кромѣ себялюбія и личныхъ интересовъ. Экономическое благосостояніе общества становится тождественнымъ съ такимъ же благосостояніемъ личности, и вся система Смита получаетъ характеръ слишкомъ абсолютный, такъ какъ она разсматриваетъ человѣка, какъ нѣчто абстрактное, а не какъ созданіе исторіи и цивилизаціи. Каковы бы ни были достоинства и недостатки Адама Смита, не подлежитъ сомнѣнію, что преемникъ его Рикардо довелъ до крайнихъ предѣловъ характеристическія черты его, не давъ достаточно широкаго мѣста опыту, какъ то сдѣлалъ предшественникъ его. Рикардо весь погрузился въ міръ абстракцій; его «экономическая личность» вся ушла въ стяжаніе. Пресловутая его теорія ренты, выставляющая незыблемымъ принципомъ, что интересы землевладѣльцевъ должны находиться въ постоянномъ противорѣчіи съ интересами другихъ классовъ, шли совершенно въ разрѣзъ съ демократическимъ характеромъ бентамизма. Контъ замѣчаетъ въ одномъ изъ своихъ писемъ къ Миллю, что «бентамизмъ прямо вытекаетъ изъ принциповъ здравой политической экономіи и изъ системы естественной свободы»; основательность этого замѣчанія подтверждается отношеніемъ къ ученію Рикардо такихъ людей, какъ Макъ Куллохъ, Джемсъ Милль и др. Другою слабою стороною ученія Рикардо было предположеніе его, что капиталъ легко можетъ быть переносимъ съ одного предпріятія на другое и что трудъ также легко можетъ быть переносимъ изъ одной отрасли промышленности въ другую,—въ чемъ онъ значительно расходится съ Смитомъ. Къ этому еще слѣдуетъ прибавить свойственныя Рикардо небрежность и безсвязность фразеологіи.

Если выше сказано было, что Милля можно считать ученикомъ Рикардо, то отсюда вовсе не слѣдуетъ, чтобъ онъ былъ рабскимъ послѣдователемъ своего учителя. Правда, онъ старался оправдывать многое изъ ученія Рикардо и ставилъ его очень высоко по сравненію съ его предшественниками, но притомъ онъ задавался болѣе широкими цѣлями, чѣмъ простымъ иллюстрированіемъ теорій Рикардо. Цѣль его книги, какъ онъ самъ намъ объясняетъ, заключалась въ томъ, чтобы объяснить экономическія явленія въ связи съ новѣйшими общими взглядами на соціологію, сдѣлать для девятнадцатаго вѣка то, что Адамъ Смитъ сдѣлалъ для восемнадцатаго. Онъ гдѣ-то выразился, что Рикардо составляетъ становой хребетъ экономической науки; не менѣе

основательно замѣтилъ Кэрнсъ въ статьѣ о трудахъ Милля, напечатанной въ «Exaiminer'ѣ», что въ такомъ случаѣ труды Милля слѣдуетъ считать членами, связками и мускулами той же науки. Для примѣра можно было бы указать на то развитіе, которое придаетъ Милль ученію Рикардо о внѣшней торговлѣ: здѣсь абстрактные принципы переводятся на конкретный языкъ и иллюстрируются несомнѣнными фактами. Въ ученіи Милля объ экономическомъ значеніи земли, въ его теоріи о самопроизвольномъ возростаніи, мы видимъ непосредственное развитіе теоріи Рикардо о рентѣ. Большую оригинальность мы замѣчаемъ, напр., въ доказательствѣ Миллемъ того, что экономическую теорію о минимумѣ заработной платы, слѣдуетъ понимать въ томъ смыслѣ, что это минимумъ не физическій, а моральный, и что слѣдовательно онъ можетъ измѣняться сообразно измѣненіямъ въ характерѣ населенія вообще. Отсюда, вмѣсто безотраднаго пессимизма относительно будущаго положенія земледѣльца, мы встрѣчаемся съ увѣренностью его въ томъ, что положеніе это улучшится вмѣстѣ съ улучшеніемъ моральнаго характера; и глава его труда «О будущемъ промышленныхъ классовъ» значительно разнится по тону и выводамъ съ разсужденіями о томъ же предметѣ Рикардо. Такъ, напр., Милль доказываетъ, что улучшеніе нравовъ значительно ослабляетъ силу конкуренціи и что регуляторомъ ренты въ большей части обитаемаго міра является не только конкуренція, но совмѣстное вліяніе конкуренціи, обычаевъ и твердой воли самого собственника земли. «Этотъ взглядъ, — говоритъ Кэрнсъ, — бросилъ совершенно новый свѣтъ на весь вопросъ о землевладѣніи и открылъ широкій путь для вмѣшательства законодательства въ дѣло заключенія контрактовъ между землевладѣльцами и арендаторами. Особенно важно было примѣненіе его къ Ирландіи, и Милль не переставалъ требовать этого примѣненія съ той энергіей и съ тѣмъ энтузіазмомъ, которые онъ неизмѣнно выказывалъ во всемъ, за что бы онъ ни принимался. Милль значительно разошелся также съ Рикардо по вопросу о заработной платѣ, и хотя Кэрнсъ и полагаетъ, что въ этомъ отношеніи онъ пошелъ по ложному пути, однако, многіе новѣйшіе экономисты находятъ, напротивъ, что здѣсь Милль вышелъ на настоящій путь. Онъ полагалъ, между прочимъ, что въ примѣненіи извѣстныхъ принциповъ ка-
тельно этого предмета на практикѣ могутъ встрѣтиться значи-

тельныя отступленія отъ экономической теоріи, такъ какъ это примѣненіе на практикѣ зависитъ и отъ другихъ соображеній, кромѣ чисто-экономическихъ.

По поводу послѣдней главы «Логики» Милля было высказано мнѣніе, что Милль является здѣсь представителемъ переходнаго образа мнѣній—отъ Юма къ Герберту Спенсеру, съ одной стороны, и отъ школы эмпириковъ къ идеализму—съ другой; и въ этомъ положеніи хотѣли найти объясненіе нѣкоторой непослѣдовательности, замѣчаемой въ основныхъ догматахъ этого труда его. На дѣлѣ же, повидимому, уже съ 1843 года въ умѣ Милля ясно обозначилась цѣль — преобразовать бентамизмъ согласно ученію Кольриджа, Карлейля и германскихъ философовъ, преимущественно подъ вліяніемъ Джона Стерлинга. На нѣкоторое время произошла остановка въ этомъ его направленіи, которую слѣдуетъ приписать Конту, соціалистамъ и, быть можетъ, въ нѣкоторой степени, и Тайлору. Теперь намъ предстоитъ остановиться на томъ же вопросѣ по отношенію къ его «Политической экономіи». Милль унаслѣдовалъ, очевидно, систему Рикардо и Мальтуса, и въ началѣ шелъ по ихъ стопамъ. Каковы же были новыя вліянія, подѣйствовавшія на него, и въ чемъ они расходились съ прежними его взглядами?

Однимъ изъ первыхъ критиковъ системы Рикардо былъ нѣкій Ричардъ Джонсъ, профессоръ въ Гайльбэри, живший съ 1790 до 1855 года. Въ 1831 году появилось его «Изслѣдованіе о распредѣленіи богатствъ и объ источникахъ налоговъ;» такимъ образомъ это сочиненіе увидѣло свѣтъ семнадцатью годами раньше труда Милля. Джонсъ былъ недоволенъ и методомъ Рикардо, и результатомъ его теорій. Онъ доказывалъ, что только исходя изъ фактовъ, можно достигнуть вѣрныхъ, положительныхъ принциповъ. Слѣдуя иному методу, хватаясь за общіе принципы и довольствуясь недостаточными наблюденіями, мы рискуемъ, что съ нами случится одно изъ двухъ: во-первыхъ, можетъ случиться, что такъ-называемые «общіе принципы» окажутся лишенными характера общности, и въ такомъ случаѣ построенныя на нихъ положенія, вмѣсто того, чтобъ оказаться безусловно-вѣрными, могутъ часто, при дальнѣйшемъ ходѣ нашей работы, оказаться невѣрными; а во-вторыхъ, мы лишимся массы полезныхъ свѣдѣній, которыя захватываютъ, такъ сказать, по пути люди, доходящіе до извѣстныхъ принциповъ

путемъ изученія фактовъ. Здѣсь мы, очевидно, имѣемъ дѣло со своего рода протестомъ противъ апріорнаго, дедуктивнаго метода Рикардо. Джонсъ отказывался также признать многія изъ заключеній Рикардо; такъ, напр., полемизируя противъ его теоріи ренты, онъ говоритъ, что помимо конкуренціи, отъ которой зависитъ фермерская рента, существуютъ еще обычаи, вліяющіе на крестьянскую ренту. Это была почти та же поправка къ теоріи Рикардо о рентѣ, которую впослѣдствіи сдѣлалъ и Милль. Затѣмъ Джонсъ распредѣляетъ крестьянскую ренту по отдѣльнымъ категоріямъ (усадебную, пахотную, пастбищную), и эта классификація встрѣчается также и у Милля. По нѣкоторымъ другимъ пунктамъ (напр., въ отрицаніи того, чтобъ интересы землевладѣльцевъ по необходимости были противуположны интересамъ другихъ классовъ и чтобы возвышеніе заработной платы могло совершаться только на счетъ барышей) Милль былъ не вполнѣ согласенъ съ нимъ, но несомнѣнно то, что Милль, пользуясь книгою Джонса, отдавалъ послѣднему полнѣйшую справедливость.

Съ «Позитивной философіей» Конта—по крайней мѣрѣ съ первыми двумя частями ея—познакомилъ англичанъ въ 1837 году Уитстонъ, превозносившій особенно введеніе къ ней. Милль познакомился съ нею въ концѣ 1837 или въ началѣ 1838 года, и она произвела на него сильное впечатлѣніе; это впечатлѣніе, какъ уже было замѣчено выше, отразилось на шестой книгѣ его «Логики». Смотря на политическую экономію приблизительно такъ, какъ смотрѣла на нее новѣйшая англійская школа, Контъ задумалъ созданіе обширной науки «соціальной физики», въ которую должны были войти законы экономической жизни народовъ, столь же точные, какъ и законы физическіе. Правда, Милль не могъ согласиться съ его критическимъ отношеніемъ къ англійскимъ политико-экономическимъ школамъ, находя его недостаточно-серьезнымъ и поверхностнымъ; но за то новая, намѣченная Контомъ, наука—соціологія—произвела на него такое сильное впечатлѣніе, что онъ самъ носился нѣкоторое время съ мыслью посвятить этому предмету обширное сочиненіе, хотя, въ сущности, основные принципы Конта существенно разнились отъ его собственныхъ. По мнѣнію Конта, соціологія представляетъ собою науку единую, которую слѣдуетъ изучать цѣликомъ, такъ какъ между всѣми соціальными идеями существуетъ извѣстная солидарность; такой

взглядъ дѣлалъ невозможною особую экономическую науку. Его методъ былъ не то, чтобы дедуктивный, но онъ основывался на систематическомъ историческомъ сравненіи, между тѣмъ какъ доктринеры восемнадцатаго столѣтія презрительно игнорировали историческій методъ. Требуя историческаго метода изученія, наука должна дѣлать строгое различіе между «статической» теоріей общества (вліянія, дѣйствующія на данный соціальный организмъ въ данное время) и «динамической» теоріей (ступени, по которымъ извѣстное историческое состояніе проходило, начиная отъ предшествующихъ состояній). Милль вполнѣ усвоилъ себѣ это различеніе, хотя оно и не вполнѣ вязалось съ прежнимъ его абстрактнымъ отношеніемъ къ экономическимъ вопросамъ и хотя оно предполагало извѣстные твердые, незыблемые законы экономическаго развитія народовъ. Дѣйствительно, въ IV книгѣ своего труда онъ дѣлаетъ попытку начертать политико-экономическую динамику, хотя критики его и не признаютъ этой попытки особенно удачной.

Помимо «Позитивной философіи», онъ подчинялся и другимъ вліяніямъ, между прочимъ и соціалистической теоріи, выраженной въ сочиненіяхъ Сенъ-Симона, Фурье, Прудона и Лассаля. Здѣсь его вниманіе остановили на себѣ прежде всего два пункта; во-первыхъ, протестъ противъ отрицательной теоріи во взглядѣ на роль государства; во-вторыхъ, подчиненіе личныхъ интересовъ капиталистовъ интересамъ трудящихся классовъ. Онъ не оставилъ также безъ вниманія и нѣмецкой школы экономистовъ, какъ, напр., Вильгельма Рошера, трудъ котораго появился въ 1843 году, и Бруно Гильдебранда, первый томъ котораго вышелъ въ свѣтъ въ 1848 году, отводившихъ видное мѣсто въ экономическихъ вопросахъ нравственному элементу и отодвигавшимъ эгоистическія побужденія на задній планъ. Даже и въ Англіи сталъ въ это время сказываться протестъ противъ ученія Манчестерской школы, нашедшій себѣ, между прочимъ, выраженіе въ сочиненіяхъ Карлейля.

Если принять въ соображеніе всѣ эти противорѣчивыя вліянія, объектомъ которыхъ былъ въ это время Милль, то станутъ понятными нѣкоторыя колебанія, замѣчаемыя въ его сочиненіяхъ за этотъ періодъ. Во всякомъ случаѣ не лишенъ интереса тотъ путь, который привелъ его къ Политической экономіи. Припомнимъ, что послѣ изданія своей «Логики», онъ нѣкоторое время зани-

мался соціологіей и оставилъ эти занятія только потому, что наука эта, какъ онъ ее понималъ, находится въ тѣсной зависимости отъ этологіи, а для послѣдней не существовало еще реальной основы. Тогда-то онъ и посвятилъ себя политической экономіи. Подобный ходъ занятій его объясняетъ то, что намъ представляется не вполнѣ яснымъ, — каково было въ его умѣ отношеніе политической экономіи къ соціологіи. Является-ли политическая экономія составною частью послѣдней, или же она представляетъ собою лишь подготовленіе къ соціологіи? Если принять въ соображеніе оглавленіе его труда: «Принципы политической экономіи и нѣкоторыя примѣненія ея къ соціальной философіи», то является нѣкоторое сомнѣніе въ томъ, дѣйствительно-ли политическая экономія представляетъ собою такую существенную часть соціологіи, что, будучи отдѣлена отъ послѣдней, она не можетъ не быть абстрактной и гипотетической. Но въ другомъ мѣстѣ онъ говоритъ о ней, какъ о «составной части науки объ обществѣ вообще», что, повидимому, ясно свидѣтельствуетъ о той подчиненной роли, которую онъ ей отводитъ. Причину этого колебанія слѣдуетъ, повидимому, искать въ томъ, что у него были свои собственные взгляды на политическую экономію, не вполнѣ соотвѣтствовавшіе съ взглядами Конта, у котораго онъ заимствовалъ основы своей соціологіи. По мнѣнію Конта, къ изученію соціальной физики можно примѣнять только историческій методъ; это было прямымъ послѣдствіемъ установленнаго имъ различія между соціальной статикой и соціальной динамикой; а это различіе, въ свою очередь, вытекало изъ предположенія его, что, переходя въ серіи наукъ отъ болѣе простыхъ къ болѣе сложнымъ даннымъ; мы должны основывать общій индуктивный методъ на болѣе спеціальныхъ данныхъ. Поэтому, какъ біологія требуетъ сравнительнаго метода, такъ соціальная физика, въ свою очередь, въ виду большей сложности данныхъ, требуетъ метода историческаго. По мнѣнію же Милля, соціологія находится въ прямой зависимости отъ этологіи, науки о человѣческомъ характерѣ, а та, въ свою очередь, находится въ зависимости отъ психологіи, науки объ общихъ законахъ ума. Поэтому соціологія должна быть изучаема болѣе дедуктивнымъ способомъ, въ виду ея тѣсной зависимости отъ науки объ умѣ. Правда, она должна быть изучаема также по обратно-дедуктивному методу (этимъ терминомъ Милль замѣняетъ

терминъ «методъ историческій»), и въ этомъ смыслѣ она становится особой наукой. Политическая же экономія, каковы бы ни были ея отношенія къ соціологіи, можетъ быть изучаема дедуктивнымъ способомъ, какъ нѣчто зависящее отъ законовъ человѣческой природы; и въ этомъ отношеніи взгляды Милля согласуются съ взглядами Рикардо. Въ пятомъ изъ своихъ «Этюдовъ о неразрѣшенныхъ вопросахъ» онъ объявляетъ не безъ нѣкоторой доли догматизма, что «апріорный методъ—единственный примѣнимый къ соціальнымъ наукамъ и что путемъ апостеріорнаго метода нельзя достигнуть сколько-нибудь цѣнныхъ истинъ». Но затѣмъ мы снова встрѣчаемъ у него Контовское различеніе между статикой и динамикой общества: онъ старается установить различіе между двумя видами экономическихъ изслѣдованій, одинъ изъ которыхъ можетъ быть названъ апостеріорнымъ. Онъ требуетъ строгаго разграниченія теоріи производства и теоріи распредѣленія. Производство зиждется на неизмѣнныхъ законахъ природы и потому можетъ быть изучаемо «a priori»; основы же распредѣленія, находясь въ зависимости отъ послѣдовательныхъ измѣненій общества, могутъ быть познаваемы только «a posteriori». Но въ этомъ-то онъ и оказывается несостоятельнымъ, такъ какъ по вопросу о производствѣ онъ,—какъ указалъ на то Сэджвикъ,—исходитъ изъ нашихъ ходячихъ, эмпирическихъ знаній въ области промышленнаго производства, а это, если не прямая индукція, то во всякомъ случаѣ, очевидно, своего рода индукція. Здѣсь, несомнѣнно, въ его умѣ боролась старая теорія Рикардо съ новыми взглядами, заимствованными имъ у Конта.

Не трудно подмѣтить у него и другія внутреннія противорѣчія, въ особенности въ отношеніи его къ теоріи Мальтуса и къ ученіямъ соціалистовъ. Въ общемъ онъ, повидимому, принимаетъ теорію Мальтуса, стараясь согласовать съ нею ученіе Рикардо о рентѣ. Мы встрѣчаемся здѣсь съ одною мыслью, которую у Мальтуса нельзя найти. Самъ Мальтусъ и нѣкоторые изъ его послѣдователей, какъ, напр., Томасъ Чальмерсъ, смотрѣли на поздніе браки какъ на лучшее средство для ограниченія чрезмѣрнаго прироста населенія, т. е. желали распространенія въ низшихъ классахъ той-же осторожности, которая замѣчается въ высшихъ и среднихъ. Милль присоединяетъ къ этому еще другое требованіе—воздержность со стороны женатыхъ. Подобный взглядъ вытекалъ,

очевидно, изъ принципа личной отвѣтственности въ дѣлѣ содержанія семейства; но онъ плохо вяжется съ соціалистическими теоріями, къ которымъ онъ замѣтно склоняется. Напр., въ третьемъ изданіи его «Политической экономіи» (появившемся послѣ французской революціи 1848 года) онъ говоритъ, что, «продолжая вѣрить въ свободу личной воли и въ субъективныя дѣйствія, онъ признаетъ, однако-же, справедливость требованія всеобщаго участія въ пользованіи земными благами и равнаго участія въ прибыляхъ общаго труда». Касаясь этихъ соціалистическихъ схемъ, онъ, однако, далеко не отдается имъ вполнѣ. Приближаясь во взглядахъ своихъ на распредѣленіе богатствъ къ ученію соціалистовъ, онъ, однако, остается при старыхъ взглядахъ своихъ на необходимость огражденія частныхъ интересовъ.

«Это голова безъ историческаго склада,—говоритъ о немъ Рошеръ, — и хотя онъ и стремился къ обѣтованной землѣ, однако, ему суждено будетъ умереть въ Рикардовской пустынѣ». Дѣйствительно, новѣйшая политическая экономія никого не приведетъ въ обѣтованную землю. Но все-же она является маякомъ для людей, блуждающихъ среди дебрей науки. Мысль, которая пріобрѣла уже права гражданства въ германской исторической школѣ,—это мысль о необходимости отвести болѣе широкое мѣсто нравственному элементу въ экономической области. Мы видѣли, что уже Милль и Кэрнсъ признавали необходимость отдѣльной экономической науки и отдѣльной экономической этики, исходя, быть можетъ, изъ того убѣжденія, что строгое и послѣдовательное примѣненіе на практикѣ принциповъ экономической науки, основанныхъ въ сущности на началахъ алчности и себялюбія, окажется если не безнравственнымъ, то по меньшей мѣрѣ «не нравственнымъ». Но если мы обратимся къ вопросу о томъ, какимъ образомъ можно перейти отъ теоріи къ практикѣ, какими путями абстрактные законы могутъ быть примѣнены къ конкретнымъ фактамъ, отвѣтъ на эти вопросы можно получить только путемъ моральныхъ соображеній. Это отлично сознали германскіе экономисты. Не подлежитъ сомнѣнію, что вопросъ о пользованіи богатствами не менѣе важенъ, чѣмъ вопросъ о пріобрѣтеніи ихъ, и что то или иное разрѣшеніе его представляетъ собою громадную важность въ моральномъ обиходѣ народа. Какія-бы мы ни предъявляли требованія къ будущимъ экономистамъ — пожелаютъ-ли они расширить

роль правительства, или-же плечо рычага опять опустится внизъ, въ смыслѣ пресловутой теоріи «laissez-faire»,—ни одна теорія не въ состояніи будетъ разрѣшить задачъ времени, если она не будетъ имѣть въ виду соціальныхъ обязанностей. Время господства теоріи индивидуальныхъ правъ прошло; наступило время соціальныхъ обязанностей.

VI.

Госпожа Тайлоръ (1848—1858).

Возвращаясь отъ разсмотрѣнія двухъ самыхъ крупныхъ литературныхъ работъ Милля, его «Логики» и «Политической экономіи», къ событіямъ его частной жизни, нельзя не отмѣтить прежде всего вторичнаго ослабленія его энергіи, сказавшагося около 1848 года и явившагося такъ-же, какъ и въ первый разъ, послѣдствіемъ чрезмѣрнаго напряженія его силъ въ 1846 и 1847 гг. Къ этому присоединилось еще и физическое нездоровье. Въ 1848 г. онъ упалъ въ Кенсингтонскомъ саду, и слѣдствіемъ этого паденія было воспаленіе глазъ. Бэнъ говоритъ, что, «заставъ его хромымъ и лишеннымъ возможности пользоваться глазами, онъ нашелъ его въ положеніи полнѣйшаго отчаянія». Шесть лѣтъ спустя онъ впервые заболѣлъ болѣзнью, на которую онъ намекаетъ въ своей «Автобіографіи»: у него сдѣлалось воспаленіе легкихъ, кончившееся частичнымъ разрушеніемъ одного легкаго, и ему посовѣтовали провести мѣсяцевъ восемь внѣ Англіи; за это время онъ посѣтилъ Италію, Сицилію и Грецію. По свидѣтельству сэра Джемса Кларка, серьезнѣе его мѣстной болѣзни былъ общій упадокъ силъ, который, по мнѣнію врачей, долженъ былъ лишить его возможности создать въ будущемъ что-либо значительное. Пикокъ, стоявшій во главѣ правленія Остъ-Индской компаніи, говорилъ Гроту, что его отсутствіе даетъ себя сильно чувствовать, и поэтому понятно, что не только друзья Милля, но и его начальники очень обрадовались, когда онъ возвратился въ Лондонъ съ значительно поправившимся здоровьемъ. Литературные труды его за этотъ періодъ были не особенно значительны. Въ 1849 году онъ напечаталъ въ «Westminster Review» статью по поводу французской революціи предшествовавшаго года, въ отвѣтъ на нападки на эту революцію друга его отца, лорда Брума. Затѣмъ прошли цѣлыхъ три года,

прежде чѣмъ появилась въ печати статья его по поводу книги Юэлля «Элементы нравственности», отличавшаяся рѣзкимъ, почти запальчивымъ, тономъ. Наконецъ въ «Edinburgh Review» онъ помѣстилъ обстоятельную рецензію на книгу Грота «Исторія Греціи». Къ тому-же около этого времени, незадолго до прекращенія дѣятельности Остъ-Индской компаніи (въ 1857 году), усилились его служебныя занятія. Въ 1856 году, послѣ выхода въ отставку Пикока, онъ сталъ во главѣ корреспондентскаго бюро, и въ этой должности ему пришлось составлять докладную записку для парламента въ интересахъ своихъ подчиненныхъ. Графъ Грей отозвался объ этой запискѣ, что это самый дѣльный оффиціальный документъ, который ему когда-либо приходилось читать. Когда прошелъ билль о переходѣ управленія Индіей изъ рукъ компаніи къ правительству, Милль совершенно отказался отъ служебной дѣятельности. Хотя первый министръ по дѣламъ Индіи, лордъ Стэнли, и предлагалъ ему поступить на службу во вновь учрежденный совѣтъ по дѣламъ Остъ-Индіи, онъ, однако, отклонилъ это предложеніе, ссылаясь на свое плохое здоровье.

Во внутренней, духовной жизни Милля за этотъ періодъ времени видную роль играетъ г-жа Тайлоръ. Будучи введенъ въ домъ ея мужа еще въ 1831 году, почти одновременно съ Робукомъ, Фоксомъ и Генріеттой Мартиной онъ не замедлилъ стать въ самыя дружескія отношенія къ ней, о которыхъ онъ самъ выражается въ такихъ словахъ, которыя могли-бы показаться инымъ слишкомъ восторженными. Поднося ей экземпляръ своей «Политической экономіи», онъ снабдилъ его слѣдующимъ посвященіемъ: «Госпожѣ Джонъ Тайлоръ, которая изъ всѣхъ людей, знакомыхъ автору, наиболѣе способна вызвать къ жизни и оцѣнить разсужденіе объ общественномъ прогрессѣ, посвящаетъ этотъ трудъ, съ глубочайшимъ почтеніемъ и уваженіемъ,—авторъ». Статья Милля объ «Эмансипаціи женщинъ» подала Миллю поводъ къ новому панегирику, равно какъ и посмертное посвященіе ей своей книги «О свободѣ». Вотъ это посвященіе: «Любимой и скорбной памяти той, которая была вдохновительницей, а отчасти и авторомъ всего, что было наилучшаго въ моихъ писаніяхъ, другу и женщинѣ, глубокое пониманіе которой истины и правды вдохновляло меня, и одобреніе которой служило лучшей мнѣ наградой,—посвящается этотъ трудъ. Всѣмъ, что мною написано за

многіе годы, я обязанъ скорѣе ей, чѣмъ себѣ самому, но въ особенности много содѣйствовала она появленію въ свѣтъ этого моего труда, нѣкоторыя изъ частей его я предполагалъ подвергнуть ея пересмотру, но этому не суждено было сбыться. Если бы я былъ въ состояніи повѣдать міру хоть половину тѣхъ возвышенныхъ мыслей и благородныхъ чувствъ, которыя нынѣ похоронены въ ея могилѣ, то для всякаго сталъ-бы понятна та безконечная признательность, съ которою я отношусь къ ея памяти». Наконецъ, и страница его «Автобіографіи» переполнены самыхъ восторженныхъ похвалъ «его непогрѣшимой совѣтницѣ». Во всемъ этомъ можно видѣть отчасти подтвержденіе того неоспоримаго принципа, что всякій человѣкъ носитъ въ груди своей умершаго поэта. Хотя Милль, по желанію отца своего, еще въ молодости пытался писать стихи, но поэта, въ собственномъ смыслѣ слова, изъ него не вышло; настоящей поэмой его жизни были отношенія его къ г-жѣ Тайлоръ. Нужно, однако, замѣтить, что порою эта его Эгерія являлась яблокомъ раздора для его друзей. Отецъ его не одобрялъ его отношеній къ чужой женѣ, и въ кругу его знакомыхъ даже не упоминалось ея имя; а тѣмъ, кто не былъ настолько остороженъ, приходилось раскаяваться въ своей смѣлости; самые друзья Милля—Робукъ, г-жа Гротъ, г-жа Остенъ, Гарріэтъ Мартино, лэди Гарріэтъ Бэрингъ—избѣгали касаться этого вопроса. Мужъ г-жи Тайлоръ мирился, однако, насколько возможно съ своимъ щекотливымъ положеніемъ, а сама г-жа Тайлоръ жила съ своей дочерью отдѣльно отъ мужа, пока, наконецъ, въ 1851 году, послѣ смерти ея мужа, она не сдѣлалась законною женою Милля. Мнѣнія относительно этой женщины сильно расходятся. Джорджъ Милль, одинъ изъ младшихъ братьевъ Джона, говорилъ о ней, что это «умная и образованная женщина, но далеко не то, что видитъ въ ней Джонъ». Карлейль въ своихъ «Воспоминаніяхъ» отзывается о ней довольно загадочнымъ образомъ: то она у него натура живая и вспыльчивая, то грустная и меланхолическая, то «настоящая героиня романа», то—«женщина самая заурядная». Приэтомъ Карлейль довольно ѣдко замѣчаетъ, что это была особа болѣе чѣмъ опасная—особа, желавшая покровительствовать. Простая случайность сблизила супруговъ Миллей съ супругами Карлейлями. Милль какъ-то взялъ для прочтенія у Карлейля первый томъ его «Французской революціи», и служанка г-жи Милль нечаянно сожгла эту книгу.

По этому случаю Милль уговорилъ Карлейля принять, въ видѣ вознагражденія, сто ф. ст., чѣмъ послѣдній остался очень доволенъ; они проговорили нѣсколько часовъ, и такимъ образомъ нечаянно сожженная книга положила начало ихъ сближенію.

Г-жа Тайлоръ умерла въ 1858 году, послѣ двадцати-семилѣтняго знакомства и семилѣтняго счастливаго супружества съ Миллемъ, и тѣло ея было сожжено въ Авиньонѣ. Надгробная надпись на ея могилѣ, придуманная Миллемъ, настолько характеристична, что стоитъ привести ее цѣликомъ: «Ея любящее сердце, ея благородная душа, ея свѣтлый, могучій, оригинальный и всеохватывающій умъ сдѣлали изъ нея руководителя и опору, наставника и образецъ для того, для котораго въ ней сосредоточивалось все земное счастіе. Будучи великодушной и преданной общему благу, она не могла не оказывать замѣтнаго вліянія не только на свое поколѣніе, но и на грядущія. Если бы было хоть немного умовъ и сердецъ, подобныхъ ея уму и сердцу, земля наша сразу превратилась бы въ рай». Эти слова Милля, человѣка вообще чуждавшагося громкихъ фразъ, лучше всего свидѣтельствуютъ о глубинѣ чувства его.

Нельзя было совершенно оставить въ сторонѣ эту странную страницу въ исторіи Милля; но понятно, что на ней слѣдуетъ остановиться лишь постольку, поскольку она представляетъ собою психологическій интересъ, въ виду того несомнѣннаго вліянія, какое оказывала на Милля эта женщина въ теченіе болѣе чѣмъ двадцати лѣтъ его жизни. Характеръ Милля вообще многимъ казался холоднымъ и безстрастнымъ, а при такомъ характерѣ мы тщетно стали бы искать въ біографіи человѣка что-либо, похожее на романъ. Въ дѣйствительности-же это былъ человѣкъ способный глубоко чувствовать; только эта глубина чувствъ скрывалась за маской холодности и сдержанности. Въ своихъ сочиненіяхъ онъ вообще придаетъ очень мало значенія сильнымъ страстямъ, въ томъ видѣ, въ какомъ онѣ существуютъ у большинства людей; тѣмъ болѣе страннымъ представляется сильное увлеченіе Милля г-жей Тайлоръ.

Впрочемъ, это далеко не единственный примѣръ сильнаго увлеченія мыслителей женщинами и придаванія ими послѣднимъ преувеличеннаго значенія. Достаточно указать, для примѣра, на отношенія Огюста Конта къ Клотильдѣ Дево и Декарта къ прин-

цессѣ Елисаветѣ. И объясняется это, по нашему мнѣнію, довольно просто: человѣкъ, мысли котораго постоянно носятся въ сферѣ абстрактнаго и чисто-логическаго, находитъ особенное наслажденіе въ живомъ олицетвореніи конкретнаго и практическаго. Онъ до того лишенъ этого послѣдняго дара, что склоненъ бываетъ преувеличивать значеніе его; а если къ тому же у женщины окажется настолько ума и силы воображенія, что она способна понять умственную работу мужчины и придать ей нѣкоторую жизнь, то мужчина склоненъ видѣть въ ней существо поистинѣ необычайное. Если вспомнить, что Карлейль называетъ г-жу Тайлоръ особой живою и отзывчивою, то можно предположить, что она способна была легко создавать конкретные образы, что, безъ сомнѣнія, представляло немало привлекательнаго для Милля. Мы уже видѣли выше, что Милль былъ особенно друженъ съ Стерлингомъ, который тоже обладалъ этой способностью; во всякомъ случаѣ, не лишено интереса замѣчаніе Стерлинга, что Миллю было мало доступно все конкретное и что, хотя онъ не лишенъ былъ способности глубоко чувствовать, онъ, въ сущности, былъ натурою мало поэтической. Быть можетъ, г-жа Тайлоръ дополняла собою то, чего ему недоставало; быть можетъ, какъ полагаетъ Гарнеттъ, подъ ея вліяніемъ Милль написалъ свою оцѣнку Теннисона. Что касается практической дѣятельности, то Милль самъ свидѣтельствуетъ о томъ, что въ этой области она была ему особенно полезна. Если въ его «Политической экономіи» сказывается практическій смыслъ, чѣмъ она замѣтно отличается отъ твореній другихъ экономистовъ, то, по его собственнымъ словамъ, заслуга въ томъ принадлежитъ г-жѣ Тайлоръ.

Не слѣдуетъ, конечно, придавать особаго значенія увѣренію желчнаго и полу-циническаго критика, что г-жа Тайлоръ просто льстила Миллю, являясь отголоскомъ его собственныхъ мнѣній. Милль, безъ сомнѣнія, стоялъ выше лести, а дружба его съ Стерлингомъ и Торнтономъ свидѣтельствуетъ о томъ, что онъ въ состояніи былъ близко сходиться не съ одними только людьми, во всемъ съ нимъ согласными. Здѣсь мы имѣемъ дѣло съ ошибкой, часто повторяющейся, когда рѣчь идетъ объ отношеніи мужчины къ выдающейся по уму женщинѣ. Мужчина вообще склоненъ цѣнить слишкомъ низко способность женщины къ пониманію и относиться недовѣрчиво къ исходящимъ отъ женщины рѣшеніямъ

иныхъ сложныхъ и запутанныхъ задачъ. Онъ оцѣниваетъ ее въ смыслѣ умѣнія понимать его, мужчину, а не относительно ея собственныхъ способностей. Но Милль смотрѣлъ на женщину иначе, исходя изъ глубокаго убѣжденія въ полнѣйшей тождественности ума и характера мужчины и женщины. Вѣренъ-ли или невѣренъ этотъ взглядъ, но, во всякомъ случаѣ, несомнѣнно то, что женскій умъ необыкновенно способенъ къ усвоенію себѣ идей, представленныхъ ему въ симпатичной формѣ; женщина легче мужчины вступаетъ на новый путь, разъ она признала его вѣрнымъ. Словомъ Милль видѣлъ здѣсь скорѣе различіе двухъ особыхъ, совершенно самостоятельныхъ, категорій ума, чѣмъ различіе половъ.

Слѣдуетъ припомнить, что самое воспитаніе, которое получилъ Милль, ставило его въ какое-то изолированное положеніе, придавало ему оттѣнокъ необщительности и меланхоліи. Это сознаніе проскальзываетъ въ разныхъ мѣстахъ его автобіографіи. Онъ мало походилъ, еще будучи ребенкомъ, на другихъ мальчиковъ, и потому между ними не могло произойти сближенія; онъ еще въ отрочествѣ мыслилъ совершенно по мужски; наконецъ, и усвоенные имъ отъ отца его религіозные взгляды отдаляли его отъ товарищей. Благорасположенная къ нему и наблюдательная Каролина Фоксъ замѣчала по поводу его, что онъ стоитъ совершенно одинокій и что поэтому онъ, безъ сомнѣнія, «часто ощущаетъ душевный холодъ». Если къ этому присовокупить, съ одной стороны, способность глубоко чувствовать, унаслѣдованную имъ отъ матери его, вмѣстѣ съ орлинымъ профилемъ лица, а съ другой—желѣзную силу воли въ сдерживаніи проявленія всякой «слабости», выработанную въ немъ воспитаніемъ отца, то нѣкоторыя черты его характера станутъ совершенно понятными. Когда же Милль встрѣтился съ г-жей Тайлоръ, пламя любви, тлѣвшее подъ золой напускного холода, вырвалось наружу. Вотъ, по нашему мнѣнію, одно изъ самыхъ вѣрныхъ объясненій той глубокой, безпредѣльной привязанности, съ которою относился Милль къ г-жѣ Тайлоръ.

Теперь остается разсмотрѣть ту долю участія, которое принимала г-жа Тайлоръ, какъ до, такъ и послѣ замужества своего съ Миллемъ, въ его умственной, ученой и публицистической дѣятельности. Драгоцѣнныя указанія въ этомъ отношеніи мы находимъ въ «Автобіографіи» Милля. Онъ познакомился съ нею въ

то время, когда онъ только что началъ обдумывать планъ своей «Логики»; но, по его словамъ, вліяніе ея на содержаніе этого его труда было незначительно, хотя, съ другой стороны, не подлежитъ сомнѣнію, что совѣты ея принимались имъ въ соображеніе относительно слога и изложенія. Милль имѣлъ обыкновеніе писать цѣлую книгу сразу, какъ только въ умѣ его сложится общій планъ ея, и затѣмъ уже, переписывая ее, исправлять слогъ и вообще внѣшнюю форму изложенія. Вотъ тутъ-то совѣты г-жи Тайлоръ, конечно, принимались въ соображеніе. Но въ дальнѣйшихъ трудахъ его г-жѣ Тайлоръ принадлежала, очевидно, болѣе выдающаяся роль; онъ самъ отзывается о ней, какъ о «переводчицѣ его мыслей на общепонятный языкъ» и о «посредницѣ между нимъ и публикой», такъ какъ, поясняетъ онъ, «я всегда считалъ себя только абстрактнымъ мыслителемъ, для котораго посторонняя помощь при сношеніяхъ съ публикой была болѣе, чѣмъ полезна».

Участіе г-жи Тайлоръ при созданіи Миллемъ его «Политической экономіи» ограничивается, впрочемъ, тоже лишь извѣстными предѣлами. Мы увѣрены въ томъ, что оно не распространялось на чисто-научную сторону этого труда. Вотъ что говоритъ по этому поводу самъ Милль: «Ея вліяніе, главнымъ образомъ, придало этой книгѣ тотъ общій тонъ ея, которымъ она отличается отъ другихъ трактатовъ по политической экономіи и который склонилъ на сторону автора много разномыслящихъ умовъ. Этотъ тонъ заключается преимущественно въ строгомъ разграниченіи законовъ производства богатствъ, какъ законовъ природы, зависящихъ отъ свойствъ предметовъ, и законовъ распредѣленія, зависящихъ въ значительной мѣрѣ отъ человѣческой воли... Я уже отчасти подготовленъ былъ къ такому взгляду изученіемъ сенъ-симонистовъ; но если онъ сдѣлался живымъ началомъ, проникающимъ всю мою книгу и придающимъ ей окраску, то я обязанъ этимъ вліянію моей жены». И такъ, здѣсь, какъ и въ другихъ случаяхъ, Милль мыслитъ самостоятельно; но облеченіемъ своихъ мыслей въ конкретную форму онъ обязанъ въ значительной мѣрѣ женѣ своей. Кромѣ этого общаго участія ея въ громадномъ трудѣ его, участіе это сказалось и въ частностяхъ, какъ онъ самъ о томъ свидѣтельствуетъ. «Глава, оказавшая особенно значительное вліяніе на публику, пишетъ онъ, а именно глава о

вѣроятной будущности рабочихъ классовъ, происхожденіемъ своимъ всецѣло обязана ея вліянію. Въ первоначальномъ планѣ этой книги означенной главы вовсе не существовало. Она указала мнѣ на необходимость этой главы, на то, что безъ нея книга не была бы закончена, и побудила меня написать ее». Изъ этого можно было бы, пожалуй, вывести заключеніе о томъ, будто жена Милля придала означенному сочиненію его тотъ оттѣнокъ соціализма, котораго онъ былъ до сихъ поръ болѣе или менѣе чуждъ, не смотря на его прогрессивное направленіе въ области политики. Съ другой стороны оттѣнокъ этотъ не вполнѣ вяжется и съ тѣми принципами личной свободы, которые, опять-таки въ сотрудничествѣ съ женой своей, Милль проводилъ въ позднѣйшихъ своихъ трудахъ. Идеалы личной свободы разнятся съ идеалами соціализма, а равнымъ образомъ и обращеніе къ правительственной помощи не вяжется съ извѣстной теоріей «laissez-faire». Планъ сочиненія «О свободѣ» былъ составленъ Миллемъ сообща съ женой и, быть можетъ, этому обстоятельству и слѣдуетъ приписать замѣчаемыя въ немъ нѣкоторую химеричность и отступленія отъ строго-логическихъ началъ; повидимому, она заставила мужа своего нѣсколько приблизиться къ безусловно отвергаемымъ имъ прежде взглядамъ Кольриджа и Карлейля.

Но если даже оставить открытымъ вопросъ о томъ, слѣдуетъ-ли въ этомъ видѣть слѣды ея вліянія или же плоды умственнаго процесса, совершившагося въ самомъ Миллѣ, то, во всякомъ случаѣ, едва-ли можетъ подлежать сомнѣнію участіе ея въ другомъ твореніи Милля,—въ книгѣ «О подчиненіи женщинъ». Правда, и ранѣе того Милль проводилъ мысль о равноправности женщинъ и мужчинъ передъ закономъ, въ политическомъ и соціальномъ отношеніи и въ домашнемъ быту. Но сошедшись съ г-жей Тайлоръ, тоже занимавшейся этимъ вопросомъ, онъ явился горячимъ и ревностнымъ бичевателемъ порабощенія женщины, заимствовавъ, конечно, у жены своей взгляды не только на принципіальную несправедливость, но и на практическія неудобства современнаго положенія женщины въ обществѣ.

Во всякомъ случаѣ, не подлежитъ ни малѣйшему сомнѣнію, что жена Милля являлась для него живительнымъ, бодрящимъ элементомъ, оказывавшимъ благотворное вліяніе на этого, и безъ того столь богато одареннаго отъ природы, человѣка. И когда

она умерла въ Авиньонѣ, то Милль, хотя около этого времени съ нимъ снова сблизились его прежніе друзья, былъ достоинъ глубокаго сожалѣнія. Вотъ трогательныя слова, въ которыхъ онъ самъ дѣлалъ оцѣнку понесенной имъ утраты: «Не найдется словъ, которыя хотя бы отдаленнѣйшимъ образомъ могли дать понятіе о томъ, чѣмъ была и чѣмъ продолжаетъ быть для меня эта потеря. Но такъ какъ я знаю, что таково было ея желаніе, то я постараюсь съ возможно большей пользой употребить остатокъ моей жизни и буду продолжать идти впередъ къ намѣченнымъ ею цѣлямъ, ища поддержки для моихъ ослабѣвшихъ силъ въ постоянномъ общеніи съ ея памятью».

VII.

Труды Милля съ 1858 по 1865 г.

Выше уже было замѣчено, что у Милля, послѣ появленія въ свѣтъ его «Логики» и «Политической экономіи», замѣчался какъ бы нѣкоторый упадокъ энергіи и происходилъ нѣкоторый застой въ его литературной производительности. Но въ тотъ періодъ его жизни, до котораго мы теперь дошли, мы замѣчаемъ, напротивъ, какъ бы подъемъ его энергіи, которая, хотя и не достигая того напряженія, которое имѣло мѣсто въ 1843 и 1848 году, все же повела къ созданію такого крупнаго произведенія, какъ сочиненіе его «О свободѣ». Помимо того, за это время Милль сдѣлалъ крупный вкладъ въ нравственную философію сочиненіемъ своимъ «Объ утилитаризмѣ» и написалъ самое выдающееся изъ своихъ полемическихъ сочиненій: «Критическій очеркъ философіи Р. Гамильтона». Не менѣе плодотворенъ былъ этотъ періодъ и въ отношеніи политическихъ его трактатовъ, такъ какъ за это время появились его «Размышленія о парламентской реформѣ», его трактатъ «О представительномъ правительствѣ» и нѣсколько этюдовъ о сѣверо-американской междоусобной войнѣ. Въ то время, когда значительная часть англійскаго общества ложно направила свои симпатіи въ сторону южныхъ конфедератовъ, Милль энергически отстаивалъ дѣло сѣверянъ въ цѣломъ рядѣ статей, появившихся въ «Frasers Magasine» и въ «Westminster Review». Наконецъ слѣдуетъ упомянуть еще интересную статью о Джонѣ Остенѣ въ «Edinburgh Review» и важные документы объ Огюстѣ Контѣ и

позитивизмѣ, собранные и опубликованные имъ въ одномъ томѣ въ 1864 году.

Книга «О свободѣ», какъ сообщаетъ намъ самъ Милль, болѣе чѣмъ что-либо другое, имъ написанное, является продуктомъ совмѣстной работы его и жены его. «Я составилъ краткій конспектъ этого труда въ 1854 году, — пишетъ онъ; — но окончательно планъ этого сочиненія созрѣлъ въ умѣ моемъ, когда я въ 1855 г. поднимался по ступенькамъ Капитолія. Ни одно изъ моихъ сочиненій не было такъ тщательно и всесторонне обдумано, какъ это. Написавъ его вчернѣ, я привезъ его съ собою въ Англію, и мы съ женою отъ времени до времени принимались его перечитывать, взвѣшивая и подвергая строгой критикѣ каждую фразу. Окончательную подготовку его къ печати мы намѣревались совершить въ зиму 1858 — 59 гг., первую послѣ увольненія моего отъ служебныхъ занятій, которую мы собирались провести въ южной Европѣ; но эта надежда была разрушена самымъ ужаснымъ и неожиданнымъ изъ всѣхъ несчастій — ея смертью. Послѣ этой невознаградимой утраты я рѣшился напечатать этотъ трактатъ въ томъ самомъ видѣ, въ какомъ онъ вышелъ изъ нашихъ совмѣстныхъ занятій, и посвятить его ея памяти (1859). Я не сдѣлалъ и не сдѣлаю въ немъ никакихъ измѣненій или поправокъ. Такъ какъ ея рукѣ не суждено было произвести послѣднюю ретушовку, то и моя рука никогда не посягнетъ на такую ретушовку». Такимъ образомъ, по собственному признанію Милля, его книга «О свободѣ» неразрывно связана съ вліяніемъ его жены. Книга эта произвела далеко не одинаковое впечатлѣніе на его друзей. Кинглэкъ говоритъ, что онъ прочелъ ее за одинъ присѣстъ и что по прочтеніи ея онъ сразу же почувствовалъ просвѣтленіе не только въ головѣ, но и въ сердцѣ. На Каролину Фоксъ она произвела совершенно иное впечатлѣніе. Въ письмѣ къ Кэрну она говоритъ, что когда-то близко знала и глубоко уважала Милля; тѣмъ непріятнѣе поразила ее эта его книга. Она полагаетъ, что безпощадная логика завлекла его дальше, чѣмъ онъ самъ того желалъ; его «свобода» производитъ впечатлѣніе облика василиска и способна скорѣе навести ужасъ и отвращеніе, чѣмъ вызвать сочувствіе.

Въ сущности книга эта есть ничто иное, какъ разсудочная защита индивидуализма, какъ элемента первостепенной важно

сти въ государствѣ и обществѣ. «Есть одна истина, говоритъ Милль,—которая все рѣзче и рѣзче вступаетъ впередъ среди новѣйшаго фазиса эволюціи современнаго общества: важное значеніе, которое имѣетъ многоразличіе типовъ какъ среди отдѣльныхъ личностей, такъ и среди цѣлыхъ обществъ, откуда сама собою вытекаетъ необходимость предоставить человѣческой природѣ полнѣйшую свободу въ проявленіи себя по самымъ различнымъ направленіямъ». Поэтому онъ отстаиваетъ право каждой личности на свободу мнѣній и на свободу дѣйствій, сводя къ самымъ ограниченнымъ предѣламъ право общества контролировать и наказывать. Въ смыслѣ распространенія подобныхъ взглядовъ значеніе этой книги несомнѣнно; но вмѣстѣ съ тѣмъ она не чужда эксцентричностей, возвращается, въ сущности, къ старинной экономической формулѣ «laissez-faire», распространяя ее на область политики и далеко не во всемъ соотвѣтствуетъ новѣйшимъ политическимъ идеямъ и тенденціямъ. Системой атомизма или индивидуализма врядъ-ли можно замѣнить разумно-организованную соціальную систему.

Затѣмъ при чтеніи трактата «О свободѣ» нетрудно замѣтить, что онъ написанъ подъ вліяніемъ извѣстныхъ, предвзятыхъ взглядовъ, что̀ не можетъ не отозваться и на убѣдительности заключеній его. Однимъ изъ послѣдствій такъ называемаго умственнаго кризиса Милля было то, что онъ началъ признавать значеніе противныхъ мнѣній; но отсюда еще далеко не слѣдуетъ, какъ онъ, повидимому, полагаетъ, что истина непремѣнно должна находиться по срединѣ между двумя противорѣчивыми теоріями. Подобный взглядъ можетъ быть, пожалуй, не безъ пользы противопоставленъ узкому догматизму; но цѣнность его тотчасъ же теряется, какъ скоро его изъ орудія полемики желаютъ превратить въ орудіе созидающее. Невозможно имѣть какія-либо твердыя убѣжденія, пока мы не признаемъ того, что извѣстныя истины должны быть признаны безспорными всякимъ благоразумнымъ человѣкомъ. Никакія возраженія не могутъ поколебать въ насъ вѣры въ извѣстные научные догматы, какъ, напр., въ то, что земля вращается вокругъ солнца. Вообще по нѣкоторымъ вопросамъ свобода обсужденія должна быть ограничена не внѣшними средствами, конечно, но внутренними, логическими соображеніями.

Въ сущности требованіе самыхъ широкихъ правъ для отдѣль-

ной личности проистекаетъ изъ выставленной въ концѣ XVIII в. необходимости признанія «естественныхъ правъ человѣка». Если каждая отдѣльная личность, какъ таковая, имѣетъ свои естественныя права, то очевидно, что никакое расширеніе коллективныхъ правъ не можетъ вознаградить ее за лишеніе или ограниченіе этихъ правъ. Впрочемъ, Милль не строитъ своей аргументаціи на подобной фикціи: онъ разсматриваетъ вопросъ о личной свободѣ съ точки зрѣнія ея полезности. Но если разъ отступить отъ ученія послѣдователей Руссо, то эта аргументація утрачиваетъ значительную часть своей силы, если даже не оказывается окончательно несостоятельной. Ссылка на общественную пользу, къ которой часто прибѣгаютъ для ограниченія личныхъ правъ, подрываетъ въ самомъ корнѣ ученіе о свободѣ личности. Если общество представляетъ собою высшую инстанцію, то личность, само собою разумѣется, должна уступить. Другой отзвукъ ученій конца XVIII вѣка слышится и въ различіи, которое онъ дѣлаетъ между дѣятельностью общественною и дѣятельностью, касающеюся лишь отдѣльной личности. По его мнѣнію, общество не имѣетъ права вмѣшиваться въ такія дѣла, которыя касаются лишь отдѣльной личности. Но дѣло въ томъ, что не только трудно, но даже невозможно провести опредѣленную разграничительную черту между дѣлами, касающимися только извѣстной личности, и дѣлами, затрогивающими интересы и другихъ. Какъ, въ самомъ дѣлѣ, согласовать подобную попытку съ такъ называемымъ общественнымъ договоромъ? Пока не существуетъ такого договора, человѣкъ отвѣчаетъ только самъ за себя; но разъ этотъ договоръ заключенъ, онъ становится отвѣтственнымъ и передъ собою, и передъ государствомъ, съ которымъ заключенъ этотъ договоръ.

Мы привыкли отдавать обществу преимущество передъ отдѣльною личностью, ставить общественные интересы выше личныхъ. Наклонность къ универсализму, составляющая отличительную черту новѣйшей философіи и ставящая природу выше человѣка и чистый разумъ выше отдѣльнаго мыслителя, сама собою ведетъ къ усиленію значенія общества сравнительно съ отдѣльными членами, изъ которыхъ оно состоитъ. Въ основу сочиненія Милля «О свободѣ» положенъ совершенно иной тезисъ. Онъ утверждаетъ, что личность логически имѣетъ первенство надъ обществомъ. Въ этомъ отношеніи онъ остается совершенно послѣдователенъ тѣмъ

взглядамъ, которые онъ когда-то проводилъ въ своей «Логикѣ». Всякое знаніе является результатомъ опыта, а опытъ можетъ имѣть только личный характеръ. Что опытъ можетъ распространяться на цѣлое племя, что онъ можетъ быть коллективнымъ и преемственнымъ, и что поэтому и въ отношеніи опыта личность стоитъ на второмъ планѣ сравнительно съ обществомъ, племенемъ,—это уже новѣйшее ученіе, которое еще не созрѣло при Миллѣ и которое значительно измѣняетъ внутреннюю цѣнность его ученія о свободѣ.

Не менѣе, если не еще болѣе важный вкладъ въ политическую философію сдѣлалъ Милль своими «Размышленіями о парламентской реформѣ», вышедшими въ свѣтъ въ томъ же году, какъ и книга его «О свободѣ», хотя начатъ былъ этотъ политическій памфлетъ нѣсколькими годами ранѣе. Ближайшимъ поводомъ къ обнародованію его явились пренія касательно билля о реформѣ, внесеннаго въ парламентъ въ 1859 году лордомъ Дерби и Дизраэли. Онъ высказывался въ немъ въ пользу представительства меньшинства и въ пользу образовательнаго ценза, который долженъ имѣть преимущество передъ цензомъ имущественнымъ. Впослѣдствіе Милль познакомился съ предложенной Гэромъ системой личнаго представительства, сдѣлался большимъ поклонникомъ ея, и, по его словамъ, онъ бы навѣрное включилъ ее въ свой трактатъ, еслибъ онъ могъ ожидать «такого важнаго открытія въ области политики». По поводу его взглядовъ на систему голосованія, между нимъ и Гротомъ произошло серьезное разногласіе, и онъ самъ пишетъ, что объ этомъ между ними происходили оживленные споры, не приведшіе, однако, ни къ какому положительному результату.

Въ 1860 году вышло въ свѣтъ сочиненіе его «О представительной формѣ правленія». Этотъ трудъ важенъ въ томъ отношеніи, что въ немъ изложены въ связной формѣ различныя политическія ученія, къ которымъ онъ склонялся въ различные періоды своей жизни. Здѣсь мы встрѣчаемъ и разсужденія объ опасности демократіи, къ которой онъ прежде выказывалъ тяготѣніе въ своихъ этюдахъ о Токвилѣ, напечатанныхъ въ «Westminster Review», и соображенія объ отношеніяхъ порядка къ прогрессу, на которыя навело его чтеніе Конта и французскихъ политическихъ писателей. Самою интересною частью этого трак-

тата представляется дѣлаемое имъ здѣсь различіе между функціей законодательной и функціей, наблюдающей за исполненіемъ законовъ. Первая не можетъ быть удовлетворительно выполнена многочисленнымъ собраніемъ, которое оказывается, однако же, вполнѣ компетентнымъ для второй. Отсюда Милль выводитъ заключеніе о необходимости законодательной коммисіи, какъ существенной составной части конституціонныхъ учрежденій свободной страны; она должна состоять изъ немногихъ, высоко-образованныхъ политическихъ дѣятелей, и на нее должно быть возлагаемо составленіе извѣстнаго закона, какъ скоро парламентъ рѣшитъ, что въ такомъ-то законѣ предстоитъ надобность; за парламентомъ остается право принять этотъ законъ или отвергнуть его, но не измѣнять его; въ случаѣ отклоненія законопроекта, парламентъ возвращаетъ его обратно въ законодательную коммисію для соотвѣтствующаго измѣненія его.

Хотя Милль въ сочиненіяхъ своихъ не занимался спеціально вопросомъ о наслѣдственной монархіи, однако не подлежитъ сомнѣнію, что онъ, равно какъ и Гротъ, былъ республиканцемъ по принципу; въ разговорахъ своихъ съ Бэномъ онъ высказывался въ томъ смыслѣ, что управленіе отвѣтственныхъ министерствъ вполнѣ можетъ замѣнить монархію. Въ заключительной главѣ своей книги «О представительномъ правленіи», онъ, между прочимъ, касается такъ называемаго «Остъ-индскаго билля», которымъ упразднялась остъ-индская компанія. Какъ многолѣтній служащій этой компаніи и какъ авторъ протеста, поданнаго отъ имени послѣдней противъ предположенной перемѣны, Милль, понятно, отнесся неодобрительно къ мѣрѣ, лишавшей его положенія, хотя лично онъ отъ этого мало пострадалъ матеріально, пріобрѣтя вмѣстѣ съ тѣмъ больше свободы и досуга. Къ счастію, его мрачныя предсказанія относительно будущности Индіи послѣ упраздненія компаніи нимало не оправдались.

Къ тому же періоду времени, къ которому относится появленіе въ свѣтъ сочиненій Милля «О свободѣ» и «О представительномъ правленіи», принадлежитъ также появленіе въ печати двухъ томовъ его «Разсужденій», въ которыхъ собраны наиболѣе выдающіяся изъ его статей, появлявшихся въ разное время въ «Westminster» и «Edinburgh-Review». Но особенно важнымъ въ этомъ періодѣ его дѣятельности, какъ философа, является его

«Утилитаризмъ» и «Критика философіи сэра В. Гамильтона». Первая изъ этихъ книгъ—сборникъ этюдовъ, напечатанныхъ первоначально въ «Fraser's Magazine» — появилась въ 1861 году. Едва-ли какое-либо другое изъ сочиненій Милля вызвало такъ много толковъ и возраженій. Во всякомъ случаѣ это главный вкладъ Милля въ этику, и съ этой точки зрѣнія, пожалуй, можно пожалѣть о томъ, что этотъ трудъ слишкомъ кратокъ и недостаточно обстоятеленъ. Дѣйствительно Милль, коснувшись моральныхъ задачъ, скорѣе поднялъ здѣсь разные вопросы, чѣмъ далъ на нихъ отвѣты; несомнѣнно также, что этой книгой онъ создалъ себѣ больше враговъ, чѣмъ друзей. Она не могла понравиться современнымъ утилитаристамъ. умственный кругозоръ которыхъ гораздо уже, чѣмъ у Милля; тѣмъ менѣе могла она удовлетворить тѣхъ, которые принадлежали къ иной школѣ и которымъ ученія утилитаристовъ и эмпириковъ были вообще несимпатичны. Даже его научные преемники и наслѣдники не побоялись поднять руку на своего духовнаго отца. Причиной тому является прежде всего то, что Милль, возвращаясь къ взглядамъ своей юности, старался въ данномъ случаѣ привить къ старому стволу бентамизма совершенно чуждые ему ростки. Не всегда безопасно бываетъ дѣлать новыя надстройки на старыхъ зданіяхъ; въ области же философіи подобныя попытки большею частью ведутъ къ тому, что подобныя надстройки, будучи сами лишены прочнаго фундамента, только еще болѣе расшатываютъ старое зданіе, вмѣсто того, чтобы упрочить его.

Утилитаризмъ, какъ понималъ его Бентамъ, имѣетъ за собою, по крайней мѣрѣ, достоинство точности и ясности. Хотя нѣкоторыя изъ его теорій и могутъ быть несимпатичны образованнымъ и возвышеннымъ умамъ, но все же все ученіе это представляетъ собою нѣчто цѣльное и содержательное. Ученіе это представляло личное счастіе, какъ конечную цѣль человѣческой жизни, и потому двигателемъ всѣхъ человѣческихъ дѣйствій выставлялись себялюбивые инстинкты; удовольствіе или неудовольствіе предписываютъ человѣку, что ему слѣдуетъ и чего не слѣдуетъ дѣлать, причемъ вопросъ о томъ, что можетъ и что не можетъ доставить удовольствіе—вопросъ чисто субъективный. Милль же принадлежалъ къ другой школѣ, отводившей широкое мѣсто въ побужденіяхъ человѣка инымъ элементамъ, чѣмъ удовольствіе или неудовольствіе.

Если считать личное счастіе конечною цѣлью жизни, то прежде всего нужно уяснить себѣ, въ чемъ заключается счастіе и что оно въ себѣ заключаетъ. Но въ этомъ отношеніи у Милля замѣчаются странныя колебанія. Иногда (а именно въ первой части его трактата) онъ просто отождествляетъ счастіе съ удовольствіемъ. Затѣмъ опять проводится мысль, что счастіе можетъ существовать и безъ «удовлетворенія», причемъ это послѣднее слово принимается въ смыслѣ почти тождественномъ съ словомъ «удовольствіе». Счастіе есть понятіе не простое, но состоящее изъ многихъ ингредіентовъ; однимъ изъ существеннѣйшихъ ингредіентовъ является осуществленіе возвышеннаго внутренняго идеала. Далѣе является вопросъ: если подъ словомъ «нравственность» разумѣть наибольшую сумму удовольствій какъ лично для себя, такъ и для человѣчества вообще, что вызываетъ необходимость знакомства съ внутреннимъ и внѣшнимъ различіемъ удовольствій, то спрашивается, различаются-ли удовольствія между собою качественно, или же только количественно? Прежніе отвѣты на этотъ вопросъ были достаточно ясны: бентамисты утверждаютъ, что удовольствія качественно одинаковы и различаются лишь количественно. Милль же утверждаетъ, что его личное удовольствіе количественно можетъ уступать удовольствію, напр., сенсуалистовъ, но за то стоитъ выше качественно; отсюда онъ выводитъ заключеніе, что удовольствія могутъ разниться качественно. Но тутъ встрѣчается новое логическое затрудненіе. Если считать удовольствіе главнымъ рычагомъ нравственности, то, пожалуй, слѣдуетъ признать, что въ виду существованія «возвышенныхъ» и «низменныхъ» удовольствій, существуетъ также возвышенная и низменная нравственность. Но такъ какъ интеллектуальное удовольствіе, которое мы называемъ «высшимъ», даетъ намъ не болѣе, а скорѣе менѣе возбужденія, чѣмъ удовольствіе сенсуалистическое, то, очевидно, термины «высшій» и «низшій» не могутъ быть примѣняемы къ области чувствъ. Другими словами, съ нашей точки зрѣнія *можетъ* быть сдѣлано различіе въ качествѣ удовольствій, такъ какъ мы смотримъ на удовольствіе, какъ на нѣчто совершенно отличное отъ ощущеній; но это различіе не можетъ быть дѣлаемо, если оставаться вѣрнымъ психологической теоріи Бентама. Въ этомъ отношеніи, какъ и въ нѣкоторыхъ иныхъ, Милль

допустилъ въ своей теоріи такое различіе, которое несовмѣстимо съ основнымъ планомъ его труда.

Съ другой стороны, является-ли человѣкъ вполнѣ эгоистическимъ созданіемъ? И да, и нѣтъ. Не подлежитъ сомнѣнію, что въ душѣ каждаго человѣка существуютъ зародыши себялюбія; но, по мнѣнію Милля, главнымъ базисомъ нашихъ нравственныхъ идей являются отношенія наши къ человѣчеству; а такъ какъ эти отношенія, въ общемъ, по природѣ своей симпатичны, то они не могутъ быть эгоистичны, а являются скорѣе альтруистическими. Изъ этого вытекаетъ, что чувство симпатіи или эгоистично само по себѣ (чего Милль, однако, нигдѣ не говоритъ), или-же что у человѣка существуютъ прирожденныя альтруистическія чувства, и что онъ вовсе не руководствуется исключительно своимъ личнымъ интересомъ. Насколько мало эволюціонисты согласны съ взглядами Милля, видно изъ трактата Герберта Спенсера «Данныя этики» и изъ «Науки объ этикѣ» Лесли-Стеффена. Согласно Стеффену, утилитаризмъ исходитъ изъ предположенія, что человѣкъ представляетъ собою нѣчто единообразное, какой-то бѣлый листъ бумаги, первобытный атомъ, всѣ свойства которыхъ зависятъ отъ обстоятельствъ, среди которыхъ онъ поставленъ. Далѣе, согласно тому-же ученію, общество представляетъ собою агломерацію, составленную изъ отдѣльныхъ атомовъ, называемыхъ людьми. Каждый человѣкъ стремится къ счастію, и такимъ образомъ счастіе является чѣмъ-то исчисляемымъ и дѣлимымъ на извѣстныя доли; поведеніе человѣка является безнравственнымъ или нравственнымъ сообразно тому, увеличиваются-ли, или уменьшаются препятствія, встрѣчаемыя имъ въ своей конкуренціи. Основная ошибка заключается здѣсь въ неспособности понять особенности въ ходѣ развитія и извѣстныя наклонности характера, а также невѣрное пониманіе истинной природы общества, представляющаго собою въ извѣстномъ отношеніи живой и развивающійся организмъ, а не простое сцѣпленіе независимыхъ атомовъ.

Въ томъ самомъ году, когда обнародована была книга объ «Утилитаризмѣ» (1861), Милль задумалъ заняться критическимъ разсмотрѣніемъ философіи сэра В. Гамильтона, но затѣмъ прервалъ эту работу, во-первыхъ, для того, чтобы совершить, лѣтомъ 1862 года, поѣздку въ Грецію и въ Малую Азію, а затѣмъ и будучи отвлеченъ отъ нея статьями о сѣверо-американской междоусобной

войнѣ и о Контѣ, ученія котораго онъ касался и въ прежнихъ своихъ трудахъ. По мѣрѣ ближайшаго ознакомленія съ трудомъ Гамильтона, онъ все болѣе и болѣе убѣждался въ метафизической и логической его несостоятельности. «Я самъ удивляюсь тому, — писалъ онъ Бэну, — до какой степени ближайшее знакомство съ нимъ повліяло на уменьшеніе уваженія моего къ этому человѣку и къ его труду. Я вовсе не ожидалъ найти въ немъ такое множество противорѣчій. Но мнѣ непріятно выступать противъ него послѣ его смерти, не сдѣлавъ этого при жизни его». Предположенная имъ въ началѣ статья по этому предмету разрослась въ цѣлую книгу, которая и появилась въ свѣтъ въ 1865 году. Это не только критика извѣстной системы мышленія, но и изложеніе своей собственной системы. Милль самъ говоритъ, что этотъ трудъ далъ ему случай договорить то, что осталось недоговореннымъ въ его «Логикѣ», и изложить основы раціональной психологіи. Наиболѣе интересными и содержательными являются главы 11-я, 12-я и 13-я, касающіяся нашихъ взглядовъ на внѣшній міръ, на самихъ себя и на первобытныя свойства матеріи. Особенно обстоятеленъ и глубокъ его анализъ тѣхъ ступеней, черезъ которыя мы проходимъ при познаваніи обширнаго, матеріальнаго, лежащаго внѣ насъ, міра. Матерію онъ опредѣляетъ, какъ «постоянную возможность ощущенія», — и это опредѣленіе показываетъ, что Милль вполнѣ принималъ теорію Берклея. Не малый интересъ этимъ главамъ придаетъ также и то, что Милль здѣсь довольно близко подходитъ къ взглядамъ идеалистовъ, сводящихъ всѣ наши познанія относительно внѣшняго міра къ субъективнымъ впечатлѣніямъ мыслящаго существа. Словомъ, здѣсь Милль, сознательно или безсознательно, занялъ положеніе какъ-бы среднее между эмпиризмомъ Локка и Юма и идеализмомъ германской школы.

Полемическая сторона этой книги направлена главнымъ образомъ противъ такъ называемой «философіи условнаго», проповѣдываемой Гамильтономъ и Манселемъ. Весьма вѣроятно, что взгляды Манселя на религіозныя вѣрованія, выраженные въ его извѣстныхъ «Бамптонскихъ лекціяхъ», вызвали нѣкоторую, вообще не свойственную Миллю, ѣдкость критики въ этомъ его трудѣ. Самый слогъ Милля отличается здѣсь особенной возвышенностью, граничащей съ возбужденіемъ. Здѣсь, между прочимъ, въ концѣ седьмой

главы, встрѣчается знаменитая фраза, которая была прописана огромными буквами надъ эстрадой Вестминстерскаго митинга, когда Милль выступалъ здѣсь кандидатомъ въ члены парламента: «Если за подобныя мысли я долженъ буду отправиться въ адъ—я охотно пойду въ адъ». Гротъ назвалъ эти слова Прометеевымъ вызовомъ Зевсу; политическіе противники не замедлили воспользоваться ими въ полемическихъ видахъ.

Во время этихъ литературныхъ работъ Милль жилъ большею частью въ Авиньонѣ, гдѣ онъ снова обрѣлъ полнѣйшую бодрость духа. «Здѣшняя жизнь, — писалъ онъ другу своему Торнтону,— лишена всякихъ внѣшнихъ событій и похожа на вѣчный праздникъ. Однимъ изъ преимуществъ высшей цивилизаціи является то, что человѣкъ, совершенно устраняясь отъ житейской сутолоки и житейскихъ дрязгъ, все-же не разрываетъ связи съ внѣшнимъ міромъ, благодаря газетамъ, журналамъ, новымъ книгамъ и т. д. Особенно счастливъ тотъ, кто, подобно мнѣ, можетъ исполнять свои обязанности относительно своихъ согражданъ, не только не хуже, но даже еще лучше, находясь не среди ихъ, а вдали отъ ихъ общества».

VIII.

Милль въ парламентѣ.

«Намъ всѣмъ хорошо были извѣстны,—писалъ Гладстонъ въ одномъ частномъ письмѣ,—выдающіяся способности и умъ Милля гораздо ранѣе его вступленія въ парламентъ. Но здѣсь особенно ярко обнаружилась—по крайней мѣрѣ для меня—его свѣтлая моральная личность. Еще въ то время, болѣе двадцати лѣтъ тому назадъ, я назвалъ его «святымъ раціоналистомъ»; но эти слова далеко не полно и не точно выражаютъ мою мысль. Онъ былъ чуждъ всѣхъ тѣхъ мотивовъ, которыми обусловливается дѣятельность почти всѣхъ, безъ исключенія, парламентскихъ дѣятелей. Его рѣчи были не обыкновенныя парламентскія рѣчи, а проповѣди. Съ другой стороны, будучи глубокимъ мыслителемъ, онъ былъ, однако, чуждъ свойственныхъ многимъ философамъ странностей: въ немъ соединялись, на мой взглядъ, здравый смыслъ и практическая смѣтливость политика съ независимостью мысли философа. Въ интересахъ палаты общинъ я обрадовался вступленію

его въ нее и сожалѣлъ объ его удаленіи. Онъ служилъ украшеніемъ ея. Я съ прискорбіемъ долженъ сознаться въ томъ, что подобные люди — крайне рѣдки среди всѣхъ партій». — Но не всѣ сходились въ этомъ отношеніи со взглядами Гладстона. Нѣкоторые изъ друзей его, ради него самого, сожалѣли о вступленіи его въ палату, полагая, что онъ могъ бы принести гораздо большую пользу и занять гораздо болѣе почетное мѣсто въ сферѣ интеллигентной, чѣмъ политической; не смотря на то, что его серьезность, отзывчивость и искренность его убѣжденій всѣми признавались и всѣ отдавали имъ должное, эти друзья его желали бы для него другихъ, болѣе блистательныхъ успѣховъ, такъ какъ они видѣли въ немъ лучшаго представителя либеральнаго образа мыслей, каковую роль онъ, однако, никогда не игралъ въ палатѣ. Само собою понятно, что консерваторы смотрѣли косо на вступленіе его въ парламентъ, въ ряды тамошней либеральной партіи.

Предложеніе выступить кандидатомъ либеральной партіи отъ Вестминстера сдѣлалъ ему, отъ имени этой партіи, Джемсъ Биль въ 1865 году. Это было, впрочемъ, не первое предложеніе такого рода. Еще болѣе, чѣмъ за 10 лѣтъ тому назадъ гг. Люкасъ и Дэффи предлагали ему провести его въ парламентъ представителемъ отъ одного изъ ирландскихъ графствъ, въ виду извѣстныхъ взглядовъ его по ирландскому вопросу; но такъ какъ онъ занималъ въ то время оффиціальную должность въ остъ-индской компаніи, то предложеніе это было отклонено. Теперь обстоятельства измѣнились. Вестминстерскій округъ всегда имѣлъ притязаніе на то, чтобы представителями его были люди не заурядные, и въ спискѣ его представителей мы встрѣчаемъ такихъ людей, какъ сэръ Фрэнсисъ Бэрдеттъ, Кохрэнъ, другъ Байрона Гобгоузъ, и сэръ Лэси-Эвансъ; теперь этотъ округъ пожелалъ присоединить къ этимъ именамъ имя Джона Стюарта Милля. Въ отвѣтъ на обращенное къ нему приглашеніе, Милль написалъ открытое письмо, о которомъ онъ самъ отзывался, что это было одно изъ самыхъ откровенныхъ объясненій кандидата съ своими избирателями. Онъ писалъ, что лично не чувствуетъ ни малѣйшаго желанія вступить въ парламентъ, и что къ тому же, по принципу, онъ врагъ всякихъ расходовъ на избирательную агитацію. Далѣе онъ писалъ, что, въ случаѣ избранія его, онъ не можетъ обѣщать

своимъ избирателямъ посвящать хотя бы малѣйшую часть своего времени и своихъ трудовъ ихъ мѣстнымъ интересамъ. Онъ заранѣе отказывался также отвѣчать на какіе-либо запросы по поводу его религіозныхъ убѣжденій и объявлялъ, что, по его глубокому убѣжденію, женщины имѣютъ такое же право на представительство, какъ и мужчины. «Ничего не можетъ быть неправдоподобнѣе того, — писалъ Милль, — чтобы когда-либо могъ быть избранъ кандидатъ, взглядъ и убѣжденія котораго такъ радикально расходятся съ господствующими взглядами и убѣжденіями. Одинъ очень извѣстный литераторъ какъ-то довольно остроумно выразился, что при такихъ условіяхъ не былъ бы избранъ самъ Господь Богъ. Я вполнѣ присоединяюсь къ его мнѣнію, повторяя, что я не буду ни тратить денегъ, ни добиваться голосовъ, ни принимать какое-либо личное участіе въ выборахъ, ограничиваясь тѣмъ, что за недѣлю до выборовъ я готовъ въ публичномъ митингѣ изложить мои принципы и отвѣтить на тѣ вопросы, которые моимъ избирателямъ угодно будетъ предложить мнѣ».—Не смотря на все это, Милль былъ избранъ большинствомъ нѣсколькихъ сотъ голосовъ противъ числа гососовъ, полученныхъ его консервативнымъ конкурентомъ. Особенно любопытенъ одинъ эпизодъ въ исторіи этихъ выборовъ. На одномъ изъ митинговъ, состоявшихъ преимущественно изъ представителей рабочихъ классовъ, Милля спросили, правда-ли, что въ одномъ изъ своихъ сочиненій онъ отозвался довольно пренебрежительно о способности рабочихъ къ политической дѣятельности? Здѣсь разумѣлось, очевидно, одно мѣсто въ его «Мысляхъ о парламентской реформѣ», и Милль, нимало не колеблясь, отвѣтилъ лаконически: «Да, я сдѣлалъ это». Это мужественное признаніе его вызвало бурю рукоплесканій въ собраніи. Говорившій тотчасъ же послѣ Милля рабочій Оджеръ объявилъ, тоже вызвавъ рукоплесканія, что рабочіе классы отнюдь не желаютъ, чтобъ умалчивали о ихъ недостаткахъ, что имъ нужны друзья, а не льстецы, и что они очень благодарны тѣмъ, кто искренне и доброжелательно указываетъ имъ пути къ исправленію. «Здѣсь я еще разъ убѣдился въ томъ, — пишетъ Милль,— что прямота и искренность являются лучшей рекомендаціей въ глазахъ рабочихъ классовъ; никакія другія достоинства не могутъ перевѣсить въ ихъ мнѣніи этихъ существенныхъ качествъ».

Первая парламентская сессія, въ которой пришлось принять

участіе Миллю, была послѣднею въ политической карьерѣ лорда Джона Росселя. Послѣ смерти Пальмерстона, послѣдовавшей осенью 1865 года, во главѣ министерства сталъ бывшій и прежде членомъ его Россель, причемъ Гладстонъ сдѣлался канцлеромъ казначейства и лидеромъ палаты общинъ, а сэръ Чичестеръ-Фортескью — статсъ-секретаремъ по дѣламъ Ирландіи. Въ то время ходилъ слухъ, что должность статсъ-секретаря по дѣламъ Остъ-Индіи будетъ предложена Миллю, какъ человѣку близко знакомому съ этимъ дѣломъ вслѣдствіе своей продолжительной службы въ остъ-индской компаніи, но слухъ этотъ не оправдался. Первая парламентская сессія, въ которой участвовалъ Милль, посвящена была, главнымъ образомъ, дѣламъ Ямайки, волненіямъ, вызваннымъ ирландскими феніями, и наконецъ биллю объ избирательной реформѣ, отклоненіе котораго и вызвало паденіе министерства. Во всѣхъ этихъ преніяхъ Милль принималъ дѣятельное участіе. При первомъ же голосованіи, касавшемся облегчительныхъ мѣръ для Ирландіи, предложенныхъ однимъ изъ ирландскихъ депутатовъ, только пять представителей Англіи и Шотландіи подали голоса въ пользу этихъ мѣръ, и въ числѣ этихъ пяти представителей мы находимъ имена Милля и Джона Брайта. Въ первый разъ онъ говорилъ въ парламентѣ по поводу второстепеннаго вопроса о мѣрахъ противъ чумы рогатаго скота, во второй—по поводу внесеннаго 16-го февраля 1866 года предложенія объ отмѣнѣ въ Ирландіи дѣйствія закона «Habeas corpus». Высказанныя имъ при этомъ симпатіи ирландцамъ вызвали такое сильное негодованіе въ палатѣ, что онъ рѣшился нѣкоторое время не выступать публично въ парламентѣ. Съ большимъ вниманіемъ была выслушана рѣчь его, произнесенная въ пользу Гладстоновскаго билля о реформѣ, предлагавшаго понизить избирательный цензъ въ графствахъ съ 50 ф. ст. до 14, а въ городахъ — съ 10 до 7. Милль выступилъ въ своей рѣчи защитникомъ рабочихъ классовъ противъ различныхъ нареканій, предметомъ которыхъ они сдѣлались во время преній. Онъ доказывалъ, что интересы этихъ классовъ никогда не могутъ быть въ достаточной мѣрѣ истолкованы и проведены, если классы эти не будутъ пользоваться болѣе широкимъ и непосредственнымъ представительствомъ въ парламентѣ. Онъ ссылался, въ защиту демократическихъ принциповъ, на примѣръ Соединенныхъ Штатовъ и доказывалъ, что рабочіе классы исправятся отъ своихъ

недостатковъ даже скорѣе и охотнѣе другихъ классовъ, если только указать имъ на нихъ дружескимъ и благожелательнымъ образомъ. Слѣдующій парламентскій успѣхъ онъ одержалъ при обсужденіи билля о распредѣленіи налоговъ. Сэръ Джонъ Пакингтонъ упрекнулъ его въ томъ, что онъ въ своихъ «Размышленіяхъ о представительномъ правительствѣ» назвалъ консервативную партію «глупою». На это Милль возразилъ, что ему никогда и въ голову не приходило называть всю консервативную партію глупою; онъ замѣтилъ только, что глупые люди бываютъ обыкновенно консервативны, «а противъ этого мнѣнія,—продолжалъ онъ,—врядъ-ли будетъ спорить кто-либо изъ засѣдающихъ здѣсь джентльменовъ; а затѣмъ,—иронически продолжалъ онъ,—я предоставляю моему почтенному оппоненту судить о томъ, можетъ-ли, въ совокупности своей, быть умной партія, состоящая преимущественно изъ глупыхъ людей. Я готовъ даже сдѣлать почтенному джентльмену еще одну уступку и объявить, что если глупость имѣетъ наклонность къ консерватизму, то поверхностное знаніе, полу-образованіе имѣютъ наклонность къ либерализму. Но такъ какъ полу-образованные люди представляютъ собою нѣчто гораздо менѣе опредѣленное и осязаемое, чѣмъ люди глупые, то и опасность, которую они собою представляютъ, не такъ велика. Глупые же люди представляютъ собою силу во всякомъ случаѣ болѣе сплоченную, и съ ея помощью консерваторы одержали не одну побѣду». Немного времени спустя консервативная партія заступила мѣсто либеральной, и вожакъ ея Дизраэли какъ бы поспѣшилъ подтвердить справедливость словъ Милля, объявивъ, что онъ считаетъ необходимымъ «воспитать свою партію».

Но самымъ крупнымъ событіемъ въ парламентской карьерѣ Милля, доставившимъ ему одновременно и громкую извѣстность, и непопулярность, было сдѣланное имъ въ 1866 году предложеніе о возбужденіи судебнаго преслѣдованія противъ губернатора Ямайки Эйра, за его образъ дѣйствій во время возстанія на этомъ островѣ. Возстаніе это происходило въ предшествующемъ году, и хотя вначалѣ большинство англичанъ радовались быстротѣ, съ которою оно было подавлено, однако, впослѣдствіи обнаружилось, что это было достигнуто при помощи самой вопіющей и ненужной жестокости. Негодованіе это достигло такихъ размѣровъ, что правительство само сочло необходимымъ отправить въ Ямайку коро-

левскую слѣдственную коммисію и отозвать Эйра съ его поста. Послѣ полученія доклада коммисіи негодованіе еще больше усилилось, такъ какъ обнаружилось, что еще долгое время спустя послѣ подавленія возстанія негровъ продолжали вѣшать, жечь, бить плетьми, и вообще мѣстныя власти совершенно разнуздались. Мужчинъ вѣшали, женщинъ насиловали просто потому, что они попались не въ добрый часъ на глаза какому-нибудь пьяному солдату. Оказалось, что казнено было 439 человѣкъ, а плетьми наказано болѣе шести сотъ человѣкъ обоего пола. Особенныя нареканія сыпались на Эйра за то, что онъ казнилъ Гордона, предполагаемаго вождя возстанія, такъ какъ человѣкъ этотъ былъ арестованъ въ Кингстонѣ, гдѣ не было объявлено осаднаго положенія, и нарочно отвезенъ въ Морантъ-Бэй, для того чтобы его можно было судить тамъ по военно-полевымъ законамъ; самая военно-судная коммисія, приговорившая его къ смерти, составлена была изъ двухъ флотскихъ лейтенантовъ и прапорщика одного изъ вестъ-индскихъ полковъ. Самъ верховный судья Кокбэрнъ называлъ этотъ судъ вопіющей несправедливостью. По этому вопросу все, что было въ Англіи выдающагося въ интеллигентныхъ сферахъ, распалось на два лагеря: Карлейль, Теннисонъ, Кингслей, Рэскинъ и вожаки консервативной партіи стали на сторону Эйра; во главѣ другой партіи находились: Милль, Гербертъ Спенсеръ, профессоръ Гэксли, Фредерикъ Гаррисонъ, Гольдвинъ Смитъ, Брайтъ и другіе политическіе дѣятели, принадлежавшіе къ либеральной партіи. Послѣдняя изъ этихъ партій образовала изъ своей среды особый Ямайскій комитетъ, предсѣдателемъ котораго былъ избранъ Чарльсъ Бэкстонъ, а вице-предсѣдателемъ—Милль. Карлейль и его сторонники, всѣ тѣ, которые относились съ величайшимъ презрѣніемъ къ этимъ «проклятымъ неграмъ», доказывали, что Эйръ, въ минуту всеобщей паники, своей энергіей спасъ островъ. Они не отрицали того, что для этого пришлось принять жестокія мѣры; но они доказывали, что въ данномъ случаѣ предстояла необходимость предотвратить всеобщій взрывъ, хотя бы и цѣною крайней суровости. Партія, во главѣ которой стоялъ Милль, руководилась самыми гуманными соображеніями, стремясь къ тому, чтобы смыть съ Англіи пятно безполезной и нечеловѣчной жестокости. Недавно умершій оксфордскій профессоръ Гринъ выразился въ то время, по поводу этого спора, что

онъ гораздо больше желалъ бы въ то время быть Миллемъ, чѣмъ Карлейлемъ. Хотя тогдашній образъ дѣйствій Милля по этому вопросу и сдѣлалъ его непопулярнымъ среди консервативныхъ круговъ, но всякій мыслящій человѣкъ признаетъ, что та точка зрѣнія, на которую онъ сталъ по этому вопросу, свидѣтельствуетъ о возвышенности и благородствѣ его ума и сердца. Милль самъ признавалъ, что парламентская рѣчь его, въ которой онъ требовалъ назначенія судебнаго слѣдствія по поводу ямайскихъ событій, была лучшею изъ всѣхъ его рѣчей. Немалымъ удовлетвореніемъ для него было то, что въ данномъ случаѣ его поддержалъ авторитетъ такого высокопоставленнаго и уважаемаго въ Англіи лица, какъ верховный судья Кокбэрнъ.

Вскорѣ послѣ того имя Милля снова стало повторяться всюду по поводу его парламентской дѣятельности. Министерство Росселя и Гладстона было низвергнуто принятіемъ предложенія лорда Донкеллина по поводу вопроса о реформѣ, и замѣнено министерствомъ Дерби-Дизраэли. Многіе изъ сторонниковъ реформы въ Лондонѣ, недовольные этимъ оборотомъ дѣла, рѣшились созвать громадный митингъ въ Гайдъ-паркѣ. Во главѣ этого движенія стоялъ Эдмондъ Бэльсъ, человѣкъ въ высшей степени рѣшительный. Министръ внутреннихъ дѣлъ Вальполь издалъ прокламацію, запрещавшую этотъ митингъ. Имѣло-ли правительство право принимать эту предупредительную мѣру, или нѣтъ—это, быть можетъ, вопросъ спорный; но вожаки реформистской партіи, не будучи допущены въ Гайдъ-паркъ, не нарушая порядка, перенесли митингъ въ Трафальгаръ-скверъ. Тѣмъ временемъ толпа, стоявшая у входа въ паркъ, состоявшая частью изъ людей, сочувствовавшихъ митингу, частью изъ совершенно постороннихъ зрителей, недовольная мирнымъ исходомъ дѣла, сорвала свою злобу на томъ, что поломала желѣзную рѣшетку парка, и, не смотря на сопротивленіе полиціи, топтала цвѣточныя клумбы въ теченіе нѣсколькихъ часовъ. На слѣдующее утро Бэльсъ и его друзья отправились къ Вальполю и упрекали его въ томъ, что онъ явился главнымъ виновникомъ безпорядковъ предшествовавшаго дня. Сэръ Вальполь обѣщалъ имъ, что на будущее время право сходокъ не будетъ больше нарушаемо.

Теперь на сцену выступаетъ Милль. Онъ до сихъ поръ постоянно принималъ въ парламентѣ сторону рабочихъ; теперь ему

представился новый случай явиться защитникомъ ихъ правъ. Нужно замѣтить, что негодованіе рабочихъ по поводу столкновенія между ними и властями достигло крайнихъ предѣловъ. По словамъ Милля, многіе изъ нихъ высказывали намѣреніе сдѣлать новую попытку къ устройству митинга въ Гайдъ-паркѣ, причемъ предполагалось явиться на сходку съ оружіемъ въ рукахъ. Правительство, съ своей стороны, готовилось воспрепятствовать тому, хотя бы даже съ помощью вооруженной силы, и можно было опасаться серьезныхъ столкновеній. Вотъ что Милль пишетъ по этому поводу въ своей автобіографіи: «Я счелъ своимъ долгомъ сдѣлать все, что отъ меня зависитъ, для предупрежденія большого несчастья. Меня и нѣкоторыхъ другихъ радикальныхъ членовъ парламента пригласили на совѣщаніе комитета реформистскаго союза; я старался убѣдить ихъ, чтобъ они отказались отъ мысли о созваніи митинга въ Гайдъ-паркѣ и избрали для того другое мѣсто. Бэльса и полковника Диксона нетрудно было убѣдить; напротивъ, сразу же видно было, что оба они стремились оказать вліяніе въ томъ же смыслѣ, хотя до сихъ поръ и безуспѣшно. Но рабочіе упорствовали и я нашелся вынужденнымъ прибѣгнуть къ крайнему средству. Я объявилъ имъ, что такой образъ дѣйствій, который неизбѣжно долженъ вызвать столкновеніе съ вооруженной силой, можетъ найти себѣ оправданіе только при двухъ условіяхъ: если положеніе дѣлъ таково, что революція представляется желательной, и если они считаютъ себя достаточно сильными, чтобы совершить таковую. Послѣ нѣкотораго противорѣчія, они сдались, наконецъ, на эти аргументы, и я имѣлъ возможность увѣдомить сэра Вальполя, что они отказались отъ своего намѣренія. Никогда я не забуду тѣхъ горячихъ словъ, въ которыхъ онъ выразилъ мнѣ свою благодарность». Но какъ бы въ видѣ вознагражденія за эти уступки, Милль счелъ нужнымъ созвать сходку вожаковъ реформистской лиги, которая и состоялась въ залѣ земледѣльческаго общества. Впрочемъ, самъ онъ никогда не былъ членомъ этой лиги, расходясь нею по двумъ существеннымъ пунктамъ: онъ не признавалъ пользы ни всеобщей подачи голосовъ, ни закрытой баллотировки.

Въ сессію 1867 года торійское министерство представило свой билль о парламентской реформѣ. Это была сессія, названная очень мѣтко «скачкомъ въ потемки», та сессія, въ которую Дизраэли успѣлъ уже до того обработать свою партію, что заставилъ ее

принять мѣру, шедшую гораздо дальше мѣръ, предложенныхъ въ предшествовавшемъ году либеральнымъ министерствомъ. Милль немало способствовалъ проведенію тѣхъ многочисленныхъ измѣненій и улучшеній, вынужденныхъ у правительства и, главнымъ образомъ, у двуликаго канцлера казначейства (Дизраэли). Милль поддерживалъ поправку, предоставлявшую право голоса лицамъ, платившимъ не менѣе 10 ф. ст. арендной или наемной платы въ годъ; но по этому вопросу правительство одержало побѣду большинствомъ 66 голосовъ.

Затѣмъ Милль выступилъ съ одною изъ излюбленныхъ своихъ темъ: онъ предложилъ предоставить право голоса и женщинамъ Правда, это требованіе было поставлено не безусловно, но мотивировалось участіемъ женщинъ во взносѣ податей и налоговъ: тѣ женщины, которыя самостоятельно несутъ извѣстныя повинности по отношенію къ государству, должны пользоваться и правомъ голоса. Онъ требовалъ, чтобы женщинъ не ставили болѣе на ряду съ идіотами, сумасшедшими и дѣтьми относительно пользованія гражданскими и политическими правами, чтобы ихъ признали равными мужчинамъ по уму, а слѣдовательно и предоставили имъ одинаковыя права; кстати онъ требовалъ также устраненія тѣхъ ограниченій, которыя существовали до сихъ поръ относительно пользованія ими имущественными правами и относительно допущенія ихъ къ различнымъ профессіямъ. Поправка эта, къ которой многіе сначала отнеслись насмѣшливо, была, однако, такъ блистательно мотивирована Миллемъ въ его рѣчи, что за нее высказалось 73 члена парламента, причемъ большинство, высказавшееся противъ нея, не превышало 123 голосовъ. Впослѣдствіи Милль затронулъ въ парламентѣ вопросъ о представительствѣ меньшинства и поддерживалъ сэра Лоу по вопросу о совмѣстительномъ голосованіи. По всѣмъ этимъ вопросамъ онъ оставался совершенно вѣренъ тѣмъ взглядамъ, которые онъ проводилъ раньше въ своихъ сочиненіяхъ.

До сихъ поръ я еще не касался важной роли, которую игралъ Милль въ парламентѣ относительно ирландскаго вопроса, причемъ онъ относился всегда въ высшей степени сочувственно къ справедливымъ требованіямъ ирландцевъ. Выше уже упомянуто было о томъ, что въ 1866 году въ Ирландіи, по случаю волненія феніевъ, отмѣнено было дѣйствіе закона «Habeas corpus». Во время

происходившихъ по этому поводу преній Милль произнесъ рѣчь, въ которой онъ сравнивалъ образъ дѣйствій правительства съ образомъ дѣйствій капитана корабля или школьнаго учителя, не умѣющихъ поддерживать дисциплину иначе, какъ при помощи строгихъ мѣръ: въ подобныхъ случаяхъ самое постоянство въ необходимости приниманія строгихъ мѣръ доказываетъ несостоятельность своей системы. Другая рѣчь произнесена была по поводу предложенія статсъ-секретаря по дѣламъ Ирландіи, сэра Фортескью, относительно мѣръ къ установленію болѣе правильныхъ отношеній между землевладѣльцами и фермерами. Въ своей «Автобіографіи» онъ самъ называетъ эту свою рѣчь «тщательно составленною». По его мнѣнію, примѣненіе тѣхъ же самыхъ законовъ и къ Англіи, и къ Ирландіи, свидѣтельствуетъ о томъ, что англичане не только не знакомы съ характеромъ и особенностями ирландцевъ, но незнакомы даже и сами съ собою. Онъ доказывалъ, что исключительною страною является не Ирландія, а Англія, и что въ первой изъ нихъ съ гораздо большимъ основаніемъ могутъ быть примѣнены, въ отношеніи къ землевладѣнію, тѣ порядки, которые существуютъ въ значительной части материка, чѣмъ существующіе въ Англіи. Эта рѣчь, равно какъ и другая, произнесенная нѣсколько времени спустя, была распубликована въ Ирландіи, не самимъ Миллемъ, но все же съ его согласія. Въ 1867 году произошли возстаніе феніевъ и судъ надъ вожаками феніевъ. Одинъ изъ послѣднихъ, полковникъ Боркъ, съ отличіемъ служившій въ рядахъ сѣверо-американскихъ сецессіонистовъ, былъ приговоренъ къ смерти (въ маѣ 1867 года). Многіе полагали, что строгость военнаго суда подлежала смягченію; по этому поводу въ Сенъ-Джемсъ-Галлѣ происходилъ большой митингъ, на которомъ Милль произнесъ блестящую рѣчь, вызвавшую шумныя рукоплесканія со стороны присутствующихъ, большею частью англичанъ-рабочихъ. Рѣчь эта достигла своей цѣли, и министерство Дерби предложило королевѣ смягчить смертный приговоръ. Освобожденіе лицъ, арестованныхъ въ Манчестерѣ, и взрывъ Клеркенвельской тюрьмы, произошедшіе въ концѣ того же года, снова подняли ирландскій вопросъ и, какъ теперь извѣстно, впервые побудили Гладстона обратить на него самое серьезное вниманіе. Милль въ концѣ 1867 года написалъ политическій памфлетъ, подъ заглавіемъ «Англія и Ирландія», который появился

въ свѣтъ въ слѣдующемъ году. Въ сессію 1868 года, когда, послѣ удаленія отъ дѣлъ графа Дерби, Дизраэли сдѣлался первымъ министромъ, одинъ изъ представителей отъ графства Коркъ, Магвайръ, поднялъ (въ засѣданіи 16 марта) вопросъ о положеніи Ирландіи, причемъ онъ указалъ, между прочимъ, на ненормальное положеніе ирландской церкви. Нѣсколько дней спустя по этому вопросу высказался въ парламентѣ Милль. Онъ выразилъ сожалѣніе о томъ, что до сихъ поръ ничего не сдѣлано для урегулированія поземельныхъ отношеній въ Ирландіи, и выразилъ рѣзкое порицаніе продолжающемуся еще существованію «государственной церкви» въ Великобританіи, находя, что въ этихъ двухъ словахъ кроется величайшее внутреннее противорѣчіе. Употребленныя имъ при этомъ случаѣ слова, что «только широкія и смѣлыя мѣры могутъ исцѣлить Ирландію», сдѣлались какъ бы пророческими, что̀ и обнаружилось въ слѣдующую же сессію.

Въ сессію 1866 года Милль произнесъ еще блестящую рѣчь, въ которой онъ доказывалъ необходимость уплатить англійскій національный долгъ прежде, чѣмъ будетъ истощено богатство Англіи въ минеральномъ топливѣ; при этомъ случаѣ онъ остроумно коснулся обязанностей нашихъ относительно нашего потомства. Онъ состоялъ также членомъ образованной, подъ предсѣдательствомъ Эйртона, коммиссіи для обсужденія муниципальной реформы. При министерствѣ Дизраэли онъ произнесъ (въ 1868 году) рѣчь въ пользу отмѣны смертной казни. Наконецъ, по вопросу о крейсерѣ «Алабама» онъ требовалъ назначенія особой смѣшанной коммиссіи для опредѣленія убытковъ, понесенныхъ Соединенными Штатами. Послѣ того Гладстономъ были предложены извѣстныя резолюціи его относительно ирландской церкви, которыя повели къ распущенію парламента и къ назначенію новыхъ общихъ выборовъ, которые и произведены были слѣдующею зимою. Миллю пришлось уступить свое мѣсто въ Вестминстерѣ сэру Смиту (который съ тѣхъ поръ сдѣлался лидеромъ консервативной партіи въ палатѣ общинъ), и онъ немедленно послѣ того удалился на жительство въ Авиньонъ.

Нетрудно объяснить причины неудачи, постигнувшей Милля въ 1868 году. Быть можетъ избиратели не захотѣли имѣть своимъ представителемъ философа; быть можетъ и самъ философъ выдѣлялся изъ окружавшей его посредственности своею «эксцен-

тричностью». Несомнѣнно, что Милль во многихъ отношеніяхъ обманулъ надежды своихъ сторонниковъ, хотя еще довольно сомнительно, насколько основательны были эти ожиданія. Онъ, какъ онъ самъ соглашается, былъ совершенно послѣдователенъ въ своихъ либеральныхъ требованіяхъ, и въ этомъ отношеніи часто шелъ гораздо дальше, чѣмъ большинство такъ называемыхъ англійскихъ либераловъ. Кромѣ того, онъ завѣдомо принялъ участіе въ подпискѣ на покрытіе расходовъ по избранію Брэдло; а такая открытая симпатія интересамъ рабочихъ классовъ была не по вкусу его вестминстерскимъ избирателямъ.

Многіе сожалѣли о томъ, что Милль такимъ образомъ лишенъ былъ возможности принять участіе въ либеральномъ министерствѣ 1869 года, въ особенности въ интересахъ большей моральности публичной дѣятельности. Дѣйствительно, относительно Милля нельзя сказать, чтобы, какъ выражаются французы, «политика являлась великой развратительницей»; онъ вступилъ въ ея область, по примѣру многихъ, съ самыми чистыми убѣжденіями, и,—что встрѣчается уже гораздо рѣже,—удалился отъ нея съ убѣжденіями еще болѣе чистыми. Гладстонъ, особенно сблизившійся съ Миллемъ во время его парламентской дѣятельности,—между тѣмъ какъ другіе члены парламента, напротивъ, сторонились его,—былъ пораженъ возвышенностью и благородствомъ его характера. «Онъ всѣмъ намъ служилъ примѣромъ»,—отзывался о немъ Гладстонъ. Но природа, очевидно, не предназначала Милля для роли оратора и дебатера. Палата слушала его со вниманіемъ, но самъ онъ какъ бы исполнялъ тяжелый и непріятный трудъ, обращаясь къ ней. Онъ говорилъ медленно, и хотя, повидимому, спокойно, но, очевидно, затрудняясь въ пріисканіи выраженій, часто придумывая въ теченіе нѣсколькихъ минутъ подходящую фразу. Очень мѣтко о немъ выразился Гладстонъ: въ письмѣ своемъ, о которомъ упомянуто было въ началѣ этой главы, онъ хвалитъ Милля, какъ дебатера, «но въ его ораторской манерѣ не было ни теплоты, ни увлекательности. Физически онъ производилъ впечатлѣніе статуи».

IX.

Послѣдніе годы жизни Милля (1868—1873).

Пока Милль состоялъ членомъ парламента, парламентскія вакаціи были единственнымъ временемъ, когда онъ могъ продолжать свои литературные труды. Въ первую зиму послѣ своего избранія депутатомъ, онъ написалъ большую статью по поводу Гротовскаго «Платонъ и другіе товарищи Сократа», для чего, съ свойственной ему добросовѣстностью, онъ изучилъ всего Платона. Онъ работалъ также надъ новымъ изданіемъ своей «Логики», прибавивъ къ третьей книгѣ ея новые примѣры индуктивнаго метода. Во время слѣдующихъ вакацій (1866—1867 гг.) онъ написалъ обращеніе къ студентамъ коллегіи св. Андрея, которые, не спросившись его, избрали его своимъ ректоромъ. Д-ръ Бэнъ, человѣкъ въ этомъ дѣлѣ компетентный, называетъ это обращеніе ошибкою, такъ какъ Милль требовалъ здѣсь почти невозможнаго практически расширенія программы высшаго преподаванія; онъ исходилъ здѣсь, очевидно, изъ контовской классификаціи наукъ, требуя примѣненія ея къ университетскому преподаванію. Теоретически онъ, быть можетъ, былъ и правъ; но онъ, очевидно, упустилъ изъ виду практическія условія. Между прочимъ Милль выступаетъ въ этомъ обращеніи горячимъ защитникомъ свободы мышленія, что особенно понравилось студентамъ коллегіи св. Андрея.

Во время вакацій 1867 — 1868 гг. онъ занимался изданіемъ сочиненія отца своего «Анализъ человѣческаго ума», появившагося въ свѣтъ въ 1869 году. Этотъ трудъ, который онъ самъ называлъ «долгомъ своимъ передъ философіей и передъ памятью отца своего», онъ предпринялъ совмѣстно съ Бэномъ, Гротомъ и Финдлатеромъ; онъ говорилъ, что на этой работѣ отдыхаетъ «отъ парламентскихъ дѣлъ, или вѣрнѣе, отъ парламентскихъ полу-дѣлъ и бездѣлья». «Являясь классическимъ сочиненіемъ въ области эмпирической метафизики,—говоритъ онъ,—книга эта требуетъ, однако, нѣкотораго пересмотра и пополненія данными, добытыми новѣйшими научными изслѣдованіями, и тогда ее смѣло можно будетъ поставить во главѣ систематическихъ трудовъ по аналитической психологіи». Но самымъ замѣчательнымъ изъ всѣхъ трудовъ Милля

за этотъ періодъ его жизни слѣдуетъ считать сочиненіе его «О подчиненіи женщинъ», нѣкоторыя главы котораго написаны падчерицей Милля, г-жей Тайлоръ, на основаніи слышанныхъ ею по этому поводу разговоровъ между Миллемъ и его женой. Послѣ «Утилитаризма» Милля врядъ-ли какое-либо изъ сочиненій его вызвало столько возраженій и нападокъ, какъ это. Даже друзья его полагали, что онъ зашелъ слишкомъ далеко въ своей аргументаціи; и дѣйствительно, здѣсь слышится несвойственный вообще Миллю страстный тонъ. Онъ исходилъ изъ того основного начала, что равноправность женщинъ съ мужчинами разумѣется сама собою, и что не сторонники ея должны собирать доказательства въ подкрѣпленіе ея, а наоборотъ, противники—для опроверженія ея. Разъ право сильнаго отрицается въ политическихъ, гражданскихъ и экономическихъ отношеніяхъ вообще, странно было-бы руководствоваться имъ при опредѣленіи отношеній между обоими полами. Критики Милля, какъ, напримѣръ, сэръ Фитцджемсъ Стеффенъ, допуская, что мужчины злоупотребляютъ иногда своей властью, какъ, напримѣръ, въ постановленіяхъ закона относительно имущественнаго права замужнихъ женщинъ, доказывали, однако, что такъ какъ въ основѣ соціальныхъ отношеній вообще лежитъ сила, то, въ виду неравенства силъ, не можетъ существовать полнаго равенства между мужчинами и женщинами.

Въ 1869 году Милль задумалъ писать книгу о соціализмѣ, и быть можетъ въ этихъ видахъ тщательно изучалъ вопросъ о крестьянскомъ землевладѣніи и объ имуществахъ «неблагопріобрѣтенныхъ». Въ послѣдній разъ въ своей жизни онъ выступилъ въ общественной дѣятельности, произнеся, всего за нѣсколько мѣсяцевъ до своей смерти, публичную рѣчь въ «Ассоціаціи поземельной реформы». Но вообще онъ послѣдніе годы своей жизни проводилъ далеко отъ своей родины, въ Авиньонѣ. Въ письмѣ къ другу своему Торнтону онъ въ шуточномъ тонѣ описываетъ тамошнюю свою жизнь: «Елена (его падчерица, дочь г-жи Тайлоръ) привела въ исполненіе долго лелѣянный ею замыселъ: она купила мнѣ кресло-качалку и связала громадное одѣяло, чуть не въ тридцать футовъ длины, чтобы я могъ укутываться имъ, качаясь въ своей качалкѣ въ холодную или дождливую погоду; а такъ какъ терраса обходитъ вокругъ всего нашего дома, то мы съ Еленой и съ моимъ кресломъ-качалкой и совершаемъ ежедневно

по ней круговращательное движеніе, вмѣстѣ съ солнцемъ и въ погонѣ за нимъ. Кромѣ того Елена наполнила цѣлую комнату любимыми моими цвѣтами, а кстати разложила тутъ-же на столѣ всѣ мои книги по ботаникѣ, такъ что у насъ образовался настоящій ботаническій кабинетъ. Итакъ вы видите, что я блаженствую съ своимъ гербаріемъ, съ своимъ кресломъ-качалкой и съ своимъ круговращательнымъ движеніемъ; и вы можете представить себѣ, съ какимъ отвращеніемъ я вспоминаю о нашей палатѣ депутатовъ, которая, представляя собою, пожалуй, довольно комфортабельный клубъ, все-же никогда не могла-бы предоставить мнѣ такого комфорта, или, вѣрнѣе говоря, столько существенныхъ житейскихъ потребностей». Мы уже замѣтили выше, что Милль съ молодыхъ лѣтъ былъ страстнымъ ботаникомъ, и поэтому Авиньонъ, съ его роскошной растительностью, вполнѣ соотвѣтствовалъ его вкусамъ.

Въ 1871 году умеръ другъ его и его отца Гротъ, и былъ похороненъ въ Вестминстерскомъ аббатствѣ. Хотя Милль вообще былъ врагъ всякихъ торжественныхъ похоронъ, онъ, однако, не только явился на похороны, но и былъ въ числѣ лицъ, державшихъ кисти надгробнаго покрывала. Бэнъ разсказываетъ, что когда онъ вмѣстѣ съ Миллемъ возвращался съ похоронъ, послѣдній обратился къ нему со словами: «Вотъ скоро и меня понесутъ на кладбище, но только ужъ далеко не съ такой торжественностью». Ему было въ это время уже 67 лѣтъ отъ роду, онъ чувствовалъ замѣтный упадокъ силъ и энергіи и сознавалъ, что конецъ его близокъ. Онъ терпѣливо сносилъ неоднократные припадки болѣзни въ теченіе послѣдующихъ двухъ лѣтъ, и еще за нѣсколько дней до смерти совершилъ ботаническую экскурсію. Проболѣвъ всего дня два-три, онъ умеръ въ Авиньонѣ 8 мая 1873 года. Бэнъ сообщаетъ интересную подробность относительно его похоронъ. Милль очень сошелся съ протестантскимъ пасторомъ въ Авиньонѣ, человѣкомъ очень умнымъ и чуждымъ всякой узости взглядовъ. Пасторъ этотъ прочелъ молитву надъ его могилой, но затѣмъ самъ смутился и поспѣшилъ напечатать въ газетахъ письмо, въ которомъ онъ какъ бы извинялся по поводу этой дани уваженія, отданной памяти завѣдомаго скептика. Милль до самой своей смерти сохранилъ полную ясность мысли. Онъ самъ говаривалъ, что «когда человѣкъ не можетъ больше работать, насту-

паетъ ночь»: когда для него наступала вѣчная ночь и ему дали понять, что выздоровленіе его немыслимо, онъ спокойно замѣтилъ: «Что же, я свершилъ свое дѣло».

«Автобіографія» его, написанная частью въ 1861, частью послѣ 1870 года, вышла въ свѣтъ послѣ его смерти, и изъ нея каждый могъ усмотрѣть, какъ серьезна и вмѣстѣ съ тѣмъ какъ проста была жизнь человѣка, который умеръ такъ спокойно. Другое посмертное сочиненіе его «Этюды о религіи» вызвало бо́льшую сенсацію и дало новую пищу спорамъ, возникавшимъ уже при жизни его относительно его убѣжденій. Въ нѣкоторыхъ книга эта вызвала разочарованіе, другихъ обрадовала, третьихъ удивила. Во всякомъ случаѣ она не только не облегчаетъ намъ трудъ составленія себѣ вѣрнаго понятія о взглядахъ Милля на религіозные вопросы, но, напротивъ, еще болѣе затрудняетъ насъ въ этомъ отношеніи. Не слѣдуетъ, однако же, упускать изъ виду, что этотъ этюдъ составлялъ лишь первый набросокъ и не подвергался тому тщательному пересмотру, безъ котораго Милль не выпускалъ въ свѣтъ ни одного изъ своихъ сочиненій. По поводу перваго изъ этихъ этюдовъ, озаглавленнаго «Природа», Бэнъ замѣчаетъ, что слѣдуетъ имѣть въ виду то обстоятельство, что когда онъ былъ написанъ (между 1868 и 1870 гг.), новѣйшіе взгляды Дарвина на природу не успѣли еще сдѣлаться всеобщимъ достояніемъ. Милль, по словамъ Морлея, разсматриваетъ здѣсь, такъ сказать, поверхность природы, изучаетъ ее въ горизонтальномъ направленіи; между тѣмъ, какъ труды Дарвина и Герберта Спенсера даютъ намъ возможность изучить ее въ поперечномъ разрѣзѣ, прослѣдить различные слои историческаго развитія. Результатомъ этого послѣдняго метода изученія необходимо должно явиться то, что взглядъ Милля на роль человѣка въ природѣ долженъ значительно измѣниться. Второй этюдъ касается вопроса о пользѣ религіи, а третій—попытки позитивистовъ замѣнить нынѣшнюю религію—новой религіей человѣчества. Кэртней въ своей книгѣ подвергаетъ оба эти этюда подробному разсмотрѣнію, но мы не послѣдуемъ за нимъ по этому пути. Замѣтимъ только, что нѣкоторые критики нашли здѣсь значительное отступленіе отъ взглядовъ на религію, проводимыхъ Миллемъ въ прежнихъ его сочиненіяхъ, и утверждали, что въ послѣдніе годы своей жизни онъ сдѣлался человѣкомъ религіознымъ. Вѣрнѣе всего это, такъ называемое,

отступленіе отъ прежнихъ своихъ взглядовъ объясняется тѣмъ, что Милль, какъ мы имѣли случай замѣтить выше, былъ человѣкъ, обладавшій значительной сердечной теплотой и способный глубоко чувствовать; въ этихъ этюдахъ въ Миллѣ скорѣе сказывался человѣкъ чувства, чѣмъ холодный, безпощадный мыслитель. Для объясненія происхожденія этихъ его этюдовъ могутъ также служить слѣдующія слова, встрѣчающіяся въ его «Автобіографіи»: «Я думаю, что я стою выше многихъ моихъ современниковъ въ томъ отношеніи, что я всегда готовъ и способенъ учиться у другихъ; врядъ-ли найдется много такихъ людей, которые такъ добросовѣстно изучали бы то, что было когда-либо высказано противъ ихъ взглядовъ; я руководствуюсь при этомъ тѣмъ соображеніемъ, что даже ошибки и заблужденія могутъ немало способствовать выясненію истины. Я съ величайшею готовностью избралъ бы своимъ девизомъ девизъ Гете: «многосторонность».

Характеръ Милля былъ вообще въ высшей степени воспріимчивъ ко всякаго рода впечатлѣніямъ. Въ юности онъ подвергался вліянію Бентама и отца своего; затѣмъ наступилъ періодъ, когда онъ очень симпатизировалъ Стерлингу и Карлейлю, далѣе слѣдуетъ вліяніе г-жи Тайлоръ; а послѣ смерти его жены взгляды его, повидимому, стали снова возвращаться къ первоначальной исходной точкѣ. Эта его воспріимчивость дѣлаетъ его особенно симпатичнымъ и объясняетъ въ извѣстной мѣрѣ его стремленіе къ примирительной, посредничествующей роли; но она же придаетъ его взглядамъ нѣкоторую неустойчивость и приводитъ насъ къ конечному выводу, что онъ принадлежитъ къ переходному періоду въ области мышленія.

Въ умственной дѣятельности Милля была сторона разрушительная и сторона созидательная. Въ смыслѣ первой онъ дѣйствовалъ сообща съ отцомъ своимъ и съ Бентамомъ, и, какъ замѣчаетъ Бэнъ, нельзя представить себѣ болѣе могучаго тріо въ ниспроверженіи устарѣвшихъ взглядовъ. Въ смыслѣ строителя онъ стоитъ болѣе одиноко, хотя не подлежитъ сомнѣнію, что онъ подготовилъ почву и матеріалъ для новыхъ строителей. Обогативъ науку тщательно-обдуманной теоріей индукціи, набросавъ эскизъ новой науки—соціологіи, тщательно обсудивъ хорошія и дурныя стороны демократіи,—онъ несомнѣнно имѣлъ громадное вліяніе на современное поколѣніе; кромѣ того онъ будилъ мысль

современниковъ, онъ сдѣлалъ цѣнные вклады въ области логики, этики и политики. Мы ему во всякомъ случаѣ обязаны очень многимъ, и если въ немъ встрѣчаются слабыя стороны, то онѣ являются наслѣдіемъ восемнадцатаго вѣка, между тѣмъ какъ духъ девятнадцатаго вѣка сказался въ лучшихъ его трудахъ.

Ставя его очень высоко, какъ мыслителя, мы должны поставить его столько же высоко, какъ человѣка. Онъ подавалъ сооте чественникамъ своимъ блестящій примѣръ безкорыстія, гражданскаго мужества, гуманности. Нужно было немало мужества, чтобъ идти на перекоръ общественному мнѣнію по вопросамъ о сѣверо-американской войнѣ и о губернаторѣ Эйрѣ. Онъ искренно сочувствовалъ всяческому прогрессу и по мѣрѣ силъ своихъ поддерживалъ проводниковъ новыхъ идей. Вмѣстѣ съ тѣмъ это былъ человѣкъ, отличавшійся необыкновенною мягкостью въ сношеніяхъ съ людьми. (Поэтому, между прочимъ, немалое удивленіе вызвало то обстоятельство, что онъ былъ настолько невѣжливъ, что отказался принять прусскую кронпринцессу и сестру ея, принцессу Алису, когда онѣ выразили желаніе посѣтить его въ Авиньонѣ).

Когда распространилось извѣстіе о его смерти, всѣ согласились съ тѣмъ, что угасъ великій умъ. Но, какъ сказалъ самъ Милль за нѣсколько минутъ до своей смерти, «онъ совершилъ свое дѣло», и онъ имѣлъ полнѣйшее право проститься съ міромъ слѣдующими словами Сократа: «Благо тому человѣку, который не заботился въ теченіе своей жизни о радостяхъ и удовольствіяхъ своего тѣла, а искалъ только удовольствій и наслажденій, доставляемыхъ знаніемъ; который украсилъ душу свою такими драгоцѣнными камнями, какъ умѣренность, справедливость, мужество, благородство чувствъ и правдивость. Въ такомъ убранствѣ душа его готова начать свое міровое странствованіе, когда пробьетъ ея часъ».

Май, 1889 г.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

	стр.
Памяти Э. К. Ватсона	III
Прусское правительство и прусская конституція	1
Вопросъ объ улучшеніи быта рабочихъ въ Германіи	48
Рабочіе классы Англіи и манчестерская школа	143
Что такое великіе люди въ исторіи?	210
Авраамъ Линкольнъ	224
Стачки рабочихъ во Франціи и въ Англіи	267
Огюстъ Контъ и позитивная философія	306
Жизнь Дж. Стюарта Милля	393